

1196

1888

УСКРАМ

ПЯТЬ.

июль

Оставшееся небольшое количество полныхъ экземпляровъ «РУССКОЙ РѢЧИ» за 1880 годъ можно выписать черезъ редакцію журнала по 10 р. безъ пересылки и по 12 р. съ пересылкой. Экземпляры за 1879 годъ распроданы всѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ РѢЧЬ“
 въ 1881 году.

Журналъ „РУССКАЯ РѢЧЬ“ выходитъ въ С.-Петербурѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 листовъ и болѣе, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ: князя А. И. Васильчикова, Н. А. Вроцкаго, профессора А. Д. Градовскаго, Н. И. Бранова, А. В. Круглова, Евгенія Маркова, Л. К. Попова, А. Шардина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургѣ.	16 »
съ пересылкой	17 »
За границу: въ Европу,	} 18 »
Сѣверную Америку и Египеть.	
Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.	

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЬИМЪ:

	При подписаніи	въ 1 Мая.	въ 1 Сентября
безъ доставки.	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 »	5 »	4 »
съ пересылкой.	9 »	5 »	4 »

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала лишь городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или послали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

Іюль, 1881.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:
Средняя Подьяческая, № 1.

1881.

Δ
P Slav 605.15 ($\frac{1831}{7}$)
V

Kellit I

Типографія В. С. Блалшева (Екатер. каналъ, между Вознес. и Маринск. мост., № 90—1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ 1881.

	Стр.
I. БЕЗЪ ПРИСТАНИЩА.—Повѣсть.—Глава 4-ая.—В. Айдарова.	1
II. СРАВНЕНІЕ РУССКАГО ТАРИФА СЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ И НАШИ НУЖДЫ.—(Окончаніе).—Ф. Журова	20
III. БНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ ИЛИ ЗАЦѢПИНСКІЕ КАПИТАЛЫ.—Историческій романъ.—Часть вторая, глава IV-VII.—А. Шардина.	55
IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.—Борьба Чернышева съ донскими атаманами.—Глава III-я.—Н. Краснова.	108
V. САМОПОМОЩЬ ВЪ АНГЛІИ	130
VI. * *.—Стихотвореніе. — Александры Львовой	143
VII. НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.—Революція.—Книга 1-ая, глава I и II.—Иполита Тэна.—(Переводъ съ французскаго) .	145
VIII. СЕЛЬСКОЕ ПРАВОСУДІЕ.—(Еъ вопросу крестьянскаго устройства).—Евгенія Маркова	203
IX. КОНФИДЕНЦІАЛЬНЫЙ АГЕНТЬ.—Романъ Джамса Пайна.—Глава V-XII.—(Переводъ съ англійскаго)	240
X. ОБЗОРЪ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Л. К. Попова.	308
XI. ЕЪ СЫНУ.—Стихотвореніе.—Александры Львовой	326
XII. ПОПУЛЯРНЫЯ БЕСѢДЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕЧИТЬСЯ ПО ГОМЕОПАТИЧЕСКОМУ СПОСОБУ ВЪ ОТСУТСТВІЕ ВРАЧА.—Бесѣда вторая.—Доктора медицины В. фонъ-Дитмана	327

XIII. ЗЕМСКОЕ ДѢЛО.—Значеніе ревизіонныхъ комисій и ихъ дѣятельность въ органахъ мѣстнаго самоуправленія.—Замѣтка о раскольникахъ, какъ о земской силѣ.—Нѣсколько словъ по поводу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря 1880 года.	5
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Переимѣна военнаго министра и въ управленіи морскимъ вѣдомствомъ.—Современное состояніе нашего флота и его задачи въ Восточномъ океанѣ.—Заселеніе Усурійскаго края.—Вопросъ о кавказскомъ наместничествѣ.—Комисія свѣдущихъ людей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей и окончательному выкупу надѣловъ.—Предоставленіе крестьянскимъ обществамъ права аренды казенныхъ земель безъ залога, но за ручательствомъ волостнаго приговора	37
XV. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—Въ области зоологій.—(Значеніе общест-венности въ развитіи животныхъ организмовъ).—Эльпе . .	62
XVI. ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ ГОМЕОПАТІИ.	79
XVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	87

БЕЗЪ ПРИСТАНИЩА.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Свѣтадьци.

I.

О, жизнь русскаго эмигранта! проклятая, безнадежная, безрадостная жизнь! Эмигранты «всѣхъ племень и нарѣчій» что нибудь дѣлають на чужбинѣ, на чемъ нибудь отводятъ свою душу: ирландецъ—работаетъ и пьетъ; французъ—ухаживаетъ за женщинами, поетъ и работаетъ; нѣмецъ—работаетъ, потягивая пиво и утѣшаясь, по-своему, семейною жизнью. Одинъ только русскій эмигрантъ-работникъ—безъ работы и безъ умѣнья работать! Безполезный, никому ненужный трутень! Онъ «политиканствуетъ» и только! «политиканствуетъ» безъ толку, безъ смысла, безъ почвы подъ ногами! Дни его, тоскливые и сумрачные, проходятъ безъ живящаго труда, безъ ободряющаго досуга... Когда смерть, наконецъ, застучится въ дверь его мансарды, эмигрантъ исчезаетъ безслѣдно, какъ желтый листъ, уносимый осеннимъ вѣтромъ; нынче былъ—завтра пропалъ, и нѣтъ о немъ воспоминаній и некому проводить его до могилы... Жалкіе люди: измученныя самолюбія, надломленные характеры, боль-

ные физически и нравственно, нервные, желчные... Скука нестерпимая, немыслимая даже въ заброшенномъ, уѣздномъ городишѣ, давить и принижаетъ ихъ. Кружки, все заѣдающіе, беспощадные кружки, высасываютъ изъ нихъ послѣднія силы. Отъ скуки эмигранты болтаютъ. Подъ вліяніемъ кружка сплетничаютъ. И что это за болтовня... нескончаемая, однообразная, доводящая до презрѣнія къ самому себѣ, до отвращенія къ слушателямъ, болтовня не только безцѣльная, но еще фразистая и завѣдомо неискренняя. Среди безконечной пустоты и праздности скитальческой жизни, фраза становится всѣмъ; люди прикрываются ею, какъ маскою, и домучивая извѣрившееся сердце, стараются хотя на минуту обмануть себя и другихъ. Въ этомъ заколдованномъ кругу можно дожить до безумной ненависти къ лучшему другу, до слѣпой яростной злобы. Слетни, подозрѣнія, зависть, взаимныя обвиненія и упреки наполняютъ эту душливую атмосферу... Проклятая, безрадостная жизнь! Позади — грузъ разбитыхъ надеждъ, недовольство собою, бесплодно прошедшая молодость; впереди — мракъ, ранняя могила, самоубійство; въ настоящемъ — нужда, безработица, попрошайничество...

Разставшись съ Гаринимъ, Черняевъ снова погрузился въ этотъ омутъ. Вотъ ужъ два года, какъ онъ вращался въ немъ и хорошо, даже слишкомъ хорошо зналъ весь ужасъ подобной скитальческой жизни. Но какъ разстаться съ нею? На что промѣнять ее? «Идти съ Гаринимъ въ какой-то уголь къ мужику?..» Черняевъ даже улыбался при этой мысли! Онъ недаромъ много долгихъ бессонныхъ ночей и еще болѣе долгихъ, нескончаемо-долгихъ праздныхъ дней пролежалъ одинъ въ своей каюурѣ, обдумывая одни и тѣ же неразрѣшимые, мучительные вопросы. Черняевъ не вралъ Гарину. Онъ дѣйствительно вплотную подошелъ теперь къ стѣнѣ, которую не могъ пробить и не умѣлъ обойти. Народъ-страстотерпецъ, народъ-мститель, послѣ неудачнаго опыта въ Н—свой губерніи, мало-по-малу преобразился въ его глазахъ «въ добровольнаго раба, въ глупое, выюточное животное». «На мужика нечего надѣяться, къ нему не за тѣмъ обращаться, рѣшилъ про себя Черняевъ, — ему нужно дать свободу насильно, помимо его воли и вѣдома». Но какъ это сдѣлать, гдѣ найти опору для своей дѣятельности, къ чему, наконецъ, освобождать эту «безмысленную тварь» — Черняевъ и самъ опредѣленно не могъ бы отвѣтить. Въ эту пору своего существованія онъ уже окончательно погрузился въ какой-то радикальный кружокъ; жилъ сплетнями, слухами, туманными ожиданіями, легендами. Нынче пріѣзжаетъ кто нибудь изъ Рос-

сін и говоритъ: «студенты волнуются, власти трусятъ—повѣрьте моей совѣсти, переворотъ неминуемъ». Завтра прїѣзжаетъ другой: «въ такой-то губерніи поднялись крестьяне; становой убитъ, исправникъ бѣжалъ, губернаторъ въ отставку подаетъ. Ужъ какъ хотите, а это начало революціи!» «Все это чепуха, утверждаетъ третій,—а вотъ скоро Бисмаркъ намъ войну объявить, вотъ тогда... дѣйствительно! Нѣмцы конечно побьютъ насъ и возьмутъ Москву... за этимъ, понятно, послѣдуетъ народный взрывъ... Польша, Кавказъ, Сибирь, Финляндія отдѣлятся... образуется федерація, и т. д., понимаете!» Узнавая подобныя новости, кружокъ, обыкновенно, дня два, три сряду волновался, шумѣлъ, кипятился. Мушкетеры и женщины, безразлично, договаривались до чортиновъ, переругивались между собою до свернословія и затѣмъ мрачно избѣгали другъ друга... вплоть до слѣдующей легенды.

Проклятая, безразсвѣтная жизнь!

Вѣчно все тѣ же пошлость и скука, тѣ же искусственныя возбужденія, самообманъ, вольная и невольная ложь. Точно стоячее болото, бездонное, засасывающее, заражающее воздухъ. Ни исхода, ни спасенія! Мѣсто прежнихъ вожаковъ, образованныхъ, богатыхъ, пользовавшихся европейскою извѣстностью, заняли теперь недоучки, нащѣ, иногда почти дѣти. Отвергнутые цѣлымъ міромъ, разочарованные въ своемъ народѣ и въ своемъ дѣлѣ, голодные, холодные, эти люди, мало-по-малу, естественно развращались и ожесточались. Въ глубинѣ, въ ядрахъ разныхъ темныхъ кружковъ уже давно начали мечтать объ анархїи и всеобщемъ истребленїи; вопросъ о крайнихъ средствахъ уже готовъ былъ выступить на сцену; въ одинокихъ, забытыхъ берлогахъ уже зрѣли безобразные, чудовищные планы; говорили о мести, объ убійствѣ, правда, еще глухо и неопредѣленно, но все уже говорили. Въ особенности въ этомъ отношенїи кипятились вновь прибывшіе, такъ называемые, «свѣжіе» люди. Долгое скитаніе, размягчая энергію, въ то же время, хоть и немного, но все-таки отрезвляеть человѣка. Люди или распускаются въ кружкѣ и теряютъ индивидуальность, или сами устраиваютъ себѣ маленькій дворикъ и тогда дорожатъ положенїемъ вожака. Къ тому же за границею и самосохраненіе разыгрывается. «Възять за тысячу верстъ, чтобы шею подставлять, какъ хотите, а все же немножечко дико». За то новички, наслушавшись кружковыхъ разговоровъ, положительно кипѣли. На нихъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе; они «руководили»... Одно время такую восходящую звѣзду промелькнулъ

въ Парижѣ и Опалевъ. Появился онъ туда весь пропитанный секретами и таинственнымъ до-нелзя. «Я, дескать, агентъ революціоннаго комитета и снабженъ неограниченными полномочіями». Хотя скитальцы и должны были бы, повидимому, знать лучше прочихъ, что такое «комитетъ» и какіе у него могутъ быть «агенты», но Опалеву почему-то повѣрили весьма многіе, а благоговѣнно слушали почти всѣ. Впрочемъ, говорилъ онъ мало, да и то исключительно загадками, афоризмами, «насмѣшничалъ» и потиралъ руки. Но не одна только таинственность поражала въ Опалевѣ. Скитальцы всего болѣе заинтриговались его очевидною состоятельностью. Опалевъ нанялъ себѣ прехорошенькую квартиру, изъ трехъ комнатъ, самъ омеблировалъ ее и притомъ омеблировалъ не безъ комфорта. Конечно эмигранты осуждали «роскошь» и всякія «буржуазности», въ родѣ, на-примѣръ, мягкихъ креселъ, но преимущественно у «чужихъ». Имѣть же «своего» съ деньгами—это казалось для многихъ положительно владомъ. «Голодь не тетка. При случаѣ и перехватить можно». Однако и на этотъ счетъ эмигранты рѣшительно промахнулись. Опалевъ оказался истиннымъ «буржуа», деньги въ займы не давалъ, а просьбы «неимущихъ» встрѣчалъ упорнымъ, сухимъ отказомъ. Въ тому же, проблестѣвъ мѣсяца два въ разныхъ кружкахъ, онъ окончательно залерся въ своей квартирѣ и даже пересталъ принимать у себя кого бы то ни было. На звонки посѣтителей дверь отворяла высокая сухощавая брюнетка и, даже не впуская въ прихожую (свинство безмѣрное!), отрывисто говорила, что Опалевъ «не принимаетъ, занятъ».

Такъ эмиграція и поставила на немъ крестъ.

Черняевъ раза два, за это время, встрѣчался съ Опалевымъ, но разговоровъ не заводилъ. Да и не до нихъ было ему теперь. Нужда невозможная, грязная, душила его, гнела, съѣдала. Вскочить, бывало, Черняевъ утромъ пораньше, пока еще привратница на рыноѣ, и бѣжить изъ своей вануры куда нибудь за пять верстъ, въ убогую мансарду другаго, болѣе счастливаго, т. е. уплатившаго за квартиру, скитальца. Посидать они тамъ, покурятъ, помолчатъ и затѣмъ уже вдвоемъ идутъ въ третьему, къ четвертому. Вездѣ одно и то же: куренье, молчаніе, изрѣдка отрывочное замѣчаніе, вырвавшееся ругательство... Такъ проходитъ цѣлое утро; къ двумъ часамъ всѣ накурились до дурноты, овлобились, устали. Вопросъ объ обѣдѣ, вѣчный и роковой вопросъ, встаетъ тогда передъ каждымъ. Если водятся деньги, скитальцы отправляются въ какой нибудь трехъстепенный «bouillon» и жадно глотаютъ тамъ жиденькій

супъ или переваренную зелень. Но чаще всего денегъ не имѣется, приходится довольствоваться кускомъ хлѣба, чашкою чернаго кофе въ кредитъ, на даровщинку, на счетъ товарища.

Иногда, впрочемъ, минуя пріятелей, Черняевъ забѣгалъ также и въ національную бібліотеку, или бібліотеку Мазарини. Дѣлалъ онъ это, впрочемъ, исключительно зимою, и не изъ любви къ знательности, а скорѣе спасаясь отъ холода. Знанія, какія онъ вынесъ изъ гимназіи, давно уже поистрепались, поперезабылись; интересовъ научныхъ или литературныхъ тоже не завелось. Въ этомъ отношеніи политика необыкновенно высасываетъ душу. Въ громадной залѣ, среди безконечныхъ пропитровъ, занятыхъ читающими и пишущими, прозвываетъ, бывало, Черняевъ часа два, три, лѣнливо разглядывая взятую для проформы книгу и думая: «буду ли я нынче обѣдать или нѣтъ? Кажется, нѣтъ!»

Однако выпадали, порою, и болѣе дѣятельные, оживленные дни. Разнесется вдругъ слухъ, что какую нибудь звѣзду политическаго міра будутъ хоронить гражданскимъ порядкомъ, или что радикальный депутатъ произнесетъ рѣчь къ своимъ избирателямъ, или что состоится конференція на либеральной подкладкѣ, и вотъ «святальцы» уже въ тревогѣ, въ волненіи. «Надобно собраться всѣмъ! непрежѣнно всѣмъ!»—«Хорошо было бы послать депутацію!» догадывается одинъ.—«Не допускать... здѣшняя полиція, батенька, это такое...»—«Ну такъ пусть хоть побольше народа придетъ... чтобы, знаете... поимнозантиѣ...» И дѣйствительно, въ назначенный часъ, всѣ эмигранты соберутся, какъ одинъ человѣкъ, придавая возбужденной толпѣ характеръ особаго нетерпѣнія и нервности. Въ такія минуты святальцы бодры и шумны. Отъ столь обычныхъ имъ затерянности, забытости, унынія незамѣтно темеръ и слѣдовъ. Ихъ огуманиваетъ шумъ, подкупаетъ и ошьяняетъ призракъ какого-то дѣла. Толкаясь среди блузниковъ, эмигранты громче всѣхъ кричатъ: «vive l'ашипистіе!», аллодируютъ, свищутъ; чаще прочихъ попадаютъ они и въ полицейскую кутузку. Впрочемъ, это не смущаетъ ихъ—тамъ, по крайней мѣрѣ, кормятъ.

Но вотъ день кое-какъ прошелъ, наступаетъ вечеръ. Что же теперь дѣлать, куда теперь дѣвать нескончаемые часы, когда на улицѣ зажгутъ газъ и обыкновенные смертные отдыхаютъ въ средѣ своихъ семей или бѣгаютъ въ погонѣ за развлечениями? Лѣтомъ еще ничего: тепло, привольно, можно нагуляться до изнеможенія, до слабости; «добредешь домой, повалишься и сейчасъ же заснешь»... Но что дѣлать дождливою осенью, мо-

розною зимою? Въ театрѣ идти—денегъ нѣтъ; дома оставаться—того и гляди отъ скуки повѣснись; къ знакомымъ, но они и за день опротивѣли. Для скитальцевъ, послѣ ѣды, этотъ вопросъ о вечерѣ былъ самымъ мучительнымъ, ежедневнымъ, роковымъ вопросомъ.

Завидною долею казалась для нихъ судьба тѣхъ счастливицевъ, которые нашли себѣ постоянныя занятія на фабрикахъ или въ типографіяхъ; эти люди имѣли, по крайней мѣрѣ, настоящихъ товарищей, связанныхъ съ ними общими интересами; у нихъ были свои клубы, кабачки, гдѣ, по вечерамъ, играли въ домино или въ карты, гдѣ пѣли пѣсни, смѣялись и балагурили. Правда, такихъ счастливицевъ было немного, человѣкъ пятнадцать, не больше: два три чудака, въ родѣ Товстолѣса, и затѣмъ мѣщане, разночинцы, поповичи—народъ все простой, малообразованный, грубый. Еще въ Россіи научились они кой-какимъ ремесламъ, а попавъ въ Парижъ, не растерялись, не упали духомъ. Въ какихъ нибудь полтора, два года они прочно устроились на новосельѣ и мало-по-малу преобразались въ настоящихъ парижскихъ увѣроувъ: такъ же благировали, восхищались тѣми же театральными представленіями, посѣщали тѣ же балы и такъ же брали хозяевъ. Было, однако, и маленькое отличие: французы, по большей части, понедѣльничали не болѣе сутокъ, русскіе же, зачастую, начавъ въ воскресенье, приходили въ себя не ранѣе середины или даже, перой, четверга. Рабочіе посмѣивались по этому поводу и «soul souffe un polonais» передѣлывали въ «soul souffe un russe».

Не менѣ зависти возбуждали также и тѣ, которые жили семейно, съ женою или просто съ подругою. Женщины вообще оказывались гораздо дѣловитѣе и практичнѣе мужчинъ. Онѣ всегда находили себѣ какую нибудь работу: переводъ, переписку, урокъ; за ихъ домашнимъ обѣдомъ почти всегда подавалось мясо; по вечерамъ онѣ только изрѣдка лишали себя чая; наконецъ, о, роскошь! въ торжественныхъ случаяхъ въ таковой мансардѣ можно было даже рассчитывать и на литръ краснаго вина.

Но большинство скитальцевъ пребывало въ такомъ же одиночествѣ, какъ и Черилевъ. Ни работы, ни семьи, ни животрепещущихъ интересовъ. Единственное развлеченіе—сплетня, единственное занятіе—разговоры. И странно, люди такъ входили въ эту жизнь, что потомъ не могли ужъ и разстаться съ нею. Ничего-недѣланіе, на законномъ основаніи, въ два, три года совершенно измѣняло человѣка. Грань между дѣйствитель-

нымъ и фантастическимъ постепенно утеривалась; утеривалось также и чувство мѣры, чувство правды. Войти снова въ реальную жизнь для такого человѣка было бы не только мучительно, но почти невозможно. Это значило бы отказаться отъ себя, разстаться съ самимъ собою.

А между тѣмъ дни проходили за днями, недѣли за недѣлями. Нынче привратница пристаётъ за квартирными деньгами, завтра ѣсть нечего, послѣ завтра «перехватилъ» франкъ у Петрова и пообѣдалъ. А тамъ опять—привратница, голодь, «заемъ»...

Проклятая жизнь!

II.

Какъ-то разъ къ вечеру Черняевъ забрелъ въ русскую библиотеку.

Эта библиотека, если не считать еще тарутинскихъ номеровъ, была единственнымъ и притомъ главнымъ притономъ всѣхъ сортовъ всероссійскихъ ситальцевъ. Помѣщалась она въ латинскомъ кварталѣ, въ двухъ небольшихъ, грязныхъ комнатахъ мрачнаго, запущеннаго дома. Едва освѣщенная лѣстница, съ скользкими ступенями, вела въ четвертый этажъ, откуда еще внизу, въ сѣняхъ, долеталъ неясный шумъ, крики и говоръ.

Самая библиотека не отличалась ни убранствомъ, ни содержаниемъ. Вдоль стѣнъ обѣихъ низкихъ горницъ торчало нѣсколько разновалиберныхъ книжныхъ шкафовъ, изъ-за потускѣвшихъ, загаженныхъ мухами стеколъ, среди массы различныхъ революціонныхъ изданій, выглядывали разрозненные журналы прежнихъ лѣтъ, затасканные томики отечественныхъ авторовъ, нѣмецкія, французскія и англійскія брошюры и книги. Посрединѣ комнаты стоялъ большой столъ, днемъ накрытый газетами, вечеромъ—пустой. Столъ этотъ игралъ особенную роль, роль трибуны. Вокругъ его, по вечерамъ, при свѣтѣ десятифранковой керосиновой лампы, происходили дебаты и споры, на него сыпались удары кулаками (и въ какомъ количествѣ!), черезъ него перекидывались взаимными обвиненіями и упреками.

Воздухъ въ библиотекѣ удушливый, спертый, какой-то пыльный, давилъ грудь и вращилъ голову; потолокъ, почернѣвшій отъ табачнаго дыма, еще болѣе принижалъ и безъ того уже низкія комнаты.

Отворивъ дверь, Черняевъ оглянулъ общество.

Какъ нарочно, на этотъ разъ собраніе было особенно много-

численно. Человѣкъ тридцать мужчинъ и женщинъ, большинство стоя, толпились вокругъ стола. За недостаткомъ мѣста часть стульевъ была сложена въ кучу, въ уголь, но тѣснота отъ того не уменьшилась. Нѣкоторые, подогладивъе, взмоглись на подоконники, а одинъ ухитрился даже взобраться на небольшой шкафъ и, очевидно довольный, болталъ оттуда ногами и курилъ папиросу за папиросою. Какихъ только типовъ и костюмовъ не подмѣтилъ бы здѣсь наблюдатель! Евреи, армяне, грузины, русскіе, юноши въ приличныхъ сюртукахъ и даже въ перчаткахъ, юноши въ смазныхъ сапогахъ и поддѣвкахъ; одинъ съ турецкою фескою на головѣ, другой въ фуражкѣ неизвѣстнаго вѣдомства, съ золотымъ галуномъ; дѣвицы въ quasi-малороссійскихъ костюмахъ, дѣвицы въ костюмахъ фантастическихъ, расстрепанныя и неприличные, и тутъ же рядомъ чистенькія женщины, съ претензіями на кокетство, съ ленточками и медальонами. И все это заразъ кричало, шумѣло, спорило. Личныя дразги смѣшивались съ кружбовыми пререканіями. Вопль и стонъ такъ и стояли въ воздухѣ; среди общаго гума можно было ухватить лишь отдѣльныя слова: «Позвольте!.. Шибисцить!.. Съ голоду умирать, что-ли!.. Дуракъ!.. Позвольте, такъ нельзя!.. Это подлость!..» Иногда тоненькій женскій голосъ прорывался и бралъ верхъ; «это нелогично, слышалось тогда, — какое тутъ большинство, мы всѣ равны!» и проч.

Поздоровавшись съ двумя-тремя знакомцами, Черняевъ протиснулся въ толпу и наткнулся на Опалева. Послѣдній стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и, по своему обыкновенію, «насмѣшничалъ».

— Послушать пришли или тоже голосить будете? обратился онъ къ Черняеву.

— Послушать.

— То-то. Да вы къ какому больше таете, къ поповцамъ или къ безпоповцамъ?

— Это еще что... новое?

— Это я ихъ такъ провалъ; одни, значить, «священство приѣмлютъ»—ну хоть Лаврова, что-ли; а другіе совсѣмъ отъ рукъ отбились.

— Чортъ съ ними со всѣми, не до нихъ мнѣ!

— Вотъ какъ! Опалевъ внимательно оглядѣлъ Черняева.— Устали?

— Усталъ и работы нѣтъ.

— У Тарутина бы справились... милосердъ и странокрѣментъ.

— Убирайтесь вы съ вашимъ Тарутиннымъ!.. милостыню мнѣ у него, что-ли, просить?

— Мм... северно!

Между тѣмъ шумъ внезапно прекратился.

Высокій, полный мужчина, съ густою русою бородою, срывавшійся доселѣ въ толпѣ, пробрался теперь къ столу и на минуту возстановилъ молчаніе.

— Поповы! Поповы! раздались голоса.— Дайте Попову сказать!

Поповъ началъ не безъ ораторскихъ пріемовъ, махая правою рукою и выкрикивая каждое слово:

— Господа, намъ необходимо порѣшить, наконецъ, съ этимъ дѣломъ. Пршшее собраніе большинствомъ двадцати двухъ голосовъ...

— Недѣйствительно, недѣйствительно!.. Къ чорту ваше собраніе! завопили въ разныхъ углахъ.

— Позвольте! позвольте! одно только слово! собраніе рѣшило библиотечный фондъ въ количествѣ двухъ тысячъ франковъ оставить неприкосновеннымъ; нынче...

— Что же мнѣ изъ-за вашего рѣшенія съ голоду умирать, что-ли? заоралъ кто-то.

Его поддержали.

— Раздѣлять капиталъ!.. Раздѣлить!.. Между имущими по ровну!.. Не надо намъ фондовъ!.. Раздѣлить!.. Оставить!.. Оставить!.. Раздѣлить!..

Какая-то дѣвица подскочила къ столу и бойко заболтала. Ее не слушали. Какой-то армянинъ громко ругался.

— Дурраки! душа моя, дурраки!

Наконецъ, кто-то уже полѣзъ на столъ; его начали стаскивать и въ борьбѣ опрокинули чернилицу. Въ другомъ углу послышался звонъ разбитаго стекла.

Опалевъ стоялъ по-прежнему молча и только насмѣшливо улыбался.

— Хороши, заговорилъ онъ, наконецъ, въ шутовомъ тонѣ и обращаясь къ Чернаеву, — дѣтели! Пойдемте-ка отсюда, еще пожалуй сосѣди за полиціей пошлютъ.

— Ну вотъ... привыкли!

— Какъ знаете! А то право ко мнѣ бы зашли; у меня чай настоящій, изъ Россіи.

— Къ вамъ? удивился Чернаевъ.

Со времени ихъ встрѣчи въ Парижѣ, это было первый разъ, что Опалевъ звалъ его къ себѣ.

— Страшно, что-ли? Не бойтесь, не волежь—не съѣмъ! И взявъ Черняева за руку, онъ потянулъ его въ выходу.

Еще въ библиотекѣ послѣдній замѣтилъ, что Опалевъ находился въ какомъ-то необыкновенно веселомъ расположеніи духа; теперь же, когда они притворили за собою двери и стали спускаться по грязной лѣстницѣ, Опалевъ весь отдался своему смѣху.

— Хи, хи, хи! Видѣли! видѣли! вотъ они—вожди, бойцы, страшилища! Хи, хи, хи! разрушители тропей и алтарей! столбовая гидра! хи, хи, хи! Цѣлую зиму двѣ тысячи франковъ дѣлать! Вѣдь это прелесть что такое! Пейзажикъ, настоящій пейзажикъ! И онъ опять началъ хихичать.

— Жрать надо! сердито прервалъ его смѣхъ Черняевъ.

Опалевъ смело и брезгливо повелъ плечами.

— Вы тутъ, за границей, кажется, только объ одной жратвѣ и думаете... да еще о выпивкѣ, добавилъ онъ, опять смѣясь,—цѣете тоже изрядно.

— Экій вы нынче строгій!

— Да вѣдь смѣшно, батенька, силъ нѣтъ смѣшно! Вѣдь тамъ, въ Россіи, да и не въ одной Россіи, Богъ знаетъ что про насъ воображаютъ; нигилисты, дескать, исчадіе ада, силища; а тутъ, по-просту, по-домашнему, хи, хи, хи! пьянство, драки, ругань, police cogestionnelle... Чудесно! Опалевъ презрительно махнулъ рукою. — Вздумали они, на примѣръ, недавно новый годъ справлять. Говорятъ: устроимъ «по-человѣчески», постороннихъ пригласимъ. Глупая, вонечно, мысль, но все-таки... Вы, кажется, не были?

— Нѣтъ.

— Любопытно. Наняли они двѣ комнаты въ сафѣ близъ Одеона, закуски приготовили, таперъ въ свиткѣ нашелся, словомъ, все въ порядкѣ; только характера не выдержали, къ двѣнадцати часамъ половина перепилась, ну и, понятно, драка. Петровъ Полова, Поповъ Сидорова, за волосы, знаете, ближе къ цѣли; барышни визжать, особливо постороннія; хозяинъ полиціей грозитъ... очень назидательно вышло.

— Съ голоду больше, да съ непривычки къ вину.

— Мм... съ голоду и съ непривычки... По этой причинѣ, вѣроятно, Розенбрандъ и стащилъ изъ сафѣ, подъ спортукомъ, бутылку рому, а Петровъ на двухъ французовъ налетѣлъ, силу пробовать... Теперь оба въ больницѣ; одному голову пробили, другой себѣ грудь осколками стекла порѣзалъ... упалъ и бутылку разбилъ. Опалевъ немного помолчалъ и снова разсмѣялся. — А вѣдь рассказы это въ Россіи—не повѣрять, нѣтъ! ни за

что! Пари держу—не повѣрять. Знаете, остановилъ онъ Чернышева:—если-бы тамъ, въ Петербургѣ, догадались, наконецъ, что такое русская эмиграція и вообще мы, и военные бы дѣйствія прекратили, много бы намъ вѣку было? а?

Чернышевъ ничего не отвѣтилъ.

— То-то! только этимъ и живемъ, батенька; только этимъ.

Квартира Опалева оказалась даже наряднѣе, чѣмъ объ этомъ рассказывали Чернышеву. Въ первой комнатѣ низкая мебель, обитая хорошенькимъ кретономъ; занавѣски изъ той же матеріи; на полу коверъ; надъ каминомъ бронзовые часы. Въ слѣдующей комнатѣ, очевидно кабинетѣ, стоялъ большой письменный столъ, покрытый банками, чертежами, планами; видѣлись шкафы съ книгами, полки съ ретортами и какими-то аппаратами; но, впрочемъ, дверь въ эту комнату Опалевъ почему-то сейчасъ же притворилъ.

«Совсѣмъ, совсѣмъ буржуазно и въ высшей степени прилично», думалъ Чернышевъ, усаживаясь въ удобное кресло.

Высокая смуглянка, впустившая ихъ въ квартиру, молча осмотрѣла Чернышева и черезъ нѣсколько минутъ, также молча, поставила передъ нимъ и Опалевымъ по стакану крѣпкаго чая.

Чернышевъ отхлебнулъ немного и остановился.

— Отвыкли отъ чая... или, можетъ быть, слабѣе любите? заботливо осведомился Опалевъ.

— Нѣтъ, не то, замаялся гость;—но если-бы кусокъ хлѣба... знаете... привычка.

Бѣднякъ не ѣлъ съ утра.

— Ахъ, да! вонечно! Гдѣ-жъ у меня голова-то была! И Опалевъ немедленно же принесъ и поставилъ передъ Чернышевымъ хлѣбъ, масло, ветчину.

Тотъ началъ ѣсть съ жадностью, даваясь, съ слезами на глазахъ отъ усилій скорѣе проглотить куски; онъ замѣчалъ на себѣ скользящій и чуть-чуть насмѣшливый взглядъ хозяина, но въ эту минуту ему было не до того. «Только бы наѣсться, а тамъ... соотчемся». И онъ ѣлъ, ѣлъ, забывая ножикъ и вилку, хватая мясо руками и потомъ обтирая ихъ о скатерть.

— Да, слабъ здѣсь народъ, слабъ, какъ-бы отвѣчая самому себѣ, неожиданно произнесъ Опалевъ.

— Гдѣ же лучше-то? Въ Россіи, что-ли? пробормоталъ полу-насыщенный гость.

— Непремѣнно. Тамъ, батенька, теперь преинтересные экземпляры завелись... преинтересные... въ особенности между студентиками; ну однако и мастеровые есть, и крестьяне даже.

— Это не тѣ ли, что васъ въ Р—вѣ вздули?

Опалевъ неслышно засмѣялся.

— А вамъ уже рассказывали... какъ же, какъ же, вздули!

— И больно? злорадно допрашивалъ Черняевъ.

— Какъ вамъ сказать? Я вѣдь слабый, такъ едва отдышался.

Они оба помолчали. Опалевъ по-прежнему улыбался.

— А экземпляры-то все-таки есть, началъ онъ снова, — и въ достаточномъ количествѣ. Видите, батенька, мужичье — не доказательство. Это вы народничали, да мужицкія добродѣтели воспѣвали, а я напередъ зналъ, что мужикъ подлець... ну и толстолобъ очень; да не въ мужикѣ и дѣло... главное — обстановка. Создай порядочную обстановочку — и мужикъ пригодится, и еще какъ... пальчики всѣ оближите, что творить станеть!

Опалевъ всталъ и принесъ себѣ еще чай.

— Да, батенька, времена наступають любопытныя, хорошія времена.

— Думаете?

— А вы газеты-то читаете?

— Рѣдко. Развѣ «Droit de l'homme», а русскія, съ тѣхъ поръ какъ онѣ славянствомъ занялись, и въ руки взять не могу, тошнить.

— Напрасно. Чудесные пейзажики встрѣчаются. Вотъ хоть бы теперъ у насъ война на носу... патриотизму этого самаго не оберешься, такъ и кипимъ.

— Что-жъ дальше?

— Какъ что? Опалевъ даже привсталъ. — Разнесутъ насъ, въ вонедъ разнесутъ... вѣдь тутъ европейскою коалиціею пахнутъ!

— Охъ ужъ эти мнѣ разносы! И это насъ не разносилъ только, и Бисмаркъ, и Биконсфильдъ, и Андраши... не вѣрится что-то!

— Вольному воля! А все-таки пейзажики чудесный выйдеть; во первыхъ, къ вровцѣ привынемъ... мы вѣдь славяне — народъ бабій, мирный, долготерпѣливый; намъ прецеденты нужны, и въ изобиліи... ну а за войну, Богъ дастъ, всего насмотримся, поожесточимся малость, да и поразоримся... и это впрокъ; а тамъ еще къ слухамъ привынемъ.

Опалевъ опять налилъ себѣ чая.

— Великолѣпная штука — это слухи! Представьте себѣ, ну такъ, въ видѣ иллюстраціи, что-ли, вдругъ вѣ какую нибудь тревожную минуту, — а за войну будутъ же такія минуты, когда вниманіе напряжено до крайности, — появляются гдѣ нибудь въ Россіи прокламаціи: такъ и такъ, дескать, «русская

армія, въ числѣ сорока тысячъ человекъ, взята въ плѣнъ», или такъ и такъ: «русская армія разбита на голову». Конечно, прокламаціи сорвутъ, будутъ опровергать ихъ; но впечатлѣніе все-таки же произведено, слухъ есть, и пойдетъ онъ, голубчикъ мой, гулять по селамъ и весямъ на смущеніе россиянамъ... И, знаете, многіе повѣрятъ, весьма многіе, и легенды сложатся... а главное, переполохъ пойдетъ, смущеніе родится... Нѣтъ, слухи славная штука, право!

Черняевъ улыбнулся.

— Сибѣтесь? Такъ, такъ!.. А вѣдь ей-ей! дѣло говорю... слухи на Руси—страшная сила. Россія, можно сказать, духовно только и живетъ ими; поѣзжайте въ любой уѣздный городишко, да поприслушайтесь—руки отъ удивленія разставите, такія вамъ тайны сообщать, и придворныя, и политическія... и все это серьезно, съ убѣжденіемъ. Легковѣрны мы, батенька, очень, и любопытны, да къ тому же, на бѣду, и догадливы, своимъ умомъ до всего дойти желаемъ... Лжемъ, но вѣримъ или, правильнѣе, лжемъ и вѣримъ; только бы побольше слуховъ—все въ себя вѣсивимъ. Военное время на этотъ счетъ—отличное время: нервы напряжены, гармонія нарушена... тутъ-то и надо работать... пугать, сбивать съ толку, раздражать... нынче—русскихъ разбили, завтра—новый передѣлъ назначенъ, а тамъ крѣпостное право восстанавливается, царь велѣлъ дворянъ избивать, дворяне жалованную грамоту утаили... Мало ли что! лишь бы безъ передышки, настойчиво, повсемѣстно, чтобы гуль въ народѣ поднялся, довѣріе поколебалось, чтобы подозрительность побольше развилась, страхъ.

— Это вѣрно вы «обстановочкою» и называете?

— Ну нѣтъ, протянулъ Опалевъ,—это, такъ сказать, только общій фонъ; для обстановочки и еще кое-что нужно.

— А тамъ, устроившись, вы на Россію съ парижскою ордою и нагрянете... порядокомъ вводить.

Опалевъ опустилъ глаза и прибѣгнувъ къ своему любимому жесту, сталъ потирать руки.

— Насмѣшникъ вы, право насмѣшникъ, заговорилъ онъ, улыбаясь.—Какъ это вѣрно: орда... мѣтко, очень мѣтко! Только, знаете, я бы поправочку предложилъ: тутъ, въ Парижѣ, орда, конечно, неумѣстна, изъ-за несвоевременности поведенія, такъ сказать; ну а при обстановочкѣ и въ любезномъ отечествѣ она можетъ очень пригодиться, даже, увидите, школу составить... народъ самый подходящій... одичали и цѣну «буску» знаютъ, только ускни.

Черняевъ всталъ.

— Ну, однако, прощайте. Пора, поудно!

Опалевъ остановилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, батенька, еще минуточку, у меня до васъ дѣло есть.

— Я такъ и думалъ.

— Думали? Отлично, сойдемся значить! Я, знаете, подходовъ не люблю, на прямикъ; видите, у насъ маленькое порученьце въ Россію есть, туюкъ одинъ съ прокламаціями—не скрою—отвести туда надо. Опасности никакой: на границѣ все подстроено, тутъ вашего отъѣзда тоже не замѣтять. На дорогу вамъ триста франковъ. Опалевъ немного остановился и внимательно поглядѣлъ на Черняева,—да, триста франковъ золотомъ, да по доставкѣ тюва на мѣсто полтораста рублей на обратный путь... или тамъ какъ знаете.

Черняевъ молчалъ.

— Божьесъ? Напрасно, батенька, дѣло ей-ей плевое! Въ крайнемъ случаѣ, т. е. если васъ и ноймають—а я головою ручаюсь, что нѣтъ—ну что-жъ съ вами сдѣлають? Не повѣсятъ!

— Да не боюсь я! Будеть вамъ! раздражительно прервалъ его Черняевъ.—А вотъ что: будьте хоть разъ въ жизни искренни Опалевъ: скажите мнѣ прямо, почему вы ко мнѣ обратились? Только правду, слышите—правду!

Опалевъ съехался.

— Конечно, правду! конечно! Да и это такъ просто. Я знаю ваши убѣжденія, вашу честность...

— Врете вы, врете! дѣла вамъ нѣтъ до моихъ убѣждений, да и честность моя тутъ ни при чемъ... все врете!

— Успокойтесь, батенька, успокойтесь! Ну просто потому, что человекъ вы непрямѣтннй, маленький; уйдете вы изъ Парижа—ниго и не вспомнить про васъ. Довольны? Видите, даже самолюбія вашего не пощадилъ.

Черняевъ опять всталъ.

— Ну это похоже на правду, но это все-таки не вся правда. Хотите, я вамъ скажу ее? Вы просто замѣтили, что мнѣ жрать нечего, слышите: жрать нечего!.. а тутъ, дескать, триста франковъ, какъ не соблазниться! Вотъ гдѣ правда!

Опалевъ наклонилъ голову, чтобы скрыть улыбку.

— Пусть будетъ такъ, коли вамъ это больше нравится, я не настаиваю; да и не въ психологіи теперь дѣло. Согласны вы или нѣтъ?

Черняевъ пожалъ плечами.

— Пожалуй.

— Ну вотъ, вотъ, я теперь и повоенъ! Завтра же угрожь ми сговоримся, а вечеромъ и въ дорогу; спѣшить надо. Возьмите! протянулъ онъ Черняеву три двадцати-франковика, — это не въ счетъ, на костюмировку. Знаете, что нибудь попроще, понезамѣтнѣе.

Медленно сходилъ Черняевъ съ лѣстницы.

«И такъ, рѣшено, ѣду, а тамъ...»

И вдругъ въ его памяти воскресъ илестый берегъ неизвѣстной рѣченки; вспомнилъ онъ снова мутныя волны, уносившія разбухавшую бумагу. «Кромѣ мужицкой захотѣлъ», повторялъ чей-то голосъ.

Черняевъ повернулся, поднялся до двери Опалева и позвонилъ.

Съ нѣкоторымъ удивленіемъ впустила его молчаливая смуглянка; Опалевъ, выглядывавшій изъ-за двери, такъ и накинулся на Черняева.

— Что, что такое?

— Вотъ ваши деньги, я не поѣду, раздумалъ. И Черняевъ, не кланяясь, направился къ выходу.

Въ дверяхъ Опалевъ схватилъ его за руку.

— Смотрите, не выдавать, а не то... злобно прошепталъ онъ.

Черняевъ съ силою оттолкнулъ его отъ себя.

— Подлецъ! сурово прошепталъ онъ.

III.

И снова потянулись дни за днями, недѣли за недѣлями; дни голода, нужды, ежевечернихъ липошій и оскорбленій; дни безъ содержанія и смысла, тусклые, подвальныйя...

Навонецъ, наступилъ кризисъ.

Однажды, когда Черняевъ, проспавшись цѣлое утро въ поискахъ за деньгами и, конечно, не доставши ихъ, возвращался домой, привратница встрѣтила его на порогѣ.

— Не трудитесь собираться на лѣстницу, ваша комната уже занята.

— А вещи? заикнулся было Черняевъ.

— А долгъ?

Черняевъ махнулъ рукой и очутился на улицѣ.

Весна была уже въ полномъ разгарѣ. На всѣхъ перекресткахъ давнымъ давно уже продавались благоухающіе букетцы фіаловъ. Тысячи буржуа на «bateaux mouches», въ омнибусахъ

и по желѣзнымъ дорогамъ стремились въ окрестности Парижа привѣтствовать «возрожденіе природы». Теплый, раздражающій вѣтеръ доносилъ до слуха ликование всемірнаго города. Черняевъ шелъ безъ цѣли, на удачу, мѣняя направленіе, путаясь въ узенькихъ улицахъ и бросаая ихъ потомъ для широкихъ, блестящихъ «avenues». Машинально останавливался онъ передъ магазинами и также машинально разсматривалъ выставленные тамъ бездѣлушки, роскошныя кольца, брилліантовыя запонки, пышныя женскія платья. На «Place de la Concorde» онъ долго простоялъ передъ громадной женскою статуей, изображающей Страсбургъ. Внизу кто-то мѣломъ написалъ: «levaiche». Черняевъ улыбнулся и пошелъ дальше.

Уже вечерѣло. Сотни экипажей возвращались по «Champs Elisées» изъ Булонскаго лѣса. Хорошенькія женщины, полулежа въ коляскахъ, раскланивались съ знакомыми; всадники горячили своихъ лошадей и гарцовали по широкой алеѣ. Передъ ресторанами стояли безчисленные столики, занятыя веселымъ, болтающимъ людомъ; гарсоны едва успѣвали разносить кружки съ пивомъ и бутылки съ абсентомъ. «De l'eau fraiche!» «Deux biogres!» слышалось отовсюду.

Черняевъ шелъ и шелъ.

Вотъ онъ наконецъ и за городомъ; по обѣимъ сторонамъ укатаннаго, желтѣющаго шоссе видѣлись кусты акаціи, сирени, боярышника, покрытые молодою, нѣжною, пахучею зеленью; легкіе сумерки окутывали даль и смягчали краски; кругомъ ни души; на небѣ ни облачка, только тамъ, на самомъ краю воздушнаго пространства, гдѣ еще догорали алые отблески вечерней зари, темнѣли въ перемежку съ ними черныя и лиловыя полосы. Тишина безпредѣльная, страдная, смѣнила недавній шумъ. Черняевъ оглядѣлся и сошелъ съ дороги. Его усталыя ноги съ удовольствіемъ погрузились въ росистую, прохладную траву. Онъ снялъ съ себя пальто, выбралъ мѣстечко повыше, въ тѣни какаго-то дерева, и усѣлся. «Вотъ я и на дачѣ... отлично!»

Дней десять прожилъ Черняевъ такою жизнью. Рано, рано, какъ только пробудившіяся птицы начинали свой обычный крикливый концертъ, онъ уже вставалъ и отправлялся бродить. Шагаль Черняевъ медленно, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, засматриваясь на открывавшіеся пейзажи, на рѣдкихъ въ эту пору проѣзжихъ. «Торопитесь некуда. Все равно, Парижъ еще спитъ». За то въ городѣ Черняевъ преображался: здѣсь онъ ходилъ быстро, озабоченно, торопясь, махая руками; въ одно и

то же утро его можно было встрѣтить и на «Boulevard Haussmann», и въ Латинскомъ кварталѣ, и на Монмартрскихъ высотахъ. На его блѣдномъ, истомленномъ лицѣ, въ его сѣрыхъ, широко раскрытыхъ глазахъ такъ и читалась роковая, неотложная забота. «Ѣсть, Ѣсть, Ѣсть! постоянно думалось ему, — хотя-бы кусокъ хлѣба, хотя-бы чашку кофе!..»

А между тѣмъ обстоятельства складывались все хуже и хуже. Тарутинъ на неопредѣленное время уѣхалъ въ Лондонъ; эмигранты посостоятельнѣе тоже куда-то исчезли, оставалась только голь, такіе же несчастливцы, какъ и самъ Черняевъ. Бывали дни, которые онъ проводилъ въ проголодь; бывали дни, когда онъ и совсѣмъ ничего не ѣлъ. Теперь Черняевъ былъ бы радъ всякому труду, взялся бы съ наслажденіемъ за всякую самую грязную, самую унижительную работу, но ничего, ничего!..

Цѣлые часы оставался онъ на улицѣ, переходя изъ квартала въ кварталъ, отъ одного скитальца въ другому. Измученный, съ ноющимъ желудкомъ, бродилъ онъ, склонивъ голову и говоря самъ съ собою часто вслухъ, но не замѣчая ни своей странности, ни удивленія встрѣчныхъ. Разъ какъ-то два «*agents de ville*» обратили на него вниманіе и нѣкоторое время слѣдили за нимъ. Они подозрѣвали въ немъ сумасшедшаго. Другой разъ, на «*pont Royal*», гдѣ постоянно стоятъ разные калѣки и слѣпые съ дощечками на груди, на которыхъ большими буквами изображено ихъ бѣдственное положеніе, какая-то женщина остановилась около Черняева, порылась въ кошелекъ и подала ему два су. Она приняла его за нищаго. Черняевъ покраснѣлъ, но не отказался. Въ этотъ день онъ пообѣдалъ...

Странно, но не смотря на нужду, не смотря на голодь, Черняевъ все еще не рѣшался размѣнять чекъ въ пятьсотъ франковъ, присланный ему Гаринимъ. Какой-то остатокъ щекотливости удерживалъ его. Размѣнять чекъ, казалось ему какъ бы обманомъ, а обмануть Гарина было бы ему особенно больно. Встрѣча съ нимъ точно яркій лучъ промелькнула въ жизни Черняева; правда, онъ не вынесъ изъ нея ни вѣры, ни силъ, но что-то грѣющее, ласкающее запало ему съ тѣхъ поръ въ сердце и вспыхивало каждый разъ, когда онъ вспоминалъ свою послѣднюю бесѣду съ Гаринимъ въ душевой комнатѣ второстепеннаго парижскаго ресторана. Была, впрочемъ, и другая причина, останавливавшая Черняева: забитость, усталость. О! онъ не стыдился, на примѣръ, своихъ товарищей-скитальцевъ. Пользуясь ихъ жалкими грошами, онъ не стѣснялся своею нищетою,

не стѣснялся даже тѣмъ, что беретъ безъ отдачи. «Свои люди — сочтемся». Другое дѣло, Ефрусси!.. Черняевъ нѣсколько разъ представлялъ себѣ свое появленіе въ контору и всегда со страхомъ, почти съ отвращеніемъ. Болѣзненное самолюбіе, мнительность, одичалость говорили въ немъ въ эти минуты; онъ краснѣлъ за свой костюмъ, пугался приѣма служащихъ. «А тамъ еще, воображалось ему, — недовѣрчивый, подозрительный осмотръ кассира, насмѣшливые взгляды конторщиковъ, непременно прилианныхъ, раздушенныхъ, съ проборами по срединѣ головы. Нѣтъ, нѣтъ! лучше голодъ...» И онъ откладывалъ со дня на день.

Къ концу второй недѣли положеніе Черняева стало поистинѣ безвыходнымъ. Уже второй день, какъ онъ ничего не ѣлъ; вода, которою онъ хотѣлъ утолить голодъ, вызвала только страшныя желудочныя спазмы. Съ четверть часа валялся Черняевъ по травѣ и беспомощно стоналъ. Затѣмъ, когда страданія его немного утихли, онъ всталъ и слабый, какъ ребенокъ, разбитый, больной, отправился въ городъ. Мысли его странно путались; передъ воспаленными глазами прыгали какія-то черныя кружки; спешіяся губы потрескались и болѣли, колѣни дрожали. Иногда онъ останавливался и громко говорилъ, точно отвѣчая кому-то, иногда онъ ускорялъ шагъ и почти бѣжалъ; въ эти минуты на него нападалъ безотчетный, невыносимый страхъ; ему казалось, что его преслѣдуютъ, что ему угрожаютъ, тогда онъ старался успокоить себя: «ничего, ничего! пойду въ Ефрусси и конецъ! и конецъ!.. ничего!..» Но потомъ онъ опять забывался, заговаривалъ о другомъ, останавливался и снова бѣжалъ.

Впослѣдствіи Черняевъ не могъ хорошенько вспомнить ни гдѣ онъ былъ за это время, ни что онъ дѣлалъ. Кажется, онъ попалъ на бульвары и долго бродилъ тамъ; кажется, что онъ стоялъ на какомъ-то мосту и смотрѣлъ на воду, собираясь утопиться, но почему-то раздумалъ. Еще менѣе понятно, какъ попалъ Черняевъ на другой конецъ города, на Бастильскую площадь. Здѣсь съ нимъ произошло уже нѣчто совершенно необыкновенное. Онъ вдругъ почувствовалъ, почувствовалъ неотразимо, всѣмъ существомъ своимъ, что онъ, Черняевъ, — не Черняевъ, а кто-то другой, а что настоящій Черняевъ взбирается все выше и выше по внутренней витой лѣстницѣ, ведущей на Бастильскую колонну. Онъ видѣлъ его лицо, блѣдное, худое, его горячіе глаза; онъ зналъ его намѣреніе и весь трепеталъ отъ

непосильнаго, непереносимаго ужаса: «Надо остановить, шепталъ онъ,—надо остановить, гдѣ же сторожь, такъ нельзя, нельзя...» Но вотъ видится ему, что «тотъ» уже на верхней площадѣ, вотъ видится ему, какъ «тотъ» опирается руками на рѣшетку и перекидываетъ черезъ нея ногу... Еще минута... ахъ!..

Чѣмъ-то холоднымъ пахнуло на грудь Чернаева, онъ слегка присѣлъ и потомъ, точно подвешенный, упалъ въ обморокъ на тротуаръ.

В. Айдаровъ.

(Продолженіе будетъ).

СРАВНЕНІЕ РУССКАГО ТАРИФА СЪ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ И НАШИ НУЖДЫ.

(Окончаніе).

Чтобы хотя отчасти дать понятіе о размѣрѣ охранительнаго тарифа Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, считаю нелишнимъ сдѣлать изъ него извлеченіе и сравнить размѣръ пошлинъ на данные предметы съ таковыми же пошлинами русскаго тарифа. Но при этомъ поясню, что дѣлаемое извлеченіе позаимствовано изъ американскаго тарифа не перваго изданія, вышедшаго вскорѣ послѣ войны, а позднѣйшаго, значительно уже ослабленнаго, вслѣдствіе постепеннаго возстановленія экономическихъ силъ страны. Вотъ извлекаемыя данныя, изъ: «United States tariff 1872, compiled by E. D. Oyden. New-York. 1872», причемъ считаю нужнымъ пояснить, что при переводѣ американскихъ вѣса, мѣры и монеты принимались:

1 долларъ	въ 1 р. 33 к.
1 галлонъ	> 10 фунт. русск.
1 бушель	> 1,384 четверика.
1 центнеръ	> 124 фунт. русск.
1 бочка рыбы (bbl)	> 62 фунт. русск.
9 фунт. америк. . .	> 10 фунт. русск.

Мелкія дроби отбидывались.

Таблица сравненія тарифовъ американскаго съ русскимъ (въ извлеченіи).

	Пошлины американскаго тарифа.			Пошлины русскаго тарифа.			Привозъ въ Россію въ 1878 г.	Сборъ пошлинъ.	Каковы проц. легка пошлинъ.	
	Съ цѣнъ.	Съ количества.		Съ цѣнъ.	Съ количества.					
		Р.	К.		Р.	К.				
Апельсины, лимоны и проч. ¹⁾ въ непресованномъ видѣ	20	—	—	—	—	25	съ пуда	2,785,421	220,592	7,9
Въ пресованномъ видѣ	35	—	—	?	—	—	—	—	—	—
Бумажная пряжа: суровая и бѣлая	20	—	—	—	—	3 25	пуд.	10,430,219	1,069,361	10
Красеная	31 1/2	—	—	—	—	4 25	>	8,337,962	741,897	8
Буравы, топоры, долота и проч.	40	—	—	—	—	50	>	3,117,704	176,061	5,6
Веревки и канаты	—	1 56	съ пуда	—	—	40	>	504,433	29,826	5,8
Вина виноградныя (кроме шампанскаго) не дороже 22° и стоящія не дороже 1 долл. за галлонъ	—	3 19	пуд.	—	—	—	—	—	—	—
Дороже 1 долл. за галл.	25	5 32	>	—	—	2 30	пуд.	7,450,199	1,662,054	22
Воскъ	20	—	—	—	—	—	—	598,187	Безпошлинно	—
Вязанье изъ шерсти	31 1/2	21 54	пуд.	—	—	20	— пуд.	1,246,604	316,537	25
Гвоздика	—	2 39	>	—	—	1 50	>	481,000	67,705	14
Гуттаперчевыя издѣлія	36	—	—	—	—	3 30	>	1,168,389	196,660	16
Желѣзо въ полосахъ и брускахъ	—	—	64 пуд.	—	—	35	>	7,536,071	1,080,406	14
Желѣзо котельное кубовое и листовое	—	—	71 пуд.	—	—	50	пуд.	4,553,995	366,163	8
Желѣзныя кузнечныя работы, какъ-то: косари, крючки, кочурги, скобы и т. п. По русскому тарифу 44, 50, 80 к. п.	31 1/2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Известь	10	—	—	—	—	1	— пуд.	6,805,667	765,205	11
Керосинъ, петролеумъ и проч	—	2 13	пуд.	—	—	55	пуд.	7,075,000	1,093,613	15
Кожи выдѣланныя, крупныя	25	—	—	—	—	4 40	>	1,749,000	321,291	18
Кожи выдѣланныя: мелкія	25	—	—	—	—	8	— >	1,096,000	179,957	16
Косы и серпы	40 1/2	—	—	—	—	44	пуд.	1,088,000	52,170	4,7
Краски и красильныя матеріалы	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—
По русскому тарифу отъ 5 к. до	—	—	—	—	—	4 40	пуд.	17,349,000	963,590	5,5
Льняныя ткани отъ 35°/о до	40	—	—	—	—	30	—	1,932,000	561,903	29
Мѣдь въ листахъ и прут.	31 1/2	—	—	—	—	60	пуд.	6,133,314	279,535	4,6
» въ издѣліяхъ	31 1/2	—	—	—	—	12	>	725,878	82,600	11
Мѣшки холщевые	40	—	—	—	—	30	>	5,744,000	231,323	4,2

¹⁾ Излагаю въ алфавитномъ порядкѣ.

	Пошлины американскаго тарифа.			Пошлины русскаго тарифа.			Привозъ въ Россію въ 1878 г.	Сборъ пошлянъ.	Колич. прод. догае пошлян.
	Съ цѣн.	Съ колич-ства.		Съ цѣн.	Съ колич-ства.				
	%	Р.	К.	%	Р.	К.			
Мягкая рухлядь	20	—	—	—	—	—	—	—	—
По русск. тарифу 5, 10 и.	—	—	—	20	—	пуд.	5,537,015	293,767	5,3
Перецъ 2 р. 39 к.	—	4	79	пуд.	—	150	710,000	153,000	21
Перья металлическія	22 ¹ / ₂	—	72	ф.	—	30	374,510	93,108	24
Пистолеты, револьверы.	31 ¹ / ₂	—	—	—	—	45	4,068,000	63,470	1,5
Платье шитое: изъ матеріи шелков. съ бумагою.	50	—	—	—	—	—	—	—	—
Изъ матеріи шелковой	60	—	—	—	—	—	—	—	—
» лучш. шерст.	36	—	55	ф.	—	—	—	—	—
По русск. тарифу со всѣхъ сортовъ	—	—	—	35	—	—	2,730,000	624,500	22
Пуговицы мѣдныя и др., кромѣ полотняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ	40 ¹ / ₂	—	—	—	—	—	—	—	—
По русск. тарифу 15, 30 и.	—	—	—	—	—	50	1,730,000	268,299	15
Рельсы бессемеров. стали.	—	—	53	пуд.	—	45	21,826,000	—	—
Рясь	—	1	20	»	—	50	1,569,000	—	—
Рыба: треска сухая	—	—	24	»	—	—	477,000	Безпошл.	—
» сельди въ рассолѣ	—	—	85	»	—	10	5,493,000	—	—
» сардинки въ маслѣ	50	—	—	—	—	3	849,000	192,000	22
Сало	—	—	48	пуд.	—	—	61,582	Безпошл.	—
Свинецъ: въ трубкахъ	—	1	20	»	—	—	—	—	—
» брускахъ	—	—	86	»	—	—	—	—	—
Порусск. тарифу оба сорт.	—	—	—	—	—	5	3,632,000	60,081	1,0
Свинцовый сахаръ, а по русск. тарифу и др. соли.	—	8	62	пуд.	—	10	10,062,000	84,899	0,0
Свинцовыя бѣдлыя	—	1	21	»	—	50	—	—	—
Сталь въ прутьяхъ 96 к. и	—	1	44	»	—	80	7,263,000	—	—
Отеклянная и хрустальн.	36	—	—	—	—	—	1,808,000	207,914	11
посудъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сурия	—	1	24	пуд.	—	25	322,967	19,339	11
Сода (causticum)	—	—	72	»	—	30	1,507,000	211,368	13
» (carbonate)	—	—	24	»	—	10	—	—	—
» (biscarbonate)	—	—	72	»	—	10	255,250	18,635	7
Табакъ безъ стеблей	23	94	»	—	—	—	—	—	—
» со стеблями	16	29	»	—	—	—	—	—	—
» одни стебли	7	18	»	—	—	—	—	—	—
По русскому тарифу всѣ сорта	—	—	—	—	—	4	4,384,000	995,946	22
Химическіе продукты	20	—	—	—	раз	з	7,471,260	440,305	6
Хмѣль и экстрактъ	—	2	40	пуд.	—	10	1,468,000	96,103	6,0
Часы карм. серебряные	25	—	—	—	—	65	1,836,000	85,120	4,0
» золотые	25	—	—	—	—	130	2,424,000	54,902	2,2
Чугунъ въ брускахъ	—	—	13	пуд.	—	5	4,485,000	47,129	1
Шелкъ швейный и др.	40	—	—	—	—	5	11,019,000	106,373	0,0
Шелковыя издѣлія	60	—	—	—	—	—	—	—	—
По русск. тарифу 1, 2 р.	—	—	—	—	—	5	3,046,785	781,268	25
20 к., 3 р. к.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шерсть крашеная и искусственная 4 р. 30 к. и	—	5	17	пуд.	—	44	2,360,000	57,774	2,4
Шерсть не крашеная	—	1	29	»	—	22	6,221,000	70,045	1,1
» пряденая	31 ¹ / ₂	9	60	»	—	4	15,905,000	1,569,700	9,0
Шерстяные товары	31 ¹ / ₂	54	ф.	—	раз	в	10,536,000	2,268,000	21

Въ этой таблицѣ сравненія пошлинъ преимущественно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе предметы:

АПЕЛЬСИНЫ, ЛИМОНЫ И ПОМЕРАНЦЫ СВѢЖІЕ.

Ихъ привезено въ Россію, въ 1878 г., слишкомъ на 2.750,000 р. при пошлинѣ въ 25 к. съ пуда, которая оказалась, какъ видно въ послѣдней графѣ, только въ 7,9 % съ цѣны, тогда какъ въ американскомъ тарифѣ пошлина съ нихъ въ 20%, слѣдовательно въ 2¹/₂ раза выше нашей.

Кромѣ того, въ американскомъ тарифѣ есть рубрика апельсиновъ и лимоновъ «въ пресованномъ видѣ», обложенныхъ пошлиною еще вышею, въ 35%; но въ нашемъ тарифѣ этой рубрики нѣтъ, поэтому можно предполагать, что и эти продукты идутъ къ намъ по той же пошлинѣ въ 25 к. съ пуда, какъ и продукты въ непресованномъ видѣ.

При пересмотрѣ тарифа 1868 года, членами отъ купечества, присутствовавшими въ тарифной комисіи, былъ предложенъ размѣръ пошлинъ на апельсины, лимоны и померанцы въ 35 к. съ пуда, размѣръ очень невысокій, но и то большинство членовъ-чиновниковъ нашло тяжелымъ и постановило въ 25 к. съ пуда.

Нельзя предполагать, чтобы отъ прибавки 10 к. на пудъ привозъ этихъ овощей уменьшился. А такъ какъ въ 1878 году привезено ихъ 947,000 пудовъ, то и оказывается, что вслѣдствіе непрібавки 10 к. на пудъ казна лишилась 94,700 р.

БУМАЖНАЯ ПРЯЖА.

Въ 1878 году привезено этой пряжи некрашеной и крашеной слишкомъ 500,000 пудовъ, на сумму свыше 18.000,000 р. при пошлинѣ ниже 10%, тогда какъ въ американскомъ тарифѣ этотъ товаръ обложенъ пошлиною въ 20% и 31¹/₂ %. Этого мало. Сколь ни низка наша пошлина, но въ послѣднее время она сдѣлалась еще ниже. Съ 1 января 1879 года, вслѣдствіе нуждъ государственнаго казначейства отъ военныхъ издержекъ и другихъ неустройствъ, признано полезнымъ обложить привозимый въ Россію американскій хлопокъ пошлиною въ 40 к. съ пуда. А такъ какъ эта пошлина взимается съ хлопка не совсѣмъ чистаго, а съ угаромъ, то на пряжу она ложится въ

50 к. на пудъ. Эти 50 к. по всей справедливости должно скинуть съ пошлинъ на пряжу, а таковая скидка понизитъ ихъ еще на 1% или 2¹/₂ %, и пошлинная охрана останется съ небольшимъ въ 8%.

Результатъ наложенія пошлины на хлопокъ уже оказался. Въ 1879 году привезено въ Россію бумажной пряжи небывалое количество, — 874,653 пуда, болѣе предшествовавшаго года на 371,000 пудовъ, но за то, на радость нашимъ фритредерамъ, менѣе на 595,000 пудовъ привезено хлопка! Результатъ получился тотъ, что мы вмѣсто хлопка, матеріала сыраго, стали получать пряжу, матеріалъ обработанный. Если пойдѣмъ по этому пути далѣе и сочтемъ за полезное прибавить пошлины на хлопокъ еще по рублю, тогда къ намъ пойдетъ одна пряжа, а хлопка не пойдетъ уже нисколько. Это ли желательно для государства?

А сколько было хлопотъ въ тарифной комисіи членамъ-купцамъ, чтобы постановить на пряжу и столь ничтожную пошлину въ 3 р. 25 к. съ пуда, лежащую на товаръ, какъ мы видимъ, не болѣе 10%, потому что члены-чиновники, крайняго направленія, настаивали обложить пряжу до № 40, которая и есть самая для насъ нужная, лишь въ 2 р. 50 к. Одинъ изъ этихъ членовъ все толковалъ, что этой пошлины достаточно по той причинѣ, что русскіе фабриканты работаютъ пряжу «изъ вѣскаго хлопка» и потому она становится имъ дешевле, чѣмъ иностранцамъ.

Что такое почтенный сочленъ разумѣлъ подъ выраженіемъ «вѣскій хлопокъ», члены-купцы, по окончаніи засѣданія, цѣлый вечеръ обдумывали и не могли понять. Постановили на томъ, что почтенный сочленъ не знаетъ, что говорить.

ЖЕЛѢЗНАЯ КУЗНЕЧНАЯ РАБОТА:

	Привозъ.
Буравы, топоры, долота и пр. . . .	3.117,700 р.
Косари, крючки, мочерги, снобы и т. п. . . .	6.805,600 »
Косы, серпы, рѣзакъ и т. п.	1.088,000 »

Итого въ привозѣ . . . 11.011,900 р.

Эти три рубрики соединены, вслѣдствіе того, что по однородности предметовъ они церемѣшаны такъ, что предметы одной статьи тарифа нашего значатся въ разныхъ статьяхъ тарифа американскаго, и наоборотъ, предметы одной статьи тарифа

американскаго находятся въ разныхъ статьяхъ тарифа русскаго. Отъ этого соединенія ясность изложенія, полагаю, не уменьшится, а, напротивъ, увеличится.

Со всего этого количества привезенныхъ товаровъ собрано пошлинъ, постановленныхъ въ размѣрѣ отъ 44 к. до 1 р. съ пуда, — 993,436 р. Эти пошлины, раздѣленные на сумму привоза 11.011,300 р., ложатся на товаръ въ видѣ 9% съ цѣны.

Между тѣмъ по американскому тарифу всѣ означенные въ этихъ рубрикахъ предметы обложены пошлиною въ 31¹/₂, 40 и 40¹/₂ % съ цѣны.

Такое невниманіе къ охраненію отъ иностранной конкуренціи отечественныхъ произведеній этого рода тѣмъ болѣе прискорбно, что они составляютъ предметъ нашей кустарной промышленности, о развитіи которой такъ безуспѣшно хлопочутъ нѣкоторые наши ученые общества.

Сколько исписано бумаги по этому предмету, какъ учеными обществами, такъ и вообще печатью, а дѣло не поправляется, но упадаетъ. Не такъ давно въ нашихъ деревняхъ (шуйскаго уѣзда) дѣлались косы и серпы, а нынче и кузницъ уже нѣтъ: штирійскія косы, привозимыя съ пошлиною въ 44 к. съ пуда или менѣе 5% съ цѣны, убили этотъ народный домашній промыселъ.

Замѣчательна неединодушность въ этомъ дѣлѣ нашихъ государственныхъ вѣдомствъ. Одно вѣдомство пишетъ - пишетъ, говорить - говорить о средствахъ къ развитію кустарныхъ промысловъ, а другое однимъ почеркомъ пера убиваетъ ихъ, допуская сильныхъ иностранныхъ конкурентовъ.

Ждали, что вотъ комисія о пересмотрѣ тарифа на металлическія издѣлія поправитъ дѣло, и чтоже? Комисія прибавила пошлины на серпы и косы лишь 6 к. на пудъ, т. е. вмѣсто 44 к. постановила въ 50 к. съ пуда, которая теперь будетъ ложиться на товаръ вмѣсто прежнихъ 4,7%, въ 5%! Этого ли ждали наши кустарники и вообще народъ! Мы видимъ, что въ Америкѣ, гораздо опередившей насъ на поприщѣ промышленномъ, пошлина на эти предметы существуетъ въ 40¹/₂ %.

Но на косы и серпы комисія взглянула еще милостиво. Хотя мало, до курьеза мало, но все-таки накинула 6 к. въ пользу ихъ охраны. Не такъ отнеслась она къ другимъ предметамъ металлическихъ издѣлій, непоименованныхъ въ приложенной таблицѣ. Напримѣръ, чугуныя издѣлія (ст. 162 п. 3), полированные, съ украшеніями изъ бронзы и другихъ металовъ, бывшія обложенными пошлиною въ 2 р. 50 к., она обложила только

въ 1 р. съ пуда; издѣлія изъ литой стали (ст. 163), проходившія съ пошлиною въ 1 р. 35 к. и въ 4 р. 50 к., обложила размѣромъ въ 80 к. съ пуда; врючья, гвозди, якоря и нѣкоторые другіе предметы перенесла изъ ст. 164 въ ст. 163, съ пониженіемъ 20 к. съ пуда; съ проволоки желѣзной и стальной (ст. 167), проходившей съ пошлиною въ 1 р. 50 к., комисія сбавила 50 к., поставивъ пошлину въ 1 р. съ пуда; наконецъ, измѣнивъ редакцію ст. 165, желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, облагавшихся пошлинами въ 2 р. 50 к. и въ 4 р. 50 к., обложила ихъ только въ 1 и въ 2 р., т. е. уменьшила пошлины слишкомъ вдвое.

Если это дѣлали съ цѣлью надсмѣяться надъ общественнымъ голосомъ и надеждами народа, то цѣль достигнута...

ВЕРЕВКИ, БАНАТЫ И ВИЧЕВКИ.

По американскому тарифу они обложены пошлиной въ 1 р. 56 к., по русскому—въ 40 к. съ пуда. Послѣдняя пошлина легла на цѣну товара только въ видѣ 5,5

ВИНА ВІНОГРАДНЫЯ (КРОМѢ ШАМПАНСКАГО).

По американскому тарифу они провозятся съ пошлиной двухъ разрядовъ: въ 3 р. 19 к. съ пуда и въ 5 р. 32 к. съ пуда и 25% съ цѣны, т. е. послѣдній разрядъ состоитъ изъ двухъ налоговъ—съ цѣны и съ вѣсу. По нашему тарифу пошлина лишь 2 р. 30 к. съ пуда. Между тѣмъ этихъ винъ привезено почти на 7.500,000 р.

ВОСКЪ.

По американскому тарифу воскъ обложенъ въ 20% съ цѣны; по русскому онъ провозится безпошлинно, вѣроятно въ пику тому вѣдомству, которое хлопочетъ о кустарныхъ промыслахъ.

ВІЗАНЬЕ ИЗЪ ШЕРСТИ.

По американскому тарифу этотъ товаръ обложенъ двойною пошлиною: съ цѣны 31½% и съ вѣсу 21 р. 54 к. съ пуда;

по русскому—только съ вѣсу 20 р. съ пуда. Привозъ на 1.250,000 р.

Гутаперчевыя издѣлія.

По американскому тарифу онѣ обложены съ цѣны 36%, по русскому—съ вѣсу, 3 р. 30 к. съ пуда. Послѣдняя пошлина легла на товаръ въ размѣрѣ 16% съ цѣны.

Замѣчательно, что Америка снабжаетъ этими издѣліями весь свѣтъ, а пошлину на нихъ держитъ выше нашей.

Жельзо.

а) въ полосахъ и брускахъ:

По американскому тарифу	64 к.	съ пуда.
> русскому	> 35	> > >

б) котельное кубовое и листовое:

По американскому тарифу	71 к.	съ пуда.
> русскому	> 50	> > >

Привозъ обоихъ сортовъ на 12.000,000 р.

Эти пошлины послѣднею комисіею не измѣнены, хотя слѣдовало бы.

Не уваженъ былъ голосъ членовъ-купцовъ и въ тарифной комисіи 1868 года, предполагавшихъ очень умѣренный размѣръ пошлинъ: на первый сортъ въ 40, а на второй—въ 70 к. съ пуда.

Керосинъ, петролеумъ и проч.

По американскому тарифу эти продукты обложены пошлиною въ 2 р. 13 к., а по русскому—только въ 55 к. съ пуда. Привозъ слишкомъ на 7.000,000 р. Пошлинный сборъ легъ на товаръ въ размѣрѣ 15%.

Краски и красильные матеріалы.

Американскимъ тарифомъ обложены онѣ 25% съ цѣны, а русскимъ—съ вѣсу, въ разныхъ размѣрахъ, отъ 5 к. до 4 р.

40 к. съ пуда. Привозъ ихъ слишкомъ на 17.000,000 р. Пошлинный сборъ легъ на товаръ въ размѣрѣ $5\frac{1}{2}\%$.

Льняныя ткани.

По американскому тарифу онѣ обложены пошлинами двухъ размѣровъ:

а) стоящія не дороже 30 центовъ—за квадрат. ярдъ (32 к. за квадрат. аршинъ) 35% съ цѣны,

б) стоящія дороже 30 центовъ—за квадрат. ярдъ 40% съ цѣны.

По русскому тарифу всѣ сорта обложены одинаковою пошлиною въ 30 к. съ цѣны.

Слѣдовательно, русская пошлина ниже американской на 5 и 10% .

Привозъ на 1.932,407 р.

Мѣдь въ листахъ и пруткахъ.

По тарифу американскому она обложена пошлиною $31\frac{1}{2}\%$ съ цѣны.

По тарифу русскому—60 к. съ пуда. Привозъ на сумму слишкомъ 6.000,000 р. Пошлинный сборъ палъ на товаръ въ видѣ $4\frac{1}{2}\%$ съ цѣны.

Но и эта пошлина окажется фиктивною, если мы примемъ въ расчетъ, что русская мѣдь переноситъ горную подать двухъ размѣровъ, смотря по мѣстности: въ 25 к. и въ 1 р. съ пуда, слѣдовательно, среднимъ числомъ въ $62\frac{1}{2}$ к. съ пуда. А охранительная пошлина существуетъ для нея только въ 60 к. съ пуда. Поэтому оказывается, что никакой охраны она не имѣетъ и положительно обречена на жертву иностранной производительности, вслѣдствіе чего привозъ изъ-за границы мѣди увеличивается, а добыча своей уменьшается. Вотъ нѣкоторые данныя по отношенію къ той и другой:

Годы.	Привозъ мѣди. Пуды.	Добыча мѣди. Пуды.
1857	7,000	337,979
1867	147,991	258,867
1878	524,938 ¹⁾	1877 г. 213,931

¹⁾ Привозъ 1877 года, какъ военнаго, ненормальнаго, здѣсь выпущенъ.

И такъ, черезъ каждыя 10 лѣтъ привозъ видимо возрастаетъ, а добыча упадаетъ.

Мѣдъ въ издѣліяхъ.

По американскому тарифу она обложена пошлиною съ цѣны въ $31\frac{1}{2}\%$, а по русскому—съ вѣсу по 12 р. съ пуда. Послѣдняя пошлина падаетъ на товаръ въ размѣрѣ 11% .

Мѣшки холщевые.

Этотъ товаръ американцами обложенъ пошлиною въ 40% съ цѣны, а у насъ по 30 к. съ пуда. Наша пошлина ложится на товаръ въ видѣ $4,2\%$, т. е. почти въ 10 разъ ниже американской. Вслѣдствіе этого, привозъ къ намъ мѣшковъ постепенно возрастаетъ.

При прежней пошлинѣ въ 3 р. 30 к. съ сотни мѣшковъ ихъ привозилось:

Годи.	Штуки.	Рубл.
1860	35,951	10,997
1867	209,279	62,783

При новой, 1868 г., пошлинѣ въ 30 к. съ пуда привозится:

Годи.	Пуды.	Рубл.
1870	125,618	376,851
1876	395,412	1.594,802
1877	563,581	3.530,529
1878	771,004	5.744,207

За 1879 годъ свѣдѣній еще нѣтъ. Что же касается до текущаго 1880 года, то специалисты этого дѣла предполагаютъ, что въ настоящемъ году, по ноябрь, мѣшковъ привезено уже на сумму до 8.000,000 р.

Во время засѣданія тарифной комисіи 1868 года по этому дѣлу, члены-эксперты предложили пошлину на этотъ товаръ въ 80 к. Тогда одинъ членъ, изъ числа самыхъ ярыхъ фритредеровъ, толкнувъ передъ собою стоявшій чайный стаканъ, злобно вскричалъ: «ужъ и мѣшки-то у насъ не могутъ дѣлать безъ охраны!» И большинство членовъ-чиновниковъ, вопреки экспертамъ, назначило пошлину въ 25 к. съ пуда; но изъ государ-

ственного совѣта она вышла въ 30 в. Исправленіе оказалось недостаточное.

Нужно прибавить, что холстъ для мѣшковъ есть произведе- ніе чисто народное и преимущественно женское.

Мягкая рухлядь.

Этотъ товаръ оплачивается по американскому тарифу пош- линою въ 20%, а по русскому, смотря по сортамъ: въ 5, 10 и 20 р. съ пуда. Привозъ почти на 5.500,000 р. Пошлинный сборъ составилъ 5,3% съ цѣны.

До пересмотра тарифа 1868 года пошлины на этотъ то- варъ были много выше, именно отъ 6 р. 60 в. до 154 р. съ пуда, смотря по цѣнности товара.

Тарифная комисиія сочла полезнымъ уменьшить ихъ до по- казанныхъ размѣровъ, объяснивъ это пониженіе слѣдующими доводами: «для поддержанія таможенного дохода съ мягкой рухляди необходимо, въ видахъ противодѣйствія контрабандѣ, допустить сбавку пошлинъ по этой статьѣ въ значительномъ размѣрѣ».

И допустила «въ значительномъ размѣрѣ». Но оправдалось ли предположеніе тарифной комисиі, что сбавка «въ значитель- номъ размѣрѣ» увеличитъ казенный доходъ? Посмотримъ.

Въ 1867 году, до сбавки пошлинъ, привезено было мягкой рухляди на 2.167,700 р., собрано пошлины 296,277 р., ко- торая пала на товаръ въ видѣ 13,6%.

Въ 1878 году, послѣ сбавки, привезено на 5.537,015 р., собрано пошлины 293,767 р., легшей на товаръ въ видѣ 5,3%.

Отсюда видно, что привозъ, вслѣдствіе сбавки пошлины «въ значительномъ размѣрѣ», увеличился въ 2½ раза, а пошлины получено не только не больше, но меньше на 2,510 р.

Вообще этотъ излюбленный терминъ «въ значительномъ раз- мѣрѣ» практиковался въ покойной тарифной комисиі весьма часто. Если кто съ лѣвой, купеческой, стороны скажетъ, что въ 1857 году при пересмотрѣ тарифа съ такого-то товара пош- лины сбавлено, но отъ этого доходъ пошлинный не увеличился, то съ правой (чиновничьей) стороны сейчас послышится го- лось: «мало, нужно сбавить въ значительномъ размѣрѣ». Точно также и относительно контрабанды. При указаніи на то, что въ 1857 году пошлины со всѣхъ товаровъ понижены, а кон-

трабанда между тѣмъ не уменьшилась, съ правой стороны опять слышится голосъ: «нужно сбавить въ значительномъ размѣрѣ».

Съ тѣхъ поръ прошло 12 лѣтъ, но этотъ терминъ до сихъ поръ звучитъ въ ухахъ. Если кто либо въ обыденной жизни произнесетъ: «значительный размѣръ», то сейчасъ и представится, что сидишь въ тарифной комисіи и сбавляешь пошлины съ привозныхъ товаровъ «въ значительномъ размѣрѣ».

Пистолеты, револьверы и проч. оружіе.

По американскому тарифу этотъ товаръ обложенъ пошлиною съ цѣны 31 $\frac{1}{2}$ %, а по русскому—съ вѣсу 45 к. съ фунта. Привозъ на 4.000,000 р.; пошлины собрано только 63,470 р., которая легла на товаръ въ видѣ 1 $\frac{1}{2}$ ‰.

Такой размѣръ не достигаетъ цѣли не только охранять нашу промышленность, но и въ фискальномъ отношеніи, въ смыслѣ дохода государственнаго.

Платье шитое, всякаго рода.

Этотъ товаръ американскій тарифъ пропускаетъ къ ввозу съ пошлинами разными: въ 50%, въ 60% съ цѣны, и одинъ сортъ съ двойною пошлиною: въ 36% съ цѣны и 55 к. съ фунта; нашъ же тарифъ съ пошлиною одинаковою—въ 35% съ цѣны.

Привозъ на 2.750,000 р. Пошлины собрано 624,500 р., которая пала на товаръ въ размѣрѣ не болѣе 22%, потому что на 947,000 р. пропущено его почему-то беспошлинно.

Дабы избавить нашихъ портныхъ и швей отъ сильной конкуренціи иностранныхъ производителей, члены отъ купечества въ тарифной комисіи 1868 года старались постановить пошлину на платье по крайности въ 50%; но большинство членовъ-чиновниковъ не вняло этому голосу. Въ доказательство того, что на этотъ товаръ нельзя назначать пошлину высокую, одинъ членъ изъ крайнихъ фритредеровъ представилъ слѣдующій аргументъ: «дорого стоющее платье заставляеть насъ скупиться и ходить неряхами. А привыкнувъ ходить неряхами физически, мы будемъ неряхами и нравственно». Такъ вотъ въ чемъ суть!

Надѣнь на себя свой хорошій кафтанъ, о чадо! и просвѣтитя душа твоя свѣтомъ чистоты небесныя.

Пуговицы мѣдныя и другія ¹⁾.

Онѣ обложены по американскому тарифу съ цѣны 40¹/₂%, а по русскому—съ вѣсу въ 15, 30 и 50 к. съ фунта, смотря по сортамъ.

Привозъ на 1.730,000 р. Пошлинный сборъ легъ въ размѣрѣ 15%.

До 1868 года пошлина на нихъ была выше—въ 33 к. и 1 р. 10 к. съ фунта, поэтому и привозилось ихъ значительно меньше. Въ 1867 году привезено было только на 122,000 р.

Рельсы изъ бессемерової стали.

По американскому тарифу они провозятся съ пошлиною въ 53 к., а по нашему—въ 45 к. съ пуда.

Привезено ихъ 9.267,406 пуд., на сумму 21.826,273 р. Сборъ пошлинный легъ въ размѣрѣ 29%.

Послѣдняя комисія, пересматривавшая пошлины на металлы, не сочла нужнымъ повысить пошлину на эти рельсы, хотя-бы до размѣра пошлины американской, за то поусердствовала повысить пошлину на рельсы желѣзные, которые почти уже не стали привозиться.

РЫБА.

Треска сухая. По американскому тарифу обложена 24 к. съ пуда, по русскому—провозится безпошлинно.

Сельди въ рассолѣ. По американскому тарифу 85 к., по русскому—10 к. съ пуда. Привозъ на 5.500,000 р.

Сардинки въ маслѣ. По американскому тарифу 50%, по русскому—3 р. съ пуда. Послѣдняя ложится на товаръ въ видѣ 22%.

Сало скотское.

По американскому тарифу оно оплачивается по 48 к. съ пуда, по русскому—пропускается безпошлинно.

Между тѣмъ, привезено его, въ 1879 году, 435,000 пуд.,

¹⁾ Кроме полотняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ.

а въ 1880 году, впродолженіи только 9 мѣсяцевъ, привезено болѣе чѣмъ во весь 1879 годъ, именно 701,000 пуд.

СВИНЕЦЪ ВЪ ТРУБКАХЪ И ВРУСКАХЪ.

Американскій тарифъ облагаетъ его: первый сортъ по 1 р. 20 к., а второй—по 86 к. съ пуда. По русскому тарифу оба сорта обложены пошлиною только въ 5 к. съ пуда.

Привозъ его 1.200,000 пуд., на сумму 3.632,637 р. Пошлинный сборъ палъ на него въ видѣ 1,6%.

Столь ничтожная пошлина не даетъ возможности развиться отечественному производству этого металла. Самая высшая цифра добычи его, бывшая въ 1871 году, не превышала 107,000 пуд. Въ 1877 году, какъ послѣднемъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, добыто только 73,000 пуд.

СВИНЦОВЫЙ САХАРЪ.

По американскому тарифу онъ подлежитъ пошлинѣ въ 8 р. 62 к. съ пуда (18 центовъ съ фунта).

Въ русскомъ тарифѣ этого матеріала нѣтъ. Вѣроятно онъ провозится по ст. 140 тарифа, гласящей: «кислоты, окиси, соли и другіе химическіе продукты, особо непоименованные», 1 р. 10 к. съ пуда.

А этихъ матеріаловъ привезено слишкомъ на 10.000,000 р., на которые пошлинный сборъ палъ только въ видѣ 0,8%!

Нельзя не подивиться воззрѣніямъ нашихъ политико-экономовъ, заправляющихъ отечественными экономическими порядками. Подивимся лучше, какъ еще держится наша промышленность и вообще экономическій строй. Велика сила живучести. Плохо, но держится. «Живъ чурилка, не умеръ».

Сталь.

а) Въ слиткахъ и прутьяхъ по американскому тарифу оплачивается пошлиною въ 96 к.

б) Въ листахъ—по 1 р. 44 к. съ пуда.

Въ русскомъ тарифѣ значится только одинъ сортъ, просто: сталь, оплачиваемая по 80 к. съ пуда.

Привозъ ея 1.000,000 пуд., на сумму 7.000,000 р. Сборъ пошлинъ оказался въ размѣрѣ 6%.

Послѣдняя желѣзная комисія, по пересмотру пошлинъ на металлы, какъ ожидали въ смыслѣ повышенія, еще понизила и безъ того невысокую пошлину на сталь, назначивъ на пологовую и сортовую 35 к., на листовую и въ плитахъ 50 к., а на сталь въ ломъ 20 к. съ пуда.

При такомъ пониженіи нужно ожидать, что привозъ къ намъ стали удвоится, а пошлинный доходъ, подобно мягкой рухляди, уменьшится, а не увеличится, не смотря на то, что пошлина понижена въ «значительномъ размѣрѣ».

Стекланная и хрустальная посуда.

По американскому тарифу вся такая посуда обложена одинакою пошлиною, съ цѣны въ 36%.

По русскому тарифу: посуда хрустальная—4 р., стекланная—50 к. съ пуда. Привозъ на сумму 1.808,114 р.; пошлинный сборъ легъ на товаръ въ размѣрѣ 11%.

Сода.

Здѣсь разумѣется сода трехъ сортовъ, поименованныхъ въ таблицѣ. Пошлина на нее въ 24 и въ 72 к. съ пуда. По русскому же тарифу—въ 10 и 30 к. съ пуда. Привозъ на 1.750,000 р.; пошлинный сборъ—13%.

Есть еще сортъ соды жженой или кальцинированной, подъ названіемъ сода ашъ, на которую американская пошлина постановлена въ 12 к., а русская—въ 20 к. съ пуда. Привозъ ея на 1,3 мил.; пошлинный сборъ въ видѣ 10%.

Табакъ въ листахъ.

Табакъ, по американскому тарифу, раздѣляется на три сорта, потому и обложенъ тремя различными пошлинами: въ 7 р. 18 к., 16 р. 29 к. и въ 23 р. 94 к. съ пуда. По русскому же тарифу всѣ сорта обложены одинакимъ размѣромъ—въ 4 р. 40 к. съ пуда.

Привозъ на 4,3 мил. р. Пошлинный сборъ составилъ 22% съ цѣны.

Но привозъ 1880 года, какъ видно изъ официальныхъ извѣстій, значительно превзойдетъ показанный привозъ 1878 года. Вѣроятно онъ будетъ въ полтора раза болѣе.

До пересмотра тарифа 1868 года, у насъ пошлина была на табакъ неприготовленный въ 6 р. 60 к. съ пуда. Выше нынѣшней въ полтора раза.

Табакъ въ сигарахъ и сигареткахъ, по американскому тарифу, обложенъ двойною пошлиною—съ цѣны и съ вѣсу.

Одинъ сортъ, мелкихъ сигаръ или сигаретокъ, въ 25% съ цѣны и 3 р. 60 к. съ фунта. Другой сортъ, крупныхъ сигаръ— въ 25% и 4 р. 20 к. съ фунта.

По русскому тарифу всѣ сорта въ 2 р. 20 к. съ фунта. Привозъ на сумму 575,000 р.

ХИМИЧЕСКІЕ ПРОДУКТЫ.

По американскому тарифу они обложены цѣною пошлиною въ 20%.

По русскому тарифу — вѣсовыми пошлинами отъ 20 к. до 2 р. 20 к. съ пуда.

Привозъ ихъ, за исключеніемъ соды и свинцоваго сахара, съ особо непоименованными матеріалами, значащимися въ ст. 140 тарифа, доходитъ до 7.500,000 р. Пошлинный сборъ не превышаетъ 6% съ цѣны.

Вообще въ нашемъ тарифѣ рубрики: «особо непоименованные» товары, а также: «кромѣ особо поименованныхъ» играютъ значительную роль. Онѣ значатся въ 36 статьяхъ тарифа, состоящаго изъ 241 статьи, слѣдовательно составляютъ болѣе одной седьмой части. Въ эти рубрики могутъ входить и такіе товары, которые по своей высшей цѣнности должны бы поступать въ высшій разрядъ пошлинъ, если-бы были переименованы. Доказательствомъ этому можетъ служить ст. 140 тарифа, редактированная такъ: «Кислоты, окиси, соли и другіе химическіе продукты, особо непоименованные», облагаются такою-то пошлиною (1 р. 10 к.).

Въ эту статью входить и свинцовый сахаръ, какъ сама тарифная комисія признавала ¹⁾, который привозится въ значитель-

¹⁾ См. «Труды тарифной комисіи» 1868 г., стр. 174.

номъ количествѣ, но между тѣмъ въ точности неизвѣстномъ, чего, конечно, не было бы, если-бы онъ находился въ особой статьѣ. Тогда за нимъ, обложеннымъ невысокою пошлиною, не проскользали бы и другіе матеріалы, гораздо цѣннѣйшіе, но особо не поименованные, котовые тоже слѣдовало бы переименовать и постановить на нихъ пошлины высшія. А что они проходятъ по низшей пошлинѣ, чѣмъ бы слѣдовало, въ этомъ можетъ убѣдить упомянутая статья: «Свинцовый сахаръ и другія соли» въ вышеизложенной таблицѣ, гдѣ значится, что этихъ непоименованныхъ товаровъ, со включеніемъ свинцоваго сахара, привезено на 10.000,000 р., а пошлины собрано только 84,000 р., которая легла на товаръ въ размѣрѣ лишь 0,8%. До такого низкаго размѣра пошлина, конечно, не упала бы, если-бы въ эту статью не поступали матеріалы высокихъ цѣнъ изъ числа особо непоименованныхъ и, своею высокою стоимостью, не уронили бы процентное отношеніе пошлинныхъ сборовъ, что, разумѣется, невыгодно и для государственнаго казначейства. Въ американскомъ тарифѣ статей съ особо непоименованными товарами очень мало. Полезно убавить и намъ. Это исправленіе значительно облегчило бы и чиновниковъ таможеннаго вѣдомства, принужденныхъ теперь, съ немалымъ трудомъ, присѣивать, подъ какую статью подвести такой-то и такой-то непоименованный товаръ.

ЧАСЫ КАРМАННЫЕ.

По американскому тарифу карманные часы, всякіе, обложены одинакою пошлиною въ 25%, а по русскому—разною: серебряные по 65 к., золотые по 1 р. 30 к. со штуки.

Привозъ ихъ 173,155 шт., на сумму 4.250,000 р. Собрано пошлинъ 140,000 р., которыя пали на товаръ въ видѣ 3,2%; слѣдовательно почти въ 8 разъ ниже американскихъ.

ЧУГУНЪ ВЪ БРУСКАХЪ.

Въ американскомъ тарифѣ онъ обложенъ пошлиною въ 13 к., а въ русскомъ—въ 5 к. съ пуда.

Привозъ, въ 1878 году, слишкомъ 6.000,000 пуд., на сумму почти 4.500,000 р. Пошлинный сборъ палъ въ видѣ 1%. Привозъ же 1879 года увеличился почти вдвое, именно привезено болѣе 11.000,000 пуд.

Наша пошлина въ $2\frac{1}{2}$ раза ниже американской. Но и эту низкую пошлину нельзя считать за дѣйствительную; она еще понижается тѣмъ, что нашъ чугуны переноситъ внутреннюю пошлину—горную подать, которая взимается: на владѣльческихъ заводахъ по $2\frac{1}{2}$ в., а на заводахъ, пользующихся казенными землями и лѣсами, по $3\frac{3}{4}$ в. съ пуда. Если не считать послѣдній размѣръ горной подати, то неминуемо должно принять въ расчетъ первый размѣръ—въ $2\frac{1}{2}$ в. и скинуть его съ нашей пошлины, какъ на половину теряющей силу въ смыслѣ охраны отечественнаго производства. Такимъ образомъ наша пошлина окажется въ 5 разъ меньше американской.

Вслѣдствіе такой малой тарифной охраны, производство нашего чугуна слабо развивается, тогда какъ привозъ иностраннаго быстро идетъ впередъ.

Впродолженіи 17 лѣтъ добыча его увеличилась лишь на 4.000,000 пуд. (съ 20.000,000 пуд. 1860 г. до 24.000,000 пуд. 1877 г.). Тогда какъ привозъ иностраннаго усилился до невѣроятности. Въ 1860 году привезено его было только 546,000, а въ 1879 году, какъ сказано выше, болѣе 11.000,000 пуд. Привозъ 1880 года, по всей вѣроятности, превзойдетъ таковой же и 1879 года, потому что, по 1 октября, привезено уже болѣе 10.000,000 пуд.

Шелкъ швейный, крученый и размотанный для утка и основы.

Американскій тарифъ облагаетъ его по 40% съ цѣны, а русскій—по 5 р. съ пуда. Привозъ на 11.000,000 р. Пошлинный сборъ легъ на товаръ въ размѣръ 0,9%, слѣдовательно слишкомъ въ 40 разъ менѣе американской пошлины.

Крученіе или пряденіе шелка производится въ Россіи первобытнымъ способомъ, крестьянами на такъ-называемыхъ карабахъ, ручныхъ снарядахъ, которые далеко не удовлетворяютъ требованіямъ фабрикаціи, ткачества шелковыхъ матерій. Попытка нѣкоторыми лицами устройства крутильныхъ заведеній въ сороковыхъ годахъ не имѣла успѣха; пониженіе пошлины, въ 1857 году, съ 8 до 4 р. на привозный крученый шелкъ, убило эти крутилки. Между тѣмъ, надобность въ нихъ существенная, потому что у насъ на Кавказѣ производится свой шелкъ, болѣе 60,000 пуд. въ годъ, около половины котораго отпускается

за границу въ видѣ сырца, а изъ-за границы получается обратно въ Россію въ видѣ крученаго, приготовленнаго для основъ и утка, и конечно, по высшей цѣнѣ. Дабы развить фабрикацію крученія шелка, эксперты и депутаты отъ купечества въ бывшей тарифной комисіи предложили постановить пошлину на крученый шелкъ въ 20 р. съ пуда, т. е. возвысить вчетверо, чѣмъ она постановлена, и эта пошлина не превысила бы 4% съ цѣны товара, и во всякомъ случаѣ была ниже американской въ 10 разъ; но тарифная комисія, при преобладаніи въ ней чиновничьяго элемента, не уважила предложеніе экспертовъ и депутатовъ отъ купечества, и вотъ мы, благодаря этому элементу, по прежнему посылаемъ свой кавказскій шелкъ для крученія въ Италію и Францію, а оттуда получаемъ обратно, съ приплатою за крученіе, провозъ, комисію и другіе расходы, сопряженные съ подобными операціями.

ШЕЛКОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

По американскому тарифу эти издѣлія обложены однообразною пошлиною—съ цѣны товара 60%; по русскому—облагаются они съ вѣсу, отъ 1 до 5 р. съ фунта, смотря по сортамъ и достоинству товара. Привозъ ихъ на сумму 3.000,000 р.; пошлинный сборъ палъ на товаръ въ размѣрѣ 25%.

ШЕРСТЬ БРАШЕНАЯ И ИСКУССТВЕННАЯ ¹⁾.

Американскій тарифъ облагаетъ ее двумя размѣрами пошлинь: въ 4 р. 30 к. и 5 р. 17 к. съ пуда; русскій тарифъ—въ 44 к. съ пуда. Привозъ на 2,3% мил. р. Пошлинный сборъ=2,4%.

ШЕРСТЬ НЕБРАШЕНАЯ.

По американскому тарифу она обложена въ 1 р. 29 к.; по русскому—22 к. съ пуда. Привозъ на 6¼ мил. р. Пошлинный сборъ=1,1%.

¹⁾ Искусственная шерсть получается изъ суюннаго тряпца.

ШЕРСТЬ ПРЯДЕНАЯ.

По американскому тарифу она обложена двойною пошлиною: съ цѣны товара $31\frac{1}{2}\%$ и съ вѣсу 9 р. 60 к. съ пуда одного и того же товара.

По русскому тарифу въ 4 р. 50 к. съ пуда.

Привозъ на 15,9 мил. р.; пошлинный сборъ падаетъ на товаръ въ размѣрѣ $9,8\%$.

Эксперты и депутаты отъ купечества предлагали въ тарифной комисіи 1868 г. постановить пошлину: на шерсть непряденую 1 р. 20 к., а на шерсть пряденую 7 р. съ пуда.

Кромѣ этихъ лицъ, присутствовавшихъ лично въ тарифной комисіи, ходатайствовали объ охраненіи шерстяного промысла и другія лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, но не присутствовавшія въ комисіи. «Югороссійскіе овцеводы, читаемъ мы въ «Трудахъ тарифной комисіи», чрезъ посредство новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора, ходатайствуютъ объ охраненіи ихъ промысла, посредствомъ пошлины, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока югъ Россіи не соединится желѣзными дорогами съ внутренними и западными губерніями; а отъ десяти овцеводовъ, преимущественно Екатеринославской и Полтавской губерній, доставлена записка на имя предсѣдателя тарифной комисіи, которая, въ числѣ разныхъ другихъ мѣропріятій, влчющихся къ поддержанію у насъ тонкоруннаго овцеводства, указываетъ на необходимость воспрещенія привоза въ Россію иностранной шерсти не только въ сыромъ и грязномъ видѣ, но и въ пряжѣ». «Съ этимъ мнѣніемъ не согласились, говоритъ журналъ комисіи, — депутатъ варшавскаго комитета Вертгеймъ и эксперты Гольденбергъ и Мюръ, которые полагали бы отмѣнить пошлину съ сырой шерсти, такъ какъ она не имѣетъ ни фискальнаго, ни охранительнаго значенія»¹⁾.

¹⁾ «Труды тарифной комисіи», ч. 2. Докладъ экспертной комисіи о шерсти и шерстяныхъ изделияхъ, стр. 35 и 36.

Здѣсь не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о г. Гольденбергѣ. Это разорившійся купецъ города Одессы изъ народа Вожія, и по чьей-то рекомендаціи являвавшійся въ Петербургъ нарочно для разъясненія непонятныхъ предметовъ для членовъ комисіи, изъ чиновниковъ, и для засѣданія въ тарифной комисіи съ цѣлію опровергать доводы членовъ-купцовъ. Голосъ его былъ очень вліятеленъ на чиновниковъ, и нужно сказать, что г. Гольденбергъ шилъ даръ всезнаанія. За проживаниеъ его въ Петербургѣ, комисіи, какъ было слышно, платила ему большое жалованье. «И ввекъ израильянинъъ злато кесарево и возсѣдъ среди сонна книжниковъ, поучая ихъ, яко же мудръ бысть».

Благодаря такимъ авторитетамъ, какъ г. Гольденбергъ, голось ни генераль-губернатора, ни десяти овцеводовъ, ни экспертовъ и членовъ отъ купечества не уважился; шерстяное производство осталось почти безъ охраны. Результатъ получился тотъ, что мы отпускаемъ шерсть за границу непряденою, а выписываемъ ее же оттуда пряденою. Отсюда получается слѣдующій интересный фактъ: Въ 1878 году мы отпустили за границу шерсти 1.159,000 пуд. и получили за нее 12,3 мил. р., по 10 р. 70 к. за пудъ, а выписали изъ-за границы пряденой 348,000 пуд. и заплатили за нее 15,9 мил. р., по 45 р. 70 к. за пудъ. Другими словами: мы заплатили иностранцамъ за 348,000 пуд. шерсти пряденой 1.159,000 пудами шерсти непряденой и къ тому добавили еще $3\frac{1}{2}$ мил. р. золотомъ!

ШЕРСТЯНЫЕ ТОВАРЫ.

По американскому тарифу эти товары обложены двойною пошлиною: съ цѣны товара $31\frac{1}{2}\%$ и въ то же время съ вѣсу того же самого товара 54 к. съ фунта.

По русскому тарифу пошлина взимается только съ вѣсу товара. Размѣръ ея разный, смотря по сортамъ, отъ 10 к. до 3 р. съ фунта.

Привозъ на сумму $10\frac{1}{2}$ мил. р.; пошлинный сборъ оказался въ размѣрѣ 21% .

Главнѣйшій сортъ въ привозѣ по количеству есть шерстяная матерія невалянная, пропускаемая съ пошлиною въ 50 к. и въ 85 к. съ фунта. Ихъ привезено почти на 6.000,000 р. При пересмотрѣ тарифа 1868 г. эксперты предлагали размѣръ пошлины на означенный товаръ въ 1 р. съ фунта, но комиссія не уважила этого предложенія.

Этимъ заканчиваю сравненіе нашихъ пошлинъ съ таковыми же Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки. Изъ сего сравненія ясно видно, насколько наши пошлины ниже американскихъ. Но этимъ слабость отечественнаго тарифа еще не заканчивается. Въ угоду западнымъ народамъ, мы пропускаемъ значительную часть товаровъ совершенно безъ пошлинъ. Ихъ въ 1878 году пропущено на 142.000,000 р., при общемъ привозѣ на 595.000,000 р., слѣдовательно, болѣе $\frac{1}{3}$ части всего привоза. Вслѣдствіе этого, а также и низкихъ пошлинъ на многіе товары, таможенный сборъ означеннаго года составилъ всего 57.000,000 р., которые, по разложеніи на всю сумму привоза,

пали на товаръ въ размѣрѣ лишь $9\frac{1}{2}\%$ (металлическихъ), тогда какъ американскій таможенный доходъ разлагается на товаръ въ размѣрѣ не менѣе 30% .

Такая слабость нашего тарифа даетъ большую льготу иностраннымъ производителямъ, зорко слѣдящимъ за нашими порядками и быстро пользующимися каждою сосѣднею оплошностью, быстрѣе чѣмъ оплошливый сосѣдъ успѣетъ понять свою ошибку, оглядѣться, одуматься, поразмыслить и встать для задрланія не пробойны, а просто дыры, оставленной по недоразумѣнію, по простотѣ душевной, свойственнымъ только намъ однимъ. Такая слабость, повторяю, даетъ возможность иностраннымъ производителямъ запруживать наши рынки своими произведеніями, вытѣсняя съ нихъ произведенія отечественныя. Такъ, въ продолженіи послѣднихъ 10 лѣтъ (1869—1878) иностранцы привезли къ намъ товаровъ, нужныхъ и ненужныхъ, на 4,091 мил. р., а вывезли отъ насъ только на 3,897 мил. р., менѣе чѣмъ привезли на 194,000,000 р. Эта же слабость тарифа служитъ причиною и малаго у насъ таможенного дохода, составляющаго не болѣе $\frac{1}{7}$ части всѣхъ государственныхъ сборовъ; она же не даетъ развиваться и нашей промышленности, произведеніями которой мы могли бы оплачивать наши заграничныя покупки, а не однимъ хлѣбомъ и другими сырыми продуктами, какъ это дѣлаемъ теперь. Обмѣнивать сырыя произведенія на произведенія мануфактурныя очень невыгодно, отпуская, на примѣръ, пудъ льна за одинъ фунтъ полотна. При такомъ порядкѣ, кичливые иностранцы могутъ про насъ говорить тоже, что въ XVI столѣтіи ганзейцы говорили про англичанъ: «мы вывозимъ отъ англичанъ лисью шеуру, а въ уплату за нее отдаемъ одинъ лисій хвостъ». Вслѣдствіе этой же слабости нашихъ охранительныхъ пошлинъ не развивается у насъ и сельское хозяйство до такого вида, въ какомъ существуетъ оно въ западныхъ государствахъ, и тщетно хлопочутъ наши землевладѣльцы о его развитіи, тщетно будутъ хлопотать и впредь, если не разовьется въ достаточномъ размѣрѣ отечественная промышленность, во всѣхъ ея видахъ, для обработки сырья въ издѣлія высшаго разряда. Только при этихъ условіяхъ земледѣліе будетъ доставлять земледѣльцамъ выгоды, досточныя для оплаты труда физическаго и умственнаго и покрытія процентовъ на затраченный капиталъ. Лучшеніе въ обработкѣ земель, говоритъ Адамъ Смитъ, — появлялось вездѣ около богатыхъ мануфактурныхъ городовъ и центровъ обрабатывающей промышленности; что это благотвельное вліяніе не ограничивается однѣми ближайшими

къ мануфактурнымъ округамъ мѣстностями, но идетъ въ ширь повсюду, гдѣ только завязываются связи между земледѣльческими и промышленными мѣстностями въ государствѣ».

Не по нынѣшнему смотрѣло наше правительство на отечественную промышленность въ XVII и XVIII вѣкахъ. Когда англичане просили торговыхъ льготъ въ Россіи, то Михаилъ Теодоровичъ и патріархъ Филаретъ призывали на совѣтъ торговыхъ людей и выслушивали ихъ со вниманіемъ. По выслушаніи обыкновенно англичанамъ въ просьбахъ отказывали.

Такъ же смотрѣлъ на промышленность и вообще на привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ царь Алексѣй Михайловичъ. Въ его «Торговомъ уставѣ» сказано, чтобы простые люди не подвергались роскоши, не покупали иностранныхъ товаровъ: «удерживать ихъ отъ покупки такихъ вещей наглядною пошлиною большою, безъ пощады: такъ во всѣхъ государствахъ отъ надраснаго убожества своихъ людей охраняютъ»¹⁾.

При Петрѣ I начали являться зачатки торговой предпринимчивости русскихъ людей внѣ отечества. Такъ, въ 1722 году русскіе купцы и крестьяне ѣздили въ Стокгольмъ и тамъ производили торговлю: «полотномъ, орѣхами и деревянными ложками. На улицѣ и ванну варили»²⁾.

Елисавета Петровна въ 1749 году потребовала себѣ вѣдомость о привозѣ въ Россію иностранныхъ товаровъ, тщательно просмотрѣла ее и приказала тѣ товары, которыхъ достаточно выработывается въ Россіи, въ привозу запретить³⁾.

Слѣдующія затѣмъ правительства придерживались либеральной торговой политики до самаго кризиса отечественной промышленности, именно до 1822 года. Въ этомъ году, при министрѣ финансовъ Канкринѣ, постановленъ строгій таможенный тарифъ, который, въ основаніи своемъ, существовалъ до 1851 г. и значительно помогъ развиваться русской промышленности. Только благодаря ему развилась и усилилась у насъ хлопчато-бумажная промышленность до такихъ обширныхъ размѣровъ (свыше 150.000,000 р.), до которыхъ ни одна промышленность въ Россіи не могла достигнуть; только благодаря ему мы получили возможность покупать ситцы по 10—15 к. вмѣсто 30 к. за при-

¹⁾ См. «Исторію Россіи», С. Соловьева. Т. XIII, стр. 124. *

²⁾ Тамъ же, т. XVII, стр. 164.

³⁾ Тамъ же, т. XVIII, стр. 29.

возные товары, когда наши фабрики были въ младенчествѣ, еле-еле держались и не имѣли значенія на отечественномъ рынкѣ. По этому тарифу привозъ ситцевыхъ товаровъ былъ почти невозможенъ, не превышалъ 4,500 пуд., потому что они обложены были пошлиною отъ 75 к. до 2¹/₂ р. съ фунта.

Такое удешевленіе русскаго ситца какъ нельзя лучше опровергаетъ доводы фритредеровъ, что при охранительной системѣ не можетъ быть внутренней конкуренціи, не могутъ товары продаваться по надлежаще дешевымъ цѣнамъ; а обширное развитіе этого производства опровергаетъ другой доводъ, распространенный между фритредерами, что при охранительной системѣ невозможно развитіе и усилиться какому либо промыслу, что для этого нужно пониженіе пошлинъ и только при низкихъ пошлинахъ виѣшняя конкуренція заставитъ развиваться внутренній промыселъ. Это, конечно, противорѣчитъ здравому разсудку; но люди, предубѣжденные противъ усиленія отечественной промышленности, не справляются съ здравымъ разсудкомъ, когда онъ мѣшаетъ достиженію ихъ цѣли, и явно, публично говорятъ не то, что должно, а то, что нужно. Они объясняютъ этотъ абсурдъ тѣмъ, что при сильной виѣшной конкуренціи внутренніе производители должны понизить цѣны на свои произведенія до самой низкой степени, а низкія цѣны способствуютъ произведеніямъ расходиться въ большомъ размѣрѣ; большой же расходъ товаровъ потребуетъ расширенія фабрикъ. Но если и самыя низкія, безубыточные цѣны не смогутъ вытѣснить съ отечественныхъ рынковъ иностранныя произведенія, то для вытѣсненія ихъ и расширенія своихъ фабрикъ нужно нѣкоторое время поработать въ убытокъ.

И этотъ абсурдъ говорилъ однимъ изъ членовъ-чиновниковъ въ тарифной комисіи 1868 г. при всемъ собраніи!

Впрочемъ, онъ позаимствованъ изъ книги англичанина Мичеля, только что передъ пересмотромъ тарифа отпечатанной въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ, разсылавшейся къ нужнымъ лицамъ авторомъ даромъ и ходившей тогда въ нашей столицѣ по рукамъ. Вотъ что говоритъ г. Мичель: «Но опытъ и теорія учатъ, что пониженіе ввозной пошлины на какое либо мануфактурное издѣліе всегда ведетъ къ удешевленію домашняго производства его; а при настоящихъ условіяхъ весьма естественно заключить, что какъ ни дешевы въ Россіи хлопчатобумажныя издѣлія, въ настоящее время, съ полнымъ устраненіемъ мнимаго покровительства, оказываемаго имъ тарифомъ,

они, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще подешевѣютъ, чрезъ что выиграютъ потребители и усилятся потребленіе»¹⁾).

Слѣдуетъ пояснить, что г. Мичель былъ секретаремъ англійскаго посольства въ С.-Петербургѣ и написалъ эту книгу по порученію своего правительства, которое препроводило ее къ нашему правительству, съ цѣлію убѣдить послѣднее приступить къ пересмотру русскаго тарифа въ смыслѣ его пониженія. Цѣль была достигнута: тарифъ на другой же годъ сталъ пересматриваться и вышелъ съ значительнымъ пониженіемъ.

Слѣдовательно, г. Мичель имѣлъ основаніе говорить, что пониженіемъ тарифа можно усилить потребленіе, а затѣмъ и расширить производство—это была его цѣль. Но что заставляло нашихъ членовъ-чиновниковъ тарифной комисіи относиться ко всему сказанному г. Мичелемъ въ его книгѣ какъ къ Евангелію, какъ къ непреложной истинѣ? А выводы г. Мичеля нерѣдко проявлялись въ комисіи, особенно въ первое время, пока со стороны членовъ-купцовъ не замѣтили гг. чиновникамъ, что руководиться въ русской комисіи выводами англичанина, хлопочущаго о своихъ, а не о русскихъ интересахъ, по меньшей мѣрѣ нелогично. Съ этого времени цифры г. Мичеля стали по возможности измѣняться, принимать другую форму, но безъ измѣненія въ сущности.

Для большаго уясненія характеристики взгляда г. Мичеля на наше купечество и высшія должностныя лица, считаю полезнымъ сдѣлать изъ его книги небольшое извлеченіе.

«Между русскими фабрикантами и въ массѣ русскаго купечества, говоритъ Мичель,—существуетъ крайнее незнаніе и предубѣжденіе относительно вопроса о свободной торговлѣ. Это разительнымъ образомъ обнаруживается въ возраженіяхъ русскихъ купеческихъ обществъ противъ столь ясной и логической записки, составленной комитетомъ германскаго комерческаго съѣзда. Возраженіе старшей изъ столицъ Россіи (Москвы), говоря безпристрастно, есть самое непросвѣщенное писаніе, когда либо являвшееся по этому предмету²⁾. Весьма прискорбно, что

¹⁾ См. «Отчетъ о современномъ состояніи торговли между Великобританіей и Россіей». С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 39.

Это говорится о «Мнѣніи почтовой депутаціи московскихъ купеческихъ съездовъ»,—книжѣ, написанной въ 1865 г. по порученію московскаго биржеваго комитета на представленную ему департаментомъ вѣшной торговли записку германскаго таможеннаго союза о заключеніи торгово-таможеннаго союза съ Россіей, съ тою же цѣлію,—пониженія русскаго тарифа.

къ образовавшимся въ Россіи съ 1822 года многочисленнымъ туземнымъ интересамъ присоединяются еще интересы толпы иностранцевъ, которые нашли выгоднымъ для себя поселиться въ странѣ, гдѣ высокій тарифъ даетъ имъ возможность наживаться на счетъ общества». — «Даже петербургскій и рижскій биржевые комитеты, которые, повидимому, должны бы желать расширенія внѣшней торговли, высказались въ пользу покровительственныхъ началъ, потому что главнѣйшіе купцы, въ нихъ участвующіе, сильно заинтересованы въ туземныхъ фабрикахъ. Притомъ же ихъ опытъ и средства въ пріобрѣтенію истиннаго знанія ограничены тѣснымъ кругомъ ихъ занятій, въ странѣ столь отдаленной отъ болѣе дѣятельныхъ центровъ торговли. Просвѣщенные воззрѣнія на свободную торговлю, выражаемая наиболѣе вліятельною частью русской журналистики и раздѣляемая болѣею частью высшихъ должностныхъ лицъ въ С.-Петербургѣ, представляютъ разительный контрастъ понятіямъ купеческихъ обществъ, доселѣ возражавшихъ противъ германской записки».

Здѣсь—всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Московскому купеческому обществу за «самое непросвѣщенное писаніе» строжайшее порицаніе, зачѣмъ оно подробно и съ знаніемъ дѣла разобрано «логическую записку» германскаго комерческаго съѣзда и положительно опровергло всѣ ея доводы, какъ основанные на вымышленныхъ данныхъ, въ которыхъ ложь играетъ самую видную роль ¹⁾; толпѣ иностранцевъ, поселившихся въ Россіи—выговоръ за сочувствіе къ интересамъ столь дружелюбно пріютившей ихъ страны; даже петербургскому и рижскому комитетамъ сдѣлано замѣчаніе, почему они, находя болѣе выгодъ во внѣшней торговлѣ, стоятъ за охранительную систему, не отделились отъ общихъ интересовъ русскаго народа. Впрочемъ авторъ призналъ петербургскихъ и рижскихъ купцовъ «заслу-

¹⁾ Напримѣръ въ германской запискѣ сказано, что по русскому тарифу обложены пошлинами:

	Въ процентахъ
Сяхаръ рафинадъ	127
Чай	122
Пиво	108
Аракъ, ромъ, водка	284
Табакъ невывѣленный	210
Бумажныя ткани ненабивныя	110
» » набивныя	132
Шерстяные товары	до 132

живающими снисхожденія», потому что ихъ опытъ и средства къ приобрѣтенію истиннаго знанія ограничены. За то г. Мичель съ благоговѣніемъ говоритъ о «просвѣщенныхъ воззрѣніяхъ на свободную торговлю наиболѣе вліятельной части русской журналистики» и о большей части «высшихъ должностныхъ лицъ», раздѣляющихъ съ журналистикою эти «просвѣщенные воззрѣнія».

И конечно секретарь великобританскаго посольства, съ своей точки зрѣнія, поступаетъ весьма логично: однимъ грубъ, передъ другими почтительнѣйше разшаркиваясь, потому что первые, съ своими устарѣлыми понятіями, крѣпко вкоренившимися въ ихъ головы съ «ограниченными знаніями», крайне мѣшаютъ ему идти по пути прогресса въ глубь обширной Россіи, въ деревню, въ послѣдней коробкѣ бѣднаго крестьянина, засунутой подъ печку; а вторые разчищаютъ ему путь—скатертью дорога—къ крестьянской избѣ. Онъ, какъ членъ дипломатическаго корпуса, искусившійся въ своей наукѣ, знаетъ, что его любезное разшаркиваніе не пропадетъ даромъ, въ особенности разшаркиваніе передъ большею частью высшихъ должностныхъ лицъ; онъ понимаетъ, что эти высшія должностныя лица въ Петербургѣ—сила, отъ которой зависитъ «злая и благая», быть или не быть, которая витаетъ въ сферахъ и законодательной и административной, и для которой сдѣлать такъ или не такъ—безразлично, а потому и отвѣтить любезностью за любезность ничего не стоитъ.

При такомъ порядкѣ вещей естественно, что депутаты отъ купечества, приглашенные въ тарифную комисію въ видѣ членовъ ея, мало успѣли сдѣлать на пользу отечественной промышленности: Ихъ слушали, записывали, написали три порядочные тома, а дѣлали по своему. «Плеть обуха не перешибеть», говоритъ русская пословица, а въ комисіи засѣдали высшія должностныя лица...

Въ такомъ-то положеніи находится наше экономическое дѣло, наши народныя нужды и недостатки въ настоящее время.

Признавъ ихъ во всемъ неприглядномъ величій, натурально должно приложить заботу и къ отысканію средствъ, могущихъ съ пользою послужить для ихъ устраненія.

А эти средства найти не особенно трудно.

Изъ вышеизложеннаго видно, что нашему экономическому разстройству главнѣйше послужили три причины: частыя войны, народное пьянство и недостаточная охрана отечественной про-

мышленности; слѣдовательно на эти три причины и должно быть обращено все наше вниманіе.

Устраненіе первой причины зависить, конечно, не отъ насъ, а отъ мудрости правительства; но и мы не всегда тутъ держимся пассивной роли; особенно наше участіе проявилось въ предпріятіи послѣдней турецкой войны.

Спрашивается, какая цѣль войны? Дѣлать завоеванія? Но наше государство столь обширно, что для него никакихъ завоеваній не нужно; онъ ложатся на насъ новою тягостью, а намъ нужно спокойствіе, «мирное и благоденственное житіе», улучшеніе быта народнаго, возвышеніе уровня образованія и нравственности. А все это достигается только при уклоненіи отъ «побѣдъ и завоеваній».

Можно указать на другую цѣль—освободить угнетенные народы отъ рабства и восстанавливать у нихъ порядокъ. Но первое разумно только тогда, когда оно не отражается губительно на насъ самихъ, такъ какъ единственною заботою мудрой государственной политики должно быть благосостояніе своего государства, а заботы объ остальныхъ, хотя и родственныхъ намъ по происхожденію, должны касаться лишь на столько, на сколько онѣ не противорѣчатъ интересамъ своего государства. Что же касается до восстановленія порядка въ странѣ чуждыхъ намъ народовъ, то эти силы, нужныя для восстановленія порядка, болѣе цѣлесообразно побережъ для своего народа, у котораго безпорядковъ едва-ли меньше, чѣмъ въ странахъ, въ которыя мы такъ назойливо являемся въ видѣ непрошенныхъ администраторовъ. Мы должны болѣе смотрѣть за собою, дабы не получить замѣчаніе: «врачу, испѣлся самъ!»

Есть еще цѣль, достигаемая войнами, это—слава завоеваний, за которую древніе владыки гонялись со всею необузданною энергіею, не щади ни себя, ни своего народа; но въ настоящее время гоняться за пустою славой по меньшей мѣрѣ неблагоразумно, въ особенности при такихъ огромныхъ жертвованіяхъ, какъ наши, истощившія всѣ силы народныя и распатавшія весь государственный экономическій строй.

Такимъ образомъ, ясно, что всѣ три выше поименованныя цѣли не заслуживаютъ того, чтобы стараться съ изнуреніемъ силъ до ихъ достиженія; а коль скоро онѣ не заслуживаютъ нашего старанія, коль скоро достиженіе ихъ бесполезно, даже убыточно, то нужно отшатнуться отъ нихъ, оставить ихъ и обратиться къ иной политикѣ, болѣе мирной.

Устраненіе второй причины, заключающейся въ народномъ пьянствѣ, гораздо легче, потому что устраненіе ея зависитъ вполне отъ насъ самихъ, отъ нашего единодушія, и составляетъ предметъ чисто внутренняго свойства, не касаясь политическихъ сосѣднихъ народовъ; и притомъ предметъ, не подрывающій ничьи интересы въ крупномъ видѣ, что иногда препятствуетъ исполненію весьма благихъ намѣреній; слѣдовательно, лучшее дѣло—приступить къ устраненію этой причины немедленно, въ смыслѣ повышенія акциза на крѣпкіе напитки въ значительномъ видѣ.

Нечего бояться, что эта мѣра уменьшитъ казенный доходъ питейныхъ сборовъ. Онъ, какъ доказано выше, не можетъ уменьшиться, а уменьшится лишь потребление спиртныхъ напитковъ, слѣдовательно, сократится и пьянство.

У насъ почему-то все напираютъ на кабаки, какъ на корень всего зла, а не на дешевизну вина, какъ причину и распложенія кабаковъ, и распространенія пьянства. Закрыйте всѣ кабаки, но оставьте вино въ той же дешевой цѣнѣ, пьянство уменьшится очень мало, за то значительно уменьшится питейный доходъ, ибо усилятся торговля безпатентная. Но возвысьте акцизъ, не сокращая числа кабаковъ административнымъ порядкомъ, и пьянство значительно сократится, а затѣмъ уменьшится и число кабаковъ по недостатку въ нихъ выручки. Мы видѣли выше сего, что министерство финансовъ прибѣгаетъ во всѣхъ мѣрахъ паліативнаго свойства, какъ то: къ ограниченію у кабаковъ дверей, къ запиранію кабаковъ тысячами замками снаружи и т. п., но помогли ли онѣ? Точно также немного поможетъ и сокращеніе числа кабаковъ безъ повышенія акциза, о чемъ теперь такъ много заботятся. Но если и произойдетъ отъ этой мѣры нѣкоторое уменьшеніе пьянства, то произойдетъ не повсемѣстно, а только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ совсѣмъ уничтожатся кабаки; въ прочихъ же пунктахъ сокращенія пьянства не будетъ. Затѣмъ, логично ли будетъ поступать министерство финансовъ, сокращая число кабаковъ, чтобы меньше пили и, слѣдовательно, меньше давали казнѣ дохода, и въ то же время поддерживать на вино низкія цѣны, чтобы больше пили и, слѣдовательно, больше доставляли дохода? Изъ этого затрудненія выходъ одинъ: или большое пьянство и большой доходъ, или малое пьянство и малый доходъ. Не то произойдетъ при повышеніи акциза. Тогда уменьшится только одно пьянство; доходъ же останется въ своемъ видѣ, если еще не увеличится.

Нѣкоторые изъ нашихъ соболѣзнователей о народѣ говорятъ, что вино дѣлать дорогимъ не слѣдуетъ, потому что оно иногда бываетъ нужно нашимъ крестьянамъ, какъ лекарственный напитокъ, напримѣръ, чтобы согрѣться перезабшему челоѣку или возбудить свои силы очень утомленному рабочему. Но вѣдь нужно знать жизнь деревенскихъ обывателей, чтобы приписывать важность этимъ случаямъ. Во первыхъ, этихъ случаевъ бываетъ очень мало; во вторыхъ, если такой случай встрѣтится, то для нуждающагося ничего не значить заплатить за стаканъ вина вмѣсто 6-ти 9 к., какъ за напитокъ лекарственный. Три копейки лишнія его не разорятъ и нисколько не отяготятъ, потому что эти случаи, лечится водкою, въ деревняхъ бываютъ очень рѣдко. Не потому рѣдко, чтобы крестьяне не забыли или не утомлялись, но потому, что и оздбнувшіе, и утомившіеся, почти никогда не прибѣгаютъ къ водкѣ, по той простой причинѣ, что она у нихъ въ домахъ не держится; какъ скоро заведется, такъ и выпьетса, а идти за нею въ кабакъ не всегда приходится: или далеко, или денегъ нѣтъ.

Не составить труда устраненіе и третьей причины, подрывающей наше благосостояніе и весь нашъ экономическій бытъ, состоящей въ недостаточно высокихъ пошлинахъ на привозимые въ Россію иностранные товары. Устраненіе этой причины есть вопросъ тоже внутренняго свойства, лишь косвеннымъ образомъ касающійся интересовъ сосѣднихъ государствъ. Положимъ, что наши сосѣди всѣми силами стараются вмѣшаться въ него и быть нашими руководителями для общей пользы; но мы не обязаны принимать ихъ руководства и допускать въ участники нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Это было бы все одно, что впустить козла въ огородъ съ капустою. Раздаются голоса, даже одинъ голосъ былъ слышенъ въ тарифной комисіи 1868 года, что, держа высокія пошлины на иностранные произведенія, мы тѣмъ озлобляемъ иностранцевъ, становимъ ихъ врагами себѣ и, въ случаѣ политическихъ затрудненій, можемъ быть поставлены въ тяжелое положеніе.

Но на этотъ голосъ, раздавшійся въ комисіи, г. председатель оной ¹⁾ энергически возразилъ: «Господа! Политики въ этому вопросу мы не должны примѣшивать, онъ нашъ внутренній. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ намъ никакой инструкціи

¹⁾ Дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, Григорій Павловичъ Небольсинъ.

не дать, сказавъ: «дѣлайте какъ знаете, не принимая въ соображеніе политику внѣшнюю; устройте ее мое дѣло». Притомъ же между нами находится депутатъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Гирсъ ¹⁾, и онъ ничего противъ этого не возражаетъ. Слѣдовательно, намъ нечего касаться иностранной политики ²⁾.

Такимъ образомъ этотъ вопросъ долженъ считаться чисто внутреннимъ и мы, охраняя его, не должны опасаться недовольства нашихъ добрыхъ сосѣдей. Да и кого опасаться? Пруссія? Но ея политика такова, что, не смотря на нашу уступчивость, она всегда, въ нужное для насъ время, будетъ преслѣдовать только свои интересы.

Во всякомъ случаѣ, охраняя свои интересы, намъ стыдно того либо бояться, имѣя миліонную армію и расходуя на нее болѣе 200.000,000 р. ежегодно.

Слѣдовательно, остается только одно: приступить къ пересмотру тарифа и повысить его. Причемъ желательно, чтобы члены отъ министерствъ, имѣющіе быть назначенными въ комисію, были избраны болѣе сочувствующіе отечественной промышленности и государственнымъ интересамъ, чѣмъ члены прежнихъ тарифныхъ комисій.

При повышеніи пошлинъ, намъ не слѣдуетъ бояться, что отъ этого увеличится контрабанда. Контрабанда существуетъ при всякихъ пошлинахъ, хотя бы и незначительныхъ; размѣръ же ея зависитъ отъ качества таможенныхъ чиновниковъ. «Намъ не страшна та контрабанда, которая проходитъ тайно,—говорилъ варшавскій депутатъ, г. Захертъ, въ тарифной комисіи 1868 г.,—но страшна та, которая пропускается съ вѣдома чиновниковъ. У насъ, въ Варшавѣ, добавлялъ онъ,—управляющій таможеней служилъ не болѣе 10 лѣтъ, нажилъ полмиліона и уѣхалъ за границу».

Это говорилось во всеуслышаніе, даже при директорѣ департамента таможенныхъ сборовъ.

Слѣдовательно, вся суть заключается не въ размѣрѣ пошлинъ, способствующихъ или неспособствующихъ ввозу контрабанды, а въ выборѣ таможенныхъ чиновниковъ.

Столь же мало должно опасаться и того, что увеличенныя пошлины могутъ тяжело лечь на бюджеты потребителей, чѣмъ

¹⁾ Имѣя товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, действительный тайный совѣтникъ Николай Карловичъ Гирсъ.

²⁾ Быть можетъ, некоторыя еразы я наложилъ неточно, но смыслъ рѣчи сохраненъ вполне.

обыкновенно страшатъ у насъ неопытную публику прогресисты изъ лагеря фритредеровъ. Въ опроверженіе этого ходячаго мнѣнія слѣдуетъ сказать, что у насъ чисто потребителей почти нѣтъ, а есть потребители-производители и производители-потребители, потому что нашъ тарифъ охраняетъ всѣ производства отъ горшка, косаря, до самыхъ изящныхъ издѣлій; слѣдовательно, что одинъ потребитель-производитель передастъ другому за купленные у него произведенія, охраненныя тарифомъ, то точно столько же и другой передастъ первому за купленные у него товары. Да еще вопросъ, передастъ ли? а если и передастъ, то только временно; впоследствии же, когда промышленность разовьется и усовершенствуется, то одна внутренняя конкуренція, безъ участія внѣшней, удешевитъ цѣны до минимума. Это доказано опытами всѣхъ странъ. Остаются чисто потребителями только тѣ лица, которые служатъ на государственной службѣ, живутъ процентами на свои капиталы и имъ подобныя; но и эти лица ничего не теряютъ, а даже выиграютъ по той причинѣ, что охранительная система поможетъ спеціально въ Россіи золоту и возстановленію курса бумажныхъ денегъ, которыми всѣ означенныя лица получаютъ свои доходы. Кромѣ того, при охранительной системѣ, неминуемо имѣющей развить промышленныя силы страны и тѣмъ увеличить благосостояніе народа, каждый служащій, получающій опредѣленное жалованье, не безъ основанія можетъ рассчитывать на повышение своего оклада, что и теперь весьма ясно замѣчается: въ промышленныхъ мѣстностяхъ всѣ выборныя лица получаютъ высшее жалованье, чѣмъ въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ промышленнаго значенія.

Могутъ указать еще на то, что высокія пошлины въ состояніи уменьшить привозъ иностранныхъ произведеній до такого размѣра, съ котораго таможенное вѣдомство не будетъ имѣть возможности собирать столько пошлинъ, сколько собирается теперь, слѣдовательно, потерпитъ убытокъ. Но и это предположеніе не въ силахъ устоять противъ слѣдующихъ двухъ опроверженій. Во первыхъ, еще не доказано, что осмысленное повышение пошлинъ можетъ сократить доходъ. Если это повышение будетъ сдѣлано въ размѣрѣ разумномъ, то оно уменьшитъ только наплывъ заграничныхъ товаровъ, но не уменьшитъ пошлиннаго дохода, какъ это мы и видимъ въ питейномъ дѣлѣ, гдѣ акцизъ чѣмъ болѣе повышается, тѣмъ болѣе доставляетъ питейныхъ сборовъ, неполнѣ пріостанавливая даже и развитіе потребления вина. Во вторыхъ, хотя

бы правительство и лишилось нѣкоторой части пошлинныхъ доходовъ отъ сокращенія количества привозныхъ издѣлій, то этотъ недоборъ съ излишкомъ вознаградится переборомъ во внутреннихъ доходахъ, прямыхъ и косвенныхъ, которые, при увеличившемся благосостояніи общества, естественнымъ образомъ, могутъ возрасти и превзойти размѣръ ихъ настоящаго времени. Отсюда легкость составленія государственной росписи безъ дефицита, о чемъ такъ много заботится публика и тѣмъ, мимоходомъ сказать, такъ торжественно восхищается, считая это за дѣло очень важное. А дѣло весьма легкое: не стало у мужика шерсти на кафтанъ, онъ пострижетъ поплотнѣе овецъ и — кафтанъ готовъ.

Такимъ образомъ доказывается ясно, что строго-охранительная система не можетъ быть вредною, а напротивъ, можетъ быть лишь полезною, сколь бы кто ни говорилъ противъ ея полезности въ примѣненіи къ Россіи, указывая на западные авторитеты двусмысленнаго свойства. Западное ученіе, если и можетъ быть съ пользою примѣнимо, то только къ западнымъ народамъ, а не къ нашему, какъ не столь развитому и притомъ находящемуся въ другихъ условіяхъ, какъ топографическихъ, такъ и политическихъ. Намъ не должно забывать, что невыгодныя условія понуждали всѣхъ законодателей, заботящихся о благѣ своихъ народовъ, прибѣгать не только къ строго-охранительной, но уже положительно къ запретительной системѣ. Возьмемъ въ примѣръ саму Англію, сыны которой, въ родѣ Мичеля, такъ превозносятъ свободную торговлю и такъ порицаютъ народную охрану, называя защитниковъ ея людьми съ ограниченными знаніями. Находясь при подобныхъ невыгодныхъ условіяхъ, какъ и наши, правители Англіи строго охраняли свою промышленность. Такъ, чтобы охранить и развить свою льнопрядильную и полотняную фабрикацію, они подъ смертною казнію запретили вывозъ изъ Англіи въ другія государства льнопрядильныя машины, изобрѣтенныя во Франціи, но усовершенствованныя въ Англіи, и это запрещеніе продолжалось до 1831 года; въ то же время былъ запрещенъ привозъ въ Англію полотень, каковой запретъ отмѣненъ лишь въ 1825 г. Они же, въ охраненіе своего земледѣлія, налагали высокія, почти запретительныя пошлины даже на хлѣбъ, привозимый въ ихъ отечество, — продуктъ, безъ котораго народъ и жить не можетъ. Охрана существовала до 1846 г. А кому не извѣстенъ «навигационный актъ», охранявшій ихъ новоустроенный торговый флотъ отъ конкуренціи голандцевъ строгимъ постанов-

леніемъ—конфискаціей груза и судна, осмѣливагося приидти къ берегамъ Великобританіи и ея колоній, буде владѣлецъ или капитанъ онаго судна не великобританскій подданный. Сей знаменитый актъ, вторымъ англичане такъ восхищались и который одобрилъ даже Адамъ Смитъ, первоучитель свободной торговли, установленъ былъ Кромвелемъ въ 1651 г. и существовалъ почти двѣсти лѣтъ, до 1847 года.

Этимъ и заканчивается рядъ моихъ доказательствъ въ пользу мира, трезвости и развитія народнаго промысла. Остается только пожелать, чтобы эти доказательства не были «всуе глаголемы», а возымѣли свою силу, достойную того усердія, съ которымъ дѣлались. «Остальное приложится», ибо вся суть въ постановкѣ вопроса правильнымъ образомъ. Какъ только вопросъ понятъ, разъясненъ, такъ съ нимъ легко управиться; онъ не кажется уже непостижимо-мудреннымъ, не требуетъ, чтобы около него ходить, его оглядывать и ощупывать, подобно слѣпымъ, не видящимъ предмета, но желающимъ имѣть о немъ понятіе. Онъ самъ научить, что дѣлать, лишь бы ему слѣдовали. «Остальное—приложится».

Въ заключеніе потѣшимъ себя розовыми надеждами, что три величайшія наши язвы изцѣлены: насталъ благодатный, продолжительный миръ, пьянство сокращено, народная промышленность радѣтельно охранена,—и мы вступили въ новый, лучший періодъ нашей экономической жизни. Тогда произойдетъ слѣдующее:

По возвышеніи таможеннаго тарифа привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ сократится, недостатокъ которыхъ будетъ выработываться на русскихъ фабрикахъ, что дастъ народу новую работу, слѣдовательно и новый доходъ;—торговый балансъ склонится въ нашу пользу, отсюда—приливъ къ намъ золота и его скопленіе.

По сокращеніи пьянства народъ больше будетъ имѣть времени къ работѣ, больше стараться о своей домовитости, меньше дѣлать всякаго рода проступковъ и преступленій, старательнѣе относиться къ образованію, значительно возвысится въ нравственномъ отношеніи и неминуемо улучшить свое положеніе.

По наступленіи продолжительнаго мира государство успокоится, народъ отдохнетъ, государственные расходы сократятся, бюджетъ будетъ доставлять излишекъ доходовъ за покрытіемъ расходовъ, который, скопляясь, поможетъ правительству выбрать постепенно изъ народа излишне выпущенные кредитные билеты и тѣмъ возстановитъ нашъ вексельный курсъ, а потомъ

и возможность приступить къ открытію размѣна, съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ всѣми ожидаемаго. Далѣе—устройство дорогъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся, богадѣлень, больницъ, недостатковъ коихъ для народа крайне ощутителенъ, затѣмъ уплата, по возможности, накопившихся долговъ и вообще возстановленіе финансоваго и экономическаго положенія страны, такъ низко упавшаго. Результатомъ всего этого будетъ возстановленіе благосостоянія народа, который не будетъ имѣть крайности продавать за границу весь свой хлѣбъ, а самъ жить голодаючи; затѣмъ жизнь мирная и возможность осуществить необходимыя для народнаго благосостоянія реформы и уничтоженіе народившейся среди насъ язвы—анархической крамолы.

Эта статья была написана въ декабрѣ прошедшаго года, но по причинамъ отъ автора независающимъ не была напечатана до сихъ поръ. Между тѣмъ нѣкоторыя жела (а): статья уже осуществилась. Такъ, пошлина на джутовые мѣшки повышена до 2 р. съ пуда; акцизъ на вино поднять съ 7 до 8 к. съ градуса; постановленъ дополнительный въ 10% пошлинный сборъ со всѣхъ подлежащихъ пошлинѣ привозныхъ товаровъ. Эти три мѣры заслуживаютъ глубокаго вниманія. Важность ихъ велика не по результатамъ, имѣющимъ отъ нихъ произойти, благотворность которыхъ однако несомнѣнна, но по тому повороту направленія въ нашей экономической политикѣ, безспорно наиболѣзливѣйшему, который принимаетъ наше правительство въ смыслѣ охраны отечественнаго труда. Мыслимо ли было ожидать этого поворота не съ большимъ десяти лѣтъ назадъ, когда фритредерскія ученія преобладали въ нашихъ высшихъ и низшихъ административныхъ сферахъ въ такомъ объемѣ, въ такой силѣ, что возражать противъ этого ученія въ печати было не легко, считалось гражданскимъ мужествомъ. Къ тому же и печать была на сторонѣ интересовъ не національныхъ. Такъ, въ тарифной комисіи 1868 года члены фритредерскаго направленія постоянно говорили депутатамъ отъ народа, что пониженіе пошлинъ этимъ не кончится, что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ тарифъ вновь подвергнется пересмотру и пошлины вновь понизятся. Депутаты, конечно, молчали. Они знали, что вся судьба нашихъ фабрикъ въ рукахъ этихъ и имъ близкихъ лицъ, такъ развязно трактующихъ о вопросахъ государственной важности. Да и что тутъ было говорить людямъ

земства, людямъ маленькимъ, не имѣвшимъ на своихъ фуражкахъ даже кокарды, когда въ противоположной партіи преобладали генералы, являвшіеся иногда въ лентѣ черезъ плечо. Только одинъ изъ числа депутатовъ, разогорченный постояннымъ повтореніемъ о пониженіи пошлинъ, осмѣлился возвысить свой голосъ, сказавъ: «Что вы страшаете насъ постояннымъ пониженіемъ. Для насъ это не столь страшно, сколь для рабочаго народа. Мы и по закрытіи фабрикъ не останемся безъ куска хлѣба. Мы можемъ жить процентами. Но что будутъ дѣлать рабочіе? Они должны голодать. А вѣдь голодъ плохой сосѣдь мирныхъ гражданъ».

Повторяю, поворотъ, дѣлаемый нашимъ правительствомъ на пути экономическомъ, есть фактъ весьма знаменательный. Остается только пожелать, чтобы Богъ утвердилъ правительство на этомъ полезномъ пути и внушилъ ему идти по немъ неизмѣнно, не обращая вниманія на протестъ лицъ, не имѣющихъ національныхъ интересовъ, не знающихъ отечества.

Ө. Журовъ.

К О Н Е Ц Ъ .

КНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ

ИЛИ

ЗАЦѢПНСКІЕ КАПИТАЛЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Ad majorem Dei gloriam.

Мы говорили, что красота Али-Эметэ остановила на себѣ вниманіе отцовъ-іезуитовъ.

Первая мысль, которая имъ представилась, была, разумѣется, что христіаннѣйшій король Франціи, шестидесяти-пяти-лѣтній Людовикъ XV, — съ молодости записной любитель женской красоты.

Однако, по всестороннемъ обсужденіи столь важнаго предмета, какъ перемѣна королевской любовницы, отцы-іезуиты пришли въ убѣжденію, что дѣло это требуетъ инаго направленія.

Въ то время надъ Францією царила маркиза Помпадуръ. Она была уже далеко не первой молодости и не блестящей красоты; но король къ ней привыкъ и она умѣла заставлять его выполнять всѣ ея желанія.

Министры, въ томъ числѣ и герцогъ Шуазель, самый самостоятельный изъ министровъ Франціи, въ этотъ періодъ должны были соображаться съ тѣмъ, чего хотѣла маркиза, и ни въ какомъ случаѣ не смѣли идти ей наперекоръ.

Съумѣетъ ли новая любовница, хотя бы и молодая, и болѣе прекрасная, поставить себя въ такое же, можно сказать, царственное положеніе къ королю,—это еще вопросъ, да и какой вопросъ!

Потомъ, маркиза Помпадуръ была такая вѣрная, такая преданная и настолько суевѣрная католичка, что для нихъ лучшей и желать было невозможно. Она была самая послушная духовная дочь, самая усердная исполнительница священныхъ совѣтовъ и наставленій ихъ ордена, наконецъ, самая усердная ревнительница возвышенія духовнаго вліянія. Можно ли желать переимѣнить ее на какую-то персіянку, о которой они знаютъ только одно, что она чудно хороша собою.

Но, не отстраняя Помпадуръ, не предоставить ли королю временное развлеченіе въ рѣдкой красавицѣ? Маркиза Помпадуръ давно уже не только потеряла право исключительности на развратнаго старика, но, можно сказать, держалась только тѣмъ, что сама старалась разнообразить его удовольствія, то рекомендуя ему какую нибудь мѣщанскую невинность, то представляя его вниманію полную развратницу, готовую на все.

Но и въ этомъ отношеніи сближеніе Али-Эметэ съ королемъ оказывалось для отцовъ-іезуитовъ невыгоднымъ.

Во первыхъ, кто поручится, что эта страстная сирена не прельститъ и не увлечетъ короля настолько, что онъ забудетъ и думать о маркизѣ Помпадуръ? «Она на это очень способна, думали они.—А тогда, тогда...» они уже рѣшили, что такая переимѣна была бы для нихъ слишкомъ невыгодна. Во вторыхъ, что могутъ они выиграть отъ кратковременнаго сближенія короля съ Али-Эметэ? Ничего! Такъ изъ чего же хлопотать и навязывать себѣ опасность, въ данное время особенно существенную, такъ какъ всѣ парламенты стали рѣшительно противъ іезуитовъ, и ихъ поддерживала исключительно королевская милость, направляемая къ тому маркизою Помпадуръ.

Такимъ образомъ, рассматривая вопросъ всесторонне, отцы-іезуиты, въ разсужденіи сближенія короля съ Али-Эметэ, пришли въ отрицательному выводу.

Отецъ Флавіо говорилъ:

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ мы не должны допускать, чтобы Людовикъ XV даже видѣлъ ее. Но дѣло не въ королѣ.

Красота, сама по себѣ, есть тоже милость Божія. Мало ли въ будущемъ можетъ возникнуть вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены силою необыкновенной красоты? Первое, и король не вѣченъ. Дофиня, кажется, не въ дѣдушку въ этомъ отношеніи, а впрочемъ, кто знаетъ, какое направленіе приметъ будущее дофина? Наконецъ, умереть можетъ и Помпадуръ. Но что за бѣдность вымысла, что за ограниченность дѣйствій, кружиться около одного человѣка и думать, что все наше, если этотъ человѣкъ у насъ въ рукахъ. Развѣ нѣтъ другихъ странъ, другихъ королей, кромѣ французскаго? Аrenoю нашихъ дѣйствій долженъ быть цѣлый міръ. Развѣ, напримѣръ, не было бы однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣйствій нашего ордена, если-бы, опираясь на всеобъѣждающую красоту, мы отъявленнаго вольнодумца, антикрита, — ему же изготовлено мѣсто въ самыхъ глубинахъ преисподней, — прусскаго короля, тысячу разъ проклятаго Фридриха, обратили въ вѣрующаго сына католической церкви и способствовали бы тѣмъ цѣлыя страны отторгнутыхъ частей вновь обратить на лоно истины?

И убѣждаемые отцомъ Флавіо отцы-іезуиты слѣдили за Али-Эметъ до такой даже степени, что раза два-три отъ себя доставляли ей умѣренную помощь въ особо тяжкія минуты, подъ видомъ присылокъ отъ дядюшки.

— Теперь, говорилъ отецъ Флавіо, — наши ожеданія были обмануты княжною Владимірскою. Она отказалась даже отъ миліоновъ, когда условія полученія этихъ миліоновъ связывали ея волю. Но, спрашивается, кто знаетъ княжну Владимірскую? Кузень, который пріѣзжалъ? Но онъ умеръ. Братья этого кузена никогда ее не видали. Русскіе послы — Куракинъ, Кантемиръ? Обоихъ нѣтъ на свѣтѣ. Настоятельница монастыря? Но она наша. Да она и не будетъ знать, въ самомъ ли дѣлѣ дѣйствуетъ княжна. Она ее не увидитъ, какъ не увидитъ ее, разумѣется, ни герцогъ де-Праленъ, ни мадамъ де-Куртней. Мадамъ де-Куртней мы отправимъ въ Римъ, къ кардиналу Альбани объяснить то величіе, которое можетъ осѣнить св. отца, если предположенія наши осуществятся. А герцога?.. его назначимъ генераль-губернаторомъ Мартиники. Въ его лѣта для него это будетъ очень лестно, полезно и намъ. Если же они что нибудь услышатъ, то въ ихъ мысляхъ весьма легко можетъ составиться предположеніе, что скрывшаяся въ Америку княжна появилась опять въ Европѣ и дѣйствуетъ своимъ именемъ. Между тѣмъ... отецъ Флавіо остановился, окидывая взглядомъ всю конференцію, которая слушала его въ молчаніи. — Между тѣмъ,

продолжалъ онъ, — какая гроза въ ней можетъ быть Россіи, этому схизматическому царству варваровъ! Екатерина, выдерживающая хладнокровно вторую войну, невольно выйдетъ изъ своего самодержавнаго спокойствія, когда, съ одной стороны, мертвые встанутъ изъ гробовъ, а съ другой — само небо, въ образѣ дивной красоты, представитъ ей соперницу, которая, поддерживаясь нами, можетъ потрясти самыя основы, на которыя только осмѣливается Екатерина опираться. Вотъ задача, по-истинѣ достойная нашего святаго братства. Откажемся ли мы приступить къ этой задачѣ только потому, что она трудна?

— Что же тутъ дѣлать? спросилъ дородный іезуитъ, хотя и старѣйшій по возрасту, но тѣмъ не менѣе подчинявшійся вполне взглядамъ и проектамъ отца Флавіо.

— Оно хорошо бы, очень хорошо! началъ третій іезуитъ слащавымъ голосомъ, — только дѣло-то очень трудное. Прежде всего спросимъ: дѣйствительно ли настоящей княжны Владимірской нѣтъ или, что все равно, она совершенно и навсегда отказалась отъ своихъ правъ? Потомъ, положимъ, мы найдемъ желающую рисковать, мы и удостовѣреніе ей доставимъ; но осуществленіе, практическая постановка вопроса, не представлять ли неодолимыхъ затрудненій?

— За то, какъ-бы хорошо было снова въ Московіи повернуть все вверхъ дномъ; можетъ быть на этотъ разъ удалось бы и проклятую схизму уничтожить, сказалъ четвертый іезуитъ, видимо сочувствующій интригѣ уже потому, что она интрига, но только не усвоивающій, какъ за нее взяться. — Первый вопросъ: что дѣлать, какъ тутъ поступить?

— Очень просто, отвѣчалъ отецъ Флавіо, — заставимъ назваться княжною Владимірскою Али-Эметѣ.

— Хорошо сказано! замѣтилъ слащавый іезуитъ. — Только какъ заставить? Не предложить же ей прямо: княжна Али, назовитесь княжною Елисаветою! Чтобы рѣшиться на самозванство и притомъ съ цѣлями весьма опредѣленными, нужны доводы весьма существенные и убѣдительные; особенно когда такое самозванство можетъ быть ежеминутно изобличено. По моему мнѣнію не лучше ли сообщить этой персіянкѣ, что она-то и есть настоящая княжна Владимірская, и что переимѣна именъ была сдѣлана нами съ цѣлью предохранить ее отъ возней императрицы Елисаветы и ея преемниковъ. Она повѣритъ, потому что вообще всегда легко вѣрится тому, во что хочется вѣрить. Эта увѣренность въ ней поставитъ дѣло гораздо прочнѣе, чѣмъ

предложеніе участвовать въ завѣдомомъ подлогѣ. Прецедентъ есть. Вспомните о Дмитріѣ-самозванцѣ.

— Нѣтъ, съ этою взбалмошною женщиною этотъ приѣмъ не годится, возразилъ отецъ Флавіо. — Дмитрія нужно было убѣдить въ его царскомъ происхожденіи, чтобы вселить въ немъ увѣренность и отвагу; а у княжны Эметѣ есть иное могучее орудіе привлекать сердца—это ея обаятельная красота, ея чарующее кокетство. Къ тому же тогда намъ нечѣмъ будетъ держать ее въ нашихъ рукахъ. А что она согласится на все, порукою въ томъ нашъ лучший союзникъ — нужда. Она мотовка въ такой степени, что не можетъ не нуждаться постоянно, не можетъ не нуждаться крайне. По моему мнѣнію, слѣдуетъ воспользоваться минутою такой крайности. Весь вопросъ тутъ, я думаю, состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить ее, что настоящая княжна Владимірская умерла, что ее давно нѣтъ на свѣтѣ, стало быть, и опасаться некого. Корабль разбился, или погибла отъ лихорадки, или краснокожіе напали. Когда же Али Эметѣ увѣрится несомнѣнно въ дѣйствительности смерти княжны и будетъ знать, что уличить ее въ самозванствѣ некому, а что принятіе на себя имени княжны доставитъ ей немедленныя выгоды и дастъ большія надежды, то я не думаю, чтобы она стала долго задумываться.

— Кто же ей можетъ сказать объ этомъ?

— Сказать прямо, — разумѣется никто! Но навести на мысль, направить, мы всѣ постараемся. Первое же слово, по моему мнѣнію, должно принадлежать польскому послу.

— Графу Огинскому?

— Да, графу Огинскому. Естественно, что онъ долженъ изыскивать мѣры воспрепятствовать насильственному раздѣлу своего отечества. Формалистика протестовъ имъ выполнена; но что такое пустая формалистика? Еватерина и Фридрихъ представляютъ собою силу, предъ которою склоняется все. Противъ силы тоже нужна сила; а имя княжны Владимірской, родной племянницы императрицы Анны, могущей явиться мстительницею за своего кузена принца Іоанна, будетъ, по моему, такая сила, которая не можетъ не озаботить Екатерину и не заставить ее забыть всевозможные проекты о какихъ бы то ни было раздѣлахъ. Не забудьте, что она царствуетъ безъ правъ, безъ всякаго родства. Въ этомъ весь и вопросъ, въ этомъ вся и задача, изъ которой наше дѣло, смотря по обстоятельствамъ, извлечь надлежащую пользу.

— И вы полагаете достигнуть успѣха?

— Не полагаю, а увѣренъ! Деньги, которыя она получила за вексель барона Шенкъ, проживутся весьма скоро и она будетъ сейчасъ же у насъ въ рукахъ. Графъ ей скажетъ, что онъ получилъ изъ Персіи деньги на имя княжны Владимірской. Мы доставимъ ей бумаги, изъ которыхъ она увидитъ, что можетъ безопасно назваться этимъ именемъ; кромѣ того, увидитъ, что княжнѣ Владимірской предстоитъ получить болѣе ста миліоновъ франковъ, и повѣрьте — не задумается. А тутъ еще въ перспективѣ русскій престоль. Да это такая приманка, передъ которою не устояла бы голова и съ болѣе твердыми убѣжденіями, чѣмъ хорошенькая, но пустая головка Али-Эметъ.

— Точно, приманка завидная! сказалъ слащавый іезуитъ.

— Къ тому же и дядюшка на помощь явится, продолжалъ отецъ Флавіо.—Онъ присылаетъ пенсію на имя княжны Владимірской. Принимаешь имя—получай деньги, нѣтъ—голодай, какъ знаешь! А мы всѣми способами постараемся ее убѣдить. Княжна Владимірская умерла, стало быть, кто бы ни назвался ея именемъ, для нея вреда нѣтъ и нѣтъ никакой опасности. И чтобы при такихъ условіяхъ она отказалась,—не можетъ быть, отцы и братія; повѣрьте, не можетъ быть!

— Откуда же дядюшкину помощь взять? спросилъ іезуитъ, особенно сочувствующій интригѣ.—Король Станиславъ Понятовскій теперъ въ такомъ положеніи, что совсѣмъ безъ денегъ. Да и во всей Польшѣ, если выдѣлить магнатовъ, проживающихъ русскія деньги, да жидовъ, которые разнесли польскія богатства по своимъ карманамъ, и всю остальную старую Польшу выворотить карманами вверхъ, то пожалуй ста тысячъ не наберешь!

— Въ этомъ отношеніи мы должны озаботиться пріисканіемъ нужнаго человѣка. Найдемъ кого нибудь изъ поляковъ же, вѣдь въ ихъ пользу хлопочемъ! Вотъ мнѣ пишетъ братъ Бонифацій изъ Вильны и указываетъ на князя Карла Радзивилла. По моему, чего же лучше: и глупъ, и богатъ, два достоинства. Собственно для насъ вѣдь рискъ нѣтъ, особенно если Радзивиллъ возьметъ на себя издержки, а выигрышъ можетъ быть громадный, неисчислимый.

— Помогите намъ Боже и святой основатель нашего ордена потрудиться на пользу нашей святой церкви! набожно сказалъ слащавый іезуитъ, складывая руки и приподнимаясь.—Дай Богъ хотя на этотъ разъ просвѣтитъ схизматиковъ и пріобщитъ ихъ къ великой паствѣ нашего святаго отца.

Іезуиты составили протоколъ своей конференціи съ едино-

гласною революціею: донести обо всемъ генералу ордена, секретно сообщить въ Римъ и начать дѣйствовать подъ руководствомъ отца Флавіо.

Затѣмъ всѣ встали, прочитали молитву и, получивъ благословеніе отца-провинціала, разошлись.

V.

Не всякая ошибка дѣлается нечаянно.

— Признаюсь, графъ, я не охотникъ до разныхъ іезуитскихъ измышленій. Въ такихъ случаяхъ, по моему, всего лучше ваше польское «не позволямъ!», но подите, сговоритесь съ нашими политиканами!

— Однакожь подумайте, ваша свѣтлость, вѣдь это, можно сказать, политическій разбой! Австрія беретъ цѣлое королевство, прусскій король два княжества, о русской императрицѣ и говоритъ нечего. Она прирѣзываетъ себѣ провинціи, которыя пространствомъ не менѣ половины Франціи. Этимъ Россія становится на сѣверѣ рѣшительно преобладающимъ государствомъ. И Франція можетъ смотрѣть на это хладнокровно? Можетъ допустить это? Да вѣдь каждое такое присоединеніе есть прямое усиленіе ея враговъ. И она будетъ молчать безъ всякой пользы для себя? Вѣдь это даже не самоуничженіе, это Богъ знаетъ что такое!

— Я то же говорю! Не говорю, кричу, пропагандирую! Но что прикажете дѣлать? Маркиза Помпадуръ отъ австрійской «*ma cousine*» просто себя не помнитъ; а Шуазель хоть и кричитъ о своей независимости, но, давно всѣ знаютъ, просто пришить къ маркизинной юбкѣ. Противъ нихъ я положительно ничего не могу, потому что нашъ всемилостивѣйшій король только и говоритъ теперь, что о своемъ спокойствіи. Я какъ то сказалъ, что если они берутъ, то и намъ бы не худо, въ видѣ возмездія, потребовать хоть Кельнъ съ Майнцемъ, что-ли. Онъ мнѣ отвѣчалъ на это: «На мой вѣкъ хватитъ и того, что есть, а тамъ... и онъ махнулъ рукою.—Подумай-ка лучше о томъ, продолжалъ онъ,—какъ бы намъ повеселѣе сегодня вечеръ провести!»

Этотъ разговоръ происходилъ между ближайшимъ любимцемъ французскаго короля Людовика XV герцогомъ д'Егриньономъ и

польскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ графомъ Огинскимъ.

Герцогъ д'Егриньонъ былъ вутѣла, развратникъ, мотъ, человекъ безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, но человекъ свѣтскій и въ большой силѣ, потому что былъ не только свидѣтель и участникъ, но большею частію составитель тѣхъ скандальныхъ сеансовъ, которыми разнообразилъ свою старость царственный сластолюбецъ, король Франціи, и о которыхъ послѣдніе годы жизни своей онъ, можно сказать, только и думалъ.

Сеансы эти, устраиваемые д'Егриньономъ вмѣстѣ съ маркизою Помпадуръ, были до того развратны и циничны, что едва-ли не заставляли думать, что возвращаются вновь времена Нерона и Геліогабала. Французскій устарѣвшій Сарданапалъ, воспрещая своимъ подданнымъ даже упоминать имя маркиза де-Сада и его хроникъ, хотѣлъ въ своихъ оргіяхъ, кажется, превзойти ихъ. Страстные представленія и возбуждательные эксперименты этихъ сеансовъ были иногда безстыдны до отвращенія.

Дѣятельный участникъ и составитель программъ такого рода увеселеній, герцогъ д'Егриньонъ былъ необходимъ королю какъ воздухъ, или какъ сама маркиза Помпадуръ. Поэтому его сила и его вліяніе были понятны; понятно было и то покровительство, которое король ему оказывалъ въ его борьбѣ съ парламентами.

— Дерзость этихъ черныхъ болтаковъ непростительна! рассказывалъ д'Егриньонъ. — Какъ вамъ покажется? Меня, герцога, рѣшили судить. Слышите, кто же? Эти клерки, эти прокуроры, эти совѣтники! Когда мнѣ принесли о томъ повѣстку, я приказалъ запереть ворота своего отеля и принесшаго принять псарямъ въ плети. Надобно было видѣть, какъ онъ, съ повѣсткою въ рукахъ, метался изъ стороны въ сторону. А онъ у нихъ числится значительнымъ чиновникомъ, какъ это называется: «исполнитель судебныхъ рѣшеній». Запрыгалъ тутъ мой исполнитель, а псари за нимъ. Онъ ищетъ лазейки, какъ-бы выпрыгнуть, не тутъ-то было, стѣна высокая и некуда; а псари такъ и жарятъ. Онъ изгибается, вьется... Наконецъ, что вы думаете онъ выдумалъ? Полѣзъ на рѣшетку воротъ, да тамъ и повисъ на своемъ платьѣ. Тутъ-то ужъ потѣшились надъ нимъ въ пять арапниковъ, просто смѣхъ, пока не оборвался. Я приказалъ сказать, что всѣхъ ихъ клерковъ, совѣтниковъ и прокуроровъ такъ же точно прикажу отодрать, если они осмѣлятся имя мое употреблять все...

— И что-жъ они? спросилъ Огинскій, заинтересованный

разказомъ и думая: у насъ такъ же бы распорядились, если бы какой нибудь повѣтовый судъ вздумалъ прислать къ Радзивиллу, Чарторійскому, Сапегѣ, ко мнѣ, или кому бы тамъ ни было изъ нашихъ... Впрочемъ у насъ и не вздумаютъ...

— Они, что вы думаете? продолжалъ д'Егриньонъ: — не испугались! Составили рѣшеніе, къ участию въ которомъ приглашали, къ ихъ стыду, нѣсколькихъ перовъ. Этимъ рѣшеніемъ я лишился титула герцога, званія пера Франціи и ихъ парламентскаго членства, покровительства законовъ и чести. Слышите, они смѣютъ разсуждать о чести! Будто они могутъ понять, что такое честь французскаго дворянина и герцога! Я приказалъ сказать президенту, что онъ будетъ высѣченъ непременно, и не будь я герцогъ д'Егриньонъ, если я его не высѣку!

— А рѣшеніе?

— Король назначилъ «королевское засѣданіе» и отмѣнилъ весь этотъ вздоръ, приказавъ лично занять мнѣ свое мѣсто, между перами и герцогами. Приэтомъ онъ оказалъ мнѣ особую милость, надѣвъ на меня при нихъ же орденъ Св. Духа; а утѣшая, онъ подарилъ мнѣ одинъ бланкъ *lettre de cachet*, съ тѣмъ, что я могу употребить его по произволу противъ любого члена парламента. Я еще колеблюсь посадить предсѣдателя, потому что мнѣ хочется, чтобы онъ прежде побывалъ въ рукахъ у моихъ псарей... Нѣтъ! Я могу говорить твердо, что король ко мнѣ милостивъ, очень милостивъ. Но противу совокупнаго вліянія маркизы и Шуазеля, которымъ помогаютъ всѣ ихъ прихвостники и прихлебатели, я ничего сдѣлать не могу!

Графъ Михайлъ Огинскій, тонкій, умный полякъ и весьма сдержанный вельможа, хотя изнѣженный и сентиментальный, какъ все, что окружало тогда отъ посаженнаго Екатериною польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго, вполне сочувствовалъ герцогу въ его стремленіи уничтожить силу этихъ гражданскихъ трибуналовъ. Онъ невольно улыбнулся при разказѣ герцога, на который навелъ нарочно, чтобы видѣть, насколько дѣйствительно велико вліяніе д'Егриньона при королѣ. Изъ этого разказа онъ убѣдился, что оно огромно, но что тѣмъ не менѣе вліяніе Помпадуръ и Шуазеля сохраняютъ свое значеніе.

— Стало быть, продолжалъ онъ, — единственная возможность сдѣлать что нибудь въ пользу нашей несчастной Польши, это принять проектъ святыхъ отцовъ, послѣдователей Игнатія Лойолы, поддержавъ возникающія на юго-востокѣ Россіи возненія, по-

мощью самозванства, и такимъ образомъ главному нашему врагу дать занятіе, внутри самого себя?

— При настоящихъ условіяхъ, это самое лучшее, хотя я и говорю, что не люблю іезуитскихъ измышленій и не вѣрю имъ. Но что прикажете дѣлать, если эти люди ничего не хотятъ знать, — было-бы имъ спокойно. Маркиза какъ женщина — женщина и есть. Она всегда предпочтетъ интригу прямому дѣйствию. А за маркизой нашъ высокоумный, герцогъ готовъ тянуть всякую банитель, только бы не обращаться къ парламентамъ за новыми налогами.

— А тогда, если мы все взмутимъ, все взволнуемъ, Франція не откажетъ намъ въ своемъ содѣйствіи?

— Всенепремѣнно! Тѣмъ болѣе, что тогда выяснится размѣръ силы, которою русскіе дѣйствительно располагаютъ.

— А король?

— Король будетъ радъ всякому униженію Россіи, только ничего не предприметъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ, что осуществляемое предположеніе имѣетъ шансы на успѣхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, разумѣется, и онъ не задумается воспользо-ваться...

— И вы его предупредите?

— Да! но онъ мнѣ на первый разъ поднесетъ свой обыкновенный отвѣтъ, что даже большой дымъ не всегда обозначаетъ пожаръ!..

На этомъ они разстались. Герцогу нужно было ѣхать въ малый Трианонъ, гдѣ готовились живыя картины, а графъ Огинскій поѣхалъ отыскивать Али-Эметъ.

Али-Эметъ проживала въ это время послѣднія пятьдесятъ тысячъ, которыя выручила отъ продажи векселей барона Шенка, обеспеченныхъ его богемскимъ замкомъ.

Обстановка ея была прекрасна. Прислуга, ливреи, отдѣлка комнатъ, все было на большую ногу, на барскую статью, хотя далеко не такія, какія она желала бы и какія были у нея въ послѣдствіи. Взглянувъ однако-жъ на все, становилось понятно, почему изъ двухъ сотъ пятидесяти тысячъ франковъ, которые она получила за векселя, черезъ четыре мѣсяца у нея оставалось не болѣе пятидесяти, особенно принявъ во вниманіе, что на эти же деньги жили и оба барона Шенкъ и Эмбсъ.

Подѣхавъ къ ея отелю, посоль велѣлъ о себѣ доложить: посоль его величества польскаго короля при здѣшнемъ христіаннѣйшемъ королѣ.

«Неужели мнѣ нужно будетъ ее убѣждать? думалъ Огинскій, входя въ ней.— Не полагаю! По крайней мѣрѣ, изъ разсказа отца Флавіо, я могу думать, что она настолько умна, что сама пойметъ, и мнѣ не придется себя компроментировать предложеніями...»

Въ это время камердинеръ княжны, — она не переставала называть себя княжною, хотя въ паспортѣ ея было прописано только дѣвица de'Тремуль, — вѣжливый и образованный французъ, проводилъ посла въ гостиную.

«Эге! — подумалъ графъ Огинскій, оглядывая небольшую, но вполне изящную обстановку комнаты. — Ясно, что она умѣетъ жить! Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!»

Али-Эметэ вошла весело, любезно привѣтствовала посла, просила занять мѣсто на диванѣ и сама сѣла подлѣ него, проговоривъ, что она давно слышала имя графа Огинскаго и очень рада лично познакомиться съ посломъ такой великой и свободной націи, какова Польша.

Огинскій съ перваго взгляда былъ пораженъ ея необыкновенною красотою и тою чрезвычайною прелестью и граціозностью, которыми сопровождалось каждое ея слово, каждое ея движеніе. Тѣмъ не менѣе, по предварительно предначертанной себѣ программѣ, онъ началъ говорить вѣжливо, любезно, но всѣми мѣрами стараясь не дать случая себя перебить.

— Имѣю счастье представиться свѣтлѣйшей княжнѣ Владимірской? Я имѣю передать вамъ нѣкоторыя ваши фамилыныя бумаги, присланныя мнѣ изъ іезуитскаго коллегіума, гдѣ вы воспитывались, и притомъ заявить, что вашъ персидскій дядюшка, о которомъ вы, какъ добрая и почтительная племянница, такъ случали, слава Богу здоровъ! Онъ былъ въ отлучкѣ, посланъ персидскимъ шахомъ усмирить Курдистанъ, — такое тамъ небольшое, но довольно отдаленное графство есть, которое, пользуясь своею отдаленностью, нерѣдко поднимаетъ противъ шаха знамя бунта. Теперь все усмирено; вашъ дядюшка, возвратясь съ честью, теперь надѣется быть въ разсужденіи васъ акуратнѣе. Онъ возобновляетъ присылку вамъ пенсіи на ваше, княжны Владимірской, имя, возвысивъ ее, согласно теперешнему вашему положенію. Вы счастливица, княжна: при такомъ вашемъ высокомъ происхожденіи, вашей красотѣ — и такое богатство!

Али-Эметэ, при первыхъ словахъ посла, хотѣла было его остановить, сказавъ, что онъ ошибся, что она не княжна Владимірская, а только ея сотоварка по коллегіуму; но это ей не удалось. Посолъ продолжалъ говорить и видимо желалъ, чтобы

его выслушали. Она вспоминала притомъ свою бывшую подругу, блестящую, спокойную, съ ясными глазами, сверкающими какимъ-то холоднымъ свѣтомъ; вспоминала общее къ ней вниманіе, рассказы о ея богатствѣ. Подъ вліяніемъ этого воспоминанія она замечталась немного о своемъ дѣтствѣ. А посолъ все еще продолжалъ говорить. Ей поневолѣ пришлось выслушать все, что онъ хотѣлъ ей сказать. Въ словахъ посла ея поразили два обстоятельства: первое—доставка ей бумагъ, по которымъ княжна Владимірская, какъ говорилъ посолъ, должна получить большое богатство, если согласится принять нѣкоторыя условія;—потомъ его объясненіе о ея пенсіи отъ дяди, которая будетъ высылаться на имя княжны Владимірской. Она до того набѣдствовала, не получая этой пенсіи, особенно послѣ того, какъ Ванъ-Тоуреръ бѣжалъ изъ Лондона, а Шенка еще не было, что рѣшилась слушать до конца, чтобы какъ нибудь это полученіе не разстроить.

Посолъ не переставалъ говорить. Онъ описывалъ ей высоту положенія князей Владимірскихъ-Зацѣпныхъ, громадность ихъ богатства, ихъ родовитость и права на русскій престолъ, по представительству старой русской династіи, и особо—по близкому родству съ императрицей Анной. Онъ описывалъ все это въ такихъ яркихъ краскахъ, что смутилъ бы вѣроятно далеко не столь пламенное воображеніе, какимъ обладала наша прелестная Али-Эметъ, которая заслушалась его до самозабвенія. Въ ея глазахъ рисовались уже великолѣпные раззолоченные дворцы, наполненные послушными рабами, исполняющими ея приказанія, по мановенію ея руки; въ ея ушахъ раздавалась уже сладостная музыка славы и величія, которою встрѣчаетъ ее ея войско; ей даже слышался восторгъ народа, поклоненіе котораго своей царицѣ доходить до обоготворенія. Она не помнила себя.

Наконецъ, посолъ раскланялся и уѣхалъ, оставивъ бумаги въ рукахъ Али-Эметъ.

— Да онъ сума сошелъ! вскрикнула Али-Эметъ и раскоталась.—Вотъ если-бы мнѣ и наслѣдство также по ошибкѣ отдали, то-то бы хорошо было! И она весело засмѣялась.

Вскорѣ пришелъ баронъ Эмбсъ. Она, смѣясь, стала ему говорить о посѣщеніи посла, о бумагахъ, правахъ на престолъ и, наконецъ, о возобновленіи пенсіи. Разумѣется, тотъ пришелъ въ телачій восторгъ. Но когда она замѣтила, что вѣдь это только ошибка, то онъ сталъ возражать.

— Отчего же ошибка? сказалъ онъ, — отъ того, что была

другая княжна Владимірская? Но это нисколько не нарушаетъ возможности и тебѣ принадлежать къ той же фамиліи. Вонъ какая-то княжна Владимірская умерла. Въ газетахъ напечатано. Не твоя ли совоспитанница? Можетъ быть ты двоюродная сестра ей, хотя и необъявленная, и къ тебѣ теперь перешелъ ея титулъ. Нѣтъ, по моему, тутъ ошибки нѣтъ и не можетъ быть! Разумѣется, нужно прочитать бумаги; къ сожалѣнію они написаны по-русски. Ничего, мы переводчика найдемъ!

И они вмѣстѣ рѣшили, что если ужъ суждена ей столь высокая доля, то отказываться нечего, а нужно Бога благодарить. А если она получитъ все, что ей слѣдуетъ, то и его не забудеть, и сдѣлаетъ хоть своимъ министромъ финансовъ.

Пока они мечтали такимъ образомъ объ управленіи имперіей, прибылъ и баронъ Шенъ. Разказали о бывшемъ посѣщеніи посла и ему. Тотъ еще болѣе разинулъ ротъ отъ удивленія. Чувствуя угрызения совѣсти за промотанное имѣніе и получивъ уже извѣщеніе о наложеніи севестра на его замокъ, онъ невольно скучаль, считая себя какъ-бы преступникомъ передъ своими родными. И вдругъ онъ слышитъ, что легкая хоть и милая барыня, съ которою онъ познакомился въ Лондонѣ и къ которой такъ страстно привязался, можетъ быть ни болѣе, ни менѣе, какъ царица всего сѣверо-востока, о неисчерпаемыхъ богатствахъ котораго онъ слышалъ и читалъ чуть-ли не въ арабскихъ сказкахъ. Ему даже страшно стало отъ одной мысли объ этомъ.

Онъ упалъ на колѣни передъ своимъ идеаломъ, своей красотой, сталъ цѣловать ея руки, ноги, поздравлять... и тутъ же, на случай успѣха, получилъ назначеніе будущаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Послѣ того какъ первыя минуты восторга утихли, разговоръ перешелъ къ предметамъ болѣе существеннымъ. Затребованы были отъ барона Эмбса свѣдѣнія о наличныхъ средствахъ. Оказалось, что наличныхъ средствъ было всего только 43 тыс. франковъ. Слѣдовательно, назначеніе ежемѣсячнаго полученія въ 10 тыс. франковъ было какъ нельзя болѣе кстати. Она поѣдетъ къ послу и будетъ ѣздить каждый мѣсяцъ и получать. На первое время имъ этого будетъ достаточно, такъ какъ главная обстановка уже сдѣлана. А потомъ она получитъ имѣніе. Но чтобы узнать объ имѣніи нужно прочитать бумаги. И вотъ опять общая мысль всѣхъ трехъ естественно обратилась къ оставленнымъ бумагамъ. Нужно перевести ихъ во что бы то ни стало! Тогда узнается, какое отношеніе имѣетъ ея дядюшка въ Персіи

къ княжеству Владимірскому и какое право княжна дѣйствительно имѣеть на принадлежащее ихъ роду богатство въ Россіи; наконецъ, узнается, какое она можетъ имѣть право на русскій престолъ.

Оба министра новой царицы бросились искать переводчиковъ. Но гдѣ тогда было найти переводчиковъ и еще съ такихъ языковъ, какъ русскій и персидскій, въ Парижѣ, въ которомъ и теперь даже многіе плохо знаютъ, Россія ли находится на мѣстѣ Персіи, или Персія на мѣстѣ Россіи, а тогда положительно думали, что Россія именно и есть государство, въ которомъ когда-то царствовалъ Гарунъ-аль-Рашидъ. Тогда переводчиковъ, знающихъ языки, можно было найти только у отцовъ-іезуитовъ. Къ нимъ съ разныхъ сторонъ оба будущіе министра и обратились.

Но съ какой бы стороны не пришло ходатайство по дѣлу, порученному отцу Флавіо, непременно всякая даже мелочь должна была представляться на его усмотрѣніе. Ужъ такой іезуитскій порядокъ. «Онъ знай все и отвѣчай за все». Отецъ Флавіо долженъ былъ назначить и назначилъ переводчиковъ, вооруженныхъ надлежащими внушеніями, и указалъ, какими примѣчаніями и объясненіями переводы ихъ должны быть снабжены. Онъ даже и этимъ не довольствовался и приказалъ прежде сдачи переводовъ княжѣ, для окончательной редакціи, представить ихъ ему.

Въ приложенной къ переводамъ родословной, родъ князей Владимірскихъ былъ выведенъ прямо отъ Шемяки. Такимъ образомъ близость его къ московскому дому была очевидна.

Еще рельефнѣе выяснилось право княжны по родству съ царствующей императрицей старшей линіи дома Романовыхъ—Анной Ивановной. По представленному объясненію, Иванъ Антоновичъ значился погибшимъ во время переворота; линія Петра Великаго отстраненною отъ наслѣдства выборными всего народа; выходъ въ замужество царевны Парасковьи Ивановны, родной сестры государыни, за владимірскаго князя Заѣвнина, бывшаго будто бы старшимъ представителемъ линіи владимірскихъ князей и владѣвшаго Владиміромъ на правахъ державства, по особой будто бы грамотѣ царя Алексѣя Михайловича (видимое смѣшеніе съ грамотою на державство князей Трубецкихъ), данной будто бы ради прекращенія домогательствъ на престолъ прежней династіи,—былъ будто бы не морганатическій бракъ, а политическое сліяніе двухъ старшихъ линій обѣихъ династій, для

единства престолонаслѣдія и прекращенія всякаго рода династическихъ недоразумѣній и препирательствъ.

Само собой разумѣется, что въ этомъ объясненіи, что ни слово то была ложь, но ложь составленная столь искусно, что могла ввести въ заблужденіе даже и знакомаго съ династической исторіей русскихъ государей, не только Али-Эметэ; что же касается до послѣдней, то ей права княжны Владимірской на русскій престолъ представились совершенно несомнѣнными.

Теперь другой вопросъ—объ имѣніи. Но не говоря уже о правахъ родной и единственной дочери на имѣніе послѣ отца и матери, не говоря о томъ, что и по законамъ маіората, за прекращеніемъ мужскаго колѣна, наслѣдство переходитъ въ женскую линію, а братья Андрея Васильевича были показаны умершими,—права эти подтверждались еще духовнымъ завѣщаніемъ послѣдняго мужскаго представителя князей Зацѣпныхъ, утвержденнымъ царствовавшей государыней, съ тѣмъ только, чтобы княжна приняла условія, тѣмъ завѣщаніемъ установленныя. Условія эти: православная вѣра, нераздробимость имѣнія и выходъ замужъ за одного изъ князей Рюриковичей.

Для Али-Эметэ, взросшей почти внѣ всякой религіи, вопросъ о православіи не заключалъ въ себѣ ничего существеннаго. Ей было все равно, быть православной, лютеранкой, магометанкой, или католичкой. Она готова была утверждать, что всегда была православной, о другой религіи никогда не помышляла. Точно также она готова была заявить, съ надлежащею осторожностью разумѣется, что обязуется проводить идеи католицизма всюду, куда достигнетъ ея вліяніе и гдѣ пожелаютъ ея руководители; стало быть, о затрудненіяхъ по вопросу о религіи не могло быть и рѣчи. Еще менѣе могъ затруднять ее вопросъ о нераздѣльности имѣнія.

— Съ кѣмъ мнѣ дѣлится? говорила она.—Пусть только доходъ они отдадутъ, а мы раздроблять ничего не будемъ! Вѣдь говорятъ—отъ 8 до 10 миліоновъ франковъ; будетъ чѣмъ распорядиться моему министру финансовъ, хотя-бы даже нибакіихъ царствъ и княжествъ мнѣ не досталось... Условія, стало быть, подходящія.

— А замужство?

— Что-жъ замужство? отвѣчала Али-Эметэ, сидя на диванѣ между обоими своими министрами и обнимая головы обоихъ.—Я выберу стараго, самаго стараго изъ моихъ бояръ, назначенныхъ въ завѣщаніи княжескихъ родовъ, и выйду за него замужъ. Онъ, какъ старикъ, будетъ доволенъ, во первыхъ, по-

четомъ быть мужемъ своей государыни; а во вторыхъ, моимъ вниманіемъ и лаской... А я? Вѣдь у меня есть двѣ мордашки, съ которыми я могу подчасъ позабавиться. Только я васъ графами тогда сдѣлаю. Ну что такое баронъ, фи! И новая княжна Владимірская заставила обоихъ бароновъ стукнуться лбами.

— Все это хорошо, сказалъ баронъ Эмбсъ, — только какъ бы все это привести въ ясность? Во первыхъ, и царство, и княжество, и состояніе, все это, положимъ, несомнѣнно слѣдуетъ княжнѣ Владимірской. Тутъ есть этому доказательства: и родословная, и завѣщаніе, и свидѣтельство о законномъ бракѣ князя Зацѣпина - Владимірскаго, какъ значится въ родословной... Но изъ чего же видно, что княжна Владимірская наша Али-Эметъ?

— А вотъ ея атестатъ объ окончаніи курса наукъ въ содержимомъ иезуитами институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Вѣдь это паспортъ, настоящій паспортъ, визированъ въ русскомъ посольствѣ и подписанъ княземъ Кантемиромъ. Когда она окончила курсъ, посланникомъ былъ, кажется, князь Кантемиръ! отвѣчалъ баронъ Шенкъ, рассматривавшій бумаги.

— Гм! Да это точно нѣкоторое удостовѣреніе, отвѣтилъ баронъ Эмбсъ. — Но теперь, во вторыхъ, нужно объясненіе о дядюшкѣ Какимъ образомъ онъ персіянинъ, а князя Владимірскіе русскіе и Владиміръ стоитъ близъ Москвы? Вѣдь чтонибудь одно изъ двухъ: или она русская, наслѣдница знаменитаго княжескаго дома, теперь по справедливости претендентка на русскій престолъ; или персіянка, племянница персидскаго вельможи, воспитывавшаго ее и теперь производящаго пенсію, отъ которой отказаться въ настоящую минуту не только невыгодно, но и невозможно, такъ какъ денежки, полученныя подъ баронскій замокъ, уже на исходѣ?

— Постойте, я узнаю о положеніи дѣлъ въ Россіи, сказалъ баронъ Шенкъ. — Моя двоюродная сестра, дѣвица Шенкъ, поѣхала въ Россію съ княжной Ангальтъ-Цербской, которая теперь правитъ русской имперіей, послѣ смерти своего мужа. Она была тогда ея камеръ-медхенъ, а теперь, говорятъ, государыня выдала ее замужъ, и она стала одною изъ ея любимыхъ камеръ-фрау. Я напишу къ ней и она мнѣ опишетъ все, что тамъ дѣлается.

— У меня также есть къ кому написать, прибавилъ, съ своей стороны, баронъ Эмбсъ. Когда пріѣзжалъ изъ Россіи графъ Шуваловъ, его звали Юганъ-Юганъ, то, наскучивъ тамъ безконечною вѣрностью царствовавшей тогда своей покровительницѣ, онъ въ Гамбургѣ захотѣлъ поразвлечься. А какъ все это необ-

ходимо было сохранять въ тайнѣ, то онъ и довѣрился только своему камердинеру, французу Дюпре. Камердинеръ этотъ былъ мой пріятель, черезъ моего отца деньги въ гамбургскій банкъ переводилъ. Онъ ко мнѣ. Мы и устроили графу два-три свиданія съ одною изъ первѣйшихъ гамбургскихъ красавицъ. Тогда и самъ графъ ко мнѣ очень и очень благоволилъ, обѣщаль отплатить, если я приѣду въ Россію. Камердинеръ этотъ до сихъ поръ у него и думаю, что онъ меня не забылъ!

— Прекрасно! замѣтила Али-Эметэ. — Но мы этимъ все же не разрѣшаемъ вопроса о моемъ персидскомъ дядюшкѣ и моей пенсіи. А по моему, господа, это вопросъ слишкомъ важный, чтобы можно было оставить его безъ вниманія.

— Еще бы! Особенно теперь, когда деньги за векселя, по нашимъ расходамъ, почти на исходѣ! сказалъ баронъ Эмбсъ.

— Только вопросъ: какъ же это разъяснить?

— По моему, очень просто: я поѣду къ польскому послу и попрошу у него объясненія. Онъ не можетъ не сказать мнѣ того, что непосредственно ко мнѣ относится. Встати спрошу, когда я могу прислать къ нему своего министра финансовъ за пенсіей.

— Дѣйствительно, это самое лучшее, замѣтилъ Шенкъ. — Посоль не можетъ не знать, откуда и почему онъ производитъ пенсію.

— Хорошо ѣхать, только какъ же ѣхать, спросила Али-Эметэ, — какъ княжна Владимірская?

— Разумѣется, отвѣчалъ баронъ Эмбсъ. — Вѣдь посоль самъ бумаги привезъ и приѣзжалъ рекомендоваться княжнѣ Владимірской. Ѣхать иначе было бы даже невѣжливо. Выйдетъ будто ему не вѣрятъ, когда въ рукахъ княжны даже есть паспортъ. Чего же еще? Онъ же говорилъ, что и пенсія-то высылается на имя княжны Владимірской. Съ какой же стати мы сами будемъ наводить тутъ какое-то сомнѣніе? Весьма можетъ быть... продолжалъ Эмбсъ, рассказывая по комнатѣ и стараясь развивать этотъ вопросъ казуистически. — Вѣдь мы не знаемъ дѣйствительнаго происхожденія нашей прелестной персидской княжны; не знаемъ, кто такой и откуда родомъ ея дядюшка, Сипехъ-Селаръ или какъ его? Поэтому не можетъ быть и сомнѣнія, что онъ-то и былъ князь Владимірскій, скрывшійся изъ Россіи въ Персію отъ преслѣдованій, какъ опасный претендентъ на русскій престолъ. И опять, мало ли было случаевъ, что одинъ братъ, напримѣръ, служить во Франціи, а другой въ Испаніи, или въ Германіи. Вотъ хоть бы и

у нашего маршала графа де-Саксъ родной братъ, говорятъ, находится въ австрійской службѣ. Такъ и князья Владимірскіе могли служить одинъ въ Россіи, другой въ Персіи. По смерти княжны Владимірской, единственной дочери перваго, служившаго въ Россіи старшаго брата, воспитывавшейся вмѣстѣ съ Али-Эметъ и бывшей ей двоюродною сестрою, хотя ни та, ни другая этого не знали, титулъ и права ея могли перейти къ ней, дочери втораго брата, хотя она воспитывалась въ Персіи, у третьаго брата, который почему либо не можетъ или не желаетъ принять эти права на себя; можетъ быть потому, что будучи уже человѣкомъ пожилымъ и бездѣтнымъ, не желаетъ покинуть Персіи. Смерть же княжны Владимірской подтверждается нѣсколькими, вполне достовѣрными свидѣтельствами. Въ чемъ же тутъ можетъ быть сомнѣніе?

Это длинное разсужденіе барона Эмбса было прервано докладомъ чловѣка.

— Его священство, пріоръ ордена отцовъ-іезуитовъ, абать Флавіо д'Аржанто!

— Проси! отвѣчала Али-Эметъ, оправляясь на диванѣ.

Баронъ Шенкъ и Ванъ-Тоуръсъ или баронъ Эмбсъ отошли въ сторону.

Обѣ половинки дверей открылись и тихимъ, вкрадчивымъ шагомъ вошелъ извѣстный уже читателю отецъ Флавіо д'Аржанто.

VI.

Пружинны и пружина пружиннѣ.

Было два часа дня, когда въ отелю, занимаемому польскимъ посломъ графомъ Огинскимъ подкатило великолѣпнѣйшее, раззолоченное, обитое голубымъ левантиномъ, съ золотыми шнурами и кистями, ландо, на шестерикѣ, пугомъ. Свезъ зеркальныя стекла, вставленныя въ боковыя стѣнки блестящаго экипажа, виднѣлось, что на задней скамьѣ ландо сидѣла молодая и прелестная дама, а напротивъ, двое великолѣпно одѣтыхъ по тогдашней французской модѣ, въ бархатныхъ, шитыхъ золотомъ кафтанахъ, мушинъ. Карету сопровождали стоявшіе позади двое

араповъ, въ бѣлыхъ чалмахъ и красныхъ курткахъ, обшитыхъ золотымъ позументомъ, и четверо жокеевъ верхомъ.

Пока одинъ изъ араповъ объяснялся съ швейцаромъ, жокеи соскочили съ коней и двое изъ нихъ стали около дверецъ ландо. Они помогли выйти изъ кареты дамѣ, когда швейцаръ съ почитительнымъ поклономъ передалъ ей, что его сіятельство посолье дома и принимаетъ. За ней вышли и мужчины. Одинъ изъ нихъ пошелъ впередъ, чтобы передать для доклада титулъ и имя прибывшей, а другой шелъ за дамою, принявъ отъ нея горностаевую мантилію, которая была на нее накинута и въ которой она вошла на подъѣздъ, и поддерживая ее шлейфъ.

— Ея свѣтлость, владѣтельная принцеса Владимірская, Суздальская-Зацѣпина Елисавета II, при ней гофмейстеръ и шталмейстеръ ея свѣтлости, бароны Эмбсъ и Шенкъ! передавалъ вошедшій секретарю посла, который бросился опроретью докладывать, пока княжна тихо проходила площадку передъ лѣстницей, оправляя свои великолѣпныя гипюры.

Метръ-д'отель, камердинеръ и секретарь почти одновременно подбѣжали къ гофмейстеру княжны, передавая ему приглашеніе посла. Тотъ поспѣшилъ передать его княжнѣ, занявъ мѣсто позади ея, рядомъ съ товарищемъ. Послѣ нихъ вошли на подъѣздъ двое жокеевъ и арапъ. Другіе жокеи и арапъ остались подлѣ кареты.

Княжна съ царственнымъ величіемъ поднималась по лѣстницѣ, встрѣчаемая и сопровождаемая поклонами прислуги графа Огинскаго.

Но она не успѣла еще ступить на послѣднюю ступень лѣстницы, какъ графъ спѣшилъ уже ей на встрѣчу.

— Вы осчастливили меня, ваша свѣтлость, княжна, сдѣлавъ мнѣ честь... И онъ сдѣлалъ ей почительнѣйшій реверансъ, какъ бы самому христіаннѣйшему королю Франціи. Княжна протянула ему обѣ маленькія ручки, которыя тотъ видимо съ удовольствіемъ поцѣловалъ.

Они вмѣстѣ вошли въ аванъ-залу.

— Позвольте представить вамъ, графъ: мой гофмейстеръ—баронъ Эмбсъ, мой шталмейстеръ—баронъ Шенкъ!

— Я завидую вашему счастью, господа, служить при княжнѣ, которую всѣ мы готовы признать своею королевою красоты: это такое счастье, проговорилъ любезно посолье, пожимая обоимъ баронамъ руки.—Ваша свѣтлость, позвольте просить васъ въ гостиную...

Княжна пошла за посломъ. Бароны остались въ аванъ-залѣ, какъ между ними было условлено.

Настоящее положеніе ихъ устроилось слѣдующимъ образомъ.

Послѣ того, какъ Али-Эметъ шути сказала, что если-бы ей досталось управленіе обширной имперіей, то она назначила бы завѣдывающаго ея денежными дѣлами въ настоящемъ Ванъ-Тоурера своимъ министромъ финансовъ, а наблюдавшаго за порядкомъ въ домѣ фонъ-Шенка—министромъ внутреннихъ дѣлъ, они нерѣдко въ шутку называли другъ друга этими титулами. Княжна тоже часто поддерживала ихъ шутку.

Когда отецъ Флавіо пріѣхалъ къ княжнѣ, заявляя, что случайно узнавъ о пріѣздѣ ея въ Парижъ, захотѣлъ навѣстить бывшую питомицу ихъ учрежденія, причемъ съ іезуитскою ловкостью разсказалъ о смерти бывшей тоже воспитанницы ихъ колегіума княжны Владимірской и тонко намекнулъ пріѣтомъ, что, сколько ему извѣстно, теперь и титулъ этотъ и капиталъ должны перейти къ ней, какъ ея ближайшей кузинѣ, то княжна шутливо замѣтила:

— Я и въ самомъ дѣлѣ начинаю вѣрить, что мнѣ достанется когда нибудь обширная имперія, и я совершенно готова ею управлять. Вотъ и министры мои налицо...

— Вашей свѣтлости, я думаю, прежде чѣмъ придется назначить министровъ для управленія, необходимо установить свой штатъ для вашего представительства двора: гофмейстеръ, шталмейстеръ, камергеръ, мнѣ кажется, для васъ необходимы. Знаете, княжна, значеніе самой красоты возвышается высокою положенія; а ничто настолько не поднимаетъ положенія изъ окружающей обстановки, какъ соотвѣтственный этому положенію штатъ служащихъ. Если ваше высочество, продолжалъ хитрый іезуитъ,—изволите войти въ благотворныя цѣли нашего ордена, то мы употребимъ всѣ средства, чтобы это положеніе не было только фиктивнымъ.

Сказавъ это, іезуитъ неоднократно обращался къ барону Эмбсу, титулуя его превосходительствомъ или называя г. гофмейстеромъ.

— Послѣ, когда восшествіе ваше на престолъ будетъ уже совершившимся фактомъ, можно будетъ вашихъ придворныхъ, шталмейстера, гофмейстера, сдѣлать и министрами! прибавилъ онъ, напирая опять на то, что смерть княжны Владимірской передаетъ ей именно права, воспользоваться которыми зависить отъ нея.

На основаніи этихъ, осторожно высказанныхъ замѣчаній и

подчиняясь вліянію того искусства, съ которымъ отецъ Флавіо умѣлъ подстрекнуть самолюбіе каждаго, Эмбсъ и Шенкъ приняли придворныя званія при княжѣ Владимірской, которую надѣлили титуломъ свѣтлости и владѣтельной принцесы. Само собою разумѣется, что, принимая придворныя званія, они уговорились держать себя относительно ея, особенно при постороннихъ, такъ, какъ бы они были дѣйствительно ея подданные и принадлежали къ составу ея двора.

Визитъ графу Огинскому былъ первымъ опытомъ ихъ въ новомъ положеніи, и они старались всѣми мѣрами высказать свои почтительныя отношенія къ принцессѣ, признанной ими своею государынею. Впрочемъ она и въ дѣйствительности была государыня сердца каждаго изъ нихъ.

Понятно, что подданные безъ особаго приглашенія не могутъ идти туда, куда идетъ ихъ государыня, поэтому они и не пошли за посломъ, а остались въ аванъ-залѣ.

Хотя все это было предусмотрено и рассчитано, но все же они чувствовали себя въ неловкомъ положеніи и невольно разсуждали между собою о томъ, что они разыгрываютъ теперь роль старшихъ лакеевъ, и у кого же? У своей любовницы!

— Да. А если?...

— Хорошо, если-бы если... только что-то невѣроятно, и я признаюсь боюсь, возразилъ Эмбсъ.

— Ну теперь бояться уже поздно; будь, что будетъ! отвѣчалъ Шенкъ.

Княжна, между тѣмъ, сидѣла въ гостиной съ Огинскимъ.

Она говорила ему, что изъ доставленныхъ имъ бумагъ она убѣдилась, что за смертію старшей княжны Владимірской ей принадлежать и титулъ, и права ея, стало быть, ей должны фактически принадлежать Владиміръ, Суздаль и Задѣпинскъ и другіе города, хотя-бы на правахъ васальныхъ или удѣльныхъ, какъ это говорятъ по-русски, прибавила она, кокетливо улыбаясь и играя глазами.

— Затѣмъ, видите, графъ, говорила она какъ-то сдержанно:— по близости своего родства съ императрицей Анной Ивановной, я вправѣ рассчитывать и на дальнѣйшее свое возвышеніе. Но вѣдь нужно смотрѣть на жизнь прагматически. Для осуществленія всего этого нужны прежде всего деньги. Поэтому, признаюсь, я весьма была обрадована сдѣланнымъ вами сообщеніемъ, что мой дядюшка, богатства котораго извѣстны въ Персіи, обѣщается мнѣ помогать. Сказавъ это, она выжидала, не скажетъ ли что посоль; но какъ тотъ молчалъ, то

она продолжала.— Вы меня извините, графъ; но я не совѣмъ понимаю и потому позволила себѣ просить васъ разъяснить, какое отношеніе князей Владимірскихъ къ Персіи и какимъ образомъ одинъ изъ моихъ родныхъ дядей можетъ быть персидскимъ вельможей, тогда какъ другой былъ владѣтельнымъ герцогомъ, вассаломъ русской императрицы.

Графъ Огинскій, не зная подробностей іезуитской махинаціи и откуда они взяли эту княжну Владимірскую, зналъ очень хорошо, что о Персіи тутъ нѣтъ и рѣчи. Онъ зналъ, что пенсія производится отъ имени будто бы персидскаго дядюшки княземъ Карломъ Радзивилломъ, паномъ коханею, втянутымъ въ интригу противъ Россіи іезуитами, которые, принявъ инициативу кого-то изъ русскихъ вельможъ, рѣшились выставить противъ Екатерины новую претендентку на ея права; зналъ, что этимъ можно помочь Польшѣ, отвлекая мысли Екатерины къ внутреннимъ дѣламъ, при удачѣ же поколебавъ ея могущество и во всякомъ случаѣ заставивъ забыть проектъ прусскаго короля о раздѣлѣ Польши. Но какъ говорить этого было нельзя, то онъ и не зналъ, что отвѣчать. По счастью ему пришелъ въ голову рассказъ, слышанный имъ когда-то отъ князя Андрея Васильевича Зацѣпина о томъ, какъ его дѣдъ, при Петрѣ Великомъ, былъ въ нѣтъчикахъ, чтобы не стать съ кѣмъ нибудь въ версту. Придерживаясь этого разсказа, онъ импровизировалъ цѣлую исторію о жестокостяхъ Петра, о томъ, какъ онъ приказывалъ обливать холодною водою на морозѣ за небритіе бороды и рубилъ головы за лишнее слово.

— Вашъ дѣдушка, говорилъ онъ:— желая спасти свою голову и свою бороду, бѣжалъ отъ этихъ ужасовъ въ Персію и былъ съ почетомъ принятъ персидскимъ шахомъ. Петръ лишилъ его за то владимірскаго княжества, которое отдалъ, впрочемъ, его старшему сыну, служившему въ его потѣшныхъ, стало быть, бывшему однимъ изъ его любимцевъ. Въ Персіи вашъ дѣдушка своими заслугами приобрѣлъ общее уваженіе. Онъ защищалъ Азовъ, когда Петръ сдѣлалъ на этотъ городъ первый разъ нападеніе, отстоялъ его и за это персидскимъ шахомъ былъ сдѣланъ правителемъ Азова или, какъ тамъ его называли, султаномъ азовскимъ.

Почему графу Огинскому пришелъ въ голову Азовъ и съ какой стати онъ отнесъ его къ Персіи, на это, разумѣется, онъ не далъ бы отвѣта. По всей вѣроятности потому, что онъ весьма былъ не силенъ въ географіи востока и не зналъ ни одного города въ Персіи, кромѣ можетъ быть Тегерана; а Азовъ просто подвернулся подъ языкъ.

— Младшій сынъ вашего дѣдушки, родившійся въ Персїи, нынѣшній владѣтель Азова и первый сардаръ при дворѣ персидскаго шаха и, есть вашъ персидскій дядюшка, производящій вамъ пенсію, продолжалъ онъ.— Онъ вновь сталъ русскимъ подданнымъ, когда Азовъ былъ взятъ русскими, и императрица Анна Ивановна, ваша тетюшка, оставила за нимъ его державныя права, какъ подвластнаго себѣ вассала, можетъ быть по просьбѣ вашего батюшки, князя Владимірскаго, женатаго на ея родной сестрѣ, Парасковѣ Ивановнѣ, хотя вашъ дядюшка службу свою при персидскомъ шахѣ оставить не пожелалъ.

Объясненіе графа Огинскаго, при полномъ незнакомствѣ ни съ исторїей, ни съ географіей, ни съ этнографіей Россіи и Персїи и при желаніи ему вполне вѣрить, могло показаться вѣроятнымъ, поэтому и не было отвергаемо княжною. Впрочемъ она понимала прекрасно и то, что отвергать его весьма для нея невыгодно. Принимая это объясненіе на вѣру, она получаетъ пенсію; отрицая же, остается при сомнительныхъ надеждахъ, которыя могутъ представляться только въ видѣ летящаго въ небѣ журавля.

Поэтому, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, она сказала твердо, остановивъ на лицѣ посла свой ласкающій, бархатный взглядъ:

— Я принимаю условія, поставленныя завѣщаніемъ послѣдняго изъ князей Владимірскихъ-Зацѣпныхъ, т. е. выйду замужъ не иначе, какъ за одного изъ прямыхъ потомковъ русскаго князя Рюрика, не раздроблю имѣнія и во всемъ буду поступать согласно желанію завѣщателя. Я обязуюсь также принять въ основаніе своихъ дѣйствій указанія, которыя были намѣчены мнѣ абатомъ д'Аржанто. вмѣстѣ съ тѣмъ я желаю знать: встрѣчу ли я отъ кого нибудь поддержку, если начну дѣйствовать какъ княжна Владимірская, желающая вступить въ свои права?

Она кокетливо перегнулась на диванѣ, на которомъ сидѣла, смотря вопросительно на Огинскаго своими глубокими и какъ-бы влажными глазами.

Графъ даже вздрогнулъ отъ этого взгляда. Видимо онъ былъ самъ не свой отъ вліянія этой чарующей, кокетливой красоты.

— Начинайте, начинайте, княжна, сказалъ наконецъ Огинскій восторженно.— Развѣ можетъ найтись человѣкъ, который отказалъ бы вамъ въ поддержкѣ и помощи? Что касается меня, то моя жизнь, мое состояніе я бы съ радостью...

Но среди этой восторженности своей Огинскій вдругъ

вспомнилъ, что вѣдь онъ не только Огинскій, но посолъ и посолъ великой державы, находящейся по несчастію подъ ударами и расчитывающей для спасенія своего на его дипломатическія способности. Онъ невольно остановился, подумавъ: «съ ней право забудешь даже свою дорогую отчизну». Потомъ онъ продолжалъ уже сдержанно, въ другомъ тонѣ:

— Признаюсь, княжна, я не знаю такихъ, которые могли бы отказать вамъ въ помощи. Если вы не найдете себѣ поддержки здѣсь, во Франціи, поѣзжайте въ Польшу. У насъ, на Литвѣ, есть много вельможъ, которые за честь поставятъ себѣ пожертвовать всѣмъ состояніемъ своимъ вамъ, вашимъ правамъ, вашей красотѣ. Вотъ, хотя бы князь Радзивиллъ. Онъ навѣрно не пожалѣетъ ничего. Притомъ же онъ, кажется, Рюриковичъ по роду, по крайней мѣрѣ по женской линіи, прибавилъ онъ, улыбаясь, — такъ что выйдя за него замужъ, вы не нарушили бы условія завѣщанія. Я говорю это однакожъ противъ себя. Нѣтъ человѣка, который, видя васъ, пожелалъ бы, чтобы вы вышли замужъ за другаго.

— Вы шутите, графъ; а мнѣ нужно серьезное и точное объясненіе. Вопросы о соединеніи во мнѣ персидскаго и русскаго происхожденія и о поддержкѣ, на которую я могу рассчитывать, составляютъ для меня, въ данную минуту, положительно вопросы моего будущаго.

— По первому изъ этихъ вопросовъ я объяснилъ вамъ все, что допускаетъ моя память, и обѣщаю вамъ приказать составить меморандумъ, насколько буду въ силахъ собрать свѣдѣнія. Говорятъ, вашъ дядюшка видѣлся самъ съ Радзивилломъ и они уговорились...

Разговоръ продолжался долго, долго, а два любовника, обращенные въ придворныхъ, рассказывали взадъ и впередъ передъ запертою дверью, зная, что ихъ царица сидитъ за этою дверью чуть-ли не съ первымъ ловеласомъ Польши. Какъ быть? Взятся за гузъ, не говори что не дюжъ! За то княжна Владимірская все устроила, все обговорила съ любезнымъ посломъ, и за пенсію могъ хоть завтра являться ея гофмейстеръ...

Трубецкому, послѣ того какъ онъ неудачно хотѣлъ присоединиться къ отряду Екатерины еще на походѣ, волей-неволей пришлось явиться къ Екатеринѣ. Онъ, не задумываясь, принялъ присягу. Государыня приняла его очень милостиво.

— Вы настаивали, князь, чтобы покойный императоръ ско-

рѣй короновался. Совершенно согласна съ вами. Это должно быть первымъ дѣйствіемъ вступающаго на престолъ монарха, поэтому возлагаю на васъ обязанность, приготовить все для моей коронаціи.

Трубецкой понялъ государыню: эти слова, милостивыя, ласковыя, возлагающія на него почетную и важную обязанность, указали ему, что, во время ея царствованія, онъ можетъ рассчитывать на все, даже на ея милости, только не на власть. Царствовать ему при ней ужъ ни въ какомъ случаѣ не удастся. А Трубецкому не хотѣлось ничего кромѣ власти. Онъ понялъ, что дѣлаемое ему порученіе, обозначая особое въ нему довѣріе государыни и высказывающее ея уваженіе къ его знаніямъ, уму и распорядительности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и почетная ссылка. Онъ долженъ былъ ѣхать сейчасъ же въ Москву, оставя открытое поле для честолюбивыхъ замысловъ другимъ.

Трубецкой повиновался. Но въ душѣ его кипѣла буря, и вызванный, подъ предлогомъ присванія богатой невѣсты, въ Москву какимъ-то купцомъ Бѣлородовымъ, князь Дмитрій Васильевичъ Зацѣпинъ, снабженный всѣмъ, что нужно и наэлектризованный внушеніями и обѣщаніями, отправился изъ Москвы въ заволжскій степи. Куда? зачѣмъ?—никто не зналъ, кромѣ, говорятъ, князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, хотя въ Москвѣ Дмитрій Васильевичъ съ нимъ и не видѣлся. Но вѣдь Никита Юрьевичъ любилъ дѣлать все такъ, чтобы комаръ носу поточить не могъ; удивительно ли, что онъ не захотѣлъ, чтобы ктонибудь зналъ, что онъ даетъ средства на какую-то секретную экспедицію.

Не даромъ однако же говорятъ, что судьба индѣйка. Какъ съ-молоду князю Никитѣ Юрьевичу удавалось все и онъ обегоривалъ каждого, такъ теперь все пошло навыворотъ. Князь Дмитрій Васильевичъ никуда не доѣхалъ, никакихъ цѣлей не достигъ, никакой экспедиціи не совершилъ. На дорогѣ на него напали черемисы ли, нагайцы ли, или свои русскіе разбойнички, и напали не по одиночкѣ, не крадучись, а посреди бѣлаго дня и съ цѣлою шайкою, человекъ въ 50, и князь, вмѣстѣ со всѣми его сопровождавшими, былъ зарѣзанъ. Разбойники не задумались перерѣзать всѣхъ съ нимъ бывшихъ, чтобы говору меньше было. И сгибъ такимъ образомъ нашъ родовитый кутила-мученикъ, сгибъ ни за денежку. Не придется ему больше ни псарей продавать, ни съ молодымъ Бирономъ въ карты играть и вучеровъ проигрывать; не придется ни съ дворовыми дѣвками развратничать, одѣвая ихъ терпсихорами и помонами, ни

богатой невѣсты отыскивать. Ну сгибъ, такъ сгибъ, отъ того хуже ли?

Хуже или не хуже, а надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ схоронили его со всѣми его гайдуками и приспѣшниками, схоронили безъ всякаго христіанскаго напутствія, и теперь еще, говорятъ, стоитъ черный, подгнившій, совсѣмъ наклонившійся, но не свалившійся еще деревянный крестъ; дескать, помолись, христіанинъ, за души убиенныхъ! Да еще говорятъ, что воеводиха отъ пальца мертваго князя Дмитрія Васильевича съума сошла и сожитель ея, воевода, цѣлую свою жизнь о томъ вспоминалъ и плакалъ. Да, видите, убили ихъ разбойники, да и ограбили до-чиста, даже рубашки со всѣхъ снимали; не сняли только съ руки у князя Дмитрія Васильевича бриліантовый перстень.

Понравился перстень воеводѣ, когда онъ на слѣдствіе съ воеводѣмъ прїѣзжалъ, велѣлъ снять; думалъ: «женѣ подарю, у ней же руки жирныя, полагаю, какъ тутъ впору будетъ».

А воевода съ воеводихою были недавно обвѣнчаны и жили душа въ душу.

Но перстень съ мертваго пальца не снимался. Дѣлать нечего, велѣлъ воевода у покойника палець отрубить, да въ шутку и привези къ женѣ въ подарокъ перстень вмѣстѣ съ пальцемъ.

Ругнула своего сожителя воеводиха за глупую шутку, но отъ перстня не отказалась, велѣла очистить его отъ пальца и принести къ себѣ, а когда принесли—надѣла перстень на руку и забыла совсѣмъ о пальцѣ. Князя Дмитрія Васильевича такъ безъ пальца и похоронили.

Только вотъ, съ той самой поры, воеводихѣ сталъ все покойникъ мерещиться; и во снѣ, и на яву покоя не даетъ. Придетъ покойникъ, поглядитъ таово ласково и скажетъ тихо:

— Агафья Трифоновна, а гдѣ же мой палець?

У Агафьи Трифоновны волосы дыбомъ, а онъ все свое, да таово жалостливо:

— Ты перстень возьми, Агафья Трифоновна, а палець отдай! Ну зачѣмъ тебѣ мой палець?

Агафья Трифоновна закричитъ благимъ матомъ, а покойникъ говорить еще тише, еще жалобнѣе:

— Не кричи, Агафья Трифоновна, а лучше скажи: гдѣ же мой палець?

«Что дѣлать? сказалъ себѣ Трубецкой, когда узналъ о смерти Дмитрія Васильевича.—Неудача, полная неудача! Нужно дру-

гаго поискать, да гдѣ такого другаго сыщешь? Кутила былъ, но храбръ и уменъ! Дѣлать нечего, пока ктонибудь попадетса подходящій, нельзя ли чтонибудь подѣлать съ Иванушкой?»

Думалъ объ этомъ Никита Юрьевичъ, очень думалъ, и не только думалъ, но и подвохи разные подпускалъ, но только такъ подпускалъ, чтобы именно комаръ носу поточить не могъ.

Еще о чемъ думалъ Никита Юрьевичъ, очень думалъ, это — зацѣпнскіе капиталы.

«Вѣдь это состояніе громадное, разсуждалъ про себя Никита Юрьевичъ. — Это уже не состояніе, а богатство, царское богатство! Меня называютъ богатымъ, но я, съ своими десятью дѣтьми, просто нищій противъ такого богатства. Теперь оно дошло, надобно полагать, миліоновъ до сорока, не считая художественныхъ вещей. А домъ, а дачи, особенно Парашино... Постой, посчитаемъ: 22,000 душъ, кому не надо тотъ пять миліоновъ дать, особенно если продавать по частямъ; имѣнія все богатые, въ плодородныхъ губерніяхъ; заводъ на Камѣ — ну, миліонъ; кажется, земли одной прирѣзано что-то около 300,000 дес. Теперь, по билетамъ несомнѣнной твердости въ иностранныхъ банкахъ: амстердамскомъ, гамбургскомъ, англійскомъ и венеціанскомъ лежало тогда, вотъ изъ завѣщанія нарочно выписалъ, 8.700,000. Прошло съ того времени двѣнадцать лѣтъ; нужно считать ихъ, по крайней мѣрѣ, въ 14 миліоновъ, а можетъ быть и больше. Теперь доходъ съ имѣній: каждый годъ вносится въ тѣ же банки по 375,000, что, въ продолженіи 12 лѣтъ, составило, ну, бѣдно, миліоновъ пять; да заводъ вноситъ, не знаю сколько, но вѣрно тысячъ 60 — 70 и также двѣнадцать лѣтъ. Да вотъ еще есть особые счета съ прусскимъ королемъ, съ герцогомъ Вольфенбютельскимъ, да съ владѣтельнымъ графомъ Лимбургскимъ; навѣрное всего миліоновъ на сорокъ будетъ. Да дома въ Петербургѣ и Москвѣ, дачи... Что и говорить, страшное богатство! что передъ нимъ богатство Шереметевыхъ, Строгановыхъ, Черкасскихъ. И, главное, что все больше въ денежныхъ капиталахъ, которымъ не грсзятъ ни побѣги крестьянъ, ни моръ, ни голодъ... Да! Съ такимъ состояніемъ намъ не страшна была бы и Еватерина! Вѣдь капиталъ — это сила, и еще какая сила-то! Мы тогда и съ нею, пожалуй, посчитались бы, и еще какъ бы посчитались!

«Хорошо, если-бы было можно эти капиталы заполучить, или хотя приблизить, не мнѣ, такъ моимъ... Только какъ? Любопытно знать, приняла ли воспитывавшаяся въ Парижѣ княжна поставленная завѣщаніемъ условія; можно бы Петра въ Па-

рижъ послать, не поправится ли? Онъ же у меня молодець! Правда, тамъ въ условіи поставленъ Рюриковичъ, да мы это передѣлаемъ! Ну, а если княжна условій не приняла, тогда Юрій Васильевичъ Зацѣпинъ прямой наслѣдникъ, и говорить нечего! Его развѣ съ Катей сблизить? Молода, правда; но годъ, другой, пройдетъ и, не увидишь, будетъ невѣста настоящая; а князь Юрій Васильевичъ не женатъ и, говорятъ, очень жадець. За дѣло о наслѣдствѣ онъ взяться не сумѣетъ и не выиграетъ его никогда. Можно съ нимъ поговорить и условиться. Мало ли, и въ четырнадцать лѣтъ замужъ выдаютъ. Нужно объ этомъ подумать. Кусочекъ-то лакомый!»

И думалъ Никита Юрьевичъ, устраивая все для коронаціи Екатерины и стараясь, въ то же время, подыскать случай ей ножку подставить, дѣйствуя не отъ себя, а такъ, черезъ своихъ многочисленныхъ агентовъ въ Петербургѣ и Москвѣ и во всѣхъ концахъ Россіи, и въ такомъ видѣ, что агенты эти сами не думали, что они дѣйствуютъ по руководству князя Никиты Юрьевича и въ его пользу.

Въѣздъ въ Москву Екатерины для коронаціи поражалъ своею торжественностью.

Сотни тысячъ народа ждали государыню. Триумфальныя арки, депутаціи, привѣтственные рѣчи встрѣтили ея поѣздъ. Вдоль всего предназначеннаго пути была устроена шпалера изъ цвѣтовъ и зелени. За шпалерою стояли разукрашенные, устроенныя каждымъ домохозяиномъ, галереи для зрителей. Съ одной стороны улицы на другую были перекинуты и висѣли фестонами гирлянды изъ цвѣтовъ и зелени; вездѣ виднѣлись, украшенные лаврами и цвѣтами, вензеля Екатерины.

Всѣ дома по Тверской улицѣ, по которой проѣзжала Екатерина изъ Петровскаго-Разумовскаго, гдѣ она, передъ въѣздомъ въ Москву, останавливалась, были драпированы матеріями, коврами, флагами, пухами лентъ, украшены аллегорическими фигурами. Овны, балконы, даже крыши были полны народомъ, привѣтствовавшимъ криками радости проѣзжающую въ золотой, украшенной драгоценными каменьями каретѣ государыню.

Молодые дѣвушки различныхъ сословій, разряженные, разукрашенные, подносили ей вѣнки и осыпали цвѣтами ея путь. На площадяхъ встрѣчали ее депутаціи разныхъ учреждений съ поздравленіями, привѣтствіями, хлѣбомъ-солью, цвѣтами и образцами мѣстнаго производства. На папертяхъ первой ея ожидало

духовенство съ крестами, хоругвями и иконами. Между тѣмъ, звонъ сорока сороковъ московскихъ церквей гудѣлъ въ воздухѣ; сотня оркестровъ московскихъ богачей и вельможъ и хоры тысячи пѣвцовъ сливались въ торжественномъ гимнѣ вступающей, и заглушали собою громъ салютующихъ орудій. Но все это открылось единодушнымъ возгласомъ радостнаго народа, когда государыня вышла изъ раззолоченной кареты и распростерлась ницъ передъ иконою Иверской Божіей Матери.

— Да здравствуетъ наша матушка, православная государыня-царица Екатерина Алексѣевна! вопилъ народъ, заглушая и звуки музыки, и звонъ колоколовъ, и громъ орудій...

Да, въѣздъ былъ торжественъ. Никита Юрьевичъ умѣлъ распорядиться. Но видно было, что и народъ сочувствовалъ перевороту и не думалъ о томъ, кто, царствуя надъ нимъ, мечталъ о своей дорогой Голштиніи.

Трубецкой, дѣйствительно, подумалъ и позаботился обо всемъ, чтобы государынѣ было хорошо и удобно. Ея кабинеты, спальни, уборныя были устроены такъ, что она могла не замѣтить что она не въ Петербургѣ, не у себя въ Зимнемъ дворцѣ; помѣщеніе для прислуги, для экипажей, — все это было устроено удобно и прекрасно. Не было возможности устроить въ Лефортовскомъ дворцѣ, гдѣ государыня останавливалась, церкви. Трубецкой, имѣя въ виду, что императрица, кромѣ чувствъ своей религіозности, захочетъ непременно, въ виду кореннаго русскаго населенія, выставить себя истинно православною царицею, для которой близость церкви необходима, придумалъ соединить дворецъ съ прилегающею приходскою церковью, посредствомъ вновь построенной галереи. А какъ церковь та была холодная, то изъ части трапезы и пространство, образуемыхъ пролетами сводовъ, онъ придумалъ сдѣлать теплыя комнаты, выходящія окнами въ церковь. Однимъ словомъ, имъ было сдѣлано все, чтобы императрица была имъ совершенно довольна. И дѣйствительно, Екатерина разсыпалась передъ нимъ въ благодарностяхъ.

Между тѣмъ въ военныхъ кружкахъ, какъ Петербурга, такъ и Москвы, начинался разговоръ о принцѣ Іоаннѣ; говорили, что вѣдь онъ хотя и не короновался по малолѣтству, тѣмъ не менѣе онъ императоръ законный, и по роду, какъ старшій представитель дома Романовыхъ, и по завѣщанію царствовавшей государыни. Правда, говорятъ, гвардія отъ престола его тогда отмѣнила, такъ какъ его родители-опекуны въ нѣмцевъ очень вѣрили и дали Биронову власть русскій народъ давить и мучить; но отмѣнила она

его для дочери Петра Великаго. А нынѣшняя государыня что? Развѣ она Петра Великаго дочь? Какое, она даже не русская!

Эти толки сперва шли глухо, въ видѣ болтовни, невѣдомо откуда исходившей и передаваемой съ уха на ухо; потомъ они начали усиливаться часть отъ часу. И вотъ начались покушенія въ пользу Иванушки.

Начались эти покушенія съ людей темныхъ, неизвѣстныхъ, обиженныхъ тѣмъ, что они были оставлены въ Петербургѣ, какъ-бы въ резервныхъ кадрахъ гвардіи, тогда какъ болѣе счастливые ихъ товарищи были взяты въ Москву, должны были участвовать во всѣхъ торжествахъ коронаціи и попасть подъ тотъ дождь милостей, который во время коронаціи долженъ былъ на нихъ пролиться.

Михайло Шиповъ, поручикъ, жаловался Семену Гурьеву, прапорщику, что его обошли: другіе произведены, а онъ нѣтъ.

— Подожди, отвѣчалъ Семень Гурьевъ,—можетъ и на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Собирается партія,—говорять, будто Иванъ Ивановичъ Шуваловъ во главѣ,—хотятъ принца Ивана опять въ императоры поднять. Тутъ, говорятъ, и Голицынъ Иванъ Ѳедоровичъ, тотъ, котораго покойный государь очень любилъ, и троюродный дядя мой, бригадиръ Александръ Григорьевичъ Гурьевъ; говорятъ, нашихъ тамъ много.

— А Никита Ивановичъ Панинъ тамъ? спросилъ Шиповъ.

— Про того не слыхалъ. Вѣрно тамъ! Говорили про какого-то знатнаго Никиту, да, говорятъ, еще не высказывается. А еще, говорятъ, Корфъ свою партію тоже собираетъ. Вотъ и случай.

Скоро и другой случай вышелъ.

Сердился очень, что остался въ Петербургѣ, измайловскій поручикъ Петръ Хрущовъ и говорилъ о государынѣ неприлично. Онъ говорилъ, что на государствѣ ей не быть, такъ какъ великаго князя, хоть онъ и малолѣтній, и муромъ помазать, и короновать слѣдовало, ибо онъ отъ государева вѣрныя отростокъ, а она что?

Подошелъ къ нему другой поручикъ, Степанъ Бибииковъ, и говорить:

— Что кипятиться, или въ розыскныхъ дѣлѣ канцелярію попасть хочешь?

— Попаду такъ и выпустятъ, отвѣчалъ Хрущовъ.—Вѣдь вонъ Пассека лѣтось арестовали, да выпустили же, какъ сила взяла. Иди и ты къ намъ, не бойся; насъ однихъ офицеровъ

тысяча человекъ будетъ; во всѣхъ полкахъ есть, и сами фельд-маршалы съ нами.

Бибиновъ сказалъ это родственнику своему, измайловскаго полка капитанъ-поручику Домогацкому, а Домогацкій—Григорію Григорьевичу Орлову.

Къ Орлову дошло обо всемъ этомъ и съ другой стороны.

Московскаго драгунскаго полка поручикъ Побѣдимскій заявилъ, что его приглашали въ партію принца Ивана, за которымъ будто бы посланъ уже капитанъ Лихоревъ. Говорилъ ему это поручикъ Чихачевъ отъ имени измайловскаго капитанъ-поручика Ивана Гурьева, который будто пригласилъ къ содѣйствию Семена Гурьева и Льва Толстаго, заявляя, что дѣломъ руководить Иванъ Ивановичъ Шуваловъ; да и Измайловы, говорятъ, тутъ.

Начался розыскъ, безъ пытокъ впрочемъ. Но никто изъ поименованныхъ не могъ указать, что онъ имѣлъ личное свиданіе съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ; о Никитѣ же Юрьевичѣ Трубецкомъ никто даже и не поминалъ, напротивъ, Иванъ Гурьевъ показалъ, что онъ говорилъ о нихъ собственно для того, чтобы придать своей партіи больше значенія. Семень Гурьевъ поваялъ, что слышалъ больше все отъ Хрущова, а Хрущовъ, что онъ былъ только эхомъ общаго говора; слышалъ какъ-то, идя съ баталіономъ, самъ же объ участіи какихъ либо знатныхъ лицъ въ ихъ партіи ничего не знаетъ. На основаніи этихъ показаній, и какъ въ этой же болтовнѣ упоминалось имя Никиты Ивановича Панина, который не могъ, разумѣется, ни мыслью, ни дѣломъ въ ихъ предположеніяхъ участвовать, ни Шуваловъ, ни Трубецкой къ дѣлу привлечены не были.

Разослали виновныхъ въ Якутскъ и Камчатку, но искра осталась подъ пепломъ.

Немедленно по восшествіи Екатерины на престолъ, она выписала одного изъ опальныхъ послѣдняго времени елисаветинскаго царствованія, бывшаго канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, перваго человекъ, который, видя полную неспособность къ правленію великаго князя Петра Федоровича, еще тогда проектировалъ, чтобы царственную власть передать Екатеринѣ.

Бестужевъ пріѣхалъ изъ своего Горѣтова, казалось, тѣмъ же разумнымъ, дѣятельнымъ и упрямымъ старикомъ, и тѣмъ же пронырливымъ царедворцемъ, какимъ онъ былъ и до ссылки.

Весьма вѣроятно, что, выписывая его, Екатерина полагала возложить на него вновь обязанность великаго канцлера, такъ какъ въ Воронцова Михаила Ларіоновича она не вѣрила.

Поэтому она встрѣтила Бестужева не такъ, какъ императрица, но, можно сказать, какъ близкая, душевно преданная родная.

— Батюшка, Алексѣй Петровичъ, научи и вразуми, помоги дѣломъ и совѣтомъ моей неопытности! были первые слова Екатерины при возвращеніи Бестужева.

Онъ былъ возстановленъ немедленно въ своемъ рангѣ; всѣ ордена его, включая въ то число и портреты императрицы, были ему возвращены. Даже состоялся оправдательный манифестъ, коимъ объяснялось, что ссылка Бестужева состоялась по ложнымъ извѣтамъ и была неправильна. Бестужевъ получилъ всевозможныя атенціи, всевозможное удовлетвореніе и сталъ пользоваться при дворѣ обширнымъ вліяніемъ, такъ какъ Екатерина почти по всякому важному дѣлу обращалась къ нему за совѣтомъ. Тѣмъ не менѣе канцлерства онъ ждалъ напрасно. Канцлеромъ она его не дѣлала.

Оно и понятно. Дѣло въ томъ, что Бестужевъ, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ онъ и былъ, въ своемъ Горѣтовѣ усвоилъ не совсѣмъ удобную для канцлера слабость—полюбилъ выпить старикъ. Ну, а выпивая дѣло не совсѣмъ удобное для политической дѣятельности. Къ тому же, отчасти по лѣтамъ, отчасти, можетъ быть и по природѣ, былъ онъ въ выпивкѣ очень слабъ. Два-три бокала шампанскаго уже заставляли заминаться его языкъ. На бѣду онъ этого не замѣчалъ и въ это время особенно любилъ говорить и высказывать свои предположенія; такъ что однажды, послѣ параднаго обѣда, когда Бестужевъ особенно преслѣдовалъ государыню этими предположеніями, она, чтобы избавиться этихъ преслѣдованій, должна была подойти къ англійскому послу лорду Букингему.

— Видѣли ли вы, милордъ, когда нибудь охоту за зайцами? спросила Екатерина.

— Какъ же, государыня, нѣсколько разъ случалось охотиться! отвѣчалъ тотъ.

— Не правда-ли, мое положеніе очень походитъ на положеніе бѣднаго зайца? Меня преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, просто атакуютъ предложеніями, проектами и объясненіями, иногда право не совсѣмъ согласными съ законами здраваго смысла, и я поневолѣ должна укрываться гдѣ и какъ удобнѣе. Но что-жъ дѣлать? Выслушиваю и дѣлаю, что могу, чтобы всѣхъ удовлетворить.

Ясно, что, замѣтивъ въ Бестужевѣ указанную слабость, императрица не могла и думать о предоставленіи ему канцлерства,

хотя Воронцовъ отпросился для излеченія болѣзни за границу и мѣсто оставалось свободнымъ. Она назначила Панина исправлять эту должность, сознавая, что назначить на это мѣсто Бестужева невозможно, хотя, признавая его умъ, она часто обращалась къ нему за совѣтомъ.

Но Бестужевъ этого не хотѣлъ признать. Онъ приписывалъ, что его не хотятъ назначить по интригѣ, искалъ случая эту интригу разрушить и для того старался усилить свое придворное значеніе всякаго рода искательствами и пронырствомъ.

Вспомнивъ, какъ онъ возвысилъ свое положеніе при Елисаветѣ, сблизившись съ Разумовскимъ, онъ подумалъ, нельзя ли и теперь повторить тоже самое, сблизившись съ Григоріемъ Орловымъ. Для этого нужно сдѣлать для него что нибудь существенное, что нибудь такое, что бы заставило его вѣчно помнить; вообще что нибудь такое, что поставило бы его до нѣкоторой степени въ обязательныя къ нему, Бестужеву, отношенія.

«Но что же сдѣлать? спрашивалъ себя Бестужевъ.—Какъ что? А свадьбу!.. Да, свадьбу! продолжалъ онъ, разсуждая самъ съ собою.—Если Елисавета могла выйти за Разумовскаго, то почему Екатеринѣ не выйти за Орлова, который, не говоря о многихъ другихъ причинахъ, уже и потому выше Разумовскаго, что не покируетъ своимъ образованіемъ, манерами, разговоромъ. Что онъ ей нравится—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но пойдетъ ли она за него—это еще вопросъ. Какъ же сдѣлать, чтобы пошла? А какъ сдѣлалъ Биронъ, чтобы его по завѣщанію регентомъ назначили? Онъ заставилъ подать себѣ прошеніе, ради пользы отечества».

И бюрократъ отъ кончика волосъ на головѣ до ножныхъ ногтей, Бестужевъ, по примѣрному дѣлу, рѣшилъ, что и они подадутъ прошеніе, въ которомъ пропишутъ, что, озабочиваясь будущимъ любезнаго для всѣхъ насъ отечества и по вниманію къ тому, что великій князь одинъ и слабость его здоровья повергаетъ всю Россію непрерывнымъ опасеніямъ относительно ея государственной будущности, они, по своей безконечной рабской преданности, рѣшились пасть къ стопамъ ея величества и умолять избрать себѣ супруга по своему желанію, не стѣсняясь ничѣмъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, чего Боже сохрани! несчастія съ великимъ княземъ, другія дѣти ея величества могли быть наслѣдниками ея славнаго царствованія.

Сказано — сдѣлано; составлено было въ этомъ смыслѣ прошеніе и предлагалось къ подписи.

Но тутъ будто чья невидимая рука толкнула пружину; все

заговорило. И заговорили не обойденные поручики, не темные, неизвѣстные никому личности запасныхъ кадровъ, а ближайшіе сподвижники Екатерины, способствовавшіе ей къ полученію престола. Заговорили: Разумовскій, Панинъ, Воронцовъ, Тепловъ — съ одной стороны. Они, впрочемъ, только отказались подписать прошеніе. Больше заговорили съ другой: братья Рославлевы, Ласунскій, Хитрово, — всѣ тѣ, которые головою рисковали, стоя за матушку-царицу Екатерину Алексѣевну и считались друзьями Орловыхъ.

— Орловы даютъ намъ своею гордостью! говорилъ Хитрово. — Мы одинаково трудились помочь нашей государынѣ, одинаково готовы были не жалѣть жизни своей; а они и графы, и премьеръ-маіоры гвардіи, и камергеры, а мы? что мы?

— Да. Хотя намъ одинаково назначили по 800 душъ, но къ этимъ 800 душамъ они едва-ли не каждый день получаютъ прибавку; а я вотъ для устройства тѣхъ же данныхъ мнѣ 800 душъ просилъ помочь — отказъ, и еще какой отказъ! Не бойсь Орловымъ отказу имѣть, все само и безъ просьбы приходитъ! прибавлялъ Ласунскій.

— Да, но все бы это ничего, если-бы не нахальство ихъ, особенно Алексѣя. Онъ теперь и говорить-то, будто милость какую оказываетъ! прибавилъ младшій Рославлевъ.

— О, это главный плутъ! Его искоренить нужно, во что бы то ни стало! Григорій глушь, онъ бы не выдумалъ эдакой штуки — чуть не въ цари лѣзть, не подговорилъ бы Бестужева. Это все дѣло Алексѣя, замѣтилъ старшій Рославлевъ.

— Говорятъ, Панинъ спрашивалъ у государыни, съ ея ли согласія это дѣлается. Она не отвѣчала, но сдѣлала видъ, будто это ей вовсе не неприятно, замѣтилъ Ласунскій.

— Если такъ, то нужно извести весь родъ Орловыхъ. Просто убить ихъ! сказалъ Хитрово. — Представимъ государынѣ: пусть выходитъ замужъ за иностраннаго принца или вонъ за Иванушку, а то за его брата, — за кого хочетъ, только ни за котораго изъ братьевъ Орловыхъ.

— А если не послушаетъ, то пусть на насъ не пеняетъ, а мы Орловымъ служить не хотимъ! сказалъ Рославлевъ младшій.

При этомъ разговорѣ были князь Несвицкій и Ржевскій. Они сейчасъ же поспѣшили къ Григорію Григорьевичу Орлову и передали ему все отъ слова до слова.

Екатерины въ это время не было. Она, выполняя обычай древнихъ царицъ, ѣздила по монастырямъ; была въ Ростовѣ,

Ярославль, ѣздила къ Кириллу Бѣлозерскому, потомъ проѣхала въ Воскресенскій монастырь.

Григорій Орловъ не задумался, поватилъ къ ней. «Дескать, убить хотятъ, весь родъ извести, за то, государыня, что тебя больше души своей любить!» И поднялась исторія.

Пока эта исторія шла и разбиралась, обрушились невзгоды на Ивана Ивановича Шувалова. По университету были неправильно розданы суммы. Счетъ пустой, Иванъ Ивановичъ заплатилъ бы. Онъ пожертвовалъ на университетъ вѣрно втрое противъ розданной суммы. Но Адауровъ, который, въ царствованіе Елисаветы, былъ сосланъ по инициативѣ Ивана Ивановича, теперь, будучи назначенъ временно-завѣдывающимъ хозяйствомъ университета, въ свою очередь, хотѣлъ удружить другу, выставляя его чуть не казнокрадомъ. Государыня рѣшила милостиво этотъ вопросъ. Она, принимая во вниманіе сдѣланныя Шуваловымъ на университетъ пожертвованія, не велѣла взыскивать причитающейся съ него суммы. Но онъ узналъ, что она смотритъ на него съ презрѣніемъ; говорить о немъ, какъ о презрѣнной постельной принадлежности, часто необходимой, но... Онъ даже самому себѣ никогда не повторялъ того, какъ государыня его назвала.

«Тутъ ждать нечего, нужно исчезнуть, чтобы не было хуже, сказалъ себѣ Шуваловъ.— Поищемъ эту княжну Владимірскую. Можетъ быть съ нею что нибудь и сдѣлаемъ», продолжалъ онъ, обсуждая свое положеніе, и сталъ проситься за границу для поправленія здоровья.

Императрица улыбнулась, когда читала его прошеніе.

— Встрѣтилось что нибудь забавное, ваше императорское величество? спросилъ сидѣвшій противъ нея съ бумагами Панинъ.

— Да какъ же не забавное? отвѣчала Екатерина.— Вотъ прошеніе, описывающее весьма краснорѣчиво страданія отъ понесенныхъ трудовъ, старости и болѣзней, и доказывающее необходимость отдохнуть въ тепломъ климатѣ, какъ вы думаете кого?

— Не знаю, государыня.

— Ивана Ивановича Шувалова!

— Шувалова? Да помилуйте, государыня, какой же онъ старикъ? Право не знаю, но, думаю, есть ли ему еще тридцать лѣтъ? А если и есть, то развѣ съ небольшимъ. Въ службѣ онъ, думаю, лѣтъ двѣнадцать, четырнадцать, никакъ не болѣе. Сами изволите знать, въ чемъ состояла его служба. Впрочемъ, точно, можетъ быть, онъ боленъ, хотя право желалъ бы я такой болѣзни. Видите, кожа отъ жира лопнуть хочетъ!

Государыня улыбнулась.

— То-то шутникъ Нарышкинъ меня все увѣряетъ, что Шуваловъ непременно каждый день два раза перчатки долженъ покупать. Купить утромъ—по рукѣ; а вечеромъ лопнуть, рука расплывлась.

— Да-съ, упитанный телець, ваше величество.

— Но все равно. Я его отпущу; пусть ѣдетъ, куда хочетъ. Чѣмъ меньше трутней, тѣмъ богаче улей. Кстати скажите, что я увольняю отъ всѣхъ должностей и его милого кузена графа Александра Ивановича. Мнѣ не нужно фельдмаршаловъ, которые не могутъ командовать даже ротою, и такихъ государственныхъ людей, которые не понимаютъ ничего, кромѣ плети и палки. А дорогой Шуваловъ даже съ ребенкомъ не умѣлъ распорядиться иначе, какъ предписывая, въ случаѣ непослушанія, бить его «палкою и плетью», и такое милое распоряженіе онъ примѣнилъ къ этому несчастно-рожденному принцу Ивану, которому передъ тѣмъ присягалъ служить вѣрою и правдою.

Между тѣмъ исторія съ Хитрово разигрывалась. Открылись новыя обстоятельства. Узнали, что убійство Орловыхъ, всѣхъ четырехъ братьевъ, было уже подготовлено; что имъ помогала какая-то невидимая рука, которая сближала, слаживала, подготовляла вездѣ помощниковъ.

— Кто же это? Неужели Бестужевъ? спросилъ императрицу Панинъ, успѣвшій стать изъ покровительствуемаго имъ — его врагомъ. — Я рассчитался съ Бестужевымъ, говорилъ онъ, — содѣйствуя его возвращенію, потомъ возврату почестей и имѣнія, наконецъ, къ полному его оправданію, и въ отвѣтъ на это встрѣчаю только каверзы, да интриги противъ себя.

Дѣло въ томъ, что на Панина государыня возложила управление дѣлами иностранной колегіи вмѣсто уѣхавшаго канцлера Воронцова, тогда какъ на это мѣсто мѣтилъ Бестужевъ. Вотъ онъ и каверничалъ противъ Панина, съ цѣлью его столкнуть.

Государыня задумалась.

— Не думаю, отвѣчала она. — Хотя онъ старый, опытный интриганъ и неисправимъ въ своемъ стремленіи интриговать, но тутъ онъ ни при чемъ. Съ Орловыми онъ видимо сошелся.....

— И это прошеніе онъ заготовилъ съ соизволенія вашего величества?

— А что вы думаете объ осуществленіи этого прошенія?

Говорите откровенно, графъ, продолжала Екатерина, замѣтивъ, что Панинъ затруднился отвѣчать, — виновата, вы еще не графъ, но я васъ жалую моимъ графомъ. Я потому васъ такъ назвала, что манифестъ о пожалованіи васъ уже заготовленъ. — Говорите откровенно. Вы знаете, что я умѣю иногда глотать и горькія пилюли.

— Милость вашего величества превышаетъ настолько мои слабыя заслуги, что языкъ не находитъ словъ для благодарности, отвѣчалъ Панинъ; — поэтому я считаю себя обязаннымъ говорить то, что думаю, хотя собственно о частной жизни вашего величества я никогда не думалъ. Это внѣ сферы моихъ обязанностей, и я считаю своимъ долгомъ вѣрноподданнѣйше сочувствовать исполненію всякаго вашего желанія. Но если уже воля вашего величества вызываетъ меня на откровенное объясненіе, то скажу, что я бы никогда не позволилъ себѣ это вамъ посовѣтовать...

— Почему? спросила Екатерина. — Развѣ вы тоже думаете, что государыня должна быть выше чувствъ, выше страстей, выше, наконецъ, физическихъ требованій... Развѣ тоже думаете...

— Я ничего не думаю, государыня; я говорю, что считаю себя обязаннымъ сочувствовать исполненію всякаго вашего желанія. Я убѣжденъ, что все, что вы изволите предпринимать, исходить, какъ вы сами изволили сказать, изъ вашего стремленія разлить возможно большее количество счастія и благоденствія между вѣренными вамъ народами. Я только разсматриваю, сузу и, согласно вашему высочайшему соизволенію, высказываю откровенно то, что ложится на душу при разсмотрѣніи тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Разсматривая предложенный мнѣ вопросъ, я думаю: зачѣмъ государынѣ стѣснять себя, зачѣмъ себя связывать? Развѣ лучше, если потомъ, какъ пришлось покойной государынѣ, расходиться? Притомъ, не могу умолчать, графъ Алексѣй Разумовскій человекъ безхитростный, былъ преданъ ей всей душой. Онъ скорѣе жилы позволилъ бы изъ себя вытянуть, чѣмъ пошелъ бы противъ нея. Противъ графа Григорья Григорьевича я ничего не говорю; но его характеръ... Знаете, государыня, о его характерѣ говорятъ, что бываютъ минуты, когда онъ не помнитъ себя, когда его бѣшенство доходитъ до изступленія, представляетъ родъ болѣзни. А сблизаться съ такимъ характеромъ безповоротно — я бы не посовѣтовалъ никому, тѣмъ болѣе своей всемилостивѣйшей покровительницѣ. Братъ его Алексѣй скромнѣе, умнѣе, за то интригантъ, какихъ мало. Онъ вѣрный исполнитель, хорошей слуга,

но ничѣмъ другомъ онъ не будетъ никогда! Въ тому же, простите за откровенное слово, высказываемое съ вашего же соизволенія,—тогда ропшинская исторія обратится въ исторію Макбета и всецѣло падеть на васъ...

Екатерина вскочила.

— Развѣ я виновата въ этой исторіи? Развѣ я не хотѣла....

— Никто и не винить васъ въ ней, государыня! Всякій говоритъ про вашихъ слишкомъ усердныхъ, черезъ чуръ предупредительныхъ слугъ..... Но когда случится то, чего, въ своихъ видахъ, домогается Бестужевъ, то аналогія будетъ слишкомъ близка. Я это высказываю впрочемъ, государыня, какъ свое личное мнѣніе...

Екатерина сѣла и старалась успокоиться.

— Да! сказала она наконецъ сдержанно.—Во многомъ и очень во многомъ вы правы. Этого не должно быть и не будетъ никогда! Я васъ уполномочиваю говорить это всѣмъ и каждому. Что-же касается стараго интригана Бестужева, то я ему слишкомъ много воли дала. Я не знала, что его страсть къ интригамъ не разбираетъ ничего. Постараюсь ввести его въ свои границы. Но все же остается вопросъ: гдѣ же эта пружина, кто это невидимая рука, которая на каждомъ шагу старается вызвать мнѣ противодѣйствіе; которая хочетъ, кажется, въ стаканѣ воды поднять противъ меня бурю, до такой даже степени, что успѣла возбудить противъ меня тѣхъ, на безусловную преданность которыхъ я имѣла право вполне полагаться? Я не говорю о Хитрово,—онъ еще мальчишъ, можетъ быть самъ не понимаетъ, что дѣлаетъ и что говоритъ. Но Рославлевы, Ласунскій?.. Я не хочу ихъ преслѣдовать, я только удалю ихъ отъ себя... Но желала бы я знать, чья рука ихъ натравила? Кто это натравливаетъ все такъ, что я должна лишаться людей, даже самыхъ мнѣ близкихъ? Она замолчала, замолчалъ и Панинъ. Ему нечего было отвѣчать: нигдѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ эта рука не обнаружилась.

Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина, можно сказать, всю себя посвятила государству, желая водворить справедливость, порядокъ, благоустройство; тѣмъ не менѣе въ обществѣ начали ходить какіе-то темные слухи, какія-то странныя пререканія. То изъ того, то изъ другаго мѣста стали приходиться извѣстія о самозванцахъ и производимыхъ ими волненіяхъ. Разказы самые невѣроятные будто чудомъ проникали въ общество и распространялись повсюду.

Екатерина разсердилась и издала манифестъ о врялахъ.

— Врутъ безъ мѣры, говорила Екатерина своему статъ-секретарю Ивану Перфильевичу Елагину;—но есть какая-то невидимая рука, которая искусно направляетъ это вранье мнѣ во вредъ. Хотѣла бы я поймать эту руку!

Не смотря однакожъ на это желаніе Екатерины, она этой таинственной руки не поймала; но своею прозорливостью, своимъ великимъ умомъ, она угадала ее и приказала просить къ себѣ Никиту Юрьевича Трубецкаго.

VII.

Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Али-Эметэ устроилась въ Парижѣ подъ именемъ княжны Владимірской.

— Ну, мой милый мордашка, дорогой мой гофмейстеръ, будущій министръ финансовъ, я посылаю тебя дѣлать визиты за меня. Развози мои карточки всѣмъ этимъ господамъ, которыя сдѣлали мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ... т. е. я не то хотѣла сказать,—кому я сдѣлала честь, дозволивъ себя посѣтить. Нужно быть вѣжливой и сейчасъ же отдавать визиты, тѣмъ не менѣе не должно забывать своего высокаго положенія и не бросаться изъ стороны въ сторону самой. Ты—мой гофмейстеръ, поэтому въ этомъ отношеніи можешь вполне замѣнять меня!

Али-Эметэ говорила это, сидя въ своей заново раззолоченной гостинной и перебирая карточки, лежавшія въ великолѣпной севрской вазѣ съ рисункомъ, изображающимъ охоту французскаго короля Франциска I, устроенную имъ въ честь знаменитой тогда красавицы Агнессы Сорель.

— Къ кому же ѣхать? спросилъ ее баронъ Эмбсъ, поправляя манжеты у рукавовъ своего гофмейстерскаго мундира.

— Прежде всего къ княжнѣ Сангушко. Она была такъ мила, что прежде всѣхъ пріѣхала поздравить меня съ прибытіемъ и нарочно давала у себя балъ, чтобы познакомить меня съ здѣшнимъ обществомъ. Нужно быть благодарною и не забывать одолженія, поэтому княгиня Сангушко у меня всегда первая. Она была у меня вчера, поэтому непременно нужно сегодня же завестись ей мою карточку.

— А далѣе?

— Далѣе заѣзжай въ Потоцкой, Бенигнѣ, она тоже такая милая! Сейчас же взялась мнѣ услужить, достала ложу въ Comedie Française посмотреть этого приѣзжаго англичанина, какъ только я сказала, что еще не видала его и не могла ложи достать...

— А потомъ?

— Потомъ заѣзжай и оставь карточку у герцогини Лонгвиль, у мадамъ де Шеврезъ, у маркизы Сорей и у мадамъ де-Дисмондъ. У послѣдней карточки моей не оставляй, а оставь, если хочешь, свою и скажи, что ты приѣзжалъ поблагодарить ее отъ моего имени за посѣщеніе. Ну, да мнѣ тебя не учить; ты знаешь, какъ это связать, продолжала Али-Эметъ, ованчивая разборъ карточекъ. — Да, еще не забудь, графини де-Жернакъ. Она не только была у меня, но привезла драгоценный подарокъ: перстень, которымъ будто бы обручалась дочь какаго-то моего предка съ французскимъ королемъ Филипомъ которымъ-то. Какого предка и кто онъ былъ, я право не помню, хотя она и рассказывала подробно. Впрочемъ, всего лучше, вотъ возьми съ собой таблетку. Здѣсь все записаны, у кого нужно быть. У герцогини Шуазель я сама была... А какъ хорошъ рисунокъ на этой вазѣ, посмотри—королевская охота въ честь Агнессы Сорель. Будутъ ли когда давать королевскія охоты въ честь Али-Эметъ?

— Ужъ хоть сказала бы въ честь принцесы Владимірской!

— Ну въ честь принцесы Владимірской, не все ли это равно? Да, еще будешь проѣзжать по Сень-Жерменскому предместью, заѣзжай въ отель Монтебелло и захвати съ собой этого красиваго поляка, котораго мнѣ представила мадамъ де-Шеврезъ; привези его ко мнѣ обѣдать. Какъ его фамилія?

— Чарномскій.

— Да, панъ Чарномскій. Мнѣ ужасно смѣшно бываетъ, какіе глаза онъ мнѣ всегда строитъ. Онъ смотритъ на меня рѣшительно какъ кошка на сырое мясо.

— А тебѣ весело его дразнить?

— Отчего же и не подразнить, если люди такъ глупы? Поѣзжай же, мой милый, и скажи Жозефу, чтобы онъ принесъ мнѣ сегодняшній шепу. Я сама взгляну, что тамъ есть. Вѣдь сегодня обѣдаютъ у меня маркиза де-Ту и графъ де-Саксъ. Нужно чтобы было что кушать; они въ этомъ знаютъ толкъ. Поѣзжай же, милый, сворѣй... постой, я дамъ тебѣ на прощанье свой поцѣлуй!

Ванъ-Тоуерсъ, послѣ нѣжнаго прощальнаго поцѣлуя, скрылся. Тогда она привазала позвать къ себѣ барона Шенка.

— Ну вотъ и я! весело сказалъ Шенкъ, входя и снимая съ губокъ Али-Эметѣ поцѣлуй, данный Ванъ-Тоуерсомъ при прощаньи, хотя отвѣтный поцѣлуй со стороны Али-Эметѣ былъ весьма холоденъ. — Дѣло устроилъ, какъ слѣдуетъ, и мы опять съ деньгами. Маке выдалъ 50,000 франковъ на годъ, съ обязанностью дать отсрочку еще на годъ, если заплатимъ проценты, съ тѣмъ только, что когда ты возсядешь на владимірскомъ престолѣ своихъ предковъ, то дашь ему орденъ.

— И ты взялъ деньги?

— Еще бы, стану я откладывать! Получилъ, за вычетомъ процентовъ, 43,000 чистенькихъ. Изъ нихъ взялъ и сейчасъ же отсчиталъ 10,000 за твою новую карету, о чемъ такъ приставали. Еще пожалуй сдѣлали бы скандалъ!

— Милый, милый! Ну поцѣлуй же меня за твои хлопоты..... Крѣпче, крѣпче! Вотъ такъ!

И отвѣтный поцѣлуй былъ совсѣмъ не такой мерзлый, какой данъ былъ Шенку при здорованіи.

— Что-жъ ты сдѣлаешь съ остальными деньгами?

— Двѣ тысячи возьму себѣ, а 41,000 передамъ барону Эмбсу, такъ что у тебя, съ полученной пенсіей, въ кассѣ будетъ болѣе 60,000. Надѣюсь, мѣсяца на два, на три хватить?

— Разумѣется, если пенсію будутъ выдавать акуратно. А вотъ что, другъ! У меня обѣдаютъ маркиза де-Ту и знаменитый маршалъ графъ де-Саксъ. Мнѣ хотѣлось бы угостить старика какъ слѣдуетъ,—вѣдь онъ знатокъ и гастрономъ. Еще, сказать встати, мой сервизъ, нужно говорить правду, порядочная дрянь. Помнишь, еще тотъ, что ты купилъ мнѣ въ Лондонѣ? Ну развѣ можно въ хорошемъ домѣ, я надѣюсь, что у принцессы Владимірской хорошей домъ,—подавать на англійскомъ фарфорѣ? Съѣзди, другъ, и выбери мнѣ хорошенькій сервизъ севрсаго или, еще лучше, стараго саксонскаго фарфора. Мнѣ кажется даже, что лучше если ты возьмешь саксонскій. Это до нѣкоторой степени польститъ маршалу, который не забываетъ, что онъ сынъ саксонскаго короля.

— Можно взять и тотъ и другой, для перемѣны!

— Это будетъ еще лучше. Поѣзжай же, другъ, и торопись! Мнѣ хочется, чтобы намъ подавали сегодня обѣдать на новомъ сервизѣ. Возьми же мой поцѣлуй на прощанье! Я очень, очень тебѣ благодарна, мой другъ!

Баронъ Шенъ ушелъ довольный и счастливый. Метръ-д'отель принцесы Жозефъ принесъ ей шепи. Али-Эметъ его забраквала, такъ какъ у ней обѣдали сегодня почетные гости.

Но не успѣла она окончить заказъ роскошнаго шепи, въ которомъ роль должны были играть русская рыба, индѣйская черепаха, англійскіе барашки, персидскія смоквы, французскія пулярды и нѣмецкіе кампоты, какъ ей доложили: посоль его величества, польскаго короля, графъ Огинскій!

Жозефъ долженъ былъ исчезнуть, получивъ приказаніе, чтобы все было самое дорогое и самое отборное.

— Проси! сказала Али-Эметъ.

— Просто сгорѣлъ отъ нетерпѣнія, считая минуты до той, которую вы, прекрасная, обворожительная принцеса, позволите мнѣ....

— За то вамъ и награда. Вы видите—я одна, разослала всѣхъ. Мой гофмейстеръ поѣхалъ развозить мои карточки, одну изъ нихъ бросить и у васъ; а шталмейстеръ производитъ покупки... отвѣчала Али-Эметъ, подавая графу обѣ руки, которыя тотъ страстно поцѣловалъ.

— Стало бытъ, можно не ограничиваться только радостью васъ видѣть и прижимать украдкою къ сердцу ваши милыя ручки; можно надѣяться получить большее, просить, напр., дозволенія васъ поцѣловать?

— Если вамъ не надоѣло повторять прошлое... отвѣчала Али-Эметъ, опуская кокетливо глаза.

— О m^{le} Elise, несравненная принцеса моя! Если-бы вы знали, въ какой степени меня счастливить ваша благосклонность, вы не говорили бы этого! Если-бы я могъ, я жилъ бы и умеръ тутъ, у вашихъ маленькихъ ножекъ. Поцѣлуй вашъ—мнѣ такое счастье, о которомъ я не смѣю даже думать, какъ о мечтѣ... Между тѣмъ, онъ страстно обнималъ и цѣловалъ ее.

— Довольно, довольно! Вы знаете поговорку: хорошенькаго по-немножку, а то и хорошее надоѣсть!

Говоря это, она обняла однакожь красивую голову графа, страстно посмотрѣла ему въ глаза и съ увлеченіемъ его поцѣловала. Потомъ вдругъ живо оттолкнула его отъ себя.

— Однако, мы забываемъ, что въ гостинной не мѣсто для свободныхъ изліній чувства! Идите ко мнѣ! И она позвонила.

Въ дверяхъ показался комнатный.

— Скажите швейцару, чтобы никого не принимали. Я

занята съ посломъ его величества польскаго короля. Моихъ гофмейстера и шталмейстера, если прѣдутъ, попросить подождать въ столовой, а меня не беспокоить!

Когда комнатный скрылся, она игриво и съ особою ласкою подала свою ручку графу и тотъ, обвивъ рукою ея талию, исчезъ за ней изъ гостиной.

Они вошли въ кабинетъ.

— Послушайте, Мишель, сказала Али-Эметэ или, какъ теперь она называла себя, принцеса Владимірская, когда она съ графомъ Огинскимъ опять сидѣла уже въ гостиной, въ самой приличной и сдержанной позѣ и когда было разрѣшено принимать всѣхъ безъ исключенія. — Кто это маркизъ де-Маринъ?

— Маркизъ де-Маринъ? а вы его какъ знаете? Это одинъ изъ весьма богатыхъ и имѣющихъ хорошія связи и отличное положеніе здѣшнихъ господъ, большой поклонникъ женской красоты и, не смотря на свои уже за сорокъ, нерѣдко правящійся женщинамъ. Онъ нигдѣ не служитъ, занятъ только своими удовольствіями, вообще представляетъ изъ себя довольно устарѣвшій уже теперь типъ виверовъ временъ молодости нынѣ царствующаго короля. Но зачѣмъ онъ вамъ понадобился и какъ вы его узнали?

— Мнѣ его представила молодая Браницкая на прошлой недѣлѣ на балѣ у англійскаго посла. Потомъ онъ былъ у меня и просится ко мнѣ въ камергеры. А какъ мѣсто камергера у меня не занято, то я и думала...

— О! значить крѣпко же вы задѣли нашего сорокалѣтняго Донъ-Жуана; вѣдь онъ отказался отъ камергерства при своемъ королѣ, чтобы не развлекаться посторонними отъ удовольствій предметахъ. Но кого же и не задѣнетъ блестящая и очаровательная красота моей прелестной принцесы Елисаветы, вѣдь моей, неправда ли? спросилъ графъ Огинскій и взялъ ее руку, поцѣловавъ ее и устремивъ на нее пристально свой вопросительный взглядъ.

— Я думаю, ты это самъ знаешь? отвѣчала Али-Эметэ страстнымъ полушопотомъ. — Только пожалуйста не нѣжничай здѣсь. Помни, что здѣсь ты посолъ своего короля, а я принцеса Владимірская, надѣющаяся быть современемъ чѣмъ нибудь больше. Тамъ, у меня, другого рода дѣло. Не смотри такъ сердито, это въ тебѣ не идетъ! Она провела своимъ мизинцомъ по его лицу отъ лба до носу и прибавила: — не хмурься!

— Меня занимаетъ эготъ де-Маринъ. Ясно, что онъ влю-

бился въ тебя до безумія, потому что, — нельзя не сказать правду, — дѣлаетъ ужаснѣйшую глупость, поступая на службу къ тебѣ, когда ты еще только претендентка на что-то; тогда какъ ему всегда открыты двери къ поступленію на службу въ своемъ отечествѣ, у своего короля. Теперь вопросъ, какъ ты...

— Что-жъ, ты ужъ не ревновать ли меня хочешь? Вотъ чего бы не ожидала! Знаешь, графъ, это не смѣшно, а глупо. Ты посмотри на себя и на него, потомъ и ревнуй. Вѣдь ты знаешь, что я твоя; чего же ты хочешь еще?

— Такъ-то оно такъ; но когда счастливъ, то невольно боишься за свое счастье, а женщины такъ непостоянны, такъ переменчивы.

— О! да ты Отелло, просто Отелло! смѣясь проговорила княжна, играя своею маленькою ножкою. — И ты заслуживаешь, чтобы я тебя наказала, взявъ къ себѣ этого маркиза. Не стыдно-ли, а? Не стыдно-ли? Терпѣть не могу ревнивцевъ...

— Ну полно, полно, моя очаровательница! Вѣдь это я только такъ сказалъ; ну помиримся, я прошу прощенія... дай ручку!

— Да, вотъ моя рука; только все же я возьму къ себѣ маркиза. Я хочу, чтобы ты всегда помнилъ свою выходку ревности и никогда даже въ мысли своей не допускалъ... Вѣдь мы не связаны между собою никакими обязательствами? Ты женатъ, и я не спрашиваю тебя о графинѣ Огинской? Чего-жъ ты хочешь отъ меня? Я хочу быть свободною какъ вѣтеръ, и если дала тебѣ счастье мной пользоваться, то я думаю, что за это ты можешь меня только благодарить и ровно ничего не можешь требовать! Кстати, ты не пріѣдешь-ли ко мнѣ обѣдать сегодня. У меня обѣдаютъ старый маршалъ и маркиза де-Ту, будетъ и маркизь де-Маринъ, котораго я хочу узнать поближе прежде, чѣмъ дамъ ему рѣшительный отвѣтъ.

— Нѣтъ, я долженъ сегодня обѣдать у герцога де-Шузель. Я везу къ нему князя Карла Радзивилла. Кстати, Радзивиллъ просилъ меня и тебѣ его представить?

— Чтожъ, я буду очень рада; я пришлю къ тебѣ, когда я могу его принять. Кстати, у меня сегодня обѣдаетъ кто-то одинъ изъ его свиты, красивый! такой, похожъ на тебя... ты еще не вздумай ли и къ нему ревновать?

— Ну полно, злая, вѣдь ты простила меня! Когда же мы увидимся?

— Когда? Я напишу... Теперь въ самомъ дѣлѣ пора одѣваться къ обѣду! До свиданія!...

Графъ уѣхалъ. Она осталась одна, но не пошла сейчасъ же одѣваться къ обѣду, а сѣла за письменный столъ и задумалась. О чемъ задумалась она, Богъ ее знаетъ. Развѣ можно спрашивать у хорошенькой женщины, о чемъ она думаетъ? Пронесли ли передъ ней картины ея первой молодости, ея дѣтства, или ея дальнѣйшія похождения въ Берлинѣ, Гентѣ и Лондонѣ,—похождения, сопряженныя съ роскошью жизни, полного мотовства, но и съ приключеніями проходимства, безымянности, необезпеченности? Или она думала о будущемъ? У ней теперь есть имя, именно то, которому она когда-то особенно завидовала; есть обезпеченіе въ пенсіи отъ какого-то неизвѣстнаго ей дяди, за вѣрность которой ручается привязанность къ ней польскаго посла,—привязанность твердая, она въ этомъ не сомнѣвается. Она убѣдилась въ томъ, что мущина, испытавшій нѣгу ея ласки, не забываетъ ее никогда; что онъ собою и всѣмъ, что есть дорогаго для него на свѣтѣ, что есть святаго въ душѣ, будетъ жертвовать за эту нѣгу, необъяснимую, непонятную, но чувствуемую. И чтобы ни сдѣлала она, какъ бы ни отталкивала она его, какъ бы ни профанировала его чувство, онъ останется при ней, всегда, вѣчно, будетъ служить ей, будетъ ей жертвовать всѣмъ въ мірѣ. «Онъ будетъ рабомъ моихъ прихотей, говорила она себѣ,—и долженъ быть рабомъ за тѣ рѣдкія минуты наслажденія, которыя я даю ему!» И эта мысль ея не была только ея самолюбивою фразою. Она исходила изъ всей глубины ея убѣжденія. Она вѣрила, что мущина, которому она почему либо вполне отдается, не можетъ никакъ оставить ее, какъ бы она себя ни держала, чтобы ни дѣлала. Ванъ-Тоуэрсъ и Шенкъ живые тому примѣры. Одинъ бросилъ жену, дѣтей, бросилъ къ ея ногамъ два состоянія и теперь, проходимцемъ, бѣглецомъ безъ имени, пресмыкается у ея ногъ; другой для нея бросилъ невѣсту, родныхъ, прожилъ состояніе и теперь тоже ползаетъ у ея ногъ. Она не сомнѣвается, что если захочетъ, то сдѣлаетъ тоже и съ Огинскимъ. И онъ изъ литовскаго напольнаго гетмана, польскаго магната, королевскаго посла, обратится въ барона Эмбса, который будетъ бояться дневнаго свѣта, чтобы выйти на улицу. Но она не сдѣлаетъ съ нимъ этого. Онъ для нея нуженъ на томъ мѣстѣ, на которомъ теперь, хотъ отъ нея зависить сдѣлать съ нимъ все, что она захочетъ. И вотъ доказательство: сегодня она уже заставила его сдѣлать злоупотребленіе. Онъ, вслѣдствіе ея настояній и просьбы, выдалъ ей, по

праву литовскаго напольнаго гетмана, безымянный патентъ на чинъ капитана, который она, принимая во вниманіе несчастное положеніе Ванъ-Тоуэрсъ, подарить ему, вписавъ имя барона Эмбса, который станетъ такимъ образомъ не безымяннымъ бѣглецомъ, самозванцемъ, а капитаномъ литовскихъ войскъ, барономъ Эмбсомъ, дѣйствительность чего удостовѣрится польскимъ посольствомъ. Онъ сдѣлалъ это; сдѣлаетъ и все другое, и такъ же какъ этотъ бѣдный Ванъ-Тоуэрсъ, бросить имя, состояніе, жену, дѣтей, даже свою отчизну, свою дорогую Польшу, о которой онъ такъ часто говоритъ, и пойдетъ за ней, чтобы она ни дѣлала, чтобы ни говорила. Но она не хочетъ этого, она уже сказала. Она хочетъ, чтобы онъ былъ посломъ, напольнымъ гетманомъ и польскимъ магнатомъ, чтобы онъ блисталъ въ обществѣ. Онъ ими и останется. Онъ нуженъ ей именно въ томъ видѣ, какъ есть. Вспоминая свое сближеніе съ Огинскимъ, она невольно улыбнулась той его увѣренности, которую она въ немъ укрѣпила, что Ванъ-Тоуэрсъ и Шенъ были не болѣе какъ преданныѣйшими дворянами княжескаго владимірскаго дома, оставшимися вѣрными его представителницѣ, не смотря на всѣ гоненія, не смотря на всѣ преслѣдованія ее коловратной судьбы.

Всѣ эти разсужденія, воспоминанія, колебанія, Али-Эметъ кончила тѣмъ, что подписала дипломъ на званіе интенданта своего двора и камергера маркизу де-Маринъ, чтобы отдать ему послѣ обѣда. «Онъ богатъ, знатенъ, независимъ, думала она,—чего же больше?» Подписавъ этотъ дипломъ, она пошла одѣваться къ обѣду; а черезъ недѣлю не болѣе времени у называемой княжны Владимірской, Али-Эметъ было уже не три любовника, а четыре, причемъ, смѣшная вещь, этотъ ея четвертый любовникъ маркизъ де-Маринъ былъ вполне убѣжденъ, что онъ первый счастливецъ, который, не смотря на свои, восьмой уже годъ текущіе сорокъ лѣтъ, умомъ, ловкостью и искусствомъ сумѣлъ побѣдить эту нѣжную, мягкую, но гордую и чарующую красоту.

Въ то же время и за тѣмъ же обѣдомъ, красавецъ Чаромскій чувствовалъ, что онъ весь не свой. что онъ безъ ума, безъ памяти отъ очаровательной княжны; что онъ готовъ умереть за одну улыбку ея. И пока старый волокита, маршалъ, маркизъ, графъ де-Саксъ, бывшій женихъ сперва герцогини курляндской, ставшей потомъ русскою императрицею, Анны Ивановны, а послѣ Елисаветы Петровны, съ ней любезничалъ,

— Чарномскій бросалъ на нее самыя страшныя и самыя страстныя взгляды, но не обратилъ ничѣмъ на себя ни малѣйшаго вниманія. «Этотъ пригодится для будущаго! думала Али-Эметъ.— Теперь мнѣ нуженъ знатный и богатый маркизъ, мой камергеръ.

Ставъ на ступень любовника и камергера Али-Эметъ, принятой въ парижскомъ обществѣ подъ именемъ княжны Владимірской, маркизъ де-Маринъ самъ въ себѣ чувствовалъ, какъ онъ незамѣтно, день ото дня, можно сказать съ каждою минутою, становился болѣе и болѣе ея рабомъ. Ни эксцентрическія выходки, ни ревность, ни равнодушіе, ни явное стремленіе къ мотовству на чужой счетъ, не отводили его отъ нея, напротивъ все притягивали болѣе и болѣе. Онъ видѣлъ, что ея отношенія къ баронамъ Эмбсу и Шенку какъ-то странны; что она обходится съ ними, по крайней мѣрѣ въ своемъ кружкѣ, такъ же какъ и съ нимъ; но онъ подумать даже не смѣлъ о томъ, какъ они обходятся между собою, когда находятся глазъ на-глазъ. Да о чемъ было и думать? Вѣдь онъ не въ силахъ былъ бы отъ нея отказаться, хотя бы и зналъ, что, кромѣ этихъ двухъ, у ней есть еще десять любовниковъ; не смѣлъ бы даже упрекнуть ее изъ опасенія, что она его прогонитъ. Такъ о чемъ же тутъ было думать? Думать было тутъ не о чемъ, а приходилось проматывать свое состояніе, когда ей не достаетъ на чтонибудь изъ самыхъ безумныхъ прихотей мотовства. «Ну, чтожъ дѣлать? Будемъ проматывать, благо у насъ нѣтъ наслѣдниковъ и не для кого беречь! Ну рабъ, совершенный рабъ, развѣ можетъ быть какойнибудь рабъ закрѣпощенъ болѣе чѣмъ я?» говорилъ онъ. И точно онъ былъ совершеннымъ рабомъ прихотей Али-Эметъ.

Маркизъ де-Маринъ все это видѣлъ, понималъ, — понималъ, что онъ летитъ въ пропасть, и не въ силахъ былъ себя преодолѣть.

Онъ понялъ вполнѣ слова Али-Эметъ, связанныя ею, когда какъ-то въ обществѣ осуждали одну дѣвицу, которая, положившись на честность своего жениха, отдалась ему до свадьбы, и тотъ, позабавившись съ нею втеченіи нѣсколькихъ недѣль, потомъ отъ нея отказался. А женихъ былъ выгодный, партія блестящая.

— Удивительное дѣло, сказала старая маркиза де Ту, — дѣвушка, какъ бы она ни была молода и неопытна, не можетъ не понимать, что мы хороши для мужчинъ только тогда, когда представляемъ вѣчто недоступное, когда стоимъ въ ихъ глазахъ въ видѣ идеала; а что едва мы сойдемъ съ этого пьедестала

чего то недосягаемаго, то обращаемся для огромнаго большинства изъ нихъ, извините за выраженіе, просто въ постельную принадлежность, которую иногда весьма пріятно перемѣнить!

— Не знаю, отвѣчала княжна Владимірская.—Я понимаю, что отъ меня могутъ отказать пока я равнодушна и неприступна; но не думаю, чтобы кто нибудь могъ отказаться, когда я буду къ нему добра!

— Да вѣдь вы еще не понимаете, княжна, что такое это значить, быть доброю какъ женщина, замѣтилъ маршалъ де-Савсъ;—а когда узнаете, такъ поймете, что такая доброта до свадьбы можетъ разстроить свадьбу.

— Можетъ быть! отвѣчала Али-Эметъ, потупившись; успѣвъ однакожь, украдкою взглянуть на маркиза де-Маринъ.

«Да, подумалъ онъ,—къ кому она была хоть одинъ разъ добра, тотъ не забудетъ этого никогда!»

Но на четырехъ любовникахъ дѣло разумѣется не остановилось и не могло остановиться.

— Ваша свѣтлость, докладывалъ принявшей на себя имя княжны Владимірской камергеръ и интендантъ ея двора маркизъ де-Маринъ,—вамъ просить дозволенія представиться оберъ-гофмаршалъ владѣтельнаго герцога Голстейнъ-Лимбургъ де-Линанжъ, графъ Рошфоръ де Валькуръ.

— Чтожъ, я очень рада видѣть графа; мнѣ говорила о немъ м-ше де-Креси и очень хвалила его...

— Когда прикажете назначить ему аудіенцію?

— Хотя завтра въ два часа, а то послѣ завтра; я кажется никуда не звана, я приглашу его обѣдать!

На другой день гофмейстеръ баронъ Эмбсъ, въ присутствіи камергера маркиза де-Маринъ, представлялъ свѣтлѣйшей княжнѣ графа.

Графъ Рошфоръ де-Валькуръ былъ потомокъ одной изъ знаменитѣйшихъ фамилій Франціи. Рошфоры были извѣстны еще во времена карловинговъ; не одинъ изъ нихъ положилъ свою голову, сражаясь за отечество, не одинъ былъ сраженъ и на турнирахъ въ честь красоты. Когда Ришелье сталъ проводить идею централизаціи Франціи въ особѣ короля, Рошфоры, избѣгая участи Сенъ-Марса, предпочли переселиться въ Германію, въ одно изъ небольшихъ нѣмецкихъ княжествъ, гдѣ они могли быть увѣренными, что права ихъ будутъ неприкосновенны. Выборъ ихъ остановился на княжествѣ Лимбургъ-Стирумъ-Оберъ-Штейнъ. Они тамъ и поселились, и съ тѣхъ поръ постоянно занимали

мѣсто княжескаго оберъ-гофмаршала, вступая въ него какъ бы по наслѣдству, такъ что послѣ отца вступалъ сынъ, послѣ сына внукъ и т. д.; что вѣроятно, продолжалось бы весьма долго, во всякомъ случаѣ до рейнскаго союза и разгрома Германіи Наполеономъ, если-бы одному изъ Рошфоровъ де-Валькуръ не встрѣтилась въ жизни наша Али-Эметъ, принявшая имя княжны Владимірской.

Графъ уже былъ не молодъ. При жизни отца своего, бывшаго также оберъ-гофмаршalomъ имперскаго князя, онъ служилъ во Франціи и оставилъ свою службу только нѣсколько лѣтъ назадъ, когда его отецъ умеръ и онъ долженъ былъ занять его мѣсто при своемъ владѣтельномъ князѣ, графѣ голштейнъ - лимбургъ - стирумъ - оберштейнскомъ. Валькуры были, нельзя сказать, чтобы очень богаты, но и не бѣдны, поэтому могли поддерживать молодого человѣка, во время бытности его во Франціи, въ самомъ высшемъ парижскомъ обществѣ. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ королевскихъ увеселеніяхъ и былъ принятъ въ первыхъ салонахъ Парижа. Легкомысліе общественныхъ отношеній того времени отразилось и на его понятіяхъ, и на его образѣ жизни. Ему было тоже около сорока лѣтъ, но онъ былъ не женатъ; изношенный, можно сказать, съ-молоду, онъ никого не любилъ и не думалъ любить. Немножко родовой гордости, полнѣйшій эгоизмъ и въ высшей степени утонченная, свѣтская любезность, вотъ весь нравственный складъ графа Рошфоръ де-Валькура, изъявившаго желаніе представиться нашей принцессѣ.

Это мы рассказываемъ для того, чтобы читатели видѣли, что представляющійся княжнѣ оберъ-гофмаршалъ нѣмецкаго принца былъ не заѣзжій провинціалъ изъ каваго нибудь глухаго нѣмецкаго города, а истый парижанинъ, такой же парижанинъ, какъ и другіе, принадлежавшіе къ избранному парижскому обществу того времени.

Представляясь по обычаю и проговоривъ нѣсколько обыкновенныхъ при такомъ случаѣ фразъ, графъ де-Валькуръ вдругъ смолкъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что дѣлается какъ-то невыразимо счастливымъ, подъ вліяніемъ этихъ, ласкательно смотрѣвшихъ на него бархатныхъ глазъ, подъ вліяніемъ этой нѣжной, скромной и невыразимо пріятной улыбки, мелодическаго голоса и немножко медленныхъ, какъ-бы лѣнивыхъ, вмѣстѣ чрезвычайно мягкихъ и граціозныхъ движеній стоявшей передъ нимъ княжны. Онъ не помнилъ, ни что онъ говорилъ далѣе, ни

какъ окончилось представленіе. Онъ уѣхалъ, не помня себя; онъ помнилъ только, что завтра опять увидитъ ее, опять будетъ всматриваться въ эти всепроницающіе глаза, вслушиваться въ этотъ мелодическій голосъ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ обѣда, оберъ-гофмаршалъ имперскаго графа фонъ-Гольштейнъ-Лимбургъ, графъ Рошфоръ де-Валькуръ предложилъ свою руку и сердце принявшей на себя имя княжны Владимірской, обѣщая всего себя посвятить ея счастію.

Али-Эметэ не отказала. Она просила позволенія списаться съ дядей, объясняя свое положеніе и свою отъ него зависимость. Она говорила, что теперь живетъ только получаемой отъ него умѣренной пенсіей въ 10 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, не смотря на то, что въ Россіи ей достаются четыре княжества, громадныя капиталы, и даже, что, по происхожденію своему, она имѣетъ право на русскій престолъ, а ея дядя, султанъ азовскій, обладаетъ несмѣтными богатствами въ Персіи.

Передъ такимъ заявленіемъ своей очаровательной невѣсты, де-Валькуръ долженъ былъ склонить выю и съ чувствомъ безконечнаго восторга заявить, что и онъ на женитьбу долженъ просить дозволенія своего сюзерена. Но княжна ему сказала, что десять тысячъ въ мѣсяцъ для нея слишкомъ недостаточно, такъ какъ мѣсяцъ имѣетъ 30 дней, и что она повтому имѣетъ долги. Де-Валькуръ предложилъ ей тѣ наличныя средства, которыми располагалъ. Но, разумѣется, его средствъ было слишкомъ недостаточно, чтобы можно было покрыть расходы ея мотовства; поэтому, надѣясь на благоприятный отвѣтъ своему предложенію, онъ обѣщалъ, что, по возвращеніи въ Лимбургъ, распорядится доставленіемъ ей болѣе или менѣе значительной суммы. Это обѣщаніе обратило на себя вниманіе Али-Эметэ, которая разсудила, что ей необходимо, чтобы обѣщанная сумма была ей выслана, а для этого нужно, чтобы и онъ былъ ея рабомъ, какъ другіе. «Ну что-жь? думала она. — Однимъ больше или меньше, не все ли это равно? Даже можно сказать, чѣмъ больше, тѣмъ лучше».

Черезъ недѣлю графъ Рошфоръ повторилъ свое предложеніе; Али-Эметэ рѣшилась объ этомъ подумать.

Вмѣсто всякаго списыванія съ дядюшкой, въ которому не знала какъ и писать, она направилась прямо къ Флавіо д'Аржанто, который уже приучилъ ее обо всемъ совѣтоваться съ нимъ.

Къ великому ея изумленію, она встрѣтила со стороны іезуита, хотя сдержанное, но сильное противорѣчіе.

— Если ваша свѣтлость находитъ возможнымъ выйти замужъ за подданнаго, то нечего и говорить. Графы Рошфоръ-де-Валькуры хорошая, старинная фамилія и вашъ женихъ принадлежитъ къ вѣрнымъ сынамъ святой католической церкви, поэтому мы не можемъ встрѣтить препятствія, хотя, по моему взгляду, ваше замужство стѣснитъ ваши дѣйствія...

— Нужно писать къ дядюшкѣ; иначе можетъ случиться, что моя пенсія...

— Княжна, ваша пенсія обезпечена, пока вы держите ваше слово отдать всю себя, въ интересахъ церкви, въ наше распоряженіе. Вы, какъ умная женщина, вѣроятно поняли, что пенсія ваша производится никакъ ужъ не изъ персидскихъ богатствъ.

— Что это значить?

— Значить, княжна, очень просто: пока вы остаетесь при своихъ святыхъ намѣреніяхъ, мы всегда къ вашимъ услугамъ и охотно готовы во всемъ помогать вамъ. Но будетъ ли производится вамъ эта пенсія, безъ нашего содѣйствія, по вашему замужствѣ,— это другой вопросъ. Это будетъ зависѣть отъ того, въ какія отношенія вы поставите себя послѣ свадьбы и какъ будете дѣйствовать...

Хитрый іезуитъ хотѣлъ указать ей полную ея зависимость отъ ордена, съ тѣмъ, чтобы располагать ею вполне по своему произволу.

Но это указаніе повело къ результатамъ совершенно противоположнымъ.

«А! подумала княжна,—такъ при первомъ нарушеніи вашихъ приказаній вы меня выкинете на улицу.—Не хочу же, не отдамся вамъ какъ игрушка...»

Поэтому, пропустя нѣкоторое время изъ приличія, она дала слово де-Валькуру, прося озаботиться присылкою возможной суммы, для нея совершенно необходимой.

Между тѣмъ, замѣчая, что Валькуръ таеетъ отъ каждаго ея взгляда, она нашла въ немъ рѣдкое въ то время рыцарское достоинство—не лгать, и будучи увѣрена, что всѣ, кто съ ней сближается, становятся ея рабами, рабами полными, закрѣпощенными больше чѣмъ какіе бы то ни было крѣпостные,—она рѣшилась сблизиться и съ нимъ.

«Онъ будетъ мнѣ благодаренъ, думала она,—будетъ думать, что я увлеклась такъ, отъ пылкости любви моей къ нему».

Какъ она рассчитала, такъ и вышло. Валькуръ, неизобразимо счастливый ея ласкою и уступчивостью, почти безъ памяти полетѣлъ въ Лимбургъ, давая себѣ слово не жалѣть ничего и доставить необходимую ей сумму.

А долги росли да росли. Кредиторы начали уже угрожать скандалами. Для Али-Эметэ оставалось одно средство избавиться отъ такихъ скандаловъ, — средство, употребленное ею въ Берлинѣ, Гентѣ и Лондонѣ, — это бѣжать. Она и убѣжала со всею своею свитою во Франкфуртъ.

А. Шардинъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.

БОРЬБА ЧЕРНЫШЕВА СЪ ВОЙСКОВЫМИ АТАМАНАМИ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Назначеніе въ довской комитетъ втораго члена отъ правительства.—Неудовольствіе по поводу Денисова.—Пріѣздъ Чернышева и переписка его съ Аракчеевымъ и Дибичемъ; доклады императору Александрѣ I.—Положеніе Денисова въ комитетѣ.—Обвиненія, введеныя на войсковаго атамана и его отставка.—Характеристика Денисова.

Въ прошедшей главѣ мы видѣли, что войсковой атаманъ Дона лично обратился къ императору Александру I, ходатайствуя объ учрежденіи въ городѣ Новочеркасскѣ законодательнаго комитета, а государь, по личной инициативѣ, назначилъ членомъ комитета своего генераль-адъютанта Чернышева. Черезъ три недѣли, именно 30 марта 1819 года, Денисовъ получилъ новый рескриптъ, съ назначеніемъ еще одного, на этотъ разъ гражданскаго члена, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Болгарскаго, игравшаго впоследствии самую дѣятельную роль въ комитетѣ и придавашаго этому, вполне либеральному учрежденію характеръ тайной канцеларіи. Государь писалъ: «Основаніемъ учрежденія сего комитета принято собственное ваше представленіе, не для измѣненія какихъ либо правъ и преимуществъ,

дарованных войску и подтвержденных уже нѣсколькими моими грамотами, но для изысканія удобнѣйшихъ способовъ къ точному ихъ исполненію для собственной пользы, чести и славы самаго донскаго войска и каждаго изъ его членовъ».

Войсковой атаманъ видимо остался недоволенъ назначеніемъ въ среду проектированнаго имъ комитета двухъ лицъ, не принадлежавшихъ къ войсковому происхожденію, что и выразилъ въ письмѣ къ начальнику главнаго штаба его императорскаго величества ¹⁾, князю Волконскому. «Почитая волю великаго государя, писалъ атаманъ,—священнѣйшимъ и единственнѣйшимъ для себя закономъ, онъ обязывается исполнить ее въ точности; но, какъ начальникъ края, онъ обязывается заявить въ отношеніи своихъ подчиненныхъ, что, по крайней простотѣ здѣшняго народа, введеніе сихъ постороннихъ членовъ можетъ повергнуть его, т. е. народъ, въ разсужденія, простымъ людямъ свойственныя, ибо сколь бы комисія ни тайно производила сужденія и положенія свои, но забираемая о дѣлахъ справки и обзорнія дадутъ случай къ заключенію по уму ихъ». Дальше атаманъ приводилъ, что комисія, составленная изъ однихъ мѣстныхъ жителей, употребить все возможное къ добросовѣстному исполненію возложеннаго на нее порученія. Переписка передавалась государю, потому что на сѣтованія Денисова, обратившагося къ Волконскому, императоръ Александръ Павловичъ отвѣчалъ собственнымъ рескриптомъ. «Содержаніе сего письма я приѣмлю доводомъ попеченія вашего о благѣ ввѣреннаго вамъ донскаго войска, а въ отвѣтъ на оное считаю нужнымъ сказать вамъ, что основаніемъ учрежденія сего комитета принято собственное ваше представленіе...» и, повторяя сказанное въ первомъ рескриптѣ, государь по вопросу о двухъ членахъ пояснялъ: «выборъ перваго, въ лицѣ генераль-адъютанта Чернышева, безъ сомнѣнія, будетъ соответствовать ожиданіямъ вашимъ и самаго войска. Выборъ чиновника гражданскаго также не меньше будетъ полезенъ, потому что посредствомъ его совѣщаній ходъ дѣлъ тяжбныхъ и апелляціонныхъ можетъ получить успѣшнѣйшее направленіе къ собственному удовольствію сего войска. Временное его участіе въ дѣлахъ комитета и потому не можетъ возбуждать какаго либо недоразумѣнія, что войско издавна имѣло и имѣетъ особаго прокурора, постоянно участвующаго

¹⁾ Начальникъ штаба имѣлъ всѣ права военнаго министра, а послѣдній за-вѣдывалъ одною хозяйственною частью.

въ дѣлахъ войсковой канцеляріи и опредѣляемаго изъ постороннихъ чиновниковъ, а не изъ среды своего сословія».

Донской комитетъ, извѣстный въ преданіяхъ Дона подъ наименованіемъ «чернышевскій», а не денисовскій, былъ открытъ 1 мая 1819 года.

Въ первомъ же засѣданіи принято было все предлагаемое въ комитетѣ содержать въ полнѣйшей тайнѣ и по этому поводу взято было влѣтвенное обѣщаніе съ членовъ, чиновниковъ канцеляріи и писарей, что они не будутъ разглашать текущей переписки по войску. Такимъ-то образомъ комитетъ, вмѣсто выборнаго, открытаго для публики законодательнаго собранія, составилъ изъ себя замѣнутую коллегію; что-то холодное, тайное и мрачное, по словамъ жившихъ во время этой эпохи, вѣяло отъ стѣнъ проектированнаго Денисовымъ учрежденія. Никто не зналъ, что станетъ съ казаками, съ зажиточными чиновниками, обратившимися со времени указа Екатерины въ 1795 году въ помѣщиковъ. Повернуть ли казаковъ въ солдаты; отнять ли, или уменьшать ихъ земельныя довольствія; уничтожать ли незаконно образовавшіяся помѣстья и обратятъ ли войско донское въ обыкновенную губернію, съ обязательствомъ поставлять извѣстный контингентъ рекрутъ? Понятно, что подобное тайное собраніе порождало бездну разныхъ слуховъ; толки о комитетѣ, по словамъ современниковъ, были постоянныя; однакоже волненія между простыми казаками не замѣчались, ибо они инстинктивно чувствовали, что войсковою атаманъ Денисовъ, столько лѣтъ раздѣлявшій съ ними боевую славу, не дастъ ихъ въ обиду, и что Андріянъ Карповичъ учреждалъ комитетъ съ цѣлью огражденія простыхъ казаковъ отъ посягательства на общественныя угодья дворянъ и чиновниковъ. Между послѣдними-то и образовалась партія, противодѣйствовавшая добрымъ начинаніямъ атамана.

Вотъ что говоритъ авторъ книги «Низовые и верховые донскіе казаки». Хотя Денисовъ во многихъ отношеніяхъ не уступалъ Платову, въ нѣкоторыхъ же превосходилъ его, но далеко не имѣлъ той тонкости и проницательности ума, при помощи которыхъ знаменитый атаманъ нерѣдко проходилъ среди опаснѣйшихъ подводныхъ камней и совершалъ самыя трудныя предпріятія. Андріянъ Карповичъ былъ твердъ до упрямства, прямодушенъ до суровости, и сознаніе собственныхъ достоинствъ допускалъ иногда до гордости; притомъ онъ не имѣлъ той военной славы, которая прикрывала недостатки Плотова и давала

ему силу во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Но главнѣйшимъ препятствіемъ для Денисова послужило то, что онъ происходилъ отъ верховныхъ казаковъ, т. е. позднѣйшихъ поселенцевъ на донскую территорію, поселенцевъ, заявившихъ себя стремленіемъ не къ древнему «лыцарству», а къ сельскому хозяйству и скопидомству. Всѣ благія намѣренія атамана съ самаго начала были перетолкованы, въ особенности тѣми, кто опасался утраты какихъ либо собственныхъ интересовъ; эти проводили мысль, что Денисовъ, по очевидному пристрастію къ своимъ землякамъ, думаетъ только объ ихъ выгодахъ и исключительно заботится о верховныхъ станицахъ, жертвуя для нихъ благомъ цѣлаго войска. Впрочемъ, при уравниеніи правъ и довольствій, дѣйствительно, болѣе другихъ выигрывали верховые казаки, потому что до тѣхъ поръ они далеко не всѣмъ пользовались. Еще съ самаго назначенія Денисова войсковымъ атаманомъ, въ Черкасѣхъ и въ низовыхъ станицахъ обнаружилось, какъ мы видѣли, явное неудовольствіе противъ начальника-реформатора края. Таково было положеніе Андріяна Карповича, когда въ Черкасѣхъ прибылъ, въ качествѣ члена комитета, Чернышевъ, естественно не могшій простить Денисову его письма, обращеннаго къ начальнику главнаго штаба, о вредѣ имѣть въ составѣ комитета лицъ, неприннадлежащихъ по рожденію къ войсковому сословію.

И вотъ, едва Чернышевъ немного ознакомился съ возложеннымъ на него порученіемъ и съ вліятельными и богатыми черкасскими семействами, какъ начинается его дѣятельная, ежесуточная переписка съ лицами высокопоставленными при дворѣ императора Александра Павловича: Дибичемъ, Волконскимъ, Аракчеевымъ; нерѣдко Чернышевъ обращался съ письмами и лично къ самому государю. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ со времени пріѣзда въ главный городъ войска, какъ Чернышевъ находилъ свое положеніе, какъ члена комитета, невыносимымъ и явно стремился занять мѣсто, не только предсѣдателя комитета, но и главнаго начальника войска.

Въ письмѣ къ военному министру Аракчееву (сентябрь 1819 г.) онъ приводилъ: «Чѣмъ далѣе я старался вникать въ правила и свойства лицъ, предназначенныхъ къ устроенію блага донской земли, и въ настоящее положеніе вещей, тѣмъ болѣе удостовѣрился, что не одно благосостояніе соотчичей, но и собственныя выгоды движутъ поступками главнѣйшихъ здѣшнихъ чиновниковъ, которые, ослабляясь мало-по-малу въ чувствахъ народной нравственности, вообще стремятся къ стѣсненію простыхъ каза-

ковъ. Двое лучшіе и умнѣйшіе изъ членовъ комитета находятся въ числѣ откупщиковъ питейной продажи, отданной съ нынѣшняго года войсковою канцеляріею въ нѣсколько рукъ, съ большими ограниченіями древняго казачьяго права свободно пользоваться у себя вольною покупкою и продажею вина». Дальше, говоря о самомъ начальникѣ края, Чернышевъ замѣчаетъ: «Атаманъ и его приближенные въ первоначальныхъ своихъ мнѣніяхъ объ учрежденіи комитета никакъ не предполагали, чтобы назначенъ былъ въ составъ онаго кто либо посторонній, совсѣмъ не готовившійся къ предварительному распорядку по открытію засѣданій, надѣясь присутствовать одни и, слѣдовательно, расположить все по своему произволу».

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ Чернышевъ говоритъ, что въ засѣданіяхъ комитета слышны были только два голоса: его и атамана. Прочіе члены, взирая на Денисова, или умоляли при каждомъ его взглядѣ, или раболѣпно соглашались съ каждымъ его сужденіемъ, не смѣя ни мыслить, ни говорить свободно. «Страхъ, поселенный властью атамана, издавна укоренился здѣсь такъ глубоко, что не только сіи, избранные расположеніемъ его члены, но и всѣ генералы и офицеры не держатъ обнаруживать мыслей своихъ, хотя бы кто изъ нихъ былъ неправильно угнетенъ или видѣлъ явное злоупотребленіе. Внезапная высылка, безъ очереди, въ Грузію, на Кубань и другія отдаленныя мѣста, отнятіе земель въ пользу приближенныхъ и различныя притѣсненія правительства были до сихъ поръ обыкновенными средствами, воими здѣшняя политика содержала каждое въ безмолвіи и всегдашней боязни».

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ къ опроверженію обвиненій Чернышева въ деспотическихъ наклонностяхъ войсковыхъ атамановъ изъ прирожденныхъ донцевъ въ началѣ XIX столѣтія; но исторически извѣстно, что когда за разныя, чисто гражданскаго свойства, злоупотребленія войсковою атаманъ Степанъ Ефремовъ былъ арестованъ по повелѣнію императрицы Екатерины II, то казаки Старочеркасской станицы (г. Черкаска) пытались его освободить изъ-подъ ареста, и хотя войсковою атаманъ оказался неповиненъ въ этомъ безумномъ поступкѣ своихъ приверженцевъ, тѣмъ не менѣе онъ долгое время содержался въ петропавловской крѣпости. Во всякомъ случаѣ подобный фактъ рисуется любовью донцевъ къ своимъ природнымъ атаманамъ.

Очень можетъ быть, какъ мы то высказывали въ прошед-

шей главѣ, Денисовъ и былъ суровъ въ обращеніи съ своими подчиненными, которымъ къ тому же не особенно нравилось постоянное вмѣшательство въ ихъ частную жизнь.

Въ томъ же письмѣ Чернышевъ продолжаетъ: «Ежедневный опытъ и свѣдѣнія, отовсюду доходящія, совершенно удостовѣряютъ меня, что всѣ прочіе чиновники и казаки полагаютъ во мнѣ единственную надежду достигнуть лучшаго порядка и устройства, питая ко мнѣ, какъ къ человѣку, присланному отъ государя, полное довѣріе и почитая въ лицѣ моемъ вѣрнаго для себя защитника отъ притѣсненія вѣшной власти».

Въ длинной запискѣ, составленной для императора Александра Павловича, и которая потомъ, съ нѣкоторыми добавленіями, въ 1826 году подавалась императору Николаю, Чернышевъ бросаетъ собственный взглядъ на гражданское устройство края. «Съ половины прошлаго столѣтія, писалъ, между прочимъ, Чернышевъ,—когда нѣкоторые изъ атамановъ, именно Ефремовы (отецъ и сынъ), были удостоены особенныхъ отличій, и когда началъ появляться новый, до того неизвѣстный классъ чиновниковъ въ войскѣ, внутреннее управленіе онаго и положеніе жителей представляется уже въ другомъ видѣ. Власть атамановъ, постепенно возрастая, сдѣлалась, наконецъ, произвольною и неограниченною. Члены войсковой канцеляріи и близкіе къ нимъ чиновники, въ совокупности съ атаманами, устремились къ незаконнымъ стяжаніямъ на счетъ своей собратыи. Отстранивъ сословіе казаковъ отъ того участія въ мѣстномъ управленіи, коимъ въ губерніи пользуются купцы, мѣщане и казенные поселяне, и сдѣлавшись по чинамъ своимъ всегдашними начальниками и въ полкахъ, и въ войскѣ, чиновники посягнули на пріемъ къ себѣ бѣглыхъ людей, привлеченныхъ на Донъ во множествѣ. Казаки, безмѣрно стѣсняемые въ коренныхъ своихъ владѣніяхъ, лишились самыхъ необходимыхъ довольствій, но, бывъ преслѣдуемы и на службѣ, и въ домашнемъ быту, не находили никакой защиты. Притѣснители отнимали у нихъ самые способы къ жалобамъ. Своевольство и неправосудіе достигли высочайшей степени; все зависѣло отъ одного произвола мѣстнаго начальства и отъ связей лицъ, оное составляющихъ. Говоря объ отношеніяхъ войсковой администраціи къ высшему правительству, Чернышевъ замѣчаетъ, что войсковое начальство, дѣйствовавшее столь произвольно и безотчетно, тщательно старалось скрывать отъ правительства внутреннее состояніе донскаго края и устранять отъ онаго посторонній взглядъ, подъ покровомъ древнихъ

войсковыхъ порядковъ и обычаевъ. Неизвѣстно было даже народонаселеніе войска и количество его земель¹⁾».

«Между тѣмъ, продолжалъ Чернышевъ, — допущенные безпорядки устрашали самихъ атамановъ и, боясь, что зло, рано или поздно откроется, они входили къ правительству съ разными представленіями объ искорененіи безпорядковъ, но сами объ этомъ нисколько не заботились. Цѣль сихъ сообщеній, по словамъ Чернышева, очевидно была та, чтобы поверхностнымъ оглашеніемъ безпорядковъ избѣгнуть отвѣтственности и въ надеждѣ, что оправданіе оныхъ будетъ предоставлено одному мѣстному начальству и оно, подъ предлогомъ древнихъ распорядковъ и обычаевъ, успѣетъ покрыть зло силою самаго постановленія».

Обращая вниманіе государя на размноженіе на Дону дворянства, Чернышевъ приводилъ: «Размноженіе дворянства, возникшаго между донскими казаками и укорененнаго временемъ, представляется мнѣ вреднымъ для будущаго существованія сего войска и для воинственнаго его характера». По словамъ Чернышева, на 46,792 нижнихъ чина приходилось офицеровъ 1,518 или одинъ офицеръ на 30 нижнихъ чиновъ²⁾. Для уменьшенія дворянства Чернышевъ предлагаетъ, въ запискѣ своей, назначать меньшее число офицеровъ въ казачьи полки и кромѣ того принять слѣдующія предосторожности: совершенно прекратить выдачу изъ герольдіи грамотъ и гербовъ на потомственное дворянство всѣмъ оберъ-офицерамъ войска, давая симъ послѣднимъ только личное дворянство. Говоря о гражданскомъ управленіи, Чернышевъ замѣчаетъ: «Дабы положить конецъ вредному вліянію непремѣнныхъ членовъ войсковой канцеляріи, которые съ тѣмъ болѣе безстрашіемъ посягаютъ на угнетеніе своихъ собратій, что увѣрены въ пожизненномъ нахожденіи на сей должности, необходимо мѣста эти предоставить балотированію чиновниковъ и не болѣе, какъ на четыре года. Ограниченіе времени службы тѣхъ членовъ, безъ сомнѣнія, предостережетъ ихъ отъ незаконнаго вліянія на другихъ и тѣмъ вѣроятнѣе, что по истеченіи 4-хъ-

¹⁾ Занимаясь собраніемъ матеріаловъ для статистики донскаго войска, мы убѣдились, что статистическія данныя собирались уже въ царствованіе Анны Іоанновны.
Авторъ.

²⁾ По свѣданіямъ за 1879 годъ считается въ «списочномъ состояніи» донскаго войска: оенцеровъ 1,777 и нижнихъ чиновъ 111,930 или 1 оенцеръ на 62 нижнихъ чина. Сравнительно съ регулярными войсками подобное отношеніе будетъ втрое меньше.
Авторъ.

лѣтняго служенія должны будутъ возвращаться въ общество и видѣть либо признательность, либо презрѣніе онаго».

Чернышевъ получилъ воспитаніе подъ вліяніемъ Екатерининскихъ традицій, видѣлъ многое лучшее въ законодательствѣ и администраціи западныхъ государствъ и неудивительно, что широко проводилъ и провелъ, какъ увидимъ, на Дону выборное начало. То, что говорилъ Чернышевъ въ 1819 году, робко проводится допсыми публицистами въ настоящее время, по истеченіи полустолѣтія, ибо съ учрежденіемъ въ 1868 году областного правленія, въ немъ, за исключеніемъ одного члена отъ земства, всѣ совѣтники и начальники отдѣленій назначаются войсковымъ атаманомъ. Не можемъ не замѣтить, что этою реформою въ областномъ правленіи оказалось больше порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и больше канцелярской формальности. Областное правленіе нынѣ какъ-то совершенно особливо держитъ себя отъ населенія, игнорируетъ его нужды и если-бы рядомъ не было земства, то окончательно убило бы экономическое развитіе края. Современемъ мы докажемъ таковой нашъ взглядъ статистическими цифрами.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію борьбы Денисова съ Чернышевымъ, считаемъ необходимымъ привести высочайшій рескриптъ, данный на имя войсковаго атамана 10 декабря 1819 года.

«Я не могу не поставить, писалъ императоръ Александръ Павловичъ,—при семъ случаѣ на видъ, множество жалобъ въ настоящемъ управленіи войска донскаго, доходящихъ къ правительству отъ крестьянъ, поселенныхъ на войсковой землѣ. Жалобы эти, вѣроятно, происходятъ отъ жестокаго обращенія съ ними помѣщиковъ и непомѣрнаго изнуренія работами».

Этотъ рескриптъ, показывающій личное, гуманное отношеніе государя къ крестьянскому вопросу, Денисовъ, въ душѣ раздѣлявшій мысли императора, распространилъ, какъ увидимъ ниже, въ копіяхъ по всему войску, и это обстоятельство, при двойственной внутренней политикѣ Александра I, послужило однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія войсковаго атамана Чернышевымъ.

Приведенную выше записку, какъ видно, Чернышевъ лично подавалъ государю въ Петербургѣ, потому что въ томъ же рескриптѣ 10 декабря 1819 года говорится:

«Возвращая на Донъ моего генералъ-адъютанта Чернышева, я желаю, чтобы при немъ совершенно было съ нимъ же начатое новое положеніе». И дальше: «Увѣренъ не менѣе и въ томъ,

что вы, какъ начальникъ, отвѣтствующій за благоустройство и порядокъ въ войскѣ, конечно не позволите въ нарушеніи оныхъ распускать неправыхъ толковъ людямъ неблагонамѣреннымъ и упредите всякое съ сей стороны безпокойство въ войскѣ благо-разумными внушеніями объ истинной цѣли занятій комитета, вами учрежденнаго и мною одобреннаго».

Пріѣхавъ въ Черкасскъ, Чернышевъ немедленно пишетъ графу Аракчееву: «Здѣсь, во время отсутствія моего, появились, одни за другими, нелѣпыя слухи на счетъ дѣйствій комитета и моего здѣсь пребыванія, легко могущіе въ умахъ народа возбудить сомнѣніе и недоувѣрчивость, ибо нѣсколько неблагонадежныхъ лицъ предсказывали, что войско превратится въ одну изъ губерній и измѣнитъ древній образъ своего существованія. Содержаніе высочайшаго рескрипта весьма примѣтно произвело живое впечатлѣніе на атамана и кажется достигаетъ своей цѣли, озаботило его истребленіемъ всѣхъ вредныхъ слуховъ, или неосновательныхъ толковъ».

Главнѣйшее обвиненіе Чернышева направлено противъ введенія Денисовымъ виннаго откупа; однако же, по историческому анализу этого факта, говорившаго дѣйствительно не въ пользу атамана, оказывается, что не только въ началѣ настоящаго столѣтія, но даже около шестидесятихъ годовъ на винный откупъ во всемъ государствѣ смотрѣли, какъ на вѣрнѣйшій источникъ доходовъ, и во всякомъ случаѣ, съ правительственной точки зрѣнія, распорядженія Денисова о введеніи откупа въ то время слѣдовало считать, съ административной точки зрѣнія, цѣлесообразными, хотя и нарушающими привилегіи казачьихъ станицъ. Посредствомъ виннаго откупа атаманы рассчитывали имѣть въ распоряженіи войсковою казны суммы, необходимыя на расходы по содержанію администраціи и по снаряженію полковъ на службу. Денисову, командировавшему въ 1812 году, въ тарутинскій лагерь, экстренно 26 донскихъ конныхъ полковъ, лучше чѣмъ кому либо было извѣстно, что подобный нарядъ не можетъ обходиться безъ пособій отъ войска на покупку лошадей, или на обмундированіе, ибо въ каждомъ обществѣ, кромѣ лицъ состоятельныхъ, бываютъ и люди бѣдные, кромѣ исправныхъ, безопасные и нерадивые.

Во всякомъ случаѣ, винный откупъ, принадлежа по своей сущности къ налогамъ восвєннымъ, не озлоблялъ населенія, между тѣмъ, какъ нынѣшніе прямыя налоги, принятые донскимъ земствомъ, отвратили казаковъ и донскихъ дворянъ отъ выборнаго начала. До какой степени на винный откупъ смотрѣли,

какъ на главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ, видно изъ того, что въ 1840 году онъ былъ самимъ правительствомъ введенъ въ донскомъ войскѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ губерніяхъ, и Чернышевъ, будучи въ это время военнымъ министромъ ¹⁾, а слѣдовательно и главнымъ начальникомъ донскаго войска въ военномъ и гражданскомъ отношеніи ²⁾, не могъ уничтожить для донскаго края откупной системы, а вѣроятно же всего самъ заразился заманчивою его оболочкою. Если по этому, какъ и по многимъ другимъ вопросамъ, Чернышевъ въ двадцатыхъ годахъ оказывался выше своихъ современниковъ, стоявшихъ впоследствии у престола императора Николая, то изъ этого еще не слѣдовала необходимость бросать грязью въ атамана и членовъ комитета.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ, между прочимъ, дѣлаетъ характеристичную донскихъ членовъ комитета, изъ которыхъ въ каждомъ находитъ недостатки, но съ особенною настойчивостью нападаетъ на двухъ генераловъ: Карпова и Черевкова, предлагая объ ихъ удаленіи, какъ явныхъ откупщиковъ. На мѣсто же ихъ «по ближайшей извѣстности, приобрѣтенной во время служенія съ казачьими полками и особенно долгаго пребыванія на Дону и по общему знанію и довѣренности войска, нахожу всѣхъ болѣе способными и достойными отставныхъ генераловъ: Алексѣя Иловайскаго и Дмитрія Кутейникова. Оба чиновника сіи, отличные по службѣ, любимые въ обществѣ, благонамѣренные и желающіе землѣ своей всякаго добра, вонечно оправдаютъ сей выборъ» ³⁾.

Въ письмѣ къ Аракчееву, отъ 25 января, Чернышевъ поясняетъ, что онъ, съ помощью Болгарскаго, стремился отклонить Денисова отъ связей съ откупщиками; но что никакіе сильные и очевидные доводы, по его словамъ, не могли вразумить и убѣдить его въ стѣсненіи жителей нынѣшнимъ откупомъ и въ злоупотребленіяхъ войсковой канцеляріи. Въ слѣдующемъ же письмѣ къ тому же Аракчееву, отъ 17 февраля, Чернышевъ замѣчаетъ, что войсковой атаманъ сталъ гораздо скромнѣе, но недовѣрчивѣе и уклончивѣе отъ истины.

«Чѣмъ яснѣе обнаруживались нарушенія правъ войсковыхъ

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что виновный откупъ въ донскомъ войскѣ былъ введенъ во время командированія военнаго министра Чернышева въ Грузію въ 1840 г.

²⁾ Донское и астраханское казачьи войска находятся и нынѣ въ прямой зависимости отъ военнаго министра.

³⁾ Оба эти генерала впоследствии были войсковыми атаманами и смѣнены по настоянію самого Чернышева.

жителей, корыстолюбіе, своевольство и запутанности откупщи-
ковъ и окружающихъ его по дѣламъ и счетамъ, тѣмъ болѣе
онъ старается защитить виновныхъ, затруднить дальнѣйшее ихъ
раскрытіе и вдается въ тѣснѣйшія съ ними связи».

Еще черезъ недѣлю, Чернышевъ пишетъ Аракчееву: «Мнѣ
крайне совѣстно, что обременяю ваше сіятельство, всякую почту,
пространными письмами, но совершенно увѣренъ, что если-бы
вы изволили видѣть всѣ препятствія и непріятности, кои я дол-
женъ переносить ежедневно, то безъ сомнѣнія великодушно
простили бы меня и уважили необходимости продолжать ихъ.
Поведеніе атамана съ тѣхъ поръ, какъ принялись мы за пи-
тейный откупъ и часть хозяйственную, видимо намъ противодѣйствуетъ». «Атаманъ всемѣрно затрудняетъ успѣхи наши;
онъ, съ начала января, весьма рѣдко ѣздитъ въ комитетъ, подъ
предлогомъ болѣзни, которая позволяетъ ему однакоже быть вездѣ,
куда бы ни приглашали его на обѣды и на завтраки»¹⁾).

«Никогда, пишетъ Чернышевъ 7 марта 1820 г.,—еще я не
зналъ необходимости говорить, или писать дурно о своихъ
ближнихъ и не былъ въ столь тягостномъ и оскорбительномъ
положеніи. Пребываніе на Дону невольно знакомитъ меня съ
первымъ и заставляетъ испытывать послѣднее». Такая непріят-
нѣйшая борьба, говоритъ онъ, съ войсковою властью не обѣ-
щаетъ и впередъ ничего болѣе, какъ одного и того же препят-
ствія со стороны войсковаго атамана, особенно въ дѣлѣ питей-
наго откупа, войсковаго хозяйства и тѣсно съ нимъ связаннаго
надѣла землю. «Быть мѣстнымъ орудіемъ попеченія государя
о войскѣхъ семъ, содѣйствовать устройенію прочнаго блага, храб-
раго и доселѣ во всѣхъ отношеніяхъ притѣсняемаго народа
и наконецъ, оправдать единственную его надежду, возлагаемую
всѣми вообще и каждымъ порознь только на наши занятія и
безпристрастіе,—составляло для меня главнѣйшее утѣшеніе».

Въ такомъ же духѣ Чернышевъ писалъ Волконскому, Ди-
бичу и самому государю и, препровождая императору Алексан-
дру Павловичу записку о занятіяхъ комитета, намекалъ о
необходимости смѣнить атамана. «Доселѣ употреблялъ я всѣ
усилія и неуспѣшные труды, испыталъ средство убѣжденія и
осторожности, перенесъ всѣ огорченія и непріятности, встрѣ-
чавшіяся на каждомъ шагу и, словомъ, не упустилъ ничего,
чтобы только достигнуть желаемой цѣли; но съ душевною скор-
бію вижу, что никакое пожертвованіе силъ и здоровья въ тру-

¹⁾ Тоже самое сообщалось впоследствии и о другихъ войсковыхъ атаманахъ.

дахъ не можетъ преодолѣть того пристрастія, упрямства и безстрастія, кои составляютъ характеръ войсковой власти...» «Предсѣдатель комитета, атаманъ, не только не содѣйствовалъ скорому исполненію требованій, но даже мѣстами и удерживалъ оное».

Въ запискѣ, поданной императору Александру I, между прочимъ, говорится, что атаманы хотѣли подкупить одного изъ членовъ. «Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ они считаютъ подкупъ Болгарскаго деньгами, которыя, отъ имени атамана, приносилъ ему дежурный штабъ-офицеръ Черевковъ». Въ другомъ мѣстѣ записки приводится: «Доволь рыбный промыселъ оставался въ рукахъ казаковъ, до тѣхъ поръ изобиліе въ рыбѣ на Дону, дешевизна оной и избыточное состояніе низовыхъ станицъ, такъ и довольствіе всѣхъ продолжалось постоянно. Подъ предлогомъ открытія хода рыбы для всѣхъ станицъ, въ верху Дона обитающихъ (гдѣ онъ самъ родился и гдѣ гг. Черевковы имѣютъ рыболовные заводы), рѣка сія раздѣлена была на двѣ половины».

Вотъ что по этому поводу говоритъ авторъ книги «Низовые и верховые донскіе казаки». Одинъ изъ главнѣйшихъ промысловъ казаковъ низовыхъ станицъ составляетъ рыбная ловля. Выселившіеся въ Елисаветовскую и Гниловскую станицы, жители основали тамъ свои заведенія. Они начали загораживать своими сѣтями Донъ, съ обоихъ его береговъ. Рыба, выходящая передъ весною изъ Азовскаго моря, наполняла сѣти ихъ миліонами, но отъ этого, въ верхи Дона, проходить для нея было трудно. Денисовъ желалъ, чтобы этимъ источникомъ народнаго продовольствія пользовались не одни только жители двухъ станицъ, а по возможности всѣ обитатели войска. Поэтому Денисовъ учредилъ, чтобы рыбу ловить только съ одной стороны, съ которой Донъ имѣетъ отмель; другую же сторону рѣки, которая глубже, оставить отъ сѣтей свободною и не ловить тамъ рыбы ни сѣтями, ни другими какими-либо снастями. Вслѣдствіе такого распоряженія рыба, передъ весною, дѣйствительно стала проходить не только въ верховья Дона, но даже въ Донецъ, Медвѣдицу и Хоперь. Однако же цѣль этой мѣры осталась мало замѣтною и для тѣхъ, кто ею пользовался. Жители верховыхъ станицъ молча ловили рыбу, до сихъ поръ въ ихъ водахъ невиданную, а низовые рыбопромышленники сильно начали роптать и жаловаться на самоуправное притѣсненіе атамана, какъ на обиду, до сихъ поръ неслыханную».

По предмету откупа, тотъ же авторъ говоритъ: «Еще Платовъ, вынужденный скудными доходами войска, отдавалъ по собственному своему распоряженію на откупъ станицы. Денисовъ,

по вступленіи въ должность, видя, что безъ этого источника обойтись невозможно, и соображая, что ежели станицы, населенныя казаками, несутъ тягость откупной отдачи, то, по всей вѣроятности, должно подвергнуть тому же помѣщичьи имѣнія, населенныя крестьянами, которые живутъ на землѣ, принадлежащей войску».

Въ той же запискѣ государю Александру Павловичу, Чернышевъ приводитъ: «Не смѣю долѣе обременять высочайшее вниманіе вашего императорскаго величества исчисленіемъ всего зла, которое въ здѣшнемъ краѣ существуетъ. Кажется, невозможно ни описать оное въ подробности, ни довольно выразить того болѣзненнаго чувствованія, которое поражаетъ душу при видѣ беззаконій, столь явно и безбоязненно совершаемыхъ».

А между тѣмъ, изъ приведенныхъ нами статистическихъ данныхъ было видно, что донской край, за исключеніемъ крепостныхъ крестьянъ, повидимому благоденствовалъ.

Въ собственныхъ запискахъ Денисова мы читаемъ: «Между тѣмъ я, до составленія сего комитета, бывъ уже войсковымъ атаманомъ и, усматривая крайнюю бѣдность войсковой земли, отдалъ, обще съ войсковою канцеляріею, горячіе напитки на четырехгодичное время, соединивъ въ оный всѣ отрасли донскихъ обитателей, какъ-то: станицы и помѣщичьи селенія, гдѣ горячее вино было употребляемо. И хотя подобные откупа и прежде существовали, но неуравнительно, ибо въ оныя входили только казачьи селенія, такъ называемыя станицы, а помѣщичьи селенія исключительно оставались на произволъ ихъ владѣльцевъ. Этимъ помѣщичьи весьма остались недовольны мною, когда члены войсковой канцеляріи, изъ тѣхъ же помѣщиковъ избранные, находили такое мое предположеніе о причисленіи ихъ къ откупу и помѣщичьихъ имѣній справедливымъ и даже необходимымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые сыскныя начальства (т. е. уѣздныя правленія) находились собственно въ помѣщичьихъ селеніяхъ, ибо содержаніе земской полиціи, по примѣру губернской, называемой на Дону «сыскныя начальства», отнесено было на войсковыя доходы, а доходы войсковые отъ откупа происходили. Къ тому же требовались большія суммы на общія войсковыя строенія, на содержаніе почтъ, на исправленіе по дорогамъ мостовъ, отчего нерѣдко не доставало на расходы въ войсковыя суммы.

«Комитетъ составленъ былъ подъ моимъ предсѣдательствомъ изъ генераль-адъютанта Чернышева, генераль-лейтенанта Карпова, генераль-маіора Черевкова, полковника Андриянова, подполковника Шамшева и статскаго совѣтника Болгарскаго. На-

чали разсуждать о существующихъ для войска положеніяхъ и дѣйствіяхъ, причѣмъ нерѣдко доходило до противорѣчій, что по моему и должно быть. Хотя по волѣ всемилостивѣйшаго государя моего я былъ предсѣдателемъ, но охотно позволялъ всѣ споры, дабы видѣть все справедливое и лучшее, и самъ я, желая исполнить въ точности волю моего государя и мое ходатайство предъ его величествомъ въ точности выполнить, дабы всѣми средствами положеніе войска донскаго, какъ въ домашнемъ его нахожденіи, такъ и въ походныхъ и въ особенности въ военныхъ обстоятельствахъ сдѣлать лучшимъ, часто, въ противность всѣхъ другихъ мнѣній, говорилъ откровенно, чѣмъ, полагаю, и поставилъ всѣхъ членовъ противъ себя. А какъ помѣщики всѣ вообще по откупу были недовольны и даже отъ нихъ были доносы, то комитетъ занялся изслѣдованіемъ откупа; противъ чего, какъ дѣло касалось меня, я вначалѣ молчалъ, но когда увидѣлъ, что очень часто и почти каждое засѣданіе комитетъ занимался однимъ только откупомъ, нѣсколько разъ предлагалъ, чтобы такое дѣло, не касающееся комитета, передано было въ сенатъ, а комитетъ занялся бы предстоящею ему обязанностию».

«Между тѣмъ, еще при начальномъ моемъ вступленіи въ должность, крестьяне нѣсколькихъ донскихъ господъ оказали неповиновеніе и дошли до буйства, но я ихъ, однакоже, скоро усмирилъ и привелъ въ должное повиновеніе, а въ 1820 г. вновь, во многихъ донскихъ селеніяхъ, крестьяне оказали неповиновеніе и буйство. Я принялъ мѣры для прекращенія онаго и донесъ главному начальству о томъ и о моемъ предположеніи и послалъ чрезъ нарочнаго, который возвратился безъ отвѣта и доложилъ мнѣ словесно, что онъ, по приказанію полиціи, принужденъ былъ выѣхать въ самое короткое время. Генералъ Чернышевъ, въ маѣ 1820 года, препроводилъ ко мнѣ именное повелѣніе, коимъ неповиновеніе крестьянъ поручено прекратить ему, Чернышеву, а я чтобы дѣлалъ ему зависящее отъ меня пособіе. Въ это самое время у меня были готовы казачьи полки на перемѣну находящихся на кавказской линіи, которые я, по требованію генерала Чернышева, отдалъ въ полную его команду. Имѣя въ сборѣ большую часть полка, по древнему обыкновенію называемаго «атаманскимъ», которымъ тогда командовалъ отличный полковникъ Кирьяковъ, приказалъ ему спѣшить въ главному скопищу бунта, въ селеніе гг. Мартыновыхъ, Голодаевку¹⁾, такъ какъ бунтующіе крестьяне расположились въ са-

¹⁾ Самое большое селеніе въ Миусскомъ округѣ Донской области.

мой близкой дистанціи отъ онаго селенія лагеремъ. Распорядившись въ скорости умножить посланное мною наскоро число казаковъ изъ ближайшихъ казачьихъ селеній, я приказалъ принять всю оную команду извѣстному по храбрости и расторопности генераль-маіору Иловайскому, что и было исполнено немедленно и въ точности; но на другой или на третій день явился ко мнѣ, находящійся при генераль-адъютантѣ Чернышевѣ, генераль-маіоръ Богдановичъ ¹⁾ съ сообщеніемъ, что Чернышевъ вручаетъ ему, Богдановичу, эту часть казаковъ и чтобы я на это согласился, что, не находя противнымъ, я исполнилъ въ точности. Генераль Богдановичъ, по прибытіи къ своему мѣсту и какъ старшій уже генераль, неизвѣстно мнѣ почему, со всею своею командою отступилъ отъ селенія Голодаевки на нѣсколько верстъ, а генераль Чернышевъ, усмиряя въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ находился, крестьянъ, переправился черезъ Донъ со всѣми полками, спѣшилъ къ селенію Голодаевкѣ, присоединилъ къ нимъ гвардейскій казачій эскадронъ, роту артилеріи и пѣхотный регулярный полкъ, окружилъ главныхъ зачинщиковъ и усмирилъ ихъ».

По поводу засѣданій въ комитетѣ, Денисовъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Генераль Чернышевъ, изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ, какъ сдѣлалось мнѣ извѣстно, составилъ комисію скрытно отъ меня и нашли меня въ этихъ неурядицахъ, буйствахъ и неповиновеніи крестьянъ виновнымъ, а почему? Я и до-нынѣ не знаю. Комитетъ собрался и члены онаго начали заниматься, не должностью, а откупомъ, открывъ, что гг. К. и Ч. имѣютъ участіе въ откупѣ, они въ томъ и не таились, но оныя члены участвовали въ откупѣ только тѣмъ, что помогали откупщику деньгами и залогами. Объ этомъ было представлено генераль-адъютантомъ Чернышевымъ государю императору, почему и было повелѣно: гг. Карпова и Черевкова исключить изъ членовъ комитета, а вмѣсто нихъ опредѣлены генераль-маіоръ Алексѣй Васильевичъ Иловайскій и генераль-маіоръ Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ, которые въ засѣданіяхъ не дѣлали ни возраженій и не высказывали своихъ предположеній, а молчали и подписывали свои журналы. Чернышевъ уже рѣдко согласовался съ моимъ мнѣніемъ, а я, видя въ

¹⁾ Впоследствии предводитель донской межевой комисіи и сенаторъ; онъ велъ еженедѣльную переписку съ своимъ патрономъ, когда послѣдній получалъ званіе военнаго министра.

немъ нетвердыя познанія, какъ бытности казаковъ въ домахъ, такъ и въ военныхъ ихъ дѣйствіяхъ, принужденъ былъ оставаться при своихъ мнѣніяхъ».

По поводу объясненій въ неправильномъ направленіи вопроса о рыбной ловлѣ, въ «Запискахъ» встрѣчается: «Въ недавнія времена станица Старочеркасская приселила подъ именемъ «приписныхъ», но не военныхъ, изъ малороссійскихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и когда правительство, узнавъ объ ономъ, обратило въ казаки, то иные и населили станицы Аксайскую, Гниловскую, Елисаветовскую и др., ниже и ближе къ морю лежащія отъ Старочеркасса. По многочисленности своей, они такъ сѣтями запирали Донъ, что весною, въ вышеозначенные мѣсяцы, едва рыба проходитъ въ маломъ количествѣ за 200 верстъ отъ моря; въ другое же время она изъ моря вовсе не выходитъ. Этимъ и были по крайней мѣрѣ три части казаковъ лишены прежняго изобилія. Зная это, я предложилъ войсковой канцеляріи рассмотреть, и войсковая канцелярія, находя справедливымъ, чтобы всѣ донскіе казаки могли пользоваться рыбою, тѣмъ болѣе, что новопришельцы оною пользуются до обогащенія себя, а старожилы того лишены, сдѣлала распоряженіе о свободномъ проходѣ рыбы по всему Дону, не обижая другихъ».

Но обратимся къ врагу Денисова.

По поводу возмущенія крестьянъ, Чернышевъ писалъ государю Александру Павловичу: «Открывшееся незадолго передъ симъ, со всею строгостью изслѣдованное и счастливо усмиренное возмущеніе крестьянъ на Салу и въ Міусскомъ начальствѣ (уѣздѣ), къ сожалѣнію ясно доказываетъ, что главною причиною была неблагонамѣренность атамана. Упорное сопротивленіе словеснымъ и письменнымъ совѣтамъ моимъ, Болгарскаго, членовъ войсковой канцеляріи и прокурора о томъ, чтобы не оглашать въ войскѣ высочайшаго рескрипта отъ 18 декабря 1819 года; произведеніе сей огласки въ непристойномъ видѣ, разсѣяніе между крестьянами пагубной для нихъ копій съ отношенія его къ войсковому депутату ¹⁾; невнимательность къ пресѣченію дѣйствій сихъ копій въ самомъ началѣ; совершенное равнодушіе и слабость къ мѣрамъ войсковаго правительства и проч. Ежели по сему взять въ соображеніе то общее, безъ изъятія, всѣхъ членовъ и жителей войска внутреннее неуваженіе, недовѣрчивость и боязнь, которыя имѣютъ къ атаману служащіе и кои

¹⁾ Предводитель дворянства.

усиливаютъ поступки его, къ угнетенію цѣлой земли направленные, то и сіе можетъ служить доказательствомъ, способенъ ли онъ къ управленію и мирному общежитію; одинъ страхъ удерживаетъ изъявленіе къ нему общаго всѣхъ презрѣнія».

Въ заключеніе Чернышевъ предлагаетъ: 1) необходимость удалить Денисова отъ занятій въ комитетѣ, 2) главное начальствованіе войскомъ не слѣдуетъ поручать природному донцу¹⁾; 3) существующее повсюду зло и безпорядки требуютъ исправленія рѣшительнаго и твердаго, а оно никогда не можетъ быть произведено самими донскими чиновниками, безъ руководства сильнаго и твердаго.

Вслѣдъ затѣмъ Чернышевъ увѣдомляетъ Аракчеева, что по дѣлу объ откупѣ повезли взятку въ комитетъ министровъ, послѣ чего будто бы дѣйствія войсковаго атамана содѣлались наглѣе и рѣшительнѣе.

Повторяемъ, что кромѣ приведенной статьи «Низовые и верховые донскіе казаки» и предисловія, сдѣланнаго генераломъ Чеботаревымъ къ запискамъ Денисова, мы не имѣемъ данныхъ для оправданія атамана противъ сильнаго Чернышева, находившагося въ постоянной перепискѣ съ высоко-поставленными лицами. Денисовъ попробовалъ было защищаться и въ свою очередь, въ письмѣ къ Аракчееву отъ 10 апрѣля 1820 г., приводилъ слѣдующее: «Комитетъ открытъ 1 мая прошлаго 1819 года; но въ началѣ еще г. Чернышевъ объявилъ членамъ, что онъ генераль-адъютантъ государя императора и что слова его, которыя онъ именовалъ его величества объявлялъ, должны исполняться въ точности, посему члены комитета судили уже съ меньшею свободою и даже, когда увидѣли, что онъ, генераль Чернышевъ, нерѣдко судить голосомъ повелительнымъ и при возраженіяхъ другихъ явно показываетъ «неудовольствіе»... «Но не могу полагать другой причины, пишетъ онъ въ заключеніи, — какъ ту, что онъ съ прибытіемъ на Донъ думалъ найти во мнѣ начальника слабаго и управлять мною и комитетомъ, по своимъ положеніямъ».

Аракчеевъ отвѣчалъ съ свойственною ему жесткостью: «До сего времени я былъ для васъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ»

¹⁾ Эта мысль впервые была приведена въ исполненіе въ 1848 г. назначеніемъ Хомутова, бывшаго командира гвардейскаго гусарскаго полка. Съ 1864 г. и по-мощникъ атамана также назначается не изъ природныхъ донцевъ.

чуждый, посторонній. Ваше превосходительство не имѣли со мною никакой переписки съ самаго вступленія въ званіе войсковаго атамана. Можете представить, какъ я былъ изумленъ, увидя нынѣ, что вы не только пишете ко мнѣ, но избираете меня даже судьей дѣлъ вашихъ».

Уже по самому тону этого письма нельзя было ожидать благосклоннаго отношенія къ Денисову, и дѣйствительно Арачевевъ совѣтуетъ во всей точности исполнять высочайшую волю, объявляемую чрезъ таковаго генераль-адъютанта, который пользуется всеобщимъ довѣріемъ.

Письмо Денисова и отвѣтъ на него были препровождены въ копіи Чернышеву.

Между тѣмъ открылось возмущеніе донскихъ крестьянъ, усмиреніе которыхъ, какъ мы видѣли, было поручено Чернышеву, а это обстоятельство дало поводъ къ новымъ обвиненіямъ войсковаго атамана, который, по словамъ Чернышева, нарочно командировалъ вначалѣ лишь одинъ казачій полкъ, не могшій совладать съ крестьянами, черезъ что бунтъ охватилъ большую часть войска и даже перешелъ въ сосѣднія губерніи.

Еще до усмиренія крестьянъ, по представленію Чернышева, отрѣшенъ былъ отъ должности и отправленъ на Кавказъ дежурный штабъ-офицеръ (правитель канцеляріи) Денисова; затѣмъ смѣнены два члена комитета, а 28 марта 1820 года Чернышевъ передалъ атаману новый рескриптъ государя. Въ немъ, между прочимъ, говорится: «Къ сожалѣнію послѣдствія не оправдываютъ моего ожиданія. Я извѣщенъ только объ однихъ затрудненіяхъ, даже и по такимъ предметамъ, неужоснительное которыхъ разсмотрѣніе должно быть сообразно съ изъявленной мною волею. Не хочу думать, чтобы все происходило отъ другой причины, кромѣ недоразумѣнія вашего въ такомъ дѣлѣ, совершеніе коего должно возвысить славу войска и не менѣе послужить къ собственной чести вашей: иначе я бы невольнымъ образомъ заключить долженъ, что ни ваше званіе, ни ваша прежняя служба, не имѣютъ болѣе права на мою къ вамъ довѣренность въ семъ дѣлѣ».

По поводу этого высочайшаго рескрипта, Чернышевъ 3 мая 1820 года пишетъ Волконскому, что содержаніе его столь ясно и сильно упрекаетъ атамана въ поведеніи его, что должно бы поразить каждаго добросовѣстнаго и знающаго долгъ свой, и повидимому атаманъ былъ смущенъ и чувствовалъ справедливость словъ моихъ; но между тѣмъ, по словамъ Чернышева, Денисовъ не остановился ложно порицать двухъ членовъ, назна-

ченныя нынѣ государемъ, для присутствованія въ комитетѣ, на мѣстѣ откупщиковъ.

Дѣло объ откупѣ разсматривалось въ Петербургѣ и 21 января 1821 года послѣдовалъ по этому вопросу указъ сената, а въ этомъ правительственномъ распоряженіи говорилось, что комитетъ министровъ, по разсмотрѣннн дѣла о вновь введенномъ питейномъ откупѣ на Дону, безъ испрошенія на то дозволенія высшаго правительства и совершенно несогласнаго съ дарованными войску донскому привилегіями, при первомъ обзорѣнн онаго открылъ разныя злоупотребленія, при заключеніи контракта на сей откупъ. Внигнувъ же затѣмъ во всѣ подробности противозаконныхъ дѣйствій войсковою власти, комитетъ министровъ представилъ о необходимости немедленно отрѣшнть войсковаго атамана Денисова отъ настоящей должности и сдать дѣла наказному атаману ¹⁾, генералъ-маіору Иловайскому. Рескриптомъ 29 января того же года, Чернышевъ назначенъ председателемъ донскаго комитета.

Изъ дальнѣйшей переписки видно, что Денисовъ жаловался государю, не только на донской комитетъ, т. е. на Чернышева, но на сенатъ и на комитетъ министровъ; однакоже жалобы эти, преувождаемыя обыкновенно на предварительное заключеніе самого Чернышева, оставались безъ всякаго послѣдствія. Денисовъ и два члена комитета—откупщики отданы были подъ судъ; но по докладу Чернышева государю, они въ скоромъ времени были освобождены отъ суда и затѣмъ о Денисовѣ, до 1837 года, когда императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Новочеркасскъ, мы не встрѣчаемъ официальныхъ свѣдѣній. Желаніе Денисова представиться императору Николаю и лично передъ нимъ оправдаться осталось безъ уваженія. И понятно: въ это время Чернышевъ занималъ уже самый важный постъ въ государствѣ, будучи и военнымъ министромъ, и начальникомъ главнаго штаба. Темныя стороны характера Александра Ивановича Чернышева стали и шь въ послѣднее время описываться въ печати; но мы удержимся отъ обвиненій его въ доносахъ на своихъ родственниковъ-декабристовъ, доносахъ, сдѣланныхъ будто бы изъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Рано или поздно, правдивая исторія оцѣнитъ этого государственнаго дѣятеля, по его дѣйствительнымъ нравственнымъ качествамъ.

¹⁾ Наказный атаманъ завѣдывалъ гражданскою частью въ войскѣ. Въ настоящее время съ этимъ званіемъ сопряжены права губернатора, а со званіемъ войсковаго наказнаго атамана соединяются права генералъ-губернатора.

Что касается атамана Денисова, то объ умственномъ его образованіи, равно какъ о введенномъ имъ откупѣ и стѣсненіи низовыхъ казаковъ въ рыболовствѣ, мы высказали свое мнѣніе, привели и собственную его защиту. Денисова ставятъ высоко авторъ книги «Низовые и верховые донскіе казаки», отличавшійся всю свою жизнь гуманнымъ и прогресивнымъ направлениемъ, а также А. П. Чеботаревъ, издатель записокъ Андрияна Карповича. Что же касается разглашенія по Дону рескрипта государя Александра I по крестьянскому дѣлу, то мы, свидѣтели реформы 19 февраля 1861 года, можемъ лишь рукоплескать войсковому атаману, понимавшему, какъ видно, завѣтныя мысли монарха объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Денисовъ воспользовался императорскимъ рескриптомъ, чтобы облегчить положеніе донскихъ крестьянъ, бывшихъ по преимуществу потомками малороссійскихъ казаковъ.

Вотъ какъ заключаетъ біографію Денисова авторъ книги «Низовые и верховые донскіе казаки». Такимъ образомъ Андриянъ Карповичъ лишился возможности привести въ исполненіе любимый свой проектъ; а извѣстно, что проекты, въ особенности относящіеся до дѣла общественнаго, тогда только вполнѣ удаются, когда исполняются тѣми, которые о дѣлахъ этихъ имѣютъ надлежащее понятіе, но если они попадаютъ въ руки людей, коимъ чужды душевные мысли ихъ творца, то они часто выходятъ такими искаженными, что ихъ и узнать бываетъ невозможно. «Дѣйствительно, тотчасъ по удаленіи Денисова, по словамъ того же автора, сужденія въ комитетѣ начали слѣдовать по пути слишкомъ отдаленному отъ бывшихъ предположеній: глубокая таинственность засѣданій возбудила всеобщее опасеніе, что отъ комитета должно породиться много зла для донскаго края. Все это общественнымъ мнѣніемъ приписано было одному Денисову, который будто бы единственно по своей страсти въ преобразованіямъ и нововведеніямъ, по своей мечтательности и фантазерству, накликалъ комитетъ на свою голову и на войско Донское; даже дозволяли себѣ толковать о небывалыхъ, своекорыстныхъ расчетахъ Денисова для личныхъ выгодъ или, по крайней мѣрѣ для его излюбленной чиги, т. е. верховыхъ казаковъ. И теперь еще ¹⁾, когда всѣ увидѣли, что комитетъ принесъ войску много пользы и добра, которое было бы еще болѣе, если-бы Андриянъ Карповичъ, близко и подробно знавшій всѣ

¹⁾ Авторъ писалъ въ 1860 году.

потребности края, могъ достигъ всѣхъ благородныхъ своихъ стремленій; даже теперь еще осыпаютъ уворизнами этого страдальца общей пользы и не хотятъ оцѣнить, что для блага Дона онъ забылъ о самомъ себѣ, рѣшился ограничить власть свою и принесть въ жертву свою славу и счастье своей жизни».

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ официальной перепискѣ мы нашли предложеніе отставнаго генерал-атамана Денисова заплатить автору 2,000 р. за описаніе дѣяній Платова и другихъ донскихъ генераловъ. Едва-ли Андріянъ Карповичъ рѣшился бы жертвовать деньги на описаніе собственной личности, если-бы она оказалась запятанною порочными дѣйствіями.

Прежде нежели сдѣлать выводъ объ атаманѣ Денисовѣ, считаемъ умѣстнымъ привести приказъ его, отданный по войску, при вступленіи его въ должность войсковаго атамана. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этомъ призывѣ къ донцамъ, 26 августа 1818 года.

«А я, призвавъ Бога въ помощь, обѣщалъ вамъ всѣми способами пещись объ истинѣ, дабы никто изъ васъ и ни отъ кого не былъ обиженъ; въ особенности же защиту сиротамъ и вдовамъ, бѣднымъ и немощнымъ». «Гг. начальниковъ и станичныхъ правленій прошу содѣйствовать мнѣ къ доставленію общаго блага, бывъ удостовѣренъ, что общее благо будетъ предпочтено частному».

Даже слѣдя за изложеннымъ нами, читатель придетъ къ заключенію, что приказъ этотъ былъ въ дѣйствительности выполненъ Денисовымъ, который задался мыслью содѣлаться для Дона тѣмъ, чѣмъ стремился Сперанскій сдѣлаться для всей Россіи. Мы даже не можемъ сказать, по плечу-ли была таковая задача для войсковаго атамана, получившаго поверхностное образованіе, но взамѣнъ того обладавшаго здравымъ смысломъ, необыкновенною энергіею, а главное—глубокимъ пониманіемъ интересовъ управляемаго имъ народа. Къ сожалѣнію, на своемъ законодательномъ пути онъ встрѣтилъ личность еще болѣе энергичную, но съ болѣе молодыми силами, съ ненасытнымъ честолюбіемъ и притомъ главное,—близко стоявшаго къ императору, съ самаго начала царствованія проводившаго въ государственныхъ учрежденіяхъ бюрократическія начала. Мы не отвергаемъ того, что, по крайней мѣрѣ въ первые годы участія въ донскомъ законодательномъ учрежденіи, Чернышевъ стремился ко благу казаковъ и былъ далекъ отъ той мысли, что главнѣйшею своею задачею онъ поставилъ занять постъ войсковаго атамана; уже въ то

время онъ мѣтилъ гораздо дальше. Мы также вполне раздѣляемъ мнѣніе Чернышева о необходимости еще долгое время назначенія главныхъ начальниковъ казаковъ изъ постороннихъ войску лицъ, потому что атаманы изъ казачьихъ уроженцевъ, по свойственной каждому человѣку слабости, въ большей части, окружаютъ себя родственниками, не всегда способными и добросовѣстными въ исполненіи своего гражданскаго долга.

Чернышевъ, въ стремленіи къ общественному благу, пользуясь довѣріемъ правительства, дѣйствовалъ какъ каждый добросовѣстный администраторъ: онъ изучилъ исторію и статистику Донскаго края; но затѣмъ уже, не спрашивая мнѣнія людей компетентныхъ, напримѣръ, выборныхъ, и на основаніи лишь кабинетнаго знакомства съ своеобразнымъ краемъ, онъ предпринялъ составленіе для него законодательства. Правда, что большинство администраторовъ и того не дѣлаютъ. Современемъ, можетъ быть, Чернышевъ и полюбилъ казаковъ привязанностью няньки; но бесспорно, что какъ предсѣдатель комитета и потомъ военный министръ, Чернышевъ не могъ ознакомиться подробно съ нравами и обычаями казаковъ, а ломка этихъ обычаевъ всегда тяжело вліяетъ на общественное благосостояніе. Андріанъ же Карповичъ былъ самъ донскимъ казакомъ и любилъ своихъ родителей, какъ отецъ—семейство; онъ ближе, т. е. съ практической стороны, зналъ ихъ дурныя и хорошія стороны и стремился къ общественному благу по влеченію своей души, безъ всякихъ предвзятыхъ честолюбивыхъ замысловъ, ибо высокой постъ войскаго атамана Дона былъ для него послѣднею ступенью.

Н. Красновъ.

САМОПОМОЩЬ ВЪ АНГЛИИ.

Въ общественно-экономической литературѣ западной Европы, а отчасти и Россіи, кооперативныя товарищества играли когда-то немаловажную роль. Дѣлались, какъ извѣстно, многочисленныя практическія попытки привить къ современной промышленной жизни эту форму экономическихъ предпріятій. Частные люди и государственные дѣятели смотрѣли на кооперативныя ассоціаціи, какъ на мѣднаго змія, долженствовавшаго избавить Европу отъ страшной язвы пауперизма и придать общественному механизму прочность и устойчивость.

Впрочемъ, у государственныхъ дѣятелей къ такому взгляду на товарищества примѣшивалась значительная доза различныхъ «соображеній минуты», въ родѣ необходимости заручиться поддержкою со стороны бѣднѣйшей части населенія и т. п. Но какъ-бы то ни было, государство подавало руку коопераціямъ и оказывало имъ нѣкоторую матеріальную поддержку. Кооперативныя товарищества не оправдали, однако, возлагавшихся на нихъ ожиданій. Они или не прививались совсѣмъ, или не оказывали того всеисцѣляющаго дѣйствія, какое приписывали имъ «друзья человѣчества». Нищета оставалась нищетою, по прежнему возбуждая ужасъ въ однихъ, недовольство и озлобленіе въ другихъ. Противъ старой органической болѣзни стали придумывать новыя лекарства, постепенно забывая о коопераціяхъ.

Въ настоящее время, на континентѣ Европы немного уже найдется людей, въ родѣ итальянскаго профессора Франческо Вигано, «энергическаго и преданнаго сторонника кооперацій»,

видящаго въ нихъ ключъ къ «братству людей». Но въ Англии кооперативныя товарищества пустили болѣе глубокіе корни, и тамъ до сихъ поръ въ ихъ пользу ведется весьма дѣятельная агитація.

Опубликованный въ «Journal des Economistes» отчетъ о состояніи англійскихъ кооперативныхъ товариществъ, втеченіи десятилѣтія 1868—1878 гг., указываетъ на значительный прогрессъ въ ихъ матеріальномъ благосостояніи.

Мы хотимъ познакомить русскихъ читателей съ положеніемъ, организаціей и взаимными отношеніями англійскихъ кооперативныхъ товариществъ. Мы воспользуемся данными, сообщенными названнымъ выше журналомъ и, въ свою очередь, заимствованными имъ изъ отчета, представленнаго на конгрессъ этихъ товариществъ, собравшійся въ маѣ прошлаго года, въ Нью-Кэстлѣ на-Тайнѣ. Затѣмъ мы постараемся оцѣнить значеніе этихъ данныхъ и сдѣлать, на основаніи ихъ, тѣ или другіе выводы.

Какъ видно изъ отчета этого, 12-го конгресса, кооперативныя товарищества привились, хотя и не въ одинаковой степени, ко всѣмъ сторонамъ промышленной жизни Англии. Наибольшаго распространенія достигли потребительныя асоціаціи, считающія свои капиталы десятками миліоновъ франковъ.

Число членовъ ихъ простирается до нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Въ общемъ, организація этихъ предпріятій можетъ быть подведена подъ два главные типа. Первымъ служитъ знаменитое общество рочдѣльскихъ пионеровъ. Товарищества этого типа покупаютъ продукты en gros и продаютъ ихъ въ розницу по рыночной цѣнѣ. Прибыль, равняющаяся разности между оптовой и розничной цѣнами продуктовъ, распредѣляется, въ извѣстные сроки, между акціонерами общества и его покупателями. Въ численномъ отношеніи, такого рода товарищества могутъ считаться преобладающими и состоятъ, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ.

Другаго типа потребительныя асоціаціи образуются мелкими чиновниками и мелкой буржуазіей. Ихъ отличительнымъ признакомъ можетъ считаться продажа товаровъ почти по оптовой цѣнѣ. Дѣлается только незначительное повышеніе ея для покрытія издержекъ по веденію предпріятія. Число членовъ такихъ асоціацій, называемыхъ въ Англии Civil Service Societies, доходитъ лишь до 9,000 человекъ, изъ которыхъ 4,710 приходится собственно на Англию и 4,207 на Шотландію.

Кромѣ потребительныхъ асоціацій существуютъ еще общества: оптовой торговли (такъ называемыя Wholesales), кредитныя (банки английской Wholesales), производительныя, land and building societies, имѣющія цѣлью покупку земельныхъ участковъ и постройку на нихъ домовъ, переуступаемыхъ затѣмъ кому нибудь изъ членовъ общества. Специальное товарищество взяло на себя изданіе Co-operative News, органа, на которомъ лежитъ обязанность разработки и пропаганды принципа коопераціи.

Не довольствуясь этимъ, на послѣднемъ конгрессѣ кооперативныхъ асоціацій рѣшено издавать ежемѣсячный журналъ для болѣе глубокой и разносторонней разработки этого принципа.

Дѣлами кооперативныхъ товариществъ завѣдуютъ нанятыя прихвачики. Застрахованіе асоціацій отъ недобросовѣстности послѣднихъ также беретъ на себя особое товарищество. Какъ пользуются онѣ его услугами, видно изъ того, что въ 1879 г. въ кассу его поступило болѣе 12,200 фр., въ видѣ платы за этотъ своеобразный видъ страхованія.

Для упроченія сношеній между обществами существуетъ такъ называемое Central Co-operative Board (центральное бюро кооперативныхъ товариществъ), подраздѣляющееся на пять отдѣленій: 1) сѣверо-восточное, 2) сѣверо-западное, 3) шотландское, 4) центральное и 5) южное. Бюро завѣдуетъ также названнымъ выше печатнымъ органомъ кооперативныхъ товариществъ, собираетъ статистическія свѣдѣнія о ходѣ ихъ дѣлъ и представляетъ на конгрессы отчеты о ихъ состояніи.

Не смотря на значительный застой, обнаружившійся въ послѣднее время въ промышленности и торговлѣ, дѣла английскихъ кооперативныхъ товариществъ не потерпѣли сколько нибудь чувствительнаго ущерба. Въ 1878 г. число собственно-английскихъ товариществъ доходило до 1,069, шотландскихъ— до 276. Эта цифра представляетъ уменьшеніе сравнительно съ предшествующимъ годомъ, когда названныхъ товариществъ считалось 1,139 въ Англии и 310 въ Шотландіи. Но это уменьшеніе числа асоціацій не указываетъ на ихъ упадокъ. Общее число ихъ членовъ не только не уменьшилось, но поднялось—въ Англии съ 442,093 (1877 г.) до 463,801 (1878 г.), въ Шотландіи—съ 66,717 (1877 г.) до 69,981 (въ 1878 г.). Уменьшеніе же числа асоціацій должно быть отнесено на счетъ сліянія ихъ между собою.

Что же касается ихъ матеріальнаго положенія, то оно выражается въ слѣдующихъ, весьма почтенныхъ, цифрахъ:

	Англія.	Шотландія.
Капиталовъ въ оборотахъ	131.936,050 фр.	9.525,700 фр.
На текущемъ счетѣ	16.938,957 >	4,505,200 >

Наибольшее число оборотовъ приходится на долю потребительныхъ ассоціацій рочдальскаго типа, которыя продали въ теченіи 1878 г. на 316.448,425 фр. въ Англіи и на 45.539,925 фр. въ Шотландіи.

Общества типа Civil Service сдѣлали оборотовъ на 34.662,050 фр. въ Англіи и на 2.667,675 фр. въ Шотландіи. Наконецъ, англійское общество оптовой торговли (Wholesales) совершило продажъ на 67.471,300 фр., шотландское—на 15.180,975 фр.

Чистая прибыль обществъ рочдальскаго типа простирается до 35.646,950 фр.; общество Civil Service выручило 960,975 фр.; общество оптовой торговли—856,050 фр.

Цифры эти относятся къ одной только Англіи. Въ Шотландіи на долю обществъ перваго типа пришлось 5.698,100 фр.; на долю втораго (Civil Service)—107,325, и, наконецъ, общество оптовой продажи получило чистой прибыли 215,325 фр.

Дѣла производительныхъ ассоціацій находятся далеко не въ такомъ блестящемъ состояніи. Въ 1878 году ихъ было только 18 въ Англіи и 5 въ Шотландіи. Число членовъ ихъ равнялось 3,000 въ первой изъ названныхъ сторонъ и 581 во второй. Ихъ капиталы, обороты и прибыли выражаются въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ:

	Англія.	Шотландія.
Капиталь въ оборотахъ	2.498,800 фр.	138,500 фр.
На текущемъ счетѣ	2.475,100 >	108,225 >
Сумма продажъ	5.616,950 >	345,800 >
Чистая прибыль	70,300 >	46,275 >

Банкъ англійскаго кооперативнаго товарищества оптовой продажи, въ 1878 году, получилъ взносовъ на 132.647,400 фр.; выплатилъ 132.032,535 фр., получилъ прибыли 36,000 фр.

Въ такомъ положеніи были англійскія кооперативныя товарищества въ концѣ 1878 года. Сравнивая вышеприведенныя цифры съ данными, относящимися къ 1868 году, мы увидѣли бы, что въ послѣднее десятилѣтіе кооперативныя ассоціаціи въ Англіи и Шотландіи сдѣлали огромный шагъ впередъ, въ отношеніи числа членовъ и матеріальныхъ средствъ. Хотя число обществъ и уменьшилось за это время съ 1242 до 1181, но число членовъ возросло въ 2½ раза, а оборотный капиталъ увеличился почти втрое; на текущемъ счетѣ, къ концу 1878 года,

было почти въ четыре раза болѣе, чѣмъ десять лѣтъ назадъ. Чистой прибыли выручено, въ 1878 г., болѣе, чѣмъ въ 4 раза сравнительно съ 1868 годомъ.

Не нужно забывать, что въ послѣдніе годы кооператорамъ приходилось считаться съ отрицательнымъ вліяніемъ торгово-промышленнаго застоя и связаннаго съ нимъ пониженія цѣнъ товаровъ.

Такіе успѣхи самымъ ободряющимъ образомъ дѣйствуютъ на кооператоровъ. По словамъ епископа Дургамскаго, говорившаго рѣчь на конгресѣ, по приглашенію Central Cooperative Board, государственные люди и реформаторы должны считаться съ кооперативными товариществами, какъ съ важными социальными факторами. На парламентскихъ выборахъ прошлаго года кооператоры выставили даже своихъ кандидатовъ въ Салисбюри и въ лондонскомъ Сити. Но на этомъ поприщѣ ихъ ожидало пораженіе.

Успѣхи потребительныхъ асоціацій давно уже возбуждали ненависть купцовъ, для которыхъ возможно большее раздѣленіе производителей отъ потребителей составляетъ прямой и притомъ прекрасно сознаваемый ими интересъ.

На выборахъ же прошлаго года купцы объявили открытую войну кооператорамъ, и ихъ сопротивленіе послужило причиною пораженія кандидатовъ, сторонниковъ коопераціи. Въ этой ненависти, разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго.

Кромѣ прямаго, часто весьма значительнаго повышенія цѣнъ товаровъ, мелочные торговцы изваливаютъ на потребителей нѣчто въ родѣ косвеннаго налога, продавая продукты низкаго достоинства, обмѣривая, обвѣшивая и т. д. Кооперативныя же товарищества продаютъ болѣе доброкачественные товары и по болѣе низкой цѣнѣ. Общества рочдальскаго типа назначаютъ, правда, на свои продукты рыночную цѣну, но за то ихъ покупатели участвуютъ въ выгодахъ предпріятія. Общества же Civil Service прямо продаютъ по оптовой цѣнѣ, и потому являются еще болѣе опасными конкурентами. Вотъ почему ненависть торговцевъ въ особенности обрушивается на товарищества этого вида. Конкуренція кооперативныхъ асоціацій тѣмъ болѣе неприятна для торговцевъ, что выходитъ изъ среды, самымъ положеніемъ своимъ обязанной, по ихъ мнѣнію, служить ихъ обогащенію. Такого взгляда на публику держатся не одни мелочные торговцы. Товарищество для застрахованія кооператоровъ отъ огня и недобросовѣстности ихъ прикащиковъ желало, въ свою очередь, быть застрахованнымъ въ обществѣ застрахованія самихъ страховыхъ компаній. Ему до тѣхъ поръ отказывали въ его просьбѣ,

пока оно не исключило изъ своего устава параграфа, допускающаго застрахованныхъ къ участию въ прибыли его предприятия.

Впрочемъ, при известной солидарности, кооператоры могли бы не бояться враждебнаго отношенія къ нимъ торговцевъ. Не смотря на промышленный кризисъ, шотландское общество оптовой продажи увеличило свои обороты, въ 1878 г., на $3\frac{1}{2}\%$. сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, благодаря тому, что большее число обществъ мелочной продажи стало обращаться къ нему для закупки товаровъ. Главная бѣда заключается въ томъ, что кооперативныя товарищества до сихъ поръ мало проявляли солидарности и взаимной поддержки; да и въ будущемъ не проявятъ ихъ, какъ намъ кажется, въ болѣе значительной степени. Какъ видно изъ отчета о конгрессѣ, кооператоры сами сознаютъ этотъ недостатокъ во взаимныхъ отношеніяхъ ассоціацій и искиваютъ способы къ его исправленію. Вопросъ объ отсутствіи взаимной помощи между товариществами прежде другихъ былъ поднятъ на конгрессѣ. Оказалось, что болѣе двухъ третей обществъ не принадлежатъ къ союзу кооперативныхъ товариществъ, который представляетъ собою единственную попытку, такъ или иначе, регулировать ихъ взаимныя отношенія.

Приведенныя выше статистическія цифры заимствованы были довлдчиками изъ правительственной статистики, потому что многія общества даже не сочли нужнымъ прислать свои отчеты въ Central Co-operative Board. Въ 1878 г. такое равнодушіе къ союзу проявило 16% англійскихъ и 26% шотландскихъ ассоціацій.

Но и примыкающія къ союзу общества мало интересуются судьбою другъ друга.

Нѣкто Свеллоу, читавшій на конгрессѣ записку о производительныхъ товариществахъ, жалуется, что потребительныя ассоціаціи не оказываютъ имъ никакой поддержки. «Онѣ предпочитаютъ покупать свои товары у обыкновенныхъ торговцевъ». Тотъ же упрекъ дѣлаетъ онъ обществамъ оптовой продажи. Поставляя товары обществамъ мелочной продажи, они покупаютъ ихъ у обыкновенныхъ торговцевъ и тѣмъ дѣлаютъ огромную конкуренцію производительнымъ ассоціаціямъ.

Оправдываясь отъ этихъ упрековъ, представители обществъ оптовой торговли заявили, что послѣднія дѣлаютъ все возможное для поддержки производительныхъ товариществъ, но, разумѣется, могутъ покупать лишь тѣ товары, на которые существуетъ спросъ въ публикѣ.

Производительнымъ ассоціаціямъ пришлось, въ свою очередь,

выслушать довольно странный упрекъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ на конгресѣ делегатовъ замѣтилъ, что онѣ слишкомъ много заботятся о доброкачественности товаровъ и слишкомъ мало объ ихъ внѣшности.

Капиталистическое производство предъявляетъ кооператорамъ свои требованія и законы, отъ которыхъ не избавятъ ихъ никакія сантиментальныя пожеланія, никакія рѣшенія конгресса о необходимости взаимной поддержки. Кооперативныя асоціаціи не имѣютъ въ виду устраненія капиталистической продукціи и связанныхъ съ нею анархіи въ производствѣ и конкуренціи между производителями. На конгресѣ нынѣшняго года епископъ Дургамскій сказалъ даже нѣсколько похвальныхъ словъ въ пользу конкуренціи, которая составляетъ, по его мнѣнію, необходимое условіе доброкачественности продуктовъ. Принимая извѣстный принципъ, нельзя жаловаться на вытекающія изъ него послѣдствія. «Weg A sagt, muss auch B sagen» — говорятъ нѣмцы.

Вотъ почему упроченіе солидарности между асоціаціями является намъ дѣломъ совершенно безнадежнымъ, при современныхъ условіяхъ производства.

Чтобы мнѣніе наше не показалось голословнымъ, рассмотримъ подробнѣе, какія цѣли преслѣдуютъ кооперативныя асоціаціи и какіе шансы имѣютъ онѣ для ихъ достиженія.

II.

Кооператоры придаютъ своему дѣлу огромное значеніе. По словамъ доктора Стэнтона, говорившаго рѣчь наканунѣ открытія конгресса, кооперативныя товарищества «могутъ вывести народъ изъ нищеты». Епископъ Дургамскій утверждалъ, что онѣ поведутъ за собою «болѣе равномерное распредѣленіе капитала въ массѣ народа». Хотя эти мнѣнія высказаны людьми, непринимающими прямого участія въ кооперативныхъ предпріятіяхъ, но они совершенно совпадаютъ со взглядами кооператоровъ. Уже упомянутый нами Свеллоу высказываетъ, въ читанной имъ запискѣ, мысль, что производительныя асоціаціи «избавятъ рабочихъ отъ гнета капитала». Все это нисколько не удивительно. Асоціаціи не достигли бы той степени относительнаго процвѣтанія, о которой можно судить по вышеприведеннымъ цифрамъ, если-бы ихъ инициаторы не вѣрили въ важное значеніе своего дѣла. Но на тѣхъ, кто стоитъ отъ него въ сторонѣ и имѣетъ

возможность отнести въ нему объективно, дѣло это должно производить, какъ намъ кажется, нѣсколько иное впечатлѣніе. Странно было бы думать, что первородный грѣхъ современнаго пролетаріата—вѣнчанные средствъ и орудій производства, можетъ быть искупленъ распространеніемъ въ его средѣ потребительныхъ ассоціацій.

Пока онѣ составляютъ исключительное явленіе въ организаціи торговли, онѣ могутъ, правда, создать привилегированное положеніе для небольшой горсти рабочихъ. Но эта капля относительнаго благосостоянія не уничтожитъ моря нищеты, въ которомъ утопаютъ современный англійскій рабочий.

Скопивъ небольшой капиталецъ, горсть счастливецъ тотчасъ же выдѣлится изъ остальной массы рабочихъ. Составляющія эту горсть единицы будутъ фигурировать уже въ качествѣ мелкихъ капиталистовъ, и роговою силою экономической необходимости превратятся въ эксплуататоровъ своихъ недавнихъ собратьевъ по нищетѣ. Довзательствомъ этому могутъ служить слова самихъ же кооператоровъ. Представитель одного изъ производительныхъ товариществъ, нѣкто Гринвудъ, упрекалъ на конгрессѣ англійское общество оптовой продажи (Wholesale) въ томъ, что всѣ выгоды предпріятія предоставляются имъ капиталу, трудъ же оплачивается по рыночной цѣнѣ.

Оправдываясь отъ всѣхъ другихъ упрековъ, представители Wholesale ни единымъ словомъ не опровергли этого обвиненія. Впрочемъ, что касается обществъ этого рода, то едва-ли самъ Дургамскій епископъ сталъ бы утверждать, что онѣ способны «повести къ болѣе равномерному распредѣленію капитала въ массѣ народа». Слишкомъ уже очевидно, что онѣ представляютъ собою не болѣе, какъ обыкновенныя торговыя компаніи, не имѣющія ничего общаго съ такими возвышенными задачами. Англійское общество оптовой продажи «оптомъ» же позунаетъ свои «рабочія руки». Оно имѣетъ цѣлыя фабрики и заводы, какъ, напримѣръ, фабрика обуви въ Лейчестерѣ. Мы видѣли уже, что при покупкѣ «рукъ» оно справляется лишь съ ихъ рыночными цѣнами. Общества мелочной продажи отличаются въ этомъ отношеніи не меньшею практичностью. Рочдальскіе пионеры давно уже превратили свое общество въ акціонерную компанію мелкихъ капиталистовъ и пошли по избитой дорожкѣ эксплуатаціи наемнаго труда.

Иначе и быть не могло. Потребительныя ассоціаціи совершенно не затрагиваютъ отношеній труда къ капиталу. Онѣ ка-

саются пролетарія, не какъ продавца рабочей силы, но какъ покупателя извѣстныхъ продуктовъ.

Цѣль ихъ заключается въ возможно большемъ пониженіи цѣны послѣднихъ. Чтобы имѣть «покупательную силу» для ихъ приобрѣтенія, рабочій долженъ предварительно продать на рынкѣ свои «руки». Капиталистъ покупаетъ этотъ единственный товаръ, находящійся въ распоряженіи рабочаго, какъ покупаетъ онъ машины, сырой матеріалъ, словомъ, какъ всякій другой товаръ, вынесенный на рынокъ. Извѣстно, что рыночная цѣна товаровъ опредѣляется стоимостью ихъ воспроизведенія. Значить, чѣмъ дешевле будетъ стоить содержаніе рабочаго, чѣмъ менѣе потребуется затратъ для воспроизведенія рабочей силы, тѣмъ ниже упадетъ ея цѣна. Это есть такъ называемый желѣзный законъ заработной платы, по которому она никогда не поднимается выше уровня, необходимаго для удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей рабочаго. Отсюда ясно, что если-бы потребительныя товарищества привились во всей массѣ народа, то имъ все-таки не удалось бы «вывести его изъ нищеты». Удешевляя содержаніе рабочаго, онѣ пропорціонально этому понизили бы его заработную плату. Въ барышахъ остались бы только капиталисты. Ясно также, что дороговизна продуктовъ должна находить свой противовѣсъ въ повышеніи заработной платы. Пока трудъ останется товаромъ, всѣ попытки «избавить его отъ гнета капитала» также останутся безплодными. Поэтому мы не будемъ останавливаться долѣе на потребительныхъ асоціаціяхъ, а перейдемъ къ тому виду кооперации, который имѣетъ въ виду поставить рабочаго въ независимое положеніе относительно капиталиста. Мы говоримъ о производительныхъ товариществахъ.

Выше мы видѣли уже, что дѣла ихъ находятся далеко не въ блестящемъ положеніи. Свеллоу жалуется, что, не смотря на резолюціи конгрессовъ, организація новыхъ товариществъ крайне туго подвигается впередъ. «Какъ будто какое-то таинственное препятствіе стоитъ на ихъ пути», восклицаетъ онъ въ удивленіи. Въ самомъ дѣлѣ, число этихъ асоціацій въ Англіи и Шотландіи не превышаетъ 23, прибыль ихъ едва достигаетъ 120,000 фр. Но въ чемъ же заключается причина ихъ неудачъ? Правъ ли Свеллоу, видящій въ ней что-то «таинственное»? Послушаемъ, что говорятъ сами кооператоры объ условіяхъ, необходимыхъ для возникновенія и успѣха этого рода предпріятій. По словамъ представителя одного изъ производительныхъ товариществъ,

Форма, заводить ихъ, вообще, нетрудно. Нужно только имѣть способную администрацію и достаточный капиталъ. Такимъ образомъ, чтобы «вывести народъ изъ нищеты», нужно заводить производительныя ассоціаціи. А чтобы быть въ состояніи ихъ заводить, народъ долженъ «имѣть достаточный капиталъ», т. е. выйти «изъ нищеты».

Но если выходъ англійскаго пролетаріата изъ его современнаго бѣдственнаго положенія не только возможенъ, но даже необходимъ ранѣе заведенія производительныхъ ассоціацій, то онѣ теряютъ *raison d'être*, какъ рецентъ противъ «нищеты», «гнета капитала надъ трудомъ» и т. п. Что сказать о лекарствѣ, принимать которое можно только по выздоровленіи? Указываетъ ли прописывающій его врачъ на средство излеченія болѣзни, и нужны ли здоровому какія нибудь лекарства? Откуда возьмется у рабочихъ достаточный капиталъ — объ этомъ англійскіе кооператоры умалчиваютъ. Рабочимъ рекомендуютъ обзавестись имъ и прибавляютъ, что съ «капиталомъ» они легко добьются своего «освобожденія». Но вѣдь рабочій продаетъ свой трудъ ради «хлѣба насущнаго». Этой продажей онъ выручаетъ лишь необходимое для удовлетворенія минимума своихъ потребностей. Нужно чудо, виѣшательство сверхъестественныхъ силъ, чтобы, при такихъ условіяхъ, рабочій классъ, въ его цѣломъ, могъ увидать въ своихъ рукахъ не только «достаточный», но и вообще какой-бы то ни было капиталъ. А такъ какъ въ экономической жизни общества чудесъ не бываетъ, то удивляться приходится не тому, что рабочіе не заводятъ производительныхъ ассоціацій, а тому, что Свеллоу находитъ это удивительнымъ.

Что недоступно классу, возможно, конечно, для отдѣльныхъ единицъ. Счастливая комбинація обстоятельствъ можетъ помочь имъ выбиться изъ нищеты, но мѣста ихъ недолго останутся вакантными; нищета не уменьшится въ своихъ размѣрахъ, и, по прежнему, ея рубища будутъ требовать отъ общества рѣшенія роковаго вопроса.

Но оставимъ точку зрѣнія самопомощи, на которой стоятъ англійскіе кооператоры, и предположимъ, что путемъ государственной помощи рабочіе приобрѣли средство для заведенія ассоціацій. Допустимъ также, что производительнымъ ассоціаціямъ удалось одержать побѣду надъ капиталистами и совершенно вытѣснить современный строй промышленныхъ предпріятій. Тогда конкуренція, и нынѣ уже замѣчаемая между различными видами товариществъ, достигла бы своего апогея. Современная эконо-

мическая борьба «каждаго противъ всѣхъ» замѣнилась бы взаимной борьбою асоціацій, нисколько не утративъ своего ожесточеннаго характера. Послѣдствія борьбы также остались бы неизмѣнными; тогда, какъ и теперь, она ованчивалась бы торжествомъ сильнѣйшихъ и гибелью слабѣйшихъ, въ экономическомъ смыслѣ этихъ эпитетовъ. Потерпѣвшія поражение группы лишились бы связующаго ихъ цемента, т. е. «достаточнаго» для веденія самостоятельнаго предпріятія капитала. Членамъ ихъ осталось бы «брести розно» и затагивать старую пѣсню, нести на рынокъ свои руки. Ихъ болѣе счастливые соперники не преминули бы, разумѣется, воспользоваться выгоднымъ предложеніемъ. Они стали бы покупать трудъ побѣжденныхъ, потому что, вступая въ борьбу, не имѣли бы въ виду отказываться отъ результатовъ своей побѣды. Мало-по-малу, производительныя асоціаціи заняли бы мѣсто капиталистовъ, отъ гнета которыхъ онѣ должны были избавить рабочихъ. Государству оставалось бы или спокойно созерцать это превращеніе, или постоянно давать новыя ссуды обанеротившимся товариществамъ.

Чтобы не соперничать другъ съ другомъ, асоціаціямъ пришлось бы поставить производство въ тѣсную связь съ опредѣленнымъ заранее спросомъ со стороны потребителей. Нужно было бы, кромѣ того, такъ организовать распределеніе, чтобы продукты не являлись болѣе въ формѣ товаровъ. Но кооператоры вовсе не думаютъ объ этомъ. На ихъ конгрессахъ раздаются даже, какъ мы видѣли, похвальные отзывы о конкуренціи. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что и производительнымъ асоціаціямъ не суждено рѣшить вопроса о «ничетѣ». Ихъ организаторы не обладаютъ даже необходимою для его рѣшенія степенью пониманія современныхъ экономическихъ отношеній.

Послѣ сказаннаго о двухъ главнѣйшихъ видахъ кооперативныхъ товариществъ, мы можемъ лишь кратко коснуться прочихъ разновидностей. Интереснѣйшими изъ нихъ являются *land and building associations*, т. е. общество для покупки земельныхъ участковъ и возведенія на нихъ домовъ. Онѣ заслуживаютъ вниманія, главнымъ образомъ, потому, что на нихъ не однажды указывали, какъ на средство разрѣшенія квартирнаго вопроса.

Заигрывая съ рабочими, Наполеонъ III оказывалъ даже государственную помощь этого рода предпріятіямъ. Но его попытки послужили лишь къ обогащенію нѣсколькихъ спекулянтовъ и никакого «вопроса» не разрѣшили. Англійскія строительныя общества, какъ и всѣ остальные, основаны на прин-

щипъ самопомощи. Построенные ими дома сдаются въ наемъ желающимъ членамъ. Нѣсколько повышенная наемная плата частью взимается въ видѣ процента на затраченный капиталъ, частью идетъ на его погашеніе. Сроку погашенія равняется 20—25 годамъ, по истеченіи которыхъ наниматель становится полнымъ собственникомъ дома. Все это, конечно, хорошо, но только не для рабочаго. Современный западно-европейскій пролетарій не можетъ принимать на себя такихъ долгосрочныхъ обязательствъ, такъ какъ онъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ прочности своего положенія. Колебанія промышленности, даже простой капризъ надсмотрщика могутъ выбросить его на улицу, и перспектива обладанія домомъ разлетится какъ дымъ. Этою непрочною положеніемъ обуславливается для современнаго рабочаго невозможность навсегда поселиться въ данной мѣстности. Онъ долженъ переходить съ мѣста на мѣсто, сообразно съ состояніемъ рынка, на которомъ онъ продаетъ свой трудъ, сообразно съ спросомъ на его «руки». Въ 20—25 лѣтъ, которыя необходимы для выкупа дома въ полную собственность, онъ можетъ нѣсколько разъ перейти не только изъ одного города въ другой, но даже изъ одного государства въ другое. Это хорошо понимаютъ сами строительныя общества. Въ своихъ рекламахъ и объявленіяхъ онѣ рѣдко даже упоминаютъ о рабочихъ¹⁾. Большею частью, эти общества образуются мелкой буржуазіей: прикащиками, фабричными надсмотрщиками, мелкими торговцами и тому подобнымъ людомъ, рассчитывающимъ свопить подъ старость небольшой капиталецъ и превратиться въ рантье.

Болѣе интереса представляютъ попытки устройства такъ называемыхъ «асоцірованныхъ жилищъ». Изъ книги г. Михайлова: «Ассоціаціи» читателямъ извѣстно, что нѣкто Годэнъ-Лемеръ, крупный фабрикантъ въ Гизѣ, во Франціи, построилъ такъ называемую «фамилистерію» для своихъ рабочихъ. Это огромный домъ, со всѣми удобствами, заключающій въ себѣ библіотеку, читальню, ресторанъ, залы для собраній и лекцій и, наконецъ, общія дѣтскія, прачешныя и т. п. Благодаря выгодамъ асоціаціи, жизнь въ такомъ дворцѣ обходится рабочимъ не дороже, чѣмъ въ обыкновенныхъ квартирахъ. Годэнъ-Лемеръ также не несетъ убытка. Преимущества такого рода жилищъ не ускользнули отъ вниманія англійскихъ кооператоровъ. На

¹⁾ См. «Zur Wohnungsfrage» von Fr. Engels, drittes heft.

ихъ послѣднемъ конгрессѣ поднять былъ вопросъ о заведеніи такихъ «асоціированныхъ жилищъ» въ Англіи. Обществу оптовой продажи предложено было устроить фамилистеріи для его рабочихъ.

«Асоціированная жилища» представляютъ собою очень важный и интересный опытъ. Однако и здѣсь мы сталкиваемся съ знакомымъ, роковымъ «но». Рабочіе, по условіямъ современнаго рабочаго рынка и по своему матеріальному положенію, не могутъ строить такихъ дворцовъ; капиталисты же въ родѣ Лемера составляютъ не болѣе, какъ «счастливую случайность».

Итоги всему вышесказанному подвести не трудно.

Кооперативныя товарищества не въ состояніи рѣшить взятой ими на себя задачи. Онѣ не въ состояніи измѣнить къ лучшему положеніе рабочаго класса въ его цѣломъ. Помогая стать на ноги отдѣльнымъ личностямъ, онѣ представляютъ собою одинъ изъ видовъ самопомощи.

Почему стремленіе къ самопомощи выражается, въ настоящее время, въ организаціи всякаго рода асоціацій—это объясняется условіями, созданными крупною машинною промышленностью.

Скопленіе рабочихъ въ большихъ ея центрахъ, тождество отношеній большей части изъ нихъ къ капиталистамъ, сближаетъ понятіе о самопомощи съ понятіемъ о взаимной поддержкѣ.

Стремленіе къ послѣдней естественно выливается въ формѣ асоціацій. Съ одной стороны, асоціація все болѣе и болѣе становится типомъ современныхъ экономическихъ предпріятій. Съ другой стороны, сами рабочіе все яснѣе сознаютъ коренную важность вопроса о роли труда въ этихъ предпріятіяхъ, и всѣми силами стремятся къ его разрѣшенію. Но «проклятый вопросъ» оказывается очень сложнымъ и запутаннымъ. Не мудрено, что рабочіе и мелкая буржуазія бродятъ ощупью, ошибаются и нападаютъ на паліативы ранѣе, чѣмъ на истинныя средства «выйти изъ нищеты».

Но всѣ эти попытки и даже ошибки составляютъ знаменіе нашего времени и, съ этой стороны, заслуживаютъ полнаго вниманія и интереса.

* *
* *

На послѣднее въ жизни свиданье
Я пришла съ безконечной тоской.
Дай же руку мнѣ сжать на прощанье
Крѣпко-крѣпко горячей рукой!

Дай же мнѣ еще разъ наглядѣться
Взоромъ полнымъ тоски на тебя,
Дай на грудь головой опереться,
Дай забыться, безумно любя!

Дай излиться несбыточнымъ бреднямъ,
Что всю жизнь отравили мою;
Дай еще въ подѣлуѣ послѣднемъ
Перелить мою душу въ твою!

И тогда, преклонясь предъ судьбою,
Передъ гордою волей твоей,
Я, быть можетъ, полажу съ собою
И съ безрадостной долей своей.

И пойду я дорогой другою,
Отъ тебя далеко убѣгу;
Но на сердцѣ мечтой дорогою
Навсегда этотъ мигъ сберегу.

Александра Львова.

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СОЧИНЕНІЕ ИПОЛИТА ТЭНА ¹⁾.

РЕВОЛЮЦІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Внезапная анархія.

ГЛАВА I.

Въ ночь съ 14 на 15 іюля 1789 года, герцогъ Ларошфуко велѣлъ разбудить Людовика XVI, чтобы сообщить ему о взятіи приступомъ Бастиліи. — «Что это такое? бунтъ?» спросилъ король. — «Нѣтъ, ваше величество, это революція!» отвѣчалъ герцогъ. Однакожъ, въ сущности, это событіе имѣло еще болѣе серьезный характеръ. Власть не только ускользнула изъ рукъ короля, но даже не попала въ руки собранія; она просто рухнулась на землю, доставшись въ руки почувствовавшаго свою силу народа, въ руки буйной и возбужденной толпы, въ руки разъяренныхъ скопищъ, которыя подымали на свои плечи эту власть, какъ оружіе, брошенное посреди улицы. Такимъ образомъ, правительство уже болѣе не существовало; искусственное зданіе

¹⁾ Въ сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія подтверждаются ссылками на современные источники. Эти ссылки составляютъ почти четвертую часть всей книги; но мы ихъ не приводимъ, поэтому просимъ замѣтить, что всѣ фразы, отиѣченныя кавычками, суть подлинныя выраженія, взятыя авторомъ изъ источника, на который въ книгѣ и сдѣлана ссылка.

человѣческаго общества колебалось въ своихъ основахъ и грозило опасностью полнѣйшаго разрушенія, а люди возвращались къ своему первобытному состоянію дикарей. Это была собственно не революція, а полнѣйшее распаденіе.

I.

Есть двѣ причины, возбуждавшія и поддерживавшія общее возстаніе. Первою изъ нихъ является голодъ, который, продолжаясь постоянно втеченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ и увеличивая общее бѣдствіе вызванными имъ же самимъ насиліями, распаллялъ до состоянія бѣшенства всѣ народныя страсти и превращалъ въ конвульсивныя скачки весь ходъ революціи.

Когда рѣка течетъ наравнѣ съ берегами, то бываетъ достаточно самой небольшой прибыли воды, чтобы она вышла изъ береговъ. Въ такомъ же точно положеніи находился народъ въ періодъ XVIII вѣка. Простой крестьянинъ или ремесленникъ, живущій съ трудомъ даже и тогда, какъ хлѣбъ дешевъ, долженъ голодать поневолѣ, когда хлѣбъ дорогъ. Подъ влияніемъ этого тягостнаго, гнетущаго чувства, животный инстинктъ возмущается, а общее повиновеніе властямъ, на которомъ зиждется общественное спокойствіе, находится тогда въ прямой зависимости отъ степени сухости или влажности воздуха, отъ холодной или теплой погоды. Въ 1788 году, вслѣдствіе страшной засухи, урожай былъ крайне плохъ и потомъ еще, въ довершенію бѣды, накануне жатвы, ужаснѣйшая градовая туча разразилась въ окрестностяхъ Парижа, захвативъ собою все пространство отъ Нормандіи до Шампани, опустошивъ самый плодородный край на протяженіи 60 миль и причинивъ убытка на сто миліоновъ. Наступившая за этимъ лѣтомъ зима была настолько сурова, что такой не запомнятъ съ 1709 года; въ концѣ декабря Сена замерзла, начиная отъ Парижа до самаго Гавра, и термометръ опустился на 18³/₄° ниже нуля. Третья доля масличныхъ деревьевъ погибла въ Провансѣ; но даже и уцѣлѣвшія настолько пострадали, что отъ нихъ впродолженіи двухъ лѣтъ невозможно было ожидать плодовъ. То же самое бѣдствіе постигло и Лангедокъ; въ Виварѣ и въ Севенахъ погибли цѣлыя лѣса каштановыхъ деревьевъ, весь хлѣбъ и всѣ горныя покосы; въ долину, Рона, вышедшая изъ береговъ, оставалась въ разлитіи два мѣсяца. Уже съ весны 1789 года всюду начался голодъ, который съ каждымъ мѣсяцемъ все увеличивался, подобно прибывающей водѣ. Напрасно правительство обращалось къ фермерамъ, земле-

владѣльцамъ и купцамъ съ привязаніемъ доставлять на рынки достаточное количество хлѣба, назначало двойную цѣну за привозъ хлѣба изъ-за границы, всячески умудрялось, входило въ долги, истративъ сорокъ миліоновъ на доставленіе хлѣба во Францію. Напрасно честные люди, принцы, вельможи, епископы, капитулы, общины, увеличивали суммы, назначаемыя ими на раздачу милостыни; такъ парижскій архіепископъ даже сдѣлалъ съ этою цѣлью заемъ въ 400,000 ливровъ; одинъ богатъ, на другой день градобитія, роздалъ 40,000 франковъ; бернардинскій монастырь кормилъ въ продолженіи шести недѣль около полуторы тысячи нищихъ. Послѣднихъ было слишкомъ много; ни общественныя мѣры предупрежденія противъ размноженія ихъ, ни частная благотворительность, не могли устранить увеличивавшуюся крайнюю нужду народа. Въ Нормандіи, гдѣ послѣдній торговый трактатъ совершенно разорилъ полотняныхъ и басонныхъ фабрикантовъ, 40,000 рабочихъ остались безъ работы; въ большинствѣ сельскихъ приходоу четвертая часть жителей пошла съ сумою. Въ одномъ мѣстѣ «почти всѣ жители, не исключая даже фермеровъ и собственниковъ, питаются ячменнымъ хлѣбомъ и пьютъ только одну воду»; въ другомъ—«цѣлая масса несчастныхъ употребляетъ въ пищу или овсяный хлѣбъ, или болтушку изъ отрубей, отчего умерло множество дѣтей». «Прежде всего,—такъ писалъ руанскій парламентъ,—необходимо подать помощь народу, который мретъ съ голоду... Ваше величество, большая часть вашихъ подданныхъ не въ состояніи покупать хлѣбъ по существующимъ цѣнамъ, и притомъ еще нужно знать, какого качества тотъ хлѣбъ, который имъ отпускаютъ за эти деньги!» Артуръ Юнгъ, которому случилось въ это время быть проездомъ во Франціи, всюду слышалъ только однѣ жалобы на дороговизну хлѣба и на бѣдствіе простонародья. Въ Труа хлѣбъ, который прежде стоилъ 4 су за фунтъ, въ то время стоилъ 8 су, и ремесленники, оставшіеся безъ мѣста, цѣлыми толпами являются предлагать свои услуги въ мастерскія, устраиваемыя съ благотворительною цѣлью, гдѣ они зарабатывали не болѣе 12 су въ день. Въ Лоррэнѣ, по свидѣтельству всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, «народъ буквально едва таскалъ ноги отъ недостатка пищи». Въ Парижѣ количество бѣдныхъ утроилось: ихъ оказалось до 30,000 только въ одномъ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Въ окрестностяхъ Парижа или совсѣмъ не было зерноваго хлѣба, или онъ былъ испорченъ. Въ началѣ іюля, въ Монторо, на рынкѣ совсѣмъ не было привоза хлѣба. «Булочники должны были бы печь хлѣбъ себѣ въ

убытокъ», если-бы полицейскіе чиновники не распорядились высить цѣну на печеный хлѣбъ, который продавался послѣ того по 5 су; рожь и ячмень, какіе могли быть доставляемы интендантомъ, «самаго дурнаго качества, зерно почти сгнившее, способное лишь развивать всякія опасныя болѣзни, а между тѣмъ большинство мелочныхъ потребителей поставлены крайностью въ необходимость питаться такого рода испорченнымъ зерновымъ хлѣбомъ». Въ Вильневъ-ле-Руа, по донесеніямъ тамошняго мэра, «рожь двухъ послѣднихъ присылокъ настолько тоща и черна, что ее невозможно продавать безъ подмѣси пшеницы». Въ Сансѣ ячмень «имѣетъ такой сильный затхлый запахъ», что покупатели, испекшіе изъ этой муки хлѣбъ, возвращались назадъ и бросали его въ носъ правительственному чиновнику». Въ Шверезѣ ячмень проросъ и получилъ противный запахъ гнилю; одинъ чиновникъ выразился по поводу этого такъ: «нужно полагать, что эти несчастные терпятъ страшныя мученія голода, если рѣшаются брать такой хлѣбъ». Въ Фонтенебло рожь, на половину изъѣденная какимъ-то насѣкомымъ, даетъ при размогѣ болѣе отрубей, чѣмъ муки, и чтобы испечь изъ нея хлѣбъ, нужно нѣсколько разъ просѣвать ее сквозь рѣшето, чтобы сдѣлать хлѣбъ удобосѣдомымъ. Но даже и такого качества хлѣбъ составляетъ предметъ самой яростной зависти, вслѣдствіе чего оказалось необходимымъ раздавать его не иначе, какъ изъ оконныхъ форточекъ; причемъ тѣ, которымъ удалось этимъ способомъ получить свою порцію, нрѣдко бывають ограблены дорогою такими же голодными, но болѣе сильными, чѣмъ они, людьми. Въ Нанжисѣ «городское начальство запретило покупать одному и тому же лицу болѣе двухъ четвериковъ зерноваго хлѣба сразу на рынкѣ. Однимъ словомъ, главный продуктъ для продовольствія добывался съ такимъ трудомъ, что правительство положительно не знало, чѣмъ оно будетъ кормить солдатъ, вслѣдствіе чего министръ далъ два предписанія, одно за другимъ, чтобы сжать прежде времени 20,000 «setiers» ржи. Такъ что въ мирное время Парижъ находился въ положеніи голодающаго города, получая свою пищу по порціямъ, какъ въ періодъ недавней продолжительной военной осады, въ декабрѣ 1870 года, когда голодъ ощущался не сильнѣе и качество пищи было не хуже, чѣмъ въ іюлѣ 1789 года.

«Около 14 числа іюля, говоритъ одинъ очевидецъ,—голодъ доходилъ уже до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Каждая лавочка хлѣбопека была съ утра окружена громадною толпою, которой распределяли ея порцію хлѣба весьма экономно. И хлѣбъ этотъ

вообще былъ черенъ на видъ, землистъ и горекъ на вкусъ, и сверхъ того причинялъ воспаленіе горла, сопровождаемое сильными спазмами желудка. Мнѣ случилось видѣть въ военной школѣ и въ другихъ складахъ муку невообразимо дурнаго качества; я видѣлъ хлѣбъ, испеченный изъ этой муки, имѣвшій какой-то ненатурально-желтый цвѣтъ и отвратительный запахъ; онъ представлялъ собою положительно какую-то окаменѣлую массу, которую нужно было со всего плеча рубить топоромъ, чтобы отдѣлать отъ нея количество, предназначавшееся для ежедневной порціи. Въ виду всѣхъ тѣхъ трудностей, съ которыми было сопряжено для меня самого добываніе этого злосчастнаго хлѣба, и будучи не въ состояніи превозмочь моего отвращенія къ тому, который мнѣ подавали за табльдотомъ, я совсѣмъ отказался отъ этого рода пищи. Вечеромъ я обыкновенно отправлялся въ *café du Caveau*, содержатель котораго, къ моему величайшему счастью, бывалъ всегда настолько любезенъ, что приберегалъ для меня двѣ штуки мучнаго печенья, известнаго подъ именемъ «*flûtes*», и это былъ единственный хлѣбъ, которымъ я питался въ продолженіи цѣлой недѣли».

Но на ресурсы подобнаго рода могли рассчитывать только люди богатые. Что же касается простолюдиновъ, то за получениемъ даже такого хлѣба, котораго не станетъ ѣсть собака, они должны приходиться заранѣе и по цѣлымъ часамъ ждать своей очереди. Въ заднихъ рядахъ этой толпы дѣло доходило до драки, «причемъ ожидавшіе полученія своей порціи вырывали кусокъ хлѣба у тѣхъ, которые уже получили его». Всѣ работы прекратились, «всѣ мастерскія опустѣли». Иногда, прождавъ такимъ образомъ цѣлый день, ремесленникъ возвращался къ себѣ на квартиру съ пустыми руками, а если и приносилъ каравай хлѣба, вѣсомъ въ четыре фунта, то онъ обходился ему въ 3 франка и 12 су, считая 12 су за хлѣбъ, а 3 франка за потерянный день. И въ этой длинной вереницѣ праздныхъ, взволнованныхъ, толпящихся передъ дверями хлѣбныхъ лавочекъ людей бродили черныя мысли: «если нынѣшнюю ночь у булочника не будетъ достаточнаго количества муки, то завтра мы останемся не ѣвши». Это была настолько страшная мысль, побороть которую правительство обязано было всѣми зависящими отъ него сильными мѣрами, потому что, для поддержанія порядка въ самый разгаръ голоднаго періода, нужна неслыханная сила, сила вооруженная, находящаяся налицо, осязаемая, грозная. Въ царствованіи Людовиковъ XIV и XV народъ голодалъ и бѣдствовалъ, пожалуй, даже въ бѣльшей степени; но начав-

шіея бунты, энергично и быстро подавленные, оказались только частными и скоропреходящими случаями волнений. Зачинщики были повѣшены, другіе участники сосланы на галеры, и крестьяне, убѣдившись въ своемъ безсиліи, принялись опять за свой плугъ и соху, а ремесленники воротились въ свои мастерскія. Когда стѣна была слишкомъ высока, то не являлось даже и попытокъ перелѣзть черезъ нее. Но когда въ стѣнѣ этой сдѣлалась трещина, тогда всѣ ея охранители—духовенство, дворянство, среднее сословіе, литераторы, политики и даже само правительство, какъ-бы нарочно, начали общими силами дѣлать въ ней проломъ еще шире. Тутъ бѣдствующее простонародье въ первый разъ увидѣло передъ собою выходъ; оно кинулось къ нему сначала небольшими толпами, потомъ цѣлыми массами, и, наконецъ, бунтъ сдѣлался всеобщимъ, какъ прежде всюду была видна всеобщая покорность своей судьбѣ.

II.

Случилось такъ потому, что въ это отверзтіе стѣны проникъ свѣтъ надежды и постепенно бросалъ свой лучъ даже въ самыя мрачныя лощины. Уже полвѣка тому назадъ родилась такая надежда, которая съ тѣхъ поръ все росла, и лучи ея, освѣтившіе собою сначала сознаніе людей высшаго класса, въ ихъ великолѣпныхъ квартирахъ бѣль-этажа, потомъ спустившіеся въ нижніе этажи, занимаемые буржуазіею,—уже тогда два, какъ проникли и въ подвальные этажи, гдѣ живетъ простой, трудящійся людъ; но не только туда, а даже въ самыя мрачныя норы и тещобы, въ которыхъ, какъ черви, кишатъ цѣлыя массы всякой, отчаянной, плодящейся сволочи, буррывающейся отъ преслѣдованій закона.

Къ двумъ первымъ провинціальнымъ собраніямъ, учрежденнымъ Неккеромъ въ 1778 и 1779 годахъ, Ломени де-Бриеннъ присоединилъ, въ 1787 году, еще восемнадцать и каждому изъ нихъ подчинилъ окружныя собранія, а каждому окружному собранію—приходскія собранія, преобразовавъ такимъ образомъ всю административную машину. Этимъ новымъ собраніямъ предоставлено было право распредѣленія податей и завѣдываніе исправнымъ ихъ сборомъ; онѣ же должны были рѣшать и направлять производство общественныхъ работъ; на ихъ же обязанности лежало произнесеніе окончательныхъ приговоровъ въ большинствѣ спорныхъ дѣлъ; вслѣдствіе этого, управители, уполномоченныя, довѣренныя лица пользовались

только четвертою долею своего прежняго авторитета, отчего между двумя враждебными другъ другу властями, предѣлы которыхъ не были выяснены вполнѣ, естественнымъ образомъ, являлись столкновенія; начальство, отдававшее приказанія, само не знало, чего оно могло требовать, и приэтомъ повиновеніе уменьшалось само собою. Подчиненный уже не чувствовалъ на своихъ плечахъ тяжести одной начальнической руки, которая его гнула, толкала и заставляла идти извѣстнымъ путемъ. Но при всемъ этомъ, въ каждомъ приходскомъ, окружномъ и даже провинціальномъ собраніи, рядомъ съ господами и высшими духовными лицами, засѣдали также всякіе разночинцы, сѣльскіе обыватели и нерѣдко даже простые фермеры; они тамъ же слышали и запоминали громадную цифру налоговъ, которые падали только на нихъ или почти что на нихъ однихъ, цифру гѣсныхъ и разныхъ другихъ повинностей, подушныхъ податей, платежей на поправку дорогъ и проч., такъ что, воротясь домой, они навѣрное поразказали обо всемъ этомъ своимъ соседямъ. Всѣ эти цифры они узнали изъ напечатанныхъ отчетовъ; уполномоченный деревни толковалъ объ этомъ съ своими добѣрителями, съ ремесленниками и крестьянами, по воскресеньямъ послѣ обѣдни, выходя изъ церкви, или вечеромъ, сидя съ ними въ большой комнатѣ деревенскаго трактира. И эти сходы происходили не только съ разрѣшенія, но даже прямо при поощреніи самаго правительства. Съ самыхъ первыхъ дней 1788 года, провинціальные собранія потребовали отъ старшинъ и жителей всякаго прихода разныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, заявляя, что онѣ намѣреваются подробно рассмотретьъ всѣ поводы къ возникшимъ въ средѣ поселянъ жалобамъ, какая часть дохода идетъ на уплату податей и сколько именно на каждую подать въ отдѣльности; какъ велики вообще и въ какой мѣрѣ тяжелы для крестьянина эти тяжести; сколько находится въ приходѣ лицъ, принадлежащихъ къ привилегированнымъ сословіямъ; какъ велико ихъ состояніе; постоянно ли они живутъ въ своихъ владѣніяхъ; какую сумму составляютъ получаемые ими привилегированные доходы; при этомъ старшина, къ которому обращались съ такого рода запросами, давалъ письменный отвѣтъ, называя и прямо указывая на каждую личность изъ привилегированнаго сословія, критикуя ея образъ жизни, высчитывая всѣ ея матеріальныя преимущества и вредъ, какой причиняли прочимъ деревенскимъ жителямъ всѣ находившіяся на ея сторонѣ льготы, не забывая уже кстати ругнуть за притѣсенія, какъ самого помѣщика, такъ и его прикащика. Вышедшій изъ

такихъ собраній крестьянинъ долго смевалъ все, что выслушалъ за минуту передъ тѣмъ. Онъ видѣлъ теперь и понималъ всѣ свои тяготы, не порознь, какъ прежде, а всѣ вмѣстѣ, совокупно съ массою всякихъ золъ, которыя тяготѣли надъ массою ему подобныхъ. Кромѣ того, онъ начиналъ соображать причины своихъ бѣдствій. «Самъ король добръ; но зачѣмъ же его чиновники дерутъ съ насъ такую пропасть денегъ? Вѣдь пожалуй и попы, и господа, тоже не злые люди; но зачѣмъ же они заставляютъ насъ платить вмѣсто себя?»

Представьте себѣ какуюнибудь заморенную ломовую лошадь, которую вдругъ осѣнила бы человѣческая мысль, сдѣлать сравненіе между животными лошадиной породы и животными изъ породы людей: почему лошадь обречена на то, чтобы быть взнузданною кучеромъ, который постоянно стегаетъ ее кнутомъ. и почему сострадательные путешественники и чувствительныя дамы, которыя относятся къ лошадямъ съ такимъ сожалѣніемъ, тѣмъ не менѣе остаются сидѣть въ экипажѣ, везомомъ лошадью, прибавляя послѣдней еще лишнюю тяжесть тѣломъ своей собственной особы?

Точно также и у крестьянина, въ минуты его смутнаго раздумья, медленно, понемногу, складывалась новая идея, по поводу терпѣвшаго всякія притѣсненія большинства, часть котораго составлялъ и онъ самъ, по поводу этого разбредшагося стада, вездѣ, даже въ такихъ мѣстахъ, куда не достигають глазъ человѣческій, и вездѣ это стадо плохо паслось нерадивымъ пастухомъ, вездѣ оно голодное, заморенное.

Въ концѣ 1788 г., не смотря на учащенную переписку между интендантами и мѣстными начальниками, уже началъ изрѣдка раздаваться общій глухой ропотъ, предвѣщавшій въ скоромъ времени болѣе открытое выраженіе общаго, до сихъ поръ пока еще сдерживаемаго недовольства. Даже какъ будто самый характеръ людей измѣнился; они стали недовѣрчивы и упрямы. И вдругъ, въ такой-то именно моментъ, правительство, распустившее возжи, пригласило ихъ самихъ распоряжаться своими собственными дѣлами и своею личностію. Въ ноябрѣ 1787 г. король объявилъ о своемъ намѣреніи созвать всѣхъ государственныхъ чиновъ; а въ іюлѣ 1788 г. онъ обратился ко всѣмъ корпораціямъ и компетентнымъ лицамъ съ предложеніемъ представить по поводу этого свои соображенія, назначивъ на 8 августа день для засѣданія по этому предмету. 5 октября онъ созвалъ совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ и вельможъ, чтобъ обсудить вмѣстѣ съ ними это дѣло. 27 декабря онъ даруетъ еще среднему со-

словію право имѣть своихъ представителей, удвоивая такимъ образомъ представительную силу, на томъ основаніи, что интересы послѣдняго связаны съ великодушнымъ образомъ дѣйствій и что на его сторонѣ всегда будетъ общественное мнѣніе. Въ тотъ же самый день онъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы въ выборныя собранія духовенства было привлечено наибольшее количество сельскихъ священниковъ «потому что добрые и полезные для своего прихода пастыри, при ежедневныхъ сношеніяхъ съ народомъ, имѣютъ возможность ближе познакомиться съ его нуждами и видѣть, гдѣ именно необходимо оказать помощь; изъ чего слѣдуетъ заключить что они лучше знаютъ народный бытъ». 24 января 1789 г. онъ опредѣляетъ порядоки и формы такого рода призывныхъ собраній; а съ 7 февраля уже приступлено было къ разсылкѣ такихъ призывныхъ повѣстоки, одну вслѣдъ за другою, такъ что, восемь дней спустя, каждое приходское собраніе начинаетъ редактировать списокъ своихъ жалобъ, и по мѣрѣ того, какъ заноситъ въ тетрадь поочередно свои нужды, со всѣми мельчайшими подробностями, оно тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе распаляетъ въ своей душѣ годами накопившееся недовольство. Всѣ эти воззванія и занесеніе существующихъ фактовъ на бумагу какъ будто дали толчекъ народному воображенію. «Его величество—такъ говорилось въ постановленіи—желаетъ, чтобы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ и изъ самыхъ убогихъ жилищъ его королевства, всякій могъ имѣть возможность довести до его свѣдѣнія о своихъ желаніяхъ и о своихъ нуждахъ». Такъ стало быть обо всемъ этомъ говорили не по нустому и все это дѣйствительно оправдалось! такъ думали про себя всѣ классы народа. Ихъ приглашаютъ высказывать свое мнѣніе, ихъ призываютъ на общія собранія, съ ними совѣтуются, хотятъ облегчить ихъ тяготы; теперь уже будетъ положенъ конецъ ихъ бѣдствіямъ, теперь для нихъ наступятъ лучшія времена. Вотъ и все, что они знали, такъ что, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ іюлѣ, одна крестьянка могла отвѣтить, на вопросъ Артура Юнга по поводу этого, только слѣдующей фразой: «Говорятъ, что богатые собираются сдѣлать что-то на пользу насъ, бѣдныхъ людей». Но кто именно, что и какъ, она ровно ничего не знала: все это слишкомъ сложно, слишкомъ головоломно для отупѣвшаго и почти машинально работающаго мозга простолюдина. Изъ всей этой путаницы понятій выдѣлялась ярко лишь одна только мысль: надежда на внезапное облегченіе; увѣренность въ своемъ правѣ на него; твердая рѣшимость способствовать ему съ своей сто-

роны всѣми зависящими отъ личной воли мѣрами; вслѣдствіе столь долгаго, томительнаго ожиданія, готовность тотчасъ же приняться за эти способы; напряженіе всей энергіи, которая ждетъ только случая, чтобы вырваться на свободу и ускорить самый фазъ, съ неудержимою быстротою стрѣлы, пущенной по направленію неизвѣстной цѣли, которая уже потомъ будетъ видна какъ слѣдуетъ. И вотъ на эту цѣль указываетъ имъ голодъ: нужно, чтобы на рынкахъ былъ привозный хлѣбъ; нужно, чтобы его доставляли туда фермеры и помѣщики; не нужно позволять, чтобы скупщики большихъ партій его, правительство или частные люди, увозили его въ другое мѣсто; нужно, чтобы хлѣбъ подешевѣлъ, чтобы на него была установлена всѣмъ доступная цѣна и чтобы пекари продавали его по два су за фунтъ; нужно освободить отъ платежа пошлинъ съ верноваго хлѣба, муки, вина, соли и вообще всѣхъ съѣстныхъ припасовъ; нужно отмѣнить всѣ господскія повинности и оброки, десятинный сборъ въ пользу духовенства, отмѣнить всѣ царскія подати и общественные налоги. И какъ только мысль подобнаго рода зашла въ голову народа, въ мартѣ, въ апрѣлѣ и въ маѣ, уже всюду стали вспыхивать бунты. Современники «не знаютъ, что и подумать объ этомъ безчисленномъ множествѣ всюду появившихся злонамѣренныхъ негодяевъ, у которыхъ повидимому нѣтъ даже прямыхъ руководителей и которые какъ будто сговаривались между собою, чтобы всюду прибѣгать къ одинаковымъ мѣрамъ безчинства, и въ добавокъ именно въ ту минуту, когда готовилось засѣданіе созванныхъ правительствомъ государственныхъ чиновъ». Объяснить это явленіе можно тѣмъ, что при прежнемъ образѣ правленія пожаръ тлѣлъ въ зданіи, двери котораго были плотно заперты; но вдругъ входную дверь отворили настежь, притокъ наружнаго воздуха устремился туда и въ одну минуту пламя выбилось наружу.

III.

Сначала огонь показывается перемежающимися вспыхиваніями и въ разныхъ мѣстахъ, такъ что его еще можно погасить, или онъ иногда угасаетъ и самъ собою; но, черезъ минуту, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, или совсѣмъ около нихъ, опять слышится трескъ, происходящій отъ горѣнія, и вспыхиванія пламени появляются все чаще и въ большемъ противъ прежняго объемѣ, что уже явно доказываетъ всю силу, глубину и воспламеняемость накопившагося горючаго матеріала и пред-

вѣщаетъ страшный пожаръ, который неминуемо долженъ охватить собою все зданіе. Впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ взятію Бастиліи, можно насчитать до трехсотъ возмущеній во Франціи. Онѣ стали происходить каждый мѣсяць, потомъ каждую недѣлю, въ Пуату, Бретани, Турэнѣ, Орлеанѣ, Нормандіи, Иль-де-Франсѣ, Пикардіи, Шампани, Эльзасѣ, Бургундіи, Нивернѣ, Оверни, Лангедокѣ, Провансѣ.

28 мая руанскій парламентъ доносилъ о разграбленіи запасовъ зерноваго хлѣба во всей провинціи, въ Канѣ, въ Сень-Ло, Мартенѣ, Гранвилѣ, Эвре, Бернѣ, Понтодемарѣ, Эльбефѣ, Лувье, «при обоюдныхъ кровопролитныхъ побоищахъ съ обѣихъ сторонъ, причѣмъ погибло много людей». Баронъ де-Безанваль, военный начальникъ центральныхъ провинцій, писалъ 20 апрѣля слѣдующее: «Считаю своею обязанностію вторично представить господину Неккеру на видъ картину ужаснаго положенія Турэни и Орлеана; въ каждомъ донесеніи, полученномъ мною изъ этихъ двухъ провинцій, мнѣ приходится читать подробности трехъ или четырехъ возмущеній, которыя съ трудомъ могли быть усмирены войсками и объѣздными командами».

Но въ то время, уже все французское королевство представляло собою такое же зрѣлище.

По обыновенію, что впрочемъ весьма натурально, зачинщиками явились женщины; онѣ первыя, въ Монтлери, взрѣзали ножницами мѣшки съ зерновымъ хлѣбомъ. Каждую недѣлю, когда онѣ, приходя на базаръ, узнавали о повышеніи цѣны на хлѣбъ, испеченный каравай котораго сначала стоялъ три су, потомъ четыре, потомъ семь су, онѣ поднимали крикъ, громко выражая свое негодованіе: «если покупать хлѣбъ по такой дорогой цѣнѣ, то откуда же взять денегъ при маломъ заработкѣ нашихъ мужей, которые иногда совсѣмъ не находятъ работы, и чѣмъ-же тутъ прокормить всю семью?» Вся эта толпа тѣснилась около мѣшковъ съ зерновымъ хлѣбомъ или съ мукою и около дверей лавочки пекаря; съ криками и руганью начиналась опасная давка; владѣлецъ хлѣба или торговецъ чувствовалъ, что его толкаютъ, пихаютъ въ бока со всѣхъ сторонъ, потомъ его совсѣмъ валили на землю, толпа врвалась въ лавку—и вотъ весь хлѣбный запасъ находился въ рукахъ покупателей и голодныхъ; въ этой свалкѣ уже нельзя было разобрать, кто заплатилъ, кто нѣтъ, всякій старался захватить на свою долю побольше и спѣшилъ поскорѣе убѣжать прочь съ своею добычею. Иногда случалось даже, что крестьяне заранѣе сговаривались, какъ имъ поступать въ подобномъ случаѣ. Въ Брѣи на Сенѣ, 1 мая,

крестьяне цѣлой окрестности, на разстояніи четырехъ миль, вооружившись каменьями, ножами и дубинами, сдѣлали натискъ на землевладѣльцевъ и фермеровъ, которые вывезли свой хлѣбъ на базаръ, и потребовали отъ послѣднихъ, чтобы они сейчасъ же сбавили цѣну, вмѣсто 4 ливровъ 10 су за четверикъ, на 3 ливра, угрожая при этомъ поступить точно также и на слѣдующій базаръ. Послѣдствія очевидны: фермеры, конечно, въ другой разъ не пойдутъ на базаръ, привоза хлѣба тамъ не будетъ, а для того, чтобы избавить жителей Брэй отъ разграбленія, понадобится присылка военной команды. Въ Баньолѣ, въ Лангедоѣ, въ продолженіи двухъ дней сряду, 1 и 2 апрѣля, крестьяне, вооружившись дубинами и съ барабаннымъ боемъ, «прошлись по всѣмъ улицамъ города, грозя все сжечь и всѣхъ перерѣзать, если имъ не дадутъ хлѣба и денегъ»; потомъ они отправились на поиски хлѣба къ частнымъ людямъ и разбирали его по рукамъ по уменьшенной цѣнѣ, «общая заплатить за него на будущій годъ, послѣ уборки съ полей новаго хлѣба»; а въ заключеніе всего потребовали отъ мѣстной правительственной администраціи, чтобы она понизила цѣну на хлѣбъ, который бы никто не смѣлъ продавать дороже двухъ су за фунтъ, и чтобы она сдѣлала распоряженіе о прибавкѣ 4 су къ платѣ за рабочій день.

Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ: уже не народъ повинуется властямъ, а власти повинуются народу. Правительственные чиновники, мэры, сельскіе старшины и старосты, городское управленіе, всѣ до одного смущаются и трусятъ этого всеобщаго народнаго вопля, такъ какъ чувствуютъ, что, въ случаѣ сопротивленія, они рискуютъ быть избитыми или выброшенными за окно. Другіе, болѣе твердые духомъ, понимаютъ, что нельзя ни о чемъ толковать съ обезумѣвшей, взбунтовавшейся массой, и потому избѣгаютъ поводовъ къ пролитію крови, считая полезнымъ уступить только на этотъ разъ, въ надеждѣ, что на будущемъ базарѣ будутъ болѣе многочисленная военная команда и что будутъ приняты вообще лучшія мѣры. Въ Амьенѣ, «послѣ одного очень сильнаго бунта», эти господа рѣшились взять изъ хлѣбныхъ запасовъ, принадлежавшихъ монахамъ, и продавать находящійся тамъ хлѣбъ по трети его стоимости, причемъ, во избѣжаніе беспорядковъ, амбары были окружены войсками. Въ Нантѣ, гдѣ народъ ворвался въ ратушу, они должны были уступить его требованію, чтобы хлѣбъ продавался по 1 су за фунтъ. Въ Ангулэмѣ, желая избѣгнуть вниманія въ дѣло военной

силы, они обратились къ графу д'Артуа съ просьбою отказаться на два мѣсяца отъ своего права за помощь муки и назначили пониженную цѣну на хлѣбъ, чтобы вознаградить вышеприведеннымъ способомъ убытки хлѣбопекоевъ. Въ Сеттѣ эти административныя власти подверглись страшнымъ насиліямъ: народъ разграбилъ ихъ дома и вздумалъ самъ распоряжаться вмѣсто нихъ; тогда они послали трубачей созвать народъ, чтобы объявить ему, что все будетъ сдѣлано согласно его требованіямъ. Бывали даже случаи, что толпа, никого не спрашиваясь, сама принималась хозяйничать, какъ ей вздумается. Если на базарѣ малъ привозъ хлѣба, она отправляется отыскивать его туда, гдѣ его много запасено: въ землевладѣльцамъ и фермерамъ, которые не хотятъ везти его на рынокъ, чтобы не быть ограбленными; къ монахамъ въ монастыри, которые королевскимъ указомъ обязаны имѣть у себя полный запасъ всего прошлогодняго урожая; въ казенные амбары, гдѣ правительство хранитъ свой провіантъ; на дороги, по которымъ интендантъ отправляетъ обозы съ хлѣбомъ въ города, гдѣ оказывается наиболѣе голодающихъ. Пусть каждый самъ заботится о себѣ; своя рубашка къ тѣлу ближе; тѣмъ хуже для сосѣда! Жители Фужеръ избили и выгнали отъ себя жителей Эрне, пришедшихъ купить хлѣбъ на ихъ рынокѣ; такія же точно безобразія повторились въ Витрѣ относительно жителей Мена. Въ Санъ-Леонардѣ народъ задержалъ обозъ съ хлѣбомъ, отправлявшійся въ Лиможъ; въ Бостѣ задержалъ такой же обозъ, ѣхавшій въ Орильякъ; въ Санъ-Дидье тотъ, который шелъ въ Муанъ; а въ Турнусѣ тотъ, который отправлялся въ Маконъ. Такіе обозы стали потомъ посылать подъ конвоемъ, но и это не помогло; цѣлыя толпы мушкетеровъ и женщинъ, вооруженныхъ топорами и ружьями, располагались въ засадѣ, гдѣ нибудь въ лѣсу, и какъ только обозъ показывался на дорогѣ, бросались на него и хватали уздцы лошадей, такъ что нужно было отбиваться саблями, чтобы имѣть возможность ѣхать далѣе. Напрасно старались уговорить крестьянъ, напрасно обращались въ нихъ съ кроткими увѣщаніями, и даже «предлагали отпустить имъ изъ этого обоза хлѣба за деньги», ничто не помогало, они отказывались, продолжая кричать, что они не выпустятъ обозъ съ хлѣбомъ, который не долженъ идти далѣе. Однимъ словомъ, они уперлись какъ быкъ, который сталъ поперегъ дороги, уставивъ рога въ землю и который готовится прыгнуть. Они были убѣждены, что хлѣбъ этотъ принадлежитъ имъ, потому что онъ родился въ ихъ краѣ; а тотъ, кто его вывозитъ или не вы-

дасть, воръ; разъ такого рода *idée fixe* засѣла въ головѣ крестьянина, то ее уже у него ничѣмъ не выбьешь. Въ Шантенѣ, близъ Манса, они не допустили одного мельника отвезти на свою мельницу только что купленный имъ зерновой хлѣбъ; въ Мондрагонѣ, въ Лангедоѣ, они до смерти закидали камнями одного торговца, который отправлялъ свою послѣднюю, нагруженную хлѣбомъ, фуру въ другое мѣсто; въ Тьерѣ, рабочіе собрались большою толпою, чтобы унести, въ снопахъ, еще неубранный съ поля хлѣбъ; землевладѣльца, у котораго оказался такой хлѣбъ, чуть не убили; потомъ они отправились къ нему въ домъ, разбили его подвалы и выпустили изъ бочекъ весь находившійся тамъ запасъ вина. Въ Неверѣ, гдѣ въ продолженіи четырехъ дней у хлѣбопекоевъ не оказалось хлѣба въ достаточномъ количествѣ, необузданная чернь бросилась грабить хлѣбные амбары, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, купцамъ и монастырскимъ общинамъ. «Испуганные купцы продавали тогда свой хлѣбъ за всякую предложенную цѣну, большая часть котораго тутъ же была разворована, въ глазахъ приставленныхъ въ амбарамъ сторожей», такъ что, въ этой общей сумятицѣ, во многихъ домахъ оказалось даже разграбленнымъ хозяйское имущество. Въ это время бѣда была всякому, причастному къ храненію, приобрѣтенію, торговлѣ или заготовленію зерноваго хлѣба. Для народнаго воображенія необходимо создать себѣ живыя личности, которымъ оно могло бы приписать свои бѣдствія и на которыхъ оно могло бы вымѣстить свое недовольство; въ понятіяхъ народа, всѣ такія личности суть присвоители чужаго добра и во всякомъ случаѣ уже на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на враговъ народнаго благосостоянія. Близъ Анжера, народъ разграбилъ обитель бенедиктинцевъ, разломалъ ея ограду и произвелъ страшныя опустошенія въ принадлежавшихъ ей садахъ и лѣсахъ. Въ Амьенѣ, народъ уже готовился разграбить и затѣмъ даже сжечь дома двоихъ негоціантовъ, которые встроили у себя мельницы съ экономическимъ приспособленіемъ для размола хлѣба въ муку; «но, будучи удержанъ оттого содатами, онъ разнесъ и разграбилъ все до чиста въ домахъ троихъ или четверыхъ частныхъ людей, которыхъ подозрѣвалъ также въ захватѣ общаго достоянія, т. е. хлѣба». Въ Нантѣ, нѣкто Желанъ былъ выбранъ народомъ въ качествѣ депутата при осмотрѣ одного дома, въ которомъ не оказалось запасовъ хлѣба, и тогда противъ него заголосилъ этотъ же самый народъ. «Онъ самъ укрыватель, самъ соучастникъ! Бей его!» И толпа кинулась на несчастнаго, повалила его на землю, топ-

тала ногами и едва не задушила его. Очевидно, что во Франціи не было болѣе нигдѣ безопаснаго убѣжища; не только имущество, но даже самая жизнь каждаго держалась на волоскѣ. Первое право вещественной собственности, право на пользованіе принадлежащими человѣку жизненными припасами, оказывалось нарушеннымъ во многихъ мѣстахъ, а ненадежнымъ, шаткимъ и подверженнымъ опасности оно являлось повсюду. Вездѣ управители и уполномоченные отъ хозяевъ просятъ помощи и, доказывая безсиліе объѣздной команды, настоятельно требуютъ прислать регулярныхъ войскъ. И вдругъ эта общественная сила, недостаточная, разрозненная, колеблющаяся, увидѣла возставшими противъ себя не только дошедшую до слѣпаго остервенѣнія массу голодныхъ людей, но даже злокачественные инстинкты, которые пользуются всякимъ беспорядкомъ и къ которымъ присоединяются еще алчныя поползновенія къ наживѣ, являющіяся во всей своей наготѣ въ минуты всякаго политическаго потрясенія, происходящаго въ государственномъ организмѣ.

IV.

Всегда и во всякое время велика бываетъ масса людей въ родѣ всякихъ контрабандистовъ, торговцевъ безпошлинною привозною солью, браконьеровъ, бродягъ, нищихъ, бѣглыхъ преступниковъ; но въ голодный годъ число ихъ увеличивается еще болѣе. Это все лишняя прибыль въ рядахъ недовольныхъ и эти-то именно люди набиваютъ свои карманы, выступая на сцену въ самый моментъ бунта, или по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ происходитъ. «Въ округѣ Ко и даже въ окрестностяхъ Руана, въ Роншеролѣ, Кевревильи, Прео, Санъ-Жакъ и въ прилежащихъ къ нимъ мѣстностяхъ, цѣлыя шайки разбойниковъ врываются въ дома, по преимуществу въ священническіе, и грабятъ тамъ все, что попадется имъ подъ-руку». Къ югу отъ Шортра «триста или четыреста дровосѣковъ, покинувшихъ лѣса Валама, рубятъ топорами все наповалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ не отпускаютъ хлѣба по той цѣнѣ, которую они сами за него назначили». Въ окрестностяхъ Этампа, пятнадцать человѣкъ разбойниковъ приходятъ ночью на фермы и заставляютъ хозяевъ отдать имъ всѣ деньги, угрожая имъ, въ случаѣ сопротивленія, сжечь ихъ самихъ вмѣстѣ съ ихъ домами. Въ Камбресисѣ они ограбили абатства: Вошель, Верже и Гильемансъ, замокъ маркиза де-Бенелара, имѣніе господина Дуази, двѣ фермы, нѣсколько фуръ съ хлѣбомъ, ѣхавшихъ по дорогѣ въ Сенъ-Кан-

тенъ и кромѣ того еще семь фермъ въ Пикардїи. «Притонъ этихъ негодяевъ находится въ нѣкоторыхъ смежныхъ съ Пикардїей и Камбрезисомъ деревняхъ, уже привыкшихъ къ дерзости поступковъ этихъ отребій челоуѣчества». Разбойникамъ этимъ удалось сманить крестьянъ; челоуѣкъ, начавшій воровать, уже затѣмъ быстро, какъ подъ-гору, идетъ по пути преступленія; при этомъ нерѣдко случается, что еще не совсѣмъ дурной челоуѣкъ, по своему даже и довольно честный, печаянно, или просто по неосторожности замѣшавшись между бунтовщиками, снова принимается за грабежъ, привлекаемый безнаказанностью и легкостью способа приобрѣтенія. И въ сущности «такихъ людей наталкиваетъ на это не крайняя нужда». Они устраиваютъ себѣ «нѣчто въ родѣ спекуляціи изъ своей алчности, которая является въ подобныхъ случаяхъ какъ бы новою отраслью контрабанды». Какойнибудь отставной стрѣлокъ изъ военныхъ, съ саблей въ рукѣ, лѣсной сторожъ и «еще челоуѣкъ восемь смѣльчачковъ въ этомъ родѣ, собираютъ себѣ шайку челоуѣкъ въ 400 или 500, и во главѣ ихъ отправляются каждый день въ три или четыре деревни и принуждаютъ всѣхъ, у кого имѣются запасы хлѣба, продавать его по 24 ливра, а иногда и по 18 ливровъ за мѣшокъ». При этомъ члены шайки, у которыхъ, по словамъ ихъ, нѣтъ при себѣ денегъ, берутъ свою долю бесплатно. А другіе, заплативъ за хлѣбъ что имъ вздумается, продаютъ его уже изъ барышей по 45 ливровъ за мѣшокъ, что оказывается дѣломъ чрезвычайно выгоднымъ и въ которомъ жадность привлекаетъ къ соучаствію бѣдность. На будущій годъ, когда хлѣбъ въ поляхъ уже созрѣлъ, опять является то же самое искушеніе, тѣмъ болѣе, что они уже «заранѣе пригрозили, что увезутъ съ полей чужой хлѣбъ, угонять скотъ, убьютъ его и будутъ въ этихъ же деревняхъ продавать его мясо по 2 су за фунтъ». Въ періодъ всѣхъ великихъ народныхъ смутъ всегда являются такіе злодѣи, люди, у которыхъ нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, враги закона, одичавшіе и отчаянные бродяги, которые, какъ волки, сбѣгаютъ туда, гдѣ чуютъ добычу. Вотъ именно изъ этой среды и являются негодяи, которые направляютъ и приводятъ въ исполненіе общую или частную месть. Близъ Юзеса, двадцать пять челоуѣкъ врываются съ ружьями и дубинами въ рукахъ въ контору одного нотаріуса, стрѣляютъ въ него изъ пистолета, убиваютъ его прикладами ружей, грабятъ все въ его домѣ, сжигаютъ его дѣловыя книги, рвутъ въ клочки всѣ бумаги и документы, принадлежавшіе графу де-Руврѣ и отданные имъ нотаріусу на храненіе; семерыхъ изъ нихъ уда-

лось захватить, но народъ вступился за нихъ, бросился на объездную команду и освободилъ взятыхъ ею бродягъ. Этихъ людей тотчасъ можно узнать по ихъ дѣйствіямъ, по ихъ влеченію разрушать ради разрушенія, по ихъ странному говору, по ихъ ужаснымъ лицамъ, дико-блуждающимъ глазамъ, по тѣмъ ломотьямъ, въ которыя они одѣты. Множество ихъ пришло изъ Парижа въ Руанъ, гдѣ они хозяйничали по своему въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ дней: всѣ амбары были взломаны, фуры съ нагруженнымъ хлѣбомъ опорожнены, хлѣбъ разворованъ, монастыри и семинаріи разграблены; они вторглись въ домъ главнаго прокурора, который донесъ правительству объ ихъ самоуправствѣ, и чуть не разорвали его на части; но такъ какъ это не удалось имъ, то они принялись бить его зеркала, ломать мебель и, захвативъ съ собою что можно, отправились въ пригородныя мѣста грабить фабрики, ломать и жечь всѣ машины. И вотъ готовы новые вожаки: потому что, при всякихъ стадныхъ сборищахъ, первенствующую роль всегда играетъ самый дерзкій человекъ изъ толпы, самый неразборчивый въ средствахъ къ достиженію цѣли, который ведетъ за собою всѣхъ остальныхъ и подаетъ примѣръ повсемѣстнаго разрушенія и опустошенія. А примѣръ, какъ извѣстно, заразителенъ; отправившись за хлѣбомъ, кончаютъ убійствами и поджогами, такъ что бунтъ, вызванный ограниченою нуждою, повлекъ затѣмъ людей къ разнузданнымъ порывамъ дикой, безграничной жестокости.

V.

Но съ этимъ бунтомъ, не смотря на голодъ и на безчинства разбойничьихъ шаекъ, все-таки еще можно было бы справиться; но неотразимость его заключалась именно въ томъ, что бунтовщики считали себя въправѣ бунтовать, глядя на уступчивость и какъ-бы потворство тѣхъ личностей, которыя обязаны были положить конецъ этимъ возмущеніямъ. То тамъ, то здѣсь, прорывались слова и дѣйствія такой ужасающей наивности, которая, при мрачномъ состояніи настоящаго, какъ-бы подымаетъ завѣсу еще болѣе грознаго будущаго. 9 января 1789 г., когда чернь ворвалась въ городскую ратушу Нанта и стала брать приступомъ лавочки хлѣбопековъ, «къ крикамъ: да здравствуетъ король! присоединилось также нѣсколько отдѣльныхъ возгласовъ: да здравствуетъ свобода!» Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ окрестностяхъ Плуэрмеля, крестьяне положительно отказа-

лись платить десятинный сборъ, отговариваясь тѣмъ, что ихъ сельскій судъ требуетъ уничтоженія этого сбора. Въ Эльзасѣ «и во многихъ другихъ мѣстахъ» съ марта мѣсяца послѣдовалъ со стороны крестьянъ такой же отказъ; многія общины объявили даже, что онѣ совсѣмъ не хотятъ платить никакихъ податей до тѣхъ поръ, пока ихъ депутатами, призванными на совѣщательное собраніе вмѣстѣ съ прочими государственными чинами, не будетъ положительнымъ образомъ опредѣлена цифра общественныхъ повинностей. Въ Иверѣ они печатно заявили о своемъ рѣшеніи, не платить болѣе совсѣмъ «личнаго оброка», и помѣщики, потерпѣвшіе оттого значительные убытки, не смѣли жаловаться въ судъ на такую самовольную отміну платежей. Въ Лионѣ народъ былъ въ полной увѣренности, «что платежъ всякихъ податей и сборовъ непремѣнно долженъ прекратиться; а 29 іюня, при полученіи извѣстія о состоявшемся засѣданіи трехъ сословій» удивленный устраиваемыми по этому случаю иллюминаціями и проявленіями общей радости, «онъ вообразилъ, что уже наступили блаженные времена», вслѣдствіе чего у него появилась мысль потребовать, чтобы ему отпускали мясо по 4 су и вино по такой же цѣнѣ. Кабатчики при этомъ старались внушить ему, что въ самомъ скоромъ времени всѣ съѣстные припасы будутъ освобождены отъ акциза, а что пока король, по случаю радостнаго событія созванія представителей трехъ сословій, разрѣшилъ въ Парижѣ въ продолженіи трехъ дней не стѣсняться никакими платежами, слѣдовательно, нужно воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ также и въ Лионѣ. Услыхавъ это, толпы народа съ крикомъ бросились къ заставамъ Сень-Клеръ и Перрашъ, къ мосту Гильотьеръ, гдѣ принялись жечь и ломать зданія присутственныхъ мѣстъ, уничтожать всѣ бумаги, грабить квартиры чиновниковъ, расхищать деньги и разбивать винные склады. Между тѣмъ и по деревнямъ разнесся слухъ, что изъ этихъ складовъ всякій воленъ брать вина сколько хочетъ, и потому, въ слѣдующіе затѣмъ дни, крестьяне явились съ такимъ множествомъ телѣгъ, запряженныхъ волами и нагруженныхъ пустыми бочками, что, не смотря на приставленную къ этимъ складамъ охранительную стражу, пришлось однакожъ отпускать крестьянамъ вино бесплатно въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ, такъ какъ ихъ ничѣмъ нельзя было разувѣрить въ сложившемся у нихъ убѣжденіи, что они могутъ всѣмъ пользоваться бесплатно до 7 іюля. Та же самая исторія повторилась и въ южныхъ провинціяхъ, гдѣ главный государственный доходъ получался съ питательныхъ продуктовъ; но и тамъ также

должны были отпускать ихъ народу бесплатно, въ виду оказавшейся на его сторонѣ силы. Въ Агуѣ «народъ, въ своемъ безуміи, вдругъ вообразилъ, что все отъ него зависитъ и что онъ все можетъ, ссылаясь на выраженную будто бы королемъ волю, чтобы впредь не было различія чиновъ и сословій», перетолковывая по своему мысль о дарованіи двойнаго представительства среднему сословію. Вслѣдствіе этого онъ грозилъ разгромить весь городъ, если не понизятъ цѣну на всѣ сѣбственные продукты вообще и если не уничтожатъ существующаго въ пользу провинціи налога на вино, рыбу и мясо; кромѣ того «онъ непремѣнно хочетъ опредѣлить на подобнаго рода должности своихъ чиновниковъ, которые бы дѣйствовали въ его пользу»; такъ что епископъ, мэръ, начальники города и знатные господа, противъ которыхъ онъ отправился набирать себѣ еще сообщниковъ по деревнямъ, нашлись вынужденными объявить народу черезъ трубача, разѣзжавшаго по улицамъ, что всѣ его требованія будутъ исполнены. Черезъ три дня спустя, онъ еще потребовалъ, чтобы сборъ за помоль былъ сбавленъ на половину, и съ этою цѣлю отправился къ самому епископу, которому принадлежали тамошнія мельницы. Прелатъ, котораго эта буйная толпа вызвала для переговоровъ на улицу, будучи въ то время боленъ, чувствовалъ себя настолько слабымъ, что принужденъ былъ сѣсть на тротуарную тумбу, гдѣ и заставили его подписать отказъ отъ взиманія прежней платы, вслѣдствіе чего «мельница, приносящая 15,000 ливровъ дохода, могла давать только 7,500 ливровъ». Въ Лиму, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы добыть себѣ хлѣба, эта ватага пробирается въ контролеру и къ сборщикамъ податей, отбираетъ у нихъ всѣ дѣловые бумаги и бросаетъ ихъ въ рѣку вмѣстѣ съ мебелью, принадлежавшею этимъ чиновникамъ. Въ Провансѣ случилось еще худшее, потому что, вслѣдствіе крайней несправедливости и по непостижимому неблагоразумію, всѣ городскіе налоги падали на муку, причемъ сейчасъ являлось соображеніе, что дороговизна хлѣба прямо зависѣла отъ этого налога; такимъ образомъ, въ агентствѣ государственной казны народъ видѣлъ своего личнаго врага, и возмущенія, происшедшія вслѣдствіе голода, превращались уже въ бунтъ противъ государственнаго строя.

VI.

Къ тому же, нововведенія, начавшіяся во внутренней политикѣ, оказались тою искрою, отъ которой воспламеняется масса

пороха; народныя возстанія обнаруживались вездѣ въ самый день избирательнаго съѣзда и, менѣе чѣмъ въ періодъ двухъ недѣль, въ провинціи произошло отъ сорока до пятидесяти возмущеній. Народное воображеніе, съ неразумѣніемъ ребенка, направилось прямо къ своей цѣли; узнавъ, что реформы объявлены, оно полагаетъ, что онѣ уже наступили, и для болѣе вѣрности спѣшить само привести ихъ въ исполненіе, руководствуясь слѣдующимъ выводомъ: такъ какъ теперь уже наши тяготы должны быть облегчены, то будемъ также облегчать себя сами.

«Это не отдѣльная вспышка бунта, какія бываютъ обыкновенно,—такъ пишетъ одинъ воинскій начальникъ,—тутъ масса дѣйствуетъ согласно и подъ вліяніемъ одинаковыхъ принциповъ, такъ какъ всѣ умы охвачены однимъ и тѣмъ же заблужденіемъ... Въ народѣ распространилось такого рода понятіе, что король хочетъ общаго равенства, что онъ не хочетъ больше ни господъ, ни высшаго духовенства, что не будетъ никакого различія между людьми по чинамъ, не будетъ больше ни десятиннаго сбора, ни барщины. И вотъ, основываясь на этомъ, эти заблудшіе люди считаютъ, что они вправѣ поступать такимъ образомъ и что они этимъ исполняютъ волю короля». Пышныя фразы произвели свое дѣйствіе; этимъ людямъ объявили, что совѣтныя государственныя чины «займутся переустройствомъ государства»; изъ этого они заключили, «что время созванія этихъ представителей сословій должно совпасть съ рѣшительною и полнѣйшею переменою въ положеніи и матеріальныхъ средствахъ людей». И вотъ причина «того ожесточеннаго, общаго возстанія противъ дворянства и духовенства». «Во многихъ мѣстахъ толковали про эти бунты такъ, что это своего рода война, объявленная собственникамъ и собственности», и «потому народъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, продолжаетъ стоять на своемъ, что онъ ничего не хочетъ платить, ни податей, ни оброковъ, ни долговъ». Разумѣется, прежде всего народная месть обратилась на чиновниковъ при магазинахъ общественнаго продовольствія, съ личностію которыхъ у народа связано понятіе о налогѣ на муку. Въ Эксѣ, Марсели, Тулонѣ и болѣе чѣмъ въ сорока другихъ мѣстахъ, городахъ и селахъ, магазины эти расхищены имъ; въ Оптѣ и въ Люкѣ, отъ того зданія, гдѣ обыкновенно развѣшивали отпускаемый зерновой хлѣбъ, остались только стѣны, потому что всѣ внутреннія перегородки были выломаны; въ Марсели народъ разнесъ домъ поставщика мяса на весь городъ; въ Бриньолѣ той же участи подвергся домъ завѣдывавшаго коже-

венными заводами, потому что было рѣшено «очистить край отъ всѣхъ господскихъ управителей». Но все это еще только можно назвать вступленіемъ, такъ какъ нужно, чтобы хлѣбъ и вообще вся провізія подешевѣли сейчасъ же. Въ Арнѣ, корпорація матросовъ, подъ предсѣдательствомъ господина де-Барраса, тамошняго консула, выбрала изъ своей среды представителей, которые, подъ конецъ засѣданія, вслѣдствіе состоявшагося раньше въ ихъ средѣ рѣшенія, обратились къ Баррасу съ требованіемъ, чтобы онъ понизилъ цѣну на провізію; а когда онъ отказался отъ этого, то они отворили окно, подхватили Барраса на руки и крикнули: «теперь ты въ нашихъ рукахъ, мы сейчасъ можемъ выбросить тебя на улицу, гдѣ уже другіе примутъ тебя и покончатъ съ тобою!» Баррасу, конечно, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ уступить; такимъ образомъ, постановленіе матросовъ было публично обнародовано и при каждомъ выкликаніи сбавленной на какой нибудь жизненный продуктъ цѣны, толпа неистово кричала: «Да здравствуетъ король и господинъ де-Баррас!» По-неволѣ приходилось уступить передъ напоромъ грубой силы. Но тѣмъ не менѣе положеніе оказалось крайне затруднительнымъ, потому что съ отмѣною налога на муку, города лишились своего дохода, а съ другой стороны, они были обязаны вознаграждать мясниковъ и булочниковъ за понесенные ими убытки, Тулонъ, напримѣръ, пріобрѣлъ долгъ, цифра котораго доходила до 2,500 ливровъ въ день.

При всѣхъ подобныхъ безпорядкахъ, горе тому, кого заподозрятъ хотя въ косвенномъ содѣйствіи народнымъ бѣдствіямъ. Въ Тулонѣ народъ потребовалъ, чтобы ему выдали для собственноручной расправы мэра, назначавшаго таксы на продукты, и архиваріуса, у котораго хранилась эта роспись; избивъ обоихъ до полу-смерти, онъ кинулся грабить ихъ дома. Въ Маноскѣ, епископа, пріѣхавшаго изъ Систерона осмотрѣть семинарію, обвиняли въ потворствѣ какому то скупщику-барышнику. Въ то время, какъ онъ возвращался изъ этого заведенія пѣшкомъ, чтобы сѣсть въ свою карету, его встрѣтили на улицѣ ругательствами и угрозами и, не ограничившись этимъ, стали даже бросать въ него грязью и камнями. Увидѣвъ это, его намѣстникъ съ своими помощниками выбѣжали къ нему на помощь; но народъ набросился также и на нихъ, отгоняя прочь. Тѣмъ временемъ, нѣкоторые изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, начали, въ его же глазахъ, «рыть ему могилу, чтобы потомъ законать въ нее его трупъ». Нашлось, однако же, пять

или шесть чести челоѡкъ добрыхъ людей, которые приняли его подъ свое покровительство и вое-какъ довели его до кареты, подъ грядомъ сыпавшихся на него каменьеѡ, изъ которыхъ одинъ попалъ ему въ голову, ранивъ его, и онъ спасся только потому, что бросаемыя каменья попадали также и въ лошадей, которые подхватили карету и умчались какъ вихрь. Къ этой толпѣ крестьянъ и ремесленниковъ присоединились еще разныя иностранцы, итальянцы и всякіе бродяги, причемъ слышались возгласы и подстрекательства къ такимъ дѣйствіямъ, которыя предвѣщали чуть-ли не поголовное избіеніе высшихъ сословій. Самые разъяренные изъ этихъ негодяевъ кричали епископу: «Мы бѣдны, а ты богатъ, такъ подавай намъ все свое состояніе!» Въ другихъ мѣстахъ «бунтовщики обложили контрибуціею всѣхъ людей съ хорошими средствами». Въ Бриньоль тринадцать домовъ были совсѣмъ разграблены, а тридцать на половину. Въ Оптѣ, господинъ де-Монфера, попытавшійся защищаться, былъ убитъ и «изрубленъ въ куски». Въ Сейнѣ чернѣ, при барабанномъ боѣ, собралась подъ предводительствомъ одного изъ крестьянъ, захвативъ съ собою также и женщинъ, которыя несли гробъ и остановились съ нимъ передъ окнами самаго богатаго изъ мѣстныхъ буржуа, обращаясь къ нему съ приказаніемъ, чтобы онъ готовился къ смерти, «такъ какъ они уже заранѣе приготовили гробъ, чтобы съ честью похоронить его». Но хозяинъ дома успѣлъ скрыться, такъ что народъ разграбилъ только его имущество; оттуда вся эта толпа отправилась въ мучныя лабазы, опорожнила ихъ, а на другой день, предводитель шайки «явился къ главнымъ мѣстнымъ лицамъ съ требованіемъ денегъ, чтобы ему было чѣмъ вознаградить крестьянъ, которые работали цѣлый день для общественной пользы». Въ Пенъе «къ тамошнему помѣщику, восьмидесятилѣтнему старику, ворвалась цѣлая толпа, челоѡкъ въ полтора ста, состоявшая изъ крестьянъ и ремесленниковъ, приведшая съ собою консула и нотаріуса, чтобы, въ присутствіи этихъ двухъ официальныхъ лицъ, заставить помѣщика формальнымъ образомъ, на бумагѣ, отказаться отъ всѣхъ своихъ помѣщичьихъ правъ». Въ Солъе они уничтожили мельницы, принадлежавшія де-Форбенъ-Жансону, разломали домъ его управителя, ограбили господскій замокъ, сняли съ него крышу, сорвали врестъ съ домовой церкви, опрокинули алтарь, вытаскали всѣ рѣшетки, изломали въ куски находившійся на домѣ дворянскій гербъ; потомъ забрались въ погреба и подвалы, выпустили изъ бочекъ весь находившійся тамъ запасъ вина и утащили съ собою все, что только было

можно унести; «такое самовольное хозяйничанье продолжалось цѣлыхъ двое сутокъ», что отозвалось маркизу убыткомъ въ 100,000 талеровъ. Въ Ріецѣ эти негодяи обложили епископскій дворецъ фашинами, грозя поджечь его, «вслѣдствіе чего имъ удалось склонить епископа на мировую сдѣлку, подъ условіемъ выдать имъ 50,000 ливровъ», причемъ они непременно требовали, чтобы онъ сжегъ архивы. Они разграбили потомъ замокъ городского головы въ Пиньянѣ и отправились отыскивать тулонскаго епископа, намѣреваясь его убить. Однимъ словомъ, возмущеніе приняло общественный характеръ, потому что оно своими звѣрствами отражалось на тѣхъ личностяхъ, которымъ былъ выгоденъ установленный государственный порядокъ, или въ рукахъ которыхъ была какая нибудь власть.

Судя по образу дѣйствій этихъ разбойниковъ, можно было бы подумать, что теорія, излагаемая въ Contrat social, имъ прирождены. Они смотрятъ на правителей, какъ на своихъ слугъ, вводятъ свои законы, держатъ себя какъ власть имѣющіе, распоряжаются общественнымъ строемъ, рѣшительно, быстро, самовольно, грубо, и учреждаютъ таковой ходъ дѣла, который считаютъ во всемъ согласнымъ съ естественнымъ правомъ. Въ Пенне они требуютъ созыва втораго избирательнаго собранія, съ правомъ подачи голосовъ для самихъ себя. Въ Санъ-Максимѣ они сами избираютъ консуловъ и чиновниковъ юстиціи. Въ Соле они принудили земскаго судью отказаться отъ своей должности, причемъ они изломали въ куски его судейскій жезлъ, какъ атрибутъ его власти. Въ Баржонѣ «они заставили консуловъ и судей играть, относительно себя, роль городскихъ слугъ, объявивъ имъ, что теперь они господа и что они сами будутъ чинить судъ и расправу». Въ сущности они взяли за это дѣло по-своему, т. е. при помощи кражъ и лихоимства. Если у кого нибудь окажется лишній хлѣбъ, то онъ долженъ раздѣлить его съ тѣмъ, кто его не имѣетъ. Если у кого есть деньги, то онъ долженъ дать ихъ тому, кто не имѣетъ на что купить себѣ хлѣба. На этомъ основаніи, они обложили монастырь урсулинокъ взносомъ въ 1,800 ливровъ, увезли пятьдесятъ возовъ хлѣба у капитула, восемьдесятъ возовъ у одного бѣднаго работника, сорокъ возовъ у другаго и заставили канониковъ и владѣльцевъ духовныхъ мѣстъ выдать арендаторамъ отъ себя квитанціи въ полученіи. Потомъ, переходя изъ дома въ домъ съ дубиною въ рукѣ, они принуждаютъ однихъ выдавать имъ деньги, другихъ—отказаться отъ полученія денегъ съ своихъ должниковъ; «то избавятъ кого нибудь отъ отвѣтствен-

ности передъ судомъ за совершеніе какаго нибудь преступленія, то отъ преслѣдованія по суду другаго лица по денежнымъ взысканіямъ, то отъ полученія процентовъ за нѣсколько лѣтъ; одного отца даже принудили дать согласіе на бракъ своего сына, которому онъ не позволялъ жениться». При этомъ имъ припомнились всѣ прежде испытанныя притѣсненія и обиды; крестьянинъ, какъ извѣстно, ничего не забываетъ. Сдѣлавшись господиномъ, онъ старается вымѣстить на другихъ свои собственные вины и ошибки, въ которыхъ считаетъ кого либо виновнымъ. Общій возвратъ всего, что они считали захваченнымъ у себя въ періодъ существованія феодальнаго права; поэтому они отбираютъ у повѣреннаго де-Монмеяна всѣ имѣвшіяся у него деньги, которыя онъ скопилъ за пятнадцать лѣтъ своей службы, въ качествѣ нотариуса. Прежній бриньольскій консуль, въ 1775 году, увеличилъ съ 1,500 до 1,800 франковъ штрафную сумму, которая предназначалась имъ въ пользу бѣдныхъ, но и у него отняли эту сумму обратно изъ кассы, гдѣ она хранилась. Впрочемъ, если консулы и юристы сами по себѣ считались людьми дурными, то списки разныхъ податей и вообще всѣ тѣ бумаги, по инструкціи которыхъ они дѣйствовали, представлялись чѣмъ-то еще болѣе худшимъ. Такъ, сжечь эти противныя бумаги, и не только однѣ приходныя книги управителей помѣщичьихъ имѣній, но также, какъ въ Герѣ, всѣ находившіяся въ тамошней ратушѣ документы и письменныя условія, заключенныя у главнаго нотариуса. Изъ всѣхъ подобнаго рода бумагъ, вниманія бунтовщиковъ заслуживали только новыя, т. е. такія, гдѣ говорилось о льготахъ, росписахъ или обязательствахъ въ пользу народа. Въ Бриньолѣ, крестьяне принуждаютъ владѣльцевъ мельницъ уступить ихъ общинѣ за 5,000 франковъ въ годъ, которые будутъ уплачены черезъ десять лѣтъ, безъ всякихъ процентовъ на этотъ капиталъ, что положительно разоряетъ хозяевъ мельницъ; когда же, наконецъ, условіе подобнаго рода было подписано, то крестьяне пришли въ такой восторгъ, что сейчасъ поспѣшили заказать по случаю этого событія обѣдню въ монастырѣ кордельеровъ. Все это имѣло видъ страшныхъ симптомовъ, изобличавшихъ затаенную мысль, непреклонную волю, будущій образъ дѣйствій возникающей власти. Если перевѣсъ окажется на ея сторонѣ, то она начнетъ съ уничтоженія прежнихъ бумагъ, списковъ, наслѣдственныхъ правъ, контрактовъ, долговыхъ обязательствъ и которымъ она пока подчиняется по-неволѣ; по неволѣ же заставитъ она своихъ представителей составить другія, въ иномъ,

обратномъ смыслѣ, въ свою собственную пользу, и тогда эти составители сдѣлаются ея представителями и администраторами, дѣйствующими подъ гнетомъ ея тяжелой руки.

Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, однако, не смущались всѣмъ этимъ, находя, что возстаніе имѣетъ свою хорошую сторону, потому что принудило городскія управы уменьшить въ сущности несправедливые налоги. Тамъ посмотрѣли также сквозь пальцы на тотъ фактъ, что молодые новобранцы марсельской охранительной гвардіи отправлялись въ Обанъ. «чтобы потребовать отъ уголовного судьи и отъ королевскаго прокурора освобожденія арестантовъ». Легко взглянули потомъ и на отказъ марсельцевъ принять судей, присланныхъ отъ правительства, для производства слѣдствія по этому дѣлу. Даже лучше того, не смотря на предостереженія со стороны парламента города Экса, правительство объявило общую амнистію, «сдѣлавъ въ этомъ случаѣ исключеніе только для нѣсколькихъ главныхъ зачинщиковъ, которымъ предоставлена была полная свобода выѣхать изъ предѣловъ Франціи, куда имъ угодно». Король и воинскіе начальники выказали относительно такого рода обстоятельствъ необычайную кротость и мягкость: и король, и военная власть составили себѣ убѣжденіе, что народъ, все равно что ребенокъ, который поступаетъ дурно, самъ того не сознавая; что онъ, вѣроятно, одумается и какъ только все опять придетъ въ прежній порядокъ, то виновныхъ нужно принять съ любовью въ свои отеческія объятія. Но въ дѣйствительности, этотъ ребенокъ былъ ослѣпленный колоссъ, выведенный изъ терпѣнія своими страданіями; и вотъ почему онъ ломалъ все, къ чему прикасался, не только въ провинціи, т. е. ломалъ разныя отдѣльныя вертящіяся колеса механизма, которыя еще могутъ быть исправлены; но даже ломалъ находившуюся въ самомъ центрѣ, двигавшую эти колеса, пружину, отъ поврежденія которой остававливался ходъ всей машины.

Г Л А В А II.

I.

Конвульсивныя потрясенія всегда сильнѣе ощущаются въ центрѣ страны, гдѣ существуетъ болѣе причинъ для того, чтобы бунтъ принялъ серьезный характеръ; тамъ нѣтъ недостатка въ

болѣе горячихъ подстрекательствахъ, чтобы его вызвать, какъ нѣтъ недостатка въ болѣе многочисленныхъ шайкахъ, чтобы произвести его. Окрестности Парижа доставляли ему со всѣхъ сторонъ людей, готовыхъ принять участіе во всякихъ возмущеніяхъ, потому что нигдѣ не было столько бѣдныхъ, столько голодныхъ, столько озлобленныхъ. Повсюду начались хлѣбныя грабежи, въ Орлеанѣ, въ Коснѣ, въ Рамбулѣ, въ Жуи, въ Понть-Сенъ-Максансѣ, въ Брѣй на Сенѣ, въ Сенсѣ, въ Нанжисѣ. Въ Медонѣ былъ такъ ничтоженъ запасъ пшеницы, что привязано всѣмъ, покупавшимъ его, покупать въ то же время такое же количество ячменя. Въ Варофлѣ тридцать женщинъ, имѣя въ своемъ арьергардѣ нѣсколькихъ мушницъ, останавливаютъ на большой дорогѣ фуры, въ которыхъ, какъ они полагали, везутъ зерновой хлѣбъ. Въ Молгери семь бригадъ охранительной команды принуждены отступить, потому что народъ бросился на нихъ съ дубьемъ и видалъ въ нихъ камнями; началась страшная свалка; толпа, состоявшая изъ восьми тысячъ человѣкъ, мушницъ и женщинъ, съ мѣшками въ рукахъ, бросается къ фурамъ съ хлѣбомъ, вывезеннымъ на продажу, и заставляетъ хозяевъ его уступить имъ за 24 франка такое количество хлѣба, которое стоитъ 40; половина его тотчасъ же овазывается растащенной неизвѣстно кѣмъ, и за которую не было заплачено ни гроша. «Обружная команда совсѣмъ упала духомъ, — такъ пишетъ намѣстникъ края; — рѣшимость дѣйствій народа поразительная; я не могу вспомнить безъ ужаса о томъ, что видѣлъ и слышалъ».

Съ 13 іюля 1788 г., съ того самаго дня, когда градъ произвелъ такія ужасныя опустошенія, крестьянами овладѣло «полнѣйшее отчаяніе»; при всей доброй волѣ помѣщиковъ помочь имъ, они не были въ состояніи этого сдѣлать; «не существуетъ болѣе никакихъ работъ, на которыя понадобилась бы цѣлая артель рабочихъ, потому что господа и буржуа, лишеныя своихъ прежнихъ доходовъ, не могутъ дать имъ работы». Вслѣдствіе этого голодный народъ дошелъ до такого положенія, что готовъ былъ, ради сохраненія своей собственной жизни, посягнуть на жизнь другихъ людей, «и потому онъ явно, смѣло и прямо отправляется отыскивать питательные продукты тамъ, гдѣ они есть. Въ Конфланъ-Сентъ-Оноринъ, въ Иль-Адамъ, въ Прэлѣ, въ Бомонтѣ, мушницы, женщины, дѣти, всѣ поголовно выходятъ въ поле съ сѣтями и силками для ловли всякой дичи», вслѣдствіе распространившагося слуха, что будто правительство, получивъ свѣдѣнія о томъ, что эта дичь причиняетъ большой вредъ полямъ земледѣльцевъ, позволило истреблять ее. И дѣй-

ствительно, зайцы поѣли почти пятую часть всего урожая. Удалось, однакожъ, захватить девять человѣкъ изъ этихъ, новаго рода браконьеровъ; но вскорѣ впрочемъ, «въ виду существующихъ обстоятельствъ», ихъ отпустили и потому цѣлыхъ два мѣсяца продолжалось это беспощадное истребленіе всякаго сорта дичи во владѣніяхъ принца Конти и посланника Мерси д'Аржанто; за немѣнѣемъ хлѣба, народъ сталъ питаться дичью. Увлечшись такого рода охотою на чужихъ владѣніяхъ, онъ уже принялся за истребленіе недвижимой собственности. Возлѣ Сенъ-Дени началась страшная порубка въ лѣсахъ абатства; «около фермеры увозили оттуда заразъ по нѣсколько возовъ, изъ которыхъ каждый былъ запряженъ двумя парами воловъ». Жители деревень Виль-Паризисъ, Трамблэ, Веръ-Галанъ, Вильпентъ открыто торговали этимъ вырубленнымъ лѣсомъ и грозили лѣснымъ сторожамъ убить ихъ на мѣстѣ, если тѣ вздумаютъ препятствовать имъ, такъ что 15 іюня порубка доходила уже до суммы въ 60,000 ливровъ. Какое имъ дѣло до того, что помѣщикъ, какъ на примѣръ, Таларю, былъ настолько жалостливъ къ нимъ, что впродолженіи всей предшествовавшей зимы, кормилъ на свой счетъ всѣхъ бѣдныхъ въ своемъ помѣстьѣ Исси. Крестьяне раскидали всю плотину, которая вела отъ его дома къ его же мельницѣ; будучи потомъ приговорены парламентомъ къ исправленію ея и приведенію въ прежній видъ, они прямо объявили, что не исполнять этого; мало того, если Таларю опять исправить плотину самъ и на свой счетъ, то они уже явятся вооруженными, цѣлою толпою въ триста человѣкъ, и опять въ другой разъ уничтожатъ плотину.

Для самыхъ компрометированныхъ изъ этихъ людей Парижъ представлялся самымъ ближайшимъ убѣжищемъ, а для самыхъ бѣдныхъ и самыхъ отчаянныхъ бродячая жизнь представляла самое широкое поприще. Такимъ образомъ формировались цѣлыя шайки вокругъ самой столицы, какъ будто въ такихъ странахъ, гдѣ еще никогда не существовало или гдѣ уже болѣе не существуетъ благоустроеннаго человѣческаго общества. Впродолженіи двухъ первыхъ недѣль мая, близъ Вильжюнеръ, образовалась одна такая шайка бродягъ, въ составѣ шестисотъ человѣкъ, которая намѣревалась проникнуть въ Бисетръ и подступала къ Сенъ-Клу. Шайки подобнаго рода постоянно пополнялись новыми пришельцами, миль за тридцать, за сорокъ, и за шестьдесятъ, изъ Шампани, Лотарингіи, однимъ словомъ изъ всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ градъ надѣлалъ столько опус-

тошеній. Все это бродить около Парижа и погрязает тамъ, какъ въ помойной ямѣ, несчастные наравнѣ съ негодяями, потому что одни пришли туда искать работы, а другіе за тѣмъ, чтобы просить милостыни и шататься праздно, при нездоровыхъ побужденіяхъ голода и при громкихъ выраженіяхъ недовольства на улицахъ. Въ послѣдніе дни апрѣля мѣсяца, многіе видѣли, какъ изъ разныхъ заставъ «прибыло въ Парижъ пропасть дурно одѣтыхъ людей, свирѣпаго вида». А въ первые дни мая уже замѣтили, что видъ этой толпы значительно измѣнился; въ прежняго разряда людямъ «прибавилось еще порядочное количество иностранцевъ всевозможныхъ націй, бѣльшая часть которыхъ были одѣты въ какія-то лохмотья и вооружены толстыми дубинами, одинъ видъ которыхъ уже самъ за себя говоритъ, чего именно можно опасаться со стороны этихъ оборванцевъ». Уже прежде, еще ранѣе этого новаго, окончателнаго прилива простонародныхъ массъ, количество ихъ было такъ велико, что ихъ некуда было дѣвать. Представьте себѣ только пріятномъ быстрое и необыкновенное расширеніе предѣловъ Парижа, въ которомъ были скопленіе всякаго рода рабочихъ при воздвиженіи новыхъ построекъ и ломеѣ старыхъ зданій, и прибавьте къ этому еще положеніе, въ которое поставлены были всѣ ремесленники при тогдашнемъ застоѣ всякихъ фабричныхъ производствъ, вздорожаніи всѣхъ сѣстныхъ припасовъ, а также суровую зиму и почти неприступную цѣну на хлѣбъ, — тогда вы получите нѣкоторое понятіе о бѣдствующемъ положеніи этой массы. Не забудьте пріятномъ, что въ 1786 г. въ Парижѣ насчитывали «до двухсотъ тысячъ такихъ личностей, у которыхъ всего имущества не набралось бы на пятьдесятъ талеровъ»; что всѣ такого рода личности, съ незапамятныхъ временъ, всегда находились въ постоянной враждѣ съ блюстителями порядка и тишины; что въ 1789 г. въ столицѣ было до двадцати тысячъ бѣдныхъ, пришедшихъ искать работы, для занятія которыхъ пришлось устраивать національныя артели; и что «двѣнадцать тысячъ этихъ людей держались правительствомъ на совершенно бесполезной работѣ: ихъ заставили срывать Монмартрскій валъ, за что имъ платили по двадцати су въ день; что всѣ пристани и набережныя усѣяны этимъ людомъ; что ратуша переполнена приходящими за помощью, и что скопленіе таеихъ массъ около зданія палаты какъ будто является живымъ укоромъ бездѣйствію безсильнаго правосудія; что всякій день эти толпы заводятъ между собою драки изъ-за хлѣба около лавочекъ хлѣбопекровъ и озлобляются еще болѣе, если послѣ долгаго

ожиданія, имъ приходится уходить съ пустыми руками, такъ какъ хлѣбъ уже весь вышелъ—и вы поймете конечно, съ какимъ азартомъ и силою подобная масса хлынетъ впередъ для разрушенія преграды, на которую ей ктонибудь укажетъ!

II.

На эту преграду имъ указывали уже въ продолженіи двухъ лѣтъ: ее составляютъ министерства, дворъ, правительство и вся прежняя система управленія. А если кому нибудь вздумалось бы протестовать противъ всего вышеупомянутаго, въ пользу народа, того будутъ преслѣдовать постоянно или заставятъ поневолѣ избрать мѣстомъ своего пребыванія самую отдаленную часть края. И поэтому, въ каждомъ большомъ городѣ, всякій разъ какъ парламентъ отказывается, при составленіи росписи государственныхъ налоговъ, вносить въ него еще новыя, то онъ всегда найдетъ себѣ поддержку въ народѣ, которая непремѣнно выразится возмущеніемъ. 7 іюня 1788 г. въ Греноблѣ, противъ мятежниковъ оказалась безсильною военная команда; на головы солдатъ полетѣли куски отъ черепичныхъ кровель. Въ Реннѣ, для того, чтобы справиться съ возмущившимся городомъ, понадобился цѣлый корпусъ войскъ, потому постоянное пребываніе ихъ тамъ, въ составѣ четырехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ маршала Франціи. На слѣдующій годъ, когда парламенты перешли на сторону сильныхъ, бунтъ опять вспыхнулъ, но на этотъ разъ уже противъ парламентовъ.

Въ февралѣ 1789 года, въ Безансонѣ и Эксѣ, все городское начальство, какъ только появлялось на улицѣ, было встрѣчаемо ругательствами; за всѣми этими господами народъ гнался, вламываясь къ нимъ въ присутственныя мѣста, гдѣ они должны были укрываться или спасаться бѣгствомъ. Если таково было настроеніе народа въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, то каково же оно должно было быть въ столицѣ королевства? Прежде всего, въ августѣ 1788 года, послѣ отставки Бриена де-Ламуаньона, толпа, собравшаяся на площади Дофина, приняла на себя роль судей, сожгла публично портреты этихъ обоихъ министровъ, за отсутствіемъ ихъ самихъ, разогнала полицію и дала отпоръ войскамъ; такого страшнаго бунта не было тамъ уже лѣтъ сто тому назадъ. Два дня спустя, бунтъ снова вспыхнулъ; народъ опять заводновался и отправился къ домамъ обоихъ

отсутствующихъ министровъ, чтобы съечь ихъ вмѣстѣ съ домою начальника полиціи Дюбуа. Очевидно, что какая нибудь новая подстрекающая мысль явилась въ головѣ невѣжественной и грубой массы, и эта новая мысль оказывала свое дѣйствіе. Такого рода новыя идеи уже давно нечувствительнымъ образомъ всасывались въ низменные пласты почвы поочередно, потому что, распространившись въ средѣ аристократіи, въ средѣ всѣхъ образованныхъ людей средняго сословія, въ средѣ юристовъ, въ средѣ учащейся молодежи высшихъ школъ, онѣ по каплямъ просачивались черезъ всѣ, почти незамѣтныя для глаза трещины, въ тотъ слой людей, которые живутъ трудами своихъ рукъ. Важные господа, по своему, насмѣхались надъ христіанскою религіею и тольковали о правахъ человѣка при своихъ домашнихъ, при своихъ парикмахерахъ, при своихъ поставщикахъ и даже въ присутствіи всѣхъ своихъ лакеевъ. Литераторы, адвокаты, прокуроры уже выражались болѣе рѣзко, критиковали несостоятельность первой, проводили теорію своихъ взглядовъ на второй предметъ, разглагольствуя такимъ образомъ въ ресторанахъ, на гуляньяхъ, на улицѣ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Все это, правда, говорилось очень краснорѣчиво, но безъ малѣйшаго стѣсненія, безъ малѣйшей осторожности, такъ что только самые поддонки этого краснорѣчія нашли себѣ мѣсто въ мозгу ремесленника, кабатчика, комисіонера, солдата и торговли разнымъ тряпьемъ.

Вотъ почему достаточно было одного года, чтобы превратить ихъ затаенное недовольство въ страстную политическую агитацію. Начиная съ 5 іюля 1787 года, при заявленіи короля о его намѣреніи созвать земскихъ представителей, приглашая всякаго подать ему свой полезный совѣтъ, печать тотчасъ же перемѣнила тонъ и заговорила иначе; вмѣсто обсуждения этого обстоятельства въ общихъ и умозрительныхъ чертахъ, она вдругъ разразилась какою-то проповѣдью, въ родѣ трубнаго, призывнаго гласа, въ виду практическаго, внезапнаго, глубокаго и быстраго преобразованія государственнаго строя. Одинъ за другимъ появляются революціонные памфлеты, въ родѣ: «Что такое среднее сословіе?» Сійеса, «Памятная записка для французскаго народа» Черутти, «Взглядъ на интересы средняго сословія» Рабо Сентъ-Этьена, «Моя петиція» Тарже, «Права земства» господина д'Антрѣга; немного спустя появилась еще брошюра Камиля Демулена «Свободная Франція» и цѣлыя сотни другихъ, тому подобныхъ, смыслъ которыхъ понимался въ преувеличенномъ видѣ на выборныхъ собраніяхъ, куда являлись горячіе

ораторы въ лицѣ новыхъ гражданъ. Этотъ единодушный, общій и ежедневный крикъ разносился эхомъ по всѣмъ казармамъ, предмѣстьямъ, рынкамъ, мастерскимъ, мансардамъ. Такъ что въ февралѣ 1789 года Неккеръ признался, «что всѣ вышли изъ повиновенія, и что нельзя даже быть увѣреннымъ въ войскахъ». Въ маѣ мѣсяцѣ рыбныя торговли, потомъ рыночныя продавщицы фруктовъ явились всею толпою просить избирателей постараться замолвить слово въ пользу народа, послѣ чего ушли, распѣвая куплеты въ честь средняго сословія. Въ іюнѣ пасквили ходили уже у всѣхъ по рукамъ, «ихъ читаетъ даже всякій швейцаръ, сидящій у подъѣзда отелей знатныхъ баръ». Въ іюлѣ, когда король подписывалъ какой-то приказъ, одинъ придворный лакей-патріотъ встревожился этимъ обстоятельствомъ и прочелъ приказъ черезъ плечо короля. Убаюкивать себя пріятными мечтами уже было невозможно; не только одна буржуазія начинала возставать противъ законныхъ властей и существовавшаго образа правленія, а весь народъ, цѣлая нація, ремесленники, лавочники, прислуга, всякіе мастеровые и поденщики, а затѣмъ уже и самая чернь, отрешье народа, всякіе бродяги, праздношатающіеся, нищія,—вся эта масса, сгибающаяся подъ гнетомъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, не имѣвшая даже времени никогда поднять голову, чтобы взглянуть на всю эту громадную машину общественнаго строя, въ основѣ котораго находится она сама и выносить его на своихъ плечахъ.

III.

Вдругъ эта масса дѣлаетъ порывистое движеніе—и подмостки, которыя она поддерживала собою, начинаютъ колебаться. Это движеніе звѣря, выведеннаго изъ терпѣнія всякаго рода лишеніями и обезумѣвшаго, вслѣдствіе накопившагося чувства подозрительности. Что было причиною этого движенія? Ужъ нѣтъ ли тутъ чьихъ нибудь постороннихъ, скрытыхъ подстрекательствъ? Современники даже положительно были убѣждены въ послѣднемъ и это весьма вѣроятно. Но шумъ, который поднимаютъ около этого страждущаго звѣря, таковъ, что способенъ раздражительнымъ образомъ подѣйствовать на него и заставить его сдѣлать это, весьма понятное съ его стороны, порывистое движеніе.

21 апрѣля начались избирательныя собранія въ Парижѣ и онѣ открылись во всѣхъ кварталахъ, для духовенства, для дворянства, для средняго сословія. Почти впродолженіи мѣсяца,

каждый день, по улицамъ проходятъ дѣлныя вереницы избирателей. Избиратели перваго разряда продолжаютъ собираться, послѣ того какъ принимали участіе въ избраніи представителей втораго разряда, считая необходимымъ такой надзоръ со стороны націи, которая обязана отстаивать ненарушимость своихъ правъ; если она однажды уполномочила своихъ представителей, то все-таки право руководить ими осталось за нею, и она можетъ заявлять свое вмѣшательство въ дѣло, когда и въ чемъ ей вздумается. Такого рода притязаніе вскорѣ приняло еще болѣе широкіе размѣры, такъ что, послѣ средняго сословія, участвовавшаго въ собраніяхъ, захотѣло участвовать въ нихъ также и уличное среднее сословіе. Тутъ, весьма естественно, являлось желаніе руководить своими руководителями, такъ что, при первомъ неудовольствіи дѣйствіями послѣднихъ, если они не будутъ исполнять данныхъ имъ инструкцій, тотчасъ же слѣдуетъ взять ихъ въ руки построже, чтобы они не выходили изъ повиновенія. Въ субботу, 25 апрѣля, вдругъ разнесся слухъ, что Ревельонъ, фабрикантъ бумажныхъ обоевъ въ улицѣ Сентъ-Антуанъ, и комисаръ Лера «плохо говорили» на избирательномъ собраніи Сентъ-Маргеритъ. Плохо говорить—означало тогда говорить недостаточно въ пользу народа или осуждать его дѣйствія. Но чтѣ же собственно говорилъ Ревельонъ? Никто ничего не знаетъ; но только народное воображеніе, съ своею ужащающею силою изобрѣтательности и рѣшительности, создало или повѣрило на слово сочиненной кѣмъ нибудь и возбуждавшей противъ него фразѣ, будто бы онъ сказалъ, «что женатому и семейному работнику достаточно 15 су въ день, чтобы прокормиться». Слѣдовательно, онъ измѣнникъ и потому онъ заплатитъ за это; «нужно сжечь его домъ и фабрику, а его самаго убить!» Не слѣдуетъ забывать приэтомъ, что пущенный по поводу этого слухъ оказывался положительно ложнымъ, потому что Ревельонъ платилъ по 25 су въ день самому послѣднему изъ своихъ рабочихъ; что онъ давалъ хлѣбъ и пропитаніе 350 человѣкамъ; что въ прошедшую зиму, не смотря на сокращеніе фабричныхъ работъ, онъ всѣхъ рабочихъ оставилъ у себя на ихъ прежнемъ жалованьи; что онъ самъ прежде былъ рабочимъ человѣкомъ, и что, вслѣдствіе разныхъ, сдѣланныхъ имъ изобрѣтеній, онъ былъ награжденъ медалью; что онъ человѣкъ извѣстный своею благотворительностью и уважаемый всѣми почтенными людьми. Но какое кому до того дѣло; шайби бродягъ и «иностранцевъ», наплывъ которыхъ замѣченъ былъ приставами городскихъ заставъ, — народъ не особенно разборчивый, а подень-

щизн. ломовые извозчики, плохіе ремесленники, каменщики, котельники, каменотесы, которыхъ вышеупомянутыя шайки прищеповъ подзадоривали ежедневно, тоже не давали себѣ труда справиться, правда ли все, что имъ рассказывали. Когда причинъ къ недовольству накопилось уже слишкомъ много, то оно изливается на кого попало.

Именно въ это самое время парижское духовенство объявило, что оно отказывается отъ взиманія податей въ свою пользу, что до сихъ поръ входило въ составъ его привилегій; но народъ, заподозривъ въ этомъ облегченіи своимъ тяготамъ враждебную для себя цѣль, въ своемъ ослѣпленіи, сталъ обвинять также и духовенство въ одинаковыхъ съ Ревельономъ намѣреніяхъ. Впродолженіи цѣлаго дня и потомъ въ свободное отъ работъ время, въ воскресенье, народное волненіе въ этомъ смыслѣ все увеличивалось, а въ понедѣльникъ, 27 числа, въ послѣпраздничный день обычной праздности и пьянства, всѣ эти шайки зашевелились. Очевидцы рассказываютъ, что встрѣтили на улицѣ Сентъ-Северинъ такую огромную толпу черни, «вооруженную дубьемъ», что негдѣ было пройти постороннему человѣку. Всюду на ихъ пути жители спѣшили закрыть ставни оконъ и запереть двери, съ ужасомъ крича: «Бунтовщики идутъ!» А тѣ между тѣмъ шли все дальше, осыпая проклятiями и руганью все духовенство, и увидавъ какого-то абата, заорали ему вслѣдъ: «Погоди, доберемся мы до тебя, поганецъ-попъ!» Другая шайка, сдѣлавъ чучелу Ревельона, украшенную орденомъ св. Михаила, волочила ее за собою по улицамъ, дѣлая видъ, что тащитъ его на казнь, потомъ сожгла ее на площади Грэвъ и повалила оттуда къ его дому, собираясь разнести его; но, будучи встрѣчена тамъ сильнымъ отпоромъ со стороны охранительной стражи, она бросилась на домъ его прiятеля, у котораго былъ селитряный заводъ, гдѣ перебила всѣ стекла, переломала всю мебель и сожгла все его имущество. Только около полуночи удалось разогнать эту шайку негодяевъ, послѣ чего всѣ успокоились, полагая, что бунтъ уже совсѣмъ подавленъ. Но на другой день онъ вспыхнулъ съ еще болѣею силою, потому что, кромѣ обыкновенныхъ подстрекательствъ, какъ самая крайняя бѣдность и потребность своеволія, у нихъ явилось еще новое подстрекательство,—это родившаяся въ ихъ головахъ мысль, что они должны защищать известное право, будучи убѣждены, что они защищаютъ интересы «средняго сословія». При подобныхъ обстоятельствахъ вѣдь всякій долженъ помогать самъ себѣ и всѣ помогать другъ другу, причемъ нѣкоторые изъ нихъ говорили прочимъ: «Вѣдь мы по-

гибнемъ, если не будемъ поддерживать другъ друга». Сильные такою увѣренностью, они три раза послали своихъ уполномоченныхъ набирать себѣ сообщниковъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Марсо, и эти уполномоченные, съ дубиною въ рукахъ, волею или неволею, забирали таковыхъ на своемъ пути, безъ дальнихъ разговоровъ. Другіе, при въѣздѣ въ заставу Сентъ-Антуанъ, останавливали людей, возвращавшихся съ своихъ загородныхъ дѣловыхъ поѣздокъ, спрашивали ихъ: за кого они, за дворянство, или среднее сословіе? причѣмъ принуждали женщинъ выходить изъ экипажа и кричать: да здравствуетъ среднее сословіе! Между тѣмъ толпа передъ домомъ Ревельона все прибавлялась; тридцати челоѣкъ охранительной стражи оказалось недостаточнымъ, такъ что бунтовщики ворвались въ домъ, гдѣ не пощадили ничего; мебель, провизія, бѣлье, торговые счета, экипажи и даже все количество оказавшейся на дворѣ домашней птицы, все это брошено было въ костры, разложенные въ нѣсколькихъ мѣстахъ; похищено было 500 лудировъ, всѣ наличныя деньги и все столовое серебро. Бѣдная часть этихъ людей разбрелась по подваламъ, выпивая безъ разбора все, что попадалось подъ руку, вина и разныхъ сортовъ спиртовой лажъ, послѣ чего тутъ же падали мертвецки пьяные или корчились въ предсмертныхъ судорогахъ. Противъ этой толпы, оглашавшей воздухъ своими дикими, неистовыми воплями, выслано было нѣсколько отрядовъ пѣшого и коннаго войска, сто челоѣкъ кавалеристовъ, составившихъ королевскую охранительную стражу, часть французской и швейцарской гвардіи. Послѣ сдѣланнаго солдатами со всѣхъ четырехъ сторонъ залпа, на ихъ головы посыпался цѣлый градъ кровельной черепицы и кирпичей отъ разломанныхъ дымовыхъ трубъ. Опьянѣвшіе и остервенившіеся бунтовщики въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ защищались самымъ отчаяннымъ образомъ; 200 челоѣкъ изъ нихъ было убито, 300 — ранено, и такъ какъ количество этихъ негодяевъ все прибывало, то съ ними справились только, пустивъ въ ходъ артилерію. Около восьми часовъ вечера парижская гвардія должна была еще сдѣлать нѣсколько залповъ въ улицѣ Віель дю-Тампль, чтобы не допустить мятежниковъ выломать двери у нѣкоторыхъ домовъ. Но тѣмъ не менѣе этимъ людямъ удалось-таки въ половинѣ двѣнадцатаго часа вечера ворваться въ лавку колбасника въ улицѣ Сентонжъ и въ лавочку булочника въ улицѣ Бретанъ. Даже въ этой послѣдней волнѣ утихавшаго мятежа все еще замѣтны стихійныя начала самаго бунта, въ которыхъ проскальзываютъ вѣянія будущей революціи. Въ этой толпѣ пропасть голодныхъ; та, ко-

торая разграбила въ улицѣ Бретань лавочку булочника, унесла весь находившійся тамъ хлѣбъ и отдала его женщинамъ, ожидавшимъ на углу улицы Сентонжъ. Но было между ними также немало и разбойниковъ. Такъ, шпионы г. дю-Шателэ, залегшіе для своихъ наблюденій въ одной канавѣ ночью, «видѣли огромную толпу этихъ головорѣзовъ», собравшихся около заставы дю-Тронъ; вожакъ этой шайки, стоявшій на пригоркѣ, подстрелялъ ихъ снова принятыя за прежнее; а на слѣдующіе затѣмъ дни, по большимъ дорогамъ, бродяги разговаривали между собою такъ: «Теперь намъ уже нечего больше дѣлать въ Парижѣ, потому что принято слишкомъ много предосторожностей; пойдемъ теперь въ Лионъ». Были также между ними и патриоты; вечеромъ, въ день бунта, босоногіе и перепачканные въ грязи бѣдняки, которые обыкновенно возятъ въ телѣжкахъ разныя тяжести, между Понтъ-о-Шанжемъ и мостомъ Мари, сознали свою вину и потому открыто начали просить милостыню и, протягивая къ прохожимъ свою шляпу, говорили: «Пожалуйте бѣднаго человѣка изъ средняго сословія!» Но тѣмъ не менѣе голодные, разбойники и патриоты, всѣ вмѣстѣ составляли одно полчище, причемъ нищета, преступленіе и политическія понятія, сплотившись между собою, давали готовый матеріалъ для возмущенія, всегда предоставленный въ распоряженіе агитаторовъ, которые захотятъ дать ему толчекъ.

IV.

Но агитаторы уже были постоянно налицо. Палэ-Рояль представлялъ собою открытый для всѣхъ клубъ, куда, впродолженіи цѣлаго дня до поздней ночи, собирались они, воспламеняя одинъ другаго и какъ бы призывая толпу къ рукопашной расправѣ. Въ этомъ зданіи, охранявшемся привилегіями орлеанскаго дома, полиція не смѣла показываться; говорить тамъ можно было совершенно свободно о чемъ угодно, а пользовавшаяся этимъ обстоятельствомъ публика, какъ будто умышленно злоупотребляла имъ. Впрочемъ эта публика вполне соответствовала посѣщаемому ею мѣсту. Будучи центромъ проституціи, всякаго рода игры, праздности и появленія брошюръ, Палэ-Рояль привлекалъ къ себѣ все то, неимѣвшее корня, народонаселеніе, которое скитается въ большомъ городѣ и которое, не имѣя никакого ремесла, ни семейства, живетъ только ради любопытства и ради удовольствія: завсегдатаи всякихъ ресторановъ, посѣтители шу-

лерскихъ притоновъ, авантюристы и выбившіяся изъ своей прежней среды личности, лишнія или погибшія чада литературнаго міра, искусства и адвокатуры, прокурорскіе клерки, студенты разныхъ высшихъ школъ, всякіе зѣваки, праздношатающіеся иностранцы и обитатели меблированныхъ комнатъ, которыхъ, какъ говорятъ, въ Парижѣ насчитывалось до сорока тысячъ человѣкъ. Вся эта публика наполняла собою садъ и галереи, «гдѣ чрезвычайно рѣдко можно бываетъ встрѣтить хотя одного человѣка изъ разряда тѣхъ, которымъ въ насмѣшку дали общее названіе самъ-шесть», т. е. такого буржуа, который усердно работаетъ и хорошо ведетъ свои дѣла, или человѣка, который постоянно занятъ чѣмъ нибудь серьезнымъ, причемъ заботится о томъ, какъ бы обезпечить и получше устроить свою семью, что доставляетъ ему уваженіе всѣхъ порядочныхъ людей и придаетъ ему самому значеніе и вѣсъ. Тутъ не было мѣста для трудолюбивыхъ и любящихъ порядокъ пчелъ; здѣсь было лишь сборище политическихъ и литературныхъ трутней. Они слетались сюда со всѣхъ концовъ Парижа, и ихъ шумный, жужжащій рой покрывалъ все это пространство, какъ спустившійся на землю и разбившійся на нѣсколько партій пчелиный улей. «Каждый день, такъ пишетъ Артуръ Юнгъ,—въ Палэ-Роялѣ собиралось не менѣе десяти тысячъ человѣкъ», и тѣснота бывала такъ велика, что негдѣ было бы упасть яблоку. Такимъ образомъ становится понятнымъ состояніе мозговъ тамошней публики, въ составъ которой входили самыя пустѣйшія головы Франціи, но набитыя самыми отвлеченными идеями, легко воспламенявшіяся своими собственными словами и возмущавшіяся чужими. Въ этомъ смѣшеніи голосовъ или импровизированныхъ политиковъ, разговоръ происходилъ между людьми совершенно незнакомыми другъ другу, причемъ никто не считалъ себя отвѣтственнымъ за свои слова. Всякой пришелъ сюда какъ въ театръ; чужой среди чужихъ, но съ потребностію волноваться и восторгаться, объятый заразительностію проявленія окружавшихъ его страстей, увлеченный вихремъ пышныхъ словъ, выдуманныхъ новостей, преувеличенныхъ слуховъ, въ которыхъ распространители ихъ, съ азартомъ бѣснующихся, старались превзойти одинъ другаго. Тамъ было всего много: и криковъ, и слезъ, и рукоплесканій, и топанья ногами, какъ при представленіи какой нибудь потрясающей трагедіи; были люди, которые воспламенялись положительно до изступленія и надрывались до хрипоты, до истощенія силъ. Артуръ Юнгъ былъ хотя и привычный человѣкъ къ шумнымъ выраженіямъ свободной политики, но его положительно

ошеломило все имъ видѣнное. По его словамъ: «Броженіе умовъ, волненіе толпы было просто невообразимое... До сихъ поръ мы полагали, что книжные магазины Дебрэта и Стокдэля въ Лондонѣ посѣщаются громадною массою публики, но теперь мы должны убѣдиться, что они представляютъ собою какую-то пустыню, сравнительно съ толпами, которыя осаждаютъ здѣшній книжный магазинъ Дезенна и другихъ книгопродавцевъ; здѣсь положительно почти нѣтъ никакой возможности протискаться отъ дверей къ прилавку. Почти каждый часъ появляются новыя брошюры; сегодня ихъ вышло тринадцать, вчера шестнадцать, а на прошлой недѣлѣ девяносто двѣ, и девятнадцать изъ двадцати написаны въ духѣ и въ пользу свободы. А подѣ именемъ свободы подразумѣвается уничтоженіе привилегированныхъ правъ, признаніе власти большинства, примѣненіе соціальнаго договора, «республика» и даже болѣе того, общее уравненіе во всемъ, постоянная анархія и, наконецъ, поголовное избіеніе всѣхъ лицъ привилегированныхъ сословій. Камилль Демулянь, одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ по тогдашнему времени, ораторовъ, говоритъ объ этой рѣзкѣ, какъ бы вызывая ее прямо, слѣдующими словами: «Если уже однажды звѣрь попался въ сѣти, то нужно его убить. Еще никогда побѣдителямъ не доставалось болѣе славной добычи. Цѣною ихъ мужества будутъ сорвать тысячъ помѣщичьихъ замковъ, отелей аристократовъ, королевскихъ дворцовъ и двѣ пятыхъ изъ находящихся во Франціи имуществъ. Тѣ, которые считаютъ себя побѣдителями, будутъ побѣждены, въ свою очередь. Тогда нація будетъ очищена». И вотъ уже заранѣе готова програма терора.

Все это не только читается, но декламируется, поясняется, облакается въ примѣнимую форму. Собираясь около кофеенъ каждый вечеръ, эти говоруны, большинство которыхъ обладаетъ зычнымъ голосомъ, смѣняются одинъ другаго. «Они встаютъ на стулъ и читаютъ изъ вышедшихъ вновь брошюръ самыя сильныя мѣста, касающіяся современнаго положенія вещей. Невозможно передать вполнѣ той жадности, съ которою ихъ слушаютъ, и того грома рукоплесканій, которыя раздаются при всякомъ особенно смѣломъ или рѣзкомъ выраженіи на счетъ правительства. Три дня тому назадъ, безобразіе дошло до того, что посадили какого-то четырехлѣтняго, умненькаго ребенка на плечи трапичника, который пронесъ его такимъ образомъ разъ двадцать вокругъ всего сада, причемъ ребенка научили кричать слѣдующее: «Слушайте приговоръ французскаго народа: изгнать изъ Парижа жену

Полиньяка за сто миль отсюда, Конде также, потомъ Конти, потомъ д'Артуа, а королеву... а уже не осмѣлюсь произнести употребленнаго слова».

Въ самомъ центрѣ Палэ-Рояля находилась отдѣленная досчатую перегородкою зала, которая бывала всегда полна, въ особенности молодежью, входившею туда какъ бы въ парламентъ, для разныхъ разсужденій. Вечеромъ председатель приглашалъ зрителей придти подписать предложенія, сдѣланныя втеченіи дня и оригиналы которыхъ были выставлены въ кафе де-Фуа, гдѣ поименованы всѣ враги отечества и во главѣ ихъ находились два королевскія высочества (Monsieur и графъ д'Артуа), трое свѣтлѣйшихъ князей (принцъ Конде, герцогъ Бурбонъ и принцъ Конти), одна фаворитка (госпожа Полиньякъ), госпожа де-Водрель, де-ла-Тремуть, дю-Шателэ, де-Вильдель, де-Барантэнъ, де-ла-Галезьеръ, Видо де-ла-Туръ, Бертье, Фулонъ и даже господинъ Лингэ». На улицѣ появились наклеенныя прокламаціи, въ которыхъ требуютъ, чтобы абать Мори былъ призованъ на цѣпь въ Понъ-Нефъ. Одинъ ораторъ предложилъ «сжечь домъ господина д'Епремениля, его жену, его дѣтей, его имущество и потомъ его самого», и предложеніе это было принято большинствомъ. Приэтомъ противорѣчія положительно не допускались, такъ что одинъ изъ присутствовавшихъ, осмѣлившійся выразить свое отвращеніе къ такому кровожадному мѣрамъ, «былъ схваченъ за горло, поставленъ на колѣни, принужденъ просить прощенія и въ видѣ униженія поцѣловать землю; потомъ его высѣкли, какъ малолѣтняго, потомъ нѣсколько разъ окунули въ помойную яму и въ заключеніе всего отдали его на посмѣшище народа, который вывалялъ его въ грязи». На слѣдующій день избилъ какую-то особу духовнаго сана, перебрасывая ее какъ мячъ изъ рукъ въ руки. Черезъ нѣсколько дней спустя, 22 іюня, были также еще двѣ подобнаго рода расправы. Толпа, почуявъ свое господство, забрала въ свои руки всѣ отрасли самодержавной власти, явившись въ одно и то же время законодателемъ, судьей и палачемъ. Она считала своихъ идоловъ неприкосновенными; если кто нибудь не окажется имъ требуемаго ею уваженія, того признавали виновнымъ въ оскорбленіи царствующей власти и тотчасъ же подвергали наказанію. Въ первыхъ числахъ іюля, одинъ абать былъ высѣченъ за то, что дурно отозвался о Неккерѣ; а женщина, которая выругалась, проходя мимо бюста Неккера, была раздѣта до-нага и избита въ кровь рыбными торговцами. Объявлена была открытая война всѣмъ людямъ, носившимъ мундиръ, который почему-то казался подозрительнымъ. «Какъ только по-

является гусарь, — пишетъ Демуланъ, — всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: смотри, вонъ пришелъ паяцъ», и съ этимъ словомъ въ него со всѣхъ сторонъ летать каменя. Вчера вечеромъ пришли въ Палэ-Рояль двое гусарскихъ офицеровъ, господа де-Сомбрель и де-Полиньякъ, тогда всѣ схватили стулья и бросились къ нимъ, такъ что они оба навѣрное были бы убиты, если-бы имъ не удалось убѣжать. Третьяго дня схватили полицейскаго шпиона, сунули его съ головою въ помойную яму, потомъ, выпустивъ его, стали травить какъ зайца, не давая ему хода; стали бросать въ него камнями, бить палками, причѣмъ высадили ему совсѣмъ одинъ глазъ, и, наконецъ, не смотря на его мольбы о пощадѣ, вторично бросили его въ помойную яму. И эти истязанія продолжались съ двѣнадцати часовъ утра до пяти часовъ по полудни, причѣмъ онъ перебивалъ въ рукахъ почти десяти-тысячной толпы мучителей».

Пусть читатель самъ рѣшить, каково должно быть вліяніе такого притона на толпу въ такое время. Рядомъ съ законною властью возникла новая власть, изъ законодательнаго сословія, томившагося на перекресткахъ и площадяхъ, анонимная, безотвѣтственная, необузданная, ринувшаяся впередъ подъ вліяніемъ теорій, высказываемыхъ въ ресторанахъ, вызванныхъ разгоряченными мозгами и проповѣдуемыхъ съ подмостковъ; а исполнителями и охранителями этой власти явилась чернь, обитательница Сентъ-Антуанскаго предместья, которая, засучивъ рукава, бросилась истреблять и ломать все, находившееся на ея пути.

V.

Тутъ уже наступаетъ диктатура толпы, состоящей изъ всякаго сброда, и ея дѣйствія, по свойствамъ ея природы, проявляются въ разнаго рода насиліяхъ: она бьетъ съ плеча все, что оказываетъ ей хотя малѣйшее сопротивленіе. Каждый день, на улицахъ и при выходѣ изъ собранія, версальскій народъ собирался большими массами, чтобы наносить всевозможныя оскорбленія и даже побои тѣмъ, кого онъ называлъ аристократами. «Въ понедѣльникъ, 22 іюня, д'Епременила чуть не убили; а абатъ Мори остался цѣлъ только по милости физической силы одного сельскаго священника, который схватилъ его на руки и отнесъ въ находившуюся по близости карету арльскаго архіепископа. 23 числа архіепископъ парижскій и хранитель государственной печати были осмѣяны, оскорблены, оплеваны, поруганы

такъ, что едва не умерли отъ стыда и чувства бессильной злобы; а оглушительный вопль проклятій, который раздавался надъ ихъ головами, былъ до того ужасенъ, что Пассерэ, секретарь короля, сопровождавшій архіепископа, въ такой степени былъ напуганъ этимъ, что въ тотъ же день умеръ. 24 числа епископу Бовэскому чуть не раскроили голову пущеннымъ въ него камнемъ. 25 числа парижскаго епископа спасла только быстрота бѣга его лошадей, такъ какъ за его каретою гналась цѣлая толпа, бросавшая въ нее камнями; потомъ она окружила его отель, выбила всѣ окна, причемъ, не смотря на подоспѣвшій къ нему на помощь отрядъ французской гвардіи, его жизнь все-таки находилась въ такой опасности, что онъ принужденъ былъ дать обѣщаніе присоединиться къ депутатамъ средняго сословія. И вотъ какими именно способами грубая народная рука бралась за осуществленіе сліянія сословій. Она отзывалась одинаковою тяжестью и самоуправствомъ какъ на своихъ собственныхныхъ представителяхъ, такъ и на своихъ противникахъ.

«Хотя входъ въ залу нашего собранія былъ запрещенъ, пишетъ Балъи,—но тѣмъ не менѣе туда всегда являлось человѣкъ шестьсотъ постороннихъ зрителей, не почтительно и молча слушавшихъ, а шумно вмѣшивавшихся въ пренія, присоединяясь къ депутатамъ, поднимая руку при различныхъ предложеніяхъ, принимая участіе въ обсужденіяхъ или громкими одобрительными возгласами, или свистками, представляя собою какъ бы другое, косвенно содѣйствующее первому, собраніе, но которое нерѣдко навязывало ему свою волю. Они принимаютъ къ свѣдѣнію и записываютъ имена людей противоположнаго съ ними образа мыслей, передавая эти имена стоящимъ у дверей посылнымъ, которые сообщаютъ ихъ всему сброду черни, ожидающей на улицѣ выхода депутатовъ, и затѣмъ онѣ уже заносятся въ списокъ именъ общественныхъ враговъ. Подобнаго рода списки составляются и печатаются въ тотъ же вечеръ въ Палэ-Роялѣ, гдѣ уже они превращаются въ списки лицъ, предназначенныхъ къ изгнанію. Большинство декретовъ утверждаются подъ давленіемъ этой грубой массы; между прочимъ и декретъ, посредствомъ котораго общины объявили себя національнымъ собраніемъ, берущимъ верховную власть въ свои руки. Наканунѣ, Малюэ предложилъ предварительно провѣрить, на которой сторонѣ окажется большинство мнѣній; но въ ту же самую минуту къ нему двинулась толпа, человѣкъ въ триста, которая въ одинъ голосъ закричала: «нѣтъ, не нужно!» а вслѣдъ за тѣмъ «одинъ изъ находившихся въ галереѣ подобнаго рода лю-

дей, выскочилъ оттуда, бросился къ Малуэ и схватилъ его за горло съ крикомъ: «молчи, негодный! Какой же ты послѣ этого гражданинъ!» Хотя тотчасъ же явившаяся охранительная стража высвободила Малуэ изъ рукъ остервенившагося негодая, но, не смотря на то, въ залѣ ужасъ сообщился всѣмъ прочимъ людямъ, несогласнымъ съ требованіемъ толпы, которая осыпала ихъ угрозами, и на другой день насъ осталось только девяносто человѣкъ».

Имена этихъ несогласныхъ, конечно, немедленно были занесены въ списокъ; нѣкоторые изъ депутатовъ Парижа, въ тотъ же вечеръ, пришли къ Балли, причемъ одинъ изъ нихъ, «очень честный человѣкъ и хорошій патриотъ», получилъ предостереженіе, чтобы онъ ожидалъ поджога своего дома, и это увѣдомленіе было сдѣлано въ то время, когда жена этого депутата только что родила, такъ что подобнаго рода тревога могла положительно быть для нея смертельною. Конечно такіе аргументы имѣли самый рѣшительный характеръ, и послѣдствіемъ подобной мѣры было то, что, три дня спустя, при принятіи присяги въ залѣ Жё-де-Шомъ, только одинъ изъ всѣхъ депутатовъ, Мартэнъ Аухъ, осмѣлился написать подъ своею фамиліею «несогласенъ». Будучи встрѣченъ оскорбленіями со стороны своихъ коллегъ, «причемъ имя его было немедленно сообщено народу, стоявшему въ дверяхъ залы, онъ поспѣшилъ проскользнуть въ одну изъ боковыхъ дверей, чтобы не быть растерзаннымъ въ мелкіе куски», послѣ чего, впродолженіи нѣсколькихъ дней, долженъ былъ просидѣть у себя дома и не показываться въ засѣданіяхъ. По милости вмѣшательства наполнявшей галереи публики, радикальное меньшинство, въ количествѣ тридцати членовъ, завладѣло большинствомъ и не позволяло ему дѣйствовать самостоятельно. 28 мая Малуэ, потребовавшій засѣданія при закрытыхъ дверяхъ, для обсужденія примирительныхъ мѣръ, предложенныхъ королемъ, былъ освистанъ публикою, находившеюся на галереяхъ; а одинъ депутатъ, Бушъ, обратился къ нему съ слѣдующими, не требующими поясненій, словами: «Да будетъ вамъ извѣстно, милостивый государь, что мы собираемся здѣсь для обсужденія общественныхъ дѣлъ въ присутствіи нашихъ повелителей, и что мы должны отдавать имъ отчетъ въ высказываемыхъ нами мнѣніяхъ». Смыслъ этихъ словъ уже прямо отзывался мыслями, проводимыми въ *Contrat social*, такъ что новые депутаты, пріѣхавшіе изъ провинціи и знакомые съ своею обязанностию лишь по теоріи, частью по чувству робости передъ палатою

и ея любимцами, частью по оптимистскому доврѣю къ свойствамъ человѣческой природы, частью по увлеченію или потому, что считали своею обязанностью поддерживать свой первоначальный образъ дѣйствій, не смѣли или не умѣли свергнуть съ себя тираніи присутствовавшей публики, желанія которой сдѣлались закономъ сначала въ конституціонномъ, а потомъ въ законодательномъ собраніи и въ конвентѣ; она уже потомъ властвовала во всѣхъ собраніяхъ, вслѣдствіе чего было рѣшено допускать галерейную публику, въ качествѣ представительницы народа, на тѣхъ же самыхъ или, пожалуй, на еще большихъ правахъ чѣмъ депутаты. Нужно при этомъ замѣтить, что публику эту составляли посѣтители Палэ-Рояля, иностранцы, всякій правдный людъ, любители новостей, парижскіе вѣстовщики, корифеи ресторановъ, будущіе столпы клубовъ, однимъ словомъ, всѣ горячія головы изъ среды буржуазіи; тутъ же находилась и вся сволочь, которая врывалась въ дома и бросала въ людей камнями и которая вербовалась въ массѣ простонародья. Вслѣдствіе такого невольнаго подбора, партія, которая возвела себя на степень общественной власти, оказывалась составленною только изъ буйныхъ головъ, готовыхъ на всякія насилія. Внезапно и безъ предварительнаго между собою соглашенія, опасные, изступленные фанатики оказались въ союзѣ съ не менѣе опасною грубою силою массы, такъ что, при возраставшемъ разладѣ между законными властями, эта безконечная лига готовилась разрушить все существующее.

Когда начальствующій генераль, засѣдающій въ совѣтѣ съ своимъ штабомъ, обсуждаетъ планъ какойнибудь кампаніи, то, въ видахъ общественныхъ интересовъ, необходимо, чтобы дисциплина оставалась неприкосновенною и не нарушалась бы вмѣшательствомъ въ его распоряженія со стороны какогонибудь третьяго лица, въ родѣ солдатъ или деньщиковъ, которые бы не смѣли, въ порывѣ горячаго, но безразсуднаго усердія къ дѣлу, заявлять свои соображенія на счетъ того, что начальство должно обсудить съ полнымъ хладнокровіемъ и осторожностью. На этомъ въ особенности настаивало правительство; но это ни къ чему не послужило, такъ что противъ настойчиваго вторженія толпы въ его распоряженія, ему болѣе ничего не оставалось, какъ употребить силу. Но даже эта самая сила ускользала изъ его рукъ, и возраставшее неповиновеніе, подобно заразѣ, охватившей народъ, передалось также и войску. 23 іюня двѣ роты французскихъ гвардейцевъ отказались исполнить свои служебныя обязанности. Приговоренные къ аресту въ казармахъ, они,

27 числа, самовольно ушли оттуда и отправлялись потомъ «каждый вечеръ въ Палэ-Рояль, маршируя въ двѣ колонны». Это мѣсто было имъ хорошо знакомо, потому что тамъ было постоянное сборище публичныхъ женщинъ, съ которыми они находились въ связи и, какъ паразиты, пользовались тѣмъ, что онѣ приобрѣтали. «Всѣ патриоты встрѣтили ихъ тамъ съ восторгомъ, стараясь одинъ передъ другимъ непрерывно угощать ихъ виномъ и мороженымъ, развращая ихъ такимъ образомъ окончательно въ глазахъ ихъ офицеровъ». Прибавьте еще къ тому давнишнее недовольство этихъ солдатъ своимъ полковникомъ, господиномъ Дю-Шателэ, котораго они ненавидѣли за то, что онъ безъ нужды утомлялъ ихъ усиленными маневрами; что онъ замучилъ ихъ сержантовъ, убавивъ ихъ количество въ полку; что онъ уничтожилъ школу, гдѣ прежде воспитывались дѣти военныхъ музыкантовъ; что онъ билъ палкою людей, заслужившихъ наказаніе; что онъ всячески старался сократить расходы на ихъ обмундировку, пищу и содержаніе. Такъ что этотъ полкъ нужно уже было считать потеряннымъ для дисциплины: въ немъ образовалось тайное общество, и молодые солдаты дали влятвенное обѣщаніе старшимъ, что они не пойдутъ противъ распоряженій національнаго собранія и рѣшились дѣйствовать за-одно съ посѣтителями Палэ-Рояля. 30 іюня одиннадцать человекъ изъ ихъ вожаковъ были захвачены и отправлены подъ надзоръ въ монастырь, откуда они нашли возможность написать къ своимъ сообщникамъ, которыхъ просили придти къ нимъ на помощь. По полученіи этого письма, одинъ молодой человекъ, вставъ на ступеньку входа въ кафе Фуа, громко прочелъ его; въ тотъ же вечеръ толпа вырвалась изъ монастыря, дубинами и желѣзными ломами они вышибли калитку въ монастырской стѣнѣ, освободили плѣнниковъ, которыхъ съ триумфомъ привели назадъ, устроили въ честь ихъ праздникъ въ саду и сформировали изъ среды себя вокругъ нихъ караулъ, чтобы не допустить снова увести ихъ въ тюрьму. Когда подобнаго рода безпорядки остаются безнаказанными, тогда уже дѣлается невозможнымъ возстановленіе каковаго бы то ни было порядка, и дѣйствительно, 14 іюля утромъ, пять изъ шести баталіоновъ отказались отъ повиновенія. Что же касается другихъ корпусовъ, то и тамъ настроеніе солдатъ было не лучше и они уже были готовы послѣдовать, при первомъ удобномъ случаѣ, примѣру своихъ товарищей. «Вчера, такъ пишетъ Демулэнъ,—одинъ артиллерійскій полкъ послѣдовалъ примѣру французскихъ гвардейцевъ; онъ ушелъ изъ-подъ караула и отправился прямо въ Палэ-Рояль,

гдѣ присоединился къ тамошнимъ патриотамъ... Со всѣхъ сторонъ, толпы народа льнутъ къ военнымъ, которыхъ встрѣчаютъ съ крикомъ: «пойдемъ съ нами! кричи: да здравствуетъ среднее сословіе!» и затѣмъ ведутъ ихъ въ кабакъ, гдѣ пьютъ вмѣстѣ съ ними за здоровье комуны».

Драгуны, которыхъ велъ въ Версаль офицеръ, сказали ему во время пути: «Мы вамъ повинемся теперь; но когда мы придемъ туда, то объявите тамъ начальству, что если оно прикажетъ намъ прибѣгнуть къ какимъ нибудь насильственнымъ мѣрамъ противъ нашихъ согражданъ, то наши первые выстрѣлы будутъ направлены на него самого». Въ домѣ инвалидовъ, двадцать человѣкъ, откомандированные для снятія курковъ и шомполовъ съ ружей, находившихся въ тамошнемъ складѣ, на который ожидали нападенія, употребили шесть часовъ на то, чтобы сдѣлать негодными къ употребленію только двадцать ружей, причемъ такого рода медлительность объясняется тѣмъ, что они желали оставить какъ можно больше исправныхъ ружей для народа, если-бы тотъ вздумалъ вооружиться ими для своихъ грабежей и насилій. Короче сказать, бѣлая часть арміи уже была на сторонѣ народа. Какъ бы ни былъ добръ ихъ начальникъ, но достаточно уже было того, что онъ начальникъ, чтобы они отнеслись къ нему какъ къ своему врагу; такъ ихъ командиръ, де-Сомбрель, котораго эти люди не могли ни въ чемъ упрекнуть, рисковалъ каждую минуту увидѣть, что его канониры направятъ пушки противъ его дома, и ожидать, что его самого они повѣсятъ собственноручно на одномъ изъ столбовъ желѣзной рѣшетки, окружавшей его дворъ. Поэтому сила, которую собираютъ для подавленія мятежа, служитъ только къ тому, чтобы прибавить собою количество его участниковъ. Тутъ является нѣчто еще худшее; устрашеніе оружіемъ, на которое рассчитывали, чтобы удержать бунтующую толпу, представляется какъ бы вызовомъ на бой, что уже окончательно раздражаетъ бунтовщиковъ.

VI.

Но роковая минута уже наступила: это было не просто паденіе правительства, на мѣсто котораго является другое, а положительно прекращеніе всякаго правительства, которое ступается передъ перемежающимся деспотизмомъ массъ, слѣпо увлекаемыхъ впередъ чувствами энтузіазма, легковѣрности, нужды

и страха. Какъ прирученный слонъ, который вдругъ опять одичалъ, народъ, однимъ рѣшительнымъ движеніемъ, сбрасываетъ на землю своего обычнаго вожатаго, а тѣ новые вожаки, которые влѣзли на его спину, сидятъ тамъ, въ сущности, лишь для вида, потому что этотъ звѣрь-великанъ все-таки идетъ куда ему вздумается, не слушаясь ихъ увѣщаній и продолжая слѣдовать влеченію своихъ ощущеній, своихъ инстинктовъ, своихъ кровожадныхъ потребностей. Очевидно, что правительство хотѣло предупредить уклоненія этого звѣря отъ истиннаго пути, такъ какъ король запретилъ прибѣгать къ слишкомъ крутымъ, насильственнымъ мѣрамъ, а командиры войскъ запрещали имъ стрѣлять противъ него; но, придя однажды въ возбужденное состояніе; этотъ разъяренный звѣрь принималъ принятія мѣры предосторожности за нападеніе и посягательство на его свободу; онъ уже рѣшился, на будущее время, обходиться безъ всякихъ вожаковъ и начиналъ свою самостоятельность тѣмъ, что давилъ подъ своими ногами своихъ охранителей. 12 іюля, около полудни, извѣстіе объ отставкѣ Неккера встрѣчено было въ Палатѣ Рояль неистовымъ, яростнымъ крикомъ; причемъ Камиль Демуленъ вскакиваетъ на столъ и объявляетъ, что правительство намѣревается «устроить поголовную рѣзню патриотовъ, на подобіе Варооломеевской ночи». Тогда всѣ присутствующіе кидаются обнимать его, всѣ втыкаютъ въ свои шляпы предложенную имъ зеленую кокарду, принуждаютъ содержателей театровъ и увеселительныхъ заведеній немедленно закрыть ихъ, въ знакъ траура; потомъ всею толпою отправляются къ скульптору Курциусу ~~идеть~~ у него бюсты герцога Орлеанскаго и Неккера, устроивъ съ ними по улицамъ нѣчто въ родѣ триумфальнаго шествія. Тѣмъ временемъ, драгуны полка принца Ламбекскъ, выстроенные на площади Людовика XV, находятъ передъ самымъ дворцомъ Тюльери барикаду изъ стульевъ, откуда на нихъ посыпались, какъ градъ, каменья и бутылки. Въ другомъ мѣстѣ, на бульварѣ, передъ отелемъ Монтморанси, французскіе гвардейцы, убѣжавшіе самовольно изъ казармъ, даютъ залпъ изъ ружей по отряду, оставшемуся вѣрнымъ, королевско-германскаго полка. Всюду раздается звонъ набатныхъ колоколовъ; магазины оружейныхъ мастеровъ разграблены; въ залу ратуши ворвалась громадная народная толпа, гдѣ случайно находившіеся въ ту пору пятнадцать или шестнадцать человѣкъ избирателей сами отъ себя рѣшили о необходимости созванія и вооруженія всѣхъ жителей округовъ. И такъ, новый владыко уже

обнаружился въ лицѣ вооруженнаго и разсыпавшагося по всѣмъ улицамъ народа.

Тогда поддонки общества тотчасъ же выплыли на поверхность. Въ ночь съ 13 на 14 іюля «всѣ заставы, начиная съ Сенть-Антуанскаго предмѣстья до предмѣстья Сенть-Онорэ и включая только предмѣстья Сенть-Мишель и Сенть-Жакъ, были разломаны и сожжены». Не существовало болѣе никакой пошлины съ привозимыхъ въ городъ продуктовъ, который, вслѣдствіе этого, остался лишеннымъ своихъ доходовъ, именно въ ту самую минуту, когда онъ долженъ былъ дѣлать большія противъ прежняго затраты; но какое до этого дѣло простонародью, которое главнымъ образомъ хотѣло того, чтобы вино было дешево. Эти разбойничьи толпы, вооруженныя пиками и дубинами, раздѣлились на нѣсколько отрядовъ для того, чтобы удобнѣе было грабить дома, хозяева которыхъ считались ими за враговъ общественнаго блага. Они ходили отъ одного дома въ другому, съ криками: «оружія и хлѣба!» Такъ что, въ продолженіи всей этой ужасной ночи, буржуазія заперлась въ своихъ домахъ, откуда не показывалась изъ опасенія за свою собственную жизнь и за жизнь своихъ семействъ. На слѣдующій день, вся столица была положительно въ рукахъ этихъ разбойниковъ, вышедшихъ изъ самыхъ низшихъ слоевъ простонародья. Одна шайка выбиваетъ топорами ворота въ монастырѣ лазаристовъ, разбрасываетъ всѣ находящіяся въ библіотекѣ книги, протыкаетъ картины, домаетъ шкафы, инструменты физическаго кабинета, разбиваетъ въ дребезги оконныя стекла, потомъ бросается въ погреба и подвалы, находитъ тамъ бочки съ виномъ и напивается до безчувствія; сутки спустя, тамъ оказалось до тридцати человѣкъ мертвыхъ и умирающихъ, валявшихся положительно въ цѣлыхъ лужахъ вина; тутъ были не одни мужчины, но также и женщины, изъ которыхъ одна въ послѣднемъ періодѣ беременности. Передъ домомъ вся улица была завалена осколками и обломками, посреди которыхъ стояли эти негодяи, «кто съ кускомъ какойнибудь ѣды въ рукахъ, кто съ кружкой вина, которымъ они угощаютъ всѣхъ прохожихъ, наливая всякому безъ разбора, причемъ вино ручьемъ льется по отлогостямъ почвы и весь воздухъ пропитывается виннымъ запахомъ». Происходитъ неслыханная вакханалія. Часть этихъ разбойниковъ высыпала изъ амбаровъ монаховъ весь зерновой хлѣбъ и муку, такъ какъ монастырская братія обязана была закономъ имѣть всегда большой запасъ того и другаго, и затѣмъ, нагрузивъ имъ возовъ пятьдесятъ, повезла ихъ на рынокъ. Другая шайка отправилась освобож-

дать изъ тюрьмы людей, посаженныхъ туда за долги; третья—въ владовыя для храненія оружія и цѣнныхъ вещей, чтобы воспользоваться тѣмъ и другимъ. Прочія столпились передъ домомъ де-Бретеля и передъ Палэ-Бурбономъ, намѣреваясь разграбить ихъ, въ видѣ навазанія для ихъ владѣльцевъ. Де-Кронъ, одинъ изъ самыхъ либеральныхъ и самыхъ уважаемыхъ въ Парижѣ людей, но къ своему несчастію занимавшій тогда постъ начальника полиціи, подвергся преслѣдованіямъ гнавшейся за нимъ черни, отъ которой ему съ трудомъ удалось ускользнуть и которая потомъ разрушила почти до самаго основанія принадлежавшій ему домъ. Въ ночь съ 13 на 14 число она разграбила всѣ винныя погреба и лавочки булочниковъ; «это все были люди, вышедшіе изъ самыхъ грязныхъ трущобъ, вооруженные ружьями, пиками и даже вертелами, насильственнымъ образомъ вламывавшіеся безъ разбора во всѣ дома и требовавшіе себѣ всюду вина, хлѣба, денегъ и оружія. «Эти бродяги-оборванцы, изъ которыхъ многіе были «почти совсѣмъ нагіе», а большинство, вооруженные чѣмъ попало, «съ страшною фізіономією дикарей», были такого вида, который способенъ былъ навести ужасъ на всякаго, и обазывались неизвѣстно откуда, изъ какихъ странъ, явившимися пришлецами. По словамъ современниковъ, подобнаго рода пришлецовъ было до 50,000 и они-то именно взяли на себя роль главныхъ вожаковъ.

Впродолженіи этихъ двухъ дней и двухъ ночей, говорить Балъа, — «Парижъ подвергался опасности быть положительно опустошеннымъ и разграбленнымъ, еслибы національная гвардія не избавила столицу отъ ихъ погрома. Буйство и разнузданность страстей доходили до того, что публичныя женщины на улицѣ вырывали серьги изъ ушей мирныхъ гражданокъ, и воровство совершалось открыто съ неслыханною наглостью. Но, къ счастью, въ это время начала формироваться милиція, въ которую стали записываться самые значительные изъ обывателей, въ томъ числѣ и дворяне; такимъ образомъ набрался корпусъ въ 48,000 человекъ, которые раздѣлились на баталіоны и роты; буржуа начали съ того, что стали скупать у этихъ бродягъ ихъ ружья по 3 ливра, а ихъ сабли, шпаги или пистолеты по 12 су за штуку. Затѣмъ тотчасъ же повѣсили нѣкоторыхъ изъ этихъ злоумышленниковъ, а большую часть ихъ обезоружили, и тогда возмущеніе приняло опять-таки политическій характеръ. Но, во имя какихъ бы идей оно ни велось, оно отличалось все тѣмъ же безуміемъ и страстностью, потому что оно было возмуще-

ниемъ народнымъ. Даже самъ панегиристъ его, Дюссэ, откровенно сознается, «что ему казалось будто въ его глазахъ совершается положительное разложеніе человѣческаго общества». Полное безначаліе, полное отсутствіе какого бы то ни было направленія. Избиратели, взявшіе на себя роль представителей Парижа, воображали, что они владычествуютъ надъ толпою; но въ сущности было наоборотъ: толпа владычествовала надъ ними, такъ что, для спасенія зданія ратуши, одинъ изъ нихъ, Легранъ, не нашель въ своихъ рукахъ другаго средства, какъ велѣлъ привезти шесть боченцовъ пороха и объявить хищникамъ, что если они не прекратятъ своихъ грабежей, то онъ сейчасъ же все взорветъ на воздухъ. Предсѣдатель, котораго депутаты избрали изъ среды себя, де-Саль, въ продолженіи четверти часа находился въ толпѣ, состоявшей изъ двадцати человѣкъ, которые, приставивъ ему къ груди штыки своихъ ружей, грозились убить; но не онъ одинъ подвергался такой опасности, всѣ прочіе члены комитета, въ свою очередь, тоже едва уцѣлѣли. Представьте себѣ, «что все пространство залы, гдѣ они, принявъ на себя обязанности парламентаровъ, увѣщевали эту изступленную толпу, было наполнено народомъ, котораго было тысячи полторы человѣкъ, а за ними еще стотысячная народная масса, которая ломилась туда же»; деревянныя перегородки трещали, скамейки были всѣ опрокинуты одна на другую; напоромъ толпы всѣ находившіяся въ срединѣ залы стулья были сдвинуты впередъ, почти вплотъ къ эстрада, на которой засѣдалъ президентъ собранія; шумъ и гвалтъ былъ таковъ, «что кажется, будто наступилъ день страшнаго суда»; раздавались крики, угрозы убійства, вѣли, смѣхъ, пѣсни, напоминавшія собою шабашъ вѣдьмъ; люди очевидно потеряли головы и не знали сами, зачѣмъ пришли сюда и чего хотятъ. Каждый округъ составлялъ самъ по себѣ маленький центръ, а самымъ большимъ изъ нихъ являлся Палэ-Рояль. И между всѣми этими центрами шелъ обмѣнъ предложеній, обвиненій, депутацій, безъ всякаго опредѣленнаго направленія, а просто вслѣдствіе какой нибудь случайности фантазіи или ради неожиданности встрѣчи съ другими гдѣ нибудь на улицѣ. Собралась толпа въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ мѣстѣ собралась другая—и всѣ ихъ общія стратегическія соображенія заключаются въ натискѣ, въ напираніи другъ на друга. А если они и вламываются куда нибудь, то единственно только тамъ, гдѣ ихъ впускать, какъ бы приглашая войти и всѣхъ остальныхъ. Если имъ удалось пробраться въ инвалидный домъ, то собственно съ вѣдома солдатъ. Въ Бастиліи, они, съ десяти ча-

совъ утра до пяти вечера, ограничиваются стрѣлянiемъ въ стѣны, толщиною въ тридцать футовъ и вышиною въ сорокъ, причемъ одинъ изъ ихъ выстрѣловъ совершенно случайно ранилъ стоявшаго на башнѣ инвалида. Ихъ падать какъ дѣтей, которымъ стараются при наказанiи причинить какъ можно менѣе боли: по первому ихъ требованiю, начальникъ крѣпости тотчасъ же приказалъ убрать пушки изъ амбразуръ; онъ обзываетъ клятвою свой гарнизонъ не стрѣлать, пока съ противной стороны не сдѣлано явнаго на него нападенiя; онъ даже приглашаетъ къ себѣ на завтрашнюю первую, явившуюся оттуда депутацію. Онъ позволяетъ посланному отъ городской ратуши осмотрѣть всю крѣпость; онъ оставляетъ нѣсколько залповъ безъ отвѣта и даетъ возможность завладѣть первымъ крѣпостнымъ мостомъ, не выпустивъ ни одного выстрѣла и приказалъ стрѣлать только уже въ самомъ крайнемъ случаѣ, для защиты втораго моста, да и то предупредивъ нападающихъ, что въ нихъ сейчасъ будутъ стрѣлать. Однимъ словомъ, великодушiе и терпѣнiе его были доведены до крайнихъ предѣловъ; онъ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ гуманности того времени. Что же касается противниковъ, то они какъ будто совсѣмъ обезумѣли отъ новаго для нихъ ощущенiя, происходившаго отъ нападенiя и сопротивленiя, отъ запаха пороха, отъ увлеченiя битвою; они просто домились всею своею массою на эти каменные твердыни и способы ихъ нападенiя были такъ же первобытны, какъ и способы ихъ тактики. Одинъ пивоваръ предлагалъ поджечь эту воздвигнутую изъ кирпича громаду, поливая ее изъ насосовъ маковымъ масломъ, съ подмѣсъю фосфора. А молодой плотникъ, почерпнувшiй по всей вѣроятности изъ старинныхъ книжекъ кое-какиа понятiя о нѣкоторыхъ, существовавшихъ въ древности, способахъ бомбардированiя, предложилъ устроить стрѣлометательный снарядъ. Нѣкоторые изъ нихъ схватили какую-то дѣвушку, предполагая, что это дочь коменданта, и собирались сжечь ее на кострѣ, чтобы заставить отца ея сдаться. Другiе подожгли набитый соломкою переднiй корпусъ строенiя, находившагося около самыхъ воротъ, и такимъ образомъ сами себѣ заградили входъ въ крѣпость. «Бастилья не была взята силою, такъ рассказываетъ объ этомъ Эли, одинъ изъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ; — она просто сдалась, даже прежде, чѣмъ было приступлено къ правильному нападенiю», подъ тѣмъ условiемъ, что никому не будетъ причинено вреда. Гарнизонъ, слишкомъ хорошо защищенный крѣпостными стѣнами, не рѣшился, самъ не подвергаясь опасности, стрѣлать въ эту массу человѣческаго мяса; а потомъ его сму-

пало громадное количество собравшейся толпы. Нападеніе производилось только восемьюстами или девятьюстами людей, большинство которыхъ состояло изъ работниковъ и лавочниковъ предмѣстій, портныхъ, колесниковъ, разнощиковъ, виноторговцевъ, и въ числѣ всего этого люда находились также французскіе гвардейцы. Но вся площадь Бастилии и всѣ примыкавшія къ ней улицы были полны любопытными, собравшимися взглянуть на это зрѣлище, въ числѣ которыхъ, по словамъ одного очевидца, «было довольно много элегантныхъ дамъ, весьма порядочнаго вида, которыя вышли изъ своихъ каретъ, оставивъ ихъ немного поодаль». Такъ что съ высоты крѣпостныхъ стѣнъ, кучкѣ гарнизонныхъ солдатъ показалось, что весь Парижъ поднялся на ноги и идетъ противъ нихъ. Вслѣдствіе этого, они сами опустили подъемный мостъ, впустивъ въ себя такимъ образомъ непріятели; оказывается, что тутъ всѣ потеряли голову, и осаждаемые, и осаждающіе, послѣдніе даже въ большей степени, чѣмъ первые, потому что они находились подъ упоеніемъ побѣды. Едва только вступили они въ крѣпость, какъ находившіеся въ заднихъ рядахъ начали стрѣлять въ тѣхъ, которые вошли первыми, «не обращая уже болѣе никакого вниманія, куда и въ кого направлены ихъ выстрѣлы». Сознаніе вдругъ полученнаго полномочія и господства, вмѣстѣ съ сознаніемъ безнаказанности совершаемыхъ убійствъ, есть такой опьяняющій напитокъ, съ которымъ не совладѣтъ слабой человѣческой натурѣ; отвѣдавъ его однажды, является головокруженіе, человекъ остервеняется, ему видится кровь и его горячешный бредъ заканчивается рядомъ страшныхъ звѣрствъ.

Такъ какъ свойство всякаго народнаго бунта заключается въ томъ, что никто никому не повинуется, то ничѣмъ не стѣсняемая, дурныя или хорошія свойства неизбѣжно принимаютъ страстный характеръ, причѣмъ даже самыя идеальныя герои добродѣтели бывають не въ силахъ удержать руку убійцъ. Эли, который взомель въ крѣпость первый, а за нимъ такіе же честные храбрецы, какъ Шола и Гюленъ, потомъ французскіе гвардейцы, которымъ были извѣстны законы войны, старались сдержать свое, однажды данное слово; но напиравшая сзади толпа не знала, кого ей слѣдуетъ бить, и потому била безъ разбора. Швейцарцевъ, которые сдѣлали по нимъ выстрѣлъъ, она пощадила только потому, что приняла ихъ за арестантовъ по ихъ платью, такъ какъ они были одѣты въ синія блузы. Но въ замѣнъ того, она бросилась на инвалидовъ, которые отворили ей крѣпостныя ворота, и тому самому изъ нихъ, который

отсвѣтовалъ коменданту взорвать крѣпость на воздухъ, отсѣли ударомъ сабли кисть руки, прокололи его насквозь двумя шпагами, потомъ повѣсили, а руку его, которая спасла цѣлый парижскій кварталъ отъ разрушенія, всадили на пилу и въ видѣ побѣднаго трофея носили по городскимъ улицамъ. Потомъ принялись за офицеровъ и положили пятерыхъ изъ нихъ, рядомъ съ троими солдатами, на мѣстѣ. Впродолженіи нѣсколькихъ часовъ стрѣльбы, проснулись кровожадные инстинкты, и жажда убійства, превратившаяся въ господствовавшую мысль, сообщила даже той толпѣ, которая не принимала участія въ этомъ избіеніи. Для нея достаточно уже одного услышаннаго ею крика, чтобы привлечь ее на сторону прочихъ, и тогда этотъ крикъ понимается ею уже какъ призывъ къ избіенію; стоитъ одному ударить когонибудь, чтобы всѣ остальные также принялись бить, въ свою очередь. «Тѣ, у которыхъ не было въ рукахъ оружія,—такъ пишетъ одинъ офицеръ,—бросали въ меня камнями, а женщины скрежетали зубами и грозились на меня булаками. Уже двое изъ моихъ, стоявшихъ позади меня солдатъ были зарѣзаны... Меня схватили и съ страшнымъ крикомъ потащили къ фонарю, чтобы повѣсить неподалеку отъ городской ратуши; въ эту самую минуту пронесли мимо меня отрубленную голову, насаженную на пилу, и объявили мнѣ, что это голова коменданта де-Лонэ». Ему при выходѣ изъ крѣпости, кто-то нанесъ рану шпагою въ правое плечо; а когда онъ дошелъ до улицы Сентъ-Антуанъ, то всѣ кинулись терзать его за волосы и бить палками. Подъ аркаду Сентъ-Жанъ онъ пришелъ уже «въ крайне изувѣченномъ видѣ»; а вокругъ него въ то время раздавались такого рода предложенія: «отрубить ему голову! повѣсить его! привязать его къ хвосту лошади!» Тогда, доведенный испытанными имъ мученіями до отчаянія и желая сократить ихъ, онъ громко сказалъ: «убейте меня сію же минуту» и съ этими словами, собравъ послѣднія силы, ткнулъ колъномъ въ животъ одного изъ людей, державшихъ его. Въ ту же самую минуту его прокололо насквозь нѣсколько штыковъ, потомъ оттащили его трупъ въ канаву, всячески ругаясь надъ нимъ и крича во все горло: «этотъ поганецъ и негодяй измѣнилъ намъ; нація требуетъ его головы, которую нужно показать всѣмъ», и тутъ тотчасъ же предложили тому человѣку, который получилъ отъ него ударъ колъномъ въ животъ, отрѣзать у мертвеца голову. Человѣкъ этотъ, оказавшійся празднопатавшимся поваромъ безъ мѣста, пришедшимъ въ числѣ прочихъ зѣвакъ посмотреть «на

то, что дѣлается въ Бастиліи», полагая, что если всѣ такого мнѣнія, то значить ему предлагаютъ совершить патріотическій поступокъ, и тайнѣ «даже надѣялся получить медаль за такой подвигъ». Ему подали саблю и онъ хватилъ ею трупъ по голой шеѣ; но такъ какъ сабля оказалась недостаточно острою, то онъ вынулъ изъ кармана небольшой складной ножикъ и, «въ качествѣ мастера своего ремесла, какъ человекъ, привышій разнимать всякое мясо на части», весьма удовлетворительнымъ образомъ совершилъ эту операцію. Потомъ, насадивъ голову на трехконечныя вилы и въ сопровожденіи двухсотъ человекъ, «сверхъ находившейся тутъ толпы черни», онъ понесъ эту голову дальше; а придя въ улицу Сентъ-Онора, ему вдругъ вздумалось привязать къ головѣ двѣ надписи, чтобы всякій зналъ, кому она принадлежитъ. Эта мысль показалась всѣмъ очень забавною; пройдя мимо Палэ-Рояля, весь этотъ кортежъ повернулъ къ Понъ-Нефъ, гдѣ передъ статуей Генриха IV голову навлонили три раза, приговаривая: «Ну, поклонись же своему господину!» Эта была уже окончательная, вызвавшая общій одобрителный смѣхъ шутка, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одно народное торжество, и въ толпѣ, рядомъ съ свойствами палача, проявляются какъ бы ребяческія выходы.

VII.

Между тѣмъ, въ Палэ-Роялѣ, другая шайка, состоявшая изъ мальчишекъ, болтая во всеуслышаніе, что имъ взбрѣдетъ на умъ, безъ всякой осторожности, въ то же время, съ одинаковою смѣлостію, рѣшали человѣческую судьбу, и въ ночь съ 13 на 14 число составляли списокъ лицъ, обреченныхъ ими на изгнаніе, раздавая экземпляры этихъ списковъ направо и налево; кромѣ того, они постарались даже доставить по экземпляру каждому изъ тѣхъ лицъ, которыя предназначались къ изгнанію, именно: графу д'Артуа, маршалу де-Брольи, принцу Ламбескѣ, барону де-Безанвилю, господамъ: Брателью, Фулону, Бертъе, Мори, д'Эпременилю, Лефевру д'Амекуру и еще многимъ другимъ; при этомъ обѣщана была награда тому, кто представитъ ихъ отрубенныя головы въ кафе-дю-Каво. Однажды ужъ эти имена сорвались съ языка въ присутствіи народной толпы, этого достаточно для нея, чтобы, встрѣтивъ на улицѣ кого нибудь изъ поименованныхъ лицъ, она потащила бы ихъ къ пер-

вону фонарю, для немедленной съ ними расправы. Впродолженіи дѣлаго дня 14 числа, этотъ импровизированный трибуналъ не покидалъ своего засѣданія, которое закончилось лишь тогда, какъ сдѣланныя имъ постановленія хотя отчасти были приведены въ исполненіе. Де-Флессель, купеческій старшина и предсѣдатель избирателей въ городской ратушѣ, заподозрѣнный въ недостаточно усердномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей, былъ объявленъ измѣнникомъ въ палатрояльскомъ верховномъ судилищѣ, которое послало схватить его, причемъ, во время пути, одинъ молодой человѣкъ убилъ его наповаль выстрѣломъ изъ пистолета, послѣ чего вся толпа набросилась на его трупъ и, отрубивъ ему голову, воткнула ее на пику, какъ голову коменданта де-Лонэ. Смертоносныя обвиненія, столь же быстрыя, какъ и самыя казни, какъ будто носились во всей окружающей атмосферѣ. «Достаточно было одного, самаго ничтожнаго предлога,—говорить одинъ избиратель,—чтобы къ намъ являлись съ доносомъ на тѣхъ, кого считали противниками революціи, что означало тогда враговъ государства. Ничего не разбирая, народъ требовалъ ихъ арестованія, расхищенія ихъ имущества и срытія ихъ домовъ до основанія; причемъ одинъ молодой человѣкъ крикнулъ: «идите сію минуту за мной къ Безанвилю!» Головы всѣхъ до такой степени были разгорячены и умы настолько подозрительны, что на каждомъ шагѣ останавливали всякаго встрѣчнаго, у котораго спрашивали его имя, професію, мѣсто жительства и политическія убѣжденія. Въ то время нельзя было ни войти въ Парижъ, ни выѣхать изъ него, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ измѣнѣ». Князь де-Монбаррай, извѣстный сторонникъ новыхъ идей, и его жена, были остановлены у заставы въ своей каретѣ и едва не подверглись опасности быть разорванными въ клочки. Одинъ депутатъ дворянства, отправлявшійся въ національное собраніе въ своемъ фіакрѣ, былъ высаженъ оттуда и отведенъ на площадь Гравъ, гдѣ ему показали трупъ де-Лонэ, объявивъ ему, что и его самаго ожидаетъ та же самая участь.

Жизнь всѣхъ положительно висѣла на волоскѣ, и на слѣдующіе дни, когда король удалил свои войска, смѣстилъ своихъ министровъ, опять призвалъ Неккера и согласился на все, чего отъ него требовали, опасность такого рода все-таки не уменьшилась. Предоставленная самой себѣ и находясь подъ вплиніемъ революціонеровъ, народная масса дѣлала тоже попытки къ кровавадымъ порывамъ, такъ что избранные ею же

самою муниципальные начальники: Балли, мэръ города Парижа, и Лафайетъ, командиръ національной гвардіи, принуждены были хитрить съ нею, умолять ее и брать на себя роль посредниковъ между ею и несчастными, на которыхъ она кидалась въ своеѣ остервенѣніи.

15 іюля, ночью, одна женщина, переодѣтая въ мужское платье, была арестована во дворѣ городской ратуши (Hôtel de ville) и до такой степени избита, что упала въ обморокъ; при этомъ Балли, для спасенія ея жизни, принялъ на себя относительно несчастной грозный видъ и распорядился тотчасъ же отправить ее въ тюрьму. Въ періодъ времени съ 14 до 22 іюля, Лафайетъ, рискуя самъ быть убитымъ, освободилъ изъ рукъ злодѣевъ семнадцать человѣкъ въ различныхъ кварталахъ. 22 іюля, по доносамъ, которые распространялись по Парижу какъ огонь, пробѣгающій по дорожѣ насыпаннаго пороха, два администратора перваго разряда, Фулонъ, имѣвшій чинъ статскаго совѣтника, и зять его Бертье были арестованы, одинъ близъ Фонтенебло, а другой въ окрестностяхъ Компіена. Фулонъ, помѣщикъ строгій, но справедливый и разсудительный, истратилъ предшествовавшею зимою шестьдесятъ тысячъ франковъ въ своеѣ имѣніи, для того, чтобы дать работы бѣднымъ. Бертье, человѣкъ дѣльный и толковый, произвелъ кадастръ въ Иль-де-Франсѣ для уравниванія податей, которыми были обременены его окрестности. Тотъ и другой способствовали къ исправленію отдѣльныхъ погрѣшностей того лагеря, противъ котораго возсталъ Парижъ, вслѣдствіе чего трибуналь Палэ-Рояля рѣшилъ всенародно изгнать ихъ обоихъ втеченіи восьми дней изъ предѣловъ Франціи, такъ какъ въ глазахъ ошалѣвшаго отъ безпорядковъ, озлобленнаго голодомъ и обезумѣвшаго отъ подозрительности народа, каждый, въ чемъ нибудь обвиняемый человѣкъ непремѣнно оказывался виновнымъ. Про Фулона, какъ про Ревельона, сложилась одинаковаго рода молва, получившая значеніе ходячей монеты въ народныхъ понятіяхъ и сочиненная самимъ же народомъ, который придалъ ей смыслъ крайне трагическій, какъ-бы желая выразить всю прежнюю массу своихъ страданій и предубѣжденій въ слѣдующей, будто бы сказанной Фулономъ, фразѣ: «народъ не лучше скотовъ и если у него нѣтъ хлѣба, то пусть питается травкою». И лишь вслѣдствіе этого обвиненія, семидесяти-четырёхлѣтняго старика привели въ Парижъ, съ веревкою на шеѣ, съ охабкою соломы на головѣ и съ клоккомъ сѣна во рту. Напрасно комитетъ избирателей отдалъ для спасенія его приказаніе посадить его въ тюрьму; толпа

кричала: «его нужно повѣсить!» и самовольно назначила своих исполнительныхъ судей. Напрасно Лафайетъ умолялъ и настаивалъ троекратно на томъ, чтобы судъ былъ произведенъ правильно и въ должномъ порядкѣ, для чего нужно предварительно посадить обвиняемаго въ тюрьму; въ это время явилась еще новая толпа народа, изъ среды котораго одинъ «хорошо одѣтый» человѣкъ крикнулъ: «да какая же необходимость судить человѣка, уже осужденнаго своими дѣйствіями тридцать лѣтъ тому назадъ?» Въ ту же самую минуту Фулона подхватили и потащили его на площадь къ фонарю, чтобы повѣсить; но веревка два раза обрывалась и онъ два раза падалъ на мостовую; тогда принесли новую веревку, на которой уже и повѣсили его, а когда увидали, что онъ уже совсѣмъ мертвый, то отрубили ему голову и насадили ее на конецъ пикви. Между тѣмъ Бертье, отправленный городскою управою въ Компьенъ, такъ какъ она боялась за его жизнь въ здѣшней тюрьмѣ и желала спасти его отъ ярости народной, въ это самое время проѣзжалъ мимо въ кабриолетѣ подъ конвоемъ. Вокругъ него несли на палкахъ ярыки, на которыхъ написаны были самыя оскорбительныя для него названія; а на станціяхъ, гдѣ были остановки для перемѣны лошадей, ему бросали въ экипажъ куски черстватаго, чернаго хлѣба, приговаривая: «полюбуйся, негодяй, на тотъ хлѣбъ, какой ты заставлялъ насъ ѣсть!» Поравнявшись съ церковью Сентъ-Мерри, онъ былъ встрѣченъ цѣлою бурей ругательствъ со стороны ожидавшей его тутъ толпы. «Хотя онъ никогда не купилъ и не продалъ ни одного зерна хлѣба, тѣмъ не менѣе его называли барышникомъ»; въ глазахъ толпы, которая непремѣнно кочетъ взвалить всѣ свои бѣдствія на какого нибудь злою человѣка, онъ какъ будто является лицомъ, создавшимъ голодъ. Когда его привезли въ тюрьму, то сопровождавшій его конвой былъ тотчасъ же прогнанъ прочь и несчастнаго потащили къ фонарю. Видя неминуемую для себя погибель, онъ выхватилъ ружье у одного изъ этихъ убійцъ и защищался съ отчаяннымъ мужествомъ. Но одинъ солдатъ изъ королевскаго полка ударомъ сабли разсѣлъ ему животъ, а другой вырвалъ сердце. По странному стеченію обстоятельствъ, тотъ самый поваръ, которому поручено было отрубить голову де-Лонэ, находился тутъ и его заставили нести сердце убитаго; солдатъ же взялъ въ руки голову и оба отправились въ Hôtel de ville показать свои трофеи Лафайету. Воротившись въ Пале-Рояль, они сѣли закусить въ какомъ-то кабацѣ, гдѣ собравшійся на улицѣ народъ сталъ тре-

бовать отъ нихъ эти остатки убитаго ими человѣка; они тутъ же выбросили ихъ въ окно, продолжая свой ужинъ, въ то время какъ внизу толпа положила вырванное сердце Бертье въ букетъ изъ бѣлыхъ гвоздикъ и показывала его всѣмъ проходящимъ. Вотъ какого рода зрѣлища представлялъ теперь тотъ самый садъ, куда въ прошломъ году «лучшее общество, въ изящныхъ туалетахъ», приходило поболтать по окончаніи оперныхъ спектаклей и гдѣ иногда до двухъ часовъ пополудни, при мягкомъ лунномъ свѣтѣ, восхищалась пѣвучею скрипкою Сентъ-Жоржа или заслушивалась чуднаго голоса Гарà.

VIII.

Такимъ образомъ уже для всякаго было ясно, что никто не могъ разсчитывать на свою безопасность, потому что ни новая милиція, ни новая власти не въ состояніи были заставить уважать законъ. «Никто не смѣлъ—по словамъ Балли—идти противъ воли народа, который, восемь дней тому назадъ, завладѣлъ Бастиліею». Тщетно Балли и Лафайетъ, возмущенные двумя послѣдними убійствами, грозили покинуть свои должностные посты; ихъ принудили остаться, такъ что ихъ заступничество, какъ ни ограничено оно, все-таки, въ сущности, было единственнымъ, и если національная гвардія оказывалась безсильною прекратить всякія убійства вообще, то она все-таки препятствовала совершенію хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ всѣ жили, находясь постоянно въ ожиданіи какого нибудь новаго проявленія народной жестокости. «Каждый безпристрастный человѣкъ долженъ сознаться,—такъ пишетъ Малуэ,—что періодъ террора начался уже съ 14 іюля». 17 числа, передъ отъѣздомъ своимъ въ Парижъ, король причастился св. Тайнъ и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, въ случаѣ если онъ будетъ убитъ. Съ 16 на 17 число, двадцать человѣкъ изъ самыхъ знатныхъ особъ, между прочимъ, большая часть тѣхъ, головы которыхъ были оцѣнены палъ-рояльскимъ сборищемъ, уѣхали изъ Франціи, именно: графъ д'Артуа, маршалъ Броули, принцы: Конде, Конти, Ламбескъ, Водемонъ, графиня Полиньякъ и герцогиня Полиньякъ и де-Гишъ. На другой день послѣ вышеупомянутыхъ двухъ убійствъ, де-Кронъ, Думэ и Суро, самые ревностные и самые необходимые члены комитета общественнаго удовольствія, а вмѣстѣ съ ними всѣ пристава при покушкѣ

хлѣба и при охраненіи его въ запасныхъ магазинахъ, скрылись или бѣжали изъ Парижа. Наканунѣ двухъ убійствъ, вслѣдствіе угрозы бунтовщиковъ, парижскіе нотаріусы должны были выдать тотчасъ же рабочимъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья общанную имъ займообразно сумму въ 45,000 франковъ, и общественная казна, и безъ того уже порядочно опустѣвшая, каждый день истощалась выдачею 30,000 ливровъ въ день, ради уменьшенія цѣны на хлѣбъ. Личность и имущество, старъ и младъ, частные и должностные люди, само правительство,—все это находилось въ рукахъ толпы. «Съ этой минуты, какъ говорить одинъ депутатъ,—свободы уже не существовало даже въ національномъ собраніи. Франція умоляла передъ тридцатью мятежниками. Собраніе сдѣлалось въ ихъ рукахъ пассивнымъ орудіемъ, которое они заставляли служить имъ для приведенія въ исполненіе ихъ намѣреній. «Впрочемъ, они сами хотя и думали, что руководили другими, въ сущности не руководили ничѣмъ, потому что за ними слѣдилъ колоссальный, закусившій удила, звѣрь, а его брыканье дѣлалось все сильнѣе. Потому что не только два прежніе колючіе шипа, подъ которыми я подразумѣваю жажду нововведеній и ежедневное голоданье, продолжали раздражать его, но къ этому присоединилось еще постоянное, раздававшееся въ его ухахъ, жужжанье политическихъ трутней, размножавшихся тысячами, и потомъ своевольное распоряженіе въ своихъ дѣйствіяхъ, которымъ онъ пользовался въ первый разъ и которое, вмѣстѣ съ постоянно встрѣчаемыми на этомъ пути поощреніями, съ каждымъ днемъ все сильнѣе толкало его впередъ. Бунтъ всѣми прославлялся; ни одинъ убійца не подвергся преслѣдованіямъ; наоборотъ, собраніе начало судебное преслѣдованіе противъ министровъ, будто бы затѣвавшихъ тайный заговоръ. Опредѣлили даже выдачу награды побѣдителямъ Бастиліи, объявляя при этомъ, что они спасли Францію. Всѣ восхваляли народъ, его замѣчательный здравый смыслъ, его великодушіе, его справедливость. Всѣ преклонялись передъ новымъ владыкою; ему повторяли публично, официально, въ журналахъ, въ собраніи, что ему принадлежатъ всѣ добродѣтели, всѣ права, вся власть. Если онъ даже и пролилъ кровь, то это совсѣмъ нечаянно, вслѣдствіе вызвавшихъ его на то обстоятельствъ, и потому онъ нисколько не отвѣтственъ за свои инстинктивные порывы. А потомъ, какъ прибавляетъ въ этомъ одинъ изъ депутатовъ, «развѣ онъ пролилъ кровь, въ самомъ дѣлѣ, ни въ чемъ неповинныхъ людей?»

Большинство всегда склонно вѣрить скорѣе всякимъ книж-

нымъ теоріямъ, чѣмъ очевиднымъ опытамъ жизни, и потому оно упорствуетъ въ своихъ, однажды составленныхъ, идиллическихъ взглядахъ. При этомъ ихъ мечта, не обращая вниманія на настоящее, видитъ свое осуществленіе въ будущемъ; завтра, когда будетъ выработана конституція, народъ, сдѣлавшійся счастливымъ, опять станетъ поступать хорошо; слѣдовательно, нужно покориться атому періоду временной бури, которая приведетъ въ таковой спокойной и прекрасной пристани.

Между тѣмъ, изъ-за короля, бездѣйствовавшего и безоружнаго, изъ-за собранія, которому не повиновались, а которое заставляли повиноваться, видѣнъ былъ дѣйствительный владыка народъ, т. е. толпы, состоявшія изъ ста, тысячи, десяти тысячъ человѣкъ, собравшихся случайно, вдругъ, по поводу какого нибудь предложенія, или сигнала, поданнаго къ тревогѣ, и являвшихся въ видѣ непреложныхъ законодателей, судей и палачей. Онѣ являлись страшной силой, разрушительной и неосязаемой, которую никто не могъ укротить и которая, вмѣстѣ съ своею матерью, свободою, въ видѣ лающаго чудовища стояла на рубежѣ революціи, какъ два, изображенные Мильтономъ призрака, караулящіе врата ада и которыхъ онъ описываетъ такъ: «Одинъ изъ этихъ призраковъ имѣлъ, до пояса, видъ женщины—красавицы, но остальная часть тѣла которой оканчивалась безобразными чешуйчатыми изгибами огромной змѣи, вооруженной смертельнымъ жаломъ. Вокругъ ея пояса стояла адскихъ, вѣчно лающихъ псовъ, зіяющія, окровавленные пасти которыхъ почти ни на минуту не закрывались, заливаясь бѣшенымъ завываньемъ; эта гнусная стала смолкала, когда ей вздумается, и припавъ къ землѣ, если ея слухъ былъ чѣмъ нибудь встревоженъ—вползала въ утробу этого чудовища, какъ въ свое убѣжище, гдѣ все еще продолжала выть и лаять, но уже внутри, невидимая для глазъ... Другой призракъ имѣлъ видъ, если можно употребить это слово, относительно безформеннаго тѣла, такъ какъ члены и все строеніе его не представляло собою ничего опредѣленнаго, а какою-то, состоящую изъ плотнаго вещества, тѣнь, которая стояла тутъ же, рядомъ, мрачная какъ ночь, свирѣпая какъ всѣ десять фурий, ужасная какъ самъ адъ и потрясающая, пропитаннымъ ядомъ, копьемъ. То, что имѣло подобіе головы, было украшено какимъ-то подобіемъ царской короны и въ этомъ видѣ оно все приближалось, не шагая, а дѣлая невѣроятные скачки впередъ».

(Продолженіе будетъ).

СЕЛЬСКОЕ ПРАВОСУДИЕ.

(КЪ ВОПРОСУ КРЕСТЬЯНСКАГО УСТРОЙСТВА).

«Мужикъ мужика всего лучше разбереть».

(Изъ отвѣтовъ крестьянъ комисіи о волостныхъ судахъ).

Всѣ земства Россіи заняты теперь вопросомъ объ устройствѣ крестьянскаго управленія.

Чрезвычайныя собранія, уѣздныя и губернскія, одиѣ за другими посвящаютъ свои занятія этому важному и трудному вопросу, который почти вездѣ предварительно готовится къ докладу собранію особыми земскими комисіями. Журналы ежемѣсячныя, ежедневныя, полны статей, посвященныхъ тому же дѣлу. Особенно богатъ разработкою этого очереднаго вопроса нашей общественной жизни московскій журналъ «Русская мысль», въ которомъ можно найти цѣлый рядъ статей, исключительно вызванныхъ имъ.

Не мало ихъ и въ спеціальному органѣ «Земство», издаваемомъ г. Скалономъ.

Автору этой статьи также приходилось принимать участіе въ разработкѣ этого вопроса не только въ качествѣ человѣка литератора, изучившаго этотъ вопросъ по матеріаламъ книжнымъ, но еще и въ качествѣ непосредственнаго дѣятеля той

области нашей общественной жизни, которая именно и вызвала сознание необходимости изменить многое въ существующемъ порядкѣ управленія крестьянствомъ. Автору пришлось участвовать по этому поводу въ уѣздныхъ и губернскихъ комиссіяхъ, въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ своей мѣстности.

Поэтому взгляды его, излагаемые въ настоящей статьѣ, невольнымъ образомъ будутъ выражать, не одно его личное мнѣніе, не одинъ плодъ только личнаго его опыта, а общій выводъ, къ которому пришли болѣе или менѣе единодушно многіе мѣстные дѣятели, близко знающіе крестьянское дѣло и искренно заинтересованные правильною постановкою его.

Нельзя не отнести приэтомъ съ глубокою признательностью къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, графу Лорису-Меликову, просвѣщенному почину котораго вопросъ крестьянскаго устройства обязанъ настоящею своею широкою постановкою и всеобщимъ участіемъ въ немъ нашихъ общественныхъ и литературныхъ силъ.

Какой бы практической результатъ не вышелъ теперь изъ дружныхъ работъ русскихъ земствъ и русской литературы, несомнѣнно одно, что работы эти во всякомъ случаѣ прольютъ много свѣта на истинныя потребности нашего общественнаго устройства, и что, не нынче—завтра, искренній голосъ страны, укавающей большія мѣста этого устройства, не можетъ не быть выслушанъ съ подобающимъ ему вниманіемъ.

Въ этомъ неизбѣжномъ результатѣ сказывается лучше всего плодотворное значеніе того мудраго правительственнаго направленія, представителемъ котораго былъ графъ Лорисъ-Меликовъ, и, по всей вѣроятности, будетъ знаменитый русский политикъ, принявшій теперь его должность.

Борьба на жизнь и смерть съ измѣною и крамолою и въ то же время полное довѣрія единеніе власти съ народомъ, искренняя опора ея на духовныя силы цѣлаго общества, призывъ въ жизни и дѣятельности этихъ безплодно спящихъ богатырскихъ силъ,—вотъ единственно возможная, единственно разумная програма правительственной дѣятельности, которой держался бывший министръ и которая намъ провозглашена теперь не только въ циркулярѣ новаго министра, но даже изъ царственныхъ устъ молодого монарха въ высочайшемъ манифестѣ отъ 29 апрѣля.

Если графъ Лорисъ-Меликовъ потерпѣлъ слишкомъ при-

скорбную для всѣхъ неудачу въ своей дѣятельности министра государственной полиціи, слишкомъ затрудненной непосильнымъ соединеніемъ въ одномъ лицѣ многотрудныхъ и многообразныхъ обязанностей; если его усиліямъ въ этой области не удалось спасти Россію отъ ужаснѣйшаго изъ злодѣяній подпольной шайки,—то все-таки это не должно бросать тѣни на серьезныя заслуги бывшаго министра, какъ общаго руководителя нашей внутренней политики.

Разрѣшеніе вопроса объ учрежденіи крестьянскаго управленія, сколько нибудь полезнаго крестьянству, невозможно начинать съ преобразованія административныхъ вѣдомствъ уѣзда или губерніи. Необходимо, напротивъ того, стать сначала на почву ежедневнаго быта крестьянъ, спуститься, такъ сказать, въ первоначальнымъ, основнымъ атомамъ всего общественнаго устройства Россіи—къ сельской общинѣ. Отсюда только можно посмотрѣть здравымъ взглядомъ на то, что дѣйствительно нужно крестьянскому населенію для огражденія его настоящихъ интересовъ, поддержанія въ немъ не механическаго, а жизненнаго порядка.

Такъ именно взглянули на дѣло большинство нашихъ земствъ; такъ взглянуло на него, между прочимъ, и курское земство, въ работахъ котораго я принималъ участіе.

Сельская община, какъ-бы кто ни смотрѣлъ на нее, есть неоспоримый и непоколебимый фактъ исторіи. Она не имѣетъ въ себѣ ничего мистическаго, ничего идеальнаго. Она есть явленіе почти первобытное, проникнутое всею простотою, грубостью и узкостью непосредственныхъ интересовъ крестьянскаго быта, хозяйственнаго и общественнаго. Она полна стремленій себялюбія и матеріальности, какъ все человеческое, полна частныхъ несправедливостей, несовершенствъ, притѣсненій, обидъ, неравенства, инстинктивныхъ заблужденій и неразумныхъ понятій,—вообще исполнена обычныхъ земныхъ грѣховъ всего сущаго и далеко не представляетъ собою безмятежной Аркадіи, гдѣ царитъ соціальная и нравственная правда, во вѣки нерушимая, передъ которою съ восторгомъ преклоняются крестьяне-общественники.

Какъ-бы мы ни очищали свободную жизнь общины отъ постороннихъ примѣсей и отъ окружающихъ ее внѣшнихъ препятствій, все-таки жизнь эта, въ глазахъ безпристрастнаго

наблюдателя, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ обычною себялюбивою жизнью отдѣльной личности, только не единичной, не простой, а, такъ сказать, составной личности.

Одна община всегда относится къ интересамъ другой общины нисколько не нравственнѣе и не возвышеннѣе, какъ и одиночные люди другъ къ другу. Если въ предѣлахъ самой общины, въ вопросахъ ея внутренней жизни, устанавливается извѣстная степень взаимной справедливости и взаимной помощи, то въ этомъ нужно признать прежде всего роковой общій итогъ отдѣльныхъ взаимноуничтожающихъ себялюбивыхъ стремленій, ограниченныхъ тѣснымъ кругомъ однихъ и тѣхъ же интересовъ и поневолѣ выработавшихъ себѣ съ теченіемъ времени опредѣленное, неписанное соглашеніе, доведенныхъ долгимъ опытомъ до сознанія общей выгоды единодушія и взаимной поддержки.

Тамъ же, гдѣ это сознаніе по существу дѣла не стоитъ на первомъ планѣ, отдѣльныя силы, составляющія общину, неизмѣнно пытаются злоупотребить ею въ свою личную и частную пользу, нисколько не дорожа нравственнымъ достоинствомъ самаго учрежденія и большею частію совершенно не сознавая его.

Изъ этихъ оговорокъ читатель видитъ, что, въ глазахъ нашихъ, русская сельская община далеко не является вѣнцомъ и идеаломъ нашей общественной жизни, неоспоримымъ основнымъ принципомъ социальныхъ отношеній народа. Въ этомъ случаѣ мы далеки и отъ идиллическихъ воззрѣній на общину старыхъ славянофильскихъ историковъ и отъ фанатическихъ вѣрованій въ нее, какъ въ мѣднаго змія пустыни, теперешнихъ русскихъ социалистовъ. Мы смотримъ на сельскую общину исключительно съ практической точки зрѣнія.

Эта точка указываетъ намъ одно: въ русскомъ крестьянствѣ сохранилось до нашихъ дней, проживъ сплошное тысячелѣтіе, а по всей вѣроятности и много больше, вѣривій общинный союзъ селъ и деревень,

Въ этомъ наша характерная историческая и національная черта. Подобныя неизгладимыя черты духовнаго образа народнаго, каковы бы ни были онѣ сами по себѣ, должны быть неизбѣжно приняты во вниманіе и положены въ основу всѣхъ воздѣйствій просвѣщенія на народную жизнь. Это первое и главнѣйшее право общины на признаніе законности и необходимости ея существованія.

Но и помимо этого соображенія, по своимъ внутреннимъ

свойствамъ, сельская община является крайне полезною и потому желательною формою народной жизни.

Окажется ли она годною при другихъ историческихъ и общественныхъ условіяхъ, покажетъ ли она себя способною широко примѣняться къ требованіямъ времени и роста естественнымъ путемъ вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ростомъ народа,— для насъ пока это безразлично.

Для насъ достаточно того, что, при настоящихъ условіяхъ народной жизни, сельская община несомнѣннымъ и могучимъ образомъ ограждаетъ хозяйственную и духовную самостоятельность самыхъ мелкихъ, слѣдовательно, самыхъ слабыхъ народныхъ силъ, сливая ихъ, безъ всякаго личнаго почина, заботы и риска, однимъ путемъ преданія и инстинктовъ, въ болѣе или менѣе крупныя составныя организмы, способныя выдерживать борьбу съ другими общественными организмами, непосильную для единичныхъ частицъ его.

Если сельская община оказалась способною охранить миллионамъ самыхъ зависимыхъ и нуждающихся людей ихъ крошечное достояніе отъ посягательствъ корысти, неправды и торжествующей силы втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ, если она давала возможность цѣлымъ поколѣніямъ трудящихся бѣдняковъ оставаться хозяевами своего скромнаго дома и своего маленькаго поля, вынося на себѣ въ то же время всѣ мѣстныя и государственныя тягости, окуная своимъ трудомъ историческіе подвиги и ошибки, славу и пораженіе родной страны,— то можетъ ли еще быть сомнѣніе, что сельская община была необходимымъ условіемъ живучести и силы русскаго народа, что безумно было бы посягать теперь на ея бытіе или лишать ее нашей поддержки.

По счастью, на сочувствіи къ общинѣ сошлись, въ настоящее время, наши представители самыхъ разнородныхъ направленій мысли. Если фанатики русской народности всегда горячо поддерживали ее, какъ самобытное явленіе русской исторической старины, то сторонники крайнихъ формъ европейскаго либерализма точно также ревностно стали проповѣдывать общину съ тѣхъ поръ, какъ признали въ ней уже готовое отчасти воплощеніе излюбленныхъ ими теорій соціальнаго и коммунистическаго устройства міра, которыя получили особенное распространеніе въ Европѣ послѣ французской революціи 1848 года, а въ концѣ пятидесятихъ годовъ и въ началѣ шестидесятихъ замѣтно проникли и къ намъ въ Россію.

Только доктрины господствовавшихъ политико-экономическихъ

теорій, знавшіе Россію болѣе изъ книгъ, чѣмъ въ лицо, и вообще та часть нашей бюргерско-либеральной печати, которая училась исключительно по европейскимъ образцамъ и у европейскихъ учителей, и желала безъ дальнихъ соображеній цѣликомъ переодѣть нашу родную Русь въ нѣмецкое, французское или англійское платье, заранѣе считая все исто-русское недостойнымъ XIX вѣка и европейскаго имени, — только эти близорукіе педанты возмущались отсталымъ деспотизмомъ общины надъ личностью. Они проповѣдовали ея разрушеніе, во имя либерализма, во имя священнаго имъ, но въ сущности бесплоднаго и бездушнаго принципа абсолютной свободы личности отъ всякаго вмѣшательства въ ея экономическую судьбу какихъ либо общественныхъ силъ.

Къ благополучію Россіи, наступившая эпоха великихъ преобразованій двинула, наконецъ, наше образованное общество въ среду дѣйствительной жизни, сблизило его волею-не-волею съ крестьянствомъ, слѣдовательно, и съ мірскою общиною. На ряду съ нашими высокоумными гегеліанцами и книжными приверженцами Бастіа и Ривардо, стали выступать на сцену люди, изучившіе Россію по самой Россіи и для самой Россіи; съ ихъ помощью, взгляды нашего образованнаго класса на особенности нашего русскаго общественнаго и хозяйственнаго быта приняли гораздо болѣе здравое и плодотворное направленіе, и важное значеніе русской сельской общины для нашей исторіи и нашего настоящаго мало-по-малу было выяснено нашему общественному сознанию.

Въ виду всего этого понятно, что самостоятельность и прочность сельской общины должны по прежнему лечь въ основу всякой системы крестьянскаго устройства.

Вмѣшательство начальства въ хозяйственную жизнь общины, помимо отсутствія законной почвы для этого, было бы невозможно и съ практической точки зрѣнія, ибо потребовало бы такого запаса пригодныхъ личныхъ силъ, о какомъ наше общество и мечтать не можетъ; кромѣ того, вмѣшательство это неизбежно связалось бы во множествѣ случаевъ съ обязанностію хозяйственнаго обезпеченія общины средствами правительства, что также совершенно немислимо. Точно также должна остаться въ сторонѣ отъ всякой непосредственной опеки общественная жизнь села, насколько она касается, такъ сказать, внутреннихъ дѣлъ его, не приходящихъ въ соприкосновеніе съ

другими интересами, и пока дѣла эти не приобрѣли характера положительнаго правонарушенія.

Община проще всего и лучше всего можетъ управлять сама собою въ ежедневныхъ, часто весьма мелочныхъ дѣлахъ своего быта, понятныхъ и важныхъ только для члена самой общины. Всякое же вторженіе въ нее, съ самою благонамѣренною цѣлью, чуждыхъ взглядовъ и точекъ зрѣнія, всякая попытка мѣрять дѣла общины на иной, хотя-бы и усовершенствованный аршинъ, примѣнить къ нимъ цѣли и приемы, которыхъ не вѣдаетъ сельская жизнь крестьянина, которыми она никогда не руководится и руководиться не хочетъ,—было бы бесплоднымъ деспотизмомъ и теоретическою иллюзіею.

Какъ крестьянинъ-общинникъ будетъ не въ состояніи опознаться и чувствовать себя дома среди нашихъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, построенныхъ на началахъ, совершенно чуждыхъ его опыту и степени развитія, такъ и каждый изъ насъ почувствуетъ себя не на мѣстѣ и безъ силы, окунувшись въ малопонятный для насъ міръ деревенскаго обычнаго права, очутившись на самобытной точкѣ зрѣнія крестьянскаго ума.

Этимъ мы не хотимъ, конечно, сказать, что русское крестьянство обязано оставаться вѣчно неизмѣняемою кастою, рѣзко отличною и старательно отдѣленною отъ всѣхъ другихъ классовъ и сословій нашего общества. Мы не стоимъ, конечно, за то, что мужикъ нашъ созданъ изъ ногъ Браны, а нашъ образованный человѣкъ изъ головы или рукъ его.

Нѣтъ, мы хорошо знаемъ, какимъ многочисленнымъ и сильнымъ вліяніемъ времени подвергается, на ряду со всѣмъ существующимъ, и наше русское крестьянство. Путемъ образованія и службы, путемъ торговой предприимчивости и промышленной ловкости, крестьянство наше постоянно выливается то въ образованный служилый классъ, то въ среду капиталистовъ, вращающихся народнымъ благосостояніемъ.

Дворянство русское, изъ всѣхъ дворянствъ міра, отличается необыкновенною демократичностью духа. Оно вовсе лишено сословной гордости, сословной нетерпимости и исключительности. Кто надѣлъ болѣе или менѣе подходящее платье, кто заговорилъ болѣе или менѣе приличною рѣчью,—тотъ и дворянинъ, тотъ и благородный въ глазахъ общества. Крестьяне и отставные солдаты, мѣщане и бурсаки, усвоивъ себѣ приемы обра-

зованнаго класса, принимаются безъ затрудненія и колебаній въ самомъ родовитомъ дворянскомъ домѣ. Можно смѣло сказать, что у насъ образованный классъ, люди европейскаго платья, — сюртучники, какъ называетъ ихъ народъ, отдѣляются замѣтно отъ остальнаго народа. Но отдѣляется ли отъ него замѣтно собственно дворянство русское, — этого утверждать, я думаю, никто не станетъ.

Ничего, подобнаго нѣмецкому юнкерству, нѣмецкимъ рыцарскимъ имѣнїямъ, нѣмецкимъ *quartiers de noblesse*, даже ничего, подобнаго остзейскому или финляндскому баронству, не найдется въ нашемъ скромномъ, непритязательномъ дворянствѣ, насъ сквозь проникнутомъ старыми инстинктами служилаго сословія, изъ котораго оно образовалось. Оставляя развиваться безпрепятственно этимъ естественнымъ выходамъ изъ однообразнаго уровня необъятнаго крестьянскаго моря, на тѣ или другія болѣе возвышенныя точки житейскаго берега, мы тѣмъ не менѣе должны желать, чтобы само крестьянство, пока оно остается крестьянствомъ, сельскимъ сословіемъ, стояло по возможности на прочныхъ и чистыхъ основахъ, именно крестьянскаго сельскаго быта, а не какаго нибудь инаго. Эти основы, впереди которыхъ, конечно, нужно назвать сельскую общину, должны развиваться и совершенствоваться не искусственными поправками нашей лжемудрствующей «интеллигентной» мысли, часто насилующей гораздо болѣе здравую, хотя простую и грубую, практическую точку зрѣнія крестьянина, а внутреннимъ улучшеніемъ жизни и мысли самаго крестьянства. Отъ этого улучшенія, или даже ухудшенія, не обезпечена никакая община. Какъ-бы ни прочна и не обособлена была организація ея, все-таки она не перестаетъ жить среди другихъ формъ общественной жизни, которыя нечувствительно вліяютъ на ея строй, поселяя въ общинникахъ иные взгляды, иные вкусы и желанія, научая ихъ многому, чего не знали они, и наводя ихъ на такія соображенія, которыя прежде были далеки отъ нихъ. Нѣтъ сомнѣнїя, что, въ ряду этихъ внѣшнихъ воспитательныхъ условій, мировой судъ, земство, народная школа и воинская повинность играютъ особенно выдающуюся роль.

Съ развитіемъ же нашего сельскаго хозяйства на степень сколько нибудь раціональнаго, къ числу этихъ вліяній несомнѣнно прибавится и вліяніе усовершенствованныхъ системъ хозяйства.

Такимъ образомъ сельскую общину не слѣдуетъ представлять себѣ какъ какую-то историческую окаменѣлость, найден-

ную любителями, которую мы обязаны положить подь стекло на полку музея и затѣмъ благоговѣнно предохранять отъ малѣйшихъ видоизмѣненій ея прежнія формы. Община есть такое же живое, растущее и видоизмѣняющееся тѣло, какъ и всякій другой общественный организмъ, и, какъ всякій другой, она имѣетъ право жить своею собственною-самостоятельною жизнью, отражая въ себѣ по-своему разнородныя, окружающія ее вліянія, свободная только отъ насильственныхъ упражненій надъ нею теоретиковъ и бюрократовъ.

Эти наши теоретики странный народъ. Съ одной стороны, они на каждомъ шагу съ необыкновеннымъ увлеченіемъ принимаютъ за что-то, всему міру обязательное, всѣмъ народамъ необходимое, первую открытую ими форму государственной или общественной жизни, выработанную особенными обстоятельствами исторіи того или другаго образованнаго народа, при совершенно исключительныхъ условіяхъ мѣста, времени, народныхъ свойствъ и потребностей; они не раздумывая, безъ дальняго анализа, провозглашаютъ эту случайную форму не за своеобразный продуктъ народныхъ силъ и народной исторіи,—что она есть въ дѣйствительности,—а именно за ихъ источникъ, за основную причину ихъ бытія.

Поэтому они съ рѣшительностью, достойною лучшаго дѣла, готовы были бы сейчасъ перенести эту всемогущую форму въ совершенно инныя условія быта и времени, къ народу совершенно другаго характера и другихъ понятій, убѣжденные, какъ неопытные юноши, что чудодѣйственная форма сейчасъ же пересоздастъ и людей, и исторію, и самую землю, сейчасъ же русскаго преобразитъ въ англичанина, француза въ нѣмца, дурака сдѣлаетъ умнымъ, подлеца честнымъ, невѣжду образованнымъ, лѣнтяя трудолюбивымъ, бѣднаго богатымъ, труса храбрецомъ...

Одинъ изъ самыхъ ярыхъ доктринеровъ нашего времени, покойный Гизо, пытался, напр., просто выдумать цѣлую феодальную Англію для своей родной мѣщанской Франціи, крещеной принципами 1789 года,—Англію съ ея родовой земельною аристократіею, ея палатою лордовъ, съ королемъ-автоматомъ вмѣсто могучаго цезаря,—этого идеала французскаго демоса.

Наши русскіе доктринеры въ литературѣ и жизни не много отстали отъ книжныхъ увлеченій французскаго государственнаго человѣка; какъ Гизо, они не перестаютъ быть профессорами и академиками на тѣхъ практическихъ путяхъ, куда ста-

новить ихъ жизнь; какъ Гизо, они не въ силахъ проникнуться уваженіемъ ни къ чему другому, кромѣ того, въ чемъ убѣждаетъ ихъ собственное теоретическое умозаключеніе или авторитетъ другаго такого же теоретика.

Съ другой стороны, тѣ же самыя доктринеры наши, встрѣчаясь съ нашими собственными, такъ сказать, доморощенными, общественными явленіями, несомнѣннымъ продуктомъ особенныхъ національныхъ свойствъ и особенныхъ историческихъ условій русскаго народа, — рѣшительно не хотятъ признавать ихъ законности, они возмущаются противъ нихъ, пристыживаютъ ихъ съ точки зрѣнія своей теоріи, поднимаютъ противъ нихъ походъ, какъ противъ какой нибудь запоздалой орды азіатскихъ варваровъ. Имъ дѣла нѣтъ, что эта историческая одежда припласъ какъ разъ въ плечу самому народу, что онъ привыкъ къ ней, какъ къ своей собственной шкурѣ, дорожить ею, какъ своею собственною шкурою, и не желаетъ промѣнять ее ни на что другое новое, ваше, а не его.

Это неумѣіе и нежеланіе уважать самостоятельность народной жизни и убѣжденій народныхъ, проявлявшіяся часто, между прочимъ. и въ вопросѣ сельской общины, служатъ характерною чертою отличія нашихъ литературныхъ теоретиковъ всякаго пошиба, не исключая самаго наивлиберальнѣйшаго.

Всѣ они готовы одинаково рьяно стоять за свободу народа и благоговѣть передъ его вѣковою мудростью, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы самыя коренныя условія народной жизни были устроены какъ разъ наперекоръ всему тому, во что вѣрится, чему поклоняется, за что отъ вѣка держится этотъ самый народъ; однимъ словомъ, чтобы эта мнимая мудрость его была признана за вредную глупость, и эта мнимая свобода его была замѣнена свободою его непрошенныхъ учителей лѣпить изъ его тысячелѣтней исторической жизни то, что подсказываетъ имъ недавно прочитанная иностранная книжка.

Самое надежное обезпеченіе своего существованія сельская община нашла бы, конечно, въ улучшеніи своего хозяйственнаго быта. Каковы должны быть коренныя условія этого улучшенія теперь уже знаетъ всякій. Жизнь и литература послѣднихъ лѣтъ слишкомъ хорошо освѣтили этотъ вопросъ.

Прекращеніе исключительной обязанности крестьянства нести на себѣ податное тягло за всѣ другія сословія государства, т. е. установленіе правильной и равномѣрной податной системы; окон-

чательное включеніе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ общій кругъ русскаго крестьянства, т. е. прекращеніе всякихъ обязательныхъ отношеній ихъ къ помѣщику, и принатіе на общій счетъ казны погашенія выкупныхъ ссудъ, съ обложеніемъ выкупленныхъ земель тѣмъ же налогомъ, каковымъ обложены государственные крестьяне; наконецъ, надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ всякихъ разрядовъ свободными казенными землями, въ связи съ разумно-устроенною системою переселенія и спеціальнаго для крестьянъ земельного кредита,—вотъ тѣ благодѣтельныя мѣры, осуществленія которыхъ ждутъ и желаютъ всѣ честные граждане земли русскою, и которыми, какъ видно, серьезно озабочено теперь само правительство.

Оставляя въ сторонѣ отъ настоящаго разсужденія нашего эти экономическія потребности сельской общины, какъ не входящія въ предметъ статьи, мы выскажемъ только нѣсколько мыслей собственно по вопросу сельскаго и волостнаго управленія.

Вглядываясь внимательно и безпристрастно въ ходъ нашихъ мѣстныхъ крестьянскихъ дѣлъ, мы давно пришли къ заключенію, что между жизнью села и жизнью волости существуетъ неизмѣримая нравственная разница.

Село живетъ совершенно естественною, разумною, всѣмъ понятною жизнью, основанною на правдѣ и необходимости, въ формахъ, имъ самимъ выработанныхъ, подсказанныхъ дѣйствительными требованіями жизни.

Жизнь села не есть какая нибудь иллюзія, не есть безсодержательная фраза какой нибудь статьи законоположенія о крестьянахъ, а фактъ настолько реальный, настолько всѣмъ дѣйствительно нужный, что малѣйшая остановка въ правильномъ теченіи этой жизни тотчасъ же отзовется на безчисленномъ множествѣ крестьянскихъ интересовъ, внесетъ въ нихъ расстройство и беспорядокъ, даже прямо сдѣлаетъ невозможнымъ многія отправленія жизни отдѣльныхъ крестьянъ, входящихъ въ составъ общества.

Староста, сборщикъ податей, полевой или лѣсной сторожъ, десятскій, сходка стариковъ для передѣла земли или раскладки повинностей,—все это такіе первичные органы естественной общинной жизни крестьянъ, которыхъ обойти не можетъ никакой порядокъ вещей, никакая изобрѣтательность закона; которые, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, непременно выплывутъ

на свѣтъ Божій, куда бы ни прятали ихъ. Это крылья, хвостъ и ноги птицы, безъ которыхъ она не въ состояніи летѣть.

Будетъ ли законъ и образованное общество вмѣшиваться въ устройство крестьянскаго управленія, не будетъ ли,—можно быть увѣреннымъ, что сходка, староста, сборщикъ и десятскій не исчезнутъ изъ жизни села.

Эта органическая крѣпость и правда сельскаго управленія, естественный плодъ исторической жизни села, составляетъ его великое преимущество передъ всякимъ другимъ управленіемъ, но въ особенности передъ волостнымъ.

Не вдаваясь въ историческія изслѣдованія древне-русской волости, мы имѣемъ право отнести къ нашей современной волости,—волости палаты государственныхъ имуществъ, съ ея головами и засѣдателями, и волости положенія 19 февраля съ ея старшинами и правленіями, съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ и несочувствіемъ.

Дѣйствительно, разберемъ ближе, чтò такое эта наша пресловутая волость, которая, въ сущности, правитъ цѣлою русскою имперіею, составляя первичный административный атомъ, отъ котораго начинается и къ которому окончательно возвращается самое малѣйшее правительственное мѣропріятіе, отъ народнаго образованія и религіозныхъ вопросовъ до воинской службы и собиранія государственной казны.

Начать съ того, что волости, во первыхъ, нѣтъ; волость на дѣлѣ не существуетъ; волость есть фикція закона, выдумка теоріи.

Вотъ уже 10 лѣтъ, какъ я изо дня въ день ѣзжу по волостямъ, наблюдаю за волостями, по обязанности своей должности.

Поэтому мнѣ, кажется, можно повѣрить, что я нигдѣ не могъ найти волости.

Я знаю, конечно, на какой страницѣ «Положеній» могу отыскать ее; но въ жизни тѣмъ не менѣе я ее не нашель. «Волостнаго міра», о которомъ мы читаемъ на страницахъ «Положенія», не существуетъ въ дѣйствительности; существуетъ только одинъ «сельскій міръ».

Волостныхъ хозяйственныхъ и общественныхъ интересовъ не существуетъ также; существуютъ одни хозяйственные и общественные интересы села, общины.

И однако, не смотря на это, ст. 78 общаго положенія о крестьянахъ перечисляетъ цѣлый кодексъ волостныхъ дѣлъ и обязанностей.

Тутъ и «хождение по дѣламъ волости», съ дачею на то довѣренности, и «принесеніе жалобъ по дѣламъ волости черезъ особыхъ выборныхъ», и «постановленія о предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ дѣлъ цѣлой волости», и «учрежденіе волостныхъ училищъ», и распоряженіе «волостными запасными магазинами», и «мѣры общественнаго призрѣнія» по волости, «назначеніе и раскладка мірскихъ сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой волости», «выборы должностныхъ лицъ волости», «повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, волостью избираемыхъ».

Читая эту статью, подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ есть на свѣтѣ какая-то, самобытно живущая, рѣзко обособленная въ своихъ естественныхъ интересахъ, общественная корпорація, именуемая волостью, имѣющая свой особый бюджетъ доходовъ и расходовъ, нуждающаяся и въ веденіи своихъ дѣлъ, и въ защитѣ своихъ интересовъ, и въ постоянныхъ собраніяхъ своихъ представителей.

Когда же познакомишься съ этою фивтивною корпораціею лицомъ къ лицу, то убѣдишься сразу, что всѣ эти дѣла и обязанности—одна безсодержательная фраза; что въ сущности мнимая волость съ своимъ широкимъ самоуправленіемъ замѣняется небольшимъ домикомъ съ крыльцомъ и темною комнатою безъ печи, съ желѣзною рѣшеткою въ окнѣ, гдѣ пребываетъ волостной старшина съ волостнымъ писаремъ.

Домикъ этотъ дѣйствительно такъ и называется у нашего народа, отличающагося необыкновенною, хотя часто инстинктивною мѣткостью рѣчи, не волостнымъ правленіемъ, а именно «волостью» или конторою.

Въ этомъ домикѣ происходитъ разборъ дѣлъ, выбиваніе податей, сажанье въ холодную, «волосная расправа» и порка не болѣе 19 разовъ, которыхъ, впрочемъ, никто не считаетъ. Къ этому домику разъ въ годъ, а иногда и чаще, стоняются изъ каждаго села по нѣсколько человѣкъ-выборщиковъ, почти всегда назначенныхъ волостнымъ старшиною, которымъ здѣсь рѣшительно нечего дѣлать и которые ѣдутъ сюда, бросая свои собственные дѣла, только по строгому приказу старшины, который вправѣ каждаго изъ этихъ выборщиковъ запираетъ въ темную и кормитъ ими по нѣсколько дней волостныхъ блохъ.

Выборщики эти подтверждаютъ обыкновенно ту сумму, которую старшина съ писаремъ назначаютъ себѣ на жалованье, на наемъ почтовой гоньбы при волости, на содержаніе дома и канцеляріи волостнаго правленія; молча выслушиваютъ они и прочи-

тываемый имъ писаремъ «учетъ волостнаго старшины волостнымъ сходомъ», скрѣпляемый тутъ же писаремъ штемпелями всѣхъ сельскихъ старостъ, и не знаютъ какъ дожидаться желаемой команды старшины: «ну, теперь по домамъ!»

Избраніе волостнаго старшины съ судьями и отпускъ ему суммы на различные расходы волостнаго правленія составляютъ, въ сущности, единственное «дѣло», единственную «обязанность» и единственную «хозяйственную заботу» этого многочисленнаго представительнаго собранія несуществующей «волости».

Правда, этотъ многочисленный сходъ тревожится начальствомъ и по различнымъ другимъ случаямъ: каждое удаленіе сельскимъ обществомъ своего вреднаго сочлена и даже каждый отказъ сельскаго общества принять обратно въ свою среду бывшаго члена общества, лишеннаго по суду нѣкоторыхъ правъ состоянія,—обязательно разсматриваются волостнымъ сходомъ, который можетъ дать или не дать свое согласіе на приговоръ (исключая случаевъ, когда въ сельскомъ обществѣ не менѣе 300 ревизскихъ душъ).

Волостной сходъ, разумѣется, понятія не имѣетъ о человѣкѣ, о которомъ требуется рѣшительное мнѣніе его; но, тѣмъ не менѣе, для такого, въ существѣ, вздорнаго и бесполезнаго дѣла, одинъ изъ десяти хозяевъ каждаго села, всего иногда человѣкъ полтора, отрываются отъ своихъ хозяйственныхъ работъ и являются за 10, 15 и даже 20 верстъ, безъ всякаго вознагражденія, на волостной сходъ. Мало того, подобные приговоры волостнаго схода, по существующему порядку, должны быть провѣрены на мѣстѣ, въ присутствіи стороннихъ добросовѣстныхъ лицъ, членомъ крестьянскаго присутствія; и вотъ опять тянуть бѣдныхъ хозяевъ изъ ихъ селъ къ волостному домику ожидать въ терпѣніи, иногда цѣлый день, приѣзда начальника, которому они неизмѣнно поютъ все ту же пѣсню свою, гораздо болѣе разумную, чѣмъ то, что долженъ пѣть имъ «начальникъ» ихъ подневольный. «Знать мы этого человѣка не знаемъ; а коли общество не желаетъ, его дѣло, намъ что его учить! имъ не нуженъ, и намъ не нуженъ».

Бываютъ, впрочемъ, комическіе, можно сказать, безысходные исходы изъ подобнаго права волостнаго собранія. Возьметъ вдругъ съ чегонибудь волостной сходъ, да и не утвердитъ приговора сельскаго общества о непріятіи въ свою среду арестанта. Обществу, такимъ образомъ, приходится принимать себѣ члена уже по чужому приказу, вопреки собственнаго желанія и собственныхъ выгодъ.

Съ такимъ же недоумѣнiемъ и несочувствiемъ относится волостной сходъ и къ навязанной ему обязанности распоряжаться судьбою лицъ, «приписанныхъ въ волости», какъ, напримѣръ, бывшiе дворовые. Кто и къмъ приписанъ и зачѣмъ приписанъ, въ это сходу не дозволяется вмѣшиваться; но если на этихъ приписанныхъ оказывается, какъ почти всегда, недоимка, волостной сходъ обязанъ разложить ее на волость; если эти приписанные не въ силахъ внести плату за леченiе въ больницѣ или какой нибудь другой казенный и земскiй долгъ, взысканiе опять обращается на волостной сходъ. На принятiе или непринятiе такихъ лицъ опять «подъ волость» изъ арестантскихъ ротъ или тюремнаго замка тоже испрашивается зачѣмъ-то разрѣшенiе волостнаго схода! Повѣрка суммъ, собираемыхъ волостнымъ старшиною съ бывшихъ дворовыхъ и другихъ, къ волости приписанныхъ лицъ, тоже возлагается, неизвѣстно по какому поводу, на волостной сходъ. Словомъ, никакихъ дѣйствительныхъ правъ, никакого дѣйствительнаго хозяйства, никакого полезнаго кому нибудь результата, но только одно безцѣльное и безсодержательное мыканье доброй сотни деревенскихъ хозяевъ отъ своихъ дѣлъ по чужимъ дѣламъ—вотъ чѣмъ представляется въ дѣйствительности волостной сходъ.

Но если не существуетъ интересовъ волостнаго самоуправленiя и хозяйства, то, несомнѣнно, существуетъ волостной самосудъ.

О волостныхъ судахъ писано очень много. Одни труды комисiи по изслѣдованiю волостныхъ судовъ составляютъ собою цѣлый архивъ своего рода. Почти всѣ земства, почти вся печать вопить противъ волостныхъ судовъ. И хотя комисiя далеко не нашла въ нихъ тѣхъ безобразiй, которыми принято характеризовать эти суды, однако мнѣнiе о необходимости уничтоженiя волостныхъ судовъ остается все-таки господствующимъ.

Только немногiе голоса въ литературѣ, преимущественно славянофильскаго пошиба, отстаиваютъ волостные суды. Среди этого рода статей нельзя не обратить вниманiе на рядъ статей о «волостныхъ судахъ» г. Ренскаго въ апрѣльской и майской вѣнкахъ «Русской Мысли». «Русская Мысль», какъ извѣстно, сильно измѣнила свое первоначальное, «московское» направление и, въ настоящее время, почти не отличается общими точками зрѣнiя отъ такъ называемыхъ умѣренно-либеральныхъ органовъ петербургской журналистики, каковы «Вѣстникъ Евро-

пы» съ «Порядкомъ» и ему подобныя. Но, тѣмъ не менѣе, въ ней продолжаютъ попадаться статьи исключительнаго, «народническаго» характера, каковы, между прочимъ, и статьи г. Ренскаго.

Г. Ренскій хорошо изучилъ литературу своего вопроса, вслѣдствіе чего очеркъ его является подкрѣпленнымъ доказательствами и довольно тщательно разработаннымъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно думать, чтобы почтенный авторъ настолько же былъ близокъ къ житейской практикѣ, какъ къ книгѣ. По крайней мѣрѣ, статьи его, не смотря на ихъ серьезность, проникнуты не только слишкомъ явною тенденціозностью, но и нѣкоторымъ «народническимъ» мистицизмомъ.

Авторъ отправляется отъ той довольно рисованной точки зрѣнія, что всѣ грѣхи и слабости теперешняго волостнаго суда, да и вообще крестьянскаго управленія, происходятъ исключительно отъ вѣщательства въ нихъ мировыхъ посредниковъ, мировыхъ съѣздовъ, крестьянскихъ присутствій, вообще людей образованныхъ или, какъ онъ иронически называетъ ихъ, «культурныхъ».

Отстраните отъ мужика все это начальство, всѣхъ этихъ непрошенныхъ «культуръ-трегеровъ», оставьте волостному суду разбираться, какъ онъ самъ знаетъ, безъ всякихъ касаций и апелляцій,—и въ волостномъ судѣ воцарится правда и порядокъ. Такова общая идея статьи г. Ренскаго.

Признаюсь, эта идея всегда и во всѣхъ случаяхъ мнѣ казалась соблазнительною; въ ранней юности я особенно горячо держался за нее. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть легче и проще такого яснаго положенія дѣла? Человѣчество, крестьянство, совершенны сами по себѣ. Портитъ ихъ глупое вѣщательство власти, ложныя требованія образованія. Отылоните ихъ, и на другой день получите образцовое человѣчество, образцовое крестьянство. Не нужно ни сложныхъ изслѣдованій науки, ни трудной и долгой борьбы съ природою человѣка и историческими условіями.

Только догадайся и будь рѣшительный—и обратишь рай на землѣ.

Къ сожалѣнію, я уже давно не въ состояніи вѣрить съ такою легкостью сердца въ свои собственныя мечты, съ какою мнѣ вѣрилось когда-то.

Къ сожалѣнію, я слишкомъ близко и твердо знаю ту многогрѣшную человѣческую природу, которая живетъ въ простомъ мужикѣ точно такъ же, какъ и въ образованномъ человѣкѣ. Бла-

городныя увлеченія юношеской мысли во вкусѣ Жанъ-Жака Руссо на моихъ глазахъ слишкомъ часто обнаруживали бесиліе свое противъ досадныхъ обличеній трезваго опыта, чтобы я могъ смотрѣть на нихъ съ нѣкоторою серьезностью.

Да и съ точки зрѣнія логики такая постановка вопроса не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

Если дѣйствительно образованные классы и правительственная власть способны принести крестьянству, т. е. рабочему классу, одинъ вредъ и разстройство, если всякое прикосновеніе ихъ къ «народу» есть проказа своего рода, то изъ за чего же друзья этого народа превозносятъ его подвигъ созданія въ Россіи могучей государственной власти, изъ-за чего горячатся за необходимость широкаго народнаго образованія, свободы слова и проч.? Гнилое заразительное образованіе, распространяемое свободнымъ словомъ, не должно бы, казалось, имѣть никакой цѣны въ глазахъ сторонниковъ подобныхъ взглядовъ.

Если дѣйствительно, какъ выражается г. Ренскій, «законъ сѣлъ умъ и душу крестьянина», то за что же превозносить, какъ великихъ героевъ русской исторіи, творцовъ и дарователей этого закона, не исключая и закона 19 февраля 1861 года?

Мы впрочемъ не намѣрены очень строго относиться къ этому слишкомъ обычному противорѣчію весьма многихъ теоретиковъ нашихъ, которые, съ одной стороны, требуютъ совершеннаго объединенія всѣхъ историческихъ формъ народной жизни подъ одинъ либеральный уровень правъ и обязанностей, безсловныхъ учрежденій, безусловныхъ законовъ, а съ другой — оскорбляются на всякое вмѣшательство «культурныхъ людей» и общаго «закона» въ историческую самобытность и мистическія добродѣтели рабочаго класса.

Мы только указываемъ на эту безысходность ихъ взглядовъ, чтобы дать возможность читателю вѣрнѣе судить о нихъ.

Г. Ренскій, напримѣръ, до того проникнуть вѣрою въ врожденность правосудія одной крестьянской средѣ, что замѣчаемое во многихъ мѣстностяхъ стремленіе крестьянъ разбираться у мировыхъ судей вмѣсто волостныхъ судовъ онъ рассматриваетъ какъ нѣкотораго рода измѣну крестьянскому духу, какъ несомнѣнное нравственное паденіе, свойственное только безсовѣстнымъ людямъ, «боящимся правды суда своихъ людей».

Авторъ, увлеченный своимъ пристрастіемъ къ исключительной добродѣтели мужика, совершенно забываетъ на эту минуту,

что этотъ самый деревенскій «судъ перовъ» своего рода, судъ равныхъ равными, «судъ правды и своихъ людей», онъ же самъ въ первой статьѣ своей характеризовалъ не какъ свободный судъ крестьянъ, а какъ произволь неизбѣжнаго законника и вляузника, волостнаго писаря, и взяточника волостнаго старшины, подтверждая этотъ взглядъ свой очень убѣдительными примѣрами.

Подобная шаткость и тенденціозность мысли замѣчается, къ сожалѣнію, далеко не въ одномъ трудѣ г. Ренскаго, а можетъ характеризовать собою цѣлый многочисленный разрядъ нашихъ «исслѣдователей» народной жизни.

Что касается до насъ, то мы равно далеки и отъ священнаго ужаса передъ вмѣшательствомъ культурныхъ людей въ жизнь простаго народа и отъ фанатическаго культа его исключительныхъ добродѣтелей. Какъ ни плохи наши волостные суды, смѣемъ увѣрить читателя, что они на половину не такъ плохи, какъ о нихъ кричатъ. Въ этомъ отношеніи мы вполне раздѣляемъ убѣжденіе, вынесенное комисіею. Въ волостныхъ судахъ болѣею частью дѣйствительно заправляетъ всѣмъ дѣломъ волостной старшина съ писаремъ. Но это вовсе не означаетъ, что волостной судъ непременно и всегда есть судъ беззаконный. Волостной старшина, въ болѣею части случаевъ, наклоненъ разсудить спорящихъ нисколько не менѣе справедливо, чѣмъ и волостные судьи.

Вообще говоря, волостной старшина способенъ отнестись къ дѣлу разумнѣе, чѣмъ судьи, и потому, что онъ гораздо болѣе нихъ несетъ отвѣтственность за свои дѣйствія, гораздо болѣе заинтересованъ, чтобы по волости не было жалобъ къ высшему начальству, и потому, что въ волостные старшины выбирается волостью человекъ, все-таки чѣмъ нибудь выходящій изъ ряда, чего нельзя сказать о 12-ти судьяхъ, избираемыхъ ежегодно и безъ всякаго вознагражденія.

Конечно, волостной старшина въ огромномъ большинствѣ случаевъ извлекаетъ изъ судебного дѣла какую нибудь выгоду для себя, возьметъ что нибудь съ той или другой стороны, если только они въ силахъ дать; но только наивность можетъ воображать, что волостные судьи стоятъ въ этомъ отношеніи на другихъ принципахъ. Судьи точно также вымогаютъ, точно также берутъ при всякой возможности, и волостной писарь, ихъ направляющій, точно также служитъ агентомъ и имъ, и старшинѣ.

Вообще можно сказать утвердительно, что огромное боль-

шинство крестьянъ питаетъ самыя наивныя, по истинѣ первобытныя взгляды на поборы по служебнымъ дѣламъ. По ихъ мнѣнію, всякое начальствующее лицо, уже по самому званію своему, вѣрнѣе, по самому призванію, должно извлекать доходъ изъ своей должности, точно такъ, какъ ключникъ долженъ пользоваться тѣмъ, что у него подъ ключемъ, садовникъ — садомъ, скотница — продуктами скотнаго двора. Крестьянинъ въ сущности даже не обижается, когда писарь или старшина берутъ съ него за то или другое дѣло, если только они «берутъ по закону», т. е. по силѣ мужика, и притомъ сдѣлавши дѣло въ его пользу. Въ этихъ случаяхъ онъ никогда не пойдетъ жаловаться на нихъ и даже будетъ считать ихъ хорошими людьми, благопріятелями своими.

«Взяли молъ, что слѣдуетъ, за то и дѣло сдѣлали».

По моему личному убѣжденію, основанному на опытѣ, нигдѣ не бываетъ такого правосудія, какъ въ волостяхъ, гдѣ царитъ безпрекословно по нѣсколькимъ трехлѣтій сряду, всѣми уважаемый авторитетный старшина. При ревизіяхъ волостныхъ правленій я поражался обыкновенно ничтожнымъ количествомъ жалобъ, подаваемыхъ въ волостной судъ, ничтожнымъ количествомъ дѣлъ, разобранныхъ волостнымъ судомъ въ этихъ «самодержавныхъ» волостяхъ. На вопросъ ревизующаго, старшина, обыкновенно мужикъ весьма внушительнаго и даже величественнаго вида, скромно опустивъ долъ хитрые глаза, разъясняетъ со вздохомъ, что «народъ въ волости большею частью бывшій помѣщичій, смиренный, не влязунный, дѣлать ему нечего, да и однодворцы, какіе есть, и тѣ по здѣшнимъ мѣстамъ тихо живутъ».

Но дѣло въ этихъ случаяхъ объясняется далеко не одною тихостью «здѣшнихъ мѣстъ». Дѣло въ томъ именно, что старшина, пользующійся авторитетомъ, почти никогда не доводитъ дѣло до волостнаго суда; придуть къ нему съ жалобою, онъ распроситъ того и другаго, накричитъ и пригрозитъ кому слѣдуетъ, если нужно, въ холодную посадить, прикажетъ отдать или подѣлать какъ нужно, или чаще всего сведетъ ихъ на мировую, и безъ всякихъ рѣшеній, касаций и апелляцій, прогонитъ ихъ домой.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне бываютъ болѣе довольны такимъ простымъ и короткимъ разборомъ своихъ мелкихъ ссоръ и споровъ, чѣмъ затяжными кляузами волостнаго суда и дальнѣйшихъ инстанцій, гдѣ они поневолѣ теряютъ время и деньги, отбиваются отъ своего дѣла, пріучаются къ сутяжничеству и попадаютъ въ руки писарей и адвокатовъ.

Такой властительный старшина, говорить нечего, ежечасно нарушаетъ писанныя законы и свои обязанности, изложенныя въ разныхъ 84 и 104 статьяхъ общаго положенія. Онъ безъ всякой церемоніи рветъ подаваемыя прошенія, ругаетъ просителей такъ, какъ не указано ни въ какихъ уставахъ, а слишкомъ большихъ охотниковъ до «судьбища», очень ужъ часто толкающихся на крылечкѣ волостнаго правленія, не затруднится проморить нѣсколько часовъ въ «холодной», «чтобы отбить у нихъ напередки ихъ кляузную повадку, иначе отбою отъ нихъ не будетъ», по убѣжденію не только самого старшины, но и всего крестьянства.

Я, конечно, рассказываю это не въ цѣляхъ восхваленія такихъ судебныхъ порядковъ. Я только передаю факты жизни, какъ они есть, безъ подлога и прикрасъ. Я утверждаю, кромѣ того, что какъ несочувственно ни относимся мы къ смѣшенію судебной власти съ административною и къ единоличному произволу, крестьянинъ гораздо болѣе любить и цѣнить таковой живой, примѣненный къ его нравамъ и понятіямъ, единоличный судъ власти, происходящій, такъ сказать, въ минуту его потребности, и на самомъ мѣстѣ, чѣмъ всякое сложное и формальное разбирательство, съ положительными доказательствами, съ обрядами судопроизводства, рѣшительно непосильными и непонятными мужуку, съ вѣчною угрозою какихъ-то невѣдомыхъ статей хитроумнаго закона, нависшихъ надъ наивною простою его бытовыхъ отношеній.

«Старшина насъ судилъ!» вотъ обычный отзывъ крестьянина о волостномъ судѣ. Даже если старшина, остерегаясь жалобы и отвѣтственности, не присутствуетъ непосредственно, при разборѣ дѣла, на волостномъ судѣ, крестьянинъ не сомнѣвается, что волостные судьи все-таки судятъ какъ старшина велитъ, и на эту собственно сторону дѣла не жалуется рѣшительно никто.

Точно также крестьяне мало понимаютъ, какъ это ихъ «судить» цѣлое крестьянское присутствіе. Они убѣждены, что судьбою у нихъ, выше старшины, когда они старшиною недобольны, непремѣнный членъ; приходя къ нему, крестьяне говорятъ: «вы нашъ судья, коли вы уже насъ не рассудите, гдѣ-жъ намъ и милости искать!»

О тонкихъ разграниченіяхъ власти они понятія не имѣютъ и имѣть не желаютъ. Наши литературные изслѣдователи народа, влагая ему съ особенною охотою свои собственныя пожеланія и точки зрѣнія, къ сожалѣнію, забываютъ, что крестьянство наше

еще всецѣло стоитъ на почвѣ 16 и 17 вѣка русской исторіи; что оно не только не возмущается вмѣшательствомъ волостнаго старшины въ «свободное рѣшеніе волостнаго суда», вопреки ст. 104 общаго положенія, но не возмутилось бы даже, если бы, вмѣсто судебныхъ слѣдователей, прокуроровъ, окружнаго суда и судебныхъ палатъ, съ ихъ присяжными повѣренными, присяжными засѣдателями и судебными приставами, подъ деревенскимъ дубомъ, на церковномъ выгонѣ, сидѣлъ какой нибудь воевода или туунъ царскій и вѣшалъ бы преступниковъ на томъ самомъ деревѣ, подъ которымъ ихъ судить, въ тотъ самый часъ, когда осудилъ ихъ, только дозволивъ развѣ попу «сообщить ихъ святыхъ Таинъ».

Выводъ изъ этихъ разсужденій тотъ, что сами крестьяне не питаютъ никакого особеннаго довѣрія къ волостному суду, какъ коллегіальному учрежденію, и въ волостныхъ судьяхъ вовсе не видятъ большаго обезпеченія своего правосудія, чѣмъ въ единоличномъ судѣ волостнаго старшины, съ которымъ они наивно смѣшиваютъ волостной судъ. Недовольство своимъ «лапотнымъ судомъ», признаніе, что на этомъ судѣ всегда правъ тотъ, кто угостилъ лучше или щедрѣ «подарилъ волостныхъ начальниковъ», на каждомъ шагѣ высказывается крестьянами, безъ яснаго разграниченія старшины отъ судьевъ, но все-таки имѣя въ виду прежде всего старшину. «У насъ судятъ хуже туретчины; свое законное добро отберутъ, да еще накажутъ, что волею не отдавалъ», нерѣдко слышу я отъ мужиковъ. «Мужицкій судъ, какой ужъ судъ! воли начальство насъ судить не можетъ, такъ это значитъ послѣдняго своего рѣшисъ, все волостнымъ отдай!»

Такия жалобы чаще всего раздаются въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ старшины слабы, невліятельны, часто мѣняются; гдѣ писарь и волостные судьи приобрѣтаютъ отдѣльное и самостоятельное значеніе; гдѣ выборы ихъ нерѣдко приобрѣтаютъ поэтому характеръ безобразія и вопіющей несправедливости, не будучи направляемы болѣе совѣстливою и болѣе благоразумною рукою, падающею интересы другихъ ради своихъ собственныхъ, не рискующею на какое нибудь явное и глупое притѣсненіе, съ которымъ трудно упрятаться.

Но какъ ни часты подобныя жалобы, все-таки, повторяемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, мы убѣждаемся, что волостной судъ, въ большинствѣ случаевъ, рѣшае тѣдѣла безъ особеннаго

нарушенія справедливости. Если, съ другой стороны, вспомнить, сколько жалобъ раздается на наши мировые, окружные и всякіе другіе суды, не исключая рѣшеній правительствующаго сената; если дать себѣ безпристрастный отчетъ, какую массу неправды всякаго рода невольно освящаютъ эти наши общіе суды, основанные на состязательномъ процесѣ и формальныхъ доказательствахъ, то мы убѣдимся, что въ крестьянскихъ судахъ, при всѣхъ недостаткахъ ихъ, неправда торжествуетъ далеко не болѣе, а по нашему личному мнѣнію, даже гораздо менѣе, чѣмъ въ нашихъ собственныхъ судахъ, гдѣ ловкость какого нибудь адвоката или случайности юридической обстановки дѣла вынуждаютъ судъ, сплошь да рядомъ, защищать интересы явнаго нарушителя справедливости и отдавать ему въ жертву явно ограбляемаго имъ человѣка.

Правильное разрѣшеніе вопроса о лучшемъ устройствѣ правосудія въ средѣ крестьянскаго сословія можетъ быть достигнуто только тогда, когда, отбросивъ всякія предвзятія мысли, всякое партийное суевѣріе, мы выйдемъ совершенно объективно, съ одной стороны, въ то, что есть дѣйствительно удобнаго и незамѣнимаго для крестьянъ въ настоящихъ волостныхъ судахъ, сравнительно съ существующими судами иного типа, а съ другой стороны, въ то, что составляетъ справедливый поводъ многочисленныхъ жалобъ и нареканій на волостные суды. По нашему мнѣнію, крестьянскій мѣстный судъ имѣетъ такіа огромныя преимущества предъ всякимъ другимъ судомъ, что уничтоженіе его оказалось бы на дѣлѣ крайне вреднымъ для интересовъ крестьянства. Эти преимущества заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что для массы мелочныхъ бытовыхъ дѣлъ крестьянства, тѣсно связанныхъ съ общинною жизнью, съ особенностями обычаевъ, убѣжденій и взглядовъ крестьянъ, невозможны никакіе другіе суды, кромѣ людей того же круга жизни, тѣхъ же возрѣній и привычекъ. Всякій судья изъ образованныхъ классовъ, какъ бы ни былъ онъ добросовѣстенъ и даже специально подготовленъ къ дѣлу суда, во множествѣ случаевъ будетъ не въ силахъ стать на настоящую точку зрѣнія крестьянина и понять его дѣйствительные интересы и цѣли. Если даже предположить, что въ каждомъ мельчайшемъ участкѣ сидѣлъ бы судьейю необыденнѣйшій смертный, какіе могутъ и будутъ въ немъ дѣйствительно сидѣть, а глубокій знатокъ крестьянскихъ обычаевъ и нравовъ, способный написать о нихъ цѣлое

серьезное изслѣдованіе, то, повѣрьте, и этотъ спеціалистъ пожалуй еще болѣе, чѣмъ дюжинный судья, невольно выдумывалъ бы и искажалъ своими рѣшеніями крестьянскую жизнь. Не будучи самъ естественнымъ произведеніемъ крестьянской среды, не всосавъ въ себя ея соковъ, онъ не могъ бы относиться къ изученнымъ имъ фактамъ просто и справедливо, а относился бы непременно искусственно, натянуто, съ огромнымъ участіемъ теории и собственнаго воображенія; придавалъ бы какимъ нибудь случайнымъ и неважнымъ особенностямъ (обычая такое коренное значеніе, каковаго они никогда не имѣютъ въ глазахъ крестьянина; носился бы, какъ съ чѣмъ-то обязательнымъ, съ формами, которыя во множествѣ случаевъ безъ всякаго труда обходятъ или видоизмѣняютъ по потребностямъ дѣла живая, невыдуманная крестьянская жизнь. Словомъ, такой судья-знатокъ не могъ бы относиться къ вопросамъ крестьянскаго быта совершенно свободно, такъ сказать, творчески, какъ относится къ нему судья-крестьянинъ; онъ сидѣлъ бы, если можно выразиться, въ плѣну у изученнаго имъ обычая и вѣровавій крестьянства; былъ бы вынужденъ подводить подъ нихъ мертвенно и механически живые случаи, которые судья-крестьянинъ, при своемъ непосредственномъ внутреннемъ сродствѣ съ этими критеріумами суда, разрѣшалъ бы въ высшей степени жизненно, свободно и многосторонне. Если укорины славянофиловъ и радикаловъ нашихъ вмѣшательству образованнаго сословія въ жизнь крестьянства имѣютъ нѣкоторое основаніе, то гораздо болѣе именно съ этой стороны, чѣмъ со стороны недобросовѣстнаго пользованія своимъ правомъ вмѣшательства, какъ это такъ любятъ теперь бросать въ глаза «культурнымъ» людямъ. Если мы сознали путемъ долгаго опыта, что тѣсное вмѣшательство начальства, проникнутаго другими идеями, цѣлями и вкусами въ административно-хозяйственную жизнь крестьянскихъ общинъ, оказалось не только безсильнымъ, но еще и вреднымъ во многихъ отношеніяхъ, то передача всѣхъ мельчайшихъ дѣлъ крестьянства, возникающихъ въ области нарушенія его взаимныхъ частныхъ правъ въ прямое вѣдѣніе судей изъ образованнаго класса, представила бы собою несравненно болѣе глубокое и всестороннее вторженіе идей нашего культурнаго общества въ совершенно неподходящую для нихъ, по своей исключительности, сферу крестьянской жизни. Вторженіе это несомнѣнно окончилось бы такою же польѣйшею неудачею, какъ и попытками административно-хозяйственной опеки, и только бесполезно расшатало бы и перепутало существующія естественныя начала крестьянскаго правосудія.

Отнимать отъ крестьянина судью-крестьянина въ ежедневныхъ случаяхъ его булавочной войны съ своимъ сосѣдомъ изъ-за общаго водооя, какой нибудь ракички на межѣ, или пчелинаго роя, снятаго съ чужаго дерева, значить заставлять «судью-барина» разбирать разныя перепутанныя отношенія невѣстки къ деверю, пастуха къ каждому изъ домохозяевъ его, нанявшихъ, обязанныхъ его кормить по очереди, сличать воровски перемолоченную рожь съ рожью, стоящею въ копнахъ, примѣрять колеса Ивановой и Петровой телѣги къ обнаруженному ночному слѣду черезъ загонъ, или различать метки подмѣченныхъ гусенятъ и овецъ, — что въ глазахъ мужика былъ бы потерянный трудъ, потому что и мужикъ, и «баринъ-судья» хорошо знаютъ, что, кромѣ самого мужика, никто не разберетъ этихъ мелочныхъ, чисто мужицкихъ дѣлъ, требующихъ изощренной мужицкой сноровки и долголѣтней мужицкой опытности.

Но этотъ, такъ сказать, внѣшній опытъ чувствъ еще не такъ важенъ, какъ болѣе тонкій и болѣе сложный опытъ, проявляющійся въ вѣрномъ чувствѣ правды или неправды внутреннихъ отношеній крестьянства, съ точки зрѣнія крестьянской совѣсти и крестьянскихъ неписанныхъ установленій, неподдающихся точной формулировкѣ.

Судья изъ образованнаго класса, конечно, имѣетъ нравственную совѣсть, нисколько не менѣе впечатлительную, чѣмъ судья-крестьянинъ; но его совѣсть не стоитъ на той особенной исторической и этнографической почвѣ, которая одна только можетъ придать внушеніямъ совѣсти полезный, практическій смыслъ, одна можетъ поддержать, а не расшатать силу той правды, что лежитъ въ основѣ крестьянскаго быта, и что далеко не всегда совпадаетъ съ космополитическою правдою нашихъ общихъ нравственныхъ теорій.

Въ волостныхъ судахъ, кромѣ этого важнаго «мѣстно-крестьянскаго» характера, еще очень дороги крестьянину близость, простота и дешевизна суда.

Какъ бы не тѣснилъ мужика писарь или старшина, все-таки имѣть съ ними дѣло для него гораздо сподручнѣе, чѣмъ съ судами и судьями болѣе формальнаго и совершенно чуждаго крестьянину характера. Старшина все-таки мужикъ, говоритъ по-мужицки, живетъ по-мужицки и беретъ съ мужика по-мужицки же, т. е. примѣняясь къ его силамъ и нуждамъ. Мужикъ его понимаетъ насквозь и знаетъ, «какъ обойтись съ нимъ», гдѣ и сколько поднести ему «хорошенькаго винца», когда попать ему или навозу повозиться, володочку пчелъ подарить

или баранчика къ празднику привезти. То же и судьи, свои люди, съ ними не трудно сладить. «Безстрашно и просто» отзывались о волостномъ судѣ многіе крестьяне на вопросы комисиі. «На волостномъ судѣ проще и понятнѣе», «мужикъ мужика всего лучше разбереть». Заставьте же теперь крестьянина толкаться по самымъ честнымъ нотаріусамъ, адвокатамъ, окружнымъ судамъ и мировымъ судьямъ. Вездѣ надо особую форму знать, особый часъ для приѣма, за все приходится деньги платить... мужикъ не знаетъ, въ какія двери къ судѣ войти, кого просить, кому кланяться, гдѣ марку простую купить, куда наклеивать, куда неклеивать; сунеть бумагу не ту, или не такъ, или не туда, все это и выплыветъ сейчасъ, ему же часто на бѣду; всякое лыко въ строку ставится, требуется отъ невѣжественнаго деревенскаго человѣка такое тонкое знаніе законовъ и порядковъ судопроизводства, такая точность словъ и дѣйствій, которыхъ мужику неоткуда взять. Положимъ, здѣсь часто взятокъ не берутъ, да законными пошлинами и открыто установленнымъ вознагражденіемъ нотаріусы, суды и адвокаты оберутъ мужика пуше всякаго волостнаго взяточника.

Мужика не очень интересуетъ то, подъ какимъ заглавіемъ вынужденъ онъ раскошелиться свою тощую кошну; если онъ «за тroyаь» можетъ обдѣлать свое правое дѣло «въ своей конторѣ» (т. е. въ волостномъ правленіи), пошептавшись глазъ на глазъ съ волостнымъ писаремъ, который его еще выругаетъ по этому случаю, то это ему будетъ все-таки гораздо прятнѣе и удобнѣе, чѣмъ отсчитать въ нотаріальной конторѣ или кассѣ окружнаго суда, при всѣхъ честныхъ людяхъ, съ запискою въ шнуровую книгу, съ полученіемъ формальной квитанціи и даже съ вѣжливымъ обращеніемъ въ нему на «вы», и съ предложеніемъ стула наравнѣ съ господами,—какой нибудь десятокъ рублей.

И такъ, вотъ существенныя условія, которыя должны быть непременно сохранены въ крестьянскомъ судѣ, если мы хотимъ измѣнить этотъ судъ къ выгодѣ, а не во вредъ крестьянству.

Судъ этотъ долженъ быть въ ближайшей къ крестьянамъ мѣстности, простой, скорый, безъ всякихъ формъ и письменности, безъ всякихъ, по возможности, расходовъ, и долженъ производиться своимъ братомъ крестьяниномъ, хорошо знающимъ условія быта и мѣстности.

Черты эти отчасти присущи настоящему волостному суду, но присущи гораздо менѣе, чѣмъ суду сельскому, суду ста-

риковъ, принадлежащихъ къ тому же обществу и ограниченному предѣлами только одного этого общества.

Всѣ условія близости, простоты, дешевизны, знакомства съ обстановкою мѣстной крестьянской жизни,—въ сельскомъ судѣ несомнѣнно осуществляются наиболѣе полнымъ образомъ.

При настоящемъ составѣ волостныхъ судовъ, нерѣдко судьи-одноворцы, владѣющіе землею на правѣ подворнаго наследственнаго владѣнія, имѣющіе другіе обычаи и понятія, тѣмъ, на примѣръ, бывшіе помѣщичьи крестьяне общиннаго земельного владѣнія, должны разбирать споры и тяжбы этихъ послѣднихъ, мало зная особенности ихъ быта; и, наоборотъ, судьи изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нерѣдко судятъ дѣла одноворцевъ и четвертныхъ владѣльцевъ, съ которыми они не имѣютъ ничего общаго. Такая разнородность состава волостнаго населенія невольно искажаетъ иногда благотворное значеніе мѣстнаго крестьянскаго суда.

Кромѣ того, чтобы судить въ волостномъ правленіи, теперешнему волостному судѣ нужно ѣхать за 10 или 12 верстъ на своихъ лошадяхъ, нерѣдко еще съѣзжать куда нибудь на мѣсто для осмотра и опроса жителей; все это отвлекаетъ судью отъ его собственныхъ дѣлъ, вводитъ въ неизбѣжные расходы.

Ему нужно или жалованье получать, или постараться вознаграждать себя за расходы не тѣмъ, такъ другимъ путемъ. Всякій жалобщикъ, въ глазахъ таковаго судьи, невольно является посягателемъ на его время и на его средства, и судья въ душѣ своей можетъ считать совершенно справедливымъ заставить этого жалобщика расплатиться за причиненныя судѣ потери.

Не то сельскій судья. Его никуда не требуютъ изъ его села, дѣлъ у него немного, и всякому приходится быть судьей наравнѣ съ другими. Сегодня онъ судитъ, завтра онъ судится. Судить можно всегда, какъ только вышется свободное времячко, когда работъ спѣшныхъ нѣтъ, когда дождь пойдетъ—съ поля стонить, или праздники наступить; и стороны, и свидѣтели, и судьи,—всѣ тутъ на лицо, всѣ всегда вмѣстѣ у одной церкви. Расходовъ никакихъ, потери времени никакой.

Если волостной судья не посоветится содрать что нибудь съ незнакомаго ему чужесельца, котораго онъ послѣ того въ глаза не будетъ видѣть, то сельскому судѣ съ своего сосѣда и односельца взять взятку гораздо неудобнѣе. Ему съ нимъ вѣкъ жить; про дѣла его все село завтра же узнаетъ, проходу ему не дастъ, да и самъ судящійся, можетъ быть, завтра же станетъ судьей и вывернетъ съ него съ лихвою все, что отдалъ ему.

Но самое главное преимущество сельского суда предъ волостнымъ—это его дѣйствительная, а не мнимая независимость. Въ настоящее время, всё скверныя качества волостнаго суда сообщаются ему несомнѣнно ложнымъ положеніемъ, въ которомъ поневолѣ стоятъ волостные судьи и въ которомъ, при существующемъ устройствѣ, они не могутъ не стоять.

Волостной судъ пристегнуть къ волостному правленію; старшина принимаетъ жалобы, назначаетъ дѣла, сзываетъ тѣхъ или другихъ судей по своему усмотрѣнію, такъ какъ у него всегда готово оправданіе, что очередной судья не явился, приводитъ въ исполненіе рѣшеніе волостнаго суда. Каждога изъ волостныхъ судей онъ имѣетъ право, на основаніи 86 и 126 ст. общаго положенія о крестьянахъ, подвергнуть наказанію личною властью своею. Волостной писарь владѣетъ волостнымъ судомъ съ другаго конца. Онъ одинъ въ судѣ законникъ и книжникъ, одинъ можетъ указать предѣлы подсудности волостнаго суда и нарушеніе многообразныхъ существующихъ узаконеній; самый разумный и самостоятельный волостной судья, если онъ не выполнѣ грамотный, изъ осторожности не рѣшится идти противъ мнѣнія писаря. Писарь излагаетъ рѣшеніе суда на бумагѣ, а крестьяне очень рѣдко въ состояніи понять хитросплетенныя фразы своего законника, который можетъ смѣло видоизмѣнять составленное рѣшеніе, въ надеждѣ на безграмотность судей, которые къ тому же нерѣдко зовутся къ подписи переписанныхъ въ книгу рѣшеній черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ суда. Кромѣ того, писарь всегда составляетъ одно съ старшиною и съ помощью его власти господствуетъ надъ судьями, какъ ихъ прямой начальникъ.

Въ порядкѣ этомъ не то худо, что въ волости судить чаще всего старшина съ писаремъ. Старшина, повторяемъ, разсудилъ бы нисколько не менѣе добросовѣстно и не менѣе разумно, чѣмъ волостные судьи.

Худо то, что судятъ на дѣлѣ волостной старшина и волостной писарь, а считаются судомъ и отвѣчаютъ за рѣшеніе волостные судьи. Какая бы вопіющая несправедливость ни совершилась на волостномъ судѣ, никто не имѣетъ права потребовать въ ней отчета отъ тѣхъ именно, кто ее совершилъ, т. е. отъ волостнаго старшины и волостнаго писаря.

Первый сейчасъ же отвѣтитъ: «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ибо, на основаніи 104 ст. общаго положенія, на волостномъ судѣ не имѣю права даже присутствовать».

Второй съ тою же скромностью возразитъ, что онъ только послушное перо въ рукахъ волостныхъ судей, что законъ не

предоставляетъ ему ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ дѣйствія и постановленія волостныхъ судей.

Волостные же судьи, официальные виновники, говорятъ вамъ, съ такою младенческою наивностью, что они люди темные, ничего не знаютъ, а подписываютъ все, что писарь напишетъ, что карающая рука должна невольно опуститься въ сознаніи ихъ дѣйствительной невинности или, лучше сказать, невмѣняемости.

Хотя законъ не устанавливаетъ особыхъ формъ для производства дѣлъ на волостномъ судѣ, но, по самому существу дѣла, формы эти невольно установились, особенно послѣ появленія кассационныхъ инстанцій. Въ настоящее время письменная процедура волостнаго суда довольно сложна. Ведутся журналы жалобъ, входящихъ въ волостной судъ, словесныхъ и письменныхъ; печатаются и рассылаются повѣстки о вызовѣ; рѣшенія записываются въ шнуровую книгу по формѣ; въ выслушаніи рѣшенія, въ подчиненіи тяжущихся волостному суду, по силѣ 98 ст. общаго положенія, отбираются отъ нихъ подписки; для обжалованія выдаются засвидѣтельствованныя копии съ рѣшеній волостнаго суда и получаютъ увѣдомленія уѣзднаго присутствія о вступленіи рѣшенія суда въ законную силу или объ отмѣнѣ онаго; затѣмъ дается письменное предписаніе сельскому старостѣ привести рѣшеніе въ исполненіе и объ исполненіи опять-таки отмѣчается по книгѣ. Переписки и формы слишкомъ много для ежедневныхъ житейскихъ дѣлъ крестьянства, требующихъ гораздо меньшей сложности и гораздо бѣльшей быстроты.

При такомъ порядкѣ дѣлъ письменный человекъ, деревенскій законникъ, волостной писарь поневолѣ пріобрѣтаетъ въ волостномъ судѣ господствующее значеніе, а сами волостные судьи, почти всегда безграмотные крестьяне, остаются на заднемъ планѣ, чувствуя свою полную зависимость отъ писаря, всѣмъ орудующаго, ни за что не отвѣчающаго.

Это неизбежное положеніе дѣлъ, развѣ только крестьянскій судъ будетъ вѣдать споры и тяжбы крестьянъ разныхъ мѣстностей и разныхъ разрядовъ; только съ ограниченіемъ крестьянскаго суда предѣлами своего селенія, группою лицъ, такъ сказать, въ лицо извѣстныхъ другъ другу, исчезнетъ необходимость письменнаго производства и канцелярскихъ формальностей, а явится возможность создать дѣйствительно мѣстный, дѣйствительно бытовой и дѣйствительно крестьянскій судъ, со всею подобающею ему простотою и примѣнительностью.

На сторонѣ сельскаго суда будутъ еще и другія преимущества. Въ немъ неизбежно должна сказаться вся та правда и весь тотъ разумъ народный, - которыми создалась и держится столько времени сельская община, потому что сельскій сходъ будетъ судомъ сельской общины, ея собственною совѣстью.

Мы уже сказали выше, что несклонны смотрѣть ни на сельскую общину, ни на простой народъ вообще съ мистической точки зрѣнія. Мы не приписываемъ имъ никакихъ сверхъестественныхъ свойствъ, никакихъ органическихъ нравственныхъ преимуществъ надъ другими классами и учреждениями общества.

Поэтому мы должны ждать, что въ сельскомъ судѣ, въ жизни общины, народа, какъ и вообще въ жизни, неизбежно будетъ встрѣчаться много частныхъ несправедливостей и несовершенствъ, что земнаго рая не обрѣтемъ мы никакой переменною учрежденій.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы твердо увѣрены, что сельскому сходу можно было бы безъ страха и риска довѣрить множество дѣлъ, которыя теперь вѣдаются волостными судами. Мы лично до такой степени убѣждены въ преимуществахъ этого суда надъ волостнымъ, что не затруднились бы предложить самое широкое увеличеніе компетенціи сельскихъ судовъ.

Почему-то твердо установилось мнѣніе, что сельскому суду возможно предоставить только гражданскія дѣла ничтожной стоимости и самыя маловажные проступки крестьянъ.

Въ курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи раздавались голоса, предостерегавшіе даже противъ порученія сельскимъ судамъ исковъ до 10 р. цѣною, только на томъ основаніи, что это судъ не писанный, не формальный и безапелляціонный по своему существу.

Вообще отсутствіе писаннаго рѣшенія пугаетъ у насъ очень многихъ. Но чтобы такое отношеніе къ сельскому суду было справедливо и основано на серьезныхъ фактахъ опыта, было необходимо доказать, что во всѣхъ другихъ нашихъ судахъ, не исключая и волостныхъ, формы и писанное рѣшеніе послужили къ водворенію несомнѣннаго правосудія; что они не прикрываютъ собою вопіющихъ и очевидныхъ злоупотребленій; что они вездѣ оградили слабого отъ сильнаго, правого отъ виноватаго.

Мы увѣрены, что доказывать это не возьмется никто; что всѣ, напротивъ того, сознаютъ, какъ часто у насъ въ судахъ форма держитъ въ настоящемъ рабствѣ совѣсть судьи и обращаетъ его въ сознательнаго пособника неправды, умѣвшей во время воспользоваться требуемою формальностью.

Наоборотъ, сожѣсть сельскаго общества, непосредственнымъ проявленіемъ которой будетъ служить сельскій судъ, имѣетъ на своей сторонѣ вполне убѣдительныя и вполне благопріятныя доказательства въ опытѣ цѣлаго тысячелѣтія народной исторіи. При всѣхъ частныхъ несовершенствахъ и несправедливостяхъ общинной жизни все-таки невозможно отрицать того осязательнаго факта, что, по тѣмъ или другимъ причинамъ, община сумѣла вообще охранить права каждаго, даже слабѣйшаго члена своего; что ея распредѣленіе правъ и обязанностей каждаго, ея способы возстановленія нарушеннаго экономическаго равновѣсія отличаются духомъ особенной справедливости и практической примѣнимости, рѣзко выдѣляющими ея внутренній бытъ изъ другихъ формъ нашей общественной жизни.

Если же это такъ, если мы всё сходимся на признаніи за общиною способности безпристрастно и вѣрно распредѣлять между собою права пользованія общими земельными угодьями и исполненіе лежащаго на общинѣ тягла, то, по самымъ азбучнымъ требованіямъ логики, мы обязаны признать за нею и вообще способность, съ сравнительнымъ безпристрастіемъ и вѣрностью, разбираться во внутреннихъ ссорахъ и спорахъ своихъ общественниковъ.

Надѣлъ земли и всё связаннаго съ нимъ разнообразнаго права на лѣсъ, выгонъ, сѣнокосъ, рыбныя ловли, гдѣ они есть, и проч., играетъ въ жизни крестьянина такую громадую первенствующую роль, что всё другіе споры его о жеребяткахъ, гусяхъ и копнахъ хлѣба, тѣмъ болѣе взаимныя ссоры и обиды крестьянъ, представляются только ничтожнымъ дополненіемъ къ ихъ основнымъ земельнымъ интересамъ. Тутъ что никуда одно: или сама сельская община внутренне безнравственна, т. е. безсовѣстность и неправда господствуетъ въ ней надъ правдою и совѣстью,—тогда невозможно поручать ея самостоятельному вѣдѣнію такихъ коренныхъ условій крестьянской жизни, какъ передѣлъ и разверстка земель, распредѣленіе повинностей и проч.; иначе связать, тогда сельская община не должна существовать. Или же, наоборотъ, мы должны признать, что община, сумѣвшая, безъ всякой виѣшней помощи, установить внутри себя относительно справедливыя порядки землевладѣнія и налоговъ, вполне доказала свою подготовленность къ исполненію болѣе легкой обязанности—разбора взаимныхъ споровъ и ссоръ крестьянъ между собою въ предѣлахъ ихъ сельскаго быта.

Первое предположеніе не только опровергается очевидными

фактами дѣйствительности, но не выдерживаетъ и логической критики.

Если-бы наша община была дѣйствительно безнравственна до того, что одного отсутствія писанныхъ рѣшеній и апелляцій къ начальству достаточно было для обращенія сельскаго суда стариковъ въ орудіе злоупотребленій всякаго рода, то тогда нужно было бы признать, что совѣсть отсутствуетъ во всемъ простомъ народѣ русскомъ, и что ее вызываетъ въ немъ только надзоръ начальства и страхъ отвѣтственности. Тогда даже и высшимъ нашимъ судамъ не было бы возможности достигать правосудія, ибо безчисленные свидѣтели, понятые и знающіе люди, присяжные засѣдатели, все это, главнымъ образомъ, тѣ же крестьяне.

Судъ, основанный на показаніяхъ и приговорахъ безсовѣстныхъ людей, не былъ бы уже судомъ истины.

Бояться систематическихъ злоупотребленій, подлоговъ, обмановъ, обидъ со стороны словеснаго бытоваго суда общины, — это, значитъ, прежде всего не вѣрить въ нравственную и историческую силу общины; для сторонниковъ же ея это значитъ разрушать одною рукою то, что они пытаются создать другою, значитъ, впадать въ вопиющее противорѣчіе съ самими собой.

По мнѣнію нашему, всякое опредѣленіе компетенціи сельскаго суда тою или другою цифрою послужило бы не къ упрощенію, а къ усложненію настоящаго неудовлетворительнаго порядка судебнаго дѣла крестьянъ.

Назначьте 10, 30, 100 р., все-таки не избѣгнете главнѣйшаго господствующаго теперь зла, — десяти дверей, въ которыя приходится теперь стучаться крестьянину, пока онъ попадетъ въ настоящую.

Всякій недовольный заявляетъ цѣну на рубль выше компетенціи и прекращаетъ разборъ дѣла волостнымъ судомъ. Опять наступаетъ для крестьянина та же пытка, которую онъ теперь терпитъ: если на 30 р. воровство — въ волостной судъ; на 31 р. — къ мировому; замокъ сломанъ — въ окружный судъ; о хатѣ дѣло или амбарчикъ на 101 р., недвижимое имущество, — въ окружный судъ; объ одной сажени земли, купленной у помѣщика, не входящей въ надѣлъ, опять въ окружный судъ; хлѣбъ съ земли, хотя на 500 р., — къ мировому, а о самой землѣ, хотя на одну копѣйку, мировой не принимаетъ, иди или въ волостной, или въ окружный судъ. Въ дѣлахъ о землѣ волостной оказывается старше мирового, въ дѣлахъ о воровствѣ — мировой старше волостнаго.

Впрочемъ, мировой судья принимаетъ и дѣла о землѣ, если это возстановленіе владѣнія, а не споръ о правахъ. Мужикъ вѣдь такой толкій юристъ, онъ сейчасъ смекнетъ, гдѣ нарушеніе, гдѣ споръ о правахъ. О землѣ общественной опять свой особый судъ—сельскій сходъ; о правѣ семейнаго раздѣла—тоже сельскій сходъ, а самый споръ о раздѣлѣ—опять или въ волостной судъ, если до 100 р., или въ окружный судъ, если выше.

Вотъ и вертись мужикъ, какъ знаетъ, между этими многочисленными входами и выходами. Тутъ и не у мужика безграмотнаго голова кругомъ пойдетъ, прежде чѣмъ дѣло одумаешь.

Это многосудіе и долгосудіе—такой капиталный грѣхъ теперешняго нашего крестьянскаго устройства, что прекращеніе его и замѣна какимъ бы то ни было однимъ короткимъ судомъ является насущнѣйшимъ вопросомъ крестьянскаго благополучія, центромъ тяжести всей предстоящей реформы крестьянскаго управленія.

Мы полагаемъ, что не можетъ быть никакого основательнаго препятствія поручить суду самой общины всѣ внутреннія тревоженія между ея членами. Она сама лучше всѣхъ судей въ свѣтѣ знаетъ, что кому принадлежитъ, что кому принадлежать должно, кто кого дѣйствительно обижаетъ и кто на кого только влязничаетъ. Она болѣе всѣхъ заинтересована въ томъ, чтобы въ ней соблюдались выработанные жизнью порядки наследованія и пользованія, чтобы озорники и пьяницы не обижали смирныхъ людей, чтобы работники не нарушали интереса хозяевъ, а хозяева заботились о работникахъ, чтобы не заводились въ селѣ воровство, мошенничество и всякій развратъ...

Во внутренней жизни крестьянъ не можетъ быть такихъ интересовъ и такихъ дѣлъ, которыя бы не были вполне доступны и понятны самимъ крестьянамъ; если они могутъ справедливо обсудить дѣло по спору о рублевомъ поросенкѣ, то точно также справедливо могутъ они рѣшить споръ и о жеребцѣ въ 200, 300 р.

Нужно сообразить только, что, въ сущности, во всѣхъ нашихъ судебныхъ инстанціяхъ дѣла между крестьянами рѣшаются никѣмъ инымъ, какъ самими крестьянами, если только они рѣшаются законно. Въ самомъ дѣлѣ, мировые и окружные судьи, если вникнуть ближе, только подводятъ итоги показаніямъ свидѣтелей во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ нѣтъ письменныхъ документовъ. Но въ крестьянской жизни этихъ документовъ почти никогда нѣтъ, и свидѣтелями въ крестьянскомъ дѣлѣ почти

вездѣ безъ исключенія являются крестьяне. Ясно, что всякое невѣрное показаніе ихъ, всякое ихъ пристрастіе, прямо и рѣшительно отражаются на приговорѣ судьи. Неужели же крестьянинъ въ отдѣльности, вызванный въ окружный судъ или въ сѣздѣ мировыхъ судей, можетъ считаться вполне надежнымъ источникомъ справедливости, а крестьянство, въ своей совокупности, въ составѣ цѣлыхъ сельскихъ обществъ, не можетъ заслуживать того же довѣрія?

Намъ кажется наоборотъ, что если крестьянинъ способенъ гдѣ покривить душою, скрыть истину, то менѣе всего у себя на селѣ, въ обычной обстановкѣ своей жизни, на глазахъ всѣхъ знающихъ его, гдѣ онъ можетъ дѣйствительно дорожить уваженіемъ своихъ односельцевъ и довѣріемъ ихъ, гдѣ каждая неправда и обида, тѣмъ или другимъ образомъ, касается его собственныхъ интересовъ, а потому не можетъ встрѣчаться имъ равнодушно.

Другое дѣло гдѣ нибудь въ окружномъ судѣ губернскаго города, или въ камерѣ судебного слѣдователя, гдѣ крестьянинъ смущенъ и сбитъ съ толку незнакомою ему обстановкою; гдѣ онъ оторванъ отъ своей обычной среды и своихъ собственныхъ дѣлъ; гдѣ, кромѣ безпокойства, напрасныхъ расходовъ и опасній, какъ бы не попасть самому въ бѣду, онъ ничѣмъ не связанъ съ производящимся дѣломъ. Тутъ поневолѣ многое под-сказываетъ ему быть осторожнѣе, не говорить лишняго, отдѣлываться по возможности незнаніемъ. Тутъ же и гораздо больше простора подкупу и соблазнамъ всякаго рода.

Недовѣріе въ бытовому суду скорѣе коренится въ насъ, въ видѣ ничѣмъ неподтверждаемаго суевѣрія, слишкомъ естественнаго для людей, воспитывающихся съ 4-хъ лѣтъ на книжкѣ и чернильницѣ, чѣмъ основывается на серьезныхъ фактахъ опыта. И теперь, помимо указанныхъ правъ общины на передѣлы земли, во множествѣ мѣстностей Россіи существуютъ самыя разнообразныя формы сельскихъ судовъ, то въ видѣ суда сосѣдей, то въ видѣ суда стариковъ, то въ видѣ суда цѣлаго сельскаго схода, или громады; любопытныя подробности объ этомъ можно прочесть, между прочимъ, въ отчетѣ комисіи о волостныхъ судахъ. Эти, такъ сказать, самовольные сельскіе суды нерѣдко производятъ раздѣлы имущества между наслѣдниками на очень большія суммы, и жалобъ на несправедливость такого раздѣла почти не бываетъ, если судить по опыту Щигровскаго уѣзда, гдѣ особенно часто старики, подъ предсѣдательствомъ сельскаго старосты, дѣлятъ дворы между новыми владѣтелями ихъ.

Сюлько я замѣтилъ изъ своей практики по крестьянскому управленію, однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ юридической жизни крестьянина является самовольный захватъ его имущества какимъ нибудь родственникомъ или чужимъ человѣкомъ, подъ предлогомъ наслѣдства, продажи, найма и проч.

Захватъ обыкновенно происходитъ въ самую нужную и важную минуту хозяйственной жизни крестьянина, весной, при посѣвѣ, или лѣтомъ, при уборкѣ. Человѣкъ, надѣющийся на свою силу или вліяніе, привыкшій къ кляузамъ, понатершійся въ законахъ, смѣло захватываетъ чужой участокъ земли или чужое имущество, рассчитывая, что, пока пойдетъ судъ да дѣло, онъ съумѣетъ извлечь выгоду изъ этого захвата и отстоять потомъ себя какими нибудь судебными увертками.

Бросается обиженный владѣлецъ туда, сюда, въ волость, къ начальству, къ мировому судѣ, пока разъяснить ему, куда нужно обратиться по закону. Начинается судъ въ волости; отвѣтчикъ предъявляетъ цѣну иска, превышающую предѣлы подсудности волостнаго суда, переноситъ дѣло въ крестьянское присутствіе, вертитъ его и протягиваетъ всѣми способами. У него является въ оправданіе каковой нибудь матеріальный контрактъ, каковая нибудь уступка, нигѣмъ непризнанной наслѣдницы, какое нибудь заемное письмо отъ безграмотнаго умершаго хозяина. Пока дѣло перекидывается изъ суда въ судъ, подвергаясь дополненіямъ, касаціямъ, отмѣнамъ и пересмотрамъ, настоящій хозяинъ бѣдствуетъ, лишенный необходимаго ему. Иногда цѣлые годы проходятъ прежде, чѣмъ дѣло окончательно приведется въ исполненіе. Особенно долго и разорительно тянулись подобныя дѣла при недавно отмѣненномъ порядкѣ тройной касаціи рѣшеній волостныхъ судовъ, въ губернскомъ крестьянскомъ присутствіи и въ сенатѣ. Смѣтливый грабитель успѣвалъ за это время выжать сокъ изъ закованнаго имущества, передать свое собственное по актамъ своей женѣ и матери, и на случай дурнаго для него исхода уклониться отъ всякаго вознагражденія обиженному.

Только предоставленіе самому сельскому обществу права устранять всякій самовольный захватъ собственности тотчасъ же по совершеніи его и, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія, могло бы спасти крестьянъ отъ непоправимаго разоренія ихъ болѣе дерзкими притязателями, если-бы даже не оказалось возможнымъ поручить обществу самый разборъ правъ собственности.

Точно также раздѣлъ имущества послѣ умершаго хозяина

и непосредственный вводъ во владѣніе его частью каждаго изъ наслѣдниковъ необходимо было бы поручить всецѣло вѣдѣнію сельскаго схода, не ограничивая этого наслѣдства никакою цѣною.

Вѣдъ требуется же теперь отъ сельскаго схода, на основаніи 4 статьи положенія 24 ноября 1866 года, приговоры о томъ, кто состоитъ наслѣдникомъ къ участку умершаго или выбывшаго владѣльца четвертиныхъ правъ, хотя-бы въ участкѣ этомъ было нѣсколько сотъ десятинъ земли. Точно также можно было бы поручить сходу и всѣ дѣйствія по предварительному огражденію правъ собственности каждаго наслѣдника, даже если-бы самый разборъ этихъ правъ былъ предоставленъ особымъ судамъ. Въ настоящее время часто случается, что одинъ изъ наслѣдниковъ овладѣваетъ общимъ имуществомъ и не допускаетъ другихъ сонаслѣдниковъ касаться до него, лишая иногда пропитанія вдову и дѣтей умершаго хозяина, даже безчеловѣчно выгоняя ихъ изъ дому въ зимнее и осеннее время. Никакой дальній судъ и никакое начальство, связанная формализмомъ законовъ, не въ состояніи предотвратить во-время такихъ поступковъ, гибельныхъ для слабѣйшихъ членовъ семейства.

Только само общество, безъ всякихъ формальныхъ доказательствъ отлично знающее, кому что слѣдуетъ въ общемъ имуществѣ, можетъ не допустить насилій и обидъ, возникающихъ почти при каждомъ открытіи крестьянскаго наслѣдства, и оградить отъ опасности умирать съ голоду и холоду старыхъ и малыхъ.

Вообще намъ кажется, что при разрѣшеніи вопроса о крестьянскихъ судахъ прежде всего нужно имѣть въ виду крупнѣйшія бытовья явленія, съ которыми судамъ этимъ приходится имѣть дѣло, и избрать наиболѣе практическія, т. е. быстрыя, простыя и дѣйствительныя средства къ устраненію этихъ вредныхъ явленій, по возможности тотчасъ же послѣ обнаруженія ихъ; соображенія же о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи этихъ мѣръ съ привычными для насъ судебными порядками или съ требованіями юридической теоріи, возникшей въ совершенно иномъ общественномъ строѣ, при другихъ житейскихъ потребностяхъ и условіяхъ, — должны считаться въ этомъ вопросѣ вещью второстепенною и нисколько не обязательною.

Мы, лично, съ полною вѣрою и рѣшительностью посовѣтовали бы предоставить вѣдѣнію сельскихъ судовъ весь внутренній юридическій бытъ общины, насколько онъ не касается интересовъ другой общины, или другихъ лицъ и учреждений,

прежде всего именно всё безъ исключенія споры и искн крестьянъ объ ихъ имуществѣ, находящемся на крестьянской землѣ, будетъ ли она общественнаго или подворнаго права, на одинъ рубль или на тысячу рублей. Само собою разумѣется, что при такомъ устройствѣ суда мы предполагали бы необходимыми совершенное воспрещеніе продажъ крестьянской земли, какъ обществами, такъ и владѣльцами подворныхъ участковъ, о чемъ мы уже не разъ высказывались въ печати, и чему мы еще надняхъ посвятили особую статью.

Во вторыхъ, всё проступки и маловажныя преступленія крестьянъ, кромѣ тѣхъ, которые требуютъ заключенія въ тюрьму или ограниченія правъ состояній.

Мы знаемъ, что такая постановка вопроса о сельскихъ судахъ встрѣтится неодобреніемъ и, пожалуй, глумленіемъ нашихъ юристовъ и даже большинства нашихъ практиковъ крестьянскаго управленія. Тѣмъ не менѣе, мы твердо убѣждены, что предлагаемое нами устройство сельскаго суда, при всѣхъ частныхъ неудобствахъ и несовершенствахъ своихъ, безъ которыхъ не обойдется, конечно, никакое учрежденіе, будетъ не въ примѣръ удобнѣе, практичнѣе и доброкачественнѣе теперешнихъ волостныхъ судовъ, которые безъ всякой апелліи судятъ дѣла о 20 и 30 десятинахъ земли, оцѣниваемыхъ по произволу волостнаго писаря не свыше 100 р., но на дѣлѣ стѣющихъ три, четыре, пять тысячъ. Сельскіе суды будутъ въ то же время гораздо практичнѣе для дѣлъ своего вѣдомства суда мировыхъ судей, которыхъ невозможно создать въ очень большомъ числѣ и по бѣдности крестьянскаго бюджета, и по бѣдности нашихъ образованныхъ общественныхъ силъ, которымъ, сверхъ того, никогда не удастся проникнуть во всё мелкія извилины крестьянскаго быта и обнять всё своеобразныя особенности юридическихъ понятій крестьянина, какъ это необходимо долженъ сдѣлать настоящій крестьянскій судъ.

Мы не касаемся пока суда между крестьянами разныхъ обществъ и между крестьянами и другими сословіями, равно какъ устройства высшей инстанціи для сельскаго суда и порядка надзора за дѣйствіями сельскихъ общинъ. Вопросъ этотъ составитъ предметъ другой статьи нашей, въ которой мы выскажемъ свой взглядъ на дальнѣйшія учрежденія крестьянскаго управленія въ предѣлахъ уѣзда. Точно также, хотя и по другой причинѣ, не касаемся мы и самой организации сельскаго суда.

Мѣстный обычай можетъ разрѣшить этотъ вопросъ вѣрнѣе и скорѣе всего; чѣмъ разнообразіе и самобытіе будутъ

приемы сельского правосудия, тѣмъ ближе будутъ они отвѣчать дѣйствительнымъ требованіямъ крестьянской жизни, которая въ разныхъ мѣстностяхъ, при разныхъ промыслахъ, принимаетъ разный характеръ.

Одно, что слѣдовало бы установить общимъ правиломъ для всѣхъ сельскихъ судовъ и что дѣйствительно признается обязательнымъ въ сознаниіи самого народа,—это предоставленіе цѣлому сельскому сходу права измѣнять, отмѣнять или окончательно утверждать своимъ согласіемъ постановленія сельскихъ судей, въ какой бы формѣ ни производили они свой судъ.

Сельскій сходъ представить собою дѣйствительную, а не мнимую контролирующую инстанцію, обладающую всѣми нравственными и матеріальными способами для поддержанія правосудія внутри общины.

Контроль сельского схода нисколько не похожъ на контроль волостнаго схода, существующій только на бумагѣ и положительно невозможный при сложномъ канцелярскомъ счетоводствѣ волостныхъ правленій и безграмотности схода.

Всякія наши опасенія и сомнѣнія передать дѣло сельского правосудія въ простыя руки деревенскихъ стариковъ должны разбиться именно о наше довѣріе къ благоразумію и совѣстливости цѣлой общины, цѣлаго сельского схода, который будетъ оставаться полновластнымъ хозяиномъ дѣла.

Повторяемъ, та совѣсть и тотъ разумъ народа, которые сумѣли создать и отстоять втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ, среди самыхъ тяжелыхъ и неблагоприятныхъ условій, спасительные для большинства основные распорядки общинной жизни, по необходимости должны проявить себя также благотворно въ общемъ результатѣ, хотя и съ такими же грѣхами въ частностяхъ, и въ судебныхъ дѣлахъ общины, нисколько не болѣе важныхъ.

Простоты же въ этомъ случаѣ пугаться нечего. Часто простота и составляетъ весь геній человѣка, все достоинство дѣла. Истина всегда проста, а слишкомъ сложныя и хитроумныя комбинаціи почти никогда не ведутъ къ пользѣ и правдѣ.

Мы испробовали столько сложныхъ выдумовъ въ примѣненіи къ управленію крестьянъ, что не мѣшало бы, наконецъ, попробовать когда нибудь этой простой правды.

Можетъ быть, мы только повторили бы этимъ старую исторію Колумбова яйца.

Евгеній Марковъ.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТЪ.

(РОМАНЪ ДЖЕМСА ПАЙНА).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Порученіе, данное Мэтью Гельстону.

Когда въ наши времена богатая невѣста выходитъ замужъ, то какъ-то невольно приходятъ на умъ слова старой пѣсенки:

Видали ли вы невѣсту,
Всю усыпанную брилантами.
Она, казалось, слилась съ своими сокровищами;
Во сколько бы ее оцѣнить?

Вообще въ подобныхъ случаяхъ гораздо болѣе говорятъ о драгоцѣнностяхъ, нежели о невѣстѣ. И въ заключеніе, когда она отправляется въ наслѣдственный замокъ своего кузена, чтобы тамъ провести свой медовый мѣсяцъ,—замокъ, который она обыкновенно предпочитаетъ всѣмъ своимъ собственнымъ роскошнымъ дворцамъ, то вслѣдъ за нею отправляется цѣлая толпа избранныхъ лондонскихъ мошенниковъ, рано или поздно крадущихъ ея брилантами.

Это стало событіемъ столь обыкновеннымъ, что, какъ мнѣ сообщаютъ, подобные факты стали заносить даже въ записные листки семейныхъ библій, напримѣръ: Августа Вильгельмина, родилась 16 марта; обвинена 1-го мая; брилантъ украденъ

14 мая, и т. д. Можетъ быть числа, здѣсь приведенныя, и не выдерживаютъ строгой критики, но фактъ остается фактомъ, брилiанты пропадаютъ именно этимъ путемъ. Единственный способъ избѣжать подобнаго вазуса, это изготовить для нихъ специальный желѣзный ящикъ, вѣсомъ сорокъ тоннъ, и требующій отдѣльнаго поѣзда для его перемѣщенiя. Въ такомъ случаѣ происходитъ слѣдующее. Летятъ бѣдные воры за приманкою и, наконецъ, послѣ невѣроятныхъ уловокъ и физическихъ усилiй, имъ удается проникнуть въ брачную комнату, въ самое обѣденное время; они работаютъ какъ лошади и по всѣмъ правиламъ искусства, пока, наконецъ, въ одиннадцать часовъ застаютъ ихъ тамъ горничная изнеможенныхъ и покрытыхъ желѣзными опилками и передаетъ ихъ въ руки полицiи. Подобный планъ устройства хранилища какъ нельзя болѣе подходитъ для замка маркиза, стѣны котораго шестнадцать футъ толщины и полнъ соотвѣтствующей прочности; когда же владѣлица этихъ сокровищъ возвращается въ городъ, то планъ этотъ немислимъ: найдите въ Лондонѣ хоть одинъ домъ, нижнiй этажъ котораго выдержать тяжесть ящика въ сорокъ тоннъ вѣса, не считая тяжести драгоценностей въ немъ лежащихъ. Тогда у нея только два исхода. Или помириться съ мыслью, что брилiанты ея будутъ украдены, или же послать ихъ на сохраненiе своимъ брилiанщикамъ. И большинство придерживается послѣдняго рѣшенiя. На придворный балъ онѣ являются всѣ сияющiя камнями, а по возвращенiи домой немедленно передаютъ ихъ какому-либо джентельмену, посланному отъ фирмы Перлю и Гарнета, вручающаго имъ росписку въ ихъ полученiи и увозящаго ихъ въ кэбъ для того, чтобы помѣстить въ денежный сундукъ своей фирмы.

Вотъ въ такого-то рода экспедицiю и отправлялся Мэтью Гельстонъ въ ночное время въ кэбъ и соотвѣтственно вооруженный. Ему должны были временно поручить брилiанты, хорошо извѣстные въ фэшенебельномъ мiрѣ подъ названiемъ Перджитерской парюры. Говорятъ, что каждая вещь стоитъ именно то, что за нее дадутъ, но въ данную минуту номинальная цѣна ихъ была означена въ 25,000 фунтовъ. Несомнѣнно, что есть воронованныя особы, которыя владѣютъ и лучшими, хотя, по мнѣнiю мистера Сайнета (представителя извѣстной фирмы Старъ и Сайнетъ), не все брилiанты, что сияетъ на королевскихъ лбахъ, и что восточные монархи въ особенности были бы весьма неблагодарными, если-бы поцробовали отправить къ ростовщику свои наслѣдственные драгоценности, что, впрочемъ, имъ хорошо

извѣстно. Впрочемъ, эта тайна, исключительно касающаяся ювелировъ, и къ тому же бриллианты, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, никогда не были восточнѣе Уайтгэппеля. Тамъ находилось скромное жилище покойнаго мистера Ингота, Кенсингтонскаго Ингота, какъ его прозывали, благодаря денежной ссудѣ, которою онъ однажды снабдилъ нѣкую весьма высокопоставленную особу. Вдругъ скромный мистеръ Инготъ превратился въ миліонера. Рассказывали, что онъ получилъ эти бриллианты въ уплату отъ одного монарха, царившаго въ сосѣдствѣ съ средиземнымъ моремъ, впавшаго въ долги изъ патриотической слабости къ бдлпшему числу броненосцевъ, чѣмъ онъ имѣлъ возможность оплатить, и не имѣвъ возможности продать ихъ иначе, какъ съ значительнымъ убыткомъ. Мистеръ Инготъ завѣщаль эти бриллианты своей единственной дочери.

Пока у этой барышни не явилось фантазіи выходить замужъ, или по крайней мѣрѣ пока она не приводила въ исполненіе этой фантазіи, нашлись довольно злонамѣренныя и невоспитанныя личности, осмѣлившіяся сравнить ее съ «миссъ Кильмансэгъ», чѣмъ отецъ ея (врядъ-ли когда читавшій эту поэму) сильно возмущался. Но какое же могло быть у нея сходство съ героиней Гуда, когда она обладала обыденнымъ количествомъ ногъ, и далеко не была дурочкой; къ тому же, вмѣсто того, чтобы выходить замужъ за какого-то неизвѣстнаго, непризнаннаго иностранца, она нашла себѣ мужа въ лицѣ хорошо-извѣстнаго джентльмена англичанина, большаго любителя лошадей и свачеи; мистера Чарльса Перджитера, молодаго человѣка пріятной наружности и хорошаго происхожденія. Хотя многіе утверждали, что онъ женился исключительно изъ-за денегъ, но мы не станемъ повторять подобной клеветы. Слѣдуетъ, конечно, полагать, что врядъ ли-бы прельстила его сорокашестилѣтняя дѣвственница, не обладавшая ни грошомъ; но допустимъ великодушно, что причины, къ тому его побудившія, были изъ числа смѣшанныхъ. Ес: никакъ нельзя было признать безуворизненной красавицей, такъ какъ природа первоначально назначала ее быть лошадыю, и перемѣнила свои намѣренія относительно ея едва-лишь во время, дойдя до ея подбородка. Носъ, который она унаслѣдовала вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ всего остальнаго, былъ ужасающихъ размѣровъ, и въ минуты возбужденія она сильно всхрапывала и сопѣла, обстоятельство, дѣйствительно свидѣтельствовавшее въ пользу ея гипическаго происхожденія.

Сама же она была глубоко проникнута сознаніемъ того, что обладаетъ австрійскимъ или габсбургскимъ носомъ: можетъ

Быть оно и справедливо, но въ такомъ случаѣ габсбургцы могутъ поздравить себя съ тѣмъ, что наконецъ избавились отъ подобнаго украшенія. Сама она была богата, но цѣнила знатность и хорошее происхожденіе выше богатства. Не успѣла она поѣнчаться, какъ подняла всю преисподнюю, чтобы добыть титулъ, котораго, какъ говорятъ, ея мужъ самъ такъ мало добивался, что сильно выбранился, когда, въ одно прекрасное утро, благодаря неусыпнымъ стараніямъ своей жены и влиянію ея на одно извѣстное избирательное мѣстечко, онъ проснулся сэромъ Чарльсомъ Перджитеромъ.

Леди Перджитеръ торжествовала: ничто (кромя развѣ еще высшаго титула), не могло доставить ей большаго удовольствія; съ этой минуты, какъ сообщала она своимъ приближеннымъ, кончились бѣдствія и заботы ея жизни, и больше заботъ ей не оставалось, кромѣ одной собственной заботы—о брилліантахъ.

Но забота о сохраненіи этого сокровища снѣдала ее. За городъ она ихъ никогда не брала; не существовало сундука довольно крѣпкаго для ихъ сохраненія, какъ она думала; а въ самомъ Лондонѣ даже горделивое сознаніе того, что, возлагая ихъ на себя, она представляла собою тысячу фунтовъ годоваго дохода, было омрачено мыслью о томъ, что существуетъ много людей, жаждущихъ приобрѣсти этотъ доходъ, и что завладѣніе ея брилліантами кратчайшая къ тому дорога. Она не опасалась того, что ихъ вырвутъ изъ ея ушей и съ ея шен и насильственно ими завладѣютъ; но оставъ она ихъ хоть на часъ дома въ своей шкатулкѣ, въ Мурстритѣ, т. е., другими словами, привези ихъ Мэтью Гельстонъ часомъ раньше, или опоздай на часъ при ихъ обратномъ полученіи, она дѣлалась добычей самыхъ ужасающихъ опасеній, исчезавшихъ только при полученіи отъ Мэтью росписки, подписанной мистерами Старомъ и Сайнетомъ. Съ этой минуты отвѣтственность спадала съ нея, и дальнѣйшая судьба ихъ хранителя болѣе ее не беспокоила.

Конечно, трудно было и ожидать, чтобы женщинѣ въ ея положеніи пришло на умъ позаботиться о какомъ-то приващикѣ отъ Стара и Сайнета, разъ онъ ушелъ съ ея глазъ; а между тѣмъ ея явное равнодушіе сильно его возмущало. И согласенъ съ тѣмъ, что до нѣкоторой степени существуетъ чувство такъ называемой наслѣдственности, и допустимъ, что частица радикальной крови стараго Роджера Гельстона попала въ жилы его племянника. Во всякомъ случаѣ, въ Мэтью вкоренились нѣкоторыя пагубныя понятія относительно равенства или превосходства, и онъ въ глубинѣ сердечной считалъ себя со-

всѣмъ не ниже леди Перджитеръ, а скорѣе выше ея. Такъ думалъ онъ; но, какъ говорятъ наши Ланкаширскіе друзья, «мысли ея были совсѣмъ иного свойства». Въ ея глазахъ онъ былъ не болѣе какъ машина, самодвижущійся сундукъ для перенесенія ея брилліантовъ, и если не совсѣмъ желѣзный, то во всякомъ случаѣ изготовленный изъ матерьяла, не подверженнаго вліянію холода или голода, и совершенно безчувственнаго къ частнымъ задержкамъ до пяти часовъ утра. Но вѣдь леди Перджитеръ и сама такъ же поздно ложилась (хотя ей не приходилось быть въ десять часовъ утра уже за конторкой), а главное, и что большинству представить дѣло весьма простымъ и естественнымъ, — вѣдь ему за это платили. Сохраненіе драгоценностей обходилось леди Перджитеръ по меньшей мѣрѣ въ 200 фунтовъ въ годъ, сумма переходившая сполна въ руки Стара и Сайнета, во владѣніи которыхъ они и оставались въ теченіе девяти-десятихъ года; изъ этой суммы выплачивалась маленькая часть и Мэтью, въ видѣ прибавки къ его годовому жалованью, какъ вознагражденіе за его странныя ночныя экспедиціи. Но если взять во вниманіе огромную отвѣтственность, сопряженную съ подобнымъ порученіемъ, и большое неудобство для здоровья исполнявшаго его, то плата была очень ничтожна, (хотя онъ и не чувствовалъ себя вправѣ, послѣ неудачи съ бѣдною Мэджъ, отказаться отъ него), и затѣмъ, какъ мы уже выше замѣтили, порученіе это соединено было съ нѣкоторыми униженіями. Хотя трудно и объяснить подобный фактъ, но Мэтью былъ по своему гордъ. Онъ гордился не своимъ происхожденіемъ (хотя оно было несравненно выше происхожденія леди Перджитеръ), ни своими талантами, отъ которыхъ впрочемъ было ему мало пользы; онъ гордился тѣмъ, что Сэбей любила его. А подобный фактъ, по его мнѣнію (ужь не говоря объ уваженіи къ нему Эми и дяди Стэфена) ясно доказывалъ, что онъ не какое-нибудь ничтожество. Такимъ образомъ, онъ считалъ оскорбительнымъ для своей жены, если кто либо осмѣливался грубо обращаться съ нимъ. Еще слѣдуетъ замѣтить, что жизненныя неудачи сильно развиваютъ въ людяхъ излишнюю чувствительность, а леди Перджитеръ была сама по себѣ въ высшей степени противна ему, и онъ равно ненавидѣлъ и ее, и себя, за то, что принужденъ былъ исполнять непріятное для него порученіе и такъ часто посѣщать Мурстритъ.

Самые брилліанты, невольнымъ хранителемъ которыхъ онъ становился, сдѣлались ему невыносимыми, въ тоже время самымъ непонятнымъ образомъ привлекая его къ себѣ. Всѣ мысли

его обращались исключительно къ нимъ, пока онъ ими занимался, до такой степени поглощая все его вниманіе, что онъ забывалъ даже Мэдждъ. Часто также составляли они теперь предметъ его разговора. Мистеръ Сайнетъ не одобрялъ подобныхъ разговоровъ, по нѣкоторымъ личнымъ причинамъ, которыхъ онъ не считалъ нужнымъ объяснять. Онъ иногда говорилъ:— «Я считалъ совершенно лишними ваши частныя упоминанья о перджитерскихъ брилліантахъ. Помните, мистеръ Гельстонъ, что когда вы привозите ихъ обратно и кладете въ сохраненный сундукъ, то они больше ни ваши, ни мои, и слѣдуетъ совсѣмъ о нихъ забыть».

Весьма естественно, что сознаніе частаго пребыванія въ его карманѣ суммы въ 25,000 фунтовъ должно была нѣсколько тяготить Мэтью; если подобное чувство было знакомо самой леди Перджитеръ, то тѣмъ болѣе должно оно было ощущаться бѣднымъ человѣкомъ подобнымъ ему.

Но не одно только сознаніе ихъ цѣнности такъ тревожило его; они, помимо этого, имѣли на него какое-то таинственное, пагубное вліяніе, подобное тому, которое нѣкоторые приписываютъ опалу. Понятно, что этихъ впечатлѣній онъ не сообщалъ никому; онъ какъ бы чувствовалъ, что одно существованіе подобныхъ мыслей, одна возможность ихъ свидѣтельствовала, что въ мозгу его не совсѣмъ ладно, послѣ сильныхъ тревогъ и разбитыхъ надеждъ, соединенныхъ съ Мэдждъ. Ему представлялось въ мрачномъ свѣтѣ его принужденное рабство, да еще ради предмета неодушевленнаго, но, не смотря на то, обладавшаго какою-то таинственною силою. Будь это хоть нѣмое, но все-таки одушевленное существо, положеніе свое относительно его онъ считалъ бы болѣе уясненнымъ, болѣе возможнымъ; но одна мысль о томъ, что изъ за вучки камней его заставляютъ покидать домъ и Сэбей въ такой неподходящій часъ и подвергаться униженіямъ, все это не только оскорбляло его человѣческое достоинство, но въ то же время сильно раздражало его воображеніе. Опасность подобныхъ поѣздокъ—а опасность была несомнѣнна, такъ какъ цѣль ихъ не скрывалась нисколько—его не смущала: къ тому же извозчикъ, котораго онъ постоянно бралъ для этихъ путешествій, былъ честный человѣкъ, его землякъ и вообще хорошо ему извѣстный; самъ же онъ, какъ мы видѣли, постоянно носилъ въ карманѣ револьверъ, т. е. жизнь шестерыхъ. Но съ какой-бы точки зрѣнія ни посмотрѣть на его поѣздки въ Мурстритъ, онѣ были крайне непріятны, и понятно, что онъ ненавидѣлъ ихъ. Можетъ быть, хотя это одно предпо-

ложе, умъ его томился предчувствіемъ какой-либо катастрофы, соединенной съ перджитерскими брилліантами; но все-таки они тяготили его въ немалой степени, противъ чего постоянно возставалъ его здравый смыслъ, однако бесполезно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Джонъ и его сѣдокъ.

Зимою Мэтью Гельстонъ ѣздилъ по этому оригинальному порученію обыкновенно въ четырехколесномъ крытомъ кабъ, но лѣтомъ и въ хорошую погоду, какъ, напримѣръ, сегодня, Джонъ Рютерфордъ пріѣхалъ за нимъ въ своей двухколескѣ. Раньше нежели экипажъ остановился у калитки № 7, Мэтью, давно разслышавшій его приближеніе, поджидалъ его въ концѣ сада, отдѣлявшаго домъ отъ улицы. Во рту у него была маленькая сигара, въ рукахъ же другая, большая и очень пахучая, предназначавшаяся «честному Джону», какъ близкіе его обыкновенно величали его скромнаго друга.

— Добраго утра, мастеръ Мэтью.

И дѣйствительно день начиналъ уже заниматься, хотя фраза эта звучала какъ-то педагогично въ устахъ мастера Рютерфорда, получавшаго въ былыя времена Богъ вѣсть какія влички, но во всякомъ случаѣ не заслужившаго еще влички пурриста. Онъ говорилъ «добраго утра» просто потому, что нѣкоторое время не видалъ своего сѣдока; нѣсколько часовъ спустя, при разставаніи, когда день значительно прибавится, онъ пожелаетъ «доброй ночи», такъ какъ онъ еще не ложился спать. Это былъ самый естественный, простой способъ выраженія, и всѣмъ удобопонятный, кромѣ развѣ тѣхъ набожныхъ записныхъ игроковъ, которые ждутъ въ воскресенье, чтобы пробила полночь для того, чтобы съ чистою совѣстью усѣсться за вистъ въ будничное утро. Мастеромъ же онъ величалъ Мэтью собственно потому, что зналъ его съ дѣтства, и называлъ его такъ прежде, чтобы отличить его отъ дяди Роджера.

Джонъ былъ веселый малый, фивіономія котораго, отъ постоянного пребыванія на открытомъ воздухѣ, окрасилась цвѣтами авроры, если дозволить намъ это классическое выраженіе; дни же юности своей онъ провелъ въ ночной охотѣ по чужимъ

владѣніемъ, и это пагубная страсть принудила его, наконецъ, промѣнять чистый воздухъ своей отчины на душный воздухъ столицы. Въ Лондонѣ же глубокое уваженіе ко всевозможнымъ спиртнымъ напиткамъ не мало способствовало поддержанію яркаго колорита, которымъ онъ такъ щедро былъ надѣленъ, и въ нѣкоторой степени даже усиливало его. Онъ обладалъ еще одною слабостью, именно самую горячую страстью къ рысистымъ бѣгамъ и всему, что ихъ касалось, качество обыкновенно встрѣчающееся въ самомъ фешенебельномъ обществѣ. Предположать, чего добраго, что при подобныхъ слабостяхъ, соединенныхъ съ искушеніями, неразлучными съ его положеніемъ, было нѣсколько опрометчиво довѣрять подобному возницѣ сѣдова съ брилліантами въ карманѣ на сумму 25,000 фунтовъ, да еще въ Лондонѣ и въ самую глухую пору. Но Мэтью Гельстонъ думалъ иначе. Онъ вѣрилъ ему, благодаря старому знакомству, а можетъ быть и благодаря неистощимой словоохотливости и добродушію послѣдняго.

«А, сигарочка, сэръ? говорилъ онъ, точно будто подобный предметъ первый разъ представлялся его взорамъ, хотя это было дѣломъ обычнымъ и даже весьма приятнымъ. Пожалуй, мастеръ Мэтью, не откажусь, коли вы такъ добры; ужь куда ни шло! Пусть хозяйка опять побранитъ меня за то, что я курилъ сигарочку, ну, а на счетъ табаку (что у него означало трубку), она ничего, не обижается».

Онъ спичкой закуриваетъ сигару, держа ее подъ мозолистой ладонью, которая подобно тальковой крышѣ неуязвима, между тѣмъ какъ сѣдовъ усаживается благополучно. Когда, наконецъ, церемонія эта окончена, и вы воображаете, что кѣтъ тронется, вы крайне ошибаетесь; впрочемъ Мэтью хорошо знаетъ, что теперь послѣдуетъ.

Маленькое оконце надъ его головою съ достоинствомъ открывается и на него сыпятся слѣдующіе вопросы.

— Надѣюсь, что миссисъ Мэтью здорова, сэръ?

— Да, благодарю.

— Прошу прощенія за нескромность, но моя хозяйка—жена его была родомъ изъ Торнтонъ и хорошо знакома Сэбей—наказала мнѣ непременно освѣдомиться у васъ о приращеніи семейства.

— Скоро, можетъ-быть, Джонъ, отвѣчаетъ Мэтью, съ улыбкою, обращенной на крыло экипажа; но пока еще ничего нѣтъ, покрайней мѣрѣ въ настоящую минуту.

— Смѣю надѣяться, что и миссъ Эми здорова, сэръ?

— О да, здорова.

— А молодой баринъ, вашъ сосѣдъ сэръ? Хозяйка наказала мнѣ непременно...

— Мистеръ Бэрло совершенно здоровъ. Трогайте, Джонъ!

Такъ какъ къ тому времени голосъ Мэтью становится нѣсколько рѣшительнымъ, чтобы не связать нетерпѣливымъ, то Джонъ хлещетъ свою кобылу, которая, будучи довольно ретива (хотя съ виду и не казиста), пускается крупной рысью. Они быстро мчатся въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ, еще не наполненномъ дневнымъ дымомъ, и Мэтью удобно откидывается въ свой любимый уголь, погружаясь въ мечты о Мэдждѣ. «Какъ-бы, думаетъ онъ, такъ устроить, чтобы клапанъ, соединенный съ наружнымъ воздухомъ, сталъ работать; положимъ, что онъ и теперь работаетъ, но неправильно, а эта неправильность и составляетъ ея погибель. О, если-бы удалось! Тогда конецъ всѣмъ гнуснымъ поѣздамъ къ безсердечнымъ барынямъ; конецъ работѣ въ ненавистой конторкѣ; конецъ всѣмъ насильственнымъ «да», вырываемымъ суровымъ хозяиномъ, когда все сердце такъ и стремится сказать «нѣтъ»; конецъ безденежью; конецъ гнетущимъ заботамъ о завтрашнемъ днѣ; конецъ...»

— Ну, что еще, Джонъ?

Ничего еще не было сказано, но косою лучъ свѣта сверху и врывающаяся струя свѣжаго воздуха, ясно свидѣтельствуя о томъ, что окошечко снова открылось.

— Просимъ прощенья, мастеръ Мэтью, но я совсѣмъ забылъ спросить про вашего дядю Стэфена.

— И онъ совершенно здоровъ. Все семейство здорово и благополучно, благодарю васъ.

— И какая это прекрасная вещь, сэръ, когда все семейство здорово и невредимо. Вотъ и я часто говорю своей хозяйкѣ: какая благодать, что все наше семейство всегда здорово, т. е. ничего—ни кори, ни коклюша, ни glandъ, ничего подобного, и по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ семейства.

Затѣмъ форточка закрывается и раздаются раскатистые звуки, проникающіе въ самый кабъ черезъ крышку и ясно свидѣтельствующіе о томъ, что владѣтель его умѣетъ оцѣнить шутку, во всякомъ случаѣ шутку собственнаго произведенія.

Сады и деревья, прежде довольно густо окаймлявшіе дорогу, понемногу совсѣмъ исчезаютъ и замѣняются непрерывною линіей сплошныхъ улицъ. Сонное утро начинаетъ терять свою безмолвную прелесть, изрѣдка нарушаемую глухимъ грохотомъ проѣзжающей телѣги, наполненной сельскими произведеніями,

предназначенными для рынка. Мастеръ Рутеффордъ грозно кричитъ: «эй, берегись!» подобно тому, какъ кричатъ пожарные, скачущіе во весь опоръ, причемъ испуганные возницы просыпаются отъ сна и быстро своротивъ къ самымъ канавкамъ, смотрятъ изумленными, мигающими глазами изъ-подъ своихъ парусинныхъ навѣсовъ, и усердно ругаютъ неповиннаго Мэтью, снова погруженнаго въ думы о своей Мэджи.

Джонъ хорошо зналъ, что для того, чтобы вывести своего сѣдока изъ созерпательнаго состоянія, надо было по крайней мѣрѣ назвать его по имени, и потому нисколько не стѣснялся въ своихъ возгласахъ. Когда же телѣгъ больше не попадалось, онъ снова прибѣгалъ къ разговору.

— Просимъ прощенія, мастеръ Мэтью, извѣстно-ли вамъ что-либо о счастіи сэра Чарльса?

— Вы говорите про сэра Чарльса Перджитера? Въ чемъ же дѣло?

Имя это, повидимому, возбудило нѣкоторый интересъ въ Гельстонѣ, хотя нивакое счастіе, выпавшее на долю молодаго баронета, ни коимъ образомъ не могло касаться его, развѣ только одно—а именно смерть леди Перджитеръ.

— Дѣло въ томъ, что Хартей (здоровая) миссъ осталась за нимъ.

— Хартей миссъ! повторилъ Гельстонъ. Онъ рѣшительно ничего не понималъ изъ словъ честнаго Джона, но предполагалъ, что дѣло касалось какого-либо семейнаго скандала, о которомъ ему совсѣмъ не приличествовало разспрашивать.

— О неужели!

— И это какъ есть истинно, сэръ; хотя, какъ говорили мнѣ, онъ обѣщалъ женѣ передъ свадьбой совершенно отказаться отъ подобныхъ вещей. Впрочемъ, онъ выпускаетъ ее подъ чужимъ именемъ; но я все-таки знаю, что она его собственность и первый сорть. Дикъ Дартморъ утверждаетъ, что она возьметъ призъ.

— Кто возьметъ призъ и гдѣ? освѣдомился Мэтью раздражительнымъ голосомъ.

— Хартей миссъ, сэръ, кобыла сэра Чарльса. Думаютъ, что она возьметъ первый призъ.

— О, понимаю! Артемисъ, сваковая лошадь; сэръ Чарльсъ опять принимается за старое.

— Да, сэръ, подъ именемъ Гобсона; только Дикъ, я и еще немногіе знаемъ, кто такой Гобсонъ.

Гельстонъ бивнулъ и сдѣлалъ презрительную гримасу.

И такъ мужъ этой женщины (работъ которой онъ на сегодняшнюю ночь) измѣнилъ своему слову, данному имъ невѣстѣ до замужства, и опять занимается свачками. Онъ выпускаетъ своихъ лошадей подъ чужимъ именемъ, однако дѣлаетъ это не очень-то секретно, если извозицъ, какой-то прощальга и еще нѣсколько тому подобныхъ, знаютъ обо всемъ. Какое дѣло Мэтью до всего этого; а между тѣмъ фактъ этотъ какъ-бы способствовалъ тому, что сегодняшняя его поѣздка казалась ему еще унижительнѣе, еще ненавистнѣе; онъ мрачно размышлялъ о слышанномъ, пока кэбъ не остановился въ Мурстритѣ передъ подъѣздомъ миледи и Джонъ Рутерфордъ воскликнулъ:—Ну вотъ и пріѣхали! только навѣрное ея еще нѣтъ дома и намъ по обыкновенію придется ждать, мистеръ Мэтью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мурстритъ.

Мурстритъ, эта фашенебельная улица, какъ называлъ бы ее мистеръ Рутерфордъ, не только не имѣетъ лавоѣ или домовъ, отдающихся подъ квартиры, но даже и частныхъ отелей. Каждый домъ, почернѣвшій отъ времени, непривѣтливый и мрачный, представляетъ отдѣльное барское помѣщеніе, и хотя иные могутъ вмѣстить лишь очень малочисленное семейство, если значительно не потѣсниться, однако та же печать важности лежитъ на всѣхъ, не исключая и самыхъ маленькихъ. Это до нѣкоторой степени спокойная улица: ни одинъ омнибусъ ни подходитъ къ ней ближе чѣмъ до угла Пивадилли, и ни единый шарманщикъ не смѣетъ предаваться по ея сосѣдству своему ужасному ремеслу, благодаря чувствительнымъ ушамъ разныхъ леди Гонорій и Вильгельминъ. Жители ея до самаго полудня большею частью мирно почиваютъ, за то остальную часть дня и во-все продолженіе ночи они производятъ не малый, хотя и своеобразный шумъ. Тамъ отъ трехъ часовъ дня до трехъ ночи несомненно раздается стукъ лошадиныхъ копытъ, отбрасываемыхъ подножекъ и катящихся колесъ; а по мѣрѣ того какъ подходитъ послѣдній часъ, тамъ слышатся раздирающіе вопли, призывающіе карету таковой-то или иной леди, кучеръ и выѣздной лакей которой оба мирно

засѣдаютъ въ пивной за угломъ, пользующейся позволеніемъ торговать и ночью, благодаря покровительству аристократіи.

Утренняя скука и безжизненность въ Мурстритѣ представляла такой разительный контрастъ съ ея ночью суматохою, что одно уже это достаточно свидѣтельствовало объ общественномъ положеніи ея обитателей; но различіе было еще разительнѣе во время и внѣ сезона. Въ первомъ случаѣ, это былъ базаръ житейской суеты, во второмъ— степь Сахары. Послѣдній изъ всѣхъ ея домовъ, снимавшій ковры и закрывавшій ставни, былъ домъ сэра Чарльса и леди Перджитеръ. Сэръ Чарльсъ ненавидѣлъ деревню до наступленія охоты на тетеревовъ, миледи же ненавидѣла ее во всякое время. Она чувствовала, что, облеченная въ свои брилліанты, въ городѣ производила гораздо большій эффектъ, а солнце, луна и звѣзды казались ей сравнительно ничтожествомъ. Страсть ея къ увеселеніямъ была безгранична, и хотя уваженіе къ свѣтскимъ правиламъ заставляло ее постоянно являться на балы и вечера въ неподходящее время, за то она всегда обильно пожинала провлітія музыкантовъ, такъ какъ оставалась до самаго конца. Ея возвращеніе домой обыкновенно возвѣщалось внезапнымъ освѣщеніемъ нижняго этажа, погруженнаго въ ея отсутствіе въ полнѣйшій мракъ; нѣкоторые говорили, что это свидѣтельствовало объ унаслѣдованной отъ отца экономіи, другіе же утверждали, что это дѣлалось изъ гордости; и дѣйствительно, въ Перджитерпаркѣ, ея лѣтней резиденціи, всегда поднимался флагъ во время ея пребыванія тамъ, подобно тому, какъ это дѣлается на круглой Виндзорской башнѣ.

Поэтому, когда мистеръ Рутерфордъ выразилъ свое предположеніе объ отсутствіи леди Перджитеръ, онъ имѣлъ на это достаточное основаніе; и ему, и сѣдоку его пришлось ждать, какъ это, впрочемъ, нерѣдко случалось и прежде.

Въ числѣ другихъ талантовъ, честный Джонъ обладалъ однимъ въ особенности, а именно способностью подражать звону, производимому лакеями высокопоставленныхъ личностей, и дѣйствительно, звоновъ его былъ настолько удаченъ, что обыкновенно, какъ и сегодня, тревожилъ самаго главнаго швейцара въ № 10, явившагося со сверткомъ ковра и въ сопровожденіи двухъ лакеевъ въ канареечнаго цвѣта ливреяхъ, въ полной увѣренности, что господинъ и госпожа ихъ вернулись съ обычною торжественностью. Увидѣвъ свое заблужденіе, всѣ три подобострастныхъ ихъ лица моментально измѣнились: швейцаръ вернулся презрительно къ своему рѣзному стулу, одинъ изъ

канареечнаго цвѣта лакеевъ убралъ себя вмѣстѣ съ своими величественными ногами въ сосѣдную комнату, другой же, съ лицомъ явно изображавшимъ чувство оскорбленнаго достоинства, повелъ конфиденціального агента господъ Старъ и Сайнетъ въ такъ называемую дѣловую приемную миледи.

Это была небольшая комната, сообщавшаяся съ будуаромъ, отъ котораго она отдѣлялась лишь наполовину спущенною драпировкою. На столѣ стояла пара восковыхъ свѣчей, слабо освѣщавшихъ стѣны, покрытыя старинными обоями; тамъ не было ни книги, ни растенія, на которомъ могъ бы отдохнуть взоръ, или хоть нѣсколько совратить скуку утомительнаго ожиданія, зависѣвшаго отъ женскаго каприза. Мэтью имѣлъ обыкновеніе привозить въ подобныхъ случаяхъ одну изъ своихъ любимыхъ книгъ, такъ какъ часто приходилось ждать гораздо дольше назначеннаго срока; сегодня-же онъ забылъ это сдѣлать. Имъ охватило нетерпѣніе и, съ непріязненнымъ чувствомъ противъ миледи и своей обязанности, онъ опустился на стулъ. Вдругъ взоръ его остановился случайно на картинѣ, стоявшей на полу, въ темномъ углу комнаты. Это было, по всѣмъ вѣроятіямъ, новое приобрѣтеніе для городскаго дома или же для Перджитерпарка, еще не нашедшей опредѣленнаго мѣста. Мэтью взялъ свѣчу, нагнулся къ картинѣ и сталъ ее разсматривать, видимо сильно ею заинтересованный, что едва-ли можно было приписать ея художественному достоинству.

Это была большіе размѣровъ, хотя и весьма сомнительнаго достоинства, акварель, изображавшая развалины стараго замка; на переднемъ планѣ изображена была рѣчка съ маленькимъ мостикомъ, за которою и высились развалины. Былъ также изображенъ лугъ, на которомъ пасся скотъ, лодочка, привязанная у берега, и тому подобныя принадлежности. Нельзя сказать, чтобы картина отличалась особою красотою или художественностью; но это былъ одинъ изъ тѣхъ ландшафтовъ, которые несомнѣнно напоминаютъ дѣйствительность и потому удовлетворяютъ неопытной глазъ.

— Старый Лэтберійскій замокъ и какъ поожь, проговорилъ Мэтью не безъ нѣкотораго паэоса, что очень не соответствовало его обычному спокойному тону.—А вотъ и мостъ, и онъ глубоко вздохнулъ. Глаза его были устремлены на картину, но видѣли совсѣмъ не то, что на ней изображалось. Когда онъ былъ еще очень молодъ, почти что мальчикомъ, то этотъ мостъ былъ для него священнымъ мѣстомъ; и хотя все, что освящало его тогда, и юность, и чистота душевная, и любовь,—все улетѣло,

все было разбито, но воспоминаніе о минувшемъ, все было также свѣжо и молодо. Тамъ онъ встрѣтилъ свою первую любовь, тамъ онъ въ первый разъ поцѣловалъ любимую дѣвушку. Давно они разстались; она, своевольная, пошла своею дорогою, онъ своею. Но не было ни малѣйшей примѣси невѣрности къ его Себей во вздохѣ, вырвавшемся изъ его груди. Онъ вздохнулъ и призадумался не изъ жалости къ себѣ, а изъ жалости къ другой.

Онъ такъ погрузился въ воспоминанія, что не замѣтилъ внезапнаго освѣщенія въ сосѣдней комнатѣ, а также быстро приближающихся шаговъ и шума длиннаго шлейфа, пока не увидѣлъ леди Перджитеръ, стоявшую передъ нимъ въ своихъ бриліантахъ.

Это была высокая, худошавая женщина, достаточно походившая въ своемъ богатомъ бѣломъ шелку, кружевахъ и бриліантахъ на привидѣніе, только изъ модныхъ, такъ что испугаться при ея появленіи было чему; но Мэтью Гельстонъ вздрогнулъ не отъ испуга, а вслѣдствіе чувства неловкости: ему было въ высшей степени неприятно, что миледи застала его въ минуту, когда онъ какъ-бы позволялъ себѣ нѣкоторыя вольности, и именно въ домѣ, въ которомъ онъ менѣе чѣмъ гдѣ-либо желалъ попасться въ подобномъ проступкѣ.

Онъ быстро поднялся и, ставя свѣчку обратно на столъ, произнесъ нѣсколько невнятныхъ извиненій.

Леди Перджитеръ слушала молча и стояла неподвижно, подобно снѣжной фигурѣ, кое-какъ сколоченной и на шею которой зима надѣла свои блестяція драгоценности изъ льда и мороза. Вы забываетесь, выражало ея лицо; а на словахъ она прибавила:

— Отнесите эту картину въ сосѣднюю комнату.

Тонъ ея былъ настолько дерзокъ, что при другихъ обстоятельствахъ Мэтью едва-ли бы послушался ее; теперь же онъ чувствовалъ себя какъ бы обязаннымъ это сдѣлать, чтобы нѣсколько загладить свою неискренность. Онъ обѣими руками поднялъ тяжелую раму и, внеся картину въ комнату, хотѣлъ поставить ее какъ прежде къ стѣнѣ, но вдругъ она сказала:

— Поставьте ее на столъ и подержите нѣсколько минутъ.

Картина была настолько велика, что лицо его закрылось ею и онъ такимъ образомъ сперва не замѣтилъ еще одной личности, находившейся въ комнатѣ.

— Прелестно! превосходно! воскликнулъ веселый голосъ; — такъ и видишь передъ собою старую, знакомую мѣстность.

Къ счастью для Мэтью Гельстона, лицо его было скрыто и

присутствующіе не могли прочесть тяжелаго и враждебнаго выраженія, пробѣжавшаго по немъ.

— Прошу васъ держать картину прямо, дерзко восхлинула леди Перджитеръ, такъ какъ картина колебалась въ рукахъ Мэтью, потрясеннаго неожиданною встрѣчею. — И такъ, господинъ маіоръ, вы находите мою покупку удачною? продолжала она, стараясь придать своему голосу игривую интонацію, съ которою свѣтскія женщины обращаются къ своимъ короткимъ знакомымъ.

— Я плохой судья о достоинствѣ, отвѣчалъ тотъ небрежно, — и только хотѣлъ сказать вамъ, похожа ли она на дѣйствительность; по моему, старая руина замѣчательно вѣрно схвачена.

— Это вамъ, конечно, хорошо знакомыя мѣста?

— О, несомнѣнно; руина всего шагахъ въ ста отъ воротъ герцогскаго дома.

— А вы часто бываете у герцога?

Это было сказано съ пріятною гримасою, какъ будто ее радовала мысль, что она бесѣдуетъ съ личностью очень близкою къ высокопоставленному человѣку.

— Прежде, да, сказалъ онъ довольно серьезно, что не ускользнуло отъ невидимаго имъ свидѣтеля. — Последнее время я тамъ не бывалъ; впрочемъ врядъ-ли тамъ произошли какія либо перемены.

Маіоръ говорилъ про руину, а не про его свѣтлость.

— Въ ней никто не живетъ? спрашивала миледи. Одна изъ выступающихъ чертъ характера леди Перджитеръ была всегда интересоваться всѣмъ, что ей принадлежало, и хотя Лэтбериголь не былъ ее собственностью, но она пріобрѣла изображеніе его и этого было достаточно для возбужденія ея интереса.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Есть тамъ сторожъ, служащій на мельницѣ, стоящей на рѣчкѣ.

— Зачѣмъ же не нарисовали здѣсь и мельницу, освѣдомилась леди Перджитеръ, обиженнымъ голосомъ; — это было бы гораздо красивѣе.

— За это я не ручаюсь, отвѣчалъ маіоръ, — это-бы отвлекло интересъ отъ главнаго сюжета; да къ тому же мельницы и не видно съ той мѣстности, откуда сдѣланъ снимокъ. Все это говорилось тономъ самымъ холоднымъ и даже очень неохотнымъ.

— Однако ужь поздно, леди Перджитеръ, сказалъ онъ; — позвольте пожелать вамъ доброй ночи или, скорѣе, добраго утра.

— Спокойной ночи, господинъ маіоръ. — Будьте такъ добры, пришлите мнѣ моего мужа; скажите ему, что я не задержу

его больше одной минуты, и что онъ можетъ придти съ сигарою.

Въ одномъ изъ зеркалъ, которыми была украшена вся комната, Мэтью Гельстонъ увидѣлъ уходившаго маіора; это былъ человѣкъ высокій, стройный и красивый, съ такими правильными и нѣжными чертами, что, не будь усовъ, длинныхъ и темныхъ, лицо его казалось бы слишкомъ женственнымъ. Онъ былъ однихъ лѣтъ съ Мэтью, но, подобно послѣднему, казался съ виду старше; только у маіора старообразное выраженіе не было слѣдствіемъ мысли или заботъ, а просто слѣдствіемъ пресыщенности. И такъ, маіоръ Фредерикъ Ловель могъ бы сказать про себя, подобно одному человѣку въ его же родѣ, только болѣе его знаменитому, «что онъ всего вкусилъ въ жизни съ избыткомъ». Странно, что два человѣка съ такими различными вкусами и стремленіями, какъ онъ и Мэтью Гельстонъ, столкнулись въ жизни.

Мэтью былъ такъ погруженъ въ воспоминанія юности, проснувшіяся при видѣ этого человѣка, что не только шаги сэра Чарльса, но и тихій вопросъ его, обращенный къ женѣ: что нужно? въ чемъ дѣло? кто это?—прошелъ для него безслѣдно.

— Это посланный отъ мистеровъ Старъ и Сайнетъ рѣзко отвѣчала она, недовольная тѣмъ, что такая маловажная причина отвлекла вниманіе ея мужа отъ того предмета, на который она хотѣла обратить его.

— Они прислали вамъ эту картину? спросилъ онъ.

— Да нѣтъ же, не въ томъ дѣло. И какъ вы глупы! Я хочу слышать ваше мнѣніе относительно ея достоинствъ.

— Но если я такъ глупъ, то какую цѣну можете вы придавать моему мнѣнію? спрашивалъ сэръ Чарльсъ, выпуская медленно клубы дыма. Онъ одѣлъ монокль, но лицо его, окаймленное свѣтлою бородою, оставалось все такимъ же спокойнымъ и равнодушнымъ; да и вообще оно было добродушно и выражало очень мало, развѣ иногда досаду, когда жена слишкомъ надѣдала ему, какъ, на примѣръ, въ настоящую минуту. Она оторвала его отъ вечерняго грога для того, чтобы заставить разсматривать покупку, нисколько его не интересовавшую, и въ присутствіи посторонняго назвала его дуракомъ.

Однако, чтобы отъдать справедливость леди Перджитеръ, слѣдуетъ сознаться, что она совсѣмъ не думала обидѣть мужа при свидѣлѣхъ, такъ какъ не считала какого-то приващива за человѣка; къ тому же она имѣла такое возвышенное понятіе о

происхожденіи и общественномъ положеніи, что относилась совершенно индифферентно къ подобнымъ случайностямъ.

— Вы очень любезны, сэръ Чарльсъ, сказала она, никогда не забывая его титула, не смотря на то, что сердилась на него. — Будь это изображеніе какой нибудь скаковой лошаденки, оно навѣрное привлекло бы ваше вниманіе.

Такъ какъ сэръ Чарльсъ стоялъ бовомъ къ столу, можетъ быть для того, чтобы выразить свое невниманіе къ картинѣ, то Мэтью имѣлъ возможность разсмотрѣть его, и когда были произнесены слова «скаковая лошадь», онъ замѣтилъ, какъ баронетъ вдругъ покраснѣлъ, наморщилъ лобъ и сдѣлалъ до того непривѣтливое лицо, что легко можно было допустить въ этомъ человѣкѣ немалую долю настойчивости и упрямства.

Уловивъ въ немъ подобное выраженіе, жена замѣтила раздраженнымъ голосомъ:

— Довольно, можете убрать картину!

Кровь бросилась въ лицо Мэтью Гельстона и онъ собирався возразить съ горечью, когда сэръ Чарльсъ предупредилъ его, подойдя къ нему съ словами:

— Позвольте мнѣ помочь вамъ, сэръ. Моя жена въ настоящую минуту забыла, что вы не находитесь у нея въ услуженіи.

Лицо леди Перджитеръ всегда красное приняло еще болѣе темный оттѣнокъ. Она не произнесла ни слова, пока оба снимали картину и ставили ее къ стѣнѣ, но стала снимать свои брилліанты и укладывать ихъ въ ящикъ, стоявшій около нея. Пальцы ея дрожали, а камни такъ и переливались между ними. Это была странная картина, такъ какъ зеркальная комната, ярко освѣщенная, отражала съ полдюжины леди Перджитеръ и тысячи сверкающихъ камней. Когда же она сняла ихъ съ шеи и ушей, уложила въ ящикъ и захлопнула его крышку, то сама окончательно потухла, какъ грошова свѣчка.

— Вотъ, возьмите ихъ, сэръ!

Мэтью взялъ ихъ съ нѣкоторою почтительностью, что впрочемъ относилось исключительно къ мужу. Она же казалась такою сердитою и озлобленною, что Мэтью отъ души пожалѣлъ бѣднаго сэра Чарльса. Желая поскорѣе избавить его отъ неловкаго положенія, причинаемаго его присутствіемъ, а равно и самъ желая поскорѣе избавиться отъ созерцанія прелестной леди, онъ быстро удалялся съ брилліантами, но рѣзкій голосъ леди Перджитеръ внезапно вернулъ его.

— Гдѣ же росписка, мистеръ Гельстонъ, гдѣ росписка? кричала она.

— Она лежитъ на вашемъ столиѣ, сударыня.

Онъ положилъ ее туда, когда бралъ бриліанты, но въ своемъ гнѣвѣ она не примѣтила ее.

— О! я думала, что вы забыли.

Слова эти были произнесены съ самою грубою интонаціей голоса и, сказавъ ихъ, она повернулась къ Мэтью спиною.

— Еще минуту, мистеръ Гельстонъ, сказалъ ей мужъ, дѣлая нѣсколько шаговъ за удалявшимся Мэтью. — Леди Перджитеръ также что-то позабыла, а именно вѣжливость; позвольте же мнѣ извиниться за нее и попросить у васъ прощенія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Фешенебельные джентльмены.

Хотя поѣздки Мэтью въ Мурстритъ всегда сопровождались тѣмъ либо для него неприятнымъ, однако сегодняшній случай принадлежалъ къ числу исключительныхъ, и леди Перджитеръ никогда еще не бывала такъ груба. А между тѣмъ, покидая сегодня ее порогъ, онъ не ощущалъ такого сильнаго чувства униженія, какъ обыкновенно: во первыхъ, потому, что самъ мужъ порицалъ ее поведеніе, обошелся съ нимъ какъ джентльменъ и, прося прощенія за грубость жены, онъ скорѣе и охотнѣе его получилъ, нежели сама леди когда либо могла этого добиться; а во вторыхъ, Мэтью забылъ о своихъ собственныхъ невзгодахъ, помышляя о бѣдствіяхъ, постигшихъ другую особу.

Мы намекали выше о томъ, что, въ своей ранней молодости, онъ любилъ глубоко и сильно. Хотя онъ женился относительно еще молодымъ человѣкомъ, но еще раньше знакомства съ своею Сэбей, онъ успѣлъ влюбиться въ Фебу Мейсонъ, крошечную дочку лѣтберійскаго мельника, жившаго рядомъ съ развалинами и показывавшаго ихъ путешественникамъ при помощи своей ключницы, а часто и самой Фебы. Она была еще такъ молода, почти ребенокъ, и отецъ не опасался за ее нравственность, тѣмъ болѣе, что должность эта исполнялась ею не относительно всѣхъ вообще посѣтителей, а только однихъ гостей герцога. Мэтью познакомился съ нею, конечно, не въ качествѣ путеvodительницы; онъ урядѣлъ ее еще будучи мальчикомъ и, приходя удить рыбу въ Лэгъ, на мельничную плотину,

попался самъ на удочку. Удивительнаго здѣсь ничего не было, а, напротивъ, это была вещь самая естественная, такъ какъ, не смотря на свои математическія наклонности, онъ былъ очень наивенъ и впечатлителенъ, а Феба была свѣжа и прелестна, какъ бутончикъ лѣтской водяной лиліи. На страсть его отвѣчали взаимностью, но только не въ равной степени, такъ какъ молодая особа обладала огромнымъ запасомъ вышеназваннаго чувства, надѣяла избыткомъ его и другихъ, и Мэтью долженъ былъ сознаться, что она нѣсколько вѣтрена и кокетка. Во всякомъ случаѣ слѣдовало ожидать, что изъ ихъ привязанности ничего не выйдетъ, такъ какъ она не умѣла цѣнить лучшія черты его характера и, вѣроятно, со временемъ это бы выказала. Случилось же такъ, что союзъ ихъ былъ разорванъ самымъ грустнымъ и неожиданнымъ образомъ. Она убѣжала съ капитаномъ Фредерикомъ Ловелемъ, часто гостившимъ у герцога лѣтберійскаго, что и было причиною, побуждавшею перваго не возобновлять своихъ посѣщеній замка.

Мэтью, на этомъ самомъ мосту, изображенномъ на повушѣхъ леди Перджитеръ, имѣлъ случай видѣть ихъ вмѣстѣ и равно былъ замѣченъ ими; но капитанъ весело и добродушно посмѣялся его дѣтскому гнѣву, а сама Феба успокоила его сомнѣнія, крѣпко его раздѣловавъ. Тогда еще она, вѣроятно, и не имѣла намѣренія обманывать его; однако его серьезность и сдержанность далеко не пришлись ей такъ по вкусу, какъ веселость и откровенность капитана; къ тому же онъ гостилъ у герцога и общался съ дѣлать ее важною барынею. Многимъ оставалось сомнительнымъ, общался ли онъ когда либо жениться на ней; но Мэтью Гельстонъ въ этомъ не сомнѣвался и ненавидѣлъ человѣка, похитившаго его невѣсту и погубившаго ее, ненавидѣлъ его, какъ вора и негодая. Узналъ ли его маіоръ Ловель (съ тѣхъ поръ произведенный) въ будуарѣ у леди Перджитеръ, онъ не зналъ навѣрное, однако предполагалъ это, чему и приписывалъ его быстрое исчезновеніе.

Ловеля же, во всякомъ случаѣ, Мэтью хорошо узналъ, и обстоятельство это пробудило его негодованіе и множество горестныхъ воспоминаній. Хорошъ свѣтъ, въ которомъ важная барыня протягиваетъ руку лжецу и вклятвопреступнику, между тѣмъ какъ честный человѣкъ, подобный ему, видитъ отъ нея только грубости и оскорбленія! Хотя, въ настоящую минуту, мысли Мэтью были заняты преимущественно маіоромъ, однако онъ рѣшился утромъ же объявить мистеру Сайнету, чтобы онъ

прискалъ кого либо другаго для исполненія своихъ порученій въ Мурстритѣ.

Утренняя дѣятельность проснулась уже въ Пулетстритѣ, когда кэбъ привезъ его туда; утренній свѣтъ такъ и вливался со всѣхъ сторонъ, когда онъ вошелъ черезъ задній ходъ. Будь это хотя среди зимы, дорогу туда найти было не трудно, такъ какъ передняя комната магазина была всю ночь ярко освѣщена, и онъ видѣлъ черезъ стеклянную дверь, налѣво, какъ свѣтъ отражался и игралъ на дорогихъ каменьяхъ, что легко могъ видѣть и полисменъ, прохаживавшійся извнѣ. Мистеръ Сайнетъ ввелъ всѣ новыя приспособленія для храненія своей собственности и одно изъ подобныхъ, какъ всѣмъ извѣстно, это употребленіе къ окнамъ вмѣсто ставень, желѣзныхъ рѣшетокъ. Подобная предосторожность казалась ему достаточною относительно его обыкновеннаго товара; что же касалось его самаго драгоценнаго имущества, то оно охранялось совершенно своеобразнымъ способомъ, присущимъ лишь его конторѣ и по плану, изобрѣтенному самимъ Мэтью Гельстономъ. Мы говорили уже, что рекомендація дяди Стэфена доставила ему мѣсто у мистера Сайнета; однако это не совсѣмъ вѣрно; рекомендація доставила ему нѣкоторыя занятія у мистера Сайнета, теперешнимъ же конфиденціальнымъ мѣстомъ, занимаемымъ имъ тамъ, онъ былъ обязанъ преимущественно своимъ математическимъ способностямъ. Онъ устроилъ мистеру Сайнету хранилища для его драгоценностей по собственному плану и заслужилъ одобреніе этого господина, насколько вообще тотъ способенъ былъ одобрить чужое изобрѣтеніе. Вообще мистеръ Сайнетъ не щедрился на похвалы, въ тому же онъ самъ до нѣкоторой степени зналъ прикладную математику; а хорошо извѣстно, что если двое сойдутся по одному ремеслу, то, во всякомъ случаѣ, не станутъ восхищаться другъ другомъ. Хранилища мистеровъ Старъ и Сайнетъ, куда складывались ихъ самыя драгоценныя вещи и среди которыхъ покоились перджитерскіе брилліанты, т. е. когда они не украшали своей прелестной владѣтельницы (одни они стоили всего остальнаго, вмѣстѣ взятаго), было настолько крѣпко и прочно, насколько кузнецы и слесаря могли его сдѣлать таковымъ. Замки были, въ то же время, и сложны, и просты, подобрать которыхъ не было никакой возможности, но дѣйствовавшіе, между тѣмъ, такъ же легко, какъ часовой ключикъ. Если это и не было неприступною крѣпостью, то во всякомъ случаѣ способною, втеченіи многихъ дней, противиться огню и желѣзу, а между тѣмъ, не взирая на всѣ эти

преимущества, мистеръ Сайнетъ ей неполнѣй довѣрялъ и выстроилъ для ея помѣщенія особую комнату, съ чрезвычайно крѣпкими стѣнами и дверью. Однако, черезъ непродолжительное время, и сама комната перестала удовлетворять его и сомнѣніе снова завралось въ его душу.

И могла ли его успокоить мысль о томъ, что всѣ предосторожности взяты, когда, какъ разсуждалъ онъ, при помощи какой-либо адской уловки, удастся все-таки открыть сундукъ и похитить и его драгоценности, и бриліанты миледи, за которые онъ отвѣтственъ. Ему пришла блестящая мысль, а именно, устроить, при помощи Мэтью, всевозможныя западни вокругъ означеннаго предмета.

— Но представьте себѣ, увѣщевалъ его Мэтью, — если какой нибудь несчастный поплатится жизнью, да еще безъ злаго намѣренія, а по ошибкѣ?

— Это была бы чертовски хорошая штука, говорилъ мистеръ Сайнетъ, — и послужила бы лучшею для насъ охраною.

Однако, не смотря на сильное желаніе, ювелиру пришлось уступить, и Мэтью устроилъ помѣщеніе по своему усмотрѣнію.

Туда-то онъ теперь и направился съ зажженною свѣчю въ лѣвой рукѣ, а съ правою по сосѣдству отъ револьвера. Пока перджитерская парюра (какъ называлъ ее мистеръ Сайнетъ) была въ рукахъ у Мэтью, онъ ни на минуту не забывалъ о своей громадной отвѣтственности и о возможности нападенія, въ особенности же пока бриліанты находились въ его рукахъ, онъ никогда не позволялъ себѣ думать о Мэджи, зная насколько она имѣла способность поглощать всѣ его мысли.

Подойдя къ двери, сдѣланной изъ толстаго желѣза, онъ отворилъ ее и затѣмъ быстро заперъ за собою. Помѣщеніе это находилось въ нижнемъ этажѣ и примыкало къ заднему двору; окна въ немъ не было и никто тула не входилъ, кромѣ мистера Сайнета, смотрителя за работами и его самого. Сундукъ стоялъ почти по срединѣ, напротивъ двери, и всякій желавшій подойти къ нему, пошелъ бы естественно по прямому направленію. Мэтью, между тѣмъ, пошелъ по правой сторонѣ, пробираясь у самой стѣны, точно середина комнаты представляла цвѣтничъ, съ маленькою дорожкой вокругъ. Сдѣлай онъ иначе, онъ привелъ бы въ движеніе огромный колоколь, черезъ минуту привлеکشій бы двухъ сторожей, спавшихъ наверху, и своимъ звономъ неминуемо разбудившій бы пол-улицы. Это былъ болѣе простой и далеко не такой пагубный механизмъ, чѣмъ предполагавшійся западни, однако не менѣе дѣйствительный.

У крышки сундука висѣлъ замокъ съ буквами, о которомъ шелъ въ конторѣ слухъ, что работы и крѣпости онъ былъ несравненной; мистеръ-же Сайнетъ гордился имъ въ особенности, такъ какъ это было его собственное изобрѣтеніе. Вся мудрость этого замка заключалась собственно въ томъ, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ сундуку, отворявшемуся обыкновеннымъ, хотя и неподражаемымъ ключемъ. Свѣча Мэтью освѣтила внутренность сундука, заключавшаго нѣсколько сафьянныхъ ящичковъ; содержимое каждаго изъ нихъ равнялось порядочному состоянію; нѣкоторые изъ нихъ принадлежали фирмѣ, т. е. самому мистеру Сайнету, такъ какъ компаніонъ его, Старъ (т. е. звѣзда), давно переселилась въ свою небесную обитель; другіе же были залогами, оставленными извѣстными модными барынями за полученныя суммы денегъ, и которыми иногда, при соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей, позволялись одѣвать ихъ какъ свою собственность. Посреди сундука было устроено маленькое бархатное возвышеніе на подобіе трона, на которомъ помѣщалась перджитерская парюра, царившая надъ всѣмъ остальнымъ по самой простой причинѣ, такъ какъ стоимость ея далеко превышала стоимость всѣхъ остальныхъ.

Мэтью положилъ футляръ на его обычное мѣсто, замкнулъ сундукъ и самую дверь комнаты и тогда только вздохнулъ свободно. Онъ въ умѣ уже рѣшилъ, что это было его послѣднимъ путешествіемъ. Затѣмъ, уставшій, но съ облегченнымъ сердцемъ, онъ усѣлся въ кѣбъ, чтобы отправиться домой.

Этимъ, однако, не окончились его ночныя или, скорѣе, утреннія приключенія; но для поясненія случившагося слѣдуетъ взглянуть нѣсколько назадъ.

Хотя, какъ мы видѣли, маіоръ Фредерикъ Ловель очень внезапно покинулъ будуаръ лэди Перджитеръ, онъ сдѣлалъ это не вслѣдствіе поздняго времени (какъ онъ тогда заявилъ) и не вслѣдствіе похвальнаго желанія лечь спать. Онъ просто хотѣлъ избавиться отъ неприятнаго разговора. Видъ лэтберійскаго замка пробудилъ въ немъ нѣкоторые неприятыя воспоминанія, хотя совершенно иного свойства, нежели воспоминанія Мэтью. Не разъ въ жизни случалось ему поступать безчестно и многихъ дѣвушекъ обманулъ онъ, но судьба Фебы Мейсонъ была особенно тяжела. Онъ старался увѣрить себя, что дѣвушка эта почти сама бросилась ему на шею, что не отдайся она ему, она отдалась бы кому-либо другому; но обстоятельства такъ сложились, что дѣло это вышло серьезнѣе многихъ другихъ. Для удовлетворенія своей страсти, своей фантазіи, какъ онъ

называлъ ее теперь, онъ злоупотребилъ гостепріимствомъ самого герцога лэтберійскаго, такъ какъ Феба была дочерью одного изъ его фермеровъ, а майоръ былъ гостемъ герцога, когда онъ убѣждалъ съ нею и этимъ, конечно, закрылъ себѣ навсегда входъ въ его домъ. Къ тому же онъ любилъ эту дѣвушку, насколько вообще онъ былъ способенъ на подобное чувство, и не только за ея красоту, а за ея умъ и рѣшительность, которыми онъ восхищался даже и тогда, когда они обратились противъ него, и когда въ тяжелую минуту озлобленія она оттолкнула его отъ себя и промѣняла его унизительное покровительство на еще болѣе унизительную жизнь. И хотя высокое происхождение и изысканное общество дѣйствуютъ въ подобныхъ случаяхъ весьма успокоительно и примирительно, однако на этотъ разъ онѣ все-таки не были въ состояніи окончательно заглушить голоса его совѣсти; конечно, онъ ей лгалъ не болѣе, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ благовоспитанные и честные люди, но совѣсть на этотъ разъ не хотѣла уgomониться.

При подобныхъ условіяхъ было бы крайне неблагоприятно возвращаться домой и провести можетъ быть не одинъ бессонный часъ наединѣ съ своею совѣстью; ему уже не разъ случалось быть въ подобномъ положеніи, и ничто тогда такъ благотельно ни дѣйствовало на его нравственную систему, можетъ быть по принципу клинъ клиномъ выбивай, какъ волненіе, ощущаемое за игорнымъ столомъ, рискуя суммами несравненно выше обыкновенныхъ и значительнѣе тѣхъ, какими онъ могъ рисковать вообще.

Характеръ нашей современной соціальной системы до того омерзительно вилъ и водянистъ, что, въ настоящее время, трудно найти во всемъ Лондонѣ игорный домъ, еще открытый послѣ трехъ часовъ по-полуночи, да даже и тогда онъ непремѣнно называется клубомъ. Къ счастью, онъ зналъ одинъ изъ подобныхъ клубовъ въ Джготстритѣ въ сосѣдствѣ съ Черингкроссомъ, и туда-то онъ направилъ свои стопы. Это было учрежденіе, къ которому, конечно, принадлежалъ и онъ, но оно было только отчасти аристократическое; члены «Фробишера», какъ нѣкоторые изъ нихъ откровенно сознавались, представляли изъ себя порядочный сбродъ. Тамъ было нѣсколько знатныхъ лордовъ, за то много и такихъ, которыхъ нельзя было назвать даже джентльменами, хотя и было время, когда ихъ считали таковыми. Говорили, что нѣкоторые изъ членовъ этого клуба носили съ собою въ карманахъ больше денегъ, нежели кто-либо въ Лондонѣ, и что это было все ихъ состояніе. Это происходило вслѣд-

ствіе весьма простаго факта, что играли они большую игру и что кредит их былъ далеко не великъ. Конечно, не обходилось и безъ росписочекъ и векселей, но большинство все-таки предпочитало играть на чистыя деньги и весьма недружелюбно относилось къ словамъ: «считайте это за мною».

Въ клубѣ были и читальня, и кабинетъ для занятій, величина и обстановка которыхъ равнялась отдѣльнымъ кабинетамъ у парижанъ; за то матеріальная сторона процвѣтала, такъ какъ тамъ было также два билиарда и игорный залъ, вмѣщавшій пятьдесятъ человекъ.

Однако, въ половинѣ четвертаго часа утра, публика даже въ Фробишерѣ начинала рѣдѣть, и когда Ловель вошелъ, то засталъ тамъ очень ограниченное общество, доигрывавшее свою послѣднюю партію въ мушку; они божились, что каждая изъ подюжины предыдущихъ партій будетъ послѣдней, но были всякій разъ принуждены сдаться неистовому сопротивленію нѣкоего капитана Ленгтона, когда-то служившаго въ одномъ изъ королевскихъ кавалерійскихъ полковъ, но теперь взимавшаго налогъ и воевавшего со всѣми, безъ иного на то разрѣшенія, кромѣ собственнаго желанія и удовольствія. Онъ потерялъ въ этотъ вечеръ цѣлую кучу денегъ и рѣшился во что бы то ни стало вернуть эти деньги, если и не съ тѣхъ, кому проигралъ, то съ кого бы то ни было. Такимъ образомъ приходъ Ловеля глубоко его порадовалъ; майоръ не былъ частымъ посѣтителемъ въ Фробишерѣ, за то когда онъ приходилъ, то дѣлалъ это съ намѣреніемъ «окунуться съ головою», а капитанъ Ленгтонъ былъ въ самомъ подходящемъ настроеніи духа, чтобы способствовать этому.

Это былъ приземистый, мускулистый мужчина лѣтъ около сорока, съ развязными манерами, всегда такъ плохо замѣняющими живость и добродушіе, и съ постоянно возрастающимъ расположеніемъ къ хвастливости; послѣднее стремленіе развилось въ немъ не вслѣдствіе гордости, такъ какъ ему не было въ сущности чѣмъ гордиться, но въ виду необходимости поддерживать чувство собственнаго достоинства. Онъ никогда не обладалъ неподдѣльною веселостью и пріятнымъ обращеніемъ, дѣлавшими Ловеля однимъ изъ любимцевъ клуба (какъ и вообще почти вездѣ), а въ послѣдніе годы про него носились темныя, непривлекательныя слухи, значительно усилившіе всеобщее къ нему нерасположеніе. Дѣйствительно, честные люди, хотя и посѣтители Фробишера, не хотѣли имѣть съ нимъ ничего общаго и отказывались садиться съ нимъ за одинъ столикъ, и будь Ло-

вель болѣе частымъ посѣтителемъ клуба, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, поступилъ бы такъ же. Какъ бы тамъ ни было, но маіоръ не выразилъ неудовольствія, когда Ленгтонъ, вставая вмѣстѣ съ другими, предложилъ ему небольшую партію въ пиветъ, ставки котораго должны быть пропорціональны позднему времени.

— Нельзя же рисковать своимъ здоровьемъ изъ-за какихъ-нибудь грошей, замѣтилъ онъ съ усмѣшкою, хотя не взялъ въ соображеніе того, что проигравшійся поплатится пріемомъ двойко.

Лакей, походившій на человѣка никогда не спавшаго, но чрезвычайно желавшаго хоть разъ подвергнуть себя этому эксперименту, рѣшился таки замѣтить, что наступилъ часъ, когда клубъ призвано заперать; но капитанъ послалъ его къ чорту и, преспокойно пододвинувъ стулъ къ пиветному столу, приказалъ принести карты. Будь онъ разумнѣе, онъ, конечно, не выругалъ бы лакея, а скорѣе швырнулъ бы ему нѣсколько золотыхъ; но капитанъ, всегда очень щедрый на слова (въ шекспировскомъ духѣ), не очень-то щедрился на свои червонцы.

Лакей, не смѣя больше возражать, нагналъ одного изъ уходившихъ членовъ клубнаго комитета и сообщилъ ему о своемъ затруднительномъ положеніи.

— Передайте капитану Ленгтону вмѣстѣ съ моимъ почтеніемъ и о томъ, что я вамъ приказалъ закрыть клубъ, сказалъ тотъ.

— На это онъ и вниманія не обратитъ! замѣтилъ другой изъ членовъ, выходя вмѣстѣ съ нимъ на улицу.

— Тѣмъ лучше для Фробишера, отвѣтилъ первый, — преступи онъ только одно изъ установленныхъ правилъ, и мы имѣемъ право отъ него отдѣлаться.

Въ умѣ капитана блеснула вѣроятно та же мысль и, угостивъ лакея изряднымъ количествомъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, онъ предложилъ Ловелю играть гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

— Да гдѣ же, напримѣръ? спросилъ тотъ.

— Пойдемте къ вамъ.

Надо, между тѣмъ, замѣтить, что маіоръ Ловель хотя былъ и не прочь поиграть съ капитаномъ въ Фробишеръ, былъ очень далеко отъ мысли пригласить его къ себѣ.

— А не то идите ко мнѣ, сказалъ капитанъ, замѣтивъ его нерѣшительность.

Однако и это не очень-то понравилось маіору. Нельзя сказать, чтобы онъ безусловно подозрѣвалъ своего собесѣдника

въ безчестности; но какъ-то невольно пришли ему на умъ всѣ странные рассказы про капитана, равно какъ и мысль о томъ, что у себя дома и съ своими картами тотъ навѣрное его обыграетъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — теперь ужъ слишкомъ поздно, любезный другъ.

Сильное раздраженіе выразилось на грубомъ, красномъ лицѣ капитана.

— Какъ мнѣ кажется, Ловель, вы что-то побаиваетесь пикета.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ майоръ холодно, — я, напротивъ, готовъ играть съ вами во всякую игру, тѣмъ болѣе, что въ настоящую минуту мнѣ нужно сильное ощущеніе.

Оба одѣли шляпы и стояли на крыльцѣ, выходящемъ на узкую, высокую улицу, еще едва озаренную солнечными лучами.

— И отлично! сказалъ вдругъ капитанъ, — предлагаю вамъ сыграть въ орлянку, на одинъ ударъ пятьсотъ фунтовъ.

— Пятьсотъ фунтовъ очень большая сумма, замѣтилъ Ловель нерѣшительно.

— Ну вотъ! не говорилъ ли я вамъ, что вы побаиваетесь. Хотите я сейчасъ вамъ дамъ двадцать пять фунтовъ безъ отдачи съ тѣмъ, чтобы партія шла на пятьсотъ, — и онъ вынулъ двадцать пять фунтовъ изъ портмоне, всего только и заключавшаго послѣднюю сумму.

— Пожалуй, если вы этого такъ желаете. Кто первый бросаетъ?

— Бросайте вы!

Майоръ Ловель вынулъ изъ кармана золотой и высоко подбросилъ его.

— Королева! вскричалъ капитанъ.

Разыгрываемая сумма составляла болѣе, нежели весь годовой доходъ Мэтью Гельстона и его дяди, взятыхъ вмѣстѣ. Монета упала наисококъ въ канавку.

— Именно, королева! подтвердилъ торжествующій капитанъ, осматривая монету.

— Неправда! руки прочь! кричалъ майоръ. — Это ни то и ни другое, это ничье.

Оно и дѣйствительно было нѣсколько сомнительно, хотя капитанъ сомнѣній не допускалъ, и лицо его исказилось яростью.

— Если вы мнѣ не заплатите... началъ онъ.

— Прошу васъ замолчать, милостивый государь! горячился Ловель. — Если я проигралъ, то заплачу вамъ завтра утромъ; но

вашего подтвержденія для этого недостаточно. Позвоните (глухая дверь была уже закрыта за ними) и спросите лакея.

— Лакей оселъ! къ тому же онъ на меня сердитъ, сказалъ капитанъ.—Пусть рѣшитъ первый прохожій.

— Хорошо, я согласенъ.

Въ Джготстритѣ, въ четыре часа утра, хотъ онъ и недалеко отъ юго-западной части города, не очень-то много прохожихъ, и игроки болѣе минуты стояли надъ монетою въ выжидательномъ положеніи. Вдругъ послышался шумъ приближающагося кэба, и когда онъ поравнялся съ ними, капитанъ выступилъ на середину улицы, протянулъ руку, чтобы его остановить, и обратился затѣмъ къ сѣдоку съ необычайною для него вѣжливостію.

— Вотъ видите ли, сэръ, этотъ джентльменъ и я не въ состояніи разрѣшить маленькаго спора; прошу васъ быть нашимъ посредникомъ. Все дѣло въ томъ, чтобы рѣшить, какъ упала монета, брошенная однимъ изъ насъ, лицомъ ли, или изнанкою.

Сѣдокъ проворчалъ что-то относительно странности подобной просьбы и того, что дѣло это его не касалось, но изволивъ вставить тутъ свое словечко.

— Ну что тутъ отказываться! Теперь ничего, мы ѣдемъ домой, мистеръ Мэтью, сказалъ онъ.—Что вамъ стоитъ сказать одно слово!

Сѣдокъ неохотно вышелъ изъ экипажа, осмотрѣлъ монету и сказалъ, что наверху королева.

— И безъ всякаго сомнѣнія! воскликнулъ торжествующій Ленгтонъ.—Вы потеряли 500 фунтовъ, Ловель.

Маіоръ не отвѣчалъ, хотя надо полагать, что онъ тѣмъ сильнѣе призадумался. Заговорилъ между тѣмъ невольный посредникъ.

— Если я не ошибаюсь, сэръ, сказалъ онъ,—маіоръ Фредерикъ Ловель проигралъ вамъ 500 фунтовъ?

— Точно такъ, сэръ, минусъ 25 фунтовъ.

— Такъ позвольте мнѣ васъ поздравить, я отъ души этому радъ.

Сдѣлавъ это замѣчаніе, произнесенное очень отчетливо, онъ сѣлъ въ кэбъ и поѣхалъ далѣе.

— Однако это презабавная исторія! воскликнулъ капитанъ.—Вы слышали, что сказалъ этотъ господинъ, Ловель?

— Слышалъ, отвѣчалъ маіоръ, принужденно засмѣявшись.—Это, видите ли, бѣдняга, воображающій, что я его оскорбилъ.

— Вѣроятно обманутый мужъ?

— Да, почти что, отвѣчалъ тотъ небрежно.—Только онъ не джентльменъ, а то бы онъ, конечно, не мстилъ мнѣ; онъ просто прикащикъ изъ ювелирнаго магазина. Я только что видѣлъ его у леди Перджитеръ; онъ приходилъ за ея брилліантами, что онъ дѣлаетъ каждый разъ послѣ того, какъ она ихъ одѣваетъ.

— Какъ, тѣ знаменитые брилліанты, стоющіе 25,000 фунтовъ?

— Тѣ самыя. Доброй ночи! Чеку вы получите завтра утромъ. И маіоръ удалился съ видомъ сповойнымъ и равнодушнымъ, что далеко не соотвѣтствовало его внутреннему настроенію.

«Это меня нѣсколько вознаграждаетъ за сегодняшнее чертовское несчастіе въ игрѣ, размышлялъ капитанъ.—Однако дѣла мои все-таки немногимъ лучше прежняго, когда я жилъ еще въ Куирстритъ... Такъ вотъ оно что! Перджитерскіе брилліанты увозятся каждую ночь, послѣ того, какъ миледи ихъ одѣваетъ! И лицо извощика мнѣ что-то знакомо; я, кажется, видѣлъ его гдѣ-то на свачвахъ и, если не ошибаюсь, это пріятель моего фактотума, Дика Дартмора. Это слѣдуетъ записать. И онъ внесъ что-то въ записную книжку.

Если-бы кто прослѣдилъ въ ту ночь капитана Ленгтона, пова онъ медленно шелъ по направленію своей квартиры въ Голденскуэръ, онъ бы слышалъ время отъ времени слова, которыя онъ лепеталъ съ наслажденіемъ.

— Двадцать пять тысячъ фунтовъ!.. двадцать пять тысячъ!.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мистеръ Сайнэтъ и его помощникъ.

Хотя поѣздка въ Мурстритъ отняла у Мэтью Гельстона значительную часть ночнаго покоя, онъ, по обыкновенію, въ назначенный часъ былъ уже на своемъ посту. Это было его привычкою, не смотря ни на какой кратковременный сонъ, и не столько изъ чувства долга, какъ изъ врожденнаго чувства настойчивости, не позволявшаго ему подчиняться физической слабости; въ тому же и принципалъ его не очень бы одобрилъ неисправность. Хотя Эми распространялась объ его конторѣ, а можетъ быть и воображала его сидящимъ за послѣднею, однако обязанность его не была собственно прикащикьею, и комната,

въ которой онъ находился, совсѣмъ не походила на коммерческую контору. Она скорѣе походила на небольшую гостиную, хотя мебели въ ней было и немного, и хотя трудно было себѣ представить человѣка настолько богатаго или настолько изящнаго, чтобы собрать въ одну комнату такое множество бездѣлушекъ и предметовъ роскоши. Такихъ было количество часовъ, достаточное для исчисления времени всей вѣчности, монотонный и непрерывный шумъ маятниковъ которыхъ способенъ былъ довести нервнаго человѣка до сумасшествия; когда же начинался ихъ бой, то раздавались всевозможные звуки, начиная отъ звона соборныхъ башенныхъ часовъ и до тончайшаго и изъяснѣйшаго колокольчика. И не то, чтобы господа Старъ и Сайнэтъ особенно заботились о снабженіи почтеннѣйшей публики часами, какъ регуляторами времени, такъ какъ это достоинство въ нихъ совершенно ступшевывалось передъ изящною наружностью—нѣтъ, ихъ главную цѣнность и красоту составляли драгоценныя каменья, металлъ, изъ котораго они были сдѣланы, артистическая работа или же какой либо особенный, оригинальный механизмъ. Даже и на большихъ соборныхъ страсбургскихъ часахъ не столько дѣйствующихъ лицъ, сколько можно было узрѣть на нѣкоторыхъ изъ вышеназванныхъ часовъ, съ тою только разницею, что здѣсь апостоловъ замѣняли музы и граціи, которыхъ какое-то поэтическое возмездіе словно заставляло слѣдить за теченіемъ времени за то, что онѣ такъ безобразно злоупотребляли имъ во время своего существованія. Но не одними часами ограничивалась механическая изобрѣтательность произведеній мистера Сайнэта. На столѣ, за которымъ сидѣлъ Мэтью, лежало множество дорогихъ бездѣлушекъ, начиная съ колець и кончая табакерками, каждая изъ которыхъ была создана съ цѣлью поразить свою новизною и оригинальностью. Изъ одной, на примѣръ, выскакивала Дана, преслѣдуемая цѣлымъ потокомъ золотыхъ монетъ, способныхъ и самую Діану свернуть съ пути добродѣтели; изъ другой вылетала райская птичка, вся изъ бриллиантовъ и сафировъ, щебетавшая и пѣвшая по-соловьиному. И вотъ на какія жалкія, пустыя издѣлія употреблялись теперь всѣ механическія способности Мэтью Гельстона: заставлять пѣть кораловыхъ пѣтуховъ и кричать сафировыхъ кукушекъ. Онъ смотрѣлъ на эти занятія, какъ на нѣчто крайне унизительное, и потому, услышавъ приближающіеся шаги, не смотря даже на то, что это были шаги его хозяина, онъ прекратилъ работу и сдѣлалъ видъ, что занимается чѣмъ-то другимъ. Мистеръ Сайнэтъ имѣлъ обыкновеніе заходить къ Мэтью послѣ cadaго изъ

его путешествій въ Мурстритъ, вѣроятно во избѣжаніе труда посѣщенія своего хранилища, такъ какъ видъ Мэтью здраваго и невредимаго достаточно свидѣтельствовалъ о сохранности парюры. Это былъ приземистый, смуглый господинъ, лѣтъ около пятидесяти, съ крупными, совиными глазами, хорошо умѣвшій однако отличить поддѣльный камень отъ настоящаго, и съ нѣкоторою округленностью и мягкостью обращенія, имѣвшаго однако способность быстро измѣняться при случаяхъ, какъ, на примѣръ, когда затрогивались его интересы, и быстро, и свободно опять возвращавшагося, если ничего непріятнаго для него не случилось.

— Ну что, мистеръ Гельстонъ, какъ дѣла?

Вопросъ этотъ относился не къ механизму райской птички, которую Мэтью держалъ въ рукахъ въ ту минуту, ни къ его личнымъ дѣламъ, о которыхъ мистеръ Сайнэтъ вообще не особенно заботился; это былъ замаскированный вопросъ касательно дѣла, сильнѣе всего его интересовавшаго, — вопросъ о сохранности брилліантовъ. — Кажется сегодня была прекрасная ночь?

— Или, скорѣе, прекрасное утро, съ достоинствомъ отвѣчалъ Мэтью.

Его нѣсколько коробило предположеніе принципала, что ночь, проведенная безъ сна до пяти часовъ утра, — это пустая шутка; къ тому же онъ собирался свернуть разговоръ на предметъ его сильно занимавшій, а именно на свое намѣреніе отказаться рѣшительно отъ всякаго дѣла съ перджитерской парюрой.

— А, значитъ миледи опять запоздала? небрежно возразилъ мистеръ Сайнэтъ, между тѣмъ какъ круглые глаза его вдругъ остановились неподвижно; онъ чувствовалъ, что дѣло не совсѣмъ-то ладно, хотя и не угадывалъ истинной причины его неудовольствія. — Ужъ этотъ народъ таковъ: онъ всегда обращаетъ ночь въ день и мало заботится о насъ, бѣдныхъ труженикахъ, принужденныхъ жечь свѣчу съ обоихъ концовъ. Съ другой же стороны, это что нибудь да значитъ, быть допущеннымъ въ самый будуаръ леди Перджитеръ, да еще въ ночную пору; удивляюсь, право, какъ сэръ Чарльзъ ее не приревнуетъ къ вамъ. И мистеръ Сайнэтъ скорчилъ на своемъ лицѣ кислую гримасу, долженствовавшую изобразить шаловливую улыбку.

— Это честь, которую я нисколько не цѣню, холодно замѣтилъ Мэтью. — Къ тому же я собираюсь сказать вамъ...

— Ни слова больше, прошу васъ! воскликнулъ мистеръ Сайнэтъ, въ ужасѣ поднимая обѣ руки, точно онъ былъ сигнальщикъ, а Мэтью поѣздъ, попавшій не на свои рельсы. — Все вижу ясно

и напередъ хорошо знаю, что вы собираетесь мнѣ сказать. Женщина эта была съ вами груба. Мой дорогой сэръ, я искренно и душевно объ этомъ сожалѣю, но она груба со всѣми. Это самая ядовитая и злобная старая хрычовка. Я зналъ ее, еще когда она была миссъ Инготъ, дочерью ростовщика, и тогда ужъ она была препротивна; но, какъ говорится въ священномъ писаніи, злобная женщина становится еще въ тысячу разъ омерзительнѣе, когда выходитъ замужъ. Я самъ часто едва не терзалъ съ нею терпѣніе, но поневолѣ приходится быть вѣжливымъ.

Последнее признаніе было вынуждено невольною улыбкою, скользнувшею по лицу Мэтью, такъ какъ тому припомнилась по добострастная и льстивая фізіономія его патрона, всякій разъ, когда леди Перджитеръ посѣщала его магазинъ, и не смотря на то, что она всегда страшно торговалась.—Вся жизнь, мой дорогой сэръ, повѣрьте мнѣ, состоитъ изъ ряда уступокъ. Я самаго невыгоднаго мнѣнія о леди Перджитеръ; по моему, у нея нѣтъ ни совѣсти, ни порядчности; это вполне презрѣнная женщина, которой слѣдовало бы привязать камень на шею, зашить въ мѣшокъ и утопить, какъ собаку. Однако было бы крайне неблагоразумно сказать ей это въ глаза. И вы себя вѣроятно спрашиваете: имѣютъ ли подобные люди право быть дерзкими со мною, или даже съ вами? Конечно, нѣтъ; и, говоря между нами, мой дорогой сэръ, я обыкновенно позволяю себѣ поставить имъ это на счетъ.

— Душевно радуюсь за васъ, сэръ, сказалъ Мэтью, невольно улыбаясь.—Но, видите ли, я не имѣю возможности ее за это наказывать, а между тѣмъ поведеніе ее иногда крайне оскорбительно: она, на примѣръ, обвинила меня сегодня утромъ въ томъ, что я забылъ оставить ей росписку.

— Надѣюсь, что вы никогда не забываете брать съ себя эту росписку, энергично перебилъ его мистеръ Сайнэтъ.

— Конечно, нѣтъ, сэръ. Я хотѣлъ сказать, что пріятномъ обращеніе ея было до того грубо, точно я сдѣлалъ попытку украсть ея брилліанты.

— О, Боже мой! воскликнулъ мистеръ Сайнэтъ въ ужасѣ отъ одной мысли о возможности подобной катастрофы: — прошу васъ такъ не говорить, мистеръ Гельстонъ; если она дѣйствительно подумала, т. е. я хочу сказать, если подобное смѣшное предположеніе, что вы могли сознательно забыть росписку, пришла ей въ голову хоть и послѣ ужина,—вѣдь говорятъ, что она пьетъ какъ рыба,—и тогда, конечно, нельзя ей этого извинить; но оно нѣкоторымъ образомъ разъясняетъ дѣло. Если же

вы недовольны вознагражденіемъ, то я его увеличу, увеличивъ при этомъ сумму за сохраненіе.

— Я совсѣмъ и не думалъ объ этомъ, мистеръ Сайнэтъ. Плата, безъ сомнѣнія, достаточна за оказываемую услугу, и, какъ вы замѣтили, иной бы гордился подобнымъ довѣріемъ. Что же касается меня, то я хотѣлъ сказать...

— Нѣтъ, ужъ прошу васъ не говорить, персбилъ его мистеръ Сайнэтъ не безъ раздраженія;—увѣряю васъ, что я этого и слушать не могу. Вотъ видите ли, мой милый, дорогой сэръ, прибавилъ онъ, подсаживаясь къ Мэтью и говоря съ бѣльшею мягкостью даже чѣмъ прежде:—честная женщина, говоритъ писаніе, цѣннѣе рубиновъ, въ чемъ я однако нѣсколько сомнѣваюсь; по крайней мѣрѣ я не зналъ ни одной женщины, отказавшейся отъ нихъ, когда представлялся ей случай ими поживиться. Но честный мужчина еще выше цѣнится, въ особенности же въ моей профессіи. Сознаюсь, что это весьма печальная исповѣдь для человѣка, любящаго своихъ ближнихъ, подобно мнѣ; но лицо, которому можно довѣрить на двадцать пять тысячъ фунтовъ брилліантовъ, да еще ночью, въ наемномъ кабѣ, чертовски рѣдкое явленіе—*pigroque simillima cugno*, какъ мы бывало говорили въ школѣ; прелестное изрѣченіе и между прочимъ очень подходящее для нашего дома, какъ я объ этомъ часто думалъ; понимаете: *cugno* изображалъ бы Сайнэта, мою фамилію. Подумайте, если вы откажетесь, хоть я знаю, что вы менѣе чѣмъ кто-либо въ мірѣ способны поинуть вашу постъ,—но если вы откажетесь, гдѣ найду я человѣка, способнаго замѣнить васъ? Вы единственны въ своемъ родѣ, подобно, на примѣръ, если позволите мнѣ это сравненіе, райской птичкѣ въ табакеркѣ, и я васъ высоко цѣню. Только,—и здѣсь мистеръ Сайнэтъ опять вдругъ перешелъ въ сухой тонъ,—и не говорите мнѣ больше о томъ, что вы отказываетесь отъ вашихъ порученій въ Мурстритѣ.

— Но увѣряю васъ, сэръ, я хотѣлъ вамъ замѣтить...

— Хорошо, хорошо въ другой разъ, а теперь я очень занятъ; я въ сущности и зашелъ-то сюда на минутку, чтобы сказать вамъ, что такъ какъ я завтра буду въ вашихъ краяхъ, то сочту за непрѣмный долгъ и удовольствіе побывать у вашей супруги, если вы противъ этого ничего не имѣете.

— Она будетъ вамъ душевно рада, сэръ. Но отчего бы вамъ не пріѣхать прямо къ обѣду, къ семи часамъ? Мой дядя будетъ въ восторгѣ видѣть васъ у себя.

— Очень хорошо; буду непрѣменно! Вашъ дядя, какъ я отъ

вась слышалъ, достойнѣйшій и ученѣйшій господинъ. Вотъ тогда на досугѣ мы и побесѣдуемъ о нашемъ дѣлѣ по душѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ побѣдка въ Кэвендиш-гровѣ совсѣмъ не входила въ соображенія мистера Сайнэта, когда онъ только что вошелъ къ своему асистенту; но замѣчанія послѣдняго навели его на эту мысль. Ему пришло на умъ, что будетъ легче побороть возраженія Гельстона вмѣшательствомъ и аргументами третьяго лица, вліяніе котораго онъ надѣялся склонить на свою сторону. Жизненная опытность мистера Сайнэта привела его къ заключенію, что когда мужъ поступаетъ вопреки своимъ матеріальнымъ интересамъ, то жена его всегда это оплакиваетъ и усердно старается перетянуть его на сторону здраваго смысла и несомнѣнной выгоды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Визитъ патрона.

Переполохъ въ Кэвендиш-гровѣ № 7 при полученіи извѣстія объ обѣщанномъ посѣщеніи былъ сильный и почти всеобщій.

Сабей, отъ природы застѣнчивая, ужасалась отъ одной мысли о возможности принять патрона своего мужа. Самъ Мэтью далеко не радовался подобному вторженію, такъ какъ дѣловыя его сношенія съ мистеромъ Сайнэтомъ были далеко не пріятнаго характера; а Эми, какъ и всегда сповойная и увѣренная въ себя, сильно сомнѣвалась относительно того, чтобы визитъ этотъ могъ имѣть пріятныя послѣдствія для всего семейства. Она представляла себѣ мистера Сайнэта, потому что слышала о немъ отъ зятя, человѣкомъ, кичащимся своимъ богатствомъ, нѣсколько высокомернымъ, съ которымъ не такъ-то легко поладить, и боялась того, что дядя Стефенъ, пожалуй, выкажетъ ему одну изъ своихъ неособенно привлекательныхъ сторонъ характера, такъ какъ вообще онъ не имѣлъ обыкновенія любезно относиться къ незнакомымъ, и сначала даже неособенно-то дружелюбно отвѣчалъ на заискиваніе самаго мистера Барло. Конечно, онъ умѣлъ быть пріятнымъ и любезнымъ, и разговоръ его, наполненный самыхъ многостороннихъ знаній касательно всевозможныхъ предметовъ, былъ неистощимъ и замѣчательно интересенъ; но ей иногда случалось замѣчать въ немъ какую-

то холодность въ обращеніи, дѣйствовавшую подавляюще и на разговоръ, и на самихъ собесѣдниковъ. Правда, что онъ разъ уже видѣлъ мистера Сайнэа, а именно по случаю представленія ему Мэтью; но онъ всегда упорно безмолвствовалъ относительно этого господина, что было не только достаточно выразительно, но даже нѣсколько зловѣще. Она знала, что, ради племянника, онъ готовъ сдѣлать все, возможно-пріятное для ихъ посѣтителя, только она сомнѣвалась въ его способности быть пріятнымъ тамъ, гдѣ онъ не любилъ или презиралъ.

Есть натуры на столько горячія и любящія, что онѣ цвѣтутъ и посреди снѣга и мороза; другія же, и такихъ значительно больше, нуждаются въ теплотѣ и любви, чтобы пробудить ихъ краски и ихъ благоуханіе, иначе онѣ закрываются, уходятъ сами въ себя и даже, что въ сожалѣнію слѣдуетъ допустить, умѣютъ быть иногда крайне непріятными.

Однако въ настоящемъ случаѣ опасенія Эми были неосновательны. Стѣфенъ Дергамъ безъ сомнѣнія принадлежалъ въ числу людей, такъ безгранично любящихъ всякую свободу, всякую независимость, что онъ не былъ способенъ пожертвовать ею даже въ самой незначительной степени для кого бы то ни было, будь то хоть для самаго великаго Могола, или даже для архангела Михаила, удостой его тотъ личнымъ посѣщеніемъ. Но онъ все-таки хорошо понималъ, что надо быть вѣжливымъ съ принципаломъ племянника, и рѣшился быть таковымъ въ извѣстныхъ границахъ. Къ счастью, онъ и въ мысляхъ не допустилъ возможности, что мистеръ Сайнэтъ приметъ покровительственный тонъ относительно его самого или кого-либо изъ его семейства.

А между тѣмъ, когда мистеръ Сайнэтъ сѣлся въ свой экипажъ у дверей своего загороднаго дома въ Теддингтоуѣ, и небрежно бросилъ кучеру скромный адресъ, въ Квэндиш-гровъ, онъ чувствовалъ себя патрономъ съ самой верхушки своей складной шляпы и до самыхъ подошвъ своихъ патентованныхъ сапогъ. Надо отдать ему справедливость въ томъ, что онъ не былъ настолько глупъ, чтобы постоянно носить складную шляпу, отправляясь на обѣдъ; онъ сдѣлалъ это сегодня въ видѣ исключенія, надѣясь этимъ вселить въ обитателей № 7 Квэндиш-грова большее уваженіе къ его важности и общественному положенію. Результатъ же вышелъ не совсѣмъ удовлетворительный: ему только удалось нѣсколько смутить служанку Мери-Дисенъ, недоумѣвавшую, куда бы ей положить сіе головное украшеніе, и едва не опустившую его въ суповую миску.

Такъ какъ дома въ Кэвэндиш-гровѣ вообще далеко не отличались ни своей величиною, ни богатствомъ, то, надо полагать, что видъ ихъ не произвелъ на мистера Сайнэта подавляющаго впечатлѣнія, и что чувство собственной важности и преимущества, наполнившія его при отъѣздѣ, и теперь не повинили его, когда онъ достигъ своего назначенія; а между тѣмъ, едва лишь успѣлъ онъ войти въ скромную маленькую гостиную № 7, какъ самоуниженіе его упало на нѣсколько градусовъ.

Если-бы онъ зналъ, какъ сильно волновалась его прелестная хозяйка, то чувство собственного достоинства его не такъ бы пострадало; но спокойный, привѣтливый ея приемъ совсѣмъ его озадачилъ. Когда же вошла Эми, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, съ одною пунцовою розою въ волосахъ, извѣстно кѣмъ подаренною, это его окончательно смутило. И не потому, что онѣ обѣ были такія хорошенькія и одѣты съ такимъ вкусомъ, а потому, что онѣ держались такъ спокойно и въ то же время съ такимъ достоинствомъ, какъ женщины самаго высшаго круга. Когда миссисъ Гельстонъ сказала ему, что считаетъ за большое одолженіе оказанное имъ вниманіе, то въ голову его закралось сомнѣніе на счетъ того, было ли это дѣйствительно одолженіе, хотя пять минутъ тому назадъ онъ въ этомъ нисколько не сомнѣвался. Когда же Эми стала звать изъ сада своего зятя и мистера Дергама, гдѣ они спокойно разговаривали, нисколько не выказывая при этомъ должнаго чувства восторга по случаю ожидавшей ихъ великой чести, онъ подумалъ, что такого сладкаго голоса не было во всей его колекціи птичекъ-пѣвчихъ.

Не прошла безслѣдно для мистера Сайнэта и почтенная наружность дяди Стѣфена, соединенная съ нѣкоторою изысканною и спокойною вѣжливостью. Онъ, по репутациі, зналъ мистера Дергама за человѣка извѣстнаго своею ученостью, и потому уже заранѣе рѣшился отнестись къ нему какъ къ равному; однако онъ скоро не могъ не замѣтить, что если въ данномъ случаѣ и допустить покровительственный тонъ, то онъ несомнѣнно останется за старикомъ, и потому разумно отказался отъ всякаго подобнаго поползновенія.

Надо сознаться, что главною помѣхою для введенія полнѣйшей непринужденности и гармоніи между присутствовавшими, былъ самъ Мэтью, чувствовавшій себя далеко не по душѣ, и потому, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, онъ благоразумно предоставилъ веденіе разговора дамамъ и дядѣ. Впрочемъ усиліямъ ихъ не мало способствовала прелесть лѣтнаго

вечера и сосѣдство маленькаго садика, куда они всѣ скоро и направились.

Во всякомъ случаѣ маленькое общество не унывало; каждый старался превзойти себя, и когда позвали къ обѣду, что случилось нѣсколько поздно, гость уже начиналъ чувствовать себя почти какъ дома, какъ вдругъ, предлагая руку миссисъ Гельстонъ, чтобы вести ее къ обѣду, онъ совершенно забылъ о томъ, что держитъ свою складную шляпу, и уронилъ ее въ бассейнъ къ золотымъ рыбкамъ, къ ихъ и своему немалому смятенію.

Съ золотыхъ рыбокъ разговоръ какъ-то невольно перешелъ на золото и дорогіе металлы, и сдѣлался съ той поры неистощимымъ, такъ какъ мистеръ Сайнэтъ никогда не уставалъ распространяться объ этомъ предметѣ, и воображалъ, что обладаетъ относительно драгоценныхъ камней самыми разнообразными и богатыми свѣдѣніями.

— Говоря о брилліантахъ, сказала Эми послѣ того какъ коснулись и этого блестящаго предмета, — вы конечно съумѣете отвѣтить на одинъ вопросъ, предложенный мнѣ сегодня одною изъ моихъ ученицъ.

— Одною изъ вашихъ ученицъ?

— Да, я вѣдь учительница. Мистеръ Сайнэтъ вытаращилъ на нее глаза, точно она сказала «я мормонка»; а между тѣмъ признаніе это не унизило ее въ его глазахъ, тѣмъ болѣе, что въ умѣ его уже начинала зарождаться мысль, вслѣдствіе которой это ему даже нравилось. — Мои ученицы смотрятъ на меня какъ на ходячую энциклопедію, а между тѣмъ я не умѣла имъ отвѣтить на вопросъ: что такое розовый брилліантъ. Къ стыду моему, я должна сознаться, что хотѣла-было имъ отвѣтить слѣдующее: это брилліантъ, имѣющій цвѣтъ розы, а вѣдь это было бы очень невѣрно, неправда-ли?

— Такой отвѣтъ былъ бы неправильнымъ, миссъ Тэрло, произнесъ мистеръ Сайнэтъ тономъ, въ которомъ самымъ оригинальнымъ образомъ звучала и важность, вслѣдствіе сознанія своей учености, и въ то же время нѣкоторая нѣжность, какъ должная дань прелестямъ его собесѣдницы. — Розовый брилліантъ есть гемисфера, покрытая мелкою гранью, нѣсколько напоминающая форму этого цвѣтка.

— Изобрѣтеніе это приписываютъ кардиналу Мазарини, замѣтилъ дядя Стэфенъ, — но мистеру Сайнэту конечно хорошо извѣстно, что происхождение его значительно древнѣе.

— Несомнѣнно, сэръ, согласился ювелиръ,—какъ мнѣ кажется, Италія въ этомъ дѣлѣ опередила Францію.

— Безспорно; только въ такомъ случаѣ первенство останется все-таки за Индіей, она первая этимъ занималась, подтвердилъ дядя Стэфенъ.—Тавернье говоритъ, что большая часть брилліантовъ Арунглеба имѣла эту грань.

— О конечно, конечно! говорилъ мистеръ Сайнэтъ, никогда еще неслыхавшій мудренаго имени Арунглеба.

— Затѣмъ еще одинъ вопросъ затруднялъ меня, продолжала Эми:—я не сумѣла въ точности опредѣлить, что такое пробирный камень,

— Это черная яшма, сказалъ ювелиръ;—лучшіе образцы мы получаемъ изъ Индіи.

— Но каковы ея свойства? продолжала Эми.—Правда ли то, что можно узнать содержимое всякой руды, если потереть ее объ этотъ камень?

— Ну, это, положимъ, не совсѣмъ-то вѣрно; ужъ слишкомъ легендарно; нѣсколько смахиваетъ на философскій камень; не правда ли, мистеръ Дергамъ? говорилъ онъ, замѣтивъ особое выраженіе въ глазахъ дяди Стэфена.

— Допустимъ, что свойства пробирнаго камня были очень преувеличены, сказалъ старикъ,—хотя онъ и получилъ свое классическое имя Парагоніуса, т. е. сравнителя, отъ котораго, черезъ странное искаженіе, мы произвели наше слово парагонъ, имѣющее, между прочимъ, совершенно иное значеніе. Итальянскіе ювелиры примѣняютъ его и на прагтивѣ. Они трутъ объ него кусокъ золота, известной имъ пробы, и затѣмъ продѣлываютъ то же и съ другимъ кускомъ, проба котораго имъ неизвѣстна; затѣмъ на обѣ полосы, оставленныя золотомъ, наливаютъ aqua regia, и если оба раствора представляютъ тѣ же свойства, то это доказываетъ одинаковое достоинство въ обихъ кускахъ. Теперь, конечно, вы обладаете болѣе простыми и болѣе надежными средствами.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, свазалъ мистеръ Сайнэтъ.—Не все то золото, что блеститъ, миссъ Тэрло, не правда ли? къ тому же насъ не такъ-то легко провести.

— Васъ бы, конечно, не провели, продолжалъ дядя Стэфенъ, улыбаясь,—какъ сдѣлали это съ флорентійскимъ ювелиромъ, продавшимъ «австрійца», двойную розу, за безцѣнокъ, такъ какъ онъ былъ настолько желтъ, что онъ принялъ его за цвѣтной хрусталь. Теперь онъ находится въ австрійской ко-

ронъ и считается, послѣ бриліанта Орлова, самымъ большимъ шлифованнымъ бриліантомъ во всей Европѣ.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно! подтвердилъ мистеръ Сайнэтъ,—однако, желтая вода очень убавляетъ его достоинство. Также, на примѣръ, и съ «королемъ португальскимъ», равняющимся по величинѣ куриному яйцу, и съ тѣмъ та же исторія: его подозрѣваютъ въ томъ, что онъ топазъ.

— Какъ мнѣ нравится это выраженіе: «его подозрѣваютъ въ томъ, что онъ топазъ!» сказалъ дядя Стэфенъ, смѣясь:—это точно обвиненіе въ преступленіи, и на вашъ взглядъ, мистеръ Сайнэтъ, оно и равняется тому.

— Конечно, сэръ, возразилъ тотъ, хорошенько не понимая къ чему сводился разговоръ, — въ нашей фирмѣ, на примѣръ, допускаются лишь настоящіе камни. Мы вещи называемъ прямо по имени, не правда ли, мистеръ Гельстонъ?

Мэтью, вообще очень нежаловавшій подобныхъ разговоровъ и мысли котораго, сказать по правдѣ, давно витали въ пагубномъ сосѣдствѣ съ Мэджею, конечно, подтвердилъ слова своего принципала, но такъ нерѣшительно и неувѣренно, что впечатлѣніе, произведенное на постороннихъ слушателей, было бы крайне невыгодно для магазина въ Паулетстритъ; у нихъ навѣрное закралось бы сомнѣніе въ томъ, что, чего добраго, тамъ найдется на половину стразовъ.

— А между тѣмъ, я думаю, что вы и мой мужъ сдумѣли бы безъ труда изготовлять искусственные бриліанты т. е. если бы вы были настолько нечестны, мистеръ Сайнэтъ, замѣтила миссисъ Гельстонъ.

— О, нѣтъ, я объ этомъ и понятія не имѣю! быстро сказалъ Мэтью.

— Это не по его части, холодно пояснилъ ювелиръ;—онъ занимается исключительно механическою работою.

— Тѣмъ лучше, отрѣзала Эми;—по-моему, въ тысячу разъ лучше заниматься работою механическою, чѣмъ заставлять работать воображеніе, т. е. дѣлать фальшивые бриліанты.

— Но, могу васъ увѣрить, мы этимъ совсѣмъ не занимаемся, говорилъ мистеръ Сайнэтъ, прибѣгая пріэтомъ къ множественному «мы», подобно коронованнымъ особамъ, хотя онъ былъ единственнымъ представителемъ своей фирмы.—Я только хочу сказать, что мы сдумѣли бы приготовить искусственные бриліанты; это для насъ такъ же легко, какъ отличить искусственные отъ настоящихъ.

— Главная трудность заключается въ произведеніи радужной игры, не правда ли? обратился къ нему дядя Стэфень.

— О, нѣтъ; мы обладаемъ для этого химическими средствами, разными кислотами.

— Все это, право, ужасно сомнительно, посмѣивалась Эми.

При этомъ мистеръ Сайнэтъ воспроизвелъ на своемъ лицѣ радужную игру, т. е. измѣненіе цвѣтовъ, однако все-таки не обидѣлся. Смѣхъ Эми былъ настолько музыкаленъ и такъ ласкалъ его ухо, что онъ великодушно простилъ ей ея злостный намекъ.

— Къ тому же искусственные камни быстро тускнѣютъ отъ времени и такимъ образомъ отщипывается всегда обманъ, отвѣчалъ онъ просто.

— Однако же гранаты и изумруды въ кубкѣ Хозроя, который, какъ предполагали прежде, былъ собственностью самого царя Соломона, болѣе тысячи лѣтъ считались настоящими, замѣтилъ дядя Стэфень, — пока, наконецъ, современные критики не рѣшили, что это стекло и стразы.

— Да, да; этимъ мы благодарны прогрессу интеллигенціи, отвѣчалъ нѣсколько непослѣдовательно мистеръ Сайнэтъ: — насъ то ужъ трудно провести.

— За то вы, относительно, куда сердитѣе, сказалъ съ усмѣшкою дядя Стэфень. — Отъ васъ бы виновный такъ легко не отдѣлался, какъ отъ Галліена отдѣлался человѣкъ, хотѣвшій обмануть императрицу и продать ей фальшивые бриліанты за настоящіе.

Хотя мистеру Сайнэту очень хотѣлось сказать: «конечно, нѣтъ», однако онъ не посмѣлъ и былъ настолько скромнень, что спросилъ, въ какому наказанію присудилъ его императоръ.

— Онъ приказалъ обнажить несчастнаго и бросить на съѣденіе львамъ; когда же тотъ, весь дрожавшій, стоялъ посреди арены, дверь клѣтки отворилась и оттуда выбѣжалъ — каплунъ. «Онъ обманулъ и вотъ онъ самъ обмануть», сказалъ императоръ.

— А его бы все-таки слѣдовало бросить львамъ, замѣтилъ ювелиръ, возгораясь негодованіемъ.

— Вы шутите, мистеръ Сайнэтъ, сказала Эми съ укоризною.

И мистеръ Сайнэтъ долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что онъ дѣйствительно шутить.

Маленькій обѣдъ былъ безукоризненъ; а между тѣмъ, это качество менѣе всѣхъ поразило гостя, привычнаго, въ этомъ отношеніи, смѣшивать дороговизну съ доброкачественностью.

Но знай онъ только, что Эми принимала дѣятельное участие въ приготовленіи его, онъ, конечно, разсыпался бы въ похвалахъ. Всѣ, кромѣ самой Эми, ясно видѣли, что она ему очень понравилась, а это далеко не способствовало къ улучшенію расположенія духа Мэтью; конечно, было нѣсколько затруднительно сообщать мистеру Сайнэту, что, въ данномъ случаѣ, все его вниманіе пропало даромъ, благодаря прежнему, уже совершившемуся факту, — факту, безъ сомнѣнія, обнаружившемуся бы и для него, будь только обѣденный столъ и столовая нѣсколько побольше и допусти они присутствіе мистера Филиппа Бэрло.

Можетъ быть, изъ любви ко всякому величію или просто въ силу контрастовъ, въ виду скромной обстановки, но мистеръ Сайнэтъ, отвѣчая на одинъ изъ вопросовъ миссисъ Гельстонъ, сталъ излагать свои познанія о сравнительной цѣнности коронныхъ бриліантовъ.

Онъ былъ настолько добръ, что сообщилъ имъ о цѣнности «Питта» и «Регента», стоившаго дороже всѣхъ новѣйшихъ бриліантовъ. Одна шлифовка его обошлась въ 5,000 фунтовъ и, послѣ долгихъ торговъ, онъ былъ, наконецъ, купленъ принцемъ-регентомъ орлеанскимъ за сумму 135,000 фунтовъ, т. е. менѣе чѣмъ за третью часть его дѣйствительной стоимости. Затѣмъ шелъ «Орловъ», за котораго графъ Орловъ заплатилъ 90,000 фунтовъ деньгами, пожизненную пенсію продавцу въ 4,000 фунтовъ и къ тому же выхлопоталъ ему дворянское достоинство.

— Но, однакожь, замѣтилъ дядя Стэфенъ, — мы, современные люди, далеко не такъ щедры на подобныя траты, какъ богачи древности. Говорятъ, древніе римляне брали съ собою драгоценности и дорогую посуду даже въ самые отдаленные походы, и это въ ужасающемъ количествѣ, какъ приводитъ, на примѣръ, Плиній о Помпее Паулиніѣ. Въ позднѣйшія времена, Иосифъ I, король португальскій, носилъ на своемъ парадномъ жилетѣ двадцать бриліантовыхъ пуговицъ, изъ которыхъ каждая стоила 5,000 фунтовъ.

— Это просто безуміе, презрительно замѣтила Эми.

— Но почему же? спросилъ мистеръ Сайнэтъ. — Надѣюсь, моя дорогая миссъ Тэрло (къ тому времени вино значительно развязало его языкъ и сдѣлало его еще любезнѣе къ Эми), надѣюсь, что вы не считаете неприличнымъ, если короли какъ бы свидѣтельствуютъ о своемъ, почти недосыгаемо-высокомъ положеніи тѣмъ, что носятъ безцѣнные камни. Да не будь королей и имъ подобныхъ, какъ существовали бы ювелиры?

По лицу Эми пробѣжало насмѣшливое и не особенно участливое выраженіе, а дядя Стѣфенъ замѣтилъ съ улыбкою:

— Если не ошибаюсь, то у миссъ Тэрло вотъ что теперь на умѣ: «продать всѣ эти пуговицы и деньги раздать бѣднымъ?» Прекрасная идея сама по себѣ, но, какъ намъ не безусловно извѣстно, не всегда удобопримѣнимая на практикѣ. Можно было бы, конечно, прибавить къ этому, что трудно ожидать и требовать отъ молоденькихъ барышень знанія политической экономіи, хотя, между нами говоря, миссъ Тэрло замѣчательно учена. Хотя она и дѣлаетъ видъ, что не знаетъ того или другаго, обращаясь съ вопросами, но въ душѣ я убѣжденъ, что она все это отлично знаетъ. Ничего нѣтъ мудренаго, повѣрьте мнѣ, если ей въ точности извѣстна исторія всѣхъ брилліантовъ, хотя она и дѣлаетъ видъ, что презираетъ ихъ.

— Это уже слишкомъ жестоко, дорогой мистеръ Дергамъ, сказала Эми, краснѣя. — Мистеръ Сайнэтъ, не знающій васъ, какъ мы, можетъ подумать, что вы говорите серьезно и что я какой нибудь несносный синій чулокъ или что либо, равно ужасное.

— Въ этомъ я никому бы не повѣрилъ, выразительно произнесъ мистеръ Сайнэтъ, взглянувъ при этомъ такъ нѣжно на молодую дѣвушку, что сестра ея едва удержалась отъ смѣха. — Но вы, можетъ быть, дѣйствительно знатокъ въ драгоценныхъ камняхъ, миссъ Тэрло?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала она. — Я даже и не видѣла никогда камней, кромѣ какъ въ музеяхъ.

— Вотъ одинъ камень, достоинства котораго для всѣхъ очевидны, даже и для непосвященныхъ, сказалъ мистеръ Сайнэтъ, снимая съ пальца кольцо. — Это такъ называемый древесный агатъ, потому что, какъ вы можете легко замѣтить, природа изобразила на немъ деревья, а въ данномъ случаѣ даже цѣлый пейзажъ. Видите ли, здѣсь и горы, и рѣки, и деревья, и даже облака, т. е. все это вы можете видѣть нѣсколько съ помощью воображенія.

— Какъ это интересно! воскликнула Эми.

— Это, дѣйствительно, совершенная картина!

— Въ британскомъ музеѣ, замѣтилъ дядя Стѣфенъ, — находится булыжникъ съ совершенно точнымъ изображеніемъ Чаусера; а въ Строберигиль другой — съ портретомъ Вольтера. Агатъ тоже извѣстенъ подобными явленіями, хоть въ древнія времена его еще больше цѣнили за предполагаемую въ немъ способность

возбуждать любовь прекраснаго пола. Можетъ быть вы это на себѣ испытали, мистеръ Сайнэтъ?

— О нѣтъ, сэръ! Я, нѣтъ, сэръ... сконфузился ювелиръ.—Я никогда не слышалъ этого.

— Вы, я думаю, находили, что бриліантъ въ этомъ случаѣ обладаетъ еще большею силою, говорилъ дядя Стэфенъ, смѣясь.

— Правда, барыни вообще предпочитаютъ бриліанты агатамъ, и мнѣ нерѣдко случалось видѣть ихъ радость, когда подносился имъ подарокъ, состоявшій изъ первыхъ. Я также убѣжденъ въ томъ, что нѣкоторыя барыни, подобно, на примѣръ, леди Перджитеръ, цѣнятъ свои бриліанты выше своихъ мужей.

— Какъ я слышала, это пренепріятная женщина, замѣтила миссисъ Гельстонъ.

— По крайней мѣрѣ вашъ мужъ находитъ ее таковою. Мнѣ надо съ вами поговорить нѣсколько на счетъ этого, миссисъ Гельстонъ, прибавилъ онъ вполголоса.—Но, вотъ видите ли, эти богатые люди могутъ позволить себѣ быть непріятными; одно средство—заставлять ихъ хорошенько платить за это.

Никогда-бы не сдѣлалъ злополучный мистеръ Сайнэтъ подобнаго замѣчанія, предвидя онъ только мрачное молчаніе, за этимъ воспослѣдовавшее. Онъ испытывалъ ощущеніе челоуѣка, внезапно погрузившаго ногу въ бездонную дыру и недоумѣвающаго, какъ это могло случиться. Ему чертовски не повезло, тѣмъ болѣе, что онъ самъ упросилъ обѣихъ дамъ не уходить изъ-за стола. Случись это при однихъ мущинахъ, онъ бы даже не привадутился; а теперь репутація его нѣсколько пострадала въ глазахъ нѣкой прелестной особы.

— А что, замѣтилъ дядя Стэфенъ, послѣ предлинной паузы:—бриліанты леди Перджитеръ дѣйствительно такъ хороши?

— О, несомнѣнно, мистеръ Дергамъ, отвѣчалъ ювелиръ голосомъ почти плачевнымъ, если сравнить его съ тѣмъ увѣреннымъ тономъ, съ какимъ онъ обыкновенно ораторствовалъ объ этой парюрѣ.—За исключеніемъ какой нибудь поддюжины подобныхъ же уборовъ, нѣтъ ничего въ Европѣ, осмѣлюсь даже сказать, во всемъ мірѣ, (онъ видимо начиналъ воодушевляться), что могло бы съ нимъ сравниться въ цѣнности. Нѣтъ ни одного частнаго лица во всей Англіи, владѣющаго подобными, и, какъ я уже часто говорилъ вашему племяннику, если отвѣтственность, которую онъ несетъ, вслѣдствіе своихъ поѣздокъ въ Мурстригъ, и велика, за то довѣріе, оказываемое ему, безконечно.

— Ну, положимъ, опасности мало, чтобы Мэтью убѣжалъ

съ вашими бриліантами, замѣтилъ мистеръ Дергамъ съ нѣскольکو натянутою улыбкою.

— О нѣтъ, конечно нѣтъ! Могу васъ увѣрить, что онъ пользуется у насъ огромнымъ довѣріемъ; я даже не могу себѣ представить, что бы мы стали безъ него дѣлать. Это отчасти и заставило меня сегодня пріѣхать, т. е. я хотѣлъ связать (у него началъ выступать холодный потъ, подобный тому, какой выступаетъ на поверхности топаза, по словамъ преданія, всякій разъ, какъ несчастіе собирается посѣтить его владѣтеля).. я собирался поговорить объ этомъ до отъѣзда. Мистеръ Гельстонъ намекалъ мнѣ о томъ, что желаетъ отказаться отъ возложеннаго на него порученія, что крайне вредитъ нашимъ интересамъ; а такъ какъ онъ рекомендованъ намъ вами, мистеръ Дергамъ, то я смѣлъ надѣяться, что вы вставите словечко въ нашу пользу, т. е. если это васъ не слишкомъ затруднитъ. И бѣдный мистеръ Сайнэтъ вынулъ платокъ и сталъ усердно обтирать потъ, обильно выступившій на его озабоченномъ лицѣ.

Но здѣсь дядя Стэфенъ не выдержалъ и разразился веселымъ смѣхомъ, что впрочемъ скорѣе способствовало къ всеобщему успокоенію; обѣ дамы значительно переглянулись и встали изъ-за стола.

— Дорогая миссисъ Гельстонъ, взмолился ювелиръ, — я ищу вашего заступничества.

— Я никогда не вмѣшиваюсь въ дѣла моего мужа, мистеръ Сайнэтъ, отвѣчала она; — однако я должна сознаться, что время, занятое у него поѣздками къ леди Перджитеръ, самое неподходящее. Даже и лѣтомъ оно плохо; что же касается зимы, — а здоровье Мэтью далеко не изъ крѣпкихъ, — то тогда работа эта болѣе чѣмъ тяжела. И такъ, сказала она, добродушно улыбаясь, — вы видите, что я не имѣю права одобрить этого. И она вышла изъ комнаты въ сопровожденіи сестры.

Мэтью прервалъ наконецъ молчаніе, наблюдаемое имъ болѣе получаса.

— Я думалъ, что вчерашняя поѣздка будетъ послѣднею, мистеръ Сайнэтъ, сказалъ онъ серьезно; — но въ виду того, что мой внезапный отказъ ставить васъ въ затруднительное положеніе, я согласенъ исполнять эту обязанность до конца года, для того, чтобы этимъ дать вамъ время найти другаго.

— Положимъ, что это все-таки нѣскольکو лучше, чѣмъ такой быстрый отказъ, ворчалъ мистеръ Сайнэтъ, — полглѣба лучше, чѣмъ ничего; и такъ, до 31 декабря, да?

— Компромисъ — это душа дипломатіи, весело замѣтилъ дядя

Стэфенъ.—Выпьемъ же тостъ за рѣшеніе. Матью, наливай мистеру Сайнэту.

Затѣмъ разговоръ опять перешелъ на перджитерскіе бриліанты, о цѣнности которыхъ ювелиръ распространялся съ обычнымъ пафосомъ, между тѣмъ, какъ дядя Стэфенъ относился къ нимъ совершенно небрежно.

— По моему, говорилъ онъ,—рѣдкость сама по себѣ не составляетъ цѣнности, хотя, сознаюсь, что это не общее мнѣніе. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Китаю рассказываетъ намъ, напримѣръ, что гдѣ-то внутри страны, въ числѣ предметовъ, входившихъ въ великолѣпную колезцію фарфоровъ, онъ нашелъ простую черную пивную англійскую бутылку. Также я никогда не восхищался знаменитымъ бюстомъ Людовика XIII, сдѣланнымъ изъ опала, и единственный въ своемъ родѣ, но на который я смотрю, какъ на вещь неразумную, даже бессмысленную, гдѣ и работа, и матеріалъ равно пропадаютъ даромъ.

— Ужь этого я не знаю, мой дорогой сэръ, сказалъ мистеръ Сайнэтъ,—однако замѣчу, что и въ самой англійской коронѣ едва-ли найдутся такіе цѣнные бриліанты, каковы перджитерскіе.

— Это зависитъ отъ того значенія, какое вы придаете слову цѣнность, замѣтилъ дядя Стэфенъ.—Если, напримѣръ сафиръ, находящійся на крестѣ короны, дѣйствительно вынуть изъ знаменитаго кольца Эдуарда исповѣдника, тогда онъ одинъ по моему стоитъ дороже всей парюры миледи; но, оставивъ его въ сторонѣ, такъ какъ достовѣрность его нѣсколько сомнительна, неужели же не допустить, что рубинъ, находящійся въ самомъ центрѣ креста, тотъ самый, который носилъ нашъ Генрихъ V во время ажинурскаго сраженія, не имѣетъ цѣнности, огромной цѣнности, и совершенно независимо отъ своего значенія, какъ драгоценный камень.

Мистеръ Сайнэтъ покачалъ головою.

— Конечно, сказалъ онъ,—что ни говори, а рубинъ все останется рубиномъ, кому тамъ онъ ни принадлежи, леди ли Перджитеръ, или хоть самому Генриху V, и судить его слѣдуетъ по его собственнымъ достоинствамъ. Что касается меня, заключилъ онъ,—я въ этихъ дѣлахъ чистѣйшій радикалъ, подобно вашему племяннику, и не вижу никакой пользы, а напротивъ цѣлую массу пустословія во всѣхъ вашихъ генеалогіяхъ.

— Хорошо, сказалъ дядя Стэфенъ;—какъ доказательство непреложности вашей теоріи стали ли бы вы утверждать, напримѣръ, что найдись сегодня-завтра та самая скрижаль, на ко-

торой, какъ говорятъ, писаны изрѣченія гнѣва и милости самаго Іеговы, драгоценные камни, изъ которыхъ она составлена, какъ бы оцѣнились вами, спрашиваю я? пошли ли бы они по той же цѣнѣ, какъ камни относительно равной величины, продаваемые вами въ Паулетстритѣ?

— Да что толку объ нихъ говорить, мистеръ Дергамъ; гдѣ ужъ ихъ найти.

— А я такъ могу васъ увѣрить, сэръ, что они найдутся, энергично проговорилъ дядя Стѣфенъ.—Помните, что они несокрушимы, и, какъ сообщаетъ намъ одна извѣстная личность, знающая касательно этого несравненно болѣе насъ съ вами, они, по всѣмъ вѣроятіямъ, теперь хранятся въ какой нибудь сокровищницѣ одной изъ персидскихъ столицъ, и вѣроятно когда нибудь перейдутъ, въ видѣ военной добычи, въ руки одного изъ солдатъ царя.

— Ахъ, кабы они попались въ мои руки! сказалъ мистеръ Сайнэтъ, потирая себѣ руки отъ такой пріятной мысли.—Вотъ именно такимъ-то образомъ былъ приобрѣтенъ бриліантъ Питтъ, и за сущій безцѣновъ. Вотъ была бы славная афера!

— Такъ какъ я вижу, что вы въ настоящую минуту предпочитаете разговоръ вину, сказалъ дядя Стѣфенъ довольно рѣзко (ювелиръ неумѣлою рукою коснулся его большого мѣста),—не пойдемъ ли мы теперь къ дамамъ.

И мистеръ Сайнэтъ въ самомъ благодушномъ настроеніи духа, не смотря на нѣсколько недовольный видъ хозяина, побрелъ за нимъ въ гостиную, гдѣ была для него еще большая приманка, чѣмъ самъ мистеръ Дергамъ, знаніемъ и любезностію котораго онъ такъ искренно восхищался.

— Миссъ Тэрло, сладостно лепетала взволнованный чело-вѣчекъ, сидя нѣсколько позднѣе возлѣ нея и перелистывая фотографическій альбомъ;—я никогда не забуду этого пріятнаго вечера.

— Будьте увѣрены, мистеръ Сайнэтъ, что и мы будемъ вспоминать о немъ съ равнымъ удовольствіемъ, вѣжливо отвѣчала Эми.

— Нѣтъ, нѣтъ; я и не смѣю этого требовать, отвѣчалъ онъ;—но знаете, у меня до васъ маленькая просьба.

— Очень рада, мистеръ Сайнэтъ, если только могу чѣмъ услужить.

— Прошу васъ принять отъ меня этотъ древесный агатъ. Нѣтъ, могу васъ увѣрить, онъ никакой цѣнности не имѣетъ,

кромѣ той, что сумѣлъ заслужить вашу похвалу; я желаю лишь одного: смотря на него, вспоминайте иногда этотъ вечеръ.

Эми не знала смѣяться ли ей или сердиться на подобную выходку; при иныхъ условіяхъ она конечно отклонила бы подобный подарокъ, но это было сдѣлано такъ добродушно съ его стороны; въ тому же, отказавшись, она боялась этимъ оскорбить принципала своего зятя, повидимому въ настоящую минуту такъ къ нимъ расположеннаго, тѣмъ болѣе, что кольцо, какъ онъ увѣрялъ, не имѣло цѣнности.

— Но увѣряю васъ, мистеръ Сайнэтъ... говорила она.

— Прошу васъ—ни слова больше; не стоитъ благодарности, сказалъ онъ. Но, Боже мой, какъ уже поздно! Дорогая миссисъ Гельстонъ, время у васъ прошло для меня такъ скоро, что я и не замѣтилъ поздняго часа. Я думаю, мой экипажъ уже давно здѣсь; въ тому же я васъ такъ всѣхъ задерживаю.

— Нѣтъ, нѣтъ; въ этомъ случаѣ вы не похожи на леди Перджитеръ, сказала Сэбей, смѣясь;—но не смѣемъ васъ упрямить.

Мистеръ Сайнэтъ распростился самымъ дружелюбнымъ образомъ.

— Боже мой, вздыхала Сэбей, когда Мэтью вернулся проводивъ гостя:—я такъ рада, что все это кончилось; ну, а какъ сошло, ничего?

— Восхитительно, сказалъ смѣясь мистеръ Дергамъ.—Надѣюсь, что я достаточно говорилъ о лавкѣ, чтобы ему понравиться.

— Вы вели себя въ совершенствѣ, дядя, воскликнула Сэбей, цѣлуя его,—и я увѣрена, что мистеръ Сайнэтъ считаетъ васъ совершенствомъ; въ чемъ я съ нимъ, впрочемъ, совершенно согласна.

— Да нѣтъ же! это твоя сестра его такъ очаровала, а не я, сказалъ мистеръ Дергамъ.

— Правда, правда, говорила Сэбей смѣясь.—Я увѣрена, будь только здѣсь мистеръ Барло, онъ ужасно бы ревновалъ ее. И надо сознаться, что Эми старалась-таки ему понравиться.

— Какъ тебѣ не стыдно говорить это! сказала Эми краснѣя.—Конечно, я была принуждена обходиться съ нимъ вѣжливо; но и онъ, съ своей стороны, былъ очень внимателенъ; онъ даже далъ мнѣ или тебѣ, не знаю право кому изъ насъ двухъ, Сэбей, какъ воспоминаніе о сегодняшнемъ пріятномъ вечерѣ, этотъ древесный агатъ.

— О, прелесть! воскликнула Сэбей въ порывѣ восторга.

— По моему, не слѣдовало бы брать его кольца, Эми, серьезно замѣтилъ Мэтью.

— Дорогой Мэтью, что же я могла сдѣлать? Мнѣ даже и въ голову не пришло посмотрѣть на этотъ подарокъ, какъ на кольцо; онъ все называлъ его только «древеснымъ агатомъ». Неужели же я поступила опрометчиво? Онъ увѣрялъ меня, что вещь эта не имѣетъ никакой цѣнности.

— Да не въ томъ дѣло, говорилъ Мэтью.

— Но я не вижу здѣсь ничего дурнаго, съ жаромъ вступилась Сэбей;—зачѣмъ ты такъ тревожишь Эми. А что скажетъ дядя Стэфенъ?

— Я совершенно увѣренъ въ томъ, что мистеръ Сайнэтъ не придастъ этому того значенія, какое ты предполагаешь, отвѣчалъ дядя.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, замѣтилъ Мэтью, вообще очень довѣрливый сужденіямъ дяди.—Во всякомъ случаѣ вся ошибка на сторонѣ самого мистера Сайнэта; онъ слишкомъ многое себѣ позволилъ.

— Тѣмъ не менѣе все сошло такъ благополучно, что я все-таки рада тому, что онъ былъ, сказала Сэбей.

— А я еще больше радъ тому, что онъ уѣхалъ, отвѣтилъ Мэтью, далеко неуспокоившійся. И онъ ушелъ курить свою вечернюю трубку.

— Что касается меня, сказала Сэбей,—то новый знакомый нашъ нравится мнѣ больше, чѣмъ я предполагала. Съ нимъ почти та же исторія, что съ некрасивымъ утенкомъ въ рассказѣ Андерсона, который оказался не утенкомъ, а лебедемъ.

— А, по моему, онъ скорѣе похожъ на лебеденка, который оказался гусемъ, сказала Эми, беря свою свѣчку.

— Какая черная неблагодарность, говорила Сэбей, весело смѣясь, затѣмъ продолжала:—не думай объ этомъ, это пустяки! Мэтью ужасно предубѣжденъ противъ него, иначе онъ не напелъ бы, что кольца не слѣдовало брать.

— Я сержусь только на себя, сказала Эми.—Я завтра же ему отошлю это кольцо обратно.

— Не совѣтую этого дѣлать, спокойно замѣтилъ дядя Стэфенъ,—это было бы придавать слишкомъ большое значеніе пустякамъ.

— Вотъ видишь: дядя совершенно правъ; прошу тебя, Эми, не думай больше объ этомъ. Спокойной ночи, моя голубушка! Затѣмъ, обращаясь къ мистеру Дергаму, Сэбей продолжала:—Какъ я благодарна вамъ, дядя, за вашъ добрый совѣтъ сестрѣ; она, бѣдная, очень озадачена поступкомъ нашего гостя. Я такъ рада, что, по вашему мнѣнію, мистеръ Сайнэтъ не придавалъ

своему подарку значеніе кольца, что, конечно, было бы неловко; но, скажите, о чемъ вы смѣтаетесь?

— Я смѣялся мысли, что Бэрло и Сайнэтъ могли бы быть соперниками.

— О, дядя Стэфенъ, какъ можете вы говорить это! Конечно, подобная идея не могла придти въ голову мистера Сайнэта; вы же сами говорите, что онъ бралъ во вниманіе не кольцо, а только агатъ.

— Въ томъ-то и дѣло, возразилъ тотъ серьезно,—онъ думалъ о томъ, что я говорилъ за обѣдомъ; а именно, что древесный агатъ имѣетъ способность возбуждать любовь въ женщинахъ. Вотъ онъ и далъ его Эми, надѣясь, что это предположеніе, чего добраго, оправдается въ его пользу.

— О, дядя Стэфенъ, какое ужасное предположеніе! Надѣюсь, что вы не свяжете этого Мэтью; это его страшно разсердить.

— Дорогая моя Сэбей, многозначительно сказалъ старикъ, —я хорошо знаю, что я сѣдъ, какъ гусь; боюсь, что и печень моя такая же; относительно, непропорціональная, какъ у этого милаго животнаго; но я все-таки не гусь. Спокойной ночи, моя дорогая!

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Гайбла Мьюсь.

Человѣкъ, искренно убѣжденный въ томъ, что знаетъ Лондонъ (причемъ я, конечно, подразумѣваю только Уестэндъ, т. е. западную часть его, такъ какъ особенной чести не дѣлаетъ знакомство съ Сити), можетъ оказаться въ полнѣйшей неизвѣстности относительно Гайбла Мьюсь Бромптона. Участокъ этотъ вообще принадлежитъ къ числу фешенебельныхъ, и хотя онъ нѣсколько легкаго свойства, что касается нравовъ, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы онъ оставался неизвѣданною стравою для всѣхъ, хвастающихся знакомствомъ съ столицею. Однако небольшой рядъ жилищъ, о которыхъ я упоминаю въ далнюю минуту, хотя и лежащій въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ шумной толпы, до того хорошо сокрытъ, что можетъ легко ускользнуть отъ самаго пытливаго глаза. Дома тамъ все двухъ-

этажные, отдѣленные одинъ отъ другаго узенькими проходами, а въ ихъ нижнихъ этажахъ обыкновенно жительствоуютъ четвероногіе и не исключительно только лошади, но и коровы. Хотя, въ послѣднемъ случаѣ, если-бы вамъ пришлось, на примѣръ, внезапно и неосторожно высунуться изъ окна нижняго этажа, и вашъ визави вдругъ сдѣлалъ бы тоже, вы неминуемо пришли бы въ болѣе близкое соприкосновеніе съ его рогами, чѣмъ это можетъ быть приятно, но съ другой стороны подобное сосѣдство имѣетъ и нѣкоторое удобство, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, оно нѣсколько благовоннѣе, нежели сосѣдство лошадей.

Я слишкомъ остороженъ и слишкомъ хорошо знаю своихъ соотечественниковъ, чтобы позволить себѣ хоть одно невыгодное слово касательно этого благороднаго животнаго, составляющаго для многихъ изъ нихъ истинный предметъ обожанія; скажу только, что не очень-то приятно, и въ особенности лѣтомъ, жить въ слишкомъ близкомъ отъ него сосѣдствѣ. Я, конечно, слышалъ отъ весьма компетентныхъ лицъ, что букетъ отъ него очень здоровъ; но, подобно большинству полезныхъ для здоровья вещей, онъ не совсѣмъ-то приятенъ; къ тому же сосѣдство это несомнѣнно изъ беспокойныхъ. Положимъ, что трудно требовать отъ лошади, чтобы она снимала свои подковы, отправляясь на покой; но шумъ, производимый ими, ночью въ особенности, почти непрерывенъ и крайне несносенъ.

Миссисъ Рутерфордъ, жена честнаго Джона, обитавшая надъ тремя подобными благородными животными, составила себѣ свою собственную теорію относительно ихъ способа спанья; она воображала себѣ, что они спятъ, стоя всегда на трехъ ногахъ, и, черезъ неопредѣленные промежутки времени, подставляютъ и четвертую, въ видѣ отдохновенія для трехъ остальныхъ, приблизительно тѣмъ же способомъ, какимъ во Франціи играютъ въ вистъ съ болваномъ. Ее собственно тревожила не особенность этого способа, а частыя переставленія, въ которыхъ прибѣгалось при его выполненіи, и нерѣдко, лежа около безмятежно спавшаго мужа, она ихъ проклинала и посылала ко всѣмъ чертямъ. Для честнаго Джона, равно какъ и для всякаго существа мужскаго пола, обитавшаго въ Гайбла Мьюсь, лошади имѣли значеніе и нравственное, и матеріальное, до того сильное, что въ сравненіи съ нимъ было ничтожно значеніе самаго бѣлаго браминскаго быка въ его родной странѣ. Положимъ, что онъ имъ не поклонялся; но они, въ соединеніи съ его кѣбами, составляли всѣ его средства къ существованію, и потому всѣ стремленія и мысли его несравненно болѣе вращались

вокруг нихъ, чѣмъ вокругъ всего человѣчества и всего остальнаго міра вообще. И ничего въ этомъ не было удивительнаго, такъ какъ каждый житель Гайблы Мьюсь, въ буквальный смыслъ этого слова, вдыхалъ лошадиный запахъ, обонялъ его и всасывалъ его всякою порою; на женщинъ, однако, это не имѣло того же моральнаго дѣйствія. Какъ общее правило, лошади представлялись имъ единственно тварями, отнимавшими у мужей ихъ немало ночныхъ часовъ и причинявшихъ имъ къ тому-же много денежныхъ потерь, вслѣдствіе пари на скачкахъ. Хотя, конечно, скаковыхъ лошадей у нихъ и не было, за то были свойственники и двоюродные братья таковыхъ, и подобныя-то родственныя лошадиныя отношенія нерѣдко заставляли всѣхъ поголовно мужскихъ обитателей Гайблы Мьюса, начиная отъ старшаго грума лорда Томноди и кончая Дикомъ Дартморомъ, водоначальникомъ у сосѣдней извозничьей биржи, слѣдить, хотя издали, за ходомъ дѣлъ на скачкахъ и даже принимать въ нихъ нѣкоторое косвенное участіе. Шептали и о томъ, что въ «Восходящемъ Солнцѣ», тамошнемъ угловомъ трактирѣ, къ которому бѣдный Дикъ прилипалъ какъ улитка втеченіи зимнихъ мѣсяцевъ, каждый могъ съ сповойнымъ духомъ внести въ нѣкое учрежденіе свои деньги, съ извѣстною надеждою на выигрышъ (если лошадь его выиграетъ), т. е. на полученіе ихъ обратно съ процентами, такъ какъ хозяинъ гостинницы былъ тертый калачъ, отлично понимавшій весь рискъ и всю отвѣтственность подобнаго учрежденія и вообще бывалый и изворотливый. Это былъ человѣкъ съ капиталомъ, женившійся на еврейкѣ миссъ Гайбелеръ, отецъ которой выстроилъ весь этотъ кварталъ и этимъ возмечталъ передать свое имя отдаленному потомству, только вслѣдствіе ли ошибки, или же сознательнаго измѣненія, въ силу красоты и музыкальности звука, но улица стала именоваться Гайблєю.

Вообще это было мѣсто не лишенное даже нѣкоторой живописности; тамъ, надъ конюшнями, или почти сплошныя открытыя галереи, на которыхъ дамы имѣли обыкновеніе проводить время за нитьемъ, когда позволяла это погода, окруженные резедою, настурціями и всевозможными цвѣтущими растеніями, до того, впрочемъ, пропитанными запахомъ лошади, точно всѣ онѣ выросли изъ нея; тамъ часто болтались и мужчины, бурая, отплеываваясь и перегибаясь черезъ перила, чтобы поболтать съ своими, менѣе счастливыми товарищами внизу, крахтѣвшими и согѣвшими надъ своими усталыми лошадьми и распригавшими

ихъ съ безконечными: «ну тебя, дуракъ! стой, что-ли!», перемежавшимися нетерпѣливымъ брыканьемъ и стукомъ копытъ.

Изъ всѣхъ мяскихъ обитателей самымъ счастливымъ и болѣе всѣхъ благословеннымъ свободнымъ временемъ былъ несомнѣнно мистеръ Джонъ Рутерфордъ; онъ обладалъ двумя лошадьми, такимъ же количествомъ кэбовъ, былъ избавленъ, какъ уже разъ объ этомъ намекалъ, отъ тяготы родительскихъ обязанностей, и въ тому же ночныя поѣздки съ «мистеромъ Мэтью» такъ хорошо оплачивались, что вообще ему не представлялось надобности, какъ всѣмъ остальнымъ, особенно утруждать себя. А безъ подобнаго стимула, т. е. безъ крайней необходимости, этотъ честный господинъ не очень-то любилъ утомлять себя работою; онъ всегда доказывалъ—и въ этомъ я съ нимъ совершенно согласенъ—что это было бы прямымъ возмущеніемъ противъ благости Провидѣнія.

И такъ, въ часы досуга онъ прохладился съ трубочкою или просматривалъ одну изъ спортменскихъ газетъ, хотя это дѣлалось (что, впрочемъ, я нерѣдко замѣчалъ и между джентльменами несравненно высшаго общественнаго положенія, читающими въ своихъ клубахъ французскія газеты) больше для того, чтобы внушительно подѣйствовать на окружающихъ, въ виду своихъ литературныхъ познаній, нежели изъ чувства личнаго удовольствія, получаемого отъ подобнаго занятія. Надо сознаться, что въ ранней юности воспитаніе его было нѣсколько заброшено, такъ какъ удовольствіе ставить западни зайцамъ и кроликамъ частенько-таки отвлекало его отъ посѣщенія сельской школы, и въ болѣе зрѣлыхъ годахъ за подобное упущеніе постигло его наказаніе; оно заключалось въ томъ, что всякій разъ, какъ онъ порывался просвѣтить себя какимъ-либо печатнымъ свѣдѣніемъ, это ему не обходилось безъ нѣкоторой усиленной гимнастики ума и соображенія, и всегда сопровождалось извѣстною довою униженія.

— Какой въ сегодняшней газетѣ интересный разсказъ о кулачномъ боѣ въ Ганлей, Сэлли, говорилъ онъ своей благовѣрной, сидѣвшей въ подобныхъ случаяхъ рядомъ съ нимъ на верандѣ, какъ она величала ихъ галерейку.

— Да? едва процѣживаетъ она и притомъ самымъ равнодушнымъ голосомъ, какъ-бы вся уходя въ свое вязанье.

— Это, я тебѣ скажу, замѣчательно интересно.

— Очень рада, Джонъ, что тебѣ нравится.

— Конечно, мнѣ онъ очень нравится; только я бы еще больше ими наслаждался, если-бы ты прочла мнѣ его вслухъ. Это

одна изъ вещей, которыя выигрываютъ при подобномъ чтеніи, а у тебя для этого голосъ самый подходящій, Сэлли.

— Т. е. ты хочешь сказать, Джонъ, что въ немъ слишкомъ много длинныхъ и неудобнопроизносимыхъ словъ. Ну ужъ такъ и быть, давай газету, хотя я твои вулачные бои такъ же мало долюбливаю, какъ и твоихъ скаковыхъ лошадей.

Такимъ образомъ, миссисъ Рутерфордъ довольно охотно дарила мужа своими чтеніями, однако ясно при этомъ показывая, что ее трудно было провести комплиментами на счетъ ее вокальныхъ способностей.

Будь эта дама нѣсколько моложе и нѣсколько менѣ цвѣта красной гвоздики, будь эта галерея съ садовою бесѣдкою въ далекой Италиі, а главное, будь это парочка нѣжныхъ любовниковъ,—это было бы совершеннымъ подобіемъ садовой сцены изъ «Франчески де-Римини». Какъ бы тамъ ни было, и не смотря на далеко невящую обстановку, и на то, что читалась не поэма, а просто описаніе вулачнаго боя, но сцена выходила все-таки довольно трогательная, по своей, какъ-бы сказать, семейственности; хотя Сэлли не столько наслаждалась этимъ чтеніемъ, сколько чтеніемъ какого-либо романа въ своемъ восресномъ листѣ, ее все-таки радовала мысль, что ученіе, влитое въ нее въ дни юности усердными стараніями миссисъ Тэрло, матерью Сэбей, въ торнтонской сельской школѣ, теперь давало ей возможность удовлетворять желаніямъ мужа и этимъ удерживать его отъ кутежа въ свободное время, а также вселяло въ немъ глубокое уваженіе къ ея знанію и талантамъ.

Такимъ-то образомъ сидѣли наши вѣрные супруги, наслаждаясь взаимнымъ счастіемъ и интереснымъ чтеніемъ, два дня спустя послѣ описаннаго выше обѣда въ Кевендиш-гровѣ, причемъ духовное наслажденіе, испытываемое ими, было на этотъ разъ сильнѣе обыкновеннаго, такъ какъ не только всѣ подробности призоваго куланнаго боя были изображены со всею драматическою силою и техническимъ совершенствомъ «нашего спеціального корреспондента» газеты «Фантазія», но въ рассказъ верался даже не всегда обычный элементъ—трагедія, такъ какъ одинъ изъ бойцовъ погибъ безвременно, бывъ пришибленъ сильнымъ ударомъ въ високъ. Смерть героя изображалась самыми трогательными штрихами, самыми яркими красками; но даже и это описаніе совершенно ступшеывалось передъ величественностью прощальнаго слова, произнесеннаго надъ покойнымъ. «Если возвышенность души способна придать вѣсь и значеніе человѣческому характеру, такъ писалъ спеціальнй корреспон-

дентъ,—или если человечество может возеять во всемъ своемъ блескѣ въ сердцѣ земнаго существа, то кто осмѣлился бы заявить большія права на эти несравненные качества? кто, если не нашъ знаменитый Билли Барло, достойный путнейскій боецъ?»

Миссисъ Рутерфордъ закончила чтеніе этихъ патетическихъ строкъ голосомъ, прерывавшимся и дрожавшимъ отъ внутренняго волненія, но, поднявъ глаза на свою аудиторію въ ожиданіи похвалъ и аплодисментовъ (что, впрочемъ, дѣлаютъ всѣ чтецы, даже самые скромные), она увидала, что вниманіе ея было сосредоточено на чемъ-то другомъ. Мужъ ея, перегнувшись черезъ перила галереи, пристально уставился на двухъ приближавшихся людей.

— Ну ужъ, нечего сказать! восликнула она въ негодованіи, отряхивая завязки своего чепца.

— И хотѣлъ бы я знать, каково это франта тащить съ собою Дикъ Дартморъ, Селли? совсѣмъ непослѣдовательно отозвался ея мужъ.

Селли была слишкомъ оскорблена подобнымъ невниманіемъ къ ея чтенію, чтобы удостоить его отвѣтомъ; но взоръ ея невольно обратился по тому же направленію и она, не безъ любопытства, стала осматривать приближающагося незнакомца. Это былъ тучный, коротконогій, приземистый мущина, не очень привлекательной наружности, и, хотя одѣтый хорошо и даже украшенный цѣпочкою и золотою булавкою, все-таки не подходившій подъ названіе франта. Однако, контрастъ между нимъ и его товарищемъ, одѣтымъ почти въ лохмотья и съ штиблетами, подвязанными скрученою соломкою, былъ достаточно силенъ. Видно было ясно, что мистеръ Ричардъ Дартморъ давно уже пошелъ, какъ говорится, ко всѣмъ чертамъ, между тѣмъ какъ одутловатое лицо и хищническій взглядъ втораго были доннынѣ единственными доказательствами того, что онъ уже вступилъ на ту же дорогу.

— Убей меня Богъ, Селли, продолжалъ взволнованный мистеръ Рутерфордъ,—если они не идутъ сюда, въ намъ! Хотѣлъ бы я знать, что они затѣваютъ?

— Да ужъ навѣрное что-либо безпутное, если одинъ изъ нихъ Дикъ Дартморъ, сухо отрѣзала его супруга.

— Помяни мое слово, Селли, это какая нибудь новая штука на счетъ скачекъ.

— А ты помяни мое слово, что Дикъ навѣрное тебя опять одурачить.

Миссисъ Рутерфордъ имѣла нѣкоторыя основанія не очень

то довѣрять «предварительнымъ сообщеніямъ» касательно лошадиныхъ качествъ, дѣлаемымъ ей мужу Дикомъ Дартморомъ. Какъ честный Джонъ и самъ не разъ сознавался въ минуты раскаянія, не будь только Дика и его частыхъ невѣрныхъ свѣдѣній, не одна пяти-фунтовая асигнація перешла бы въ его карманъ.

— Дженгльменъ этотъ желаетъ съ тобою поговорить, Джонъ, закричалъ Дикъ снизу. Голосъ его былъ сильный и слова нѣсколько заплетались, вслѣдствіе обильныхъ возліаній, поэтому, какъ-бы сознавая свою беспомощность и для подтвержденія своихъ словъ, онъ ткнулъ пальцемъ по направленію къ дженгльмену.

— Много чести, произнесъ Джонъ, приподнимая мѣховую шапку, которую онъ носилъ во всякую погоду и во всѣ времена года безъ различія.— Неудобно ли вамъ подняться, сэръ.

Пока раздавался на лѣстницѣ тяжелый стукъ шаговъ незнакомца, сопровождаемый знакомымъ шуршаньемъ и спотыканьемъ Дика, миссисъ Рутерфордъ быстро нагнулась къ мужу и шепнула ему:

— Мнѣ онъ что-то очень не нравится и я хочу послушать вашъ разговоръ, Джонъ.

Джонъ утвердительно кивнулъ головою или во всякомъ случаѣ не заявилъ своего несогласія; онъ былъ совершенно трезвъ, т. е. сговорчивъ, и хорошо зналъ, что если его супруга чего-либо захочетъ, то ужъ поставитъ на своемъ.

— Капитанъ Лингтонъ, отрекомендовалъ Дикъ, на минуту показываясь изъ внутренней комнаты вмѣстѣ съ своими соломенными подвязками, въ качествѣ церемоніймейстера, и затѣмъ быстро исчезая,—тотъ самый изъ Ньюмаркета, о которомъ ты уже слышалъ, Джонъ, добавилъ онъ изъ сосѣдней комнаты.

— Это мнѣ еще меньше нравится, ворчала про себя миссисъ Рутерфордъ; однако она присѣла и подставила гостю стулъ.

— Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, выдержать ли насъ троихъ эта галерея, замѣтилъ капитанъ, ступая нарочно какъ-бы съ боязнью,—мы всѣ, сударыня, не такъ-то легки, какъ были прежде.

— На этой верандѣ было уже не разъ и побольше троихъ, отрѣзала она, видимо недовольная намекомъ на ея полновѣсность, что было ей большимъ мѣстомъ; это ее окончательно утвердило въ намѣреніи не допускать Джона бесѣдовать съ нимъ наединѣ.

— Очень хорошо, сударыня; такъ мы ужъ рискнемъ, весело

сказалъ незнакомецъ. — Я пришелъ къ вашему мужу съ однимъ вопросомъ, а имя мое ему, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно.

— По-наслышкѣ-то я васъ знаю, сэръ, сказалъ Джонъ, — Дикъ часто о васъ говорилъ. Онъ служить у васъ, не правда ли?

— Ну, этого сказать нельзя, смѣялся капитанъ. — Онъ, правда, иногда исполняетъ для меня маленькія порученія на свачкахъ.

— Онъ вашъ агентъ? прямо, не стѣсняясь, заявила миссисъ Рутерфордъ.

— Пожалуй что и такъ, сударыня; онъ иногда работаетъ на меня, занимаясь этой полезной дѣятельностью. Теперь, впрочемъ, плохія времена; мы, по обыкновенію, ждемъ весны, чтобы поправить свои дѣлишки.

— А! протянула она очень выразительно и многозначительно, и притомъ такъ враждебно взирала на капитана, что тотъ отбросилъ всѣ попытки заслужить ея расположеніе и потому обратился опять къ мужу.

— Вы ѣздите съ кэбомъ, не правда ли, мистеръ Рутерфордъ?

— Я ѣзжу съ двумя кэбами, сэръ, отвѣчалъ этотъ джентльменъ не безъ нѣкотораго достоинства, — съ двухъ-колеснымъ и съ четырехъ-колеснымъ.

— Да не съ двумя же заразъ, смѣялся капитанъ. — Однако я слышалъ, что кэбы ваши прекрасны, совсѣмъ не то, что обыкновенные извожичьи, у васъ ихъ вѣрно нанимаютъ на особые, исключительные случаи?

— Я ѣзжу только по одному особому найму, отвѣчалъ Джонъ все еще нѣсколько неохотно, такъ какъ онъ не очень-то долбилъ шуточки насчетъ своей собственности, боторою онъ очень гордился.

— Ну, я думаю, что вы не отказались бы и отъ втораго порученія, будь только цѣна подходящая; вѣдь вы привыкли къ ночной работѣ, неправда-ли?

— Да, я выѣзжаю иногда и ночью, но только по одному исключительному дѣлу.

— Да, да, я знаю, сказалъ капитанъ небрежно, бросая окурокъ своей сигары и закуривая новую, — вы ѣздите въ Мурстритъ; я нѣсколько знакомъ съ сэрромъ Чарльсомъ; его Артемиза прехорошенькая кобыла, мистеръ Рутерфордъ.

— И вы совершенно правы, сэръ. Хотя я самъ ее и не видѣлъ, но говорятъ... и онъ уже собирался понизить голосъ, для того, чтобы начать обсужденіе «секрета всѣмъ извѣстнаго», т. е. разныхъ достоинствъ хорошаго скакуна, какъ вдругъ

остановился, уставая на жену, глядѣвшую сзади на капитана испуганно и крайне недовѣрчиво.

Капитанъ обернулся, ища глазами причину замѣшательства честнаго Джона, но миссисъ Рутерфордъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уткнулась въ свое вязанье и только энергично размахивала спицами.

— Вы совершенно напрасно опасаетесь сообщать мнѣ что-либо про Артемизу, сказалъ гость съ улыбкою.—Тѣмъ болѣе, что я, съ своей стороны, имѣлъ бы и вамъ сообщить кое-что. Впрочемъ мы побесѣдуемъ объ этомъ въ другой разъ. И такъ, вы говорите, что поѣздки въ Мурстритъ васъ часто задерживаютъ до глубокой ночи.

— Совсѣмъ я этого не говорилъ, сказалъ Джонъ угрюмо.

— Не говорили? О, такъ это вѣроятно говорилъ мнѣ самъ сэръ Чарльсъ. Признаюсь, такія поѣздки зимою должны быть не особенно-то пріятны, хотя и вучеру миледи приходится не лучше вашего. Такъ, до котораго это часу она васъ изволитъ мучить, т. е. въ которомъ это часу приходится вамъ къ ней являться?

Иглы миссисъ Рутерфордъ вторично остановились, но на этотъ разъ она высоко подняла одну изъ нихъ, какъ-бы призывая къ молчанію.

— Въ различные часы, отвѣчалъ Джонъ, спокойно покуривая свою трубочку.

— О, понимаю, сказалъ капитанъ;—вѣдь женщина само непостоянство. И вѣдь вамъ далеко приходится ѣхать отъ мистера... мистера Гельстона; гдѣ это, говорилъ мнѣ сэръ Чарльсъ, живетъ онъ.

Опять поднимается игла и на этотъ разъ въ видѣ самаго явнаго предостереженія.

— По дорогѣ въ Бейсуатеръ, отвѣчалъ Джонъ ни мало не смущаясь.

— Ну, поѣздки, о которыхъ я хочу съ вами уговориться, не такъ отдаленны. Плату вы назначите сами, я вполнѣ полагаюсь на вашу добросовѣстность; а пока, чтобы вы видѣли, что я не шучу, прошу васъ принять этотъ маленькій задатокъ. И онъ поднялъ золотую монету въ полфунта, держа ее между большимъ и указательнымъ пальцемъ.

Джонъ посмотрѣлъ на жену, но такъ какъ предостерегательнаго знака не воспослѣдовало, то онъ очень охотно взялъ монету, поблагодаривъ капитана.

— Прекрасное у васъ здѣсь мѣсто, миссисъ Рутерфордъ,

сказалъ гость, оборачиваясь къ ней и понюхивая воздухъ, для него впрочемъ дѣйствительно пріятный, такъ какъ конюшня была всегда какъ-бы родною его атмосферою.—Какъ ваша улица удобна и безопасна, напримѣръ, для дѣтскихъ игръ.

— Ну, это намъ безразлично, замѣтилъ Джонъ, посмѣиваясь,—такъ какъ у насъ дѣтей нѣтъ.

— Оно и отлично, продолжалъ капитанъ ни мало не сконфузившись, вслѣдствіе своей маленькой ошибки.—Я и самъ, признаюсь, всегда боялся семейныхъ заботъ и хлопотъ. И такъ, вы скоро обо мнѣ услышите, мистеръ Рутерфордъ. Доброга вечера, сударыня.

Миссисъ Рутерфордъ встала и присѣла.

— Морскіе рачки и брукресъ, говорилъ капитанъ покровительственнымъ тономъ, когда, въ сопровожденіи Джона, онъ проходилъ черезъ ихъ маленькую гостиную, гдѣ уже былъ накрытъ чайный столъ.—Какъ это на видъ аппетитно, я обожаю морскихъ рачковъ.

— Такъ скушайте одного или хоть полдюжины, если угодно, угощай Джонъ.

— Нѣтъ, покорно благодарю; я бы съ величайшимъ удовольствіемъ, только я еще не обѣдалъ. Какая у васъ прекрасная лѣстница, только жаль что немного крута. Доброга вечера, Джонъ.

И капитанъ съ достоинствомъ запагалъ по улицѣ, направляясь въ болѣе фашенебельную часть квартала.

— Ну, что-жъ ты объ этомъ думаешь, Сэлли? освѣдомился мистеръ Рутерфордъ, горя нетерпѣніемъ услышать мнѣніе жены относительно ихъ неожиданнаго гостя и причины его посѣщенія.—Что скажешь ты про нашего друга капитана?

— А я думаю, во первыхъ, что онъ обманщикъ, отвѣчала она;—«обожаютъ рачковъ», такъ я и повѣрю этому, «и какая у васъ прекрасная лѣстница—только немного крута»; а по моему, не мѣшало бы ей быть еще круче, чтобы онъ себѣ шею сломилъ.

— Однако онъ все-таки далъ намъ полфунта, вступился Джонъ.

— Деньги эти все равно бы намъ достались такъ или иначе, логично доказывала она.—Помяни мое слово, Джонъ, у чловѣка этого недоброе на умѣ; и зачѣмъ, напримѣръ, было ему разузнавать, въ какіе часы ты бываешь въ Мурстритъ и гдѣ живетъ мистеръ Мэтью.

— Да я думаю, что ему просто хотѣлось узнать, когда я свободенъ и, слѣдовательно, когда могу взяться за его порученія.

— Какой однако ты дуракъ, Джонъ! перебила его миссисъ Рутерфордъ.— Впрочемъ я тебя, пожалуй, еще больше за это люблю; только тебя ужь очень-то легко провести. Не расположись я только здѣсь съ своимъ визаньемъ, я увѣрена, что ты бы все ему выболталъ.

— Да ему все раньше было извѣстно, защищался Джонъ, сознавая свою слабость и чувствуя, что возраженіе его не выдерживаетъ критики.

— Неправда! Онъ зналъ очень немногое и ему захотѣлось узнать побольше. И ужь какая же ты простота, Джонъ! Каба твоего ему совсѣмъ не нужно, понимаешь?

— Такъ что-же, скажи мнѣ на милость, Сэлли, что же ему нужно?

Миссисъ Рутерфордъ таинственно наклонилась къ нему, положивъ свои жирныя руки на свои жирныя колѣни, и не безъ торжественности шепнула:

О томъ, что ему нужно, онъ не сказалъ ни полслова; онъ слишкомъ уменъ для этого, и въ разговорѣ даже ни разу не упомянулъ о нихъ, а между тѣмъ они-то ему и нужны, они—бриллианты леди Перджитеръ!

Если миссисъ Рутерфордъ ожидала похвалъ за свою проницательность или даже изумленія ея геніальному открытію, ей суждено было жестоко ошибиться; быть можетъ, мужъ ея находилъ, что и безъ того слишкомъ часто приходилось допускать превосходство ея умственныхъ способностей, а можетъ быть предметъ, о которомъ она говорила, слишкомъ давно занималъ его собственное мышленіе, такъ что никакой намекъ на него не былъ въ состояніи возбудить въ немъ удивленіе.

— Нужны ему? вотъ какъ! отвѣтилъ онъ, во всякомъ случаѣ, крайне спокойно.— Да я думаю, что они помимо его и другимъ бы пригодились, да только ужь если они кому достанутся, то развѣ одному; другимъ же придется безъ нихъ обойтись.

— Джонъ, воскликнула его жена съ неподдѣльнымъ ужасомъ,— что ты этимъ хочешь сказать? о чемъ ты думаешь?

— Думаешь? Да развѣ дуракъ умѣетъ думать? Джонъ, конечно, ни мало не воображалъ, что, отвѣчая такимъ образомъ своей женѣ, онъ подражалъ сэру Чарльзу Перджитеру при тѣхъ же условіяхъ.— Только ужь я знаю про то, что знаю.

Произнеся это таинственное изрѣченіе, онъ вытряхнулъ золу изъ своей трубочки и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на чай, на морскихъ рачковъ и на свою негодующую Сэлли, спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Сколько могу я за нихъ получить?

Какой-то умникъ сказалъ однажды, что нѣтъ богача, который бы не порадовался тысячи фунтамъ; вѣрно, по крайней мѣрѣ то, что всякій поморщится, когда приходится выплачивать подобную сумму. Да и вообще, чѣмъ человекъ богаче, тѣмъ тяжелѣе ему разставаться съ своими деньгами; онъ настолько съ ними сродняется, что, отдавая ихъ, какъ-бы жертвуетъ частью самого себя; онъ это чувствуетъ, выплачивая даже свои собственные долги; каково же у него на душѣ, когда приходится платить чужіе!

И потому можете себѣ представить состояніе духа лэди Перджитеръ, когда въ одно прекрасное утро она получила ужасное письмо, заставшее ее еще въ уборной и гласившее о томъ, что ей приходится платить не одну тысячу, а цѣлыхъ двадцать, за игорные долги мужа. Правда и то, что она нѣсколько подозрѣвала объ ихъ существованіи; женись на ней, онъ откровенно намекнулъ ей о томъ, что онъ не совсѣмъ-таки свободенъ отъ подобныхъ обязательствъ, но далеко не подготовилъ ее къ такому размѣру. Онъ ей торжественно обѣщалъ не принимать больше никогда участія въ скачкахъ и не держать пари на лошадей, а между тѣмъ она имѣла достаточное основаніе предполагать, что по крайней мѣрѣ часть этихъ огромныхъ долговъ была сдѣлана въ послѣднее время; помимо-же самого существованія долговъ ее ужасно огорчала мысль о томъ, что онъ обманулъ ее. И не потому, чтобы лэди Перджитеръ въ принципѣ такъ любила правду и ненавидѣла ложь, а только потому, что обманута была она сама. Она, конечно, въ душѣ считала вполне справедливымъ совсѣмъ отказаться отъ уплаты мужниныхъ долговъ, тѣмъ болѣе, что ея деньги были совершенно и исключительно въ ея полномъ распоряженіи. Но она хорошо знала, что не заплати она долги—и сэръ Чарльсъ опозоренъ, а это не могло не отозваться и на ней. Будь, напри- мѣръ, возможность какъ нибудь втихомолку упрятать его хоть въ тюрьму, будь что либо въ родѣ Бастили и знаменитыхъ *lettres de cachet*, она бы не задумалась ни на минуту. Однако, при настоящемъ положеніи дѣла, оно не могло обойтись безъ огласки, и хотя, по ея мнѣнію, онъ вполне заслуживалъ этого,

но не было возможности засадить его въ тюрьму или объявить банкротомъ, такъ какъ это все были, такъ называемые, долги чести; а хотя понятія лэди Перджитеръ относительно чести равнялись понятіямъ Фальстафа, однако она знала, что пренебрегать ими нельзя.

Въ самомъ фактѣ существованія этихъ долговъ нельзя было сомнѣваться, такъ какъ письмо, со всѣми подробностями о суммахъ, было отъ адвоката ея мужа, съ припискою отъ него самаго. Сэръ Чарльсъ находился въ то время въ ихъ шотландскомъ имѣніи, она же еще была въ Лондонѣ. Письмо его было исполнено благородныхъ и хорошихъ чувствъ, но, къ сожалѣнію, было совершенно лишено нѣжныхъ выраженій. Онъ сознавался, что долги его далеко превышали даже его собственные ожиданія; онъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что принужденъ обращаться за помощью къ ней, и на такую значительную сумму, но прибавлялъ, что просить ее въ первый и послѣдній разъ.

Тонкія губы ея сложились въ презрительную улыбку, когда она дочитала это письмо; онъ упиралъ на то, что отказывается впредь отъ всякихъ пари, а между тѣмъ не упоминалъ ни единымъ словомъ относительно неисполненнаго обѣщанія. А между тѣмъ она все-таки ошибалась, такъ какъ сэръ Чарльсъ, не смотря на увѣренность въ противномъ честнаго Джона и нѣкоторыхъ другихъ, въ этомъ случаѣ не измѣнялъ своему слову. Пари на лошадей онъ совсѣмъ не держалъ, и не Артемиза, и никакой другой скакунъ не были его собственностью, хотя онъ и щедро вознаграждалъ себя карточною игрою и всевозможными иными азартными играми. Такимъ образомъ, въ буевальномъ смыслѣ слова, онъ все-таки не обманывалъ жену и утѣшалъ себя этою мыслью.

Во всякомъ случаѣ онъ не былъ сторонникомъ лжи или обмана, что ясно доказывало его холодное, форменное письмо. Когда мужу требуются 20,000, чтобы заплатить долги, и онъ обращается съ этою просьбою къ женѣ, то, конечно, не мѣшаетъ написать письмо полубезвѣе, начавъ его хоть словами: «Моя дорогая Юлія», между тѣмъ какъ онъ началъ свое словами: «Любезная лэди Перджитеръ», и окончилъ его немного любезнѣе.

У лэди Перджитеръ была горничная Пэтти Селвудъ, именовавшаяся обыкновенно прямо по фамиліи, подобно цѣру, и присутствовавшая въ минуту полученія этого крайне неприятнаго извѣстія. Это была высокая, красивая дѣвушка, нѣсколько

французскаго типа, съ выдающимися скулами, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, обыкновенно подновлявшимся раза два въ день, отлично постигшая всѣ слабости своей госпожи. Вообще жизнь ея была не изъ легкихъ, и была бы даже совершенно нестерпимою, не усвой она себѣ равно и на теоріи, какъ и на практикѣ, прекрасное правило самовознагражденія; за то ужъ когда миледи была не въ духѣ, то камеристкѣ ея, какъ любила себя величать Пятти, приходилось очень солоно, и изъ всѣхъ тяжелыхъ минутъ ея жизни, самыя тяжелыя были минуты, проводимыя ею утромъ, за туалетомъ леди Перджитеръ.

Миледи ни въ какое время дня не была привлекательна, но сходство ея съ лошадиною породою никогда не было такъ поразительно, какъ до совершенія ея туалета; къ несчастію, она сама сознавала это, т. е. она все-таки считала себя менѣе обаятельною до полудня, нежели послѣ него, и естественно ожесточаясь противъ подобнаго факта, вымѣщала свое огорченіе на горничной.

Впрочемъ, въ настоящую минуту, дѣла обстояли нѣсколько иначе. Несчастіе, обрушившееся на нее, было такъ велико, что подавляло въ ней чувство обычнаго раздраженія. Подобно прѣту, ее одолѣвало горе изъ горей, ненависть изъ ненавистей, и потому всѣ обычныя проявленія каприза и злобы были подавлены ими. Къ тому же, надо сознаться, что хотя у леди Перджитеръ лежалъ цѣлый ворохъ карточекъ внизу на ея малахитовомъ столѣ, однако истиннаго друга у нея не было ни единого, и потому, въ рѣдкихъ случаяхъ, подобныхъ сегодняшнему, когда являлась необходимость подѣлиться горемъ или довѣриться кому-либо, ей, волей-неволей, приходилось обращаться для этого къ своей горничной.

Любезный читатель, если ты находишь подобное поведение несовмѣстнымъ съ положеніемъ особы, подобной леди Перджитеръ, и даже неестественнымъ, то это доказываетъ только то, что ты крайне ошибаешься, вслѣдствіе своего незнакомства съ фешенебельнымъ обществомъ, и самъ принадлежишь къ «скромной серединѣ», какъ мы обыкновенно говорили еще въ Итонѣ. Есть масса женщинъ высшаго круга, настолько занятыхъ важными дѣлами, что онѣ положительно не имѣютъ времени дружить съ особами своего же пола; за то времени у нихъ достаточно въ продолженіи процесса одѣванья и раздѣванья.

Самымъ яснымъ доказательствомъ того, что ея госпожа находилась въ сообщительномъ настроеніи духа, было для Пятти

Сельудъ самое простое обстоятельство: она называла ее «Пэтти», вмѣсто обычнаго «Сельудъ».

— Пэтти, говорила она, пока молодая женщина расчесывала ея жидкія кудри, съ цѣлю выбрать на ея головѣ мѣстечко, куда бы помѣстить цѣлую коллекцію фальшивыхъ, — я несчастнѣйшая женщина.

— О, миледи, вы заслуживаете только счастья, говорила Пэтти занскивающимъ тономъ.

— Конечно, да; но на свѣтѣ нѣтъ ни справедливости, ни правды, ни чести, по крайней мѣрѣ нѣтъ всего этого въ муцинахъ, отвѣтила она съ горечью.

— Вы совершенно правы, миледи, вздыхала камеристка, желая этимъ выразить свое сочувствіе, равно какъ и намекъ на то, что и ей пришлось испытать обманъ и несправедливость со стороны мужскаго пола; однако она нѣсколько ошиблась, не рассчитавъ того, что огорченія всѣхъ остальныхъ смертныхъ въ сравненіи съ огорченіями богачей, все равно, что незначительный уколъ булавки.

— Молчите! что вы знаете объ этомъ? возразила миледи раздражительно. — Вы никогда не были разорены.

— Конечно, миледи, этого со мною не случилось, насколько мнѣ это извѣстно, осторожно замѣтила она.

— Вотъ видите ли, письмо это для меня означаетъ разореніе, или что-то очень схожее съ этимъ. Что бы вы сказали, если кто-либо написалъ вамъ письмо съ просьбою заплатить чьи-нибудь долги на сумму 20,000 фунтовъ?

— Боже мой, миледи! 20,000 фунтовъ!

Чтобы допустить мысль о возможности подобной уплаты, ей надо было сдѣлать слишкомъ большое усиліе воображенія; одно названіе подобной суммы совершенно ее ошеломило.

— Да, съ меня требуютъ именно эту сумму, и за что, какъ вы думаете, Пэтти?

Она, конечно, ожидала одного только отвѣта, «за игорные долги», но такъ какъ жизненная опытность Пэтти совсѣмъ не простиралась на подобныя дѣла, то она естественнымъ образомъ привела самый дорогой, знакомый ей предметъ. Разъ ей даже самой привелось издержать двадцать пять шиллинговъ на покупку браслета съ брейтонскими бриліантами.

— Я думаю, что за драгоцѣнные камни, миледи. Вы мнѣ какъ-то говорили, что ваше бриліантовое кольцо стоитъ столько или даже больше.

— Нѣтъ, Пэтти, не за драгоцѣнные камни. Но вдругъ она

задумалась; хотя у нея сперва родилось желаніе подѣлиться своимъ горемъ съ горничною, но намекъ на ея бриліанты обратилъ ея мысли совершенно въ другую сторону. Если необходимо, если неизбежно уплатить эту огромную сумму, то, можетъ быть, легче всего ей все-таки разстаться съ своею парюрою; конечно, она ей была невыразимо дорога, однако деньги были еще дороже. О денежныхъ дѣлахъ вообще она не имѣла ни малѣйшаго понятія, вслѣдствіе чего именно всѣ ея акціи, билеты и облигаціи и казались ей несравненно цѣннѣе и важнѣе, чѣмъ они были въ дѣйствительности, и продавать что-либо изъ нихъ казалось ей по меньшей мѣрѣ святотатствомъ.—Да, продолжала она, — бриліанты мои стоятъ еще дороже. Ихъ оцѣнили въ 25,000 фунтовъ; однако, сколько мнѣ помнится, отцу моему никогда не представлялось случая продать ихъ за ту цѣну, которую онъ самъ заплатилъ. Я сильно сомнѣваюсь выручать ли они теперь и 20,000 фунтовъ.

— Но, если я не ошибаюсь, вы говорили, миледи, сказала Пэтти,—что если мистеръ Старъ и Сайнэтъ потеряютъ ихъ, или если ихъ у нихъ украдутъ, то имъ придется заплатить 25,000 фунтовъ.

— Это правда, подтвердила миледи.—И было бы недурно, если-бы они потерялись или ихъ укралъ бы кто-либо.

— Да ужъ когданибудь ихъ навѣрное украдутъ, миледи, утѣшительно замѣтила Пэтти.

— Навѣрное украдутъ! воскликнула леди Перджитеръ, пораженная увѣреннымъ тономъ ея голоса.—Кто говорить, что ихъ украдутъ?

— Да рѣшительно всѣ, миледи. Положимъ, что ихъ очень берегутъ; но дѣло въ томъ... Здѣсь она вдругъ остановилась и совсѣмъ не потому, чтобы затруднялась въ выраженіяхъ, что съ нею вообще никогда не случалось, но потому, что госпожа ея перестала ее слушать.

— Это ужасно! вздыхала леди Перджитеръ послѣ продолжительнаго молчанія.—До чего мнѣ пришлось дожить, чтобы мысль о пропажѣ моихъ бриліантовъ могла быть мнѣ пріятною!

— А хорошо было бы и бриліанты прибечеръ, и деньги за нихъ получить! размышляла вслухъ Пэтти.

— Какъ? что такое? воскликнула миледи, на минуту ослѣпленная такою блистательною перспективою; но затѣмъ, соображая всю тщетность подобной мечты, она прибавила:—что за глупости вы говорите? Развѣ можно и съѣсть пирога, и все-таки имѣть его? Вы дурочка!

— Я только сказала, что это было бы хорошо, миледи, скромно пояснила Пэтти.

— Она просто идиотка, замѣтила леди Перджитеръ, смотря въ зеркало.—Теперь вы свободны, Сельудъ, и можете уйти.

Главная, всепоглощающая мысль, неотступно поселившаяся въ головѣ леди Перджитеръ и не покидавшая ее ни на минуту во время всей этой болтовни, была мысль о томъ, что мужъ ея задолжалъ двадцать тысячъ, которыя ей приходится выплатить. Но разъ освоившись съ этимъ фактомъ, и не смотря на все негодование и весь ужасъ, ее наполнявшіе, миледи была женщина слишкомъ прагматическая, чтобы сейчасъ же не подумать о средствахъ уплатить этотъ тяжелый долгъ, отъ котораго, какъ она ясно сознавала, не было возможности отказаться. Такъ какъ средствомъ самымъ подходящимъ представлялась ей продажа бриліантовъ, то естественно, что мысль о томъ, за сколько можетъ она ихъ пристроить, болѣе всего занимала ее въ данный моментъ. Она знала, что покойный отецъ ея не продалъ ихъ только потому, что не могъ получить за нихъ той цѣны, какую онъ назначилъ; но въ то же время она, хотя и нѣсколько неясно, однако сознавала и то, что цѣны на драгоцѣнные камни очень измѣнчивы, и что весьма возможно въ настоящее время получить за нихъ и всѣ двадцать пять фунтовъ. Къ кому же ей было обратиться за свѣдѣніями по этому предмету, какъ не къ самому мистеру Сайнэту.

Такимъ образомъ, ни сказавъ болѣе ни слова Пэтти о горѣ, ее постигшемъ, а можетъ быть сожалѣя и о связанномъ, что впоследствии вполне оправдалось, леди Перджитеръ велѣла подать карету и поѣхала въ Паулетстритъ.

Бриліанщика не было дома, но его ожидали въ скоромъ времени, и важную гостью повели въ гостиную, т. е. въ ту комнату, гдѣ занимался Мэтью Гельстонъ.

Онъ всталъ и поклонился. Леди Перджитеръ покровительственно и слегка кивнула ему, какъ кивнула бы нищему, благодарящему ее за грошъ, и вся погрузилась въ созерцаніе чашовъ съ кукушкою. Внезапно у нея мелькнула мысль, что этотъ «человѣкъ», какъ она обыкновенно величала родителя Мэджи и, можетъ быть, со временемъ великаго преобразователя повсемѣстной системы передвиженія, можетъ оказаться ей полезнымъ въ томъ отношеніи, что прямо назоветъ ей цѣну ея парюры, такъ какъ не имѣетъ расчета поступать иначе, между тѣмъ какъ его принципалъ навѣрное сбавитъ ее.

— А, между прочимъ, мистеръ... я забыла ваше имя.

— Гельстонъ, сударыня, спокойно замѣтилъ Мэтью.

— Да, да; вѣдь это вамъ поручены мои бриліанты, не правда ли? Видите ли, я желаю спросить васъ объ ихъ цѣнѣ, какъ человѣка, знакомаго съ этимъ предметомъ.

— Я всегда считалъ, сударыня, что цѣнность, опредѣленная мистеромъ Сайнэтомъ...

— О да, конечно, я это знаю, нетерпѣливо перебила она;— но вѣдь это только номинальная цѣна, назначенная, можетъ быть, съ цѣлью больше брать за ихъ сохраненіе. Вы этого не думаете? продолжала она, такъ какъ Мэтью пожалъ плечами и презрительно улыбнулся.—Такъ вы думаете, что они стоятъ свою цѣну, а можетъ быть и больше; такъ сколько же больше, скажите?

— Вы ошибаетесь, сударыня, я думалъ совсѣмъ не объ этомъ. Цѣнность—вещь вообще очень неопредѣленная, особенно относительно драгоцѣнныхъ камней; для человѣка, восхищающагося подобными предметами, ваши бриліанты будутъ несомнѣнно...

— Что за пустяки! злобно перебила ихъ владѣлица.—Кто не восхищается ими?

— Я хочу только сказать, что не всѣ равно ими восторгаются, что вкусы различны; но если мы даже допустимъ, что они нравятся всѣмъ одинаково, то далеко не всѣ имѣютъ средства покупать ихъ, такъ что цѣнность ихъ, съ практической точки зрѣнія, зависитъ отъ того, существуетъ ли или найдется ли исключительный на нихъ покупатель.

Леди Перджитеръ забарабанила пальцами по часамъ съ такимъ остервенѣніемъ, что будь кукушка не изъ сафировъ, она навѣрное бы сильно испугалась.

— Неужели такъ трудно отвѣтить прямо на прямой вопросъ? сказала она.— Допустимъ, наконецъ, что покупатель существуетъ; какъ вы думаете, не слишкомъ много спросить за нихъ 25,000 фунтовъ, по настоящей цѣнѣ бриліантовъ?

— Спросить столько, пожалуй, и можно, сударыня, сухо возразилъ Мэтью.—Вообще, когда дѣло касается такихъ дорогихъ предметовъ, съ той и другой стороны не обходится безъ уступокъ. Однако, вотъ самъ мистеръ Сайнэтъ, который несомнѣнно сообщитъ вамъ болѣе точныя и опредѣленныя свѣдѣнія, нежели я.

— Очень жалѣю, что заставилъ васъ ждать, леди Перджитеръ, сказалъ ювелирь, подходя къ ней съ любезною улыбкою.— Показывали ли вы миледи кукушку, Гельстонъ? продолжалъ онъ,

замѣтивъ, что рука ея касалась этихъ часовъ, и естественно предполагая, что они ей понравились.—Это чудо что за птичка!

— Я прѣѣхала совсѣмъ не изъ-за такихъ пустяковъ, высокомерно отвѣтила леди Перджитеръ.—У меня къ вамъ очень важное дѣло, касающееся моихъ бриліантовъ.

— Надѣюсь, что они въ цѣлости и сохранности, мистеръ Гельстонъ? рѣзко осведомился ювелиръ, хотя далеко не такъ повелительно, какъ прежде.

Надо замѣтить, что съ самаго дня поѣздки его въ Кэвендиш-гровъ, поведение его относительно Мэтью значительно измѣнилось къ лучшему; послѣдній подозрѣвалъ причину подобной перемѣны и, къ сожалѣнію, еще сильнѣе не влюбилъ этого джентльмена.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, что они, какъ вы выражаетесь, въ сохранности, строго замѣтила леди Перджитеръ;—цѣль моего прѣѣзда сюда слѣдующая: я желаю узнать, во сколько вы ихъ оцѣниваете?

— Во сколько я ихъ оцѣниваю? Такъ вы имѣете намѣреніе продать ихъ?

— Я совсѣмъ вамъ этого не говорила, сэръ; у меня есть особая причина, по которой мнѣ желательно узнать, сколько я могу за нихъ получить, если захочу продать.

— Вопросъ этотъ, милэди, весьма серьезенъ и требуетъ обсуждения. Найдись, напримѣръ, въ настоящую минуту очень богатая личность, желающая пріобрѣсти подобную парюру, она можетъ предложить и весьма значительную сумму; но подобные покупатели встрѣчаются не часто и выжидаются годами.

— Значить въ настоящую минуту подобная личность вамъ неизвѣстна?

— Нѣтъ, милэди.

— Ну, а если вы бы купили ее сами, какую цѣну согласились бы вы дать? Я обращаюсь къ вамъ, такъ какъ исторія ихъ вамъ хорошо извѣстна; если я не ошибаюсь, мой отецъ совѣтовался съ вами о нихъ.

— Это вѣрно, милэди. За нѣсколько лѣтъ до его смерти у насъ дѣйствительно велись касательно ихъ переговоры; но онъ спрашивалъ слишкомъ высокую цѣну, несоразмерно высокую. Несомнѣнно, что бриліанты очень хороши! Я тогда еще имѣлъ случай рассмотреть ихъ крайне внимательно; но торговля въ наше время далеко не улучшилась, скорѣе наоборотъ; боюсь, что мы не могли бы набавить ничего противъ тогдашней цѣны.

— А тогда вы ихъ оцѣнивали?

— Въ пятнадцать тысячъ фунтовъ.

— Пятнадцать тысячъ глупостей! воскликнула леди Перджитеръ.— Какъ же этотъ человекъ, вашъ помощникъ, сейчасъ только сознался мнѣ, что они стоятъ двадцать пять тысячъ!

— Извините, сударыня, замѣтилъ Мэтью:— вы спрашивали меня, можно-ли запросить подобную сумму съ покупателя, найдись подобный и будь онъ къ тому же исключительно богатъ; если вы не забыли, то я прямо отказался опредѣлить ихъ цѣнность и по весьма понятной причинѣ, а именно, что она самому мнѣ неизвѣстна.

— Во всякомъ случаѣ слова ваши и слова мистера Сайнэта совсѣмъ не сходятся, злобно возразила миледи.— Пятнадцать тысячъ, скажите пожалуйста! Такъ съ какой-же стати покойный отецъ мой заставилъ меня платить за ихъ сохраненіе какъ за сумму въ двадцать пять тысячъ?

Дѣйствительно въ своей духовной, покойный мистеръ Инготъ означилъ бриліанты цѣною въ двадцать пять тысячъ, обстоятельство всегда удивлявшее мистера Сайнэта, въ виду того, что хотя въ глазахъ завѣщателя они и могли имѣть подобную цѣнность, однако онъ далеко не былъ человекомъ, готовымъ безъ особаго принужденія увеличить доходъ своей страны въ ущербъ своего собственнаго дѣтища. Съ другой же стороны, разъ онъ зналъ, что не было возможности пристроить бриліанты по нѣскольکو подходящей цѣнѣ, да къ тому же что и дочери его не представлялось никакой надобности съ ними разставаться, такая высокая оцѣнка была даже благоразумна, хотя ей и приходилось платить за это дороже, такъ какъ уже одинъ этотъ фактъ подтверждалъ ихъ цѣнность и представлялъ такимъ образомъ лишнюю приманку жаждущимъ женихамъ.

Мистеру Сайнэту было нѣскольکو затруднительно все это объяснить самой леди Перджитеръ, такъ что онъ ограничился замѣчаніемъ, что вѣроятно мистеръ Инготъ руководился суровымъ и прямымъ чувствомъ долга, заставившимъ его оцѣнить свои бриліанты въ ту же цѣну, какая была опредѣлена оцѣночною комисіею.

— А между тѣмъ вы, которому все это извѣстно, отвѣчала леди Перджитеръ,— вы, ради вашихъ собственныхъ цѣлей, т. е. изъ-за полученія большей суммы за ихъ сохраненіе, всегда подтверждавшій это, теперь, когда я васъ спрашиваю, сколько вы за нихъ дадите? отвѣчаете—пятнадцать тысячъ фунтовъ. Значитъ, вы рассчитываете нажать на нихъ десять тысячъ. Что

послѣ того ростовщичество! Знайте, что я считаю ваше поведеніе крайне предосудительнымъ. И злостно подхвативъ на руку свой шлейфъ, такъ какъ миледи не хотѣла даже подмести имъ полъ такого сквернаго человѣка, она выплыла изъ магазина.

— Этого только не доставало! воскликнулъ негодующій ювелиръ;—она, дочь этого стараго чорта Ингота, и смѣетъ говорить мнѣ про ростовщичество! Изъ всѣхъ низкихъ, жадныхъ, подлыхъ жевщицъ—эта безъ сомнѣнія худшая.

— Надѣюсь, что послѣ сегодняшняго происшествія, она не удостоитъ насъ больше посѣщеніемъ, сказалъ Мэтью, вздохнувъ свободно.

— Не удостоятъ? И какъ еще удостоятъ. Какая нибудь причина заставляетъ ее продать свои брилліанты, и такъ какъ ей очень не хотѣлось бы продавать ихъ черезъ какую-либо другую контору, то она завтра же явится опять къ намъ; посмотримъ миледи, какъ-то легко достанутся вамъ эти деньги! Ростовщичество! Заплатите вы мнѣ за это!

(Продолженіе будетъ).

ОБЗОРЪ НАУЧНОЙ И УЧЕВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основанія физиологической психологіи. — Вильгельма Вундта. Перевелъ и дополнилъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Викторъ Кандинскій. Выпускъ первый 1880 г.; выпускъ второй 1881 г. Москва. Изданіе Н. А. Абрикосова.

Имя Вильгельма Вундта, какъ физиолога и психолога, пользуется, среди западно-европейскихъ ученыхъ, заслуженною извѣстностью. Его спеціальныя труды по нервной физиологіи и физиологической психологіи относятся къ числу выдающихся и капитальнѣйшихъ произведеній, какъ по разработкѣ фактовъ, такъ и по группировкѣ ихъ. Вундтъ не только физиологъ экспериментаторъ, но и физиологъ теоретикъ. Онъ не ограничивается одною лишь внѣшнею, описательною стороною изучаемыхъ фактовъ; напротивъ, онъ относится къ числу тѣхъ именно ученыхъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, которые очень хорошо понимаютъ, что «описаніе только тогда цѣнно въ научномъ отношеніи, когда въ основаніи его лежатъ извѣстные объяснительные принципы». Всѣ труды названнаго ученаго, какъ физиологическіе, такъ и психо-физиологическіе, проникнуты этимъ убѣжденіемъ. Рядомъ съ обстоятельною классификацію изучаемыхъ явленій, мы находимъ у него всегда болѣе или менѣе широкія обобщенія, попытку свести явленія къ основнымъ принципамъ современнаго естествознанія. Такимъ именно характеромъ отличается его общезвѣстный трудъ «Vorlesungen über die Menschen-und Thiersseele», изданный въ русскомъ переводѣ подъ именемъ «Душа человѣка и животныхъ»; такимъ

же характеромъ отличается и настоящій его трудъ: «Основанія физиологической психологiи», что придаетъ этому сочиненiю особенную цѣну.

Представить возможно полное и систематическое изложенiе психологiи, на основанiяхъ, выработанныхъ анатомо-физиологическими изслѣдованiями нервной системы—такова существенная задача названной книги Вундта. Въ этомъ отношенiи данный трудъ составляетъ первую попытку подробнаго приложениа физиологической точки зрѣнiя къ всестороннему изученiю всѣхъ многосложныхъ явленiй внутренняго, психическаго міра, первую попытку обстоятельной оцѣнки и характеристики этихъ явленiй, при содѣйствiи данныхъ, указываемыхъ строенiемъ и отправленiями нервной системы,—попытку соединенiа физиологiи и психологiи въ одну науку—психо-физиологiю. Основанiя къ такому соединенiю сами по себѣ весьма существенны, и одна уже надлежащая оцѣнка такихъ основанiй и ихъ точная характеристика въ трудѣ, посвященномъ изученiю психологическихъ явленiй, говорить въ пользу самаго труда.

Дѣло въ томъ, что хотя физиологiю и опредѣляютъ обыкновенно какъ науку, имѣющую своимъ предметомъ изученiе явленiй, извѣстныхъ въ совокупности подъ общимъ именемъ жизни, но въ эту «совокупность» не входитъ, однако, наиболѣе сложная группа жизненныхъ явленiй, характеризующихъ собою внутреннiй, психическiй міръ. Физиологiя изслѣдуетъ въ сущности далеко не всю совокупность явленiй жизни, а исключительно тѣ изъ нихъ, «которыя воспринимаются нашими внѣшними чувствами» и, обнимаютъ собою физическую природу жизни въ отличiи отъ ея духовной стороны. Изученiе послѣдней, какъ извѣстно, составляетъ предметъ психологiи, въ которой «человѣкъ непосредственно разсматриваетъ свой внутреннiй міръ и старается привести въ связь явленiя, представляемыя этимъ внутреннимъ міромъ».

Такимъ образомъ, физиологiя и психологiя имѣютъ въ сущности общiй предметъ: изученiе явленiй человѣческой жизни, и не смотря на то, почти до послѣдняго времени эти двѣ науки шли совершенно различными путями. А между тѣмъ разъ мы признаемъ истинность только что указаннаго подраздѣленiа,—не признать же его невозможно,—то должны будемъ допустить что ни физиологiя, какъ изучающая одну только внѣшнюю, физическую сторону человѣческой жизни, ни психологiя, имѣющая своимъ предметомъ изученiе одной только внутренней, психической стороны, ни та, ни другая порознь не въ

состояніи представить всестороннюю оцѣнку всей совокупности жизненныхъ явленій. Мало того, даже въ предѣлахъ своей задачи, такая всесторонняя оцѣнка становится невозможною, разъ объ названнаго отрасли знанія разрознены и не обнаруживаютъ ни малѣйшей попытки къ сліянію въ одно цѣлое.

«Какъ ни различно, повидимому, содержаніе нашей внѣшней и внутренней жизни, говорить Вундтъ, — тѣмъ не менѣе между тою и другою существуютъ многочисленныя точки соприкосновенія, такъ какъ на внутренней опытъ постоянно влияют внѣшнія воздѣйствія, и съ другой стороны, наши внутреннія состоянія являются опредѣляющими моментами относительно внѣшняго міра». Но къ какому же заключенію приводитъ признаніе этой, такъ сказать, двусторонней зависимости? Если внутренней, психическій міръ подвергнуть внѣшнимъ влияніямъ, то, само собою разумѣется, для надлежащаго пониманія этого внутреннего міра необходимо подробное изученіе этихъ внѣшнихъ влияній, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи; а подобное изученіе возможно только при содѣйствіи фізіологіи, именно, фізіологіи нервной системы. Но съ другой стороны, въ виду предъидущей зависимости, мы должны признать и обратное отношеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если вѣрно, что внутреннія, психическія состоянія являются опредѣляющими моментами относительно внѣшней, физической природы жизненныхъ явленій, изучаемой фізіологіей, то всестороннее пониманіе этой внѣшней природы необходимо предполагаетъ знакомство съ этими, опредѣляющими моментами, что возможно только при содѣйствіи психологіи.

И такъ, не только психологія невозможна безъ фізіологіи, но и обратно, психологическое знаніе составляетъ необходимое условіе для надлежащаго уясненія существенныхъ фізіологическихъ явленій, иначе—физической природы жизненныхъ феноменовъ. Въ пользу этого послѣдняго положенія, по сей день еще совершенно неопѣннаго, читатели найдутъ въ книгѣ Вундта многочисленныя и подробно разработанныя данныя, свидѣтельствующія самымъ несомнѣннымъ образомъ о существованіи тѣснѣйшей связи между психо-фізіологическими явленіями, — связи, для пониманія которой необходимо совмѣстное участіе фізіологіи и психологіи, необходимо соединеніе этихъ двухъ наукъ въ одну науку.

До послѣдняго времени о такомъ соединеніи не могло быть и рѣчи. Даже послѣ того, когда между явленіями внѣшней и

внутренней жизни были признаны известнаго рода соотношенія, относящіяся сюда проблемы входили исключительно въ область психологій; что же касается фیزیологій, то она «охотно сторонилась отъ тѣхъ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ существенную роль играетъ умозрѣніе».

Подобное искусственное обособленіе принесло свои плоды. Психологія впала въ одну крайность, ограничивъ свои изслѣдованія исключительно областью самонаблюденія; не смотря на вліянія вѣшняго міра, она чуждалась этою послѣдняго. Фیزیологія впала въ противоположную крайность: ограничивая свои изслѣдованія вѣшнею стороною жизненныхъ явленій, она готова была совершенно забыть внутреннюю природу ихъ. Каждая изъ этихъ наукъ рассматривала часть, какъ цѣлое, и неудивительно, если результаты не всегда получались удовлетворительные; неудивительно, если и понынѣ психологія пребываетъ въ младенчествѣ и мы находимъ въ ней столько-же разнообразныхъ, теорій сколько и изслѣдователей этого многосложнаго внутренняго міра.

Но совершенно ошибочно полагають, хотя такое мнѣніе и весьма распространено, будто указанное разобщеніе двухъ рассматриваемыхъ здѣсь областей знанія чувствительно для психологій и вовсе нечувствительно для фیزیологій. Если-бы это и было справедливо по отношенію къ фیزیологій несложныхъ организмовъ, то во всякомъ случаѣ оно невѣрно относительно фیزیологій высоко-организованныхъ существъ съ сложнымъ развитіемъ нервной системы, гдѣ опредѣляющее значеніе внутренняго, психическаго міра сказывается уже совершенно ясно. Вотъ въ такомъ именно случаѣ болѣе всего должна была обнаружиться указанная крайность; ограничиваніе изслѣдованія одною лишь вѣшнею стороною жизненныхъ явленій устраняло возможность надлежаще оцѣнить фیزیологическое значеніе внутреннихъ условій, и, напротивъ, придавало весьма широкое значеніе вѣшнимъ условіямъ—односторонность, которою донынѣ во многомъ отличается фیزیологія высшихъ животныхъ, въ томъ числѣ и человека.

Кромѣ того, такъ какъ именно внутренній, психическій міръ рѣзче и опредѣленнѣе всего характеризуетъ собою значеніе цѣлостности жизненной природы и нигдѣ, какъ здѣсь, явленія жизни не выражаются въ такомъ законченномъ объединеніи, то игнорированіе этимъ внутреннимъ міромъ дѣлало фیزیологію очень склонною къ разчлененію цѣлаго на части и изслѣдованію послѣднихъ независимо отъ цѣлаго. Вѣшняя сторона жиз-

ненных явленій сама по себѣ не могла служить точнымъ мѣриломъ для надлежащей оцѣнки цѣлостности природы организма, вслѣдствіе чего физиологія, изучая старательно отдѣльныя части цѣлаго, нерѣдко забывала о послѣднемъ, что служило и продолжаетъ служить причиною многихъ недоразумѣній и погрѣшностей, въ особенности рѣзко сказавшихся въ попыткѣ объяснять свойства цѣлаго свойствами отдѣльныхъ частей, независимо отъ ихъ соотношеній. При этомъ само собою упускается изъ виду весьма существенный вопросъ, именно, въ какой мѣрѣ физиологическія свойства той или другой части, обнаруживаемыя ею въ ея органической связи съ остальными частями, продолжаютъ сохраняться въ случаѣ обособленія этой части, въ случаѣ ея изолированнаго состоянія? Основательно ли по тѣмъ свойствамъ, которыя мы находимъ въ изолированной части, заключать о тѣхъ свойствахъ ея, которыя обнаруживаетъ она на своемъ мѣстѣ, въ органической связи съ остальными частями цѣлаго? Вопросы эти, само собою разумѣется, представляютъ важное біологическое значеніе, хотя, однако, справедливость требуетъ замѣтить, что по настоящее время физиологи, говоря вообще, мало обращаютъ на нихъ вниманія. Здѣсь именно и слѣдуетъ искать причину той крайней односторонности и проблематичности, которыми характеризуется знаніе наиболѣе сложныхъ физиологическихъ вопросовъ, не говоря уже о вопросахъ психологическихъ.

Согласно вышесказанному, нетрудно видѣть, что сближеніе психологіи съ физиологіей должно было послужить первымъ шагомъ къ устраненію указанной односторонности. Попытки къ такому сближенію стали дѣлаться только въ новѣйшее время; только въ новѣйшее время психологи начали ближе знакомиться съ результатами физиологическихъ изысканій, а физиологи, съ своей стороны, «дойдя до нѣкоторыхъ конечныхъ общихъ вопросовъ, должны были обратиться за помощью къ психологіи». Такимъ образомъ изъ этихъ общихъ потребностей само собою должно было возникнуть сближеніе двухъ отраслей знанія, до того совершенно разобщенныхъ, — сближеніе, положившее начало новой наукѣ — физиологической психологіи. Здѣсь уже психологическое самонаблюденіе и методы экспериментальной физиологіи идутъ рука объ руку и изъ приложенія послѣднихъ къ психологіи «возникаютъ, какъ самостоятельныя вѣтви экспериментальнаго изслѣдованія, психо-физическіе методы».

Вотъ почему эту науку, говоритъ Вундтъ, — можно называть экспериментальною психологіею, въ отличіе отъ психологіи, основанной исключительно на самонаблюденіи. Эта эксперимен-

тальная или, иначе, физиологическая психологія имѣеть, такимъ образомъ, объектомъ своимъ изученіе связи явленій внѣшней и внутренней жизни и потому должна обнимать всю область физиологіи и психологіи, изъ которыхъ она заимствуетъ свой матеріалъ. Отсюда уже сама собою опредѣляется ея конечная задача—она сводится къ возможно точному рѣшенію вопроса о «соотношеніи нашего внѣшняго и внутренняго бытія».

Если физиологія и психологія по необходимости обходятъ данный вопросъ, то физиологическая психологія этого сдѣлать не можетъ; она должна заняться его разрѣшеніемъ, въ виду чего ей предстоитъ: во первыхъ, «изученіе явленій жизни, стоящихъ на границѣ между внѣшнимъ и внутреннимъ, посредствомъ обоихъ методовъ наблюденія—внѣшняго и внутренняго»; и во-вторыхъ, «освѣщеніе, при помощи добытыхъ знаній, всей совокупности жизненныхъ явленій, для полученія возможно цѣльнаго представленія о человѣческомъ бытіи тѣлесномъ и душевномъ».

Ни физиологія, независимо отъ психологіи, ни психологія, независимо отъ физиологіи, не могутъ дать такого цѣльнаго представленія о человѣческомъ бытіи, такъ какъ каждая изъ нихъ изучаетъ одну лишь сторону этого бытія—внѣшнюю или внутреннюю, а не ту и другую вмѣстѣ. Отсюда—важное значеніе физиологической психологіи, и вотъ ей именно посвящена рассматриваемая книга Вундта. Въ ней впервые представлена попытка возможнаго цѣльнаго изученія человѣческой природы,—изученія, основаннаго на изслѣдованіи отношеній между внѣшними и внутренними состояніями жизненныхъ явленій.

Вмѣсто той односторонней крайности, о которой шла рѣчь выше, читатели найдутъ въ книгѣ Вундта оба метода наблюденія, внѣшняго и внутренняго, другъ друга пополняющихъ. Въ виду этого самый трудъ названнаго ученаго распадается на двѣ части. Прежде всего онъ обращается къ изслѣдованію путей, «ведущихъ отъ внѣшняго міра къ внутреннему», т. е. строенія и отправленій нервной системы, и изученію того, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ входящія сюда физиологическія явленія опредѣляютъ собою область внутренняго опыта; затѣмъ онъ изслѣдуетъ обратныя воздѣйствія внутренняго, психическаго міра явленій на внѣшній. Въ томъ и другомъ случаѣ книга Вундта представляетъ систематическую разработку самаго многочисленнаго матеріала, позволяющую читателю, по справедливому замѣчанію переводчика, «основательно ознакомиться съ физиологіей нервной системы и съ основанной на ней психологіей».

Вмѣстѣ съ тѣмъ читатели найдутъ въ книгѣ Вундта обстоятельный разборъ всѣхъ, наиболѣе выдающихся, какъ физиологическихъ, такъ и психологическихъ теорій и указанія почти на всю главную литературу предмета.

Но, само собою разумѣется, не этою стороною характеризуется внутреннее достоинство разсматриваемаго труда. Уже предыдущія указанія основной задачи физиологической психологии, какъ самъ Вундтъ понимаетъ ее, свидѣтельствуютъ, что центръ тяжести этого труда лежитъ въ изученіи явленій жизни въ ихъ единствѣ, въ ихъ совокупномъ взаимодействіи, характеризующемъ собою всю природу человѣческаго бытія, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго.

Какъ уже замѣчено выше, такая точка зрѣнія, приложенная къ изученію физиологическихъ и психологическихъ явленій, необходимо устраняла, въ первомъ случаѣ — преобладающую оцѣнку внѣшнихъ условій въ ущербъ внутреннимъ и склонность къ обособленію части отъ цѣлаго, а во второмъ — недозволительное игнорированіе физической стороною жизненныхъ явленій. И дѣйствительно, въ книгѣ Вундта мы не находимъ ни той, ни другой крайности. Напротивъ, авторъ повсюду главнымъ образомъ изслѣдуетъ соотношенія явленій и приводитъ многочисленныя данныя, съ цѣлью возможно опредѣленіе выяснитъ, что только въ условіяхъ такихъ соотношеній, въ условіяхъ совмѣстной дѣятельности частей цѣлаго могутъ быть понимаемы и истолковываемы тѣ или другія жизненныя свойства, будутъ ли то физиологическія свойства нервной системы, или психическія свойства нашего внутренняго міра.

Какое широкое значеніе придаетъ Вундтъ этой точкѣ зрѣнія, можно уже судить по тѣмъ основнымъ принципамъ, которые составляютъ окончательный результатъ его физиологическихъ изслѣдованій, служащихъ предметомъ перваго отдѣла разсматриваемаго труда. Здѣсь, рядомъ подробнаго обзора функций спиннаго и головного мозга, а также путемъ анализа анатомо-физиологическихъ данныхъ общихъ и специфическихъ свойствъ нервной системы вообще, Вундтъ приходитъ къ слѣдующимъ четыремъ основнымъ положеніямъ относительно условій жизнедѣятельности нервныхъ элементовъ:

1) «Всякій нервный элементъ соединенъ съ другими нервными элементами и только въ этомъ соединеніи способенъ къ физиологическимъ отправленіямъ». Это первое положеніе Вундтъ называетъ «принципомъ соединенія элементарныхъ частей».

2) «Принципъ индифферентности функціи: ни одинъ элементъ не имѣетъ специфическихъ отравленій, характеръ его функціи обуславливается родомъ соединенія и отношенія элементовъ».

Эти два положенія указываютъ на возможность замѣщенія одного нервнаго элемента другимъ подъ условіемъ сохраненія необходимыхъ соотношеній данныхъ элементовъ. Отсюда:

3) «Принципъ замѣстительной функціи: элементы, функція которыхъ ослаблена или прекращена, могутъ быть замѣнены другими, если только послѣдніе находятся въ надлежащемъ соединеніи между собою». Наконецъ,

4) «Принципъ локализованной функціи: всякая опредѣленная функція имѣетъ опредѣленное мѣсто въ центральномъ органѣ, т. е. элементы въ этомъ мѣстѣ находятся въ надлежащихъ для произведенія функцій взаимныхъ отношеніяхъ».

Эти положенія самымъ опредѣленнымъ образомъ характеризуютъ собою первый отдѣлъ рассматриваемаго труда, именно, его физиологическую часть. Онѣ свидѣтельствуютъ, въ противоположность распространенному мнѣнію, о преобладающемъ значеніи условій совмѣстной дѣятельности нервныхъ элементовъ при оцѣнкѣ ихъ физиологическихъ свойствъ или способностей. Такимъ образомъ, благодаря первому отдѣлу основаній физиологической психологіи, читатель получаетъ возможность обстоятельно ознакомиться съ многочисленными данными, доказывающими необходимость изученія нервныхъ элементовъ въ ихъ соотношеніяхъ, и убѣдиться въ томъ весьма важномъ положеніи, что многочисленныя, наиболѣе сложныя физиологическія явленія обязаны своимъ существованіемъ не тѣмъ или другимъ специфическимъ свойствамъ нервныхъ элементовъ, а составляютъ результатъ изъ взаимодействія и возможны только въ условіяхъ органической связи послѣднихъ, стало быть, въ условіяхъ цѣлостности природы организма. Разъ эта органическая связь измѣнена или разрушена и взаимодействие нервныхъ элементовъ устранено—нервная функція теряетъ свой первоначальный характеръ или совершенно прекращается.

Такимъ образомъ, весьма распространенное ученіе о специфической функціи нервныхъ элементарныхъ частей теряетъ свое универсальное значеніе и можетъ быть принимаемо условно. И это относится не только къ «специфической энергіи» нервовъ, но и къ центральнымъ элементамъ нервнаго аппарата—

къ нервнымъ клѣточкамъ. «Морфологическая одинаковость всѣхъ нервовъ, полнѣйшее сходство ихъ физическихъ и химическихъ качествъ, уже должны были привести къ возрѣнію, что различіе ихъ отправленій зависитъ собственно отъ ихъ периферическихъ и центральныхъ окончаній, а не отъ специфическихъ качествъ самыхъ нервовъ». Это доказано уже рядомъ всѣхъ опытовъ. Но, по мнѣнію Вундта, то же положеніе должно быть распространено и на центральныя волокна и даже на нервные или узловыя клѣтки. Хотя послѣднія, можетъ быть, и обнаруживаютъ нѣкоторыя специфическія различія, «но здѣсь мы снова встречаемся, говоритъ Вундтъ,—съ тѣмъ обстоятельствомъ, что кромѣ величины, формы и пожалуй способа происхожденія отростковъ, узловыя клѣтки не представляютъ никакихъ различій; особенно въ корѣ большого мозга онѣ расположены повсюду почти одинаковымъ образомъ. Изъ этого видно, что и специфическая функція узловыхъ клѣтокъ, насколько она зависитъ отъ ихъ внутренняго строенія, а не отъ рода ихъ внѣшняго соединенія, по меньшей мѣрѣ весьма сомнительна. Какъ бы то ни было, если положеніе, что элементарный элементъ способенъ только къ элементарнымъ функціямъ, справедливо относительно нервныхъ волоконъ, то оно должно быть справедливо и по отношенію къ узловымъ клѣткамъ, представляющимъ начальныя и концевыя пунеты волоконъ».

Такое отрицаніе специфическихъ различій между нервными центрами несомнѣнно можетъ вызвать не одно возраженіе со стороны большинства новѣйшихъ физиологовъ; но возраженія эти, однако, оставляютъ во всей силѣ основное положеніе, выставляемое Вундтомъ, именно, что элементарныя образованія способны только къ элементарной дѣятельности и что поэтому крайне ошибочно приписывать такимъ простымъ образованіямъ происхожденіе сложныхъ функцій. А вотъ это—то именно положеніе и важно, такъ какъ оно даетъ возможность надлежаще понять и оцѣнить новѣйшее ученіе о локализациі функцій головного мозга.

Можно было бы думать, что вышеприведенное положеніе устраняется этимъ новѣйшимъ ученіемъ и что во всякомъ случаѣ послѣднее не можетъ быть примиримо съ отрицаніемъ специфическихъ различій между нервными клѣтками. Въ самомъ дѣлѣ, разъ подобное различіе отсутствуетъ, какимъ же образомъ объяснить хотя-бы, на примѣръ, тотъ фактъ, засвидѣтельственный многочисленными опытами, что для различныхъ произвольныхъ мышечныхъ движеній существуютъ въ корѣ боль-

ныхъ полушарій головного мозга различныя двигательныя (психомоторныя) центры? Но это и ему подобныя противорѣчія — кажутся.

Правда, указаніе на неспособность элементарныхъ частей, независимо отъ совмѣстной дѣятельности, служить источникомъ сложныхъ функцій, ограничиваетъ ученіе о локализациі простѣйшими отправлениями, каковыми въ области центральныхъ функцій являются ощущенія и движенія, и не дозволяетъ распространять это ученіе на такія сложныя проявленія, какъ память, воображеніе, разсудокъ и т. п. Но подобное ограниченіе и важно, такъ какъ оно вводитъ опредѣленное понятіе о дѣйствительномъ значеніи локализациі и не дозволяетъ отождествлять данное ученіе съ френологическими воззрѣніями, побуждавшими послѣдователей его отыскивать въ головномъ мозгу обособленныя органы для различныхъ сложныхъ психическихъ способностей. Заслуга Вундта въ томъ именно и состоитъ, что онъ, подобно Льюису, опредѣляющее значеніе придаетъ не отдѣльнымъ элементамъ, а ихъ совмѣстной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ онъ и факты локализациі простѣйшихъ отправленій въ области центральныхъ функцій. И въ данномъ случаѣ, если опредѣленные нервныя центры функционируютъ въ формѣ того или другаго двигательнаго импульса, то вовсе не потому, что характеръ такой функціи всецѣло опредѣляется особенностями данныхъ центровъ, а потому также, что центры эти «находятся въ надлежащихъ для произведенія названной функціи взаимныхъ отношеніяхъ», потому что именно эти, а не другіе центры являются связывающимъ звеномъ соответствующей группы нервно-мышечныхъ отправленій. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ или разрушеніемъ данныхъ центровъ уничтожается указанная связь, а съ нею вмѣстѣ и функція. Стало бытъ и въ случаѣ разсматриваемыхъ явленій локализациі, нервныя центры продолжаютъ служить регуляторами, поддерживающими гармонию между отправлениями различныхъ частей. Эта существенная роль нервной системы по отношенію къ физиологической психологіи выяснена въ книгѣ Вундта такъ всесторонне и оцѣнена такъ полно, какъ только возможно при современной разработкѣ относящихся къ настоящему предмету фактовъ.

Но это далеко не все.

Опредѣляющее значеніе, приписываемое Вундтомъ взаимной связи элементарныхъ частей, имѣетъ и другую весьма важную сторону, на которую названный ученый обращаетъ, по спра-

ведливости, особенное вниманіе въ своей книгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если сложныя жизненныя явленія, обнаруживаемыя дѣятельностью нервной системы, обязаны своимъ существованіемъ не специфическимъ свойствамъ отдѣльныхъ нервныхъ элементовъ, а составляютъ результатъ ихъ определенной органической связи, то, съ другой стороны, самая эта органическая связь является результатомъ историческаго, преемственнаго развитія, развитія предыдущихъ поколѣній. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, условія функциональной дѣятельности сводятся къ условіямъ развитія. И многочисленныя явленія, которыхъ происхожденіе обыкновенно приписывается различнымъ особенностямъ нервныхъ элементовъ, могутъ быть на самомъ дѣлѣ объяснены только съ точки зрѣнія преемственнаго, историческаго развитія.

Но развитіе обнимаетъ собою всю совокупность нашего бытія; оно обнимаетъ собою не только внѣшнюю, физическую сторону жизненныхъ явленій, но и ихъ внутреннюю, психическую сторону. Такимъ образомъ здѣсь, именно въ развитіи, мы имѣемъ основной элементъ единенія, органической связи внѣшняго міра съ внутреннимъ. Съ этой точки зрѣнія физическій и психическій міръ сливаются въ одно цѣлое и могутъ быть понимаемы только въ условіяхъ развитія послѣдняго, т. е. въ условіяхъ единства внѣшнихъ и внутреннихъ состояній. Стало быть, задача физиологической психологіи сводится къ опредѣленію условій даннаго развитія и указанія основныхъ источниковъ.

Предмету этому Вундтъ посвящаетъ многочисленныя страницы своего объемистаго труда и приходитъ къ заключеніямъ, во многихъ отношеніяхъ расходящимся съ существующими общераспространенными воззрѣніями на данный предметъ. Такъ онъ прямо говоритъ, что «единственная задача психологической теоріи,—задача, въ которой можно рассчитывать на успѣхъ, заключается въ томъ, чтобы выработать, по синтетическому методу, психическую исторію развитія».

Держась именно такого пути въ своемъ анализѣ психо-физическихъ явленій, Вундтъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ развитіе болѣе сложныхъ состояній нашего внутренняго бытія и приходитъ къ заключенію, что состоянія эти могутъ быть сведены къ одному простѣйшему элементу, изъ котораго онѣ берутъ свое начало. Для опредѣленія этого основнаго, первичнаго элемента, авторъ разсматриваемаго труда изслѣдуетъ одинъ за другимъ ощущенія, чувство, волю, въ условіяхъ ихъ происхожденія и развитія, и находитъ, что онѣ не могутъ быть первичною формою психической дѣятельности; что «дѣйствитель-

нымъ элементомъ всѣхъ душевныхъ явленій мы должны признать ту дѣятельность, въ которой первоначально соединены и ощущенія и воля».

Такою «первичнѣйшею формою психической дѣятельности», какъ то доказываетъ Вундтъ подробнымъ анализомъ всѣхъ послѣдующихъ душевныхъ состояній и способностей, является побужденіе. Его находитъ Вундтъ въ основѣ каждаго психическаго факта. «Какъ общая, такъ и индивидуальная исторія развитія показываютъ, говоритъ названный ученый,—что побужденія суть основныя психическія явленія, служащія исходною точкою духовнаго развитія. Психическая жизнь низшихъ животныхъ выражается лишь въ простыхъ движеніяхъ, обусловленныхъ побужденіями. Съ подобныхъ же простыхъ побужденій проявленія которыхъ, впрочемъ, болѣе сложны, такъ какъ онѣ зависятъ отъ унаслѣдованной, болѣе сложной организаціи, начинается и человѣческое сознание. И такъ, побужденіе есть общій, исходный пунктъ развитія какъ для представленія, такъ и для воли. Послѣ это нетрудно убѣдиться, что, въ частности, представленія и вообще всѣ сложныя явленія сознания заключаютъ въ себѣ побужденіе, какъ первичный элементъ».

Такимъ образомъ, «психическое развитіе существенно своею частью состоитъ въ томъ, что акты, бывшіе въ первоначальномъ побужденіи связанными между собою, раздѣляются и получаютъ самостоятельное развитіе, причеиъ изъ нихъ, вслѣдствіе новаго соединенія ихъ съ движеніями, происходятъ новыя, болѣе сложныя формы побужденія».

Но если побужденіе является тою почвою, на которой развивается вся сложная дѣятельность внутренняго, психическаго міра, то съ этимъ вмѣстѣ совершенно уже измѣняется обычное метафизическое понятіе о душѣ, какъ о простой субстанціи. Откуда явилось мнѣніе, что душа есть простая сущность? «Очевидно, говоритъ Вундтъ,—изъ факта единства состояній и явленій нашего сознания. Но нетрудно видѣть, что единство и простота вовсе неоднозначащія понятія. Нашъ тѣлесный организмъ тоже представляетъ единство, а тѣмъ не менѣ онъ весьма сложенъ; единство дается здѣсь связью многихъ разнородныхъ частей. При всемъ единствѣ сознания мы замѣчаемъ въ немъ (какъ въ отношеніи послѣдовательности явленій, такъ и въ отношеніи ихъ одновременности) разнообразіе, и это разнообразіе даетъ намъ право заключить о сложности души».

Очевидно, рассматриваемое съ этой эволюціонной точки зрѣнія метафизическое понятіе о душѣ, какъ субстанціи, должно

быть замѣнено другимъ понятіемъ, по которому душа является выразительницею единства внутреннихъ состояній, выразительницею внутренней связности и непрерывности, которая въ своей простѣйшей формѣ характеризуются побужденіемъ, а достигнувъ наибольшей законченности и обособленности, служатъ условіемъ для развитія сознанія. Отсюда уже легко придти къ заключенію, что, съ точки зрѣнія физической психологіи, философское «я» есть въ сущности ничто иное, какъ единство внутренняго бытія, выраженнаго въ сознаніи. Хотя Вундтъ этого и не говоритъ, но такое заключеніе необходимо вытекаетъ изъ его анализа явленій психическаго развитія. вмѣстѣ съ тѣмъ указанное значеніе внутренней связности и непрерывности даетъ уже возможность понять, почему на низшей ступени развитія органическихъ существъ, т. е. тамъ именно, гдѣ внутренняя связность и непрерывность выражены слабо, понятіе о душѣ, въ томъ смыслѣ, какъ оно припримѣняется къ внутреннему бытію высшихъ существъ, уже невозможно, хотя этимъ и не устраняется признаніе простѣйшаго, элементарнаго психическаго состоянія—побужденія.

Съ другой стороны, такъ какъ побужденіе является исходнымъ пунктомъ развитія, внутреннимъ состояніемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ первичнымъ стимуломъ къ ихъ движенію, а въ первичный синтезъ такого побужденія входитъ, какъ содѣйствующій факторъ, движеніе, т. е. элементарнѣйшій фактъ внѣшней, физической стороны жизненныхъ явленій, то отсюда уже само собою устанавливается опредѣленное отношеніе между развитіемъ тѣлесныхъ и психическихъ процессовъ.

Но какого рода это отношеніе?

Исслѣдованію даннаго вопроса Вундтъ удѣляетъ немало мѣста въ своей книгѣ, причемъ въ особенности обращаетъ на себя вниманіе его попытка возможно всестороннѣе оцѣнить значеніе внутреннихъ условій, которыя, говоря вообще, современные биологи весьма склонны умалять въ пользу внѣшнихъ условій. Однако Вундтъ приводитъ рядъ многочисленныхъ данныхъ въ пользу именно внутреннихъ состояній и доказываетъ, что именно эти внутреннія состоянія являются опредѣляющими моментами единства жизненныхъ явленій,—положеніе, съ которымъ нельзя не согласиться, въ виду указанныхъ выше условій психическаго развитія.

Но Вундтъ идетъ еще дальше и при этомъ высказываетъ рядъ такихъ мыслей, которыя, какъ мы полагаемъ, не могутъ быть приняты безъ нѣкоторыхъ ограниченій и признаніе кото-

рыхъ едва-ли обязательно даже съ точки зрѣнія физиологической психологіи.

Такъ онъ говоритъ: «Уже поверхностный взглядъ на явленія развитія приводитъ къ результату, что съ усовершенствованіемъ физической организаціи совершенствуются и психическія отправления. Отсюда возникло весьма распространенное въ настоящее время воззрѣніе, что послѣднія суть слѣдствія первой. Но болѣе близкое знакомство съ психологической исторіею развитія показываетъ совершенно обратное: обуславливая движеніе, побужденіе вліяетъ на физическую организацію и вызываетъ въ ней остающіяся измѣненія, которыя прежде всего облегчаютъ новое совершеніе инстинктивнаго движенія, а затѣмъ ведутъ къ возникновенію другихъ, болѣе сложныхъ проявленій побужденія. Этому ходу развитія весьма способствуетъ переходъ инстинктивныхъ движеній въ чисто механическіе рефлексы и въ совмѣстныя движенія, вслѣдствіе чего употребленіе двигательныхъ средствъ тѣла все болѣе и болѣе совершенствуется. Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что физическое развитіе есть не причина, а слѣдствіе психическаго развитія. Тѣлесная организація приноситъ собою извѣстныя задатки, которые суть результатъ психическаго развитія предыдущихъ поколѣній и нѣкоторою частью тоже результатъ индивидуальнаго развитія сознанія». Въ подтвержденіе такой зависимости Вундтъ далѣе замѣчаетъ: при всемъ нашемъ желаніи, «мы не можемъ отрицать факта цѣлесообразности жизненныхъ явленій, а понять его мы можемъ только въ томъ случаѣ, если предположить, что психическое развитіе создало тѣло. Причина этой цѣлесообразности заключается именно въ томъ, что часть жизненныхъ явленій, сознательные акты воли, непосредственно произошли изъ мотивовъ цѣли, другая же, большая часть явленій есть какъ-бы окаменѣлый остатокъ воли». Наконецъ, Вундтъ указываетъ на то обстоятельство, что хотя воздѣйствіе внѣшнихъ условій въ свою очередь можетъ дать результаты, которые, по отношенію къ этимъ условіямъ, должны быть названы цѣлесообразными, (сюда Вундтъ относитъ большую часть фактовъ приспособленія, указанныхъ Ч. Дарвиномъ), но, по мнѣнію автора разсматриваемаго труда, «эта, такъ сказать, внѣшняя цѣлесообразность играетъ въ органическомъ мірѣ менѣе важную роль, сравнительно съ мотивами цѣли, рождаемыми психическимъ развитіемъ органическаго существа. Впрочемъ психическій элементъ играетъ

роль и при борьбѣ за существованіе, насколько побужденія и акты воли суть причины этой борьбы».

Повторяемъ, указанныя здѣсь основныя положенія зависимости физическаго развитія отъ психическаго и выведенное изъ нихъ положеніе, опредѣляющее значеніе психическихъ отправленій, не можетъ быть принято безъ нѣкоторыхъ ограниченій. Само собою разумѣется, если мы отождествимъ психическое развитіе съ развитіемъ внутреннихъ состояній вообще, безъ обозначенія тѣхъ различій, которыя выражаются условіями единства, связности данныхъ состояній, тогда мы будемъ имѣть право считать физическое развитіе слѣдствіемъ психическаго развитія, такъ какъ всякое внѣшнее измѣненіе тѣла есть результатъ его внутренняго измѣненія.

Но дѣло въ томъ, что даже съ психо-физической точки зрѣнія подобное отождествленіе недопустимо, и не только «даже», а именно съ психо-физической точки зрѣнія оно всего менѣе и допустимо. Самъ же Вундтъ приводитъ неопровержимыя данныя въ пользу того, что психическое развитіе выражаетъ собою развитіе единства и связности внутреннихъ состояній, и что внѣ условій таковой связности психическія отправленія невозможны. И дѣйствительно, иначе пришлось бы признать въ каждомъ неорганическомъ тѣлѣ психическую природу, такъ какъ каждому тѣлу присуще извѣстное внутреннее состояніе, и это не только повело бы къ нежелательной путаницѣ и безъ того еще достаточно невыясненнаго понятія, но и къ злоупотребленію терминомъ; при этомъ самый вопросъ еще болѣе затемнился бы, ибо, если неорганическимъ тѣламъ свойственны хотя бы элементарнѣйшія психическія способности, а эти послѣднія служатъ источникомъ физическаго развитія, то становится уже совершенно непонятнымъ, почему и неорганическія тѣла не обнаруживаютъ тѣхъ явленій развитія, которыя наблюдаются среди органическихъ существъ.

И такое замѣчаніе можетъ быть сдѣлано не только относительно неорганическихъ тѣлъ, но и относительно цѣлой группы органическихъ существъ, именно растений, на что указываетъ самъ Вундтъ. Если физическое развитіе есть слѣдствіе психическаго развитія, то въ такомъ случаѣ необходимо и въ растеніяхъ признать психическую жизнь, ибо растенія не только развиваются, но и развитіе ихъ слѣдуетъ опредѣленно выраженнымъ законамъ.

Настоящее возраженіе Вундтъ находитъ возможнымъ устранить допущеніемъ, что «жизнь растений неполнѣе лишена пси-

хической стороны», но «психическое развитіе растеній могло остановиться въ очень раннемъ періодѣ жизни, причеиъ первичныя побужденія закрѣпились организаціею, дальнѣйшее же развитіе совершилось подѣ вліяніеиъ внѣшнихъ условій жизни». Едва-ли, однако, это допущеніе психической жизни для растеній устраняетъ указанное возраженіе; возможность «дальнѣйшаго развитія организаціи» внѣ психическаго развитія весьма мало говоритъ въ пользу универсальнаго значенія послѣдняго.

Да, наконецъ, если мы признаемъ это опредѣляющее значеніе психическаго развитія въ смыслѣ преобладающаго вліянія внутреннихъ условій, то отсюда еще далеко до заключенія, что «психическое развитіе создало тѣло». Послѣднее предполагаетъ существованіе психическаго момента ранѣе возникновенія самаго тѣла, т. е. предполагаетъ нѣчто невозможное, съ точки зрѣнія физиологической психологіи, согласно которой всякое психическое проявленіе выражаетъ собою внутреннее состояніе органическаго существа и, стало быть, немислимо внѣ тѣлесной субстанціи послѣдняго.

Въ тому же заключенію приводитъ еще слѣдующее немало-важное обстоятельство: если психическое развитіе предшествуетъ физическому развитію и самое свое начало беретъ изъ побужденія, то, очевидно, необходимо признать, что побужденіе есть элементарнѣйшее, неразложимое свойство субстанціи и что, стало быть, помимо движенія, субстанція является также носителницею элементарнаго психическаго состоянія—побужденія. Такъ именно и полагаетъ Вундтъ, считая возможнымъ признать, что, помимо движенія, въ каждомъ атомѣ «заключены элементарнѣйшія формы побужденія» и что именно это побужденіе и обусловливаетъ собою движеніе.

Однако, самъ Вундтъ указываетъ на то, что «въ молекулѣ существуетъ состояніе равновѣсія между колебательными движеніями, нарушеніе котораго, хотя бы это нарушеніе произошло въ одной точкѣ молекулы, до тѣхъ поръ отражается на цѣломъ, пока не установится новое состояніе равновѣсія». Наконецъ, самъ же Вундтъ полагаетъ эти элементарнѣйшія, чисто механическія условія взаимодѣйствія въ основу «простѣйшихъ психо-физическихъ жизненныхъ проявленій». Но отсюда уже нетрудно видѣть, что побужденіе, выражаемое въ простѣйшей формѣ стремленіеиъ къ движенію, само есть результатъ предшествующихъ состояній движенія. Стало быть, нѣтъ ровно никакого основанія обособлять побужденіе въ особенное свойство субстанціи, такъ какъ оно можетъ быть сведено къ движенію, именно

къ внутреннему состоянію движенія, опредѣляемому условіями равновѣсія и взаимодѣйствія.

Это послѣднее заключеніе не только не идетъ въ разрѣзъ съ основными положеніями физиологической психологіи, а, напротивъ, еще болѣе согласуется съ ними, такъ какъ здѣсь еще рѣзче выступаетъ единство психо-физической природы. Но если психическое развитіе и не можетъ быть относительно къ первичному, начальному проявленію субстанции, тѣмъ не менѣе, это нисколько не опровергаетъ того, доказываемаго Вундтомъ положенія, что психическія проявленія служатъ важнымъ содѣйствующимъ факторомъ развитія природы органическаго существа, а насколько рѣчь идетъ о значеніи внутреннихъ условій — не только содѣйствующимъ, но и опредѣляющимъ факторомъ.

Попытка показать, что явленія развитія опредѣляются не только по внѣшнимъ условіямъ, но также и внутренними, и что внѣ послѣднихъ не могутъ быть понимаемы явленія единства, которыми характеризуется какъ внѣшняя, такъ и внутренняя сторона живаго тѣла,—эта попытка составляетъ, по нашему крайнему мнѣнію, самую выдающуюся, самую важную и наиболѣе цѣнную черту разсматриваемаго труда. Здѣсь уже совершенно отсутствуетъ та односторонность, которою, какъ было упомянуто выше, характеризуются обыкновенно общераспространенныя физиологическія и психологическія теоріи, и потому, въ концѣ концовъ, Вундтъ несомнѣнно правъ, утверждая: что «по своей психической и по своей физической сторонѣ живое тѣло представляется единствомъ»; что «это единство обуславливается не простотою, а, напротивъ, крайнею сложностью природы тѣлѣсной субстанции»; что «сознаніе, съ своими разнообразными и непрерывно связанными между собою состояніями, является въ нашемъ внутреннемъ воспріятіи единствомъ; тѣлесный же организмъ является такимъ же единствомъ въ нашемъ внѣшнемъ воспріятіи»,—а потому, «то, что называется душою, есть внутреннее бытіе той самой единицы, которую мы, съ внѣшней стороны, называемъ тѣломъ».

Входитъ въ дальнѣйшую, болѣе подробную характеристику замѣчательнаго труда Вундта было бы не у мѣста. Полагаемъ и предъидущихъ указаній совершенно достаточно, чтобы видѣть, какую важную услугу оказалъ г. Кандинскій нашей научной психологической литературѣ переводомъ «Основаній физиологической психологіи».

Дѣтская библіотека. — Наши враги и друзья въ мірѣ насѣкомыхъ. С.-Петербургъ, 1881 г.

Наша дѣтская литература, какъ извѣстно, отличается одною наиболѣе характерною чертою — крайне небрежнымъ, халатнымъ отношеніемъ составителей пособій для дѣтскаго чтенія къ своимъ обязанностямъ. Названная книжонка неизвѣстнаго автора не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Трудно понять, для чего издана эта книжка, такъ какъ въ ней въ тысячный разъ пережевываются и переминаются различные разсказы, анекдоты о всевозможныхъ «чудесныхъ» дѣяніяхъ «милыхъ маленькихъ созданыцъ»; и хотя книжка посвящена не только друзьямъ, но и врагамъ изъ міра насѣкомыхъ, но юные читатели напрасно стали бы искать, среди этихъ враговъ, хлѣбнаго жука, кузьку, филоксеру и т. п. грозныхъ бичей сельскаго хозяйства. Объ этихъ врагахъ, не смотря на ту популярность, которую приобрѣли они въ сравнительно короткое время, неизвѣстный авторъ, повидимому, ничего не знаетъ. Но и то, что онъ знаетъ и о чемъ повѣствуетъ, онъ знаетъ и повѣствуетъ весьма неясно, поверхностно, до того поверхностно, что часто даже, не стѣсняясь, выдаетъ различныя басни за истину и толкуетъ о какихъ-то чудесахъ изъ «тысячи и одной ночи». Самъ такъ прямо и говоритъ, что нѣкоторыя явленія изъ міра насѣкомыхъ «напоминаютъ тѣ волшебныя сказки, въ которыхъ ударомъ палочки бѣдныя нищія превращались въ прекрасныхъ принцевъ, покрытыхъ золотомъ и драгоценными камнями; но здѣсь волшебная сказка оправдывается и поэтической бредъ является дѣйствительнымъ фактомъ». Мы же смѣемъ думать, что и «здѣсь» бредъ остается бредомъ, но на сей разъ не «поэтическимъ», а авторскимъ...

Л. К. Поповъ.

С Ы Н У.

Порой любуюся тобою,
Цѣлуя милый ротикъ твой,
Дрожу я надъ твоей судьбою,
И вдругъ поникну головой.
Твой рѣзвый смѣхъ, твой дѣтскій лепетъ,
Наивно-милыя слова,
Невольный возбуждаютъ трепеть
Въ душѣ прозорливой моей,
И я, полна тоски нѣмой,
Еще теплѣй, еще нѣжнѣй
Тебя цѣлую, мальчикъ мой.
И все сдается мнѣ, быть можетъ,
Та ласка даромъ не пройдетъ,
Она въ страданіяхъ поможетъ,
Смягчитъ, согрѣетъ и спасетъ.
Измученъ жизненной борьбою,
Душой ты въ прошломъ отдохнешь
И, оглянувшись, за собою
Хоть дѣтство счастьемъ назовешь.

Александра Львова.

ПОПУЛЯРНЫЯ БЕСѢДЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕЧИТЬСЯ ПО ГОМЕОПАТИЧЕСКОМУ СПОСОБУ ВЪ ОТСУТСТВІЕ ВРАЧА.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

В. Общія правила для приготовленія, назна- ченія и употребленія гомеопатическихъ ле- карствъ.

Гомеопатическимъ лекарствомъ называется такое лекарственное вещество, которое въ здоровомъ организмѣ производитъ болѣзнь, возможно болѣе по своимъ симптомамъ «подобную» той болѣзни, противъ которой оно назначается.

Это есть основное правило гомеопатической терапіи, происходящее изъ найденнаго докторомъ Самуиломъ Ганеманомъ такъ называемаго «закона подобія».

Почти всѣ люди, не знающіе и никогда не изучавшіе гомеопатіи, полагають, что главная суть гомеопатіи заключается въ почти неизмѣримой малости приѣмовъ лекарствъ. Это доказываетъ абсолютнѣйшее и полнѣйшее незнаніе азбуки научной гомеопатіи. Не малость приѣма, а назначеніе лекарства по закону подобія, есть первое и главнѣйшее требованіе для того, чтобы лекарство было дѣйствительно «гомеопатическое». Поэтому лекарство, не подходящее къ какому нибудь случаю болѣзни по закону подобія, хотя бы и назначае-

мое въ самыхъ малыхъ приемахъ, не будетъ «гомеопатическое». Съ другой стороны, леченіе тифозной горячки теплыми ваннами (для достиженія пониженія температуры), леченіе ожоговъ растираніемъ горячимъ спиртомъ и завертываніемъ въ вату, леченіе отмороженія посредствомъ растиранія снѣгомъ — все это заслуживаетъ вполне названія «гомеопатическаго леченія», хотя бы больному приѣтомъ и не давали никакого лекарства внутрь.

Правильное и вполне цѣлесообразное леченіе всегда есть, всегда было и всегда будетъ гомеопатическое, такъ какъ законъ подобія проистекаетъ изъ свойствъ, всегда и вездѣ присущихъ человѣческому и вообще животному организму. Поэтому уже въ древнія времена, врачи, одаренные свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ и умѣющіе сдѣлать правильныя заключенія изъ своихъ наблюденій надъ больными, въ своемъ леченіи часто болѣе или менѣе сознательно слѣдовали гомеопатическому принципу. Такъ, на примѣръ, въ самыя древнія времена Ипократъ ¹⁾, а въ среднія вѣка Парацельсъ ²⁾ уже знали, что можно исцѣлять болѣзни посредствомъ такихъ лекарствъ, которыя способны вызывать подобныя симптомы. Они только не дошли до сознанія, что это явленіе составляетъ общій законъ.

Если далѣе прослѣдить всю исторію развитія практической медицины до нашего времени, то мы находимъ безчисленное множество примѣровъ, что талантливые врачи старой школы употребляли и назначали лекарства по чисто «гомеопатическому» показанію, т. е. по закону подобія, хотя сами этого не подозрѣвали. Такъ, на примѣръ, изъ новѣйшей терапіи можно указать на употребленіе слабительныхъ, какъ касторовое масло и валомель, въ ничтожно-малыхъ приемахъ при поносахъ.

Другой примѣръ: употребленіе известковой воды, т. е. *calceae carbonica* въ ничтожныхъ приемахъ при золотушныхъ страданіяхъ у дѣтей. Наконецъ, общеупотребительный способъ леченія простудной лихорадки посредствомъ согрѣванія тѣла (теплая постель, теплые напитки, и такъ называемыя потогонныя средства) есть чисто гомеопатическое.

И такъ, законъ подобія есть единственное рациональное основаніе научной терапіи. Врачи-гомеопаты слѣ-

¹⁾ Родился въ 456 г. до Рождества Христова.

²⁾ Знаменитый врачъ въ началѣ XVI столѣтія.

думаютъ этому закону вполне сознательно и имѣютъ въ немъ надежную Ариаднову нить въ лабиринтѣ практической медицины; врачи старой школы, къ счастью, нерѣдко слѣдуютъ ему же но безъ полного пониманія тѣхъ явленій, которыя совершаются на ихъ глазахъ.

Употребленіе лекарствъ въ малыхъ и даже въ неизмѣримо малыхъ приѣмахъ съ логичною послѣдовательностью происходитъ изъ правильнаго пониманія и примѣненія закона подобія.

Для разъясненія этого тезиса мы поставлены въ необходимость, въ краткихъ чертахъ, изложить исторію открытія гомеопатіи гениальнымъ докторомъ Ганеманомъ.

Изучая практическую медицину не въ слѣпомъ повиновеніи доктринаризму и вѣками установившейся рутинѣ, хотя бы и украшенной громкими именами знаменитыхъ врачей, имѣющихъ претензію на «авторитетность» всякаго прописаннаго ими рецепта, Ганеманъ пришелъ къ тому заключенію, что фармакологія, или «ученіе о дѣйствіи лекарствъ на человѣческой организмъ», не выдерживаетъ никакой критики. Понятія, господствующія въ старой школѣ относительно этого важнѣйшаго изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ практической медицины, составились на основаніи болѣе или менѣе хорошихъ и точныхъ наблюдений надъ дѣйствіемъ лекарственныхъ веществъ на *больной* организмъ, и вдобавокъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, эти лекарства были составлены изъ большаго числа самыхъ разнородныхъ аптекарскихъ припасовъ.

Изъ этого явствовалась двоякая невозможность сдѣлать какое бы то ни было надежное и вѣрное заключеніе о дѣйствіи лекарственныхъ веществъ, т. е. другими словами: двоякая и полнѣйшая негодность всего собраннаго вѣками фармакологическаго научнаго матеріала въ смыслѣ точныхъ и надежныхъ указаній на цѣлебныя свойства единичныхъ лекарственныхъ веществъ. Ибо, съ одной стороны, было совершенно невозможно, при наблюденіи надъ дѣйствіемъ лекарства на больной организмъ, различить явленія, которыя были слѣдствіемъ употребленія лекарства, отъ симптомовъ самаго болѣзненнаго процесса; а съ другой—явствовалась полнѣйшая невозможность опредѣлить, которое изъ содержимыхъ въ сложномъ лекарствѣ веществъ производило наблюдаемыя въ состояніи больного измѣненія.

Относясь такимъ образомъ критически къ фармакологіи, Ганеманъ пришелъ къ тому заключенію, что единственнымъ

путемъ для изученія свойства и дѣйствія лекарствъ остается физиологическое изслѣдованіе ихъ путемъ испытанія всѣхъ по одиночкѣ лекарственныхъ веществъ на здоровомъ человѣческомъ организмѣ.

Опыты эти Ганеманъ началъ на самомъ себѣ, и первымъ лекарствомъ избралъ хину. Принявъ нѣсколько довольно крупныхъ приѣмовъ этого лекарства, онъ наблюдалъ на себѣ болѣзненные явленія, весьма похожія на перемежающуюся лихорадку. Эти наблюденія было первымъ шагомъ въ открытію закона подобія. Продолжая съ неутомимою энергіею испытывать на себѣ и на другихъ цѣлый рядъ другихъ лекарствъ въ чистомъ видѣ, Ганеманъ и его ученики, вскорѣ собравшіеся вокругъ него, собрали обширный и драгоценнѣйшій фармакологическій матеріалъ, который въ примѣненіи своемъ у постели больного самымъ блистательнымъ образомъ подтвердилъ и по сей день продолжаетъ подтверждать законъ подобія.

Съ самаго начала Ганеманъ назначалъ своимъ больнымъ лекарства по закону подобія въ матеріальныхъ, алопатическихъ, хотя сравнительно малыхъ дозахъ. При этомъ онъ каждый разъ замѣчалъ, какъ первое дѣйствіе, болѣе или менѣе значительное ухудшеніе всѣхъ симптомовъ болѣзни, а затѣмъ уже слѣдовалъ поворотъ къ лучшему и выздоровленіе. Степень этого «ухудшенія отъ лекарства» была почти всегда соразмѣрна величинѣ приѣма.

Необыкновенно свѣтлый и проицательный умъ Ганемана навелъ его тогда на мысль, что тутъ опять-таки кроется законъ природы, котораго онъ немедленно сталъ допытываться, и наконецъ пришелъ къ тому заключенію, что всѣ лекарственные вещества въ примѣненіи своемъ на больной человѣческой организмъ имѣютъ двоякое дѣйствіе, изъ которыхъ одно всегда слѣдуетъ за другимъ. Первое дѣйствіе онъ назвалъ «первичнымъ» (*Erstwirkung*), а второе «вторичнымъ дѣйствіемъ» лекарства (*Nachwirkung*).

Собственно испѣляющимъ оказывалось всегда только вторичное дѣйствіе лекарства, а первичное, всегда сопряженное съ ухудшеніемъ болѣзни, давало себя чувствовать иногда весьма неприятнымъ образомъ. Какъ мы уже сказали, ухудшеніе, сопряженное съ первичнымъ дѣйствіемъ лекарства, было соразмѣрно величинѣ приѣма. Тогда Ганеманъ постепенно началъ уменьшать приѣмы лекарствъ и самымъ тщательнымъ образомъ наблюдалъ за всѣми переменами въ состояніи больныхъ. И что-же оказалось?

Первичное дѣйствіе лекарствъ, соразмѣрно уменьшенію дозы и размельченію лекарственнаго вещества, все болѣе и болѣе ослаблялось и дѣлалось незамѣтнымъ, а вторичное, исцѣляющее дѣйствіе лекарства при этомъ не только не уменьшалось, но даже замѣтнымъ образомъ усиливалось и ускорялось.

Такимъ образомъ Ганеманъ, путемъ практическихъ наблюдений у постели больного, дошелъ до открытія второй великой истины, что гомеопатическое, т. е. по закону подобія назначенное лекарство должно быть всегда употребляемо въ минимальномъ приемѣ, т. е. въ наименьшемъ приемѣ, отъ котораго замѣчается дѣйствіе на больной организмъ.

Начиная съ извѣстной степени растворенія и размельченія лекарственныхъ веществъ, которая при различныхъ лекарствахъ весьма различна, первичное дѣйствіе, сопряженное съ ухудшеніемъ симптомовъ болѣзни, совершенно исчезло, а вторичное, исцѣляющее дѣйствіе все болѣе и болѣе усиливалось и выяснялось.

Это явленіе, какъ оно ни кажется парадоксальнымъ и неправдоподобнымъ всѣмъ тѣмъ, которые не желаютъ взять на себя труда серьезно вникнуть въ дѣло, съ цѣлью уяснить себѣ истину, отрицаемую съ какимъ-то остервенѣніемъ всѣми представителями мертвой мнимой ортодоксіи старой школы, объясняется двоякимъ образомъ:

1) Во первыхъ, Ганеманъ, приготовливая самымъ тщательнымъ образомъ свои растиранія и разведенія лекарствъ, и наблюдая затѣмъ ихъ дѣйствіе, нашелъ, что исцѣляющія свойства лекарственныхъ веществъ не только не утрачиваются ими при этомъ, но напротивъ развиваются болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ вещества эти дѣлятся на свои наимельчайшія составныя частички или молекулы. При этомъ, кромѣ того, характеристичныя свойства всякаго отдѣльнаго лекарства болѣе и болѣе выясняются. Такъ, напримѣръ, дѣйствіе (первичное) всѣхъ наркотическихъ ядовъ въ грубомъ матеріальномъ приемѣ почти одно и то же въ общихъ чертахъ, и чѣмъ больше приемъ *Opium*, *Belladonna* или *Stramonium*, тѣмъ менѣе возможно будетъ ихъ различать. Но чѣмъ выше дѣленіе, чѣмъ болѣе лекарство приближается къ атомистическому или молекулярному состоянію, тѣмъ болѣе выясняется индивидуальный характеръ лекарственнаго вещества, такъ что между дѣйствіемъ *Opium*, *Belladonna* и *Stramonium* въ тридцатомъ дѣленіи нѣтъ уже никакого сходства.

2) Во вторыхъ, если мы говоримъ о дѣйствиі гомеопатическаго лекарства, то не слѣдуетъ забывать, что лекарство это именно «гомеопатическое», назначенное на основаніи закона подобія, и что всегда говорится о дѣйствиі его на больной, а не на здоровый организмъ. Какъ часто приходится слышать отъ противниковъ гомеопатіи слѣдующую фразу: «Я проглочу всю гомеопатическую аптеку и все-таки ничего изъ этого не будетъ!» Не говоря о томъ, что если въ этой аптечкѣ, обреченной на съѣденіе, случится какое нибудь сильно дѣйствующее средство въ низкомъ дѣленіи, то такого рода опытъ можетъ имѣть весьма неприятныя послѣдствія для производящаго его поборника алопатіи,—изъ этой фразы явствуетъ, что говорящій ее не имѣетъ никакого понятія о тѣхъ законахъ природы, на которыхъ основывается гомеопатія.

Такая минимальная доза, которая не имѣетъ явнаго и ослабленнаго дѣйствиі на здоровый организмъ, можетъ весьма сильно дѣйствовать на больной, и всегда будетъ такъ дѣйствовать, если это дѣйствіе направляется именно на заболѣвшій органъ или вообще на больную часть организма, въ которой восприимчивость ко всякаго рода раздраженію всегда весьма значительно увеличена, соразмѣрно съ силою развитія болѣзненнаго состоянія. Всякому извѣстно, что здоровый глазъ можетъ перенести съ легкостью самый сильный свѣтъ, а при воспалительныхъ страданіяхъ этого органа часто даже самый умѣренный свѣтъ производить нестерпимыя боли въ страждущемъ органѣ.

Есть случаи нервной головной боли или мигрени, въ которыхъ самый незначительный шумъ причиняетъ больному страшныя страданія. Такихъ примѣровъ можно бы привести безчисленное множество.

Если понимать «дѣйствительность» лекарства въ смыслѣ ученія старой школы, т. е. въ томъ смыслѣ, что оно должно быть въ состояніи нарушить то равновѣсіе всѣхъ жизненныхъ отправленій организма, которое мы называемъ здоровьемъ, и сдѣлать здороваго человѣка больнымъ, то совершенно вѣрно, что неизмѣримо малый гомеопатическій приемъ въ этомъ смыслѣ недействителенъ. Если же принять во вниманіе, что гомеопатическое, т. е. назначенное на основаніи закона подобія лекарство всегда должно дѣйствовать и дѣйствуетъ прямо именно на ту часть организма, или на тотъ органъ, въ которомъ, вслѣдствіе болѣзни, равновѣсіе жизненныхъ отправленій нарушено, а восприимчивость ко всякому раздраженію увеличена почти до безконечности; если принять во вниманіе, что

послѣ великихъ открытій безсмертнаго Ганемана задача врача, правильно понимающаго свое призваніе, уже не состоитъ въ томъ, чтобы одну болѣзнь лечить другою, яко-бы противоположною, искусственно вызванною (что само по себѣ уже есть бессмыслица), а въ томъ, чтобы помогать жизненной силѣ самаго организма побѣдить болѣзнь и возможно кратчайшимъ, вѣрнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ путемъ возстановить нарушенное болѣзненнымъ процессомъ равновѣсіе жизненныхъ отправленій пораженнаго органа, — то, въ этомъ смыслѣ, неизмѣримо малые гомеопатическіе приемы всегда были и всегда будутъ въ высшей степени дѣйствительными.

Изъ этого явствуетъ, что лекарство, «гомеопатическое» только въ смыслѣ неизмѣримой малости приѣма, но не гомеопатическое въ смыслѣ правильного примѣненія его по закону подобія, т. е. не имѣющее непосредственнаго и прямаго соотношенія именно къ той сферѣ или къ тому органу, въ которомъ восприимчивость къ лекарственному раздраженію весьма значительно усилена, — не будетъ имѣть никакого дѣйствія на больного.

Понятія, господствующія между громаднымъ большинствомъ лечащихся, о «лекарствахъ» и о дѣйствіи ихъ, вслѣдствіе установившейся вѣками алопатической рутинны, весьма смутны и ошибочны.

Сильнымъ лекарствомъ называютъ такое средство, которое производитъ въ больномъ организмѣ другую болѣзнь, и чѣмъ сильнѣе и опаснѣе симптомы этой лекарственной болѣзни, тѣмъ сильнѣе стало быть лекарство (!?), вызывающее ее. Насколько назначенное больному лекарство дѣйствительно имѣетъ благотворное вліяніе на ходъ его болѣзни, насколько велика его «исцѣляющая» сила — это вовсе не принимается въ расчетъ. Если лекарство не обожжетъ больному ротъ и всѣ внутренности, если оно не вызываетъ въ немъ никакихъ бурныхъ или даже опасныхъ явленій, то такое лекарство считается слабымъ (?), даже если-бы оно исцѣлило болѣзнь въ самый невѣроятно короткий срокъ времени.

Очевидно, что тутъ смѣшиваются понятія «лекарства» и «яда». Чѣмъ сильнѣе и опаснѣе болѣзнь, вызванная принятіемъ какого нибудь яда, тѣмъ этотъ ядъ сильнѣе дѣйствуетъ. Лекарство же будетъ заслуживать названіе «сильнаго» только тогда, если оно скоро исцѣляетъ; другой силы отъ него не требуется, такъ какъ всякая другая сила его только можетъ повредить больному. Въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова, «лекарствомъ»

можетъ считаться только такое вещество, которое только испѣляетъ, не принося при этомъ большому никакаго вреда.

I. Приготовление гомеопатическихъ лекарствъ.

Такъ какъ при гомеопатическомъ леченіи лекарства употребляются, если не исключительно, то все-таки въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ весьма малыхъ или такъ называемыхъ «инфинитезимальныхъ» приемахъ, то для приготовленія ихъ, конечно, требуется большая тщательность и аккуратность. Процедура, которой подвергаются лекарственные вещества для размельченія и увеличенія площади соприкосновенія, называется «динамизацію» ¹⁾ лекарствъ. Эта динамизація производится посредствомъ разведенія, если лекарственное вещество растворяется въ винномъ спиртѣ или въ водѣ, и посредствомъ растиранія съ молочнымъ сахаромъ, если оно нерастворимо въ этихъ жидкостяхъ.

Динамизація гомеопатическихъ лекарствъ производится по двумъ системамъ, десятичной (децимальной) и сотенной (центимальной), смотря по пропорціи индифферентнаго вещества (алкоголя или молочнаго сахара), которая берется на известное количество лекарственнаго вещества.

Для приготовленія десятичныхъ дѣленій берется одинъ гранъ (твердаго вещества) или одна капля (жидкаго лекарственнаго вещества) на 9 гранъ молочнаго сахара или 9 капель виннаго спирта. Для приготовленія сотенныхъ дѣленій, одинъ гранъ или одна капля берется на 99 гранъ или капель индифферентнаго вещества. Такимъ образомъ получается 1 десятичное и 1 сотенное дѣленіе. Изъ перваго дѣленія готовится второе такимъ же путемъ, т. е. 1 гранъ или 1 капля 1-го дѣленія берется на 9 или 99 частей молочнаго сахара или виннаго спирта; изъ втораго такимъ же путемъ готовится третье, изъ третьяго четвертое и т. д. Первые три дѣленія называются низшими; дальнѣйшія до 12 называются средними, а отъ 12 до 30 и выше—высокими дѣленіями. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что чѣмъ дольше производится треніе при растираніи (для этой процедуры употребляется фарфоровая чашка и таковой же пестикъ) или взбал-

¹⁾ Отъ греческаго слова δύναμις—сила, такъ какъ прѣэтомъ увеличивается и развивается цѣлительная сила лекарственныхъ веществъ.

тываніе, посредствомъ короткихъ, сильныхъ толчковъ, при ра-
створеніи лекарственныхъ веществъ, тѣмъ лучше и дѣйствитель-
нѣе будутъ лекарства.

Ганеманъ для приготовленія растворовъ опредѣлилъ какъ
минимальную норму сто сильныхъ взбалтываній; однако, если
приготавливающей лекарство возьметъ на себя трудъ удвоить
или утроить это число взбалтываній, то лекарство отъ этого
только можетъ выиграть. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что при
сильномъ и продолжительномъ треніи, которому подвер-
гаются атомы или молекулы лекарственныхъ веществъ
при процедурѣ гомеопатической динамизаціи, въ нихъ
развиваются и освобождаются электрическія или элек-
тро-магнетическія свойства и силы, которыя въ гру-
бомъ, матеріальномъ состояніи этихъ веществъ оста-
ются скрытыми (латентными).

Динамизація нерастворимыхъ въ водѣ или винномъ спиртѣ
веществъ производится посредствомъ растиранія съ молочнымъ
сахаромъ до третьяго сотеннаго дѣленія. Уже на этой степени
раздробленія всякое вещество, даже металлы и уголь, пере-
стаютъ быть нерастворимыми, и поэтому всѣ высшія дѣленія
приготавливаются въ видѣ спиртнаго раствора.

Самыя тонкія дозы представляютъ гомеопатическія крупинки,
которыя приготавливаются посредствомъ смачиванія малень-
кихъ, круглыхъ зернышекъ химически чистаго молочнаго са-
хара спиртнымъ растворомъ лекарствъ разныхъ дѣленій. Вин-
ный спиртъ послѣ этого довольно скоро испаряется, и въ кру-
пинкахъ остается только неизмѣримо мелкая частичка лекар-
ственного вещества, содержащая въ томъ весьма маломъ коли-
чествѣ спиртнаго раствора динамизированнаго лекарства, кото-
рое потребовалось для смачиванія ихъ.

Вотъ эти-то крупинки, представляютъ собою послѣднее
слово гомеопатической динамизаціи лекарствъ.

Когда Ганеманъ изобрѣлъ и началъ употреблять это на-
тончайшее оружіе противъ самыхъ острыхъ и самыхъ тяжелыхъ
болѣзней, то буря, поднявшаяся противъ него между врачами
старой школы уже съ самаго начала его самостоятельной и
смѣлой научной дѣятельности, дошла почти до бѣшенства. Со
всѣхъ сторонъ посыпались самыя злыя, самыя язвительныя на-
смѣшки и даже угрозы, и всѣ старанія были приложены, что-
бы предать его имя всеобщему презрѣнію. Все это однако не
могло остановить и ослабить желѣзной энергіи изобрѣтателя
гомеопатіи. Безсильной и бездоказательной злобѣ своихъ про-

тивниковъ онъ противопоставлялъ одинъ изумительный и поражающій своею блистательностью успѣхъ за другимъ—и число приверженцевъ гомеопатіи росло и росло.

Нельзя однако умолчать, что какъ высшія дѣленія и динамизаціи гомеопатическихъ лекарствъ, такъ и «крупики», встрѣтили нѣкоторый отпоръ и въ самомъ лагерѣ врачей-гомеопатовъ. Не всѣ были въ состояніи слѣдовать за гениальнымъ полетомъ ума Ганемана. Воспитанные въ предрассудкахъ старой школы, въ томъ ограниченномъ пониманіи о «маломъ и великомъ», которое выражается въ практической аксіомѣ: «многое много помогаетъ», они содрогнулись при мысли о крупинкѣ 30-го сотеннаго дѣленія, хотя, познавъ основную систему гомеопатіи—законъ подобія, спойнойно слѣдовали за вождемъ до 3-го или 6-го дѣленія въ растираніи или въ капляхъ.

При жизни Ганемана эти слабонервные гомеопаты нѣсколько ступевывались въ присутствіи могучаго «шаестго». Но послѣ его смерти они начали выступать смѣлѣе, и въ настоящее время сторонники исключительнаго употребленія болѣе низкихъ, т. е. менѣе динамизированныхъ, и болѣе матеріальныхъ дѣлений находятя даже въ большинствѣ.

Кромѣ нѣкоторой доли алопатической закваски, которая осталась въ этихъ противникахъ высшихъ дѣлений, ими руководила еще и та мысль, что, придерживаясь низкихъ дѣлений, они въ концѣ концовъ добьются почетнаго мира съ алопатіей и слиянія гомеопатіи и алопатіи въ одно общеспасительное цѣлое.

Надежда эта не осуществилась по той простой причинѣ, что она неосуществима и никогда не можетъ осуществиться. Главная суть гомеопатіи не заключается, какъ мы уже выше сказали, въ приемѣ и дозѣ; главная суть ея въ законѣ подобія. Эту истину алопатія никогда не признаетъ и не можетъ признать, потому что она этимъ подписала бы свой собственный смертный приговоръ. Между тою путаницею, которую алопатія величаетъ именовъ «фармакологіи», и законною послѣдовательностью гомеопатіи сватерть разрѣзана и соединеніе такъ же невозможно, какъ соединеніе воды съ огнемъ.

И такъ, первый и важнѣйшій вопросъ всегда заключается въ выборѣ возможно болѣе подходящаго въ каждомъ случаѣ, по закону подобія, лекарства. Затѣмъ уже слѣдуетъ назначеніе, наиболѣе сообразнаго съ характеромъ болѣзни и съ общимъ состояніемъ организма больнаго, приема или дѣленія.

II. Выборъ и назначеніе лекарства.

Совокупность всѣхъ болѣзненныхъ явленій или симптомовъ, какъ объективныхъ, найденныхъ путемъ изслѣдованія больного, такъ и субъективныхъ (ощущенія больного) въ каждомъ случаѣ составляетъ такъ называемую «картину болѣзни»; совокупность же всѣхъ патогенетическихъ, искусственно вызванныхъ болѣзненныхъ явленій, наблюдаемыхъ при испытаніи лекарственныхъ веществъ на здоровомъ организмѣ, составляетъ «картину дѣйствія лекарства». Чѣмъ больше будетъ сходства между «картиною болѣзни» и «картиною дѣйствія лекарства», тѣмъ лучше это послѣднее будетъ подходить въ данномъ случаѣ и тѣмъ скорѣе его употребленіе приведетъ къ исцѣленію болѣзни.

Поэтому для гомеопатическаго леченія какого нибудь даннаго случая, первая задача, послѣ изслѣдованія больного и возможно болѣе точнаго опредѣленія его болѣзненнаго состоянія, заключается въ томъ, чтобы найти это, по своимъ патогенетическимъ свойствамъ наиболѣе подходящее лекарство.

Чтобы при этомъ изысканіи не упустить изъ виду какого нибудь важнаго, относительно выбора лекарства, обстоятельства, слѣдуетъ всякій разъ, при изслѣдованіи больного, обратить вниманіе на слѣдующіе 4 пункта:

1) На страждущій органъ, на характеръ и особенности болѣзненнаго процесса, которымъ онъ пораженъ, и на соотвѣтствующіе ему характеристичные или патогномоническіе симптомы, т. е. такіе симптомы, которые во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ сопровождаютъ извѣстный болѣзненный процессъ, какъ, напримѣръ: хриплый кашель при крупѣ, кровавыя испражненія при дисентеріи, появленіе ржавой мокроты при воспаленіи легкихъ въ первомъ періодѣ, сѣро-желтые налеты на слизистой оболочкѣ зѣва при дифтеритѣ. и проч.

2) На симптомы, менѣе важныя въ патологическомъ отношеніи, т. е. относительно опредѣленія рода болѣзни, но которые обрисовываютъ спеціально характеръ и особенности даннаго случая.

3) На внѣшнюю причину, которая вызвала болѣзнь, какъ, напримѣръ: простуда, погрѣшность въ діетѣ, зараженіе, отравленіе острое, отравленіе хроническое (тутъ необходимо освѣдомиться, не подвергался ли больной продолжительному алопати-

ческому леченію и не отравленъ ли такъ называемыми лекар-
ствами, меркуріемъ, іодомъ, хининомъ и проч.), паденіе, ушибъ,
душевныя потрясенія и проч. и проч.

4) На конституцію больного, возрастъ, полъ, образъ
жизни, занятія, привычки и проистекающее изъ всего этого
расположеніе въ извѣстнаго рода болѣзнямъ.

Въ какомъ порядкѣ приводятся въ извѣстность всѣ обстоя-
тельства, изложенныя въ этихъ четырехъ пунктахъ, не имѣетъ
особенно важнаго значенія, однако, въ большинствѣ случаевъ,
именно тотъ порядокъ, въ которомъ онѣ приведены, озаботится
наудобнѣйшимъ.

Есть очень много случаевъ, въ которыхъ уже послѣ полу-
ченія отвѣтовъ на вопросы 1-го пункта одно какое-нибудь лекар-
ство безусловно показуется. Такъ, напримѣръ: *Belladonna* при скар-
латинѣ, *Pulsatilla* при кори, *Bryonia* въ первомъ періодѣ
брюшнаго тифа, *Thuja* при оспѣ, *Mercurius cyanatus* при
дифтеритѣ и проч.

Однако, съ одной стороны, эти случаи все-таки представляютъ
исключенія; а съ другой — все-таки далеко не всегда удается
ограничиться для всего теченія болѣзни однимъ лекарствомъ,
хотя-бы оно сначала и было единственно показанное.

Въ большинствѣ случаевъ могутъ конкурировать, при извѣст-
ной формѣ болѣзни, нѣсколько лекарствъ, четыре, пять и болѣе.

Обращаясь тогда ко второму пункту, т. е. къ индивидуаль-
нымъ особенностямъ даннаго случая, изъ этого числа лекарствъ
должны будутъ выдѣлиться тѣ, которыя, кромѣ своего отношенія
по закону подобія къ извѣстной болѣзни, соответствуютъ еще
и этимъ особенностямъ.

Возьмемъ, напримѣръ, острый катаръ пищека и поносъ.
Тутъ, по первому пункту, между прочимъ, могутъ быть показаны:
Arsenicum, *Bryonia*, *Chamomilla*, *China*, *Dulcamara*, *Ipecacuanha*,
Mercurius solubilis, *Nux vomica*, *Phosphori acidum*, *Pulsatilla*,
Veratrum. Если разобрать случай по второму пункту, то число
показанныхъ лекарствъ сейчасъ же значительно уменьшится.

Если при поносѣ появляется тошнота или рвота, то изъ
этихъ лекарствъ выдѣляются: *Arsenicum*, *Ipecacuanha*, *Nux vomica*
и *Veratrum*. Если замѣчается боль въ животѣ безъ тошноты,
нужно выбирать между *Chamomilla*, *Mercurius solubilis* и *Pulsatilla*.
Если въ испраженіяхъ попадаетъ несваренная пища, то слѣдуетъ
имѣть въ виду: *Bryonia*, *China* и *Dulcamara*. Если есть потуги при сту-
лѣ: *Mercurius solubilis* и *Nux vomica*. Если поносъ безъ всякой боли.

то даже одно *Phosphori acidum* будетъ первымъ показаннымъ лекарствомъ.

Обращаясь затѣмъ къ третьему пункту, т. е. къ ближайшимъ причинамъ, вызвавшимъ болѣзнь, число лекарствъ, показанныхъ въ данномъ случаѣ, еще уменьшится.

Мы остаемся у нашего примѣра. Если поносъ съ тошнотою или даже рвотою произошелъ отъ излишка пищи, то это обстоятельство укажетъ на *Nux vomica*. Если поносъ съ болью живота произошелъ отъ сильной досады, то безусловно *Chamomilla* будетъ заслуживать предпочтеніе. Если поносъ несвареную пищу произошелъ отъ употребленія фруктовъ и притомъ въ жаркое лѣтнее время, то безусловно показана *Bryonia*. Если поносъ несвареную пищу въ жаркое время произошелъ отъ простуды, то безусловно показана *Dulcamara*, а въ другое время года показана болѣе другихъ лекарствъ *China*.

Обращаясь, наконецъ, къ четвертому пункту, т. е. къ конституціоннымъ и индивидуальнымъ особенностямъ больного по возрасту, полу и проч., выборъ лекарства еще болѣе облегчается. Такъ, на примѣръ, при поносѣ у дѣтей особенно часто подходит *Chamomilla*; у слабыхъ и истощенныхъ субъектовъ *Arsenicum*; у женщины *Pulsatilla* и т. д.

Изъ приведеннаго нами примѣра видно, что далеко не всегда достаточно принять въ соображеніе только одинъ выдающійся симптомъ, или вообще небольшое число ихъ. Весьма часто приходится привести въ извѣстность цѣлый рядъ характерныхъ особенностей даннаго случая для того, чтобы найти дѣйствительно самое подходящее лекарство. Съ этою цѣлью, за неимѣніемъ другаго, болѣе короткаго и удобнаго способа, приходится обращаться къ фармакологіи.

Однако, для сокращенія труда, мы, въ спеціальной части нашего труда, помѣщаемъ, при изложеніи гомеопатической терапіи, краткія фармакологическія замѣтки о всѣхъ главнѣйшихъ лекарствахъ, которыя, въ каждой формѣ болѣзни, наиболѣе употребляются, и надѣемся, что всякій, желающій испытать гомеопатическое леченіе, найдетъ въ нихъ необходимый, вполне достаточный научный матеріалъ для пользованія большинствомъ всѣхъ, могущихъ встрѣтиться случаевъ.

При этомъ мы будемъ руководствоваться, какъ общимъ правиломъ, тѣмъ соображеніемъ, что лучше назвать меньшее число лекарствъ съ яснымъ обозначеніемъ показаній, нежели большее число безъ этого обозначенія, такъ какъ это только путаетъ

всякаго, неизучавшаго основательно гомеопатическую фармакологию, и поэтому, по нашему убѣжденію, не только бесполезно, но даже вредно.

III. Употребленіе гомеопатическихъ лекарствъ.

Какъ только самое подходящее къ данному случаю, по закону подобія, лекарство найдено, является второй, весьма важный вопросъ: «Въ какомъ видѣ, въ какомъ дѣленіи и какъ часто слѣдуетъ давать это лекарство?»

Что отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно не легкой, явствуетъ уже изъ того обстоятельства, что въ средѣ самихъ врачей-гомеопатовъ, относительно разныхъ дѣленій и даже формъ приготовления лекарствъ, есть еще много разногласія и разнорѣчивыхъ мнѣній. Одни даютъ своимъ больнымъ исключительно низкія дѣленія отъ 1-го децимального (даже отъ начальной тинктуры) до 3-го, и много до 6-го центимального дѣленія; другіе придерживаются исключительно высокихъ дѣленій, — отъ 12-го до 30-го центимального и выше. Наконецъ, есть врачи-гомеопаты, которые не ограничиваются ни исключительнымъ назначеніемъ низкихъ, ни однѣми высокими дѣленіями, а руководствуются при выборѣ дѣленія специально, во всякомъ случаѣ болѣзни, обстоятельствами, относящимися какъ къ индивидуальнымъ особенностямъ пациента (степень воспримчивости его организма, полъ, возрастъ и проч.), такъ и къ характеру болѣзненного процесса.

По нашему убѣжденію, эта послѣдняя метода ближе всего къ истинѣ.

Не трудно понять, какимъ образомъ могло такое, на первый взглядъ весьма опасное для преуспѣянія благаго дѣла гомеопатіи, разногласіе развиться и установиться между врачами-гомеопатами. (Мы говоримъ, что оно «на первый взглядъ опасно», потому что въ сущности все-таки вопросъ дѣленія имѣетъ только второстепенное значеніе).

Врачи-гомеопаты (развѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ американскихъ гомеопатовъ, получившихъ свое образованіе въ гомеопатическихъ госпиталяхъ, и тѣхъ самозванцевъ въ Европѣ, которые никогда не получали никакого медицинскаго образованія) всѣ вышли изъ среды алопатіи, господствующей пока еще всецѣло въ университетскихъ клиникахъ. Понятно, что, заинтересовавшись гомеопатіею и такою, неслыханною въ старой школѣ

вещью, какъ терапевтическій законъ—законъ подобія, врачъ-алопатъ не можетъ сразу забыть свои предразсудки, свои дѣтски-ограниченныя понятія о «маломъ и великомъ», о «слабомъ и сильномъ», и поэтому первые свои робкіе опыты производить низкими дѣленіями, хотя нѣсколько напоминающими ему рецепты свѣтилъ алопатического міра.

Средство выбрано вѣрно, результатъ въ глазахъ новичка, привыкшаго къ безконечному и болѣе чѣмъ бесполезному пичканью несчастныхъ клиническихъ пациентовъ лекарствами, блистательный. За первымъ опытомъ слѣдуютъ другіе, и врачъ, успѣшно сражающійся съ болѣзнями, начинаетъ питать весьма понятное нѣжное чувство именно въ тому оружію, которое онъ мало-по-малу привыкъ употреблять въ дѣло.

Такимъ образомъ, многіе тутъ и останавливаются. Довольные своими, сравнительно съ врачеваніемъ старой школы, истинѣ блистательными результатами, они уже не желаютъ испытывать ни другихъ дѣленій, ни даже другой формы приготовления лекарствъ (напримѣръ, крупинки) и остаются при томъ, съ чего начали.

Есть однако и болѣе энергичные, любознательные и смѣлые люди между врачами-гомеопатами. Испытавъ сначала болѣе матеріальные приемы, они идутъ дальше, и производятъ, въ началѣ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ низкія дѣленія не имѣли полнаго успѣха, опыты съ средними и высокими дѣленіями. Если лекарство выбрано правильно, то успѣхъ часто бываетъ еще болѣе быстрый, чѣмъ при употребленіи низкаго дѣленія. Такимъ образомъ, врачъ привыкаетъ мало-по-малу и къ этому оружію, и уже не боится даже въ самыхъ острыхъ и опасныхъ болѣзняхъ употреблять инфинитезимальные приемы.

Многіе врачи старались, въ особенности въ популярныхъ сочиненіяхъ, установить общее правило для разграниченія сферы дѣйствія низкихъ и высокихъ дѣленій. Попытки эти слѣдуетъ считать положительно неудавшимися. Такъ, напримѣръ, въ большинствѣ этихъ сочиненій сказано, что въ острыхъ болѣзняхъ низшія, а въ хроническихъ—вышія дѣленія заслуживаютъ безусловно предпочтенія. Это возрѣніе не выдерживаетъ критики, потому что въ самыхъ острыхъ болѣзняхъ, какъ, напримѣръ, въ крупѣ и дифтеритѣ, многіе врачи-гомеопаты съ отличнымъ успѣхомъ употребляютъ: *Aconit*, *Spongia*, *Hepar sulfuris* и *Mercurius cyanatus* въ 30-хъ дѣленіяхъ; а въ сифилисѣ, который никакъ уже не принадлежитъ къ разряду острыхъ болѣзней, всѣ гомеопаты даютъ низкія дѣленія; такъ какъ опытъ явно пока-

заль, что *Mercurius solubilis* въ низкихъ растираніяхъ (до 3-го сотеннаго) въ свѣжихъ случаяхъ этой болѣзни есть единственное, вполне гомеопатическое лекарство.

Постановить какое бы то ни было общее правило для употребленія различныхъ дѣленій до сихъ поръ совершенно невозможно, потому что, для рѣшенія этого вопроса въ каждомъ единичномъ случаѣ, необходимо принять въ соображеніе не только характеръ и форму болѣзни, но и конституцію больного и, наконецъ, специфическія свойства употребляемаго лекарства. Въ гомеопатіи употребляется цѣлый рядъ лекарственныхъ веществъ, которыя въ грубомъ, матеріальномъ видѣ не имѣютъ почти никакого замѣтнаго дѣйствія на человѣчскій организмъ. Такъ, напримѣръ, уголь (*Carbo vegetabilis*), поваренная соль (*Natrium muriaticum*) и другія лекарства въ низкихъ дѣленіяхъ мало дѣйствительны, а въ высочайшихъ, напротивъ, весьма сильно дѣйствуютъ.

Если лекарство хорошо выбрано и по закону подобія подходитъ, то слѣдуетъ больному назначить такое дѣленіе, которое, не вызывая ухудшенія симптомовъ болѣзни (первичное дѣйствіе слишкомъ матеріальныхъ дозъ), прямо и непосредственно исцѣляетъ.

Мы ниже помѣщаемъ списокъ лекарствъ, съ обозначеніемъ тѣхъ дѣленій, которыя считаемъ наибудобнѣйшими при составленіи домашней аптеки. Въ специальной, терапевтической части нашего труда мы будемъ выставлять только лекарства, безъ означенія дѣленій, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что, въ большинствѣ случаевъ, начиная отъ 3-го центимальнаго дѣленія и выше, до 30-го, всѣ будутъ давать хорошіе результаты, если только лекарство выбрано вѣрно.

Самая удобная форма гомеопатическихъ лекарствъ, безспорно, крупинки. Ихъ можно даже давать спящимъ младенцамъ безъ всякаго затрудненія. Кромѣ того, крупинки имѣютъ болѣе мягкое и пріятное дѣйствіе на нервную систему, нежели спиртные растворенія, которыя иногда раздражаютъ чрезмерно нервы, особенно въ очень острыхъ болѣзняхъ, у женщинъ и у дѣтей.

Въ острыхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ лихорадочнымъ состояніемъ, сильными болями и вообще бурными явленіями, необходимо давать частые приемы. Такъ, напримѣръ, въ крупнѣ и въ азіатской холерѣ приходится иногда давать черезъ 10—15 минутъ по приему; въ другихъ, менѣе скоротечныхъ острыхъ болѣзняхъ, приемы повторяются черезъ 1—2—3 часа.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ удобнѣе всего приготовить рас-

творъ лекарства (5—10 крупинокъ въ полустаганѣ) и на каждый пріемъ давать по чайной ложкѣ.

Само собою разумѣется, что вода должна быть, по возможности, чистая (для маленькихъ дѣтей требуется непременно отварная), и что лекарственный растворъ долженъ быть защищенъ отъ пыли и всякихъ другихъ случайныхъ примѣсей.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ которыхъ не требуются такіе частые пріемы, крупинки можно давать въ сухомъ видѣ, отъ 2-хъ до 3-хъ на пріемъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что гомеопатическія крупинки не глотаются такъ, какъ алопатическія пилюли. Сворѣе и лучше всего онѣ производятъ свое дѣйствіе, если ихъ поддержать на языкѣ, покуда онѣ не растворятся въ слюнкѣ, и затѣмъ уже проглотить ихъ. При этомъ тончайшіе лимфатическіе сосуды языка прямо всасываютъ частичку гомеопатическаго лекарственнаго пріема и нервѣдко слѣдуетъ поражающее своею быстротою дѣйствіе.

Если лекарство дается въ капляхъ, то въ острыхъ и скоротечныхъ болѣзняхъ самое лучшее растворить нѣсколько капель (отъ 3 до 5) въ пол-стаганѣ воды, со всѣми предосторожностями, о которыхъ сказано выше, и давать больному по чайной ложкѣ этого раствора на пріемъ. При употребленіи болѣе рѣдкихъ пріемовъ дается одна капля на чайную ложку воды.

Весьма рѣдко встрѣчается необходимость давать гомеопатическое лекарство въ растираніи. Почти всегда это однако неизбѣжно въ сифилисѣ, гдѣ Мерcurius употребляется въ низкихъ дѣленіяхъ. Пріемъ въ такомъ случаѣ состоитъ приблизительно изъ количества, помѣщающагося на кончикѣ перочиннаго ножа.

Иногда случается, что при употребленіи правильно выбраннаго лекарства, вскорѣ послѣ первыхъ пріемовъ его, болѣзненные симптомы не только не уступаютъ и ослабляются, но даже усиливаются. Это называется гомеопатическимъ ожесточеніемъ. Явленіе это наблюдается особенно у впечатлительныхъ и нервныхъ больныхъ и почти всегда служитъ доказательствомъ, что лекарство дано въ слишкомъ низкомъ дѣленіи. Въ большинствѣ случаевъ, если при появленіи этого гомеопатическаго ожесточенія прекратить дальнѣйшее повтореніе пріемовъ лекарства, то оно вскорѣ уступаетъ слѣдующему за нимъ улучшенію. Однако въ тяжелыхъ болѣзняхъ, особенно при воспалительныхъ процессахъ, съ пользою можно, по прошествіи лишь нѣсколькихъ часовъ, перейти къ употребленію того же лекарства, но въ значительно высшемъ дѣленіи, обыкновенно не ниже

30-го. Самый выдающійся примѣръ такого «гомеопатическаго ожесточенія» мнѣ пришлось наблюдать въ одномъ случаѣ обоюдосторонняго крупознаго воспаленія легкихъ у одной 50-ти-лѣтней дамы. Приглашенный на консилиумъ товарищъ былъ совершенно согласенъ съ предложеннымъ мною лекарствомъ, дѣйствительно единственно подходящимъ. То былъ Phosphor. Однако онъ настаивалъ на низкомъ дѣленіи, и больная получила одинъ приемъ 3-го дѣленія въ капляхъ. Состояніе больной въ $\frac{1}{4}$ часа такъ видимо ухудшилось, что опасались за ея жизнь. Часъ спустя было дано 30-е дѣленіе и дѣйствіе было поразительно хорошее, такъ что выпоть, наполнившій сплошною массою почти всѣ части обѣихъ легкихъ, разрѣшился и всосался менѣе чѣмъ въ двухнедѣльный срокъ совершенно.

Въ хроническихъ болѣзняхъ приемы лекарства повторяются обыкновенно отъ 1—2 разъ въ день. Есть однако случаи, въ которыхъ лучше давать еще болѣе рѣдкіе приемы.

Въ случаяхъ, въ которыхъ приходится употреблять одно и то же лекарство въ продолженіи долгаго времени, бываетъ весьма полезно отъ времени до времени мѣнять дѣленіе. При этомъ, если сначала больному было назначено 30-е дѣленіе, то можно сначала понижать дѣленіе постепенно, т. е. переходить къ 12-му, 6-му и 3-му, а затѣмъ обратнымъ образомъ опять повышать постепенно дѣленіе до 30-го. Это дѣлается потому, что въ упорныхъ хроническихъ страданіяхъ организмъ черезъ нѣкоторое время привыкаетъ къ лекарственному раздраженію, производимому извѣстнымъ дѣленіемъ, и оно перестаетъ уже оказывать то дѣйствіе, которое было замѣтно въ началѣ. При переходѣ же къ другому дѣленію, или болѣе низкому, или болѣе высокому, весьма часто дѣйствіе лекарства тотчасъ опять появляется.

Съ этою же цѣлью бываетъ весьма полезно въ хроническихъ болѣзняхъ, отъ времени до времени (1—2 раза въ недѣлю), вставлять между приемами главнаго лекарства по одному приему Sulfur 30, такъ какъ это средство вообще усиливаетъ восприимчивость организма къ лекарственному раздраженію.

Весьма часто встрѣчаются случаи въ практикѣ, въ которыхъ многіе врачи-гомеопаты, къ числу которыхъ принадлежу и я, нашли, что исцѣленіе больнаго ускоряется, если ему дается не одно только лекарство, а два попеременно, смотря по характеру болѣзненнаго процесса, съ различными промежутками времени.

Однако такое одновременное употребленіе двухъ лекарствъ требуетъ большой осторожности и основательнаго знанія фар-

мѣологическихъ и патогенетическихъ свойствъ употребляемыхъ средствъ; особенно же нужно знать, какія лекарства могутъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ въ одномъ и томъ же направленіи, такъ какъ легко одно можетъ мѣшать дѣйствию другого, или даже совсѣмъ парализовать его, если оно имѣетъ антидотное отношеніе къ нему.

Поэтому нужно посоветовать всякому неврачу или вообще новичку въ дѣлѣ гомеопатическаго леченія ограничиться однимъ, по возможности тщательно выбраннымъ лекарствомъ и переходить только тогда къ другому, если это лекарство или выполнило свою задачу и отъ него болѣе въ данномъ случаѣ ничего ожидать нельзя, или же ходъ болѣзни показываетъ ясно, что оно недостаточно соотвѣтствуетъ болѣзни по закону подобія, а потому не даетъ желательныхъ результатовъ.

Какъ исключеніе изъ этого правила можно допустить только тѣ случаи, въ которыхъ, въ отдѣлѣ специальной терапіи, указаны будутъ сочетанія двухъ лекарствъ, даваемыхъ попеременно. Эти сочетанія испытаны многолѣтнимъ опытомъ и дознано, что не только одно другому не мѣшаетъ, но, напротивъ, одно способствуетъ дѣйствию другого.

Мѣнять поочередно болѣе двухъ лекарствъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не допускается рѣціональною гомеопатіею.

Во всякомъ случаѣ необходимо остерегаться отъ слишкомъ поспѣшной и частой перемѣны лекарства, происходящей весьма часто отъ недостатка терпѣнія въ выжиданіи желаемаго дѣствія его. При такомъ безпкойномъ и нетерпѣливомъ врачеваніи никогда нельзя ожидать удовлетворительныхъ, а тѣмъ менѣе блестящихъ результатовъ.

Тутъ можетъ легко случиться, что первое, или одно изъ первыхъ лекарствъ, назначенныхъ больному, было вполнѣ подходящее; но вслѣдствіе нетерпѣнія дѣйствіе его не выжидалось, и все, что послѣ уже назначается больному, будетъ уже болѣе или менѣе промахомъ.

Вотъ почему многіе совершенно справедливо утверждаютъ, что они пробовали гомеопатію, но что они не видѣли никакого дѣствія или не получили никакой помощи (!). Я полагаю, что я не далеко отъ истины, если утверждаю, что по крайней мѣрѣ 30% всѣхъ случаевъ, въ которыхъ гомеопатическое леченіе дало отрицательные результаты, относятся именно къ этой категоріи, т. е. тутъ ужъ никакъ не виновата «гомеопатія», а виноваты неумѣлость, неопытность и незнаніе «гомеопата».

Ганеманъ сказалъ, предвидя это: «Испытайте, но испытайте правильно!»

Какъ оно ни невѣроятно, тѣмъ не менѣе вѣрно, что, чѣмъ болѣе кто нибудь презиралъ гомеопатію и глумился надъ нею, тѣмъ болѣе онъ, если наконецъ соблаговолитъ испытать ее на дѣлѣ, расположенъ ожидать въ какія нибудь четверть часа самыхъ баснословныхъ результатовъ. Съ другой же стороны, гомеопатія дѣйствительно иногда, если посчастливится сразу найти вполнѣ подходящее лекарство, даетъ столь блистательные и даже изумительные результаты, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это недостижимо и невозможно по причинамъ, вовсе независящимъ отъ лекарства, неопытные гомеопаты легко теряютъ терпѣніе и начинаютъ самымъ безцѣльнымъ образомъ мѣнять лекарство, одно за другимъ, постоянно отдаляясь отъ своей цѣли, вмѣсто того, чтобы приближаться къ ней.

Нельзя не упомянуть еще вкратцѣ о томъ, что нѣкоторые врачи-гомеопаты производили опыты двумя лекарствами, смѣшанными въ одну «микстуру». Тутъ уже контроль надъ дѣйствіемъ лекарства дѣлается совершенно невозможнымъ и поэтому такого рода врачеваніе уже никакъ несовмѣстимо съ самыми основными научными принципами гомеопатіи.

Резюмируя вкратцѣ все выше сказанное объ употребленіи гомеопатическихъ лекарствъ, мы совѣтуемъ всякому, испытывающему гомеопатическое леченіе, строго придерживаться слѣдующихъ правилъ:

1) Выбирать лекарство по возможности тщательно, соображаясь со всѣми показаніями, проистекающими изъ рода болѣзни и характера ея симптомовъ, т. е. со всѣми объективными и субъективными особенностями даннаго случая.

2) По выборѣ лекарства назначить больному лучше всего какое нибудь изъ среднихъ или высокихъ дѣленій, отъ 6-го до 30-го (я въ большинствѣ всѣхъ вообще случаевъ употребляю 30-е дѣленіе въ крупинкахъ), такъ какъ, при употребленіи этихъ дѣленій, первичное дѣйствіе лекарства почти никогда не замѣчается, и всякая наблюдаемая перемѣна въ состояніи больного къ лучшему будетъ явнымъ доказательствомъ правильнаго выбора лекарства. При употребленіи низкихъ дѣленій можетъ легко случиться, что дѣйствіе его будетъ слишкомъ насильственно и бурно, что появится гомеопатическое ожесточеніе и поэтому правильно выбранное лекарство будетъ оставлено и замѣнено другимъ, гораздо менѣе подходящимъ.

3) Если на первыхъ порахъ не появится перемѣны къ

лучшему въ состояніи больного, то не слѣдуетъ тотчасъ терпѣніе и мѣнять лекарство, а непремѣнно нужно выждать дѣйствіе, соображаясь притомъ всегда съ характеромъ и особенностями даннаго случая. Въ хроническихъ болѣзняхъ нужно иногда недѣлями выждать, но и въ острыхъ нѣтъ ничего хуже, какъ 3—4 раза въ день мѣнять лекарство.

4) Никогда не слѣдуетъ ожидать болѣе чѣмъ «возможное» отъ лекарства. Множество болѣзненныхъ процессовъ, какъ, на-примѣръ, острые сыпи, тифъ, воспалительные процессы внутреннихъ органовъ и проч., непремѣнно должны пройти черезъ извѣстные фазисы, даже при самомъ удачномъ и цѣлесообразномъ леченіи. Поэтому тѣ, что можетъ казаться при поверхностномъ взглядѣ на больного ухудшеніемъ его состоянія, часто есть только явленіе, необходимое для благополучнаго исхода болѣзненного процесса, и притомъ можетъ быть даже явленіе значительно ослабленное и смягченное дѣйствіемъ правильно назначеннаго гомеопатическаго лекарства.

5) Если въ извѣстный, впрочемъ въ различныхъ болѣзняхъ весьма различный промежутокъ времени не послѣдуетъ никакой перемѣны къ лучшему, или же послѣдуетъ такое ухудшеніе, которое нельзя объяснить, какъ необходимый фазисъ теченія болѣзни, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что лекарство выбрано неправильно, и перейти къ другому, болѣе подходящему. При этомъ нужно конечно стараться найти, въ чемъ состояла та ошибка, которая въ первый разъ привела къ неправильному выбору лекарства, съ цѣлью по возможности избѣгать подобныхъ ошибокъ въ будущемъ.

6) Чѣмъ меньше число лекарствъ и чѣмъ рѣже приемы, употребляемые для исцѣленія даннаго случая болѣзни, тѣмъ лучше.

Никогда не слѣдуетъ давать многое, гдѣ цѣль вполне достигается (и въ тому еще обыкновенно достигается гораздо скорѣе и лучше) малымъ. «*Quod fieri potest par pauca, non debet fieri per multa*».

С. Гигіена и діететика больныхъ.

Огромное большинство всѣхъ случаевъ заболѣванія вообще имѣютъ, по крайней мѣрѣ ближайшею причиною какое нибудь болѣе или менѣе важное упущеніе относительно соблюденія гигиеническихъ правилъ, необходимыхъ для сохраненія здоровья,

или относительно діеты. Можно сказать, что при хороших гигиенических условиях и при соблюдении правильной діеты, человекъ съ слабымъ организмомъ, расположеннымъ къ извѣстнаго рода болѣзнямъ, можетъ пользоваться сравнительно хорошимъ здоровьемъ, и что, наоборотъ, самый крѣпкій организмъ не можетъ долго противостоятъ вредному вліянію дурныхъ гигиеническихъ условий и несообразной съ законами природы діеты.

Если одна сторона задачи врача состоитъ въ томъ, чтобы лечить и испѣлать болѣзни, то другая, можетъ быть еще болѣе важная, состоитъ въ предотвращеніи заболѣванія и въ возможно болѣе тщательномъ сохраненіи здоровья.

Одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ вліянія гомеопатіи на все дѣло практической медицины и врачеванія вообще усматривается въ томъ, что со времени появленія этого новаго ученія Ганемана, всѣ врачи стали обращать несравненно больше вниманія на гигиену и діететику своихъ больныхъ, нежели это дѣлалось прежде.

Правда, что наши противники, алопаты, опять-таки изъ этого обстоятельства постарались сковать себѣ оружіе противъ гомеопатіи. Видя, съ одной стороны, большую тщательность врачей-гомеопатовъ въ примѣненіи законовъ и правилъ гигиены и діететики у постели больныхъ и не будучи въ состояніи отрицать всегда блистательные результаты, достигаемые этою методою леченія, они начали утверждать, что гомеопаты лечуть «одною діетою», такъ какъ эта «водичка», которая дается больнымъ вмѣсто лекарства, конечно, не можетъ оказать никакого дѣйствія.

Несообразность, неосновательность и полнѣйшая нелогичность этой «инсинуаціи», въ виду столѣтняго существованія научной гомеопатической терапіи, почти не нуждается въ объясненіи.

Достаточно указать на всѣ тѣ случаи, въ которыхъ больные, при хорошихъ гигиеническихъ условияхъ, невольно находятся на абсолютной діетѣ, т. е. ничего не ѣдятъ и даже подъ часть ничего не пьютъ, и гдѣ единственное постороннее вліяніе, которому подвергается больной, есть именно эта презрѣнная алопатами «водичка».

Гигиена и діететика у постели больного представляетъ только одну отрицательную сторону пользованія его, т. е. удаленіе всѣхъ тѣхъ условий относительно внѣшней обстановки и пищи больного, которыя могутъ вредно повліять на него и заторма-

зить или даже сдѣлать невозможнымъ его выздоровленіе. Собственно же леченіе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, заключается въ употребленіи подходящаго лекарства.

Къ выше изъясненному полемическому приему алопатовъ можно примѣнить извѣстную пословицу: «кто другому аму роетъ, тотъ самъ въ нее упадетъ». Если гомеопаты «одною дѣтою» достигаютъ значительно лучшихъ результатовъ, нежели алопаты, то зачѣмъ же алопаты продолжаютъ отравлять своихъ больныхъ лекарствами!? Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что во многихъ случаяхъ лечиться алопатіею гораздо хуже и опаснѣе, нежели буквально лечиться «одною дѣтою», и что часто одно изъ первыхъ гигиеническихъ мѣропріятій у постели больного состоитъ въ удаленіи всего алопатическаго лечебнаго аппарата.

I. Комната больного.

Комната больного должна быть по возможности большая и удаленная отъ шума. Зимой солнечная, а лѣтомъ тѣневая сторона заслуживаетъ предпочтеніе.

Такъ какъ больной долженъ быть защищаемъ отъ сильнаго свѣта, то при постановкѣ постели нужно имѣть въ виду это обстоятельство, также какъ и то, чтобы она не была расположена слишкомъ близко отъ печи или дверей.

Весьма важный вопросъ составляетъ обновленіе воздуха въ комнатѣ больного; тутъ слѣдуетъ остерегаться двухъ крайностей: нѣкоторые изъ боязни простудить больного вовсе не провѣтриваютъ комнаты его, другіе же дѣлаютъ это крайне неосмотрительно и неосторожно.

Относительно этого обстоятельства слѣдуетъ всегда сообразоваться съ состояніемъ больного и съ характеромъ его болѣзни. Какъ общее правило слѣдуетъ имѣть въ виду, что никогда не дозволяется впускать въ комнату больного холоднаго, наружнаго воздуха въ то время, когда онъ потѣетъ. Тутъ всегда необходимо выждать, чтобы потъ прошелъ, тщательно на-сухо вытереть больного, переменить ему бѣлье (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это вообще дозволяется, т. е. кромѣ острыхъ сыпей, гдѣ перемена бѣлья строго воспрещается не только до полнаго прекращенія лихорадочнаго состоянія, но даже до ванны) и затѣмъ уже со всѣми необходимыми предосторожностями можно приступить къ провѣтриванію комнаты. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ лихорадочное состояніе не сопряжено съ испари-

ной (сухой жаръ), можно дѣйствовать смѣлѣе, такъ, на примѣръ, въ тифѣ до появленія критическаго пота. Все-таки необходимо всегда имѣть въ виду общее правило, что струя свѣжаго воздуха, имѣющаго болѣе низкую температуру, нежели воздухъ въ комнатѣ, никогда не должна непосредственно доходить до больного. Поэтому въ такихъ случаяхъ, гдѣ размѣры комнаты больного не позволяютъ отсрывать окна въ ней, слѣдуетъ сдѣлать это въ сосѣдней комнатѣ. Необходимо также обращать вниманіе на доброкачественность впускаемаго въ комнату больного наружнаго воздуха. Всякаго рода куреніе въ комнатѣ больного душистыми веществами или даже уксусомъ слѣдуетъ избѣгать. Употребленіе карболовой кислоты, какъ воздухо-очистительнаго средства также заслуживаетъ порицанія, потому что, съ одной стороны, нестерпимая вонь отъ этого вещества должна беспокоить больного и раздражать его нервы, а съ другой—карболовый газъ вредно дѣйствуетъ на легкія.

Единственное химическое средство, допускаемое для очищенія воздуха въ комнатѣ больного, есть *Kali hypermanganicum* (перекись марганца). Щепотка этого вещества растворяется въ такомъ количествѣ воды, чтобы послѣдняя приняла ярко-розовый цвѣтъ, и затѣмъ этотъ растворъ наливается въ глубокія тарелки и разставляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ комнатѣ больного. Растворъ этотъ не имѣетъ никакого запаха и уничтожаетъ всѣ водородные газы, поглощая водородъ, причемъ освобождается изъ перекиси марганца соотвѣтствующее количество кислорода.

Вообще всякаго рода запахъ дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на нервную систему больныхъ и поэтому цвѣты должны быть безжалостно изгоняемы изъ комнаты больного.

Температура въ комнатѣ больного, въ большинствѣ случаевъ не должна быть ниже 13° и не должна превышать 15° по Реомюру. Исключеніе изъ этого правила составляютъ острия сыпи, корь и скарлатина, особенно у дѣтей. Въ этихъ двухъ болѣзняхъ температура можетъ быть доведена до 16° Реомюра. Сильныя колебанія температуры дѣйствуютъ весьма вредно на больныхъ и поэтому присутствіе хорошаго термометра и постоянное регулированіе температуры въ комнатѣ больного крайне необходимы.

Отопленіе. Лучшее отопленіе въ нашемъ сѣверномъ климатѣ—безспорно отопленіе посредствомъ простыхъ изразцовыхъ или желѣзныхъ печей, такъ какъ всѣ другія системы отопленія имѣютъ вредное вліяніе на качество комнатнаго воздуха. Какъ при введеніи теплаго, нагрѣтаго воздуха въ жилища помещенія

(такъ называемое амосовское отопленіе), такъ и при нагрѣваніи находящагося въ комнатахъ воздуха посредствомъ желѣзныхъ трубъ, наполненныхъ горячими водяными парами (водяное отопленіе), воздухъ въ комнатѣ нагрѣвается, не будучи заранѣе обновленнымъ. Вслѣдствіе этого воздухъ дѣлается крайне сухимъ и сохраняетъ въ себѣ множество вредныхъ для здоровья примѣсей. Нельзя не сожалѣть о томъ, что въ послѣднее время большинство вновь выстроенныхъ въ Петербургѣ домовъ снабжены водянымъ отопленіемъ, которое многихъ ослѣпляетъ своею дешезивною и своимъ удобствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне вредно для здоровья. Конечно, болѣе всего страдаютъ въ такомъ случаѣ дѣти и больные.

Поэтому въ комнатѣ больного должна быть печь, и притомъ лучше всего, если она топится именно изъ этой комнаты, такъ какъ этимъ путемъ легче и лучше всего обновляется воздухъ и производится провѣтриваніе, неощутительное для больного и ничѣмъ незамѣнимое въ холодное время года (т. е. у насъ въ продолженіи девяти мѣсяцевъ въ году).

Кстати нельзя не сказать слова и о новыхъ домахъ. Я часто удивлялся тому безграничному легкомыслію, съ которымъ многіе у насъ, въ Петербургѣ, вѣзжаютъ въ новыя, только что отстроенныя каменные дома. Это есть самый наивѣрнѣйшій путь для здоровыхъ взрослыхъ людей пріобрѣсти различныя хроническія болѣзни и худосочіа. Но что же сказать о дѣтяхъ и о больныхъ?! Испаренія медленно высыхающей каменной стѣны и сырой штукатурки самымъ пагубнымъ образомъ дѣйствуютъ на здоровье, и вдобавокъ, если притомъ въ такомъ новомъ домѣ устроено водяное отопленіе, то опасность удваивается. Я никогда не забуду одного весьма характернаго, именно въ этомъ отношеніи, случая изъ моей практики. Переѣхало одно семейство изъ моихъ паціентовъ въ только что отстроенный каменный домъ съ водянымъ отопленіемъ. Узнавъ объ ихъ намѣреніи сдѣлать это, я самымъ убѣдительнымъ образомъ отсовѣтовалъ имъ это, но тщетно; квартира была очень удобна, красива и сравнительно недорого—и меня не послушали. Прошло два мѣсяца и единственная дочь въ этомъ семействѣ, дѣвочка пяти лѣтъ, заболѣла дифтеритомъ, и притомъ такой страшной формы, какъ мнѣ ни до, ни послѣ этого не приходилось видѣть. Не только зѣвъ, но и вся слизистая оболочка рта, языка, носа и даже губы покрылись сплошною массою дифтеритическаго выпота.

Не смотря на *Mercurius suapatus*, это вѣрнѣйшее средство противъ дифтерита, при которомъ сотни случаевъ на моихъ

глазахъ исцѣлялись въ 4—5 дней, ребенокъ въ продолженіи почти трехъ недѣль былъ между жизнью и смертью. Наконецъ, къ моей величайшей радости, болѣзнь приняла хорошій оборотъ. Все пространство пораженной дифтеритомъ слизистой оболочки очистилось и дѣвочка встала съ постели. Но увы! она неправлялась; блѣдная какъ смерть, она бродила какъ тѣнь по большимъ, свѣтлымъ и красивымъ комнатамъ дешевой квартиры. и день ото дня все болѣе и болѣе ослабѣвала. Тщетно я уговаривалъ своенравнаго и ограниченнаго отца немедленно удалить ребенка изъ своей квартиры и дать ей воздуха, онъ все утверждалъ, что квартира ни при чемъ, живутъ дескать и другіе люди и проч., проч.

И такъ, прошло еще шесть недѣль, и ребенокъ этотъ, безъ всякой видимой болѣзни, умеръ отъ худосочія только вслѣдствіе недостатка хорошаго, свѣжаго воздуха!

Не даромъ пословица говорить, что на первый годъ хозяинъ долженъ въ новый домъ даромъ помѣстить своего злѣйшаго врага.

II. Постель больного.

Лучше всего такъ поставить постель больного, чтобы головной конецъ ея упирался въ стѣну, для того, чтобы возможно было съ обѣихъ сторонъ подойти къ больному.

Довольно твердый, хорошо набитый, эластичный волосяной матрасъ—самая лучшая подстилка для больного. Относительно покрывала необходимо сообразоваться съ состояніемъ больного. При сильномъ жарѣ не слѣдуетъ слишкомъ тепло укрывать больного. Легкое шерстяное или еще лучше шелковое на ватѣ одѣяло совершенно достаточно. При кори и скарлатинѣ можно употреблять болѣе теплое покрывало, а при оспѣ болѣе легкое, всегда же слѣдуетъ избѣгать перины и тяжелыхъ вещей, какъ, напримѣръ, шубы, которая въ прилипчивыхъ болѣзняхъ вообще опасна, потому что легко пропитывается прилипчивымъ веществомъ и всегда беспокоитъ больного.

Весьма тщательно слѣдуетъ обращаться и съ постельнымъ бѣльемъ, особенно въ трудныхъ и долгихъ болѣзняхъ.

Не говоря уже о непремѣнномъ требованіи безукоризненной чистоты его, нужно всегда слѣдить за тѣмъ, чтобы простыня лежала гладко на матрасѣ, потому что всякая складка, на которой лежитъ больной, не только должна беспокоить его, но можетъ быть причиною образованія пролежней. Поэтому у очень

безпокойныхъ или очень слабыхъ больныхъ бываетъ необходимо прерѣшивать простыню къ матрасу посредствомъ булавокъ (épingle de sûreté). Полезно бываетъ также пришивать верхнюю простыню къ одеялу.

При перемѣнѣ бѣлья слѣдуетъ всегда заранѣе тщательно просушивать и прогревать его, такъ какъ сырое и холодное постельное бѣлье можетъ легко простудить больного.

При употребленіи грѣлокъ нужно обратить вниманіе на температуру употребляемой воды. Легко случается, что слишкомъ горячая грѣлка причиняетъ больному ожоги; особенно важно это у дѣтей. Никогда грѣлка не должна быть такъ горяча, чтобы нельзя было взять ее въ руки.

Относительно положенія больного въ постели трудно дать какое нибудь общее для всѣхъ случаевъ правило. Весьма часто, въ силу симптомовъ или мѣста самой болѣзни, больной принужденъ принимать болѣе или менѣе постоянно извѣстное положеніе. Больной долженъ всегда лежать по мѣрѣ крайней возможности удобно. При нѣкоторомъ тактѣ и смѣтливости, лица, ухаживающія за больнымъ, легко замѣтятъ, въ какомъ положеніи больной чувствуетъ себя лучше всего, и это положеніе слѣдуетъ ему давать елико возможно чаще. Однако не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида, что опасность для образованія пролежней непремѣнно требуетъ, чтобы больной отъ времени до времени измѣнялъ свое положеніе, если это только возможно.

Трудные и очень слабые больные очень легко сѣвзажуютъ съ своихъ подушекъ и тогда принимаютъ такое положеніе, въ которомъ дыханіе ихъ болѣе или менѣе затруднено. Поэтому такимъ больнымъ не слѣдуетъ подсовывать слишкомъ много подушекъ подъ голову или подъ плечи, а лучше дать имъ почти горизонтальное положеніе.

Для перемѣны бѣлья и освѣженія постели лучше всего переложить больного на другую запасную кровать, придвинутую на это время къ его постели.

Я считаю излишнимъ во всему сказанному добавить, что, относительно всѣхъ предметовъ и сосудовъ употребляемыхъ для больного, должна быть неотступно соблюдаема самая безукоризненная и строжайшая чистота.

III. Пролежни (Decubitus).

Иногда случается, что, не смотря на самый тщательный и предусмотрительный уходъ, у трудно-больныхъ образуется на

тѣхъ мѣстахъ тѣла, которыя больше всего подвержены давленію, такъ называемые пролежни. Чаще всего поражаются крестецъ, лопатки, верхнія части бедръ и пятки. Сначала, вслѣдствіе давленія на эти мѣста и происходящаго отъ него затрудненія кровообращенія, образуется легкая краснота кожи. Какъ только эта краснота замѣчается, что раньше всего обыкновенно бываетъ на крестцѣ, то немедленно слѣдуетъ подложить больному гутаперчевую подушку въ видѣ круга и отъ 3 до 4 разъ въ день прикладывать къ пораженному мѣсту компрессы, намоченныя въ водяномъ растворѣ настойки арника (15 капель *Tinctura Arnicae* на пол-стакана воды). Такимъ образомъ весьма часто удается предупредить дальнѣйшее развитіе пролежня и переходъ его въ нагноеніе. Кромѣ того, въ этихъ случаяхъ весьма полезно (если только это не противорѣчитъ прочему лечению больного) давать больному 2, 3 раза въ день по 3 крупинки *Arsenicum* 30, такъ какъ пролежень есть ничто иное, какъ мѣстное омертвѣніе кожи, вслѣдствіе затрудненнаго отъ давленія кровообращенія. Если пролежень уже перешелъ въ нагноеніе, то онъ лечится какъ всѣ другія язвы съ склонностью къ омертвѣнію. Въ такихъ случаяхъ внутреннее употребленіе *Arsenicum* дѣлается уже необходимымъ.

IV. Нѣсколько общихъ правилъ для ухода за больными.

Одно изъ первыхъ и главныхъ требованій для всякаго серьезно больного состоитъ въ возможно большемъ спокойствіи, какъ тѣлесномъ, такъ и душевномъ. Казалось-бы, что это извѣстно всѣмъ и каждому, что почти лишнее объ этомъ и говорить. Но тѣмъ не менѣе, такъ много и такъ часто грѣшатъ противъ этого правила, что мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе нашихъ читателей на этотъ важный законъ ухода за больными. Многіе считаютъ, что они достаточно «успокоиваютъ» трудно или даже смертельно больного, если они его обманываютъ завѣдомо лживыми надеждами на выздоровленіе (іезуитская тактика, основанная на принципѣ извѣстнаго основателя этого зловреднаго ордена, Лоіолы: «цѣль оправдываетъ средства», и вторая, по моему глубокому убѣжденію, никогда еще не приносила пользы ни одному изъ этихъ несчастныхъ умирающихъ, переходящихъ въ вѣчность безъ всякаго приготовленія) и затѣмъ, не ограждаютъ его ни отъ шума, ни отъ лишней болтовни, тревожащей его. Нельзя тутъ не упомянуть о

нашихъ новомодныхъ повивальныхъ бабкахъ, имѣющихъ или не имѣющихъ другаго громкаго титула, считающихъ главною своею обязанностью по возможности болѣе разговаривать съ родильницами, рассказывать всевозможныя сплетни и вообще слѣдовать поговоркѣ: «много шуму и мало толку». вмѣсто того, чтобы подежурить ночью у родильницы, что весьма полезно и даже очень часто необходимо, онѣ два раза въ день забѣгаютъ къ своимъ родильницамъ и въ полчаса столько наговорятъ, что другому хватило бы на два дни. Но вообще многіе считаютъ своею обязанностью непременно «занимать» больныхъ, какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ, чтобы они не «скучали». Это совершенно неправильно. слѣдуетъ, напротивъ, руководствоваться тѣмъ правиломъ, что чѣмъ меньше говорить съ трудно-больными (а всякая родильница, какъ-бы она хорошо себя не чувствовала, есть трудно-больная), чѣмъ меньше ихъ тревожить рассказами или вопросами, тѣмъ лучше. Тѣ, что этими «занимателями больныхъ» называется «скучать», есть именно самая полезная вещь для всякаго трудно-больнаго.

Въ періодѣ выздоровленія допускается мало-по-малу занятіе съ больнымъ, какъ чтеніе вслухъ или спокойная бесѣда о такихъ предметахъ, которые не могутъ волновать или раздражать больнаго.

Относительно дачи лекарства нужно замѣтить, что самая педантичная акуратность требуется въ этомъ отношеніи при гомеопатическомъ леченіи, какъ относительно приготвленія и сохраненія лекарствъ, такъ и относительно сроковъ, назначенныхъ для ихъ приѣма.

При совершеніи необходимыхъ омовеній больнаго нужно избѣгать слишкомъ значительнаго обнаженія его тѣла. Покуда больной потѣетъ, никогда не слѣдуетъ мыть его. Вообще же для омовеній никогда не должна употребляться холодная вода, а всегда и во всѣхъ случаяхъ тепловатая, отъ 22° до 24° Р.

Въ кори и въ особенности въ скарлатинѣ, а также при рожистыхъ госпаленіяхъ, омовенія пораженныхъ частей тѣла строго воспрещены.

Новѣйшая метода леченія, принятая въ скарлатинѣ, къ сожалѣнію, нѣкоторыми извѣстными врачами, а именно леченіе этой болѣзни холодною водою въ видѣ завертываній и даже ваннъ, основывается на самомъ грубомъ незнаніи характера и опасностей этого болѣзненнаго процесса и ведетъ весьма часто къ гибели несчастныхъ больныхъ дѣтей, попавшихъ въ руки этихъ смѣлыхъ, хотя-бы и именитыхъ игнорантовъ.

Ванны и компрессы. Для пониженія температуры въ продолжительныхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ, въ особенности въ тифѣ, съ большою пользою можно употреблять теплыя ванны, т. е. отъ 25 до 27° Р. Сажать трудно больнаго въ холодную ванну есть варварство и показываетъ полнѣйшее незнаніе дѣйствія этого убійственнаго средства на больной организмъ. Однако аюпаты иногда заблуждаются еще больше.

Меня однажды призвали въ тифозной больной, молодой дѣвчѣ 19 лѣтъ, которой тремя знаменитостями (!?) были назначены обливанія всего тѣла ледяною водою въ пустой ваннѣ. Дѣйствіе на нервную систему этой несчастной было столь ужасно, что ее умирающе вытащили изъ первой же ванны, и черезъ полчаса она скончалась; и это было всего 4-й или 5-й день болѣзни!

О понижающемъ температуру дѣйствіи теплыхъ ваннъ, мы ниже, въ специальной части, будемъ говорить подробнѣе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда можно опасаться, что въ теплой ваннѣ сдѣлается приливъ крови къ головѣ, больному слѣдуетъ положить на голову компрессъ, намоченный водою въ 20—22° Р. Такою же, болѣе прохладною, нежели ванна, водою бываетъ полезно въ этихъ случаяхъ дѣлать и обливанія головы. Относительно компрессовъ на голову, встаетъ замѣтить, что многіе дѣлаютъ ихъ совершенно неправильно, обвязывая только одинъ лобъ мокрымъ платкомъ. Для этой цѣли берется полотенце и складывается такъ, чтобы закрыть всю, покрытую волосами часть головы въ видѣ шапки, тогда только такой компрессъ можетъ оказывать свое прохлаждающее дѣйствіе.

Вообще компрессы, употребляемые при уходѣ за больными, бываютъ троякаго рода:

1) Прохлаждающій компрессъ. При употребленіи этого компресса для головы больнаго, сидящаго въ теплой ваннѣ, какъ мы видѣли, берется вода въ 20—22° Р.; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, для него употребляется вода комнатной температуры. Онъ всегда мѣняется, какъ только начинаетъ согрѣваться, для чего, смотря по степени жара въ покрываемой компрессомъ части тѣла, требуется различное время, обыкновенно отъ 5 до 20 минутъ.

2) Полусогрѣвающій компрессъ. Эта форма главнымъ образомъ употребляется въ брюшномъ тифѣ. Онъ дѣлается такъ, что компрессъ, намоченный комнатою водою и хорошо выжатый, чтобы не замочить бѣлье и постель больнаго, кладется на пораженную часть тѣла (въ тифѣ онъ долженъ покрывать весь

животъ, начиная сверху отъ желудочной впадины) и покрывается сверху другимъ сухимъ полотенцемъ, которое по объему должно быть немного больше компресса. Полусогрѣвающимъ компрессъ мѣняется, смотря по температурѣ тѣла черезъ 1, 2—3 часа.

3) Согрѣвающимъ компрессъ (*compresse échauffante*) употребляется гораздо чаще, нежели два предыдущихъ рода компрессовъ. Для него употребляется также вода комнатной температуры; компрессъ, намоченный тщательно, выжимается и, положенный на мѣсто своего назначенія, покрывается тонкою клеенкою или гуталерчевою непромокаемою матеріею, а затѣмъ фланелью. Приэтомъ общее правило, что всегда верхній слой долженъ быть нѣсколько большихъ размѣровъ, нежели нижній.

Для согрѣвающего компресса, а также и для полусогрѣвающего, бываетъ иногда весьма полезно прибавлять въ употребляемую воду нѣсколько капель подходящаго лекарства (такъ напримѣръ, *Uguonia* или *Rhus* въ ревматизмъ, *Arnica* послѣ ушиба или контузии, *Calcudula* послѣ пораненія, *Ruta* при страданіяхъ на костницы отъ ушиба и проч.) Для этой цѣли берется отъ 5 до 10 капель начальной тинктуры подходящаго лекарства на стаканъ воды.

Врачи старой школы весьма часто еще до сихъ поръ употребляютъ ледъ, для пониженія температуры въ больной части тѣла и яко-бы для ослабленія воспалительнаго процесса. Нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, послѣ сильныхъ контузій, и у взрослыхъ, при воспалительныхъ процессахъ въ головномъ мозгѣ, употребленіе пресловутаго пузыря со льдомъ, приноситъ больному палативное облегченіе и поэтому употребленіе его въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть допускаемо. Но та мысль, что пузырь со льдомъ, покрывающій голову, уменьшаетъ хотя-бы на одну іоту воспалительный процессъ въ мозгу, принадлежитъ къ области наивной дѣтской фантазіи. Напротивъ, слишкомъ сильное и энергичное охлажденіе черепа и его покрововъ всегда дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на больного, вызывая сильнѣйшую реакцію живаго организма. (Алопаты, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забываютъ, что въ головномъ они не имѣютъ дѣла съ мертвою, безжизненною матеріею, а съ живымъ организмомъ, въ которомъ всякое раздраженіе непременно вызываетъ соответствующую ему по степени и силѣ реакцію). У дѣтей, особенно же у грудныхъ младенцевъ, употребленіе пузыря со льдомъ безусловно вредно и даже опасно, и поэтому такое варварское обращеніе съ

человѣческимъ существомъ должно быть совершенно изгоняемо изъ врачебной практики. Я знаю случай, въ которомъ врачъ-алопатъ, 14-ти-мѣсячному младенцу, при воспаленіи мозга, въ продолженіи многихъ часовъ прикладывалъ ледъ къ головеѣ съ ея еще открытою фонтанелью. Воспаленіе конечно не уменьшилось ни на волосъ, но за то мозгъ несчастнаго ребенка былъ почти отмороженъ и онъ долженъ былъ погибнуть.

Какъ относительно всякаго леченія вообще, такъ и относительно всѣхъ гидротерапевтическихъ мѣропріятій, слѣдуетъ руководствоваться всегда главнымъ основнымъ правиломъ, что всякое насилуваніе человѣческаго организма, а тѣмъ паче больнаго, должно неминуемо имѣть вредныя, а часто имѣетъ и пагубныя послѣдствія. Почти все то, что причиняетъ больному страданія, или вызываетъ очень ужъ непріятныя ощущенія, вредно, и чѣмъ осторожнѣе и деликатнѣе врачъ обращается съ больнымъ, тѣмъ лучшихъ онъ достигнетъ результатовъ. Всегда безопаснѣе и лучше не досолить, чѣмъ пересолить. Но для того, чтобы всегда и во всѣхъ случаяхъ слѣдовать этому правилу, требуется большая мѣра терпѣнія и скромности со стороны врача. Онъ долженъ непрестанно слѣдить за дѣйствіемъ и успѣхомъ своихъ мѣропріятій, и если успѣхъ этотъ не соотвѣтствуетъ его, основаннымъ на опытѣ и знаніи ожиданіямъ, то раньше всего онъ долженъ повонтролировать самого себя и спросить, не ошибся-ли онъ? Къ сожалѣнію, такіе врачи встрѣчаются гораздо рѣже, нежели тѣ, которые, слѣдуя какой-нибудь предвзятой мысли, или просто рутинѣ, тщетно стараются проломить головою стѣну, и не обладая даже минимальною мѣрою скромности и самосознанія, испытывъ полнѣйшее фіаско ихъ дѣятельности, все-таки остаются при своемъ и никогда ничему не научаются. Конечно, это относится совершенно одинаково ко всѣмъ врачамъ, какъ алопатъ, такъ и гомеопатамъ. Но къ счастью, трудности, встрѣчаемыя врачомъ-гомеопатомъ при выборѣ лекарства, а также сознаніе, что существуетъ «законъ подобія» и что есть случаи, въ которыхъ его познанія не находятся на высотѣ, требуемой для полнаго и правильнаго примѣненія этого закона на дѣлѣ—все это составляетъ важную и весьма полезную помощь для мыслящаго врача быть умѣреннымъ въ оцѣнкѣ самого себя.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при угрожающемъ упадкѣ силъ, напримѣръ, въ азіатской холерѣ, бываетъ полезно вызвать сильную дѣятельность кожи, посредствомъ растиранія тѣла больнаго. Для этой цѣли лучше всего употреблять мягкую, предва-

рительно хорошо прогрѣтую фланель. Для такихъ мѣсть, гдѣ кожа имѣетъ болѣе значительную толщину, можно также употребить мягкую волосяную щетку. Всегда-же при этихъ манипуляціяхъ слѣдуетъ дѣйствовать осмотрительно, чтобы не содрать кожу съ больнаго а вызвать только, если можно, легкую красноту ея, такъ какъ цѣль этихъ растираній не состоитъ въ насильственномъ механическомъ согрѣваніи охладѣвшаго тѣла больнаго, а въ томъ, чтобы посредствомъ раздраженія периферическихъ нервовъ вызвать реакцію въ его организмѣ. Иногда бываетъ полезно предварительно слегка смочить кожу больнаго, и для этого лучше всего употреблять смѣсь, состоящую изъ равныхъ частей достаточно крѣпкой (французской) водки, уксуса и соли, которая предварительно согрѣвается до 30—35° Р.

Сюда же относятся, излюбленные многими ультра-консерваторами въ медицинѣ, горчичники. Нельзя отрицать, что при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ явленіяхъ, при головной боли, при боли въ желудкѣ и проч. горчичники иногда на время успокоиваютъ больныхъ; но собственно исцѣляющее дѣйствіе они никогда не имѣли, не имѣютъ и имѣть не могутъ. Употребленіе ихъ, если оно обставлено необходимыми предосторожностями, т. е. если ограничиваются тѣмъ, чтобы вызвать легкую красноту кожи, можетъ быть разрѣшаемо; но всякій врачъ-гомеопатъ долженъ знать, что необходимость прибѣгнуть къ такому паліативно-облегчающему средству, какъ горчичникъ, есть ничто иное, какъ «свидѣтельство о бѣдности» его знанія фармакологіи, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ горчичникъ облегчаетъ боль, цѣль эта можетъ быть достигнута гораздо скорѣе и лучше посредствомъ употребленія подходящаго гомеопатическаго лекарства. У маленькихъ дѣтей и при значительномъ лихорадочномъ повышеніи температуры употребленіе горчичниковъ ни въ какомъ случаѣ не допускается.

Вообще будетъ не лишне тутъ присовокупить, что большинство терапевтическихъ приѣмовъ, относящихся къ такъ называемому «отвлекающему» методу леченія, слѣдуетъ считать обветшалыми и приносящими гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Сюда относится употребленіе мушекъ и кантаридныхъ мазей, употребленіе втираній съ рвотнымъ камнемъ, открытіе фонтанелей, прижиганія каленымъ желѣзомъ, употребляемыя еще нѣкоторыми аллопатами — *horribile dictu* — при хроническихъ страданіяхъ спиннаго мозга, и тому подобныя варварскіе приѣмы, достойные развѣ быть упомянутыми въ какомъ нибудь музеѣ

Гасснера или Лента, на ряду съ пресловутыми орудіями инъвизиціи!

Только сама природа, и она одна, можетъ найти пути для разрѣшенія скрытыхъ внутри болѣзненныхъ процессовъ на наружной поверхности тѣла, а желѣзными щипцами и грубымъ насилуваніемъ организма этого достигнуть невозможно.

Къ вспомогательному аппарату ухода за больными принадлежитъ еще одинъ приемъ, считающійся, наравнѣ съ горчичниками, къ сожалѣнію также «домашнимъ средствомъ». Это ножныя ванны, горячія и употребляемыя вдобавокъ еще обмывенно съ примѣсью горчицы, золы и тому подобныхъ раздражающихъ веществъ. Самое частое употребленіе этого приема относится къ случаямъ задержанія или заповданія регулъ; но есть люди, которые пользуются этимъ средствомъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, на примѣръ, послѣ легкой простуды, при головной боли и проч. Такая практика заслуживаетъ серьезнаго порицанія, такъ какъ ножная ванна далеко не такая невинная вещь, какъ воображаютъ многіе, привыкшіе при всякой незначительной болѣзни прибѣгать къ самымъ героическимъ средствамъ. У женщинъ легко можетъ быть вызвано этимъ сильное или даже опасное маточное кровотеченіе, у всѣхъ же самая незначительная простуда ногъ послѣ такой ванны можетъ вызвать тажкія, хроническія болѣзни и вообще весьма дурно повліять на весь организмъ. Поэтому мы совѣтуемъ безъ совѣта врача никогда не прибѣгать къ этому средству, присовокупляя, что случаи, въ которыхъ оно дѣйствительно показано, чрезвычайно рѣдки.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ употребляемыхъ такъ часто въ горловыхъ болѣзняхъ полосканіяхъ и прижиганіяхъ различными ѣдкими веществами, особенно іодомъ и адскимъ камнемъ. Полосканія, составленныя изъ отвара шалфея и разныхъ вяжущихъ лекарствъ, никогда не употребляются при гомеопатическомъ леченіи. Въ трудныхъ случаяхъ дифтерита допускается полосканіе зѣва чистою комнатною водою или тепловатымъ молокомъ.

Прижиганія слизистой оболочки зѣва при дифтеритѣ и другихъ болѣзняхъ безусловно вредны и никогда и ни въ какомъ случаѣ не допускаются.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о прижиганіяхъ матки, практикуемыхъ нашими специалистами-акушерами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большее число заболѣваній ракомъ этого органа находится въ прямой

связи съ часто повторенными прижиганіями, предпринятыми съ цѣлью заживленія самихъ по себѣ весьма незначительныхъ и вовсе неопасныхъ катаральныхъ изъязвленій слизистой оболочки.

V. Діета.

Какъ всѣ гигиеническія условія вообще, такъ и въ особенности назначеніе пищи, вполне подходящей къ особенностямъ болѣзненнаго состоянія, въ высшей степени важно для больного. Къ сожалѣнію, весьма часто случается (гораздо чаще, нежели многіе полагають), что, не смотря на правильное и цѣлесообразное леченіе, больные погибають единственно вслѣдствіе какихъ нибудь болѣе или менѣе грубыхъ погрѣшностей въ діетѣ, проистекающихъ или отъ недосмотра и недостатка знанія со стороны врача, или же отъ невоздержности больного.

Постановленіе какихъ нибудь общихъ правилъ (кромѣ развѣ нѣкоторыхъ основныхъ принциповъ, имѣющихъ значеніе для всѣхъ случаевъ) относительно діеты такъ же невозможно, какъ назначеніе какого нибудь леченія для всѣхъ болѣзней. Можно сказать, что всякій отдѣльный случай имѣетъ свои особенности, которыя въ совершенно такой же формѣ никогда не повторяются даже въ одной и той же болѣзни, и поэтому всегда слѣдуетъ индивидуализировать всякій отдѣльный случай, т. е. всегда сообразоваться со всѣми индивидуальными особенностями его, какъ относительно больного, такъ и относительно формы его болѣзни.

Въ острыхъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ лихорадочнымъ состояніемъ, при регулированіи діеты больного слѣдуетъ тщательно избѣгать всѣхъ тѣхъ веществъ, при свареніи которыхъ появляется повышеніе температуры тѣла. Къ этимъ веществамъ принадлежитъ всякаго рода мясная пища, бульонъ (мясной) и всѣ вещества, дѣйствующія болѣе или менѣе раздражающимъ образомъ на нервную систему, какъ всѣ спиртные напитки, кофе, крѣпкій чай и проч.

Самое лучшее пищевое средство для острыхъ и вообще всѣхъ трудно-больныхъ безъ сомнѣнія молоко, такъ какъ по своей питательности и удобоваримости оно стоитъ выше всякой другой пищи. Само собою разумѣется, что молоко должно быть совершенно свѣжее и не должно содержать никакихъ примѣсей. Къ сожалѣнію, однако, не всѣ больные переносятъ молоко и довольно часто встрѣчаются случаи, въ которыхъ приходится

отказаться отъ этого драгоценнѣйшаго питательнаго матеріала или по причинѣ особеннаго настроенія желудка, или потому, что больной вообще чувствуетъ отвращеніе отъ молока (*Idiosyncrasie*). Въ этихъ случаяхъ не всегда легко найти подходящую пищу, которая могла бы замѣнить молоко. Самое лучшее — жидко-сваренная овсянка или слизистое питье изъ овсяныхъ или перловыхъ крупъ.

Если больные, при лихорадочномъ состояніи, страдаютъ сильною жаждою, то имъ слѣдуетъ давать воду (при поносахъ всегда заслуживаетъ предпочтеніе отварная вода), однако съ тою предосторожностью, чтобы они никогда не пили слишкомъ большаго количества сразу, такъ какъ при сильномъ жарѣ, даже послѣ принятія большаго количества воды, жажда все-таки является опять въ весьма короткое время и такимъ образомъ желудокъ больнаго слишкомъ наполняется, чего всегда слѣдуетъ тщательно избѣгать, даже относительно воды. Поэтому такимъ больнымъ слѣдуетъ давать воду въ очень небольшихъ приемахъ, отъ одной до двухъ столовыхъ ложекъ заразъ, но за то это можетъ повторяться очень часто. Смотря по вкусамъ и привычкамъ больныхъ, къ водѣ можно прибавлять какойнибудь слегка кисловатый фруктовый сокъ, если это не противодѣйствуетъ употребляемому лекарству (изъ клюквы, малины, вишень и проч.) а также и небольшое количество сахара. Многіе преимущественно употребляютъ питье, приготовленное съ лимоннымъ сокомъ. Тутъ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что лимонъ имѣетъ антидотное соотношеніе къ нѣкоторымъ гомеопатическимъ лекарствамъ, какъ, на примѣръ: *Aconit*, *Belladonna*, *Chamomilla* и др. Трудно больнымъ при большой слабости можно давать воду съ примѣсью вина (отъ одной до двухъ чайныхъ ложекъ бѣлаго бѣлаго вина, или 1—2 столовыхъ ложекъ краснаго на стаканъ воды).

Въ хроническихъ болѣзняхъ назначеніе вполне подходящей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ діеты гораздо труднѣе, такъ какъ именно необходимо индивидуализировать и сообразоваться какъ съ характеромъ болѣзненнаго процесса, такъ и съ привычками больнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно въ хроническихъ случаяхъ цѣлесообразная и правильная діета крайне необходима и имѣетъ весьма важное значеніе для успѣшнаго хода леченія, потому что тутъ гораздо чаще наклонности и привычки больнаго идутъ прямо въ разрѣзъ съ требованіями плана леченія. Ганеманъ поэтому во всѣхъ, безъ исключенія, случаяхъ предписывалъ весьма строгую діету, касающуюся даже мельчай-

шихъ подробностей употребляемой пищи. Онъ, напримѣръ, всѣмъ и всякому изъ своихъ пациентовъ запрещалъ кофе, куреніе табаку, употребленіе всякаго рода благовонныхъ водъ и веществъ и проч. и проч.

Впослѣдствіи врачи-гомеопаты, мало-по-малу, пришли къ тому заключенію, что, какъ въ педагогикѣ, такъ и въ медицинѣ не слѣдуетъ слишкомъ многого запрещать, такъ какъ больной, находя слишкомъ строгую діету обременительною для себя, легко можетъ не послушаться совѣта и назначенія врача и, преступая одно какое нибудь, можетъ быть, и второстепенное назначеніе, кончить тѣмъ, что вовсе перестанетъ соблюдать діету даже и относительно самыхъ важныхъ и необходимыхъ, для его исцѣленія, требованій діететики.

Поэтому безусловное запрещеніе кофе и куренія табаку уже давно оставлено большинствомъ врачей-гомеопатовъ.

Кофе запрещается во всѣхъ болѣзняхъ сердца (въ этихъ случаяхъ, впрочемъ, наравнѣ съ чаемъ), при всѣхъ нервныхъ страданіяхъ и при употребленіи слѣдующихъ лекарствъ, съ которыми онъ имѣетъ антидотное отношеніе: *Aconit*, *Belladonna*, *Hyoscyamus*, *Scopolia*, *Chamomilla*, *Cocculus*, *Ignatia*, *Ipecacuanha*, *Hyoscyamus*, *Lycoperidium*, *Nux vomica*, *Phosphor*, *Pulsatilla*, *Veratrum*.

Куреніе табаку, во время гомеопатическаго леченія, въ хроническихъ болѣзняхъ разрѣшается съ нѣкоторыми только ограниченіями. Такъ, напримѣръ, не слѣдуетъ курить нѣсколько времени (около $\frac{1}{2}$ часа) до приѣма лекарства и столько же приблизительно послѣ того. Никогда хроническіе больные не должны курить утромъ, на тощакъ, или ночью, а также весьма вредно курить немедленно передъ приѣмомъ пищи. Слишкомъ крѣпкіе сорта табаку также слѣдуетъ избѣгать.

Относительно вина, водки и пива слѣдуетъ сказать, что во всѣхъ болѣзняхъ печени, селезенки и почекъ, а также при страданіяхъ сердца и нѣкоторыхъ болѣзняхъ нервной системы спиртные напитки строго и безусловно воспрещены, за исключеніемъ развѣ краснаго вина (въ небольшомъ количествѣ) съ водою. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ разрѣшается, само собою разумѣется, что количество ихъ должно быть всегда самое умеренное, сообразуясь притомъ съ возрастомъ, поломъ и обыкновеннымъ образомъ жизни больного.

Всѣ кушанья, составленныя съ примѣсью острыхъ кислотъ, большаго количества соли и пряностей (ванили, гвоздики, корицы и проч.) при гомеопатическомъ леченіи должны быть избѣгаемы. Тоже относится къ копченымъ вещамъ (какъ рыбнымъ такъ и

мяснымъ) и ко всему тому, что у насъ въ Россіи называютъ «завускою», за исключеніемъ развѣ свѣжей, малосоленной икры и свѣжихъ, нежирныхъ сортовъ сыра, которые въ небольшомъ количествѣ разрѣшаются. Жирное мясо, какъ, напримѣръ, свинина, тоже неудобоваримо и никакъ не подходитъ больному.

Весьма важно, и это принадлежитъ къ самымъ важнѣйшимъ задачамъ діететики, правильное назначеніе діеты въ періодѣ выздоровленія отъ тяжелыхъ болѣзней.

Тутъ обыкновенно у больныхъ, послѣ долгаго и утомительнаго отвращенія отъ всякой пищи, является сильнѣйшій и иногда такъ называемый «волчій» аппетитъ, но со всѣмъ тѣмъ весьма опасно слишкомъ поспѣшно переходить на діету здоровыхъ, такъ какъ желудокъ, послѣ долгаго голоданія, только мало-по-малу привыкаетъ опять къ своей нормальной дѣятельности. Если больной во время болѣзни не получалъ даже молока и не имѣетъ отвращенія противъ этого легчайшаго изъ питательныхъ веществъ, то слѣдуетъ начинать опять-таки главнымъ образомъ съ него, причемъ часто бываетъ весьма полезно прибавлять къ нему небольшое количество коньяку (*Fine Champagne*) отъ одной до двухъ чайныхъ ложекъ на стаканъ молока. Затѣмъ слѣдуетъ куриный супъ и яйца. Телячій супъ и говяжій бульонъ составляютъ слѣдующую ступень изъ числа суповъ, а послѣ этого можно начать давать больному въ небольшомъ количествѣ мясо, сначала куриное, затѣмъ дичь и телятину и, наконецъ, говядину. При этомъ всегда слѣдуетъ сообразоваться съ способностью желудка переварить вводимую въ него пищу, и никогда не давать ему слишкомъ много работы сразу. Поэтому лучше давать выздоравливающему ѣсть почаще (черезъ каждые 3—4 часа), нежели дать ему много сразу.

Весьма питательное и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно удобоваримое блюдо—устрицы. При большой слабости желудка лучше давать маленькія (остендскія) устрицы, а впослѣдствіи можно употреблять и большія (фленсбургскія). Бываютъ случаи, въ которыхъ желудокъ положительно ничего не въ состояніи переварить и даже отъ молока отказывается, но устрицы переносятъ совершенно легко.

Болѣе специализированныя указанія относительно діеты, необходимой при леченіи нѣкоторыхъ болѣзней, а также и относительно діеты дѣтей, мы дадимъ ниже, въ специальной части нашей книги.

Докторъ медицины В. фонъ-Дитманъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗЕМСКОЕ ДѢЛО.

Значеніе ревизіонныхъ комисій и ихъ дѣятельность въ органахъ мѣстнаго самоуправленія.

I.

Не будь въ земскихъ учрежденіяхъ органа, контролирующаго выборныхъ общественныхъ дѣятелей, дѣла нашего земства пошли бы гораздо хуже того, какъ онѣ теперь въ дѣйствительности идутъ. Доказательство нашихъ словъ читатель найдетъ въ приводимыхъ нами ниже фактахъ, къ которымъ слѣдуетъ добавить, что, помимо ихъ контролирующей дѣятельности, ревизіонныя комисіи нерѣдко возбуждаютъ предъ губернскими и уѣздными собраніями [весьма существенные вопросы, непосредственно касающіеся народнаго благосостоянія. Помощію ревизіонныхъ комисій мѣстное общество уясняетъ себѣ дѣйствія управъ по всѣмъ болѣе или менѣе специальнымъ вопросамъ, изучать которые не имѣютъ ни возможности, ни досуга большинство гласныхъ. Поэтому труды ревизіонныхъ комисій имѣютъ весьма важное значеніе и понятно, почему губернскія и уѣздныя собранія такъ часто благодарятъ членовъ, входящихъ въ составъ такихъ комисій. Благодаря имъ, увеличивается народное самоповнаніе, потому что онѣ выясняютъ истинное положеніе дѣла такъ, чтобы оно могло быть понятнымъ для всѣхъ. Ревизіонныя комисіи, добросовѣстно исполняющія возложенныя на нихъ закономъ и общественнымъ довѣріемъ обязанности, не оставляютъ безъ разъясненія ни одного важнаго пункта въ отчетахъ управъ;

но, къ сожалѣнію, это явленіе далеко не повсемѣстное, хотя и можетъ сдѣлаться таковымъ по требованію самихъ же гласныхъ. Если еще до настоящаго времени въ земствѣ нѣкоторыхъ губерній встрѣчаются грамотные и безграмотные гласные, не понимающіе тѣхъ предметовъ, о которыхъ въ собраніяхъ идетъ рѣчь, то въ этомъ въ значительной степени виноваты члены ревизіонныхъ комисій, не берущіе на себя труда составленія доклада такимъ образомъ, чтобы онъ былъ вполнѣ принаровленъ къ пониманію всѣхъ гласныхъ. На развитіе народнаго самопознанія ревизіонныя комисіи имѣютъ весьма важное вліяніе и этого не могутъ упустить изъ виду тѣ выдающіеся общественные дѣятели, которые хотятъ, чтобы всѣ гласные взяли въ толкъ самую суть дѣла. Не всѣ же гласные имѣютъ возможность изучать подробности управскихъ переписокъ и сношеній съ разными лицами и вѣдомствами; знакомиться же съ отчетами ревизіонныхъ комисій для нихъ весьма легко. Только тѣ гласные, которые возвысились до сознанія себя гражданами, могутъ съ пользою для мѣстнаго населенія исполнять обязанности контролеровъ общественныхъ дѣятелей. Контролеръ, преслѣдующій узкіе личные интересы или интересы какой либо образовавшейся въ земствѣ партіи, ниже своего назначенія и скорѣе повредитъ обществу, чѣмъ принесетъ ему пользу. Поэтому въ члены ревизіонной комисіи опытные гласные стараются всегда избирать людей независимыхъ, какъ по своему личному характеру, такъ и по положенію, и притомъ такихъ, которые не могутъ по своимъ дѣламъ или которые просто не желаютъ занять должности предсѣдателя или члена управы. Тѣ земства, въ которыхъ успѣли укорениться особыя партіи, распоряджающіяся дѣлами уѣздовъ, а иногда и губерній, тѣ земства отличаются особенною безцвѣтностью и, во вреду какъ для нихъ самихъ, такъ и для учреждений, въ составъ которыхъ онѣ входятъ, распространяютъ въ народѣ нерасположеніе къ органамъ мѣстнаго самоуправленія, на которые производится бесполезная затрата денегъ, въ томъ случаѣ, если онѣ бездѣйствуютъ. По работамъ ревизіонныхъ комисій можно судить о томъ, насколько мѣстности, въ которыхъ онѣ дѣйствуютъ, способны выработать въ своей средѣ личностей, въ гражданской зрѣлости которыхъ не представляется никакихъ сомнѣній. Достоинно замѣчанія, что земства, въ которыхъ членами управъ и ревизіонныхъ комисій бывають большею частію купцы и крестьяне, отличаются наиболѣе бдительнымъ контролемъ надъ дѣйствіями выборныхъ общественныхъ лицъ. Между такими губерніями слѣдуетъ назвать Вятскую, Пермскую и Олонецкую. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чѣмъ строже гласные будутъ относиться къ своимъ довѣреннымъ, тѣмъ болшую пользу они принесутъ народу и тѣмъ высшую честь заслужатъ предсѣдатели и члены управъ. Порядокъ, который такъ любитъ русскій

человѣкъ у себя въ домѣ, замѣтно вносятся имъ и въ земскія учрежденія, и это служитъ однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ доказательствъ той его гражданской зрѣлости, которою онъ отличался еще во времена существованія вѣчеваго колокола въ Новгородѣ и Псковѣ. Мы вовсе не сочувствовали поэтому тѣмъ земствамъ, которыя отличаются особенною деликатностью въ отношеніи къ своимъ избраннымъ представителямъ. Эта деликатность, выражающаяся въ нѣкоторыхъ губерніяхъ поверхностною повѣркою управъ и бездѣятельностью ревизіонныхъ комисій, можетъ повести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, потому что наболяющее зло, въ концѣ концовъ, должно разразиться большою катастрофою, какъ это случилось уже со многими правительственными и частными учрежденіями, изъ числа которыхъ дѣло о растратѣ громадной суммы въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита до сихъ поръ еще свѣжо у всѣхъ въ памяти. Здравый народный смыслъ, согласно съ евангельскимъ поученіемъ, признаетъ, что всѣ мы, люди, наклонны болѣе или менѣе къ различнымъ слабостямъ, а потому будетъ вѣрнѣе, если мы нашихъ представителей ставемъ повѣрять и приучимъ ихъ съ самаго начала къ тому, чтобы они на это не только не обижались, но даже сами того отъ насъ требовали бы какъ можно чаще.

Недостаточно энергическая дѣятельность какъ ревизіонныхъ комисій, такъ и вообще всего земства, сознается его представителями все болѣе и болѣе съ каждымъ новымъ годомъ и выражается въ ходатайствахъ объ увеличеніи числа гласныхъ, безъ чего земство, дѣйствующее чрезъ весьма ограниченное число выборныхъ, вовсе не имѣетъ характера народнаго собранія. Когда же получится возможность являться въ земское собраніе гласнымъ въ числѣ, вдвое превышающемъ его теперешній составъ, то народъ, мало до сихъ поръ интересованный дѣятельностью управъ, пойметъ въ чемъ дѣло и его представители будутъ охотно посѣщать уѣздныя и губернскія собранія, выражая на нихъ народную нужду. Понятно, что кромѣ увеличенія числа гласныхъ нужно еще изъять крестьянское самоуправленіе изъ вѣдѣнія полиціи и предоставить народу выбирать въ волостныя и сельскія власти лицъ всѣхъ сословій, какъ мы объ этомъ уже говорили. Безъ этого условія, требующаго лишь возвращенія народу права свободного выбора своихъ ближайшихъ властей, все земство вмѣстѣ съ его управами и ревизіонными комисіями едва-ли въ состояніи сдѣлать и десятую часть того, что надлежитъ ему сдѣлать. И это потому, что учрежденное для вѣдѣнія о народныхъ нуждахъ земство неполнѣ проникнуто теперь народнымъ духомъ, который появляется лишь въ свободныхъ многочленныхъ собраніяхъ нашихъ соотечественниковъ; такъ было во всѣ времена, начиная съ образованія древней Руси. На многочлуд-

ной сходкѣ было рѣшено призвать изъ-за моря варяговъ; на такихъ же сходкахъ было рѣшено изгнать татаръ, принять православную вѣру, посадить на московскій престолъ царя Михаила, изгнать изъ Москвы ляховъ во времена Минина и сердечно, отъ всей души, благодарить царя Александра II за отиѣну вѣрноподданнаго права. Конечно, нынѣшніи земскія собранія, съ ихъ сословнымъ представительствомъ и съ ничтожнымъ относительно массы населенія числомъ гласныхъ отъ крестьянъ, подчиненныхъ множеству забивающихъ ихъ начальниковъ, далеко непригодны къ тому, чтобы въ нихъ свободно и сильно проявлялся народный духъ.

Русскому земству въ его настоящемъ составѣ принадлежитъ великая историческая честь за то, что оно это понимаетъ и своими ходатайствами объ увеличеніи числа гласныхъ наглядно это доказываетъ. Господство партій и личныя цѣли, преслѣдуемыя дѣятелями, видящими въ земствѣ лишь оплачиваемыя жалованьемъ мѣста, исчезнутъ когда въ него допустятъ всеоживляющую народную волну, руководимую тѣми образованными русскими людьми, въ которыхъ масса видитъ дѣйствительно своихъ людей, но не начальниковъ, налегающихъ на нее часто тяжелою рукою.

Все это—дѣло, можетъ быть, отдаленнаго будущаго; но оно такъ легко осуществимо и такъ желательно, что немудрено, если нѣкоторые нынѣшніе общественные дѣятели позволяютъ себѣ думать, что они будутъ свидѣтелями того, какъ земство обратится, наконецъ, въ дѣйствительно народное учрежденіе.

Между ходатайствами различныхъ земствъ объ увеличеніи числа гласныхъ, по ясности своей, особенное вниманіе обращаетъ ходатайство яранскаго уѣзднаго собранія, доложенное вятскому губернскому собранію, принявшему это предложеніе весьма сочувственно. Въ своемъ докладѣ по настоящему предмету ¹⁾ яранское уѣздное земское собраніе говоритъ, между прочимъ, что въ первые годы по введеніи земскихъ учреждений народъ относился къ нимъ совершенно равнодушно. Но съ теченіемъ времени, когда земская дѣятельность, такъ или иначе, дала себя познать большинству населенія, учрежденія эти стали интересоваться массу населенія и приобрѣли популярность. Не только лица привилегированныхъ сословій, но и крестьяне поняли, въ чемъ должна заключаться главная задача земскихъ учреждений при тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ благу общественной жизни. Всѣмъ стало извѣстно, что земскія учрежденія, въ лицѣ сво-

¹⁾ «Журналы вятскаго губернскаго земскаго собранія XIII очередной сесіи, 8—21 января 1880 года», стр. 378—395.

ихъ представителей, при своихъ дѣйствіяхъ строго должны сообразоваться съ потребностями мѣстной жизни и съ платежными силами населенія. Высказанное яранскимъ земствомъ послѣднее предложеніе, совершенно вѣрное для Вятской губерніи, не можетъ быть одинаково вѣрно для всѣхъ другихъ мѣстностей Россіи, въ которой существуютъ такія, напримѣръ, земства, каковы нѣкоторые уѣзды Тамбовской губерніи. Въ нихъ, рядомъ съ начальствомъ и землевладѣльцами, засѣдаютъ немногіе гласные отъ крестьянъ, воплѣвъ въ экономическомъ отношеніи зависящіе отъ послѣднихъ. Очень понятно, что подобныя крестьяне должны имѣть весьма смутное понятіе о земствѣ, въ которомъ они едва-ли могутъ видѣть учрежденіе, обязанное пещись о нуждахъ большинства населенія. Только болѣе широкое народное представительство въ земствѣ можетъ измѣнить такой жалкій порядокъ, введенный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря узкости взглядовъ наиболѣе богатыхъ людей, имѣющихъ теперь, если они того желаютъ, исключительный доступъ въ органы нашего самоуправленія въ качествѣ гласныхъ.

Въ указанномъ выше докладѣ яранской уѣздной управы говорится, что въ исторіи земскихъ учреждений любой мѣстности можно много встрѣтить такихъ дѣйствій или мѣропріятій, которыя оказались или преждевременными, или бесполезными, и вводили населеніе въ одни лишь убытки. Отсюда являлись нареканія на представителей земства; отсюда же произошло и то недовѣріе къ учреждениямъ, которое замѣтно въ особенности между людьми податнаго состоянія, нерѣдко составляющими себѣ понятіе о земскихъ учрежденияхъ лишь по одному какому либо исключительно неблагоприятному случаю. Это мѣсто доклада яранской уѣздной управы, одобреннаго уѣзднымъ и губернскимъ собраніями, служить новымъ подтвержденіемъ необходимости открыть возможно широкое народное представительство въ нашемъ мѣстномъ самоуправленіи.

Далѣе въ докладѣ говорится, что гарантировать наше самоуправленіе отъ какихъ либо ошибокъ можно лишь при такихъ условіяхъ которыя не дозволяли бы земскимъ учреждениямъ идти въ разрѣвъ съ желаніями большинства населенія и воплѣвъ сообразовались бы съ обстоятельствами экономической жизни. Для достиженія этого необходимо, чтобы въ собраніяхъ засѣдало возможно большее число представителей отъ всѣхъ сословій, въ особенности если народонаселеніе извѣстнаго уѣзда разбросано на большое разстояніе. Число уѣздныхъ гласныхъ опредѣлено закономъ отъ 10 до 96 человѣкъ и губернскихъ отъ 15 до 100 человѣкъ. Чѣмъ бы ни обусловливалось такое разнообразіе въ числѣ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ, оно едва-ли отвѣчаетъ требованіямъ жизни.

Въ жизни земства давно уже миновалъ тотъ періодъ, когда предполагали, что дѣятельность его можетъ ограничиться лишь трудами земскихъ собраній и управъ. Опытъ доказалъ, что дѣятельность земства настолько же непрерывна, какъ и сама жизнь, а потому она должна выражаться не только въ земскихъ собраніяхъ и управахъ, но главнымъ образомъ въ работахъ земскихъ гласныхъ, разбросанныхъ по всей земской территоріи и стоящихъ лицомъ къ лицу съ практической жизнью. Вселенію такого сознанія много способствовали ревизіонныя комисіи, не дававшія управамъ увлекаться какими бы то ни было теоретическими соображеніями, неоправдываемыми требованіями самой жизни. Яранское земство находить необходимымъ, чтобы каждая волость имѣла, по крайней мѣрѣ, по одному гласному, отчего мѣстами удвоится число гласныхъ отъ крестьянъ, а мѣстами оно и утроится. Общее же число гласныхъ въ различныхъ уѣздахъ колебалось бы тогда между 40 и 70 человѣками, что на первый разъ было бы достаточно. Число губернскихъ гласныхъ яранское земство опредѣляетъ не менѣ пятидесяти, или по восьми отъ cadaго уѣзда. Имѣя въ виду, что подобныя ходатайства уже поступили къ правительству отъ нѣкоторыхъ земствъ, яранское уѣздное собраніе постановило тоже войти съ таковымъ, но предварительно чрезъ губернское собраніе забрать о томъ мнѣніе другихъ уѣздовъ Вятской губерніи. Мы съ удовольствіемъ указываемъ на подобныя постановленія земства, которое помощію ихъ доказываетъ, что оно дѣйствительно стоитъ на стражѣ народныхъ интересовъ и справедливо желаетъ удовлетворить его требованіямъ.

II.

Изъ числа людскихъ пороковъ, въ которыхъ были обличены нѣкоторые земскіе дѣятели, преимущественно встрѣчаются лихоимство и недобросовѣстное пренебреженіе къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ. Указывая обществу на тѣ, относительно немногія преступленія земцевъ, неоправдавшихъ возложеннаго на нихъ довѣрія, мы имѣемъ въ виду, помощію фактовъ, доказать несомнѣнную способность нашего общества вести дѣло народнаго самоуправленія въ должномъ порядкѣ, безъ котораго немислимо ни одно полезное человѣческое предпріятіе. Наша прямая обязанность, какъ обозрѣвателя, состоитъ въ томъ, чтобы, указывая свѣтлымъ стороны русскаго самоуправления, не скрывать и такихъ явленій, которыя должны наводить общество на грустныя размышленія на избитую тему о несовершенствѣ человѣческой природы. Въ настоящей статьѣ мы перечислимъ всѣ наиболѣе выдающіяся и характеристическія преступленія по должности неудав-

шихся земцевъ, начиная со введенія земскихъ учреждений до 1880 г. Число такихъ случаевъ, относительно говоря, такъ незначительно, что, познакомившись съ ними, всякій безпристрастный человѣкъ проникнется, безъ сомнѣнiя, уваженiемъ къ земскимъ дѣтелямъ, среди которыхъ было за шестнадцать лѣтъ такъ немного лицъ, въ которыхъ ошиблись избиратели. Если даже и допустить, что есть нѣкоторые исключительныя земства, которые сами скрываютъ проступки своихъ выборныхъ и которые въ своемъ служенiи обществу потакаютъ нечестнымъ людямъ, то и это нисколько не можетъ измѣнить общаго, говоря относительно, благопрiятнаго впечатлѣнiя, производимаго земцами на общество. Надо помнить еще, что общественныхъ выборныхъ отдають подъ судъ гласные, которые, къ ихъ чести, въ нѣкоторыхъ губернiяхъ отличаются неумолимою и, значить, ничѣмъ неподкупною строгостью. Въ этомъ отношенiи дурные земцы, къ счастью для общества, находятся въ гораздо менѣе благопрiятномъ отношенiи, чѣмъ дурные чиновники, отдаваемые подъ судъ непосредственными ихъ начальниками, съ которыми они часто, можетъ быть, дѣлать и небрежность къ дѣламъ, а иногда и кое-что другое. А этими-то отношенiями милость начальника (единичная власть), можетъ быть, нерѣдко и подкупается.

Теперь перейдемъ къ рассказамъ о злоупотребленiяхъ общественнымъ довѣрiемъ нѣкоторыхъ выборныхъ, примѣръ которыхъ для многихъ можетъ быть поучителенъ, разумѣется, своею отрицательною стороною. Начнемъ съ сѣвера Россiи и остановимъ прежде всего вниманiе читателя на двухъ братьяхъ, кушцахъ П—ныхъ, изъ которыхъ одинъ занималъ должность предсѣдателя каргопольской уѣздной земской управы, а другой состоялъ членомъ оной въ 1878 году, въ которомъ ревизионная комiсія открыла недостатокъ земскихъ денегъ, въ количествѣ 2,768 р. ¹⁾ Объ этомъ члены каргопольской управы, Мархлевичъ и Тарасовъ, сообщили въ губернскую управу, а мѣстный исправникъ донесъ о томъ же начальнику губернiи. Изъ акта, составленнаго членами каргопольской управы, видно было, что по частнымъ тетрадамъ недостающая сумма считалась за братьями П—ными, изъ числа коихъ предсѣдатель взялъ 2,128 р. 87 к., а членъ управы—639 р. При повѣркѣ кассы управы недостающiя деньги не были въ нее представлены и промотавшiе ихъ братья видимо не могли добыть числящейся за ними суммы. По окончанiи повѣрки братья П—вы отказались подписать актъ, на томъ основанiи, что они признаютъ за собою перебранныхъ денегъ не 2,768 р., но лишь 1,774 р. Послѣ повѣрки суммъ, произведенной двумя другими членами управы, такуюю

¹⁾ «Журналъ олонцаго губернскаго земскаго собранiя, 1878 года».

же вторично произвели и члены ревизионной комисіи, которыми недостатковъ наличныхъ суммъ обнаруженъ уже въ 2,791 р. 29 к. Имѣя въ виду изложенные факты и усматривая изъ актовъ, что бѣльшая часть недочета въ каргопольской управѣ должна пасть на губернскіе земскіе капиталы, губернская управа командировала на мѣсто происшествія своего члена Попова. Послѣдній сообщилъ, что въ каргопольской управѣ недостаетъ деньгами 2,796 р. 38½ к. и 25 кулей муки, а также 60 пуд. ржи, которые, по словамъ провинившихся братьевъ П—ыхъ, розданы подъ ихъ личною отвѣтственностью содержателямъ земскихъ станцій и служащимъ въ земской управѣ. Достойно вниманія вторичное донесеніе исправника начальнику губерніи, въ которомъ первый говоритъ, что, объясняясь предъ ревизионною комисіею. П—овъ, который былъ членомъ каргопольской земской управы, напомнилъ тому брату, который былъ предсѣдателемъ, что имъ израсходована значительная сумма на покупку винъ въ Петербургѣ. По выслушаніи доклада губернской управы, изложившей всѣ подробности происшествія, случившагося съ раскутившимися на общественныя деньги братьями П—ыми, губернское собраніе 1878 года признало единогласно, что оказавшійся въ каргопольской уѣздной земской управѣ недостатокъ суммъ и хлѣба произошелъ отъ растраты, въ которой и слѣдуетъ считать виновными братьевъ Алексѣя и Григорія Михайловичей П—ыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ губернское собраніе, большинствомъ восьми голосовъ противъ двухъ, постановило: названныхъ выше виновныхъ предсѣдателя и члена каргопольской управы предать суду, съ устраненіемъ ихъ отъ должностей во время производства о нихъ слѣдствія и суда.

Та же каргопольская уѣздная управа, въ томъ же составѣ, какъ и въ 1878 году, дѣла куда-то 50 кулей земской муки и, что хуже всего, употребила для своего оправданія всѣ зависящія отъ нея средства для того, чтобы ввалить свою вину на чужія плечи, именно на ни въ чемъ неповиннаго крестьянина Забуселева ¹⁾. Дѣло это, по докладу губернской управы, произошло такимъ образомъ: 1,363 кулей муки закуплены были губернскимъ земствомъ въ 1877 году для доставки оной нуждающимся жителямъ Каргопольскаго уѣзда; но мѣстная управа не заплатила поставщику хлѣба 500 р. за перевозку онаго до Каргополя, а потому мука эта и осталась въ селѣ Короткомъ, Кирилловскаго уѣзда. Застраившій такимъ образомъ хлѣбъ, въ которомъ миновала надобность, предположено было продать, для чего въ село Короткое и былъ командированъ членъ губернской управы Мартыновъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 90—100.

который сообщил ей, что за хлѣбъ на мѣстѣ даютъ весьма низкую цѣну, по 5 р. 50 к. за куль при оптовой продажѣ и по 6 р. 60 к. при розничной. Въ то время въ хлѣбѣ нуждались другіе уѣзды, а потому губернская управа поручила Мартынову распорядиться перевозкою, зимнимъ путемъ, ржаной муки изъ Короткаго на Вознесенскую пристань. Земская мука въ Короткомъ находилась на сохраненіи у крестьянина Забуселева въ количествѣ 732 кулей и крестьянина Панычева—631 куль. Членъ уѣздной каргопольской управы Поповъ передалъ муку Мартынову безъ провѣрки наличнаго числа кулей, но лишь передачею послѣднему документовъ. Принятую имъ земскую муку Мартыновъ передалъ на храненіе и затѣмъ поручилъ доставить ее въ село Вознесенское купцу Павлу Шубину, съ платою по 75 к. съ каждаго куля. Вскорѣ послѣ того купецъ Шубинъ увѣдомилъ губернскую управу, что крестьянинъ Забуселевъ передалъ ему лишь 1,313 кулей, а остальныхъ 50 кулей, значащихся по документамъ, онъ не принимаетъ. Спрошенная по поводу такого сообщенія каргопольская уѣздная управа сообщила губернской, что она имѣетъ документы о томъ, что у Забуселева хранится 732 куля, а у Панычева 631 куль, и что затѣмъ по этому дѣлу она ничего болѣе не знаетъ. Крестьянинъ Забуселевъ сообщил олонецкой губернской управѣ, что изъ числа 732 кулей, переданныхъ ему на сохраненіе каргопольскою уѣздною управою, она уже взяла у него прежде 50 кулей, въ чемъ ему и выдана квитанція членомъ той управы Тарасовымъ; но почему послѣ того не перемѣнены документы на хранившійся у него хлѣбъ—онъ не знаетъ. Къ этому крестьянинъ Забуселевъ добавляетъ, что вышеуказанные 50 кулей онъ самъ возилъ въ Каргополь и за перевозку оныхъ, не смотря на неоднократныя его просьбы, каргопольская управа денегъ ему не выплатила и даже не объяснила ему причины такового ея поступка. Собравъ по поводу настоящаго дѣла всѣ необходимыя для его выясненія документы и свидѣтельскія показанія, олонецкая губернская управа пришла къ заключенію о совершенной невинности крестьянина Забуселева въ исчезновеніи изъ каргопольской управы 50 кулей муки. Губернское собраніе 1878 года постановило, что въ виду ясныхъ на то доказательствъ Забуселевъ сдать земству весь хранившійся у него общественный хлѣбъ. «А такъ какъ по книгѣ каргопольской земской управы о приходѣ и расходѣ земскаго хлѣба оказывается наличность земской муки менѣе на 50 кулей противъ квитанцій, представленныхъ Забуселевымъ о сдачѣ муки въ вѣдѣніе каргопольскаго земства, то недостатокъ означеннаго количества муки оставить на отвѣтственности каргопольской уѣздной земской управы, предложивъ ей за 50 кулей, незаписанныхъ въ приходо-

расходную книгу, внести деньги по цѣнѣ, установленной на продажу хлѣба въ каргопольскомъ земскомъ запасѣ».

Рядомъ съ дѣйствіями малообразованныхъ представителей каргопольской уѣздной управы состава 1877 и 1878 г.г. интересно привести поступокъ получившаго образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи князя Ш—го, бывшаго членомъ псковской губернской земской управы и поступившаго совершенно такъ же, какъ и братья П—вы въ Каргополь. Должно быть, всѣ недобросовѣстные люди, каково бы ни было ихъ происхожденіе и какимы бы наукамъ ихъ ни учили, всѣ они другъ на друга похожи, какъ родные братья. 21 марта 1871 года ¹⁾ псковская губернская земская управа поручила своему члену князю Ш—ому получить съ почты пакетъ съ двумя тысячами рублей земскихъ денегъ. 24 марта князь уѣхалъ въ Петербургъ, не передавъ полученныхъ имъ съ почты денегъ и не увѣдомивъ управу о своемъ отъѣздѣ. Онъ вернулся въ Псковъ 10 апрѣля. Тогда предсѣдатель управы и другой ея членъ Лавровъ нѣсколько разъ обратались къ князю Ш—ому съ просьбою передать полученные имъ 2,000 р. въ земскій сундукъ; но на это князь давалъ имъ различныя обѣщанія, которыя не исполнялъ. 24 апрѣля князь снова поѣхалъ въ Петербургъ, опять-таки не увѣдомивъ о томъ губернскую управу. Надо сказать, что князя Ш—ой, бывший членомъ управы болѣе пяти лѣтъ, всегда велъ денежные ея счета и завѣдывалъ наличными земскими суммами, что до того времени велось имъ настолько удовлетворительно, что губернское собраніе нѣсколько разъ благодарило его за полезныя труды. Губернская управа, послѣ вторичнаго отъѣзда своего непокорнаго члена, принялась за основательную повѣрку денежной отчетности и пришла въ недоумѣніе отъ той небрежности, съ которою велось это дѣло; между прочимъ, въ книгахъ и счетахъ не находилось никакихъ свѣдѣній о капиталѣ въ 12,000 р., асигнованныхъ земствомъ на обезпеченіе сиротъ Холмскаго уѣзда за 1870 годъ. Князю писали въ Петербургъ, въ которомъ онъ расправлялся съ земскими деньгами; но отвѣта отъ него губернская управа, медлившая принять болѣе дѣйствительныя мѣры, никакого не получала. Въ то время сестра князя представила въ управу бумаги ея брата, хранившіяся въ его квартирѣ. При тщательномъ разсмотрѣніи этихъ бумагъ между ними найденъ банковый чекъ, въ которомъ къ суммѣ въ 250 р., написанной предсѣдателемъ, прибавлено неизвѣстною рукою три тысячи. Предсѣдатель никогда не подписывалъ чека на такую сумму и очевидно, что

¹⁾ «Донлады псковской губернской земской управы экстренному губернскому земскому собранію 30 іюня 1871 года».

послѣдній былъ поддѣльнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мало-по-малу начали обнаруживаться и другія злоупотребленія, и между прочимъ въ сундукѣ губернской управы, хранящемся въ казначействѣ, не достаю при повѣркѣ онаго двадцати пятидесяти-рублевыхъ серій. Но губернская управа все еще молчала и ждала. Ея ожиданіямъ положилъ конецъ прокуроръ с.-петербургской судебной палаты, который сообщилъ ей отъ 25 іюня, что, получивъ увѣдомленіе о растратѣ княземъ Ш—имъ ввѣренныхъ ему земскихъ суммъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе о задержаніи похитителя и о препровожденіи его въ Псковъ, въ которомъ онъ и переданъ въ распоряженіе начальника губерніи. Описанное полиціею имущество князя оказалось не имѣющимъ почти никакой цѣнности. Губернская управа, сдѣлавъ по поводу этого событія подробный докладъ экстренному собранію, говорить въ немъ, что предсѣдатель и членъ Лавровъ служатъ въ управѣ первый годъ, и что относительно князя Ш—аго они тѣмъ легче могли быть введены въ заблужденіе, что губернское собраніе усердно просило его продолжать службу, и что все счетоводство находилось въ его рукахъ. Приэтомъ предсѣдатель и членъ управы Лавровъ внесли недостававшую въ сундукѣ сумму, равную стоимости 20 серій, и заявили, что за остальные недочеты земскихъ суммъ, которыя получалъ и расходовалъ самъ князь, они отвѣчать не могутъ. Въ этой исторіи, помимо медлительности губернской управы, замѣчательно еще то обстоятельство, что ревизіонная комиссія, повѣрявшая всѣ земскія суммы за три мѣсяца до начала явныхъ изъ оныхъ похищеній, дѣлаемыхъ княземъ Ш—имъ, никакого безпорядка не обнаружила и не замѣтила даже, что 12,000 р., назначенныхъ на холмскихъ сиротъ, не были вовсе упомянуты въ счетахъ губернской управы. Вообще ревизіонныя комиссіи семидесятыхъ годовъ были въ Псковской губерніи ниже своего назначенія, что обнаружилось, кромѣ настоящаго дѣла, еще и изъ другихъ печальныхъ фактовъ дѣятельности псковскаго земства, а именно по поводу недобросовѣстнаго снабженія продовольствіемъ нуждающагося населенія, особенно въ Холмскомъ уѣздѣ, за что ея управа въ цѣломъ составѣ была отдана подъ судъ. Объ этихъ дѣлахъ, также какъ и о дѣйствіяхъ смоленскаго земства, снабжавшаго одно время своихъ голодающихъ гнилою мукою, мы не будемъ говорить, потому что эти факты, обратившіе на себя въ свое время вниманіе всего русскаго общества, слишкомъ хорошо ему извѣстны. По дѣлу князя Ш—аго губернское собраніе избрало особую комиссію, которая нашла, что онъ по одной только статьѣ, именно по призрѣнію холмскихъ сиротъ, истратилъ неизвѣстно куда 5,297 р., и что губернская управа, передавая деньги по призрѣнію этихъ сиротъ прямо въ руки князя, но не пересылая оныя по мѣсту назначенія чрезъ казначейство, поступила неправильно и слѣд-

ствиемъ того былъ нанесенъ ущербъ земскимъ интересамъ. Губернское собраніе, въ засѣданіи отъ 22 февраля 1872 года, избрало новаго предсѣдателя и, кромѣ князя Ш—аго, нашло виновнымъ еще и члена управы Б—ра, который сознательно подписывалъ доклады, заключающіе въ себѣ лживыя данныя, поэтому и постановило увѣдомить о томъ правительствующій сенатъ, уже опредѣлившій отдать подъ судъ князя Ш—аго.

Судя по имѣющимся у насъ даннымъ, нужно заключить, что изъ числа всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ Вятской губерніи, отличаются особенною дѣятельностію ревизіонныхъ комисій. Благодаря имъ, здѣсь часто возбуждаются такіе вопросы, которые во многихъ другихъ мѣстностяхъ вовсе не привлекаютъ вниманіе гласныхъ, отчего происходитъ большой вредъ, потому что этимъ дается возможность возникающему злу развиваться во всей его силѣ, примѣромъ чему можетъ служить дѣло, любившаго пожурировать на чужой счетъ, псковскаго обывателя князя Ш—аго. Свое направленіе вятское земство обнаружило весьма краснорѣчивымъ образомъ съ самаго начала введенія въ ней органовъ самоуправленія. Въ докладѣ ревизіонной комисіи IV очередному губернскому земскому собранію ¹⁾ указывается на многія упущенія губернской управы и, кромѣ того, рядомъ фактовъ доказывается, что она стремилась скрыть отъ гласныхъ истинное положеніе дѣлъ, которыми она уполномочена завѣдывать. Далѣе ревизіонная комисія говоритъ: «Можно съ увѣренностію сказать, что если-бы гласнымъ была даѣна полная свобода повѣрять во всякое время дѣйствія управы, то не было бы тѣхъ упущеній къ ущербу земства, которыя замѣчаются нынѣ. Чѣмъ болѣе гласныхъ будетъ участвовать при повѣркѣ дѣйствій управъ, тѣмъ болѣе будетъ обнаружено недостатковъ, неизбѣжныхъ въ каждомъ новомъ дѣлѣ, которые могли бы быть своевременно обнаружены и исправлены собраніемъ». Изъ этого видно, что вятское губернское земство, еще въ 1869 году, сознавало необходимость увеличенія числа гласныхъ. Вытекало ли такое убѣжденіе изъ ясно сознанныхъ земцами историческихъ основъ жизни русскаго народа, или они были наведены на эту мысль чисто практическими соображеніями — неизвѣстно; но только самый фактъ оказывается налицо.

Упомянутый выше докладъ ревизіонной комисіи вятскому губернскому собранію развиваетъ далѣе ту вполне справедливую и простую, хотя еще и не вездѣ, можетъ быть, сознанную мысль, что для пользы

¹⁾ «Журналы вятскаго губернскаго земскаго собранія 1870 г., докладъ ревизіонной комисіи».

земства прежде всего необходимо строгое исполненіе закона. Затѣмъ комиси́я заключаетъ свой докладъ такими словами: «Самое названіе ревизионной комиси́и доказываетъ, что ея обязанности состоятъ не въ томъ, чтобы хвалить дѣйствіе управы, но въ томъ, чтобы ее провѣрять въ израсходованіи денегъ и указывать на ошибки, исправленіе которыхъ ведетъ къ сбереженію общественныхъ суммъ. Поэтому комиси́я предлагаетъ собранію обязать управу разсылать гласнымъ отчеты о ея дѣйствіяхъ, по крайней мѣрѣ, за мѣсяць до начала засѣданій собранія и за неисполненіе сего подвергать ее законной отвѣтственности». Ревизионная комиси́я предлагаетъ также учредить, чтобы работы ея не имѣли временнаго характера, но были бы постоянными, для чего и составить для нея особую инструкцію.

Мы обращаемъ вниманіе читателя на вышеприведенныя слова вятской губернской ревизионной комиси́и, потому что въ нихъ заключается объясненіе, почему земство названной губерніи преуспѣваетъ въ своихъ дѣлахъ въ то время, какъ органы самоуправленія нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, обладающихъ, относительно говоря, большими матеріальными и умственными средствами, преступно бездѣйствуютъ. Отъ честной и энергичной работы ревизионной комиси́и зависитъ все направленіе земства. Значитъ, необходимо, чтобы въ члены такихъ комиси́й избирались люди, проникнутые любовью къ народу и сознани́емъ лежащихъ на нихъ обязанностей русскихъ гражданъ, лѣнь и недобросовѣстность которыхъ служатъ на руку однимъ лишь внутреннимъ и внѣшнимъ врагамъ нашего отечества. Для послѣднихъ, какъ извѣстно, тѣмъ больше радости, чѣмъ хуже идутъ въ Россіи дѣла. Наши враги хотѣли бы видѣть въ Россіи анархію и всякія смуты для того, чтобы, пользуясь нашею слабостью, навязать намъ такіе порядки и такое правленіе, которые привели бы насъ къ вѣчному позору и вѣчному рабству. Стойкость нашего земства, которое, по грустному недоразумѣнію, тѣснила бюрократія до 1880 года, особенно не нравится нашимъ врагамъ, и этимъ выносливый русскій народъ и его общественные представители должны по-истинѣ гордиться. Не смутами и беспорядками возвысилась русская земля, но выносливостью, терпѣніемъ и здравымъ смысломъ своего народа, который своими христіанскими свойствами бралъ всегда верхъ надъ всякими налетавшими на него супостатами. Нынѣ, болѣе чѣмъ когда либо, русскимъ людямъ слѣдуетъ усиленно работать надъ всѣми внутренними дѣлами нашего отечества. Пусть cadaго изъ насъ въ нашихъ трудахъ поддерживаетъ сознани́е того, что небольшое, повидимому, дѣло, выпавшее на нашу долю, имѣетъ, въ связи съ другими подобными же дѣлами, громадное значеніе для дорогаго нашего отечества, невгоды и неустройство котораго могутъ уничтожиться только мужественнымъ

исполненіемъ нашего гражданскаго долга. Чѣмъ долѣе станетъ жить земство, имѣющее въ своей средѣ много мужей правды и чести, тѣмъ замѣтнѣе будетъ проявляться его мощь и значеніе, и тѣмъ слабѣе окажутся направленныя на него давленія со стороны его недоброжелателей. Уже и теперь, послѣ шестнадцати только лѣтъ его ссузженной и недостаточно блистательной дѣятельности, общество и правительство начинаютъ относиться къ нему все съ болѣшимъ и болѣшимъ довѣріемъ. Это уже очень хорошій признакъ, доказывающій, что лучшіе наши земскіе дѣятели, въ числу которыхъ принадлежатъ купцы и крестьяне Вятской губерніи, дѣйствительно представляютъ нравственную силу, въ государственномъ значеніи которой перестаютъ мало-помалу сомнѣваться даже и наши, болѣе или менѣе высокопоставленные бюрократы, которые начинаютъ припоминать факты изъ исторіи своего отечества.

Ревизіонная комисія слободскаго уѣзднаго земскаго собранія ¹⁾, рассмотрѣвъ отчетъ уѣздной управы за 1877 годъ, замѣтила, между прочимъ, слѣдующе: 1) членъ управы Б—ныхъ дорого сдаль постройку моста чрезъ рѣку Яровку, на чемъ онъ переплатилъ лишнихъ 50 р., и 2) полотно дороги отъ города Слободска до границы Глазовскаго уѣзда находится въ самомъ дурномъ положеніи; заготовленные въ 1876 году галки и песокъ только отчасти разбросаны по полотну и то лишь въ концѣ лѣта; чрезъ мосты трудно проѣхать, потому что въ нихъ нѣтъ многихъ мостовинъ; упавшіе на дорогу деревья не убираются и проч. Вслѣдствіе этого ревизіонная комисія слободскаго уѣзднаго земства предложила собранію уволить отъ должности члена управы Б—ныхъ, который завѣдывалъ этою трудно-проѣзжею дорогою. Уѣздное земское собраніе постановило: доложить о дѣйствіяхъ члена Б—ныхъ губернскому собранію, которому губернская управа и представила это дѣло на рассмотрѣніе въ 1878 году. Обвиняемый членъ слободской управы Б—ныхъ подалъ отъ себя объяснительную записку, въ которой онъ старался доказать, что члены ревизіонной уѣздной комисіи имѣли на него злобу и потому оказались къ нему пристрастными. Про одного изъ нихъ Б—ныхъ говорить, что онъ сердитъ на него за то, что тотъ не далъ ему строить моста; а двое другихъ членовъ ревизіонной комисіи недовольны на Б—ныхъ за то, что онъ дорого, по ихъ мнѣнію, оцѣнилъ принадлежавшія имъ торговля заведенія. Провѣривъ сообщенныя обвиняемымъ Б—ныхъ данныя, губернская управа убѣдилась въ совершенной его виновности, состоящей въ небрежномъ

¹⁾ «Журналы вятскаго губернскаго земскаго собранія 1878 г., докладъ по постановленію слободскаго уѣзднаго земскаго собранія».

отношеніи къ возложеннымъ на него обязанностямъ. За это, по мнѣнію губернской управы, нельзя подвергнуть члена слободской управы Б—ыхъ уголовной отвѣтственности, но слѣдовало бы сдѣлать ему строгій выговоръ, на что губернскае собраніе не имѣетъ права. Поэтому вятское губернскае собраніе постановило: рекомендовать члену Б—ыхъ и всей слободской уѣздной управѣ относиться на будущее время съ большимъ вниманіемъ къ возложеннымъ на нихъ довѣріемъ общества обязанностямъ. Изъ этого постановленія губернскаго собранія видно, что уѣздныя ревизіонныя комисіи въ Вятской губерніи ревниво охраняютъ интересы мѣстнаго населенія и не пропускаютъ безъ вниманія ни одного сомнительнаго поступка выборныхъ своихъ дѣятелей. Это особенно ясно представится читателю изъ происшедшаго въ Орловскомъ уѣздѣ весьма невиннаго, повидимому, недоразумѣнія при раздачѣ въ 1879 году ссудъ нуждающимся въ продовольствіи обывателямъ, но и на него мѣстные гласные обратили самое серьезное вниманіе.

При обсужденіи вятскимъ губернскимъ собраніемъ въ 1879 году ¹⁾ вопроса о размѣрѣ кредита изъ губернскаго продовольственнаго капитала, потребнаго на выдачу ссудъ на прокормленіе и на обсемененіе полей по Орловскому уѣзду, получены были въ губернской управѣ два противорѣчащіе другъ другу документа, именно: докладъ уѣздной управы, требовавшей на этотъ предметъ 100,000 р., и записка чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, въ которой нужда населенія опредѣлялась въ гораздо меньшемъ размѣрѣ. Затѣмъ губернаторомъ сообщено было на разсмотрѣніе губернскаго собранія о неправильной выдачѣ ссудъ въ 1878 году нѣкоторымъ крестьянамъ Коврижской волости. Губернскае собраніе, выслушавъ о томъ докладъ управы, постановило произвести строгое дознаніе, какъ относительно противорѣчивыхъ данныхъ, полученныхъ о степени нужды въ Орловскомъ уѣздѣ, такъ и относительно неправильно выданныхъ въ немъ ссудъ, въ родѣ той, которая въ размѣрѣ 5 р. получена крестьяниномъ Б—ымъ, отцомъ одного изъ членовъ мѣстной уѣздной управы. Губернская управа, наведя по этому дѣлу справки и сообразивъ оное съ должною тщательностію, приняла прежде всего во вниманіе тотъ фактъ, неизвѣстный мѣстной администраціи, что предварительныя требованія уѣздными земствами кредитовъ изъ продовольственнаго капитала всегда отличались нѣкоторымъ запросомъ, объясняемымъ желаніемъ имѣть кредитъ съ запасомъ противъ той дѣйствительной нужды, ко-

¹⁾ «Журналъ вятскаго губернскаго земскаго собранія XIII очередной сесіи, 1880 годъ», томъ II.

торая выяснялась впоследствии, при проверкѣ на мѣстахъ приговоровъ сельскихъ обществъ. Такъ, изъ отчетовъ о продовольственномъ капиталѣ за 8 лѣтъ, съ 1870 по 1878 годъ, усматриваются слѣдующія отношенія открытыхъ кредитовъ къ выданнымъ изъ нихъ ссудамъ:

Годъ.	Открыто кредита по губерніи. Рублей.	Выдано ссуда. Рублей.
1870	630,000	26,511
1871	150,000	1,260
1872	450,000	4,984
1873	420,000	23,980
1874	560,000	27,459
1875	188,000	149,743
1876	143,000	14,743
1877	178,000	29,604

Вотъ фактическое объясненіе тѣхъ постоянныхъ недоразумѣній, которыя почти во всѣхъ губерніяхъ встрѣчаются каждый разъ, когда населеніе нуждается въ продовольствіи или въ обмѣненіи полей. Приэтомъ администрація находитъ нужды народныя значительно меньшими противъ показаній, дѣлаемыхъ органами мѣстнаго самоуправленія. Происходитъ это потому, что земство смотритъ на дѣло съ хозяйственной точки зрѣнія, при которой запасъ необходимъ; а чиновники гг. губернаторовъ наводятъ надѣлать народъ хлѣбомъ въ обрѣзъ, чего не рискуютъ дѣлать опытные въ такомъ дѣлѣ люди. На это различіе взглядовъ, земства нѣкоторыхъ другихъ губерній смотрятъ какъ на неизбежное явленіе и, не придавая ему важнаго значенія, отдѣляются иногда отъ представленій гг. губернаторовъ простою, ничего не значащею перепискою, что разумѣется ведетъ къ излишнимъ неудовольствіямъ и пререканіямъ. Освѣтивъ положительными данными это обычное и съ перваго взгляда неважное дѣло, вятское губернское земство показало хорошій примѣръ и выяснило одну изъ причинъ постоянныхъ и бесплодныхъ пререканій между администраціею и земствомъ, сила которыхъ заключается въ дружномъ взаимодействіи.

Относительно указанной въ запискѣ губернатора неправильной выдачи ссудъ крестьянамъ Коврижской волости Федору Платоновичу Б—ву и Дмитрію Б—ву, одному, 5 р. другому 12 р., Орловская уѣздная управа привела объясненіе, принятое уѣзднымъ земскимъ собраніемъ за вполне удовлетворительное. Ссуда Дмитрію Б—ву выдана совершенно правильно, потому что онъ дѣйствительно находится въ бѣдности, извѣстной и сельскому обществу, и волостному правленію. Выдача ссуды Ф. П. Б—ву, отцу члена орловской управы, объясняется такъ: Дознаніе о нуждающихся въ Коврижской волости производилось членомъ орловской управы Коровавымъ въ апрѣлѣ. По спискамъ,

составленнымъ сельскими обществами, ссуда испрашивалась для 1077 домохозяевъ на продовольствіе и 1613 домохозяевамъ на обмѣненіе полей. Производить тщательную повѣрку, съ посѣщеніемъ каждаго дома, членамъ управы не представлялось возможности, потому что на это потребовалось бы столько времени, что ссуда выдалась бы поздно и не достигла бы своего назначенія. Никто изъ толпы крестьянъ, получившихъ ссуду, ни даже мѣстныхъ власти не заявили Короваеву, что просившее ссуду лицо есть отецъ члена управы Б—ва. А такъ какъ въ спискѣ нуждающихся было много лицъ съ фамиліею Б—ныхъ, то Короваеву понятно и въ голову не могло придти, что одинъ изъ таковыхъ отецъ его товарища по службѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ, просившіе ссуды были одѣты далеко небогато, а скорѣе и въ этомъ отношеніи ничѣмъ другъ отъ друга не отличались. Нельзя требовать отъ члена управы, чтобы онъ зналъ всю родню своего товарища; нельзя такъ же требовать отъ другаго члена, чтобы онъ видѣлъ и могъ предупредить поступки своего отца, человѣка, быть можетъ, совсѣмъ съ другими понятіями и ни мало не предполагающаго, что своими дѣйствіями онъ можетъ ставить роднаго сына въ весьма непріятное положеніе. Такимъ образомъ виноватыми въ дѣлѣ выдачи Федору Б—ву 5 р. ссуды могутъ быть лишь мѣстный сельскій староста и старожилы, но не орловская земская управа, которая, въ лицѣ его сына, сразу же послѣ выдачи оной внесла ее обратно въ земскій капиталъ.

Небольшое это дѣло оставлено безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Въ Тамбовской губерніи, не отличающейся своею выдающеюся полезною земскою дѣятельностію, попадаются тѣмъ не менѣе дѣльцы, любящіе пожить на общественный счетъ, и таковыхъ приходится судить губернскому собранію, относительно говоря, довольно часто. Но въ сравненіи, напримѣръ, съ витскимъ земствомъ тамбовское весьма снисходительно относится къ похитителямъ общественныхъ денегъ, что вовсе нежелательно, особенно въ то тяжелое въ экономическомъ отношеніи время, которое мы теперь переживаемъ, и когда каждый промотанный воровскимъ образомъ рубль лишаетъ куска насущнаго хлѣба какую нибудь семью голодающаго нашего собрата.

Въ 1869 году ¹⁾ тамбовское губернское земское собраніе выслушало докладъ губернской управы объ обнаруженныхъ ревизіонною комисіею неправильныхъ дѣйствіяхъ предсѣдателя тамбовской уѣздной управы П. В. Е—гина. Послѣдній поправлялъ земскія дороги, на которыя уѣзднымъ собраніемъ было назначено 16,000 р.; но щедрый предсѣдатель употребилъ на нихъ изъ земскихъ денегъ 24,000 р. При-

¹⁾ «Журналъ очереднаго тамбовскаго губернскаго земскаго собранія 1869 года». Кн. VII.—Іюль, 1881.

этомъ ревизіонною комисією обнаружено, что половина поправляемыхъ Е—гинимъ дорогъ осталась такими же худыми, каковыми онѣ были до ихъ ремонтировки; что всѣ работы, а въ томъ числѣ и мосты, отдавались безъ подряда; что цѣны на матеріалы и на уплату за трудъ выставлены въ отчетѣ, представленномъ Е—гинимъ, чрезвычайно высокія и проч. Уѣздное тамбовское земское собраніе, выслушавъ докладъ ревизіонной комисіи и заявленіе нѣкоторыхъ изъ гласныхъ, передало это дѣло на разсмотрѣніе губернскаго собранія. Губернская управа написала по этому поводу пространный докладъ, въ которомъ признала дѣйствія бывшаго предсѣдателя уѣздной управы Е—гина незаконными. Губернское земское собраніе, выслушавъ этотъ докладъ въ засѣданіи 11 февраля, постановило: считать замѣчаніе, сдѣланное уѣзднымъ тамбовскимъ земскимъ собраніемъ Е—гину, а также его отставку и оглашеніе въ протоколахъ всего дѣла достаточнымъ наказаніемъ за нерадѣніе бывшаго предсѣдателя уѣздной управы. Но вѣдь этотъ предсѣдатель истратилъ незаконнымъ образомъ по крайней мѣрѣ половину изъ 24,000 р., показанныхъ имъ на поправку дорогъ, почти не производившуюся. Необходимо было по крайней мѣрѣ взыскать съ него эти деньги, которые весьма и весьма нужны мало-надѣленнымъ и часто бѣдствующимъ крестьянамъ Тамбовской губерніи. Такая гуманность къ похитителямъ земскихъ денегъ, поощряя людей, любящихъ ваѣзжать въ чужіе карманы, ложится тяжелымъ бременемъ на честныхъ бѣдниковъ, никакими воровскими дѣлами не занимающихся. Избави насъ Богъ отъ такой гуманности, при которой любители легкой наживы могутъ обирать безнаказанно честныхъ людей, такъ сказать, среди бѣла дня и при народѣ. Такими мнимо-гуманными поступками земскія учрежденія видимымъ образомъ подрываютъ свое нравственное значеніе, которое особенно въ Тамбовской губерніи весьма и весьма невелико, благодаря неумѣнью передоваго ея сословія сблизиться съ народомъ.

Впрочемъ и среди земцевъ Тамбовской губерніи начинается видимому укореняться убѣжденіе въ томъ, что похитителей общественныхъ суммъ поощрять не слѣдуетъ. Это можно заключить изъ того, что въ 1878 году тамбовское губернское собраніе постановило ¹⁾: передать на разсмотрѣніе судебной власти дѣйствія члена кирсановской уѣздной управы П—ина и члена шацкой уѣздной управы Ф—сова по дѣлу о растратѣ ими земскихъ суммъ.

. Не смотря на снисходительность тамбовскаго губернскаго земства къ общественнымъ дѣятелямъ, неоправдывающимъ довѣрія своихъ

¹⁾ «Журналъ очереднаго тамбовскаго губернскаго земскаго собранія 1878 года».

избирателей, ему въ 1874 году пришлось еще разъ отдать подъ судъ одного мѣстнаго земца, черезъ-чуръ уже безцеремонно обращавагшагося съ чужими деньгами. Последнее дѣло началось съ того, что въ апрѣлѣ 1874 года шацкое уѣздное земское собраніе ¹⁾ выслушало докладъ особой комисіи, избранной для провѣрки дѣйствій по уѣздному земскому хозяйству за 1871, 1872 и 1873 годы, и признало безпорядокъ по веденію денежныхъ книгъ и расходу суммъ, отчего произошла значительная передержка денегъ, а потому и постановило: передать на разсмотрѣніе губернскаго тамбовскаго собранія неправильныя дѣйствія бывшаго предсѣдателя шацкой управы М—скаго и двухъ членовъ Ф—ова и Л—ова, израсходовавшихъ 18,964 р. 37 к. земскихъ денегъ и желавшихъ скрыть таковую растрату чрезъ записываніе въ книгахъ лишнихъ расходовъ и чрезъ иные подлоги. Тамбовское губернское собраніе предварительно передало это дѣло на разсмотрѣніе особой комисіи, которая признала шацкую уѣздную управу состава 1873 года виновною въ поступкахъ, указанныхъ мѣстнымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ.

Выслушавъ докладъ названной комисіи, тамбовское губернское земское собраніе 14 декабря 1874 года постановило: 1) допущенную уѣздною земскою управою передержку суммъ, какъ уже утвержденную уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, признать неподлежащею обсужденію, 2) дѣйствія, въ которыхъ обвиняется бывший предсѣдатель шацкой уѣздной управы М—скій и членъ Л—овъ, на разсмотрѣніе судебнаго мѣста не передавать, и 3) бывшаго члена указанной управы Ф—ова предать суду: а) за равнодушіе къ канцелярскимъ и бухгалтерскимъ безпорядкамъ, б) за неправильную выдачу общественныхъ суммъ, в) за непредставленіе подлинныхъ росписокъ съ получателей земскихъ денегъ и г) за незаписываніе на приходъ поступающихъ въ управу суммъ и за внесеніе въ расходныя статьи такихъ предметовъ, которые вовсе не производились и проч.

Въ екатеринославскомъ земствѣ было тоже сдѣлано нѣсколько злоупотребленій со стороны общественныхъ дѣятелей, и то изъ нихъ, которое имѣло мѣсто въ маріупольской уѣздной управѣ въ 1875 году, весьма характеристично, потому что похищеніе общественныхъ суммъ было произведено людьми, пользовавшимися втеченіи многихъ лѣтъ уваженіемъ и полнымъ къ себѣ довѣріемъ всего мѣстнаго населенія. Вышелъ такой казусъ, что люди, бывшіе повидимому всегда честными и безуборизненными въ исполненіи своихъ обязанностей, вдругъ сдѣлались безнравственными, и притомъ не по очереди, а прямо въ цѣ-

¹⁾ «Журналъ очереднаго тамбовскаго губернскаго земскаго собранія 1877 года».

ломъ составѣ всей управы. Это служить, разумѣется, новымъ доказательствомъ того, какъ силенъ бываетъ иногда бѣсъ и слабъ человекъ, и какъ надъ всякими дѣятелями, для ихъ собственнаго спокойствія и такъ сказать для охраненія ихъ нравственной чистоты, полезенъ контроль' выборныхъ ревизіонныхъ комисій. Вотъ краткое изложеніе обстоятельствъ этого интереснаго происшествія, изложеннаго въ докладѣ екатеринославской губернской земской управы за 1877 годъ ¹⁾. Когда этотъ докладъ былъ прочитанъ губернскому собранію, то гласный В. Коростовцевъ, избранный мариупольскимъ уѣзднымъ земствомъ, старался разъяснить собранію, почему уѣздная управа состава 1875 года, столь всѣми уважаемая, оказалась вдругъ изъ рукъ вонъ плохую. Коростовцевъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ дѣлѣ главную роль играла ревизіонная комисія. Она добросовѣстно повѣрила дѣйствія мариупольской управы и нашла, что ея отчетность по денежнымъ сумамъ крайне запутана. Нѣкоторые изъ этихъ суммъ оказались записанными на приходъ, но въ расходъ не были показаны, поэтому долженъ бы образоваться остатокъ, котораго тоже не оказалось. Объ этомъ слѣдовало спросить ревизуемыхъ, что и было сдѣлано, но отъ чего послѣдніе уклонились. По этому поводу Коростовцевъ сказалъ, что обвиняемые могутъ всегда отвѣтить ревизіонной комисіи: «мы вамъ представили отчетъ; разсматривайте его и дѣлайте изъ онаго какіе вамъ угодно выводы, мы же не желаемъ давать вамъ никакихъ объясненій». Очень понятно, что если общественные дѣятели, обвиненные въ неблаговидныхъ поступкахъ, позволяютъ себѣ пренебрегать мнѣніемъ гласныхъ и въ своемъ упорствѣ дойти до того, чтобы не отвѣчать толкомъ на вопросы, задаваемые имъ ревизіонною комисіею, то такихъ лицъ слѣдуетъ предавать суду, потому что судебный слѣдователь имѣетъ полную возможность выяснитъ подробности дѣла, при той власти, которая не предоставлена ревизіонной комисіи. И если послѣдняя открыла несомнѣнные признаки злоупотребленій, выяснитъ которыя она не можетъ, то она уже исполнила свой долгъ. Установивъ такое положеніе, Коростовцевъ переходитъ къ обязанностямъ, возложеннымъ по отношенію подозрѣваемыхъ въ недобросовѣстности земцевъ на губернское собраніе. Онъ думаетъ, что таковое не призвано судить уѣздныя управы, но должно ограничивать свою дѣятельность лишь разсмотрѣніемъ предложеннаго ею уѣзднымъ собраніемъ вопроса о томъ, есть ли сомнѣніе въ безупречной дѣятельности обвиняемыхъ лицъ и есть ли поводъ для передачи дѣла судебной

¹⁾ «Стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ XII сесіи екат. ривославскаго очереднаго губернскаго земскаго собранія 1877 года».

власти, имѣющей полную возможность раскрыть всё относящіяся до него подробности. Развивая далѣе свою мысль въ рѣчи, сказанной имъ губернскому собранію, Коростовцевъ говоритъ, что губернскіе гласные должны болѣе всего заботиться о сохраненіи интересовъ и правъ земства и ради этихъ правъ не останавливаться предъ правами отдѣльной личности, неприкосновенность и гарантія которой должны составлять заботу суда во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ личность заподозрѣна такимъ коллегіальнымъ учрежденіемъ, какова ревизіонная комисія. Да и какія основанія могутъ имѣть губернскіе гласные для того, чтобы не вѣрить ревизіонной комисіи и уѣздному земскому собранію, утвердившему ея постановленіе? Ревизіонная же комисія мариупольскаго земства указываетъ, между прочимъ, на такіе факты. При постройкѣ одного земскаго зданія, на ворота къ оному, по счету управы, израсходовано 100 р. При повѣркѣ такого расхода, воротъ на мѣстѣ не оказалось, а когда ревизіонная комисія спросила у управы, куда они дѣвались, то получила отвѣтъ, что таковыя ея проданы за ненадобностью, но нигдѣ въ отчетахъ не значится сумма, вырученная за такую продажу, нѣтъ и объясненія, почему только-что выстроенныя ворота не понадобились черезъ мѣсяцъ или два своего существованія. Послѣ тщательнаго изслѣдованія этого обстоятельства оказалось, что ворота, воздвигнутыя на земскія деньги, были придѣланы не къ зданію, ему же принадлежащему, но къ дому, составляющему собственность члены управы С. Мариупольская земская управа 1875 года превысила свою власть, сдѣлавъ самовольно долги на 12,000 р. Управа, по выраженію ревизіонной комисіи, вообще безцеремонно обращалась съ земскими деньгами и съ общественными дѣлами и проч. Такія разъясненія, которыя дѣлалъ Коростовцевъ екатеринославскому губернскому собранію, не лишены интереса, потому что при ихъ помощи самоознаніе русскаго народа, участвующаго въ земствѣ, можетъ только увеличиваться. Екатеринославское губернское земское собраніе, провѣривъ полученныя имъ данныя, постановило въ 1879 году отдать подъ судъ мариупольскую уѣздную управу состава 1875 года ¹⁾).

Изъ числа дѣлъ, возбужденныхъ земствами разныхъ губерній противъ лицъ, служащихъ имъ по контрактамъ, заключеннымъ съ управами, особенно выдается одно, посвященное доктору Ж—Ѣ. Въ 1877 г. ²⁾

¹⁾ «Постановленія XIII очередной сесіи екатеринославскаго губернскаго собранія за 1878 годъ». Екатеринославль 1879 годъ.

²⁾ «Стенографическій отчетъ о засѣданіи XII сесіи екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія съ 16 по 21 октября 1877 года», стр. 590—602.

въ екатеринославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласные слушали докладъ управы, которая собрала свѣдѣнія о безчеловѣчныхъ поступкахъ названнаго эскулапа.

Губернская управа въ своемъ докладѣ рассказываетъ, что земскій врачъ Александровскаго уѣзда Ж. заподозрѣнъ мѣстными ревизионною комисією и земскимъ собраніемъ въ растратѣ общественныхъ денегъ, выдаваемыхъ ему на содержаніе больныхъ въ земской больницѣ. Предварительно поступки указаннаго врача были изслѣдованы гласнымъ Е. И. Шабельскимъ, получившимъ такое порученіе отъ Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія. Шабельскій допросилъ сорокъ свидѣтелей, которые единогласно показали, что болѣе возмутительныхъ дѣйствій, чѣмъ тѣ, которыя позволялъ себѣ мѣстный эскулапъ, трудно себѣ и представить. Между прочимъ, было нѣсколько такихъ случаевъ, что врачъ Ж. отказывался подавать медицинскую помощь больнымъ, имѣвшимъ переломанныя кости на ногахъ, потому что такіе больные не могли уплатить ему 50 р., которыхъ онъ отъ нихъ требовалъ. И это въ земской больницѣ, въ которой леченіе больныхъ должно производиться бесплатно. Больные содержатся на счетъ земства, но врачъ Ж. принималъ ихъ въ больницу въ томъ случаѣ, если они обязывались содержаться сами, а получаемыя на ихъ продовольствіе деньги бралъ въ свою пользу. Поэтому слабые и изнуренные больные ходили сами на базаръ, на которомъ покупали себѣ малопитательную и вредную для нихъ пищу и проч. Александровская управа пришла въ негодованіе и тотчасъ же, по полученіи дознанія Шабельскаго, уволила отъ службы врача Ж., потребовавъ отъ него отчета и обѣщая отдать его подъ судъ. Интересно, что врачъ Ж. оскорбился тѣмъ, что управа подозреваетъ его въ воровствѣ, и пожаловался на нее уѣздному собранію, въ которомъ всѣ гласные, кромѣ одного родственника врача Ж—ы, рѣшили исключить его изъ службы. Врачъ Ж—а жаловался на уѣздную управу екатеринославскому губернскому земству, которое постановило, что онъ, какъ служащее въ уѣздѣ лицо, долженъ быть увольняемъ и отдаваемъ подъ судъ уѣздною же управою. Изъ имѣющихся у насъ данныхъ къ сожалѣнію не видно, отдала ли Александровская управа подъ судъ своего невозможнаго врача Ж—лу.

Въ другомъ уѣздѣ той же Екатеринославской губерніи, именно въ Старобѣльскомъ, бездѣтельность одного изъ земскихъ врачей Т—ва повела къ печальному столкновенію мѣстной управы съ одною изъ обывательницъ уѣзда, землевладѣлицею Маяцею. Столкновеніе это дошло до того, что дѣло было перенесено на разсмотрѣніе судебной власти, которая и разобрала его 1 декабря 1880 года въ отдѣ-

леніи изюмскаго окружнаго суда ¹⁾. Причины, подавшія поводъ старобѣльской уѣздной управѣ принести жалобу на Маяцкую, весьма характеристичны. Маяцкая, подобно всѣмъ образованнымъ людямъ, живущимъ въ деревнѣ, имѣла свою небольшую аптеку, изъ которой отпускала бесплатно лекарства крестьянамъ и ихъ семействамъ, являвшимся къ ней за медицинскою помощію. Въ недалекомъ отъ ея имѣнія разстояніи живетъ земскій врачъ Т—въ, къ которому народъ почти не обращается за помощію. На распросы Маяцкой о причинахъ такого страннаго явленія, крестьяне отвѣтили ей, что врачъ всегда безъ просыпа пьянъ, а управа оставляетъ безъ послѣдствій жалобу мѣстнаго населенія. Собравъ данныя отъ волостныхъ правленій и сельскихъ обществъ, давшихъ отзывъ о дурномъ исполненіи своихъ обязанностей врачомъ Т—вымъ, Маяцкая препроводила ихъ въ уѣздную управу вмѣстѣ съ своимъ отношеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, написала, что «управа смѣется надъ добродушнымъ довѣріемъ своихъ избирателей, ставя ни во что первостепенные интересы населенія»! Старобѣльская уѣздная земская управа по поводу этого отношенія возбудила противъ Маяцкой судебное преслѣдованіе за нанесенное ею управѣ оскорбленіе. Этимъ поступкомъ старобѣльская управа состава 1880 года доказала, что она стоитъ гораздо ниже своего назначенія и что въ ней, вмѣсто живыхъ земскихъ людей, обязанныхъ чутко отзываться на всѣ нужды народа, довѣряющаго управѣ и платящаго ей деньги, засѣдаютъ приказные низшаго разряда, соединяющіе въ себѣ невѣжество и чванство—эти два порока, присущіе чиновникамъ временъ гоголевскаго городничаго. Вмѣсто того, чтобы заниматься кляузами, къ которымъ вовсе не призваны земскія учрежденія, старобѣльской уѣздной управѣ слѣдовало бы поблагодарить г-жу Маяцкую за сдѣланное ею сообщеніе и произвести точную провѣрку изложенныхъ ею фактовъ, тѣмъ болѣе, что названная землевладѣлица, какъ плательщица земскихъ повинностей, имѣетъ полное право указывать управѣ на замѣченныя ею безпорядки земскаго хозяйства. Сообщивъ же старобѣльской управѣ о возмутительномъ бездѣйствіи земскаго врача, Маяцкая исполнила свой гражданскій долгъ, который стануть исполнять вездѣ и всегда всѣ люди, понимающіе лежащія на нихъ гражданскія обязанности. Интересно знать, какъ относится старобѣльская управа состава 1880 года къ гласнымъ, заявляющимъ ей о допущенныхъ ею безпорядкахъ? Если и на такія заявленія управа смотритъ, какъ на оскорбленіе, то какъ должна она

¹⁾ Это любопытное дѣло напечатано въ нѣкоторыхъ изъ столичныхъ газетъ.

отнестись къ тому неминуемому факту, что ее замѣнять составомъ другихъ общественныхъ дѣятелей. Не только гласные, но и екатеринославскій губернаторъ имѣетъ полное основаніе возбудить преслѣдованіе противъ бездѣйствующаго земскаго врача, приносящаго мѣстному населенію несомнѣнный вредъ, если факты, указаные Маяцкою, вѣрны. Намъ удивляетъ, почему мѣстная прокурорская власть согласилась преслѣдовать судебнымъ порядкомъ Маяцкую и тѣмъ причинить ей, вовсе незаслуженныя ею огорченія. Неужели нѣкоторые изъ нашихъ прокуроровъ, состоящихъ изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, употребляютъ всѣ свои старанія для усиленія непопулярности нашихъ окружныхъ, дорого-стоющихъ судовъ, въ которыхъ и безъ того уже бѣдные люди не могутъ выигрывать дѣлъ, если не разоряются на наемъ адвокатовъ. Если, вмѣсто правдивости и гуманности, нашъ новый судъ заразится окончательно любовью къ формалистикѣ, то онъ будетъ таеъ же ненавистенъ народу, какъ и прежнія гражданскія палаты и уѣздные суды. Когда публика будетъ отдана въ полную власть всеильныхъ адвокатовъ и формалистовъ-прокуроровъ, то земству придется ходатайствовать объ упраздненіи окружныхъ судовъ и о замѣнѣ ихъ судами милостивыми и вполнѣ правдивыми. Г-жа Маяцкая была оправдана отдѣленіемъ изюмскаго окружнаго суда, что присутствовавшая при разборѣ дѣла публика приняла съ понятнымъ восторгомъ.

Кромѣ приведенныхъ нами фактовъ злоупотребленій, въ которыхъ обвинялись нѣкоторые предсѣдатели и члены земскихъ управъ, въ глѣтописяхъ, ведущихся органами нашего самоуправленія, находятся и другіе подобныя же факты, изъ числа которыхъ нами переданы наиболѣе характеристичныя. Большее число лихонимствъ, совершаемыхъ выборными дѣятелями, совершалось при раздачѣ ими ржи и муки нуждающемуся населенію. Эти злоупотребленія повторялись бы гораздо рѣже, если-бы волостныя правленія были лучше организованы, а старшины и сельскіе старосты менѣе принижены ихъ многочисленными начальниками.

III.

Самымъ крупнымъ фактомъ изъ дѣятельности земскихъ ревизионныхъ комисій является безспорно сложная работа, произведенная пермскими общественными дѣятелями, разоблачившими значительныя злоупотребленія, сдѣланныя всѣмъ составомъ губернской управы и особымъ дорожнымъ комитетомъ, который въ 1875 году завѣдывалъ улучшеніемъ всѣмъ хорошо извѣстнаго сибирскаго тракта. Злоупо-

требленія по улучшенію этого тракта заслуживаютъ особаго вниманія еще и потому, что въ капитальной передѣлкѣ этой важной дороги было заинтересовано правительство, выдававшее на такой предметъ значительныя денежныя субсидіи. Поэтому, исторія съ сибирскимъ трактомъ весьма похожа на множество не предающихся гласности и даже неподнимаемыхъ въ печати дѣлъ о желѣзнодорожныхъ злоупотребленіяхъ, безконтрольное существованіе которыхъ не можетъ быть понято простымъ здравымъ смысломъ, на основаніи котораго всѣхъ нарушителей закона, наносящихъ преднамѣренный вредъ частнымъ лицамъ и обществу, слѣдуетъ сажать въ кутузку и судить по строгой справедливости. Пермская ревизіонная комісія доказала наглядно и притомъ на весьма выдающемся примѣрѣ, что самыя крупныя дорожныя злоупотребленія могутъ быть разоблачены и уничтожены, если контроль поручается избраннымъ отъ общества лицамъ, пользующимся хорошею репутаціею. На этомъ основаніи харьковское земство, напримѣръ, неоднократно предлагало правительству свои услуги для контролированія извѣстной азовской желѣзной дороги Полякова.

Но если до сихъ поръ такой контроль не допускается, то, рано или поздно, къ нему должно будетъ прибѣгнуть само правительство, которому нельзя же вѣчно терпѣть многихъ, явно вредныхъ для цѣлаго края дѣйствій какъ азовской дороги, такъ и другихъ, ей подобныхъ. Пермское земство, относительно своихъ дорожныхъ строителей, оказалось счастливѣе харьковскаго, и въ 1879 году первое изъ нихъ отдало подъ судъ губернскую земскую управу состава 1875 года, такъ же какъ и членовъ (кромѣ одного) особой дорожной комісіи, завѣдывавшей устройствомъ сибирскаго тракта, представившаго столько соблазна людямъ, любящимъ легкую наживу.

Отдавъ подъ судъ виновниковъ расхищенія казенныхъ и общественныхъ денегъ, пермское земство только начало дѣло о злоупотребленіяхъ по сибирскому тракту, и главный его трудъ, имѣющій всероссійское значеніе, состоялъ въ приведеніи въ порядокъ запутанной отчетности и въ выясненіи дѣйствительно произведенныхъ расходовъ. Этотъ трудъ былъ весьма значителенъ и, какъ видно изъ рѣчи предсѣдателя пермскаго губернскаго собранія¹⁾, онъ тянулся болѣе двухъ лѣтъ, втеченіи которыхъ земству предстояло впрочемъ, кромѣ того, войти еще въ соглашеніе съ мѣстною администраціею и государственнымъ контролемъ, предъявившимъ по настоящему дѣлу особыя требованія отъ мѣстнаго самоуправленія.

¹⁾ «Сборникъ пермскаго земства 1879 года», кн. IV. Акты и журналы чрезвычайнаго губернскаго собранія, стр. 1—117.

Въ X чрезвычайномъ пермскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 10 сентября 1878 года состоялось постановленіе относительно разсмотрѣнія отчета о расходахъ на исправленіе сибирскаго тракта въ 1875 году и передачи онаго въ контрольную палату. Вслѣдствіе особаго по сему предмету протеста губернатора, состоялся докладъ комисіи по разсмотрѣнію протестовъ, а за нимъ и постановленіе XI очереднаго губернскаго земскаго собранія 15 и 22 января 1879 года, по которому собраніе, соглашаясь съ протестомъ губернатора, признало, что изъ всего отчета за 1875 годъ было тогда утверждено расходовъ на 99,132 р., разсмотрѣно, но не утверждено 9,075 р., и остается еще неразсмотрѣнныхъ расходовъ 416,137 р. Согласно постановленію губернскаго собранія, управа передала въ контрольную палату документы по расходамъ на исправленіе сибирскаго тракта; но палата 10 января 1879 года возвратила эти документы въ губернскую управу, съ тѣмъ, чтобы: 1) была бы составлена подробная кассовая вѣдомость о расходахъ, и 2) чтобы документы были сгруппированы въ хронологическомъ по времени расхода порядкѣ. Это требованіе наложило на земство новый трудъ, предъ которымъ не остановилось губернское собраніе, постановившее 20 іюля 1879 года подтвердить губернской управѣ исполнить требованія контрольной палаты и имѣть его въ виду при составленіи отчетовъ за 1876—1878 года.

Отчетность по исправленію сибирскаго тракта въ 1875 году разсматривалась, по протесту пермскаго губернатора противъ нѣкоторыхъ статей расходовъ, и правительствующимъ сенатомъ, который, указомъ отъ 31 октября 1879 года ¹⁾ отмѣнилъ постановленіе собранія относительно расхода по ремонту тракта двухъ суммъ: въ 16,384 р. и въ 13,756 р. Эти статьи расхода, противъ утвержденія которыхъ протестовалъ губернаторъ, были впоследствии утверждены, для чего имѣлись основательныя данныя, состоящія главнымъ образомъ въ удостовѣреніи ревизіонной комисіи въ томъ, что расходы означенныхъ выше денегъ дѣйствительно были произведены на покупку матеріаловъ и на иные предметы, осмтрѣнные комисією на мѣстѣ. Помимо крупныхъ злоупотребленій дорожнаго комитета въ 1875 году, изъ отчета ревизіонной комисіи видно, что и въ 1876 году бывший тогда состав губернской управы оказался далеко небезукоризненнымъ. Ревизіонная комисія, разсматривавшая отчетъ губернской управы за 1876 годъ по ремонту сибирскаго тракта, доложила ²⁾ пермскому губернскому земскому собранію XI чрезвычайной сессіи, что она повѣряла указан-

¹⁾ «Сборникъ пермскаго земства», 1880 годъ, книга III, стр. 188—190.

²⁾ Тотъ же сборникъ 1879 года, книга IV, стр. 60—81.

ный отчетъ сперва съ формальной стороны, т. е. сличала истраченные суммы съ книгами и документами, а затѣмъ съ внутренней стороны, т. е. тщательно изслѣдовала, въ какой степени достовѣрны цифры расхода, показаннаго въ счетныхъ книгахъ и отчетѣ. Такимъ образомъ ревизія этого замѣчательнаго отчета подраздѣляется на двѣ части: въ первую вошла формальная, такъ сказать, канцелярская провѣрка; во вторую—результаты изслѣдованія степени исполненія членами дорожнаго комитета и лицами технического надзора своихъ обязанностей, что собственно и составляетъ самую суть земскаго контроля. При повѣркѣ счетныхъ книгъ и документовъ встрѣтились, между прочимъ, слѣдующія неправильности:

По пункту 2. Водоотводныхъ боковыхъ канавъ пермскою губернскою управою состава 1876 года показано: по суммѣ расхода 6,332 саж., по исполнительной же вѣдомости инженера Вояковского только 6,044 саж. По мнѣнiю комисіи, объясненіе этого факта можетъ быть двоякое: или инженеръ просчиталъ 288 саж. (хорошо же инженеръ исполнялъ свои обязанности), или дорожнымъ комитетомъ выданы деньги за такія канавы, которыя на самомъ дѣлѣ не были вырыты.

Пунктъ 3. По устройству настилки фашинъ и хворосту. По отчету управы, противъ исполнительной вѣдомости инженера, показано настилки болѣе 1,140 кв. саж. и на 885 р. и разность эта нигдѣ въ отчетѣ не объяснена.

По пунктамъ 6 и 7. Ревизіонная комисія не могла досчитаться 983 куб. саж. щебня и 720 куб. саж. песку.

Пунктъ 8. Развозка и разсыпка хряща. По отчету значится, что развезено хряща 6,408 кв. саж. и песку 246 кв. саж., всего 6,654 куб. саж.; по исполнительной же вѣдомости инженера показано 5,982 кв. саж., т. е. менѣе на 672 кв. саж., на сумму 974 р. Ревизіонная комисія сомнѣвается въ томъ, чтобы управа по ошибкѣ могла заплатить за несуществующую развозку и разсыпку хряща и песку такую большую сумму, тѣмъ не менѣе разность эта настолько важна, что должна была бы обратить вниманіе губернской управы.

Пунктъ 12. Заготовка щебня. По смѣтѣ предполагалось заготовить щебня 5,038 кв. саж., а заготовлено 8,847 куб. саж., болѣе на 3,539 куб. саж., на сумму 34,910 р. Удивительно, какимъ образомъ ни дорожная комисія, ни управа, ни инженеръ не предвидѣли при составленіи смѣты, что щебня потребуется на 3,539 куб. саж. болѣе, чѣмъ ими прежде было предположено. Можно думать, согласно съ заключеніемъ ревизіонной комисіи, что или трактъ во время зимы значительно почему-то ухудшился, или смѣта составлена несогласно съ дѣйствительно потребностью и небрежно, вслѣдствіе чего потребовалась

огромная перепоставка щебня по дорогой цѣнѣ, причемъ одному только подрядчику Стрижеву переплачено 2,179 р. При этомъ нельзя еще не обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: при заподаждѣ Стрижева на поставку щебня 537 куб. саж. весной 1876 г. съ передачею въ цѣнѣ противъ зимней поставки 6 р. 10 в. за сажень, не было, въ нарушеніи § 12 инструкціи, ни постановленія дорожнаго комитета а о необходимости увеличенія постановки щебня, ни торговъ на эту поставку, а предоставлена она была Стрижеву членомъ дорожнаго комитета Ш—фельдомъ, безъ предваренія комитета и безъ его разрѣшенія по домашней роспискѣ названнаго выше члена колегіальнаго учрежденія, на которое было возложено земствомъ дѣло ремонта тракта.

Этихъ выписокъ изъ объемистаго доклада ревизіонной комисіи совершенно достаточно для того, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе о томъ безпорядкѣ, который пермская губернская управа 1876 года и состоявшіе въ ея распоряженіи инженеры допустили въ веденіи отчетности значительныхъ суммъ, находившихся въ ихъ непосредственномъ распоряженіи.

Теперь сдѣлаемъ еще одну краткую выписку изъ доклада ревизіонной комисіи, провѣрившей, между прочимъ, степень исполненія своихъ обязанностей членами дорожнаго комитета, они-же были и членами губернской управы¹⁾. Въ хозяйственномъ отношеніи сибирскій трактъ въ 742 версты былъ распределенъ на три участка: первый въ 267¹/₂ версть, второй въ 140, а третій въ 336¹/₂ версть. Губернское собраніе утвердило инструкцію, которою обязывало членовъ дорожнаго комитета не только знать и видѣть каждую работу и весь поставляемый матеріалъ, но и находиться при самомъ производствѣ работъ, а также и расчитывать рабочихъ, подводчиковъ и поставщиковъ матеріаловъ.

Изъ счетовъ же, представленныхъ пермскою губернсвою управою, видно, что за работы, производившіяся безъ подрядчиковъ, въ разбродъ, расчитывали рабочихъ, подводчиковъ и прочихъ, въ нарушеніе § 23 инструкціи, преимущественно дорожные смотрители и техники. Что члены дорожнаго комитета имѣли возможность производить подробные расчеты лично,—это выясняется ревизіонною комисіею, которая сдѣлала по настоящему предмету особый расчетъ для каждаго изъ трехъ участковъ сибирскаго тракта. Первый участокъ, какъ по незначительности его ремонта, такъ и потому что работы производились на немъ преимущественно чрезъ подрядчиковъ, былъ самый легкій для наблюденія, тѣмъ болѣе, что этимъ участкомъ, помимо члена дорожнаго комитета Д—лева, завѣдывалъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 68 и слѣдующія.

еще и земскій инженеръ. На объѣздъ всего участка для пріема матеріаловъ, для расчета рабочихъ и для контролированія дорожныхъ смотрителей, Д—левъ могъ употребить каждый разъ отъ 4 до 5 дней и слѣдовательно осматривать ввѣренную ему часть дороги, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ недѣлю, для чего втеченіи года употребилъ бы всего 200 сутокъ. На самомъ же дѣлѣ Д—левъ употребилъ на разъѣзды лишь 85 дней, т. е. объѣзжалъ участки одинъ разъ въ двѣ недѣли. Понятно, что, бывая рѣдко на мѣстѣ производства работъ, онъ не могъ самъ рассчитывать рабочихъ, не могъ контролировать окологородныхъ дорожныхъ смотрителей въ расходованіи выдаваемыхъ имъ къ отчету денегъ, а долженъ былъ предоставить смотрителямъ и техникамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, какъ Д—левъ и поступалъ. Онъ не только не требовалъ рабочихъ журналовъ и табелей, но принималъ отъ дорожныхъ смотрителей отчеты безъ должной ихъ повѣрки. безъ завѣренія инженера или техника и даже безъ росписокъ рабочихъ и подводчиковъ въ полученіи денегъ. Изъ обзора всей дѣятельности Д—лева ревизіонная комисія пришла къ общему заключенію, что онъ или вовсе не желалъ исполнять, какъ слѣдуетъ, возложенныя на него обязанности, или не умѣлъ ихъ исполнить.

Вторымъ участкомъ завѣдывалъ В—евъ, который хотя и бывалъ на мѣстѣ производства работъ довольно часто, но тоже не рассчитывалъ самъ рабочихъ и принималъ денежные отчеты смотрителей безъ завѣрки техниковъ и инженера.

Третьимъ участкомъ завѣдывалъ Ш—фельдъ и о его дѣятельности ревизіонная комисія сказала тоже, что о Д—евѣ, не исполнившемъ, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей члена дорожнаго комитета; техники и инженеры, дѣятельность которыхъ была тщательно провѣрена ревизіонною комисіею, оказались тоже людьми, не умѣвшими или не желавшими честно выполнить возложенныхъ на нихъ обязанностей. Въ заключеніе своего доклада ревизіонная комисія говоритъ, что изъ имѣющихся многочисленныхъ данныхъ видно, что ни члены дорожнаго комитета (кромя одного), ни инженеръ, ни техникъ, ни дорожные смотрители не исполнили инструкціи, преподанной губернскимъ собраніемъ къ руководству при ремонтѣ сибирскаго тракта. Вообще видно, что улучшеніе дороги, проходящей по пермской губерніи и имѣющей важное экономическое и государственное значеніе, производилось беззащитными людьми, которые могутъ быть сравниваемы съ нѣкоторыми желѣзнодорожными дѣятелями. По-дѣломъ пермское земство отдало такихъ корыстолюбцевъ подъ судъ, о чемъ, съ своей стороны, настаивалъ также и мѣстный губернаторъ.

Сибирскій трактъ и его ремонтровка окончательно приведены въ

порядокъ только въ 1880 году ¹⁾, въ которомъ пермское губернское земское собраніе, разсматривая смѣты расходовъ на текущій годъ, единогласно постановило: «статью смѣты на содержаніе сибирскаго тракта въ 1880 году 80,000 р., согласно состоявшимся уже въ предъидущихъ засѣданіяхъ постановленій собранія объ отнесеніи содержанія тракта къ повинностямъ уѣзднымъ, исключить, съ тѣмъ, чтобы въ смѣту необязательныхъ расходовъ было внесено на пособіе уѣзднымъ земствамъ 35,000 р.». Такимъ образомъ надѣлавшее много весьма понятнаго шуму дѣло, въ главныхъ своихъ чертахъ окончательно выяснено и виновные, съ которыхъ взысканы причиненные ими убытки, потерпѣли достойную ихъ судебную кару. Мы остановились на злоупотребленіяхъ, сдѣланныхъ по сибирскому тракту въ 1875—76 годахъ, для того: во первыхъ, чтобы показать наглядно, что всякое злоупотребленіе можетъ быть быстро выяснено, если это дѣло предоставляется общественнымъ учрежденіямъ; а во вторыхъ, для того, чтобы окончательно опредѣлить важное значеніе ревизіонныхъ комисій въ органахъ нашего мѣстнаго самоуправленія.

IV.

Замѣтна о раскольникахъ, какъ о земской силѣ.

Въ качествѣ обозрѣвателя земскаго дѣла въ Россіи, мы не можемъ пройти молчаніемъ того нареканія, которое сдѣлано нѣкоторыми органами русской печати на раскольниковъ, составляющихъ выдающуюся земскую силу въ нѣсколькихъ коренныхъ губерніяхъ нашего отечества, а также и въ войскѣ Донскомъ.

Нѣкоторые наши журналы и газеты высказали недавно, что какъ расколъ явился протестомъ противъ застоя нашей жизни, такъ и нигилизмъ представляетъ отраженіе современной неудовлетворительности, поэтому нигилизмъ признанъ не только не наноснымъ, но вполне русскимъ явленіемъ. Это повторили нѣкоторые изъ нашихъ газетъ, какъ непреложную истину. Нигилизмъ, вдохновляющійся единственно литературою такъ называемыхъ социалистовъ и комунистовъ Франціи и Германіи, уже по одному этому не можетъ быть признанъ чисто русскимъ, не наноснымъ явленіемъ. Идеаль нигилистовъ составляетъ

¹⁾ «Сборникъ пермскаго земства», 1880 г., книга III, стр. 50.

анархія, изъ которой самъ народъ долженъ выработать себѣ формы социальной жизни. Это даже не идеаль, а болѣзненная фантазія беспочвенной мысли. Народъ нашъ давно уже выработалъ себѣ политическій идеаль и нѣсколько разъ втеченіи своей исторіи осуществляютъ его на дѣлѣ. Русскіе раскольники, вдохновленные любовью къ родинѣ и привязанностью къ своей вѣрѣ, раздѣляютъ политическія воззрѣнія со всѣмъ нашимъ народомъ вообще. Отличаются же они отъ остальныхъ своихъ братьевъ только большею чѣмъ остальные приверженностью къ русской старинѣ. Мы не говоримъ о наносныхъ сектахъ, каковы скакуны, скопцы, и тому подобные. Расколъ и произошелъ собственно потому, что часть нашего передоваго общества, пренебрегая народными воззрѣніями, старалась передѣлать Россію на иностранный манеръ. Раскольники взяли на себя спасти народный духъ и, основываясь на своеобразно понятіи св. писаніи, дѣйствовали на народъ убѣжденіемъ и твердостью духа; если нѣкоторые секты и отошли совершенно отъ православія, то только вслѣдствіе невозможности достать себѣ поповъ, что и повело къ безпоповщинѣ. причеъ однако необходимость заставила ихъ учредить свое духовенство для исполненія различныхъ духовныхъ требъ. Нигилисты же есть появленіе самаго недостойнаго подражанія Европѣ, въ совершенныя учрежденія которыхъ у насъ вообще еще продолжаютъ вѣрить многіе, даже почтенные люди.

Для полнаго выясненія нашей мысли, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи въ Россіи нигилистовъ и анархистовъ, въ народненіи которыхъ виновать не народъ, а собственно наше передовое сословіе. «Совершенныя учрежденія», въ которыя какъ въ писанный законъ, вѣрили многіе русскіе консерваторы и либералы, давно уже рекомендуются нашей родинѣ всѣми иностранцами. Послѣдними, при Петрѣ и особенно при ближайшихъ его пріемникахъ и пріемницахъ, были вводимы эти «совершенныя учрежденія» и притомъ съ тою суровостью, которая можетъ удовлетворить самыхъ фанатическихъ приверженцевъ проектовъ преобразованій, составленныхъ по книгамъ и по иностраннымъ образцамъ. Послѣдствіемъ введенія въ Россію «совершенныхъ учреждений» явилась полная изолированность передоваго класса отъ народа, который не проникъ до сихъ поръ сознаниемъ пользы этихъ учреждений, дѣйствіямъ которыхъ онъ сопротивляется всѣми возможными легальными, т. е. пассивными способами. А такое взаимное отношеніе между нѣкоторыми «совершенными учреждениями» и народомъ, для просвѣщенія котораго онѣ созданы, привело наконецъ къ тому, что мертвенность этихъ учреждений признана теперь уже и правительствомъ, и что народъ, не видящій въ нашихъ бумажныхъ канцеляріяхъ свѣта и правды, извѣ-

рился въ господь и, привыкнувъ къ противодѣйствию и изворотливости, развращается и жметъ властямъ такъ-же, какъ имъ лгутъ и многіе чиновники. Для того, чтобы совершенныя учрежденія принесли какую нибудь пользу, надо, чтобы имъ сочувствовалъ народъ, а этого-то и не хотятъ повидимому допустить наши теоретики, считающіе своею высокою миссіею просвѣтить по извѣстному рецепту, писанному иностранцами, этотъ невѣжественный народъ. Послѣдній до сихъ поръ не исполняетъ тѣхъ предписаній начальства, основательность которыхъ онъ не признаетъ, или исполняетъ ихъ такъ, что было бы лучше, если-бы онъ вовсе ихъ ослушивался. Между прочимъ, у насъ существуютъ отличные уставы по пожарной части, по полицейской медицинѣ, по охраненію лѣсовъ, по борьбѣ съ скотскими падежами и проч. Всѣмъ извѣстно, что эта масса писанныхъ законовъ не исполняется народомъ, и что если становые пристава сгоняютъ его для уничтоженія, на примѣръ, саранчи, то отъ прогульныхъ дней и безпорядковъ, неизбѣжныхъ при принужденіи крестьянъ, приносится уѣзду или губерніи вреда больше, чѣмъ отъ самой саранчи, что говорятъ всѣ русскія земства. Народъ употребляетъ всевозможныя хитрости для того, чтобы избѣжать не нравящагося ему дѣла, или-же испортить его какъ можно болѣе. Вотъ почему въ Россіи не прививаются законы, писанные самими либеральными кабинетными людьми, и почему крестьянство наше не выполняетъ условій, заключаемыхъ ими съ тѣми землевладѣльцами, которые пригвѣсняютъ ихъ выгономъ, или топливомъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ народа, участковое владѣніе котораго ничтожно. Наши либералы весьма многого ожидали отъ крестьянскаго самоуправленія, отъ мировыхъ судей и вообще отъ гласнаго судопроизводства; но на дѣлѣ оказалось, что всѣми этими по теоріи «совершенными учрежденіями» весьма мало удовлетворенъ русскій народъ, среди котораго до сихъ еще поръ не заслужило вполнѣ добраго слова и земство, сдѣлавшее однако для массы населенія кое-что довольно существенное. Странно, что это земство, которое хотя и не стоитъ до сихъ поръ на твердой почвѣ, но сдѣлавшее уже для крестьянъ болѣе, чѣмъ всѣ существующіе по сто и даже болѣе того лѣтъ «совершенныя учрежденія», болѣе всего подвергалось осмѣянію и нападкамъ со стороны, какъ либеральныхъ, такъ и консервативныхъ публицистовъ и белетристовъ. Никто изъ такихъ нападающихъ не могъ долго понять, что въ земствѣ начинаетъ проявляться народный духъ. Вѣроятно это происходитъ потому, что живущіе въ деревняхъ земцы не принадлежатъ ни къ либераламъ, ни къ консерваторамъ, а состоятъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, изъ толковыхъ русскихъ людей, работающих на пользу народа, не по зараяе предписанному или теоретическому плану дѣйствій, а по практическому смыслу,

имѣющему въ виду возможное благосостояніе народа въ дѣйствительности, а не на бумагѣ и въ отчетахъ. Освободясь отъ крѣпостнаго права, русскій народъ, вмѣсто прежнихъ своихъ руководителей помѣщиковъ, имѣетъ теперь либеральное и консервативное чиновничество, которое возводитъ въ принципъ своей дѣятельности насиліе надъ крестьянствомъ, нравственное ничтожество котораго принимается еще многими за несомнѣнный фактъ. Понятно, что освобожденному народу не здоровится отъ такихъ попечителей и въ нихъ онъ видитъ нрѣдко новое иго, можетъ быть еще худшее прежнихъ помѣщиковъ, при которыхъ крестьянство хотя и велось какъ стадо скота, но было сыто, а теперь голодаетъ постоянно. Что народъ, отчужденный отъ передоваго сословія, начинаетъ мѣстами убаюкивать свое горе химерами и развращается—въ этомъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакого сомнѣнія. Наши, такъ называемые передовые люди говорятъ, что слѣдуетъ помощію учрежденій учить и улучшать народныя нравы и усиливать умственное развитіе массы. Но масса русскаго населенія не признаетъ господъ образованныхъ людей за своихъ руководителей, а изъ близко стоящаго къ народу класса дѣтей церковнаго причта, разночинцевъ и обѣднѣвшихъ дворянъ вышла озлобленная на все образованное сословіе кучка людей, окрестившаяся тоже иностранными названіями: «нигилистовъ и террористовъ». Появленіе такихъ молодчиковъ, не имѣющихъ никакого воспитанія и по дивности и безнравственности своихъ воззрѣній и нравовъ, напоминающихъ первобытныхъ нашихъ прародителей, доказываетъ, что въ средѣ самаго русскаго народа произошла порча, которая подтверждается еще и тѣмъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ число всевозможныхъ преступленій усилилось. Конечно, здравый смыслъ нашего народа и его преданность къ царю не подлежатъ сомнѣнію; народъ, весьма мало довѣряя нашей пестрой интеллигенціи изъ лицъ разныхъ національностей, твердо вѣритъ въ царя, отъ котораго ждетъ облегченія своихъ тягостей и дарованія ему права сказать, не боясь начальства, свое собственное слово; но происходящая видимая порча въ части населенія во всякомъ случаѣ достойна серьезнаго вниманія всѣхъ образованныхъ и честныхъ русскіхъ людей, все равно присвоиваютъ ли они себѣ иностранныя клички или нѣтъ. Появленіе нигилистовъ и лицъ имъ сочувствующихъ служить во всякомъ случаѣ дурнымъ признакомъ и доказываетъ, что въ народной жизни не все обстоитъ благополучно и что ложь, существующая въ высшихъ классахъ, переходитъ отчасти въ низшіе слои, въ которыхъ принимаетъ ужасающія по своему уродству формы. Собственно нигилисты состоятъ большею частью изъ людей бѣднаго состоянія, прошедшихъ свою молодость отчасти въ деревняхъ, отчасти въ городкахъ, людей безъ сколько нибудь серьезной умственной подготовки и без-

умно озлобленныхъ за то, что имъ не удастся провести свои возрѣвнѣ въ массы и перестроить государство по своему образцу. Эти люди насколько можно судить по ихъ подпольной литературѣ и по процессамъ, надъ ними пропроизводимымъ, не имѣютъ даже опредѣленнаго плана дѣйствій. Они стремятся только къ тому, чтобы бить, убивать и запугивать всѣхъ лицъ, честно или безчестно служащихъ своей родинѣ, но не принадлежащихъ къ ихъ партіи. Нигилисты не вѣрятъ ни въ либераловъ, ни въ консерваторовъ, и вообще ни въ одного грамотнаго русскаго человѣка не изъ ихъ кучки. Они не вѣрятъ также въ русскій народъ, съ которымъ нивакъ не могутъ сойтись и который тоже хотятъ передѣлать по своему, т. е. по иностранному. Происходя изъ людей, часто выходящихъ изъ массы населенія, нигилисты, считаютъ себя просвѣщенными людьми, имѣющими право презирать народъ, какъ невѣжду. Въ этомъ-то и состоитъ главная причина слабости нигилистовъ, какъ партіи, не имѣющей у насъ до настоящаго времени никакой почвы подъ ногами. Нигилисты хотятъ тоже только командовать и понукать народомъ, передѣлывая его по тому западному образцу, который ими вполне еще не выясненъ, но который, судя по ихъ воззваніямъ, долженъ подходить къ коммунистическому сожитію, существующему между многими дикими племенами, живущими, какъ они думаютъ, безъ власти и законовъ. Средства, употребляемыя нигилистами для достиженія ихъ туманной еще цѣли, тоже первобытны, потому что состоятъ въ убійствѣ и грабежѣ, исключаящихъ всякое понятіе о разумности и нравственности, безъ которыхъ нельзя составить себѣ понятіе о гражданскомъ обществѣ. Можно положительно утверждать, что нигилисты состоятъ въ громадномъ большинствѣ изъ людей, страдающихъ ненормальностью умственныхъ способностей. Безъ этого предположенія трудно понять ихъ покушенія на жизнь русскаго царя, составляющаго главную надежду своего народа, который по смерти одного царя будетъ имѣть непременно другаго и т. д. Если нигилисты думаютъ этимъ путемъ достигнуть въ Россіи анархіи, то они значить стремятся принести только вредъ своей родинѣ, чего такъ желаютъ всѣ враги русскаго народа.

Что бы ни думали и ни предпринимали обезумѣвшіе нигилисты, имъ не удастся сдѣлать въ Россіи никакого переворота; но въ глазахъ всѣхъ людей, любящихъ свою родину, самое ихъ существованіе указываетъ на ненормальность нашего положенія, котораго, по всѣмъ признакамъ, не могутъ измѣнить сами по себѣ ни либералы, ни консерваторы, какъ бы они ни были учены. Помочь горю можетъ русскій народъ, сказавъ свое слово, помощію искреннихъ, близко къ нему стоящихъ представителей, не носящихъ иностранныхъ влиятель и избранныхъ самимъ народомъ. А почти одна пятая часть этого на-

рода раскольниковъ. Эти раскольники уже совершили свою историческую миссію. Они втеченіи четырехъ столѣтій отстаивали самостоятельность русскаго народа противъ многихъ, вредныхъ для него новшествъ. Какую роль они будутъ играть въ будущемъ—это еще неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, голосъ русскихъ раскольниковъ, закаленныхъ въ несчастіи, глубоко религиозныхъ и преданныхъ своему идеалу, долженъ имѣть безспорное значеніе. Въ то время, какъ большая часть грамотныхъ и полуграмотныхъ русскихъ людей умѣетъ лишь командовать и начальствовать надъ народомъ, раскольники нашли возможность служить ему обратски, т. е. какъ равный равному и притомъ честно и безкорыстно. Единственнымъ побужденіемъ раскольниковъ къ служенію родины была любовь къ Россіи и ко всему, что въ ней есть самобытнаго. Вотъ въ чемъ состояла сила ослабѣвающаго нынѣ раскола и его безспорно важное историческое значеніе.

Нѣсколько словъ по поводу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря 1880 года.

Этотъ важный циркуляръ задалъ серьезную работу общественнымъ дѣятелямъ, которымъ министръ предложилъ категорически высказать соображенія о мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Мы слышали, что нашлись нѣкоторые дѣловые люди, которые, въ своихъ отвѣтахъ министру, желаютъ провести мысль о необходимости сохранить существующую въ настоящее время организацію крестьянскаго самоуправленія, подчиненнаго полиціовничьему уѣздному присутствію и дающему возможность проявляться всякому произволу со стороны низшей полицейской власти. По нашему убѣжденію, только тѣ немногіе общественные дѣятели могутъ желать удерживанія крестьянъ подъ опекою уѣзднаго присутствія, которые боятся, что если они не будутъ вліять на избирателей, какъ начальники, то ихъ и не выберутъ ни въ какую должность. Не преслѣдуя такихъ личныхъ цѣлей, мѣстные образованные земскіе люди не имѣютъ никакихъ причинъ препятствовать крестьянству въ его дальнѣйшемъ гражданскомъ развитіи, которому такъ мѣшаютъ полицейско-дворянско-земскія крестьянскія учреждения. Крестьяне на Руси такіе же равноправные во всѣхъ отношеніяхъ люди, какъ и представители иныхъ сословій. Мы вполне увѣрены, что однимъ изъ средствъ для того, чтобы отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ земцевъ, зараженныхъ чи-

новничьими взглядами и думающихъ больше всего о получаемыхъ ими окладахъ, является уничтоженіе крестьянскихъ присутствій, всеословныя волости и увеличеніе числа гласныхъ, избираемыхъ волостями же. Тогда уже никто изъ несоотвѣтствующихъ даже своему назначенію земцевъ не будетъ имѣть возможности вообразить себя чиновникомъ, командующимъ надъ мѣстнымъ населеніемъ противъ желанія послѣдняго; но каждый общественный дѣятель будетъ вынужденъ исполнять дѣйствительную народную волю, или удаляться со сцены.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Начатая перемѣна министровъ продолжалась и въ минувшемъ мѣсяцѣ. Такъ, военнымъ министромъ, вмѣсто графа Милютина, назначенъ генераль-адъютантъ Ванновскій, который, при первомъ же свиданіи съ своими подчиненными, сообщилъ имъ волю государя императора, чтобы, не умаляя значенія боевыхъ силъ Россіи, стремиться къ возможной экономіи и сокращенію военнаго бюджета, поглощающаго теперь треть всѣхъ государственныхъ доходовъ. Въ долговременное управленіе министерствомъ графа Милютина совершено много весьма существенныхъ преобразованій по военному вѣдомству, и почтенное имя графа Дмитрія Алексѣевича займетъ въ исторіи царствованія царя-освободителя одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, какъ государственнаго дѣятеля, который, втеченіи всего времени управленія министерствомъ, не смотря ни на какія перемѣны, вѣянія и тормазы внутренней политики, всегда являлся представителемъ прогреса и не допускалъ разнымъ темнымъ силамъ вернуться къ раздольному для нихъ прошлому, когда царилъ въ войскахъ произволъ, опираясь на палку, розги и кулаки. Много хорошаго сдѣлалъ графъ Милютинъ и для войскъ, и для военнаго дѣла; сильно укоротилъ онъ хищническія руки, падкія до казенныхъ суммъ и солдатскаго пайка; но ничего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи для военнаго времени, когда хищничество, казнобродство и дневной грабежъ развились въ послѣднюю турецкую войну до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, передъ которыми поблѣднѣли даже хищники крымской войны. Интенданство, инженеры, военно-медицинское управленіе, командиры многихъ строевыхъ и въ особенности нестроевыхъ частей, и наконецъ, пресловутое товарищество, не положили окулки на руку и пока

русское войско освобождало Болгарію, преусердно освобождали казну и солдатское тѣло отъ излишняго обремененія. Козломъ отпущенія явилось, какъ всегда, интендантство; но да пороется въ своей совѣсти и прочее начальство, разные командиры полковъ, батарей, парвовъ и т. п., вышедшіе въ отставку послѣ войны и мирно отдыхающіе теперь отъ боевыхъ тревогъ въ домахъ и имѣніяхъ, благопріобрѣтенныхъ ими на тысячныя сбереженія, сдѣланныя въ минувшую войну. Эта исконная язва наша, еще столь живучая въ военномъ вѣдомствѣ, и понинѣ процвѣтаетъ въ разныхъ хозяйственныхъ управленіяхъ и въ особенности въ интендантскомъ вѣдомствѣ, и велика будетъ заслуга того военнаго министра, который приищеть радикальный и вѣрный способъ очистить эти авгіевы конюшни и если не совсѣмъ уничтожить (что едва-ли возможно), то по крайней мѣрѣ значительно уменьшить размѣры этого наглаго хищничества, и еще въ такое ужасное время, какъ война. Но для этого надо много опыта, много знанія практической стороны предмета; надо быть жертвою этой эксплуатаціи, испытать ее на дѣлѣ, а какъ графъ Милютинъ, такъ и генералъ-адъютантъ Ванновскій, сколько намъ извѣстно, этой опытности не имѣли и не сталкивались съ этимъ хищничествомъ, въ качествѣ командировъ мелкихъ строевыхъ частей, съ которыми разные чиновники-шакалы не церемонятся и потому являются передъ ними въ своемъ настоящемъ, хищномъ видѣ. Графъ Милютинъ былъ теоретикъ, профессоръ, и въ его управленіе министерствомъ теорія играла первенствующую роль. Бюрократизмъ и канцелярія, съ ея огромною и безплодною перепискою, не только не уменьшились, но даже увеличились; масса различныхъ комитетовъ только тормазила движеніе дѣлъ; являлись такіе неудачныя преобразованія, какъ, на примѣръ, судъ въ военное время, несостоятельность котораго вполнѣ обнаружилась въ минувшую войну, или такіе столь дорого стоявшіе способы вооруженія нашихъ войскъ винтовками различныхъ системъ, а также переходы отъ мѣдныхъ орудій къ стальнымъ и обратно; наконецъ, и пресловутыя комисіи съ военнымъ обозомъ, который постоянно измѣнялся, постоянно испытывался, затѣмъ вводился въ войска и все-таки оказывался и негоднымъ, и неудобнымъ для войскъ. А бюджетъ все увеличивался и, говоря по справедливости, увеличился гораздо болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, если-бы была принята въ соображеніе необходимая теперь для насъ экономія, т. е. сбереженіе каждаго гроша, идущаго не на необходимость. Масса ничего не дѣлающихъ генераловъ, аренды, пособія и всяческія попользованія получить что нибудь изъ казенныхъ щедротъ, удовлетворялись тоже широкою рукою и не находили въ военномъ министрѣ суроваго охранителя казеннаго сундука, налагавшаго свое veto на щедрія представленія на счетъ казны, хотя онъ самъ лично принадлежитъ къ тѣмъ

немногимъ лицамъ идеальной честности, которыя, покидая должность министра, остаются такими же бѣдняками, какими вступили въ нее; которыя никогда не заботились о себѣ, никогда не пользовались своимъ положеніемъ, чтобы обратить щедроты монарха въ свою пользу и обезпечить, насколько возможно, самого себя.

Многое можно сократить въ военномъ вѣдомствѣ не только безъ всякаго ущерба, но даже и съ несомнѣнною пользою для интересовъ государства, и новому министру предстоитъ въ этомъ отношеніи не малый трудъ. За графомъ же Милютинимъ, повторяемъ, останется много заслугъ, оказанныхъ имъ Россіи втеченіи своего долговременнаго управленія военнымъ министерствомъ,—управленія, которому, по справедливости, слѣдуетъ присвоить названіе гуманитарнаго.

Кончина покойнаго государя весьма естественно настолько потрясла здоровье его близкихъ и въ томъ числѣ его августѣйшаго брата великаго князя Константина Николаевича, что онъ вынужденъ былъ для поправленія здоровья, удалиться въ благословенный климатъ юга, а на время его отсутствія фактическое завѣдываніе морскимъ вѣдомствомъ возложено на великаго князя Алексѣя Александровича. Надо надѣяться, что основной принципъ нынѣшняго царствованія—строгая во всемъ экономія, съ цѣлью сокращенія государственныхъ расходовъ, будетъ примѣненъ и къ морскому вѣдомству, и что не будутъ больше повторяться столь неудачныя постройки, въ родѣ, напримѣръ, сооруженія знаменитыхъ поповокъ, бронеосца «Петра Великаго» и явившейся, наконецъ, изъ дальнихъ странствій «Ливадіи». Есть въ морскомъ вѣдомствѣ одно частное учрежденіе, на которое давно пора обратить особенное вниманіе. Это въ своемъ родѣ знаменитый строитель нашихъ военныхъ судовъ, пресловутый балтійскій заводъ, управляемый не менѣе знаменитымъ, тоже въ своемъ родѣ, г. Кази, довѣреннымъ лицомъ морскаго вѣдомства, для котораго онъ служитъ тѣмъ-то въ родѣ «честнаго маклера» при заключеніи контрактовъ съ англійскими судостроителями. Этотъ растчудесный заводъ снабжаетъ нашъ флотъ такими судами, которыя не гибнутъ при первомъ выходѣ въ море, только благодаря милосердію Господа-Бога; заводъ же, съ своей стороны, дѣлаетъ повидимому все, отъ него зависящее, для отправленія этихъ судовъ со всею командою въ подводное плаваніе ко дну моря, да еще получаетъ отъ морскаго вѣдомства за это преміи. Такъ, за клиперъ «Опричникъ» онъ получилъ сверхъ договорной платы 30,000 р., а за фрегатъ «Герцогъ Эдинбургскій» 50,000 р. Между тѣмъ, вотъ что сообщаютъ официальные свѣдѣнія о первомъ плаваніи этихъ судовъ въ морѣ. Командиръ клипера рапортомъ отъ 2 и 15 декабря доноситъ, что «по выходѣ клипера изъ Ревеля, во все время перехода до Киля, клиперъ всѣмъ корпусомъ, бар-

гоутомъ и подводною частью давалъ большую течь. Во все время перехода пожарная помпа не прекращала откачивать воду. Безъ ввода клипера въ докъ и безъ капитальныхъ исправленій мѣсть течи, клиперу невозможно продолжать дальнѣйшее плаваніе».

«Оставивъ Киль, при' переходѣ Бельтами, Категатомъ, Скагератомъ и Нѣмецкимъ моремъ, такъ же, какъ и на переходѣ до Килия, клиперъ давалъ большую течь подводною частью, баргоутомъ и стрингерами, особенно же болтами, скрѣпляющими обшивку съ шпангоутами. Пожарная помпа не переставала откачивать воду. Въ Гаврѣ войду въ докъ и, вѣроятно, придется снять мѣдную обшивку, проконопатить подводную часть и навернуть гайки болтовъ».

При осмотрѣ клипера въ докъ, положеніе его оказалось еще хуже, чѣмъ ожидалъ командиръ; клиперъ началъ переламываться пополамъ. Сверхъ того, вслѣдствіе непроконопаченія палубы, подмокла и сдѣлалась негодною къ употребленію провизія, платье офицеровъ и команды погибло, множество вещей испортилось («Голось», № 122 сего года). Только послѣ трехъ съ половиною мѣсячной мало сказать починки, но просто достройки на верфи гаврскаго судостроителя Нормана, клиперъ «Опричникъ» получилъ возможность съ нѣкоторою безопасностью снова выйти въ море. Изъ донесенія командира фрегата «Герцогъ Единбургскій» омазывается, что, по выходѣ изъ Кронштадта, суточная прибыль воды въ носовомъ отдѣленіи достигала 27 дюймовъ, а въ кормовомъ—29 дюймовъ, и это русское военное судно также должно было достраиваться во французскомъ казенномъ адмиралтействѣ въ Шербургѣ. Не лучшими, повидимому, судами снабжаютъ насъ, конечно благодаря свойствамъ приѣмки, и англійскіе судостроители. Исторія знаменитой «Ливадіи» давно уже сдѣлалась притчей во языцѣхъ. Необыкновенную хрупкость этого дѣловиннаго судна, конечно, нельзя объяснить одною эксцентричностью его типа. Извѣстная доля постигшихъ его злоключеній, также и какъ совершенный при испытаніи подлогъ относительно скорости хода, несомнѣнно должны быть отнесены на счетъ добросовѣстности англійскаго строителя и неизбежной любви, по меньшей мѣрѣ, чтобы не сказать чего другаго, русскихъ наблюдателей за постройкою и приѣмщиговъ. Тѣ же британскіе судостроители соорудили намъ, а наши не въ мѣру угодливые приѣмщики приняли отъ нихъ, одно изъ самыхъ большихъ судовъ нашего флота, фрегатъ «Генераль-Адмиралъ». Чтобы дать фрегату на вымѣренной миляхъ полуузломъ болѣе хода и заполучить премію, строитель воздвигъ на этомъ суднѣ нѣчто въ родѣ александровской колоны, дымовую трубу въ 53 фута вышиною (безъ малаго 6 сажень); а достопочтенные наблюдатели и приѣмщики допустили это безобразіе единственно, какъ говоритъ авторъ статьи «Морскіе инвалиды» («Голось» № 122), чтобы

помочь заводчику получить съ казны какъ можно болѣе выгодъ и отвратить отъ него неприятыя послѣдствія, сопряженныя съ невыполненіемъ условій контракта. Вотъ что говорить объ этомъ, въ рапортѣ своемъ, командиръ фрегата, послѣ того какъ во время шторма, захватившаго фрегатъ въ Бискайскомъ морѣ 1 ноября 1880 г., огромная машина эта, какъ и слѣдовало ожидать, не выдержала напора вѣтра и рухнула на палубу: «самъ строитель машины и потерянной трубы, г. Скоттъ-Россель, сознавалъ, что труба, имъ поставленная, чрезмѣрно высока и что ее возможно было бы уменьшить; но она была оставлена только для официальной пробы машины, чтобы развить контрактное число индикаторныхъ силъ, чего, впрочемъ, достигнуто не было. Надежно укрѣпить такой значительной высоты подъемную трубу, въ 53 фута отъ палубы, я полагаю невозможнымъ и, притомъ, опускать или поднимать ее въ морѣ на волненіи было бы крайне затруднительно и опасно».

Изъ этого видно, что фокусъ, который устраивалъ г. Скоттъ-Россель, помощью своей гигантской трубы, былъ извѣстенъ. Невольно является поэтому снова вопросъ: какимъ же образомъ допустили его агенты нашего морскаго вѣдомства? Но британская добросовѣстность относительно постройки судовъ для Россіи вообще, и въ частности относительно постройки «Генераль-Адмирала», не ограничилась однимъ, такъ сказать, покушеніемъ на подлозь въ скорости хода, помощью невозможной трубы. «Каждый разъ, говоритъ командиръ судна въ своемъ рапортѣ, — по выходѣ въ море, течь на фрегатѣ верхнимъ шельфомъ и обоими бортами выше стальной палубы увеличивалась, и по всѣмъ жилымъ помѣщеніямъ сырость была повсемѣстная. Вода выступала на палубу; но на переходѣ изъ Шербурга течь эта была такъ сильна, что во все время, день и ночь, одно отдѣленіе вахты было занято постоянно выборомъ ведрами воды изъ жилыхъ отдѣленій. Вода переливалась съ борта на бортъ, покрывала офицерскіе рундуки въ каютахъ. Вся мебель расклеилась и пришла въ неприличный видъ. Во время шторма, верхняя палуба также распаталась и потекла; а такъ какъ на верху постоянно ходила вода, то въ жилыхъ отдѣленіяхъ течь была повсемѣстная. Багажъ команды, бѣлье и платье офицеровъ подмочило, и цѣлую недѣлю офицеры и команда буквально жили въ водѣ. Кромѣ того, бортами и палубой, изъ всѣхъ полубортиковъ жилыхъ помѣщеній, задраенныхъ глухими ставнями, вода лила ручьями. Верхнія каюты также не были избавлены отъ мокроты; всѣми бортовыми иллюминаторами и портами кормовой каюты, задраенными глухими ставнями, и въ особенности съ балкона лилось много воды».

Благодаря такимъ прелестнымъ качествамъ и это новое русское судно, едва сошедшее съ англійскихъ стапелей, въ первое же свое

плаваніе вынуждено было искать спасенія отъ неминуемой гибели въ Брестѣ, потребовавъ 4¹/₂ мѣсяца для починки и передѣлки въ этомъ иностранномъ портѣ. Повторяемъ еще разъ, если въ этому цѣлому ряду злоключеній съ нашими новыми судами, несомнѣнно доказывающему неудовлетворительность ихъ постройки, прибавить еще безочечно строившагося и перестроившагося «Петра Великаго» и диковинную «Ливадію», то очевидно, что не представляется никакой возможности сваливать всю бѣду на одну несчастную случайность. Ужь на что кажется философъ Расплюевъ, а и тотъ говорить: «ударь разъ, ударь два; но до безчувствія бить не слѣдуетъ». А тутъ бѣдный флотъ нашъ, свои и чужіе строители, наблюдатели и пріемщики, можно сказать, ужь именно бьютъ до безчувствія, и что поучительнѣе всего—все это остается безъ послѣдствій, какъ будто такъ и слѣдуетъ быть. Все это и всѣмъ прикосновеннымъ къ дѣлу сходитъ съ рукъ, какъ будто и не существуетъ 1111 статьи военно-морскаго судебнаго устава; да мало того что сходитъ съ рукъ, однимъ доставляетъ денежныя преміи, другимъ отличіе и награды по службѣ. Мы два раза упомянули выше о кораблѣ «Петръ Великій», этомъ морскомъ гигантѣ, въ которомъ предполагалось создать красу и, такъ сказать, старшину нашего военнаго флота. Исторія постройки этого громаднаго военнаго судна представляетъ дѣйствительно нѣчто баснословное, едва-ли возможное въ какомъ нибудь другомъ флотѣ. Постройка и перестройка продолжалась болѣе десяти лѣтъ. Въ 1872 г. онъ былъ спущенъ на воду и лишь въ настоящее время совершаетъ первое свое настоящее морское плаваніе, какъ готовое судно, если не считать проводку его въ Англію на заводъ Пирса для пережѣны машины. Одинъ корпусъ его стоилъ государству 4.504,600 р., а машина, сдѣланная первоначально на заводѣ Берда, заплачена 995,400 р. (СПБ. 1880 г., № 277), итого около шести миліоновъ рублей. Послѣ спуска на воду, постройка его номинально была окончена черезъ пять лѣтъ, именно въ 1877 г., и немудрено! Чего только не претерпѣлъ за эти пять лѣтъ злополучный корабль этотъ! Его распиливали и пережѣняли весь типъ его. Но вотъ, наконецъ, построили; корабль готовъ. Не тутъ то было! и мы не напрасно сказали выше, что въ 1877 г. постройка «Петра Великаго» была окончена лишь номинально. Дѣйствительно, машина корабля, построенная Бердомъ, подъ наблюденіемъ техникувъ морскаго вѣдомства, послѣ первыхъ же испытаній оказалась неудовлетворительною, потому что далеко не развила предполагаемой индиваторской силы; это происходило отъ малой паропроизводительности котловъ, что всецѣло должно было падать на отвѣтственность тѣхъ же техникувъ морскаго вѣдомства, составлявшихъ и повѣрившихъ чертежи машинъ и котловъ. Отвѣтственности однако, какъ извѣстно, никто не подвергся. По мнѣ-

нѣю людей компетентныхъ, горю этому легко было помочь постановкою котловъ лучшей системы съ большею паропроизводительностью. Самъ г. Кази («Голось» 1880 г., № 355) говоритъ, что переѣмна котловъ вмѣстѣ со всѣми другими исправленіями обошлась бы въ 600,000 р. Но голось желающихъ передать эту работу иностранцамъ взялъ верхъ, на томъ основаніи, что и при такой значительной затратѣ «Петръ Великій» остался бы все-таки съ неудовлетворительнымъ механизмомъ, (?) который будто бы даже отъ пробныхъ плаваній пришелъ въ такое разстройство, что цилиндры его дали трещины, а котлы оказались совершенно негодными. Если принять въ соображеніе, что машина корабля «Петръ Великій» втеченіи пятилѣтняго полосканья его въ Финскомъ заливѣ, въ общей сложности работала не болѣе 3,600 часовъ или пяти мѣсяцевъ, то такая быстрая яко-бы порча новаго механизма его по-истинѣ можетъ быть признана изумительною, тѣмъ болѣе, что въ навигацію 1880 г. корабль съ этимъ самымъ механизмомъ ходилъ по 11 и болѣе узловъ въ часъ, т. е. не тише того, какъ въ обыкновенныхъ служебныхъ переходахъ ходятъ лучшіе англійскіе броненосцы (тамъ же). Какъ бы то ни было, рѣшено было заказать новый механизмъ для «Петра Великаго» въ Англии, и сдѣлать это поручилъ «по довѣренности» безответственному г. Кази, который отдалъ эту работу тому заводу Эльдерса и комп. въ Глазговѣ, который строилъ «Ливадію»; отдалъ за 900,000 р. съ прибавкою не въ счетъ абонементна старой машины «Петра Великаго», работы Берда, стоившей тоже около миліона и съ уплатой по 130 р. за каждую излишнюю индикаторскую силу, какаѣ окажется на пробѣ. Посчитайте же теперь, во что обошелся Россіи броненосецъ ея «Петръ Великій», который поистинѣ можно назвать драгоценнымъ.

Что военное судостроеніе у насъ, не смотря на всѣ жертвы, приносимыя на этотъ предметъ государствомъ, находится въ крайне плачевномъ состояніи въ техническомъ отношеніи, этого ненужно доказывать даже примѣромъ большихъ судовъ, каковы «Петръ Великій», «Опричникъ», «Герцогъ Эдинбургскій» и др. Это видно даже на мелкихъ судахъ. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году газеты сообщали (Новости № 233, «Московскія Вѣдомости» № 238), что артилерійскія испытанія канонирскихъ лодокъ «Буранъ» и «Туча» указали на чрезвычайную слабость ихъ корпуса, зависящую отъ непрочности системы постройки. Послѣ выстрѣловъ, произведенныхъ изъ поставленныхъ на нихъ одиннадцати-дюймовыхъ орудій, все налубное скрувленіе сильно ослабло.

Вслѣдствіе нашей неумѣлости въ судостроеніи, мы вынуждены заказывать свои суда иностранцамъ. Это прискорбно, убыточно, однако естественно, какъ неизбежное послѣдствіе перваго. Но безрасчетливость въ этихъ заказахъ и попустительства при приемѣ судовъ—это и разори-

тельно и постыдно. И безъ того въ Европѣ сложилось мнѣніе, что въ Россіи можно все купить и отъ всего откупиться, а подобныя заказы, допустимъ даже совершенно непогрѣшающіе ни въ какихъ корыстныхъ побужденіяхъ, тѣмъ не менѣе способны лишь утвердить такое мнѣніе. Мы не говоримъ уже о томъ вредѣ, какой такая безрасчетливость и попустительство наноситъ нашему флоту въ частности и государству вообще. Насколько вредъ этотъ значителенъ лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Въ послѣднее десятилѣтіе съ 1870 по 1880 г., въ общей сложности по смѣтнымъ исчисленіямъ, Россія затратила на морское вѣдомство 298,920,910 р. Изъ этой суммы 36%, или около 100 миліоновъ, затрачено собственно на кораблестроеніе. Какое же приращеніе флоту нашему доставила эта затрата? На эти деньги въ послѣднее десятилѣтіе Россія приобрѣла: одинъ корабль («Петръ Великій»), три фрегата (въ томъ числѣ «Генераль-Адмиралъ», «Герцогъ Единбургскій») двѣ поповки, восемь клиперовъ, 4 крейсера (купленные въ Америкѣ), 4 императорскія яхты (въ томъ числѣ «Ливадія»), 4 шхуны, 10 канонирскихъ лодокъ, 2 морскіе миноносца и 115 миноносцевъ береговаго плаванія. Изъ числа всѣхъ этихъ судовъ только три броненосца (корабль «Петръ Великій» и двѣ поповки), три полуброненосца (фрегаты-крейсера), итого 12 боевыхъ судовъ, способныхъ для дальняго плаванія; остальные суда могутъ исполнять лишь посыльную службу или служить для береговой обороны. Императорскія же яхты не предназначены для боевой службы. Замѣтимъ, сверхъ того, что изъ шести самыхъ крупныхъ боевыхъ судовъ въ «приращеніи нашего флота, три: корабль «Петръ Великій» и фрегаты «Генераль-Адмиралъ» и «Герцогъ Единбургскій», суть именно тѣ самыя суда, о злополучныхъ постройкахъ, поглотившихъ столько излишнихъ расходовъ, и о бѣдовомъ плаваніи которыхъ мы говорили выше; что же касается до двухъ поповокъ, то онѣ, какъ извѣстно, представляютъ лишь памятникъ надъ могилою непродуманно погибшихъ семи миліоновъ. Если теперь съ вышеприведеннымъ приращеніемъ нашего военнаго флота въ послѣдній десятилѣтній періодъ мы сопоставимъ одновременное приращеніе англійскаго военнаго флота, то оказывается, что за тотъ же періодъ времени Англія, затративъ на флотъ свой 170.213,000 р., приобрѣла 24 броненосца, 3 фрегата, 30 корветовъ, 52 клипера, 15 канонирскихъ лодокъ, 6 транспортовъ для перевозки войскъ и множество мелкихъ судовъ разнаго рода для береговой службы (Голось № 54). Изъ этого видно, что Англія, затративъ въ послѣднее десятилѣтіе на свой флотъ почти вдвое меньшую сумму, чѣмъ Россія, въ количественномъ отношеніи приобрѣла въ шесть разъ болѣе военныхъ судовъ; а ужъ о качественномъ отношеніи конечно и говорить нечего, между тѣмъ, какъ это послѣднее составляетъ для насъ именно всю суть вопроса о флотѣ.

Не будучи, такъ сказать, специально-морскою державою, подобно Англіи, отечество наше, тѣмъ не менѣе, въ силу своего географическаго положенія и международныхъ отношеній своихъ, не можетъ исключить себя вовсе изъ числа морскихъ державъ и отказаться отъ содержанія военнаго флота, когда даже ближайшая сосѣдка ея, Германія, далеко находящаяся въ этомъ отношеніи въ тѣхъ условіяхъ, какъ Россія, признала въ послѣднее время необходимымъ также обзавестись военнымъ флотомъ. Относительная государственная бѣдность наша не позволяетъ намъ развивать наши морскія силы въ уровень съ первоклассными морскими державами. По счастью и интересы наши не требуютъ отъ насъ такого соперничества въ преобладаніи на моряхъ. Морская задача Россіи, если такъ можно выразиться, болѣе скромна и заключается лишь въ томъ, чтобы не дозволить морскому могуществу другихъ державъ отзываться слишкомъ гнетущимъ образомъ на нашихъ государственныхъ интересахъ и не оставлять насъ совершенно беззащитными. Къ несчастью и эта скромная задача роковымъ образомъ усложнена для насъ тѣмъ, что, вслѣдствіе того же географическаго положенія, Россія, лишенная возможности ограничить морскую оборону свою одною мѣстностью, не можетъ держать свои морскія силы сосредоточенными, а вынуждена разбрасывать ихъ по отдаленнымъ пунктамъ, сообщеніе между которыми далеко несвободно и небезопасно, какъ, напримѣръ, между морями Балтійскимъ и Чернымъ и Восточнымъ океаномъ. Въ этихъ трехъ мѣстностяхъ Россія главнѣйшимъ образомъ можетъ подвергнуться нападению съ моря. Здѣсь же главнѣйшимъ образомъ и должны быть сосредоточены наши морскія силы, причемъ въ каждомъ изъ этихъ морей они должны быть поставлены въ совершенно самостоятельное положеніе, въ виду полной невозможности взаимной поддержки. При такихъ условіяхъ, морская задача Россіи сводится къ слѣдующему: Съ одной стороны, не имѣя средствъ содержать, соразмѣрно потребности, слишкомъ громадный флотъ, Россія, болѣе чѣмъ всякое другое государство, обязана заботиться о томъ, чтобы недостатокъ количества выполнялся качествомъ ея военныхъ судовъ. Съ другой стороны, что хотя флотъ нашъ имѣетъ чисто оборонительное назначеніе, но въ морской войнѣ, болѣе даже чѣмъ въ сухопутной, успѣшное выполненіе этого назначенія менѣе всего можетъ быть достигнуто одною пассивною обороною. Слѣдовательно, цѣлесообразное распредѣленіе нашего флота, по числу и типу судовъ, въ трехъ вышеупомянутыхъ нами моряхъ непременно должно быть основано по степени относительной возможности примѣненія въ каждомъ изъ нихъ обороны активной. Эти-то существеннѣйшія условія, единственныя, при которыхъ флотъ нашъ можетъ исполнить свое назначе-

ние, принести действительную пользу и оправдать жертвы, приносимыя на него государством — эти условия, говоримъ мы, и были повидному совершенно пренебрежены въ прошедшее двадцатипятилѣтіе. Что касается до перваго изъ нихъ, до качества нашихъ судовъ, то изъ всего того, что мы говорили выше по поводу корабля «Петръ Великій», фрегатовъ «Генераль-Адмиралъ» и «Герцогъ Единбургскій», клипера «Опричникъ» и канонирокъ «Буранъ» и «Туча», достаточно видно, сколько кораблестроительная часть наша оставляетъ желать лучшаго. Мы не въ состояніи сами снабжать себя военными судами, даже въ томъ относительно небольшомъ числѣ, которымъ, по нашей бѣдности, мы ограничиваемъ размѣръ нашего флота. Тѣ суда, которыя мы строимъ дома, какъ мы видѣли, часто не отличаются доброкачествомъ постройки; наиболѣе же крупныя и цѣнныя суда мы принуждены, подобно Турціи, заказывать за границей, безъ чего обходится даже Германія съ своимъ юнымъ адмиралтействомъ. Плата за эти суда иностранцамъ непомерно дорого, мы, вслѣдствіе небрежности или какихъ другихъ причинъ, и отъ нихъ не получаемъ судовъ вполне доброкачественныхъ. Тоже, если не болѣе, слѣдуетъ сказать и относительно втораго условия — цѣлесообразнаго размѣщенія флота нашего по нашимъ морямъ. Ни въ одномъ изъ этихъ морей мы не въ состояніи, даже въ ущербъ другимъ, имѣть флотъ, способный по силѣ и численности, съ достаточными шансами на успѣхъ, дать открытый отпоръ непріятельскому флоту въ случаѣ столкновенія съ какою-нибудь изъ великихъ морскихъ державъ.

Активная оборона наша можетъ заключаться только въ крейсерской войнѣ. Между тѣмъ, почти весь флотъ нашъ и всѣ морскія учрежденія сосредоточены у насъ въ морѣ, на которомъ примѣненіе крейсерской войны наименѣе возможно, именно, въ Балтійскомъ, и то даже не въ морѣ, а въ Финскомъ заливѣ. Въ этомъ мѣшкѣ сильный на морѣ противникъ всегда можетъ запереть нашъ флотъ, которому, при бевсиліи сломать этотъ запоръ, какъ было въ 1853—54 годахъ, придется хорониться подъ выстрѣлами Кронштадта и Свеаборга и служить только въ родѣ плавучихъ батарей для усиленія береговой обороны. Высылать отсюда эскадры и крейсеровъ въ дальнія моря не всегда удастся такъ, какъ удалось это, крадучись, въ 1863 г., или какъ было въ недавнее время въ ожиданіи столкновенія съ Китаемъ. Въ случаѣ войны съ европейскою морскою державою, она, конечно, своевременно приметъ мѣры, чтобы не допустить такого передвиженія военныхъ судовъ нашихъ, которымъ для того, чтобы выбраться изъ своего мѣшка въ открытый океанъ, нужно пробираться чрезъ узкіе проходы Зундовъ и Категата, чего нельзя въ настоящее время сдѣлать незамѣтно, тайно. Повторяемъ, что послѣ урока 1863 г.,

такого движенія Европа не прозѣваетъ; придется, слѣдовательно, опять, какъ въ 1876—1877 годахъ, покупать крейсера въ Америкѣ. Но не говоря о несовершенствѣ такихъ оборотней изъ купцовъ въ военно-крейсерское судно, можно почти съ увѣренностью сказать, что если купленные тогда четыре судна вошли благополучно въ составъ нашего флота, то это потому лишь, что ожидавшееся въ то время столкновение съ Англіей, по счастью, не состоялось; иначе Англія приняла бы свои мѣры, чтобы не выпустить ихъ по-добру по-здорову изъ портовъ Америки. Тайна, которою думали облечь приготовленіе этихъ крейсеровъ, составляла, въ сущности, секретъ Полишинеля.

Въ прежнее время, кромѣ балтійскаго флота, Россія имѣла еще флотъ на Черномъ морѣ. Море это, хотя запертое, все-таки само по себѣ представляетъ извѣстный просторъ для крейсерской войны, не говоря о томъ, что флотъ необходимъ для насъ на этомъ морѣ для противодѣйствія турецкому флоту. Старый черноморскій флотъ нашъ время императора Николая I, плохой въ матеріальномъ и техническомъ отношеніи, отличался превосходными нравственными качествами моряковъ, тѣмъ не менѣе на немъ оправдалось то, что мы сказали выше о невозможности для нашихъ отдѣльныхъ флотовъ открытой борьбы съ флотами первоклассныхъ морскихъ державъ, по несоразмѣрности силъ. Подобно балтійскому, укрывавшемуся въ то время отъ соединеннаго англо-французскаго флота, подъ выстрѣлами крѣпостей, и синопскій побѣдитель—лихой черноморскій флотъ, имѣлъ огорченіе видѣть себя вынужденнымъ, въ виду невозможности борьбы съ далеко превосходящими силами союзнаго флота, удалиться сперва на Севастопольскій рейдъ, а потомъ и затопить въ немъ суда свои для огражденія его отъ вторженія этого флота. Такимъ образомъ погибъ старый черноморскій флотъ; но онъ все-таки сослужилъ Россіи добрую службу въ войнахъ нашихъ съ Турціей. Парижскимъ трактатомъ ревнивая и враждебная къ Россіи Европа наложила запретъ на возрожденіе нашего флота въ Черномъ морѣ. Въ 1870 г. Россія сбросила съ себя этотъ запретъ. Значеніе существованія нашего флота въ этомъ морѣ его необходимость тамъ, не только сохранились, но даже усилились настолько, насколько Турція со времени крымской войны успѣла усилить флотъ свой. Можно было думать, болѣе того, слѣдовало ожидать, что мы успѣшимъ, насколько возможно, вознаградить наше подневольное бездѣйствіе относительно флота на Черномъ морѣ. Но прошло 6 лѣтъ, вспыхнула новая война съ Турціей, а у насъ на водахъ этого моря оказались лишь прилипшія ко дну одесскаго рейда двѣ ни въ чемъ непригодныя поповки, стоявшія государству семь миліоновъ, и для борьбы съ турецкими броненосцами пришлось занимать относительно черпахо-ходныя суда черноморскаго общества пароходства и торговли,

также обманувшему государству, которое, втеченіи чуть не двадцати лѣтъ, жертвовало на него громадныя суммы, увлеченное покровителями общества въ заблужденіе, что суда его, въ случаѣ войны, могутъ замѣнить до извѣстной степени военныя суда. Если удалые моряки наши и на этихъ посудинахъ и всякаго рода катерахъ сзѣумѣли наводить страхъ на броненосный флотъ турокъ и держать его въ нѣкоторомъ респектѣ, то что бы они сдѣлали, если-бы погубленные на сооруженіе поповокъ семь миліоновъ и часть втунѣ переплаченныхъ черноморскому обществу субсидій, хотя за послѣднія семь лѣтъ, были употреблены на постройку 5—6 панцирныхъ судовъ, хотя бы средней величины, и 2—3 хорошихъ крейсеровъ, если-бы даже для этого и пришлось приостановить на-время продолжавшуюся постройку судовъ для балтійскаго флота, который, во время послѣдней войны, оказался для Россіи по пословицѣ—ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Шесть лѣтъ, протекшія со времени уничтоженія 3-й статьи парижскаго трактата, до послѣдней войны съ Турціей, были вполне достаточны для выполненія такой задачи, тѣмъ настоятельнѣе, что въ то время тѣ, кому надлежало вѣдать, могли уже безошибочно знать (если-бы даже они могли не знать прежде), насколько суда черноморскаго общества парокходства и торговли способны восполнить недостатокъ военныхъ судовъ.

Ошибка наша или, правильнѣе, непредусмотрительность наша относительно черноморскаго флота, такъ печально для насъ обнаруженная послѣднею войною, остается неисправленною и до настоящаго времени. На Черномъ морѣ по прежнему, кромѣ нѣсколькихъ посыльныхъ шкунъ, весь военный флотъ заключается все въ тѣхъ же, зачатыхъ во гнѣвѣ Господнемъ, двухъ поповкахъ. Вся переимѣна состоитъ лишь въ прибавкѣ къ нимъ нѣсколькихъ миноносокъ. Современное разшатанное положеніе Турціи упраздняетъ по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ возможность новаго столкновенія непосредственно съ нею самою. Но это же самое состояніе разложенія нашего сосѣда, возбуждающее столько хищныхъ аппетитовъ относительно его наслѣдства, должно, по нашему мнѣнію, служить для Россіи достаточнымъ поводомъ быть на-сторожѣ и на-готовѣ на Черномъ морѣ для встрѣчи всякой случайности. Существующая для насъ замкнутость Чернаго моря значительно ограничиваетъ въ немъ примѣненіе крейсерской войны, а слѣдовательно и потребность на немъ судовъ типа, соотвѣтствующаго дѣятельности этого рода; поэтому всѣ средства наши относительно этого предмета должны быть направлены туда, гдѣ представляется прямой просторъ и самое широкое и многообшашающее поле для успѣшной и плодотворной дѣятельности крейсеровъ, именно, въ Восточный океанъ. Только тамъ, съ извѣстными шансами

на успѣхъ, мы можемъ развить нашу активную оборону противъ самаго сильнаго на морѣ врага; и тѣмъ съ болышимъ успѣхомъ, чѣмъ морское могущество его въ торговомъ и колониальномъ отношеніи будетъ болѣе, и оборона эта будетъ не только обороною мѣстныхъ прибрежій, но и обороною всей Россіи, потому что успѣхъ ея будетъ имѣть роковымъ образомъ вліяніе на весь ходъ войны съ противникомъ, иначе неутрачивимымъ для насъ. А потому тамъ, какъ мы сказали уже, всѣ средства для этой обороны должны быть сгруппированы заранѣе, въ мирное время, чтобы онѣ постоянно находились тамъ въ наличности, наготовѣ, дабы намъ не приходилось осуществлять на дѣлѣ пословицу: «какъ въ лѣсъ идти, такъ собаку кормить», тѣмъ болѣе что этой запоздалой кормежки не позволяютъ намъ возможные враги наши. На прочность мира, въ настоящее время, полагаться болѣе чѣмъ рисковано, не смотря на всеобщія увѣренія въ необходимости будто бы этого мира для всѣхъ. Горькій опытъ долженъ, наконецъ, убѣдить насъ въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, что для насъ, для Россіи, ни на какой союзъ, ни на чью дружбу разчитывать и надѣяться нельзя, не должно, непозволительно; и во вторыхъ, что никакая, самая крайняя уступчивость, никакое миролюбіе не гарантируютъ насъ отъ возможности быть противъ воли втянутыми въ войну, не спасая даже отъ бесплоднаго униженія. Если, даже въ виду этого, государство должно нести расходы, то пусть же они по крайней мѣрѣ производятся цѣлесообразно. Чѣмъ отдаленнѣе мѣстность, гдѣ Россія должна имѣть въ постоянной наличности всѣ средства для успѣха активной морской обороны, тѣмъ потребность эта настоятельнѣе, потому что моряки наши должны заблаговременно, въ мирное время, изучить во всей подробности арену будущей своей дѣятельности, привыкнуть и освоиться съ нею вполне, чтобы быть тамъ дѣйствительно какъ дома. При разумной, рациональной организаци дѣла, постоянное пребываніе достаточно сильной эскадры нашей на водахъ Тихаго океана не обойдется много дороже, чѣмъ бесплодное посыланіе ее въ маркизовой лужѣ, и не потребуетъ увеличенія нашего морскаго бюджета, особенно если будетъ прекращено фантастическое судостроеніе, переплата ни за что, ни про что, премій разнымъ своимъ и чужимъ судостроителямъ и огромные расходы на починку и перестройку и достройку нашихъ новыхъ судовъ въ иностранныхъ портахъ, чего, мы полагаемъ, не особенно трудно будетъ достигнуть, если новый начальникъ нашего флота и морскаго вѣдомства прикажетъ отыскать пропавшую, новидимому, изъ этого вѣдомства 1,111 статью военно-морскаго судебнаго устава. Это тѣмъ болѣе благопотребно, что тѣмъ самнѣе, по всей вѣроятности, хотя до нѣкоторой степени получить практическое осуществленіе первое изъ двухъ, вышеприведенныхъ нами условій успѣшнаго выполненія морской задачи Россіи. Что

касается до втораго изъ этихъ условій, то мы ограничиваемся скромнымъ желаніемъ, чтобы голосъ нашъ по этому вопросу не остался гласомъ, вопіющимъ въ пустынь, хотя бы въ мѣрѣ вызова мнѣній по этому предмету людей, болѣе насъ компетентныхъ, но столько же, сколько и мы, благосостояніемъ, безопасностью и славомъ нашего отечества заинтересованныхъ.

Однимъ изъ средствъ успѣшнаго примѣненія на практикѣ этого условія мы указали разумную и рациональную организацію дѣла постоянного пребыванія въ Тихомъ океанѣ достаточно внушительной крейсерской эскадры. Пріютомъ и базисомъ этой эскадры, понятно, долженъ и можетъ быть только Владивостокъ. Въ послѣдніе годы, изъ сферы морскаго вѣдомства не разъ подымался, и подѣ сурдиною официально, и гласно, даже въ печати, какой-то таинственный голосъ, который силится доказать, что главный портъ нашъ на Тихомъ океанѣ слѣдуетъ перенести изъ Владивостока въ заливъ Ольги, бросивъ затраченные уже на Владивостокъ миліоны, и затратить новыя на устройство Ольгинскаго порта. Кому и для чего это нужно и желательно, мы не знаемъ, но думаемъ, что требовалось это менѣе всего ради пользы Россіи вообще и нашей тихо-океанской эскадры въ частности. Позволяемъ мы себѣ такъ думать, на основаніи тѣхъ компетентныхъ всестороннихъ разъясненій, которыя появлялись въ печати при всякой новой попыткѣ поднять вопросъ о перенесеніи главнаго порта нашего на Тихомъ океанѣ изъ Владивостока въ заливъ св. Ольги. Есть основаніе думать, что затѣя эта не встрѣчала особеннаго сочувствія и въ официальномъ мѣрѣ. Замѣчательно, что всякій разъ послѣ такого, болѣе или менѣе энергическаго заявленія, вопросъ этотъ какъ-бы замиралъ, но лишь на время и затѣмъ подымался снова съ настойчивостью, достойною лучшаго дѣла. Вудемъ надѣяться, что при настоящемъ новомъ управленіи морскимъ вѣдомствомъ затѣя эта умретъ окончательно, такъ какъ, при всей своей несостоятельности, она весьма вредно отражалась на развитіи Владивостока и прилежащаго къ нему края, тормазя предприимчивость мѣстныхъ жителей и переселенцевъ неуверенностью въ прочности избраннаго ими мѣста дѣятельности. Вопросъ о сравнительномъ значеніи двухъ вышеуказанныхъ пунктовъ на нашемъ тихо-океанскомъ прибрежьи, какъ сказано выше, былъ уже настолько разработанъ въ нашей журналистикѣ, что мы считаемъ совершенно излишнимъ входить въ настоящее время въ эти подробности, съ которыми читатели вѣроятно хорошо уже знакомы даже изъ нашей бесѣды съ ними по этому предмету въ одномъ изъ прошлогоднихъ обзорѣній. Поэтому, оставляя вопросъ о мѣстѣ нахождения главнаго пріюта нашей тихо-океанской эскадры и базисѣ ея дѣйствій, какъ безповоротно рѣшенный въ пользу Владивостока, мы перейдемъ къ тѣмъ усло-

віямъ рациональной организаціи морскаго дѣла нашего на этой дальней окраинѣ, которыя существенно необходимы для того, чтобы Владивостокъ могъ выполнить свое назначеніе пріюта и базиса нашихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ. Въ настоящее время, этотъ юный русскій городъ является какъ-бы прилѣпленнымъ къ Россіи извнѣ, уединеннымъ, правильнѣе, даже разъединеннымъ не только съ государствомъ, но и съ тѣмъ богатымъ краемъ, на почвѣ котораго онъ прилѣпился и въ которомъ онъ предназначенъ пользоваться преобладающимъ значеніемъ. Всѣ условія существованія его теперь, всѣ жизненныя отправленія, даже самое пропитаніе его, имѣютъ, такъ сказать, внѣшній характеръ, почти вовсе не отражаясь во внутрь. Обстоятельство это, подобно существовавшей недавно возможности разрыва съ Китаемъ,—возможности, повторенія которой нельзя считать безусловно невѣроятнымъ и въ будущемъ, показали, что, при таковой случайности и при настоящемъ своемъ положеніи, Владивостокъ можетъ быть совершенно отрѣзанъ съ сухаго пути. Причина такого положенія Владивостока заключается въ совершенной почти пустынности окружающаго его края, съ рѣдкимъ населеніемъ котораго онъ не имѣетъ сколько-нибудь обезпеченныхъ и удобныхъ сообщеній. Поэтому заселеніе его окрестностей, да и всего большаго Усурійскаго края является въ настоящее время дѣломъ настоятельнѣйшей государственной необходимости. Въ матеріалѣ для этого заселенія недостатка нѣтъ. Малоземеліе крестьянъ центральной Россіи и Малороссіи и частые неурожаи, вслѣдствіе истощенія почвы этихъ мелкихъ надѣловъ, гонять народъ нашъ съ родныхъ пепелищъ въ переселеніе на новыя мѣста, на востокъ государства, въ завожскія степи, Оренбургскую и Уральскую губерніи, на Кавказъ и въ Сибирь. Это стремленіе къ переселенію сдѣлалось у нихъ почти стихійнымъ явленіемъ, и въ настоящее время газеты наши наполнены извѣстіями о движеніи въ этомъ направленіи переселенческихъ партій и въ описаніи убогаго положенія въ пути. этихъ партій, двигающихся сплошь и рядомъ на авось, безъ всякихъ указаній и безъ руководства, безъ помощи. Изъ множества такихъ извѣстій возьмемъ на выдержку хоть два слѣдующія:

«Русскимъ Вѣдомостямъ» пишутъ изъ Нижне-Ломовскаго уѣзда, Пензенской губерніи, что чрезъ уѣздъ весьма часто проходятъ большіе обозы переселенцевъ, направляющихся на востокъ. Высылаются большіе изъ внутреннихъ губерній. Корреспонденту пришлось говорить съ орловскими переселенцами. Оказывается, что они идутъ «попытать счастья» въ Оренбургскую губернію. «Тамъ, говорятъ, земли много, ни по-чому ходить; а не будетъ тамъ, гдѣ-нибудь да найдемъ, въ Сибирь пройдемъ, а ужъ назадъ не воротимся, потому и тамъ таже Сибирь». Въ пути переселенцы прокармливаются болѣе

вмѣ именемъ». Самый большій контингентъ сельскихъ нищихъ—это именно переселенцы».

«21 мая, черезъ Саратовъ, по словамъ мѣстнаго «Листка», прослѣдовалъ обозъ въ 19 крестьянскихъ семействъ. Изъ распросовъ у этихъ переселенцовъ удалось узнать, что они родомъ изъ Воронежской губерніи и изъ двухъ ея уѣздовъ и волостей: Землянского уѣзда, Жерновской волости, и Дѣвичскаго уѣзда, Солдатской волости. Тѣ и другіе ѣдутъ одною партією въ Сибирь, въ Томскую губернію, гдѣ года два уже поселились ихъ односельцы и хвалятъ житье. Дома свои на родинѣ они продали, а земля ихъ, по двѣ десятины на душу, отошла въ общество безъ всякой платы имъ, такъ какъ выкупъ за нее еще не оконченъ. Причиной ихъ переселенія послужили малоземелье и необыкновенно высокая арендная плата на частныя земли, установившаяся въ ихъ мѣстности: за стѣмъ одной десятины и подъ одинъ посѣвъ имъ приходилось платить землевладѣльцамъ отъ 35 до 40 р.»

Этимъ движеніемъ народа, этою настоятельною нуждою его въ землѣ правительство должно воспользоваться, и притомъ безотлагательно, для заселенія Усурійскаго края; но сдѣлать это не такъ, какъ это дѣлалось прежде, при заселеніи Амура и того же Усурійскаго края, на что безплодно потрачены миліоны казенныхъ денегъ. Прежде всего нужно избавить переселенцевъ отъ тяжкаго, продолжительнаго пути сухимъ путемъ чрезъ всю Сибирь,—пути, продолжавшагося цѣлые годы; втеченіи ихъ несчастные путники подвергались всѣмъ невзгодамъ истощенія и разоренія, и едва десятая часть изъ нихъ успѣвала достигнуть цѣли своего странствованія, для того, чтобы, прибывъ на мѣсто, получить неудобный для поселенія участокъ, съ котораго, послѣ многихъ напрасно потраченныхъ трудовъ и лишеній, отправлялись отыскивать другой, болѣе удобный. Перевозка ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ, при посредствѣ судовъ добровольнаго флота, показала, что время пути въ эту отдаленную окраину можетъ быть сокращено до двухъ мѣсяцевъ, причемъ переселенцы будутъ охранены и отъ имущественнаго разоренія, и отъ физическаго истощенія, пользуясь во время пути и здоровсю питательною пищею, и медицинскою помощію, что особенно важно при наличности множества женщинъ и дѣтей. Этимъ средствомъ передвиженія переселенцевъ и должно воспользоваться для возможно быстрого заселенія Амура. Но одного этого, конечно, недостаточно, и въ этомъ отношеніи мѣры, проектированныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ еще въ 1879 г. относительно рациональной колонизаціи Усурійскаго края, кажутся намъ достаточно соответствующими этой цѣли. Мѣры эти относительно земледѣльческаго населенія заключались въ слѣдующемъ: а) устройство по возможности сухопутныхъ дорогъ и правиль-

наго сообщенія; б) изученіе и подготовленіе мѣстъ для поселеній— послѣднее трудами ссыльно-каторжныхъ; в) агентура и перевозка изъ Россіи переселенцевъ, орудій, скота, при содѣйствіи русскаго пароходства, на подготовленныя мѣста; г) образованіе въ край. Упомянутая здѣсь правительственная агентура предполагалао не для одного Усурійскаго края, но и вообще для облегченія переселенія крестьянъ на новыя мѣста, причѣмъ на обязанность ея, по проекту, возлагалось указаніе мѣстъ, удобныхъ для поселеній, съ совершенною, безпристрастною правдивостью описанія того, что можетъ ожидать на дальнемъ востокѣ нашего мужика. «Преувеличивать значеніе новыхъ мѣстъ, какъ сказано въ проектѣ, крайне вредно въ будущемъ; пусть каждый переселенецъ будетъ ожидать на первое время нѣкоторыя понятныя затрудненія, чѣмъ счастья и полного благосостоянія и благоденствія. Агентства эти должны заботиться отправлять желающихъ на выбранныя ими мѣста и выдавать имъ назначенныя правительствомъ подъемныя деньги. Въ конторахъ должны быть подробныя карты годныхъ для поселеній мѣстъ, чтобы заранѣе возможно было направлять партіи переселенцевъ въ тотъ или другой пунктъ. Мѣста эти должны обладать всѣми данными, необходимыми для удобныхъ поселеній: водой, сообщеніемъ, лѣсомъ, землей, пастбищами и т. п. Конторы должны давать полныя свѣдѣнія о возможныхъ разливахъ окружающихъ рѣкъ и знакомить переселенцевъ съ климатическими условіями избранныхъ для поселеній мѣстъ». Что касается собственно до Усурійскаго края, то проектъ совершенно неосновательно предполагаетъ, что для развитія края, независимо отъ земледѣльческаго крестьянскаго населенія, необходимо привлечь туда и людей, могущихъ оживить въ немъ и промышленность, и торговлю, которая, напримѣръ, во Владивостокѣ, въ ущербъ русскимъ интересамъ вообще и въ частности въ ущербъ интересамъ мѣстныхъ жителей, до послѣдняго времени вся находилась въ рукахъ иностранцевъ, эксплуатирующихъ ихъ свыше всякой мѣры. Лишь съ весьма недавняго времени добровольное появленіе въ Владивостокѣ русскихъ мануфактурныхъ и другихъ товаровъ, болѣе дешевыхъ по цѣнѣ и лучшихъ по качеству, чѣмъ иностранныя товары, подвергло нѣкоторому обузданію эту безсознательную эксплуатацію; до того же, въ виду почти полного отсутствія конкуренціи со стороны русскихъ коммерческихъ дѣятелей, иностранныя фирмы высылали въ край только такіе товары, которые, вслѣдствіе своей недоброкачественности, не имѣли сбыта на мѣстахъ, но покупались во Владивостокѣ по крайности, за неимѣніемъ лучшаго. Не далѣе, какъ въ началѣ прошлаго года, въ одной изъ нашихъ газетъ («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1880 г., № 55) вотъ что сообщалось по этому предмету изъ вполне компетентнаго источника: «Край снабжается

иностранными купцами большею частью продуктами, товарами и произведениями бракованными или скупленными на аукціонах; при этомъ они берутъ за все баснословные барыши, назначаютъ безбожныя цѣны, не смотря даже на то, что иностранный товаръ (за исключеніемъ спиртныхъ напитковъ) не оплачивается никакою пошлиною; не смотря и на то, что иностранная торговля пользуется самыми широкими льготами и ничѣмъ неоправдываемою поддержкою со стороны мѣстной администраціи. Приморская область, пользуясь всѣмъ заграничнымъ, несетъ ясныя невыгоды этой неестественной экономической зависимости отъ иноземныхъ рынковъ и капиталовъ, обрекаетъ себя на кабалу и эксплуатацію иностранныхъ купцовъ». Установленное судами добровольнаго флота постоянное сообщеніе Россіи моремъ съ Приморскою областью даю возможность начать снабженіе этого края русскими товарами; для развитія же русской торговли въ немъ министерство внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, въ вышеупомянутомъ нами проектѣ, предлагало слѣдующія общія и частныя мѣры. Первыя заключаются въ разрѣшеніи свободной промышленности: лѣсной, горной и др., освобожденіе золотопромышленности отъ массы стѣснительныхъ формальностей и направленіе ея въ интересахъ края. Мѣры частныя состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Уравненіе русскихъ купцовъ съ иностранными относительно нѣкоторыхъ привилегій послѣднихъ. 2) Обложеніе иностранной торговли хотя-бы незначительными и по возможности заблаговременными пошлинами. 3) Увеличеніе премій и наградъ судовладельцамъ въ край. 4) Разрѣшеніе всѣмъ морскимъ офицерамъ и чиновникамъ частной морской службы въ край, съ сохраненіемъ части содержанія. 5) Скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о торговлѣ съ Китаемъ по рѣкѣ Сунгари и съ другими сосѣдними странами. 6) Ознакомленіе съ моремъ и мореходствомъ посредствомъ морскихъ школъ и классовъ. 7) Устройство банка или подобнаго кредитнаго учрежденія для пособія промышленности и торговлѣ, при содѣйствіи государственнаго казначейства, съ тѣмъ, чтобы этотъ банкъ производилъ и страховку, и застрахованіе, причѣмъ каждое движимое и недвижимое имущество принималось бы въ страховой суммѣ въ залогъ по подрядамъ и въ обезпеченіе („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1879 г., № 274). Проектъ этотъ своевременно былъ препровожденъ къ губернатору Приморской области съ предложеніемъ высказать объ упомянутыхъ мѣрахъ свое мнѣніе, на основаніи мѣстныхъ соображеній. Что воспослѣдовало затѣмъ изъ этой переписки—мы не знаемъ. Извѣстно только, что ни одни изъ этихъ мѣръ не получили, къ сожалѣнію, до сихъ поръ практическаго примѣненія, и остается лишь желать, чтобы хоть теперь, столь важное для государства дѣло получило, наконецъ, надлежащій ходъ, и притомъ не въ формѣ канцелярской переписки и безконечнаго комисіоннаго пере-

живоначія, а въ томъ практическомъ направленіи и съ тою настойчивостью, которые отличаютъ нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ. Въ настоящее время, дѣло это очевидно не терпитъ болѣе отлагательствъ, уже въ виду того, что, вслѣдствіе недавняго нашего столкновенія съ Китаемъ, угрожавшаго разрывомъ, китайское правительство приняло энергическія мѣры къ увеличенію и безъ того довольно густаго заселенія мѣстностей, пограничныхъ съ нашимъ Усурійскимъ краемъ, въ которомъ и въ настоящее время ничтожное русское населеніе совершенно теряется въ массѣ китайцевъ и притомъ сильно дурнаго качества, въ массѣ безсемейныхъ маньчжуръ, составляющихъ, такъ сказать, подонки китаяскаго народа. Если безпечное отношеніе къ этому краю, составляющему «перль» нашихъ сибирскихъ владѣній, продолжится, то дальновидное и настойчивое китайское правительство, конечно, не замедлитъ обратить въ свою пользу столь благоприятное для него обстоятельство, направивъ избытокъ своего населенія въ нашъ Усурійскій край. При овладѣвшей китаичами эмиграціонной горячкѣ, развивающейся все болѣе и болѣе втеченіи послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ, особенно благодаря ослабленію запрета выселеній изъ застѣннаго Китая, заподоненіе нашего Усурійскаго края китаичами можетъ совершиться весьма скоро, какъ это доказываетъ Калифорнія, эмиграція въ которую черезъ океанъ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ въ сопредѣльные русскія владѣнія за рѣкой Усури. Захвативъ всѣ лучшія земли и прибравъ къ рукамъ всѣ промыслы края, съ свойственнымъ китаичамъ трудолюбіемъ, предприимчивостью и настойчивостью, они быстро сдѣлаютъ этотъ край фактически китаяскимъ и выжить ихъ изъ него будетъ для насъ труднѣе, чѣмъ американцамъ изъ Калифорніи. Предупредить такое нежелательное обстоятельство, пока еще можно, является дѣломъ государственной важности, и притомъ приступить къ этому предупрежденію необходимо какъ можно скорѣе, ибо время упущено и безъ него много. Какъ ни плохи наши финансовыя средства въ настоящее время, но расходы, которые потребуются для быстраго заселенія и правильной организаціи Усурійскаго края, настолько будутъ производительны, что государство смѣло можетъ предпринять ихъ даже и въ настоящее время. Дѣйствительно, въ цѣлой Россіи немного можно найти мѣстностей, гдѣ бы народный трудъ, земледѣльческій и промышленный, встрѣтилъ болѣе благодарную и благоприятную почву, гдѣ всякая затрата капитала обѣщала бы предприимчивымъ людямъ болѣе выгоды. Одна степная полоса, орошаемая притоками озера Ханки, представляетъ районъ въ 8,000 кв. верстъ или 840,000 дес. земли, въ высшей степени благоприятной для самаго широкаго развитія земледѣлія и скотоводства. Такими же качествами отличаются мѣстности

между рѣкою Суифуномъ и Новгородскою гаванью, между Владивостокомъ и Сучаномъ, а также въ долинахъ рѣкъ Цимухэ, Монхэ, Ячичэ и другихъ. Повсюду богатая дѣвственная почва, обильно орошаемая, при изобиліи лѣсовъ, защищающихъ ее отъ вѣтровъ и засухъ, ожидаетъ лишь рукъ земледѣльца. Сотни тысячъ такихъ земледѣльцевъ найдутъ здѣсь полное благосостояніе, что свидѣтельствуютъ и теперь уже существующія довольно значительныя русскія села въ окрестностяхъ озера Ханки, которыхъ, къ сожалѣнію, пока крайне немного. Соединеніе этихъ мѣстностей съ Владивостокомъ сноскими, если уже не хорошими дорогами, на пространствахъ всего какихъ нибудь 150—200 верстъ, усилитъ производительность земледѣльческаго труда во всемъ этомъ краѣ, доставивъ ему возможность избытокъ своихъ произведеній съ выгодой сбывать въ постоянно нуждающійся въ нихъ Китай, не говоря уже о томъ, что самъ Владивостокъ, Сахалинъ и тихо-океанская эскадра наша избавятся отъ необходимости получать продовольствіе дорогою цѣною черезъ океанъ. Не менѣе земледѣлія благоприятны въ Усурійскомъ краѣ условія и торговой промышленности, благодаря близости такого всепоглощающаго рынка, каковъ Китай. Изъ отчета о внѣшней торговли Китая, на примѣръ, хоть за 1879 г. видно, что общая цифра оборота по привозу и вывозу простиралась въ этомъ году до 347.500,000 китайскихъ ланъ (китайская лана равняется двумъ нашимъ металлическимъ рублямъ). Изъ этой суммы 73% падаетъ на долю англичанъ, 12% на долю французовъ, 4%—японцевъ, 3%—американцевъ и 2% на долю Германіи; а Россія въ числѣ еще четырехъ европейскихъ державъ участвуетъ лишь въ 1%, до того упала наша торговля съ Небесной имперіей, которая лѣтъ 30 назадъ исключительно отъ насъ, чрезъ Кяхту, получала европейскіе товары. Возвратить себѣ такое преобладающее торговое положеніе, въ настоящее время, даже если не невозможно, то крайне не легко. Несомнѣнно, однако, что привлеченіе въ сосѣдній съ Китаемъ Усурійскій край русскихъ предпринимчивыхъ торговыхъ людей, тѣми средствами льготъ огражденія ихъ отъ иностранной конкуренціи, какъ предполагалось въ проектѣ 1879 г. министра внутреннихъ дѣлъ, могло бы значительно измѣнить въ нашу пользу вышеприведенную цифру процента участія Россіи во внѣшней китайской торговлѣ. Одинъ лѣсной промыселъ, говоритъ А. В. Риксонъ въ докладѣ своемъ, прочитанномъ имъ въ засѣданіи общества содѣйствіемъ русскому торговому мореходству 12 декабря прошлаго года,—можетъ принести огромныя выгоды. Какъ извѣстно, Восточная Сибирь изобилуетъ лѣсомъ, какъ строевымъ и подѣлочнымъ, такъ и годнымъ на топливо. Въ Китаѣ же и Японіи лѣса почти совсѣмъ истреблены и существуютъ баснословныя цѣны на лѣсъ, который продается тамъ на вѣсъ. На примѣръ, въ Шанхай,

гдѣ еще цѣны на лѣсъ, сравнительно, ниже, бревно въ 15 пудовъ стоитъ 18 р., т. е. по 1 р. 20 к. за пудъ. Въ Ханькоу же ольховныя дрова продаются по 9 р. за пудъ, т. е. около 450 р. за сажень. Сибирскій лѣсъ можно было сплавлять въ Китай и Японію по рѣкамъ или доставлять на судахъ. Однако до сихъ поръ не только никакой внѣшней торговли лѣсомъ не ведется въ Амурскомъ краѣ, но даже существуетъ административное запрещеніе вывоза восточно-сибирскаго лѣса за границу. Не говоря вообще о Сибири, самъ по себѣ Усурійскій край, какъ извѣстно, чрезвычайно богатъ лѣсами самаго лучшаго качества. Лѣса эти широкою каймою покрываютъ наше побережье Тихаго океана спускаясь къ нему по скаламъ почти прибрежнаго хребта Сихота-Алинъ; слѣдовательно, находятся въ наилучшихъ условіяхъ для вывоза ихъ въ Китай и Японію, чѣмъ пользуются теперь иностранцы, преимущественно американцы и китайцы, бездально-безпошлинно вырубая на нашихъ берегахъ цѣлыя груды, которыя отправляютъ въ Шанхай и другіе порты. Но не одинъ лѣсъ можетъ составить въ Усурійскомъ краѣ предметъ выгоднаго вывоза. Произведенія моря, рѣкъ, озеръ и тѣхъ же лѣсовъ, богатыхъ пушнымъ звѣремъ, все это можетъ сдѣлаться источникомъ обогащенія для русскаго населенія, когда оно будетъ привлечено въ край разумными мѣрами.

Въ настоящемъ обзорѣннн мы коснулись устройства Усурійскаго края, какъ условія, необходимаго для прочнаго водворенія въ Тихомъ океанѣ постояннаго отдѣла русскаго военнаго флота, которое считается наиболѣе цѣлесообразнымъ съ требованіями безопасности Россіи и огражденія интересовъ по отношенію къ великимъ морскимъ державамъ. Конечно, лучшими судьями по этому вопросу могутъ именно быть самыя державы, до которыхъ дѣло это касается непосредственно и, разумѣется, прежде всего Англія. Та тревога и безпокойство, которыя производитъ въ Англіи русскій военный флагъ на Тихомъ океанѣ и которыя не разъ слышались и въ рѣчахъ ораторовъ въ парламентѣ, и на митингахъ, и въ англійской прессѣ, лучше всего доказываютъ то громадное значеніе, которое придаетъ тамъ вопросу о русскомъ флотѣ въ Тихомъ океанѣ. Азбучное правило въ международной политикѣ говорить, что если мѣра, принимаемая нами противъ врага, тревожитъ его, значитъ она разумна и цѣлесообразна. Управление морскаго вѣдомства нашего въ истекшее двадцатипятилѣтіе само сознавало значеніе этой мѣры, но изъ видовъ ложно, по нашему мнѣнію, понимаемой экономіи или по другимъ, неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не считала нужнымъ обратить ее въ постоянную, а прибѣгало къ ней временно, какъ, напримѣръ, въ 1863 г., когда, въ виду грозившаго тогда разрыва, вслѣдствіе вѣнательства западной Европы въ наши дѣла съ поляками, была, такъ сказать, тайнымъ

образомъ, отправлена въ Тихій океанъ изъ Кроншталта наша крейсерская эскадра, которая и произвела ожидаемое отъ нея дѣйствіе; а также въ 1877 г., когда, за невозможностью повторить эту продѣлку вполне, также секретно была отправлена въ Америку на «Цимбрин» наша флотская команда для посадки ее на крейсерскія суда, которыя предположено было взунить въ Америкѣ. Мы говорили уже выше и потому не станемъ повторять, почему и насколько несостоятельна такая система сама по себѣ, насколько она не экономична даже, и сверхъ того, насколько она не соотвѣтствуетъ достоинству великаго государства. Вотъ почему мы бы и желали, чтобы, при нынѣшнемъ управленіи, морское вѣдомство совершенно отказалось отъ этой системы потайныхъ посылокъ нашихъ морскихъ силъ въ Тихій океанъ, гдѣ ничто не подготовлено и не приспособлено для усиленной дѣятельности, для которой и сами онѣ, если не вовсе, то весьма мало подготовлены, и замѣнило бы эту систему постояннымъ водвореніемъ тамъ нашей эскадры.

Поведа рѣчь о желательныхъ преобразованіяхъ въ нашемъ флотѣ, при новомъ его управленіи, мы говорили объ этомъ только по отношенію къ тремъ главнѣйшимъ морямъ нашимъ: Черному, Балтійскому, и Восточному океану; но у насъ есть другія моря, на которыя также распространяется дѣятельность морскаго вѣдомства и гдѣ эта дѣятельность также далеко не оправдываетъ желанія лучшаго. Въ настоящее время, изъ этихъ морей мы укажемъ хоть на главнѣйшее изъ нихъ — на Каспійское море. На этомъ морѣ также существуетъ военная флотилія, состоящая изъ немалого числа судовъ; но почти всѣ они крайне плохихъ качествъ и находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, какъ это вполне обнаружилось во время недавней ахалтекинской экспедиціи, когда отъ этой флотиліи потребовалась нѣсколько серьезная служба. Вотъ что, между прочимъ, сообщено было газетѣ «Голось» (1881 г., № 82) по этому поводу. Пароходъ «Баку», плавающій первый годъ, за порчею машины, оказался негоднымъ къ службѣ, и отправившійся на немъ для осмотра транспортъ генералъ Петрусевичъ вынужденъ былъ съ своими спутниками высадиться на берегъ и отправиться въ Красноводскъ 400 верстъ сухимъ путемъ, оставивъ «Баку» на якорѣ въ Киндерійскомъ заливѣ. Точно также и пароходы «Персіянинъ», «Тюлень», «Шахъ» и другіе не могли служить цѣлямъ экспедиціи. Плававшіе на этихъ пароходахъ говорили, что попасть на казенное судно считалось вообще большимъ несчастіемъ, такъ какъ пароходы эти или не доходили къ мѣсту назначенія, или же должны были остававливаться на продолжительное время для различныхъ исправленій. По отзывамъ людей, знающихъ морское дѣло, большая часть пароходовъ въ каспійской

флотиліи имѣеть слабыя машины, которыя не могутъ двигать пароходъ при противномъ вѣтрѣ. Вотъ почему ни войска, ни индѣдантское вѣдомство не пользовались судами флотиліи. Только одинъ пароходъ «Шанъ» перевозилъ больныхъ изъ Чигчишлара въ Петровскъ и въ Баку. Не отличается особою удовлетворительностью и аральская флотилія; транспортная же сибирская флотилія давно уже неспособна исполнять своего назначенія, а службу за нее несутъ дорого оплачиваемыя частныя суда. Всѣ эти флотиліи стоили государству денегъ и немалыхъ, немало стоитъ и содержаніе ихъ,—не имѣется въ наличности только требуемой отъ нихъ пользы государству и отвѣтственности съ кого слѣдуетъ, за отсутствіе этой пользы; а между тѣмъ, гдѣ нибудь въ законахъ отвѣтственность эта навѣрно установлена, но только, очевидно, какъ-нибудь совершенно затерялась и за существовавшую, повидимому, въ морскомъ вѣдомствѣ ея ненужностью окончательно предана забвенію. Поэтому мы не безъ основанія сказали выше, что первымъ дѣломъ новаго начальства этого вѣдомства, для пользы нашего флота, было бы приказаніе розыскать во что-бы то ни стало эту пропавшую отвѣтственность. Насколько неудобна эта безвѣстная отлучка законной отвѣтственности изъ морскаго вѣдомства для лицъ, въ распоряженіи или храненіи которыхъ находятся казенныя суммы и казенное имущество, насколько розысканіе и водвореніе этой отвѣтственности въ помянутомъ вѣдомствѣ необходимо,—достаточно видно уже изъ обнаруженнаго теперь изумительно халатнаго отношенія къ содержанію и хозяйству, въ минныхъ учрежденіяхъ кронштатскаго порта, динамита, которымъ, какъ слышно, столь широко пользовались наши злоумышленники для минированія петербургскихъ улицъ и мостовъ. Офіціальная комісія, назначенная еще въ октябрѣ прошлаго года, послѣ восьмимѣсячной работы, не могла добиться никакого толка въ хаосѣ господствующаго въ этихъ учрежденіяхъ безпорядка и безотчетности, и это до такой степени, что, при всемъ неудобствѣ выносить изъ избы соръ и при всемъ вѣроятномъ желаніи избѣжать этого неудобства, на послѣдовавшей въ прошломъ мѣѣ запросъ судебнаго слѣдователя о результатѣ повѣрки миннаго имущества, поставленная въ необходимость дать категорическій отвѣтъ, комісія эта вынуждена была сознаться, что окончательнаго результата ея комісіею еще не достигнуто, по невозможности опредѣлить излишки и неяви въ имуществѣ минныхъ складовъ («Голосъ», № 168 сего года). Здѣсь уже прибавить нечего; дѣло говорить само за себя, въ виду страшныхъ послѣдствій такой небрежности, если не сказать худшаго.

Возвращеніе великаго князя Михаила Николаевича на жительство въ Петербургъ многіе связываютъ съ предстоящимъ уничтоженіемъ кавказскаго намѣстничества. Вопросъ объ упраздненіи этого намѣстничества не разъ уже обсуждался въ нашей литературѣ и вредъ подобной централизаціи для интересовъ различныхъ мѣстностей этого намѣстничества былъ уже неоднократно доказываемъ специалистами, хорошо изучившими Кавказъ. Будетъ ли раздѣлено нынѣшнее намѣстничество на нѣсколько отдѣльныхъ генераль-губернаторствъ, подчиненныхъ, на общемъ основаніи, подлежащимъ министерствамъ, или намѣстничество будетъ сохранено и восполнѣдуетъ лишь переимѣна намѣстника, или, можетъ быть, и все останется по прежнему—это вѣроятно разрѣшится скоро, и тогда мы посвятимъ этой обширной окраинѣ русской особую статью.

Тринадцать (полагаемъ что такъ, хотя не знаемъ даже всѣхъ ли приглашенные изъявили свое согласіе) свѣдущихъ людей, приглашенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ для совѣщанія по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей и окончательному переходу къ выкупу надѣловъ, начали свою работу, но, къ сожалѣнію, совѣщанія эти покрыты канцелярскою тайною и потому печать лишена возможности сказать въ настоящее время свое слово, по поводу преній и дебатовъ, безъ сомнѣнія происходящихъ въ этой комисіи. Намъ вѣроятно суждено познакомиться съ этими работами только тогда, когда все уже будетъ кончено, когда онѣ представятъ собою, такъ сказать, уже историческій интересъ, да и то можетъ быть въ извлеченіи, въ сглаженномъ канцелярскомъ видѣ, гдѣ все отполировано, но и мертво. А намъ интересны были бы стенографическіе отчеты этихъ засѣданій, по которымъ можно судить о человѣкѣ, какимъ онъ выливается въ живой устной рѣчи, а не въ тѣхъ отчетахъ, которые составляются немѣлою и подчасъ услужливою рукою дѣлопроизводителя. Отчего не допустить, наконецъ, гласности въ подобныхъ совѣщаніяхъ. Вѣдь коли призвали экспертовъ, такъ дайте возможность выслушать ихъ всѣмъ и своевременно; вѣдь это не чиновники, а представители земли, почти все служащіе по выборамъ земства; дайте же намъ послушать, что скажутъ они; каковы тѣ, на которыхъ палъ выборъ и земли, и министра внутреннихъ дѣлъ. Неужели первый блинъ оказался комомъ, который и показать нельзя? Не думаемъ!

Можетъ быть опасаются возбужденіемъ этого вопроса взволновать крестьянъ, возбудить недоступныя надежды, нарушить общественное спокойствіе? Ошибочное мнѣніе. Вѣдь къ нашимъ крестьянамъ, какъ, напримѣръ, въ Камышинскомъ уѣздѣ, даже по почтѣ посылались, явобы отъ начальства, разные зажигательныя прокламаціи, написанныя на казенномъ бланкѣ и за номеромъ; многіе старшины, по простотѣ душевной,

даже читали ихъ на волостномъ сходѣ—и никакихъ волненій, никакихъ бунтовъ не происходило. Разумѣется, вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей возбудитъ нѣкоторое оживленіе, вызоветъ, при посредствѣ печати, говоръ, толки; но вѣдь есть великая разница между тѣмъ, чтобы обратить, наконецъ, стоячее болото въ многоводную рѣку, или возбудить бурю и смерчи. Не бойтесь гласности, бойтесь канцелярской тайны—этой рутинны, накладывающей свою востылавую руку на всякое живое дѣло и обращающей его въ мертвеца, живо обростающаго архивною плѣсенью и гнилью. Не бойтесь гласности—она не врагъ вашъ, а лучший и вѣрный помощникъ! Она свѣтъ, а канцелярскія тайны—это мракъ и въ большей части случаевъ пустоцвѣтъ!

Дарованіе возможности крестьянскимъ обществамъ приобрѣтать казенныя земли въ аренду, безъ взноса залоговъ, но за ручательствомъ волостнаго приговора, значительно сократитъ дѣятельность массы кулаковъ, которые, пользуясь своимъ капиталомъ, брали землю въ аренду и сдавали ее крестьянамъ по безобразно возвышенной цѣнѣ. Если это лишь первый шагъ къ дальнѣйшему стремленію нашего правительства къ облегченію крестьянамъ не только аренды, но и покупки земель—то въ добрый часъ! Наконецъ-то, отъ словъ переходятъ къ дѣлу и начинаютъ разрѣшать этотъ насущный, давно уже ставшій неотложнымъ вопросъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

ВЪ ОБЛАСТИ ЗООЛОГИИ.

(ЗНАЧЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ВЪ РАЗВИТІИ ЖИВОТНЫХЪ ОРГАНИЗМОВЪ).

Въ исторіи развитія органическаго міра, растительнаго и животнаго, едва-ли можно указать хотя на одинъ вопросъ, который съ давнихъ поръ служилъ бы большимъ поводомъ къ многочисленнымъ спорамъ и недоразумѣніямъ, который внесъ бы больше путаницы въ наши понятія объ организаціи, какъ вопросъ томъ, что такое особь, и н д и в и д у м ъ.

Правда, въ примѣненіи къ человѣку и вообще къ высшимъ животнымъ, отличающимся рѣзкою опредѣленностью и независимостью, слово «особь» не можетъ подать повода къ сомнѣніямъ, хотя и здѣсь, однако, встрѣчаются нѣкоторые исключительные случаи, съ которыми не совсѣмъ легко примирить обычное понятіе объ особи. Достаточно указать на такіе примѣры уродства, какъ телята о двухъ головахъ, четырехъ переднихъ ногахъ, какъ сіамскіе близнецы и проч., и проч. Каждый индивидуумъ есть прежде всего существо, органически обособленное отъ другихъ себѣ подобныхъ; но, въ такомъ случаѣ, что же представляетъ изъ себя уродство въ родѣ сіамскихъ близнецовъ? одна это особь или двѣ?

Скажутъ, что случаи уродства не могутъ служить примѣромъ. Да, но если мы обратимся къ менѣе высоко организованнымъ животнымъ формамъ, то увидимъ, что здѣсь указанные уродства, исключенія, со-

ставляют норму, а правило и обычное определение «особи» теряет свой смысл. «Когда изъ разныхъ мѣстъ тѣла обыкновеннаго полипа, говоритъ Гербертъ Спенсеръ въ своихъ «Основаніяхъ Біологіи»,—выпочковываются молодые полипы, которые затѣмъ, когда у нихъ появляются рты и щупальцы и когда прервется сообщеніе, существующее между ихъ желудками и желудками родича, отдѣляются отъ родичей, то мы имѣемъ полное основаніе рассматривать ихъ какъ отдѣльныя особи. Но когда у сродныхъ имъ составныхъ гидровыхъ (*Hidrogzoa*) мы находимъ, что эти молодые полипы продолжаютъ оставаться въ непрерывной связи съ своимъ родичемъ, и когда, путемъ этого постоянного выпочковыванія, образуется цѣлая древовидная агрегація, имѣющая общій пищевой проходъ, въ который выходятъ пищевыя полости всѣхъ полиповъ, то уже перестаетъ казаться очевиднымъ, что эти маленькіе, снабженные ртами и щупальцами, мѣшечки суть отдѣльныя особи. Нельзя не признать извѣстной индивидуальности въ полипьяхъ. Но когда оказывается, что нѣкоторыя изъ почечъ, вмѣсто того, чтобы развиваться, подобно остальнымъ, обращаются въ капсулы, въ которыхъ развиваются яйца, что нѣкоторыя изъ рождающихся полиповъ становятся, такимъ образомъ, относительно питанія, вполне зависимыми отъ агрегата (колоніи) и выполняютъ отправления, неимѣющія ничего общаго съ ихъ собственнымъ самосохраненіемъ, то становится еще болѣе очевиднымъ, что индивидуальности отдѣльныхъ членовъ отчасти помрачаются индивидуальностью группы. Въ нѣкоторыхъ другихъ организмахъ того же порядка этотъ переходъ отъ простыхъ индивидуальностей къ сложнымъ проявляется еще болѣе сложно. У двойчатки (*Diphges*) одинъ или нѣсколько представителей полипьяка видоизмѣняются особеннымъ образомъ въ плавательный аппаратъ, который, посредствомъ ритмическихъ сокращеній, двигается въ водѣ, таща за собою полипьякъ. И у болѣе дифференцированнаго пузырника (*Physalia*) образуется нѣсколько различныхъ органовъ, посредствомъ метаморфоза частей, составляющихъ гомологи (т. е. морфологическія подобія) индивидуальныхъ полиповъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ индивидуальность агрегата до такой степени преобладаетъ, что, практически, индивидуальностей членовъ вовсе не существуетъ. Это сочетаніе индивидуальныхъ, дающее начало сложной особи, встрѣчается подъ иными формами и у асцидѣевыхъ моллюсковъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримеръ у булавовидныхъ (*Clavelina*), составляющихъ общину, животныя подчинены этой послѣдней только въ незначительной степени; у другихъ же (например, у *Botrylidae*), они до такой степени слиты въ шаровидныя массы, что имѣютъ видъ одного только животнаго, снабженнаго нѣсколькими ртами и желудками».

Такимъ образомъ, исключительные примѣры уродства на высшихъ

ступеняхъ зоологической лѣстницы, составляютъ нормальное, заурядное явленіе у низшихъ животныхъ. Животное, снабженное нѣсколькими ртами и желудками, подобно названному выше формамъ, такъ же трудно примиримо съ обычнымъ понятіемъ «особи», какъ и двуголовнй теленокъ.

Растительные организмы представляютъ тѣ же трудности относительно опредѣленія индивидуальности. Что такое, на примѣръ, дерево, съ его многочисленными вѣтвями, побѣгами и проч., особь или колонія, единица или множество? Правда, всѣ его вѣтви, всѣ его побѣги органически связаны между собою и находятся, относительно питанія, въ известной опредѣленной зависимости отъ агрегата, подобно нѣкоторымъ полипамъ, указаннымъ выше. Но съ другой стороны, каждая такая вѣтвь или каждый побѣгъ отличаются известною независимостью, если срѣзать вѣтвь и посадить ее въ почву. Какъ же слѣдуетъ смотрѣть на растеніе, выросшее изъ таковой вѣтви? какъ на часть предшествующей особи, или какъ на раздѣльные особи?

Когда земляника даетъ побѣги, дающіе на своихъ оконечностяхъ почки, которыя затѣмъ нускаютъ корни и развиваются въ независимыя растенія, отдѣляющіяся отъ прародительскаго организма черезъ увяданіе побѣговъ, то не слѣдуетъ-ли разсматривать такіе побѣги, какъ обособленныя индивидуальности? Однако, по справедливому замѣчанію Спенсера, признавая такую обособленность, мы не будемъ имѣть возможности опредѣлить, «когда именно установились эти отдѣльныя индивидуальности, если не примемъ, что каждый побѣгъ съ самаго начала былъ отдѣльною особью?»

Достаточно въ самомъ дѣлѣ принять во вниманіе случай прививки одного растенія на другое, на примѣръ, груши на яблони, абрикоса на сливѣ, облагороженной рози на шиповникѣ. Здѣсь несомнѣнно мы имѣемъ дѣло съ двумя особями, ибо никто, конечно, не станетъ отождествлять груши, растущей на одномъ стволѣ, съ яблоней; а между тѣмъ эти двѣ особи органически связаны между собою и привитая груша находится, относительно питанія, въ опредѣленной зависимости отъ яблони.

Всѣ подобныя и многіе другіе случаи давно уже подавали поводъ къ спорамъ о томъ, что слѣдуетъ называть въ растеніи особью? Такъ еще Шлейденъ, основатель клѣточной теоріи въ ботаникѣ, писалъ по этому поводу:

«Много толковали и спорили касательно понятія объ особи, не разъяснивъ однако предмета; и это главнымъ образомъ происходитъ отъ недоразумѣній, существующихъ еще насчетъ возникновенія понятій. Особь вовсе не есть понятіе, а просто субъективное представленіе о дѣйствительномъ предметѣ съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія,

и только отъ этого послѣдняго зависить, будетъ ли предметъ особью или нѣтъ. Съ точки зрѣнія видоваго понятія о солнечной системѣ вообще, наша солнечная система будетъ особью; по отношенію же къ видовому понятію о планетномъ тѣлѣ, она будетъ агрегаціей многихъ особей... Я полагаю, однако, говорить оны далѣе,—что... съ научной точки зрѣнія выгоднѣе и полезнѣе будетъ признать общимъ типомъ растенія (простымъ растеніемъ перваго порядка) растительную клѣточку. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія этого понятія первопузырники (*Rhizococcus*) и другія растенія, состоящія только изъ одной клѣточки, а также споры и зернушки пылцы оказываются особями. Такого рода особи могутъ, однако, утративъ отчасти свою индивидуальную независимость, соединиться, по опредѣленнымъ законамъ, въ опредѣленныя формы. Эти послѣднія эмпирически являются намъ снова единичными существами, съ точки зрѣнія того видоваго понятія (простое растеніе втораго порядка), которое мы выводимъ изъ подлежащаго законамъ сочетанія элементарныхъ особей. Но и на этомъ нельзя остановиться, потому что сама природа снова связываетъ эти особи, подъ опредѣленными формами, въ болѣе обширныя общины; такимъ образомъ мы получаемъ третье понятіе о растеніи, составленное нами по сочетанію, такъ сказать, второй степени (составное растеніе, растеніе третьаго порядка). Простое, происшедшее отъ элементарныхъ особей растеніе называется тогда, въ сложеніи, образующемъ растеніе третьаго порядка, почкою».

Въ этомъ опредѣленіи обычное понятіе объ особи значительно измѣняетъ свой первоначальный смыслъ. То, что съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ быть разсматриваемо индивидуумомъ, недѣлимимъ, оказывается, въ сущности, множествомъ, собраніемъ единицъ, въ свою очередь распадающихся на особи. Такое именно обстоятельство и послужило Геккелю основаніемъ нѣсколькихъ категорій индивидуальностей, начиная съ простѣйшей индивидуальности—клѣточки, и заканчивая наиболѣе сложной—колоніей.

Факты и вообще морфологическія данныя, приведенія къ установленію нѣсколькихъ категорій индивидуальностей, показывали самымъ нагляднымъ образомъ, какъ это легко видѣть изъ предъидущаго, почему понятіе объ особи подавало поводъ къ недоразумѣніямъ; потому именно, что это понятіе побуждало искать таковой обособленности и недѣлимости въ органическихъ формахъ, какою послѣднія не могли отличаться, по причинѣ своей сложности, потому что органическія формы, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказывались или настоящими колоніями, т. е. органически связанными между собою особями, или же такими образованіями, индивидуальность которыхъ хотя и совершенно уже

рѣзко опредѣлилась, но не настолько, чтобы совершенно стерлись слѣды ея множественнаго происхожденія.

Однимъ словомъ, данныя сравнительной анатоміи, рядомъ съ явленіями, обнаруживаемыми зародышевымъ и индивидуальнымъ развитіемъ, приводили къ заключенію, что каждый сложный организмъ, обыкновенно называемый особью и по общепринятому смыслу этого слова, имѣющій право на такое названіе, есть въ сущности колонія и во всякомъ случаѣ обязанъ своимъ существованіемъ и развитіемъ сообществу, асоціаціи элементарныхъ индивидуальностей. Это въ особенности стало извѣстно со времени клѣточной теоріи и еще прочтѣе утвердилось съ установленіемъ протоплазматической теоріи, такъ какъ послѣдняя еще болѣе закрѣпила собою единство между тканевыми элементами сложныхъ организмовъ и самостоятельно существующими простѣйшими одноклѣточными или однопластичными организмами.

Но, какъ извѣстно, одно дѣло констатированіе факта и совершенно другое дѣло поясненіе его и опредѣленіе его значенія. Разъ, фактъ указанной общественности въ мірѣ животныхъ сталъ извѣстенъ, разъ, было доказано точно, что каждое высоко-организованное животное можетъ быть разсматриваемо какъ результатъ асоціаціи простѣйшихъ формъ, простѣйшихъ индивидуальностей, необходимо было затѣмъ опредѣлить, какое именно значеніе представляетъ общественность въ явленіяхъ развитія животныхъ организмовъ, содѣйствуетъ ли она и въ какой степени этому развитію?

Очевидно, рѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо предполагало изслѣдованіе условій данной общественности или асоціаціи, изученіе характера и способа, въ которыхъ она обнаруживается среди различныхъ группъ животнаго царства, а отсюда, наконецъ, и опредѣленіе того, на сколько она принимаетъ участія въ томъ разнообразіи формъ, которымъ отличается животная организація на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія.

Едва-ли слѣдуетъ пояснять, какое важное значеніе, съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи, должно представлять рѣшеніе данныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе важное, что оно несомнѣнно обѣщало расширить наши знанія условій развитія,—знанія, все еще, главнымъ образомъ, ограничивающіяся опѣнкою внѣшнихъ факторовъ и весьма скудныхъ изученіемъ внутреннихъ условій. А между тѣмъ, при изслѣдованіи и опредѣленіи вышеупомянутаго значенія асоціаціи элементарныхъ единицъ животнаго царства, прежде всего, конечно, являлась необходимость выяснить взаимныя отношенія этихъ единицъ, законы ихъ совмѣстной дѣятельности и ихъ взаимодѣйствія, словомъ—изучить природу организма въ цѣломъ, а не въ той или другой его отдѣльной части, что,

какъ мы не разъ уже имѣли случай посвящать въ нашихъ хроникахъ, составляетъ необходимое требованіе точнаго, строго-научнаго знанія.

Отсюда легко видѣть, какое важное значеніе для теоріи развитія должна представлять попытка возможно обстоятельной оцѣнки общественной и, исслѣдованія ея вліянія на происхожденіе и развитіе животныхъ формъ. Такая именно попытка и была представлена недавно двумя учеными: нашимъ почтеннымъ профессоромъ зоологіи Н. Вагнеромъ ¹⁾ и извѣстнымъ французскимъ зоологомъ Эдмондомъ Перье.

Мы начнемъ съ попытки первого изъ названныхъ ученыхъ, такъ какъ она посвящена опредѣленію и оцѣнкѣ самаго значенія общественной и потому можетъ служить прекраснымъ введеніемъ къ работамъ Перье, изслѣдующимъ, вмѣстѣ съ условіями данной общественности, также вліяніе ея на происхожденіе, характеръ и развитіе животныхъ формъ.

«Каждый изъ насъ, полагаю, знаетъ, говоритъ Н. Вагнеръ,—что такое общество; но не каждому извѣстно, гдѣ его начало. Само собою разумѣется, что это начало мы должны искать въ самыхъ простыхъ формахъ общественной жизни, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ общества, собственно говоря, еще нѣтъ, а есть ассоціаціи, т. е. собраніе нѣсколькихъ недѣлимыхъ, которыя вмѣстѣ, общими силами, достигаютъ какого нибудь результата».

Въ самой первичной, начальной формѣ, эта ассоціація встрѣчается у простѣйшихъ формъ жизни, гдѣ біологическая единица, недѣлимое, является въ видѣ микроскопическаго комочка протоплазмы, извѣстнаго подъ общимъ именемъ біона. Такой біонъ обнаруживаетъ всѣ основныя жизненныя функціи; онъ питается, растетъ и размножается, причемъ, какъ показываютъ наблюденія, самый способъ размноженія является однимъ изъ условій перехода біона изъ единичнаго существованія въ общественное.

Въ самомъ дѣлѣ, размноженіе біона достигается путемъ простаго распадѣнія комочка протоплазмы на два новыхъ комочка, которые, отдѣлившись другъ отъ друга, живутъ самостоятельную, одинъ отъ другаго независимую жизнь. Но возможно, что и послѣ распадѣнія біона на два новыхъ комочка, послѣдніе не отдѣляются другъ отъ

¹⁾ Н. П. Вагнеръ: «О значеніи общественной въ развитіи животныхъ организмовъ» («Речи и протоколы VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ». С.-Петербургъ, 1880).

²⁾ Edmond Perrier: «Le transformisme» («Revue Scientifique», № 9, 1880); а также «Influence de la vie coloniale sur le développement embryologique des animaux» («Revue Scientifique», № 2, 1881).

друга совершенно, а живутъ въ видѣ двойчатки, соединенныя вмѣстѣ нѣсколькими протоплазматическими нитями. Достигнувъ полнаго роста, каждый изъ этихъ біоновъ дѣлится на два новыхъ комочка, на два новыхъ біона, и такъ парное дѣленіе продолжается до тѣхъ поръ, пока не получится 8, 10 и болѣе біоновъ, соединенныхъ между собою протоплазматическими нитями.

Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ «прототипъ всякихъ обществъ, въ видѣ простой асоціаціи простѣйшихъ біоновъ». Связность является непремѣннымъ условіемъ такой асоціаціи. «Если-бы въ протоплазмѣ, въ веществѣ, изъ котораго составлены эти біоны, было менѣе связности—спѣвленія, то всѣ эти біоны распались бы и асоціація исчезла бы. Слѣдовательно, первое условіе такой асоціаціи связность протоплазмы. Она собственно и опредѣляетъ эту асоціацію. Хотя, съ другой стороны, эта связность можетъ быть есть слѣдствіе другихъ какихъ-нибудь явленій, которыя во всякомъ случаѣ зависятъ отъ той же протоплазмы» (Вагнеръ). Во всякомъ случаѣ существенно важно одно условіе: «никакая асоціація, никакое общество не можетъ быть безъ связи. Эта связь и есть непремѣнное условіе всякаго общества».

Но связь связи рознь. Въ низшихъ группахъ животнаго царства она является чисто матеріальною, непосредственною. По мѣрѣ же перехода къ высшимъ формамъ, характеръ этой связи, какъ свидѣтельствуя факты, постепенно измѣняется; хотя, однако, весьма долго, въ огромномъ числѣ группъ, классовъ, общества животныхъ образуются вслѣдствіе того же принципа, по которому являются общества у формъ простѣйшихъ, т. е. вслѣдствіе извѣстнаго способа размноженія. Каждый членъ такого общества есть обязательный, непремѣнный членъ его; онъ связанъ съ нимъ потому, что не можетъ изъ него выдѣлиться. Но тѣмъ не менѣе такое обязательство имѣетъ опредѣленныя, совершенно естественныя границы, и у всѣхъ высшихъ формъ, въ каждый животной группѣ кончается одиночною жизнью индивидуумовъ.

Въ пользу этихъ существенныхъ положеній Вагнеръ приводитъ многочисленныя данныя, начиная съ простѣйшихъ животныхъ, каковыя корненожки.

Подобно самымъ элементарнымъ формамъ біоновъ, именно монарамъ, тѣло корненожекъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, состоитъ въ свою очередь изъ микроскопическихъ комочковъ протоплазмы, обладающей способностью растягиваться и ссрапцаться, выпускать отростки, короткіе или длинные, нитевидные, простые или развѣтвленные, напоминающіе иногда корни растений, откуда и самое названіе корненожекъ. Далѣе, подобно тому, какъ среди простѣйшихъ біоновъ, среди монарь, встрѣчаются формы, живущія группами, въ асоціаціи,

то же явление и притомъ вызываемое тѣми же условіями—способомъ размноженія и связностью протоплазмы—встрѣчается и среди корненожекъ, именно, среди простѣйшихъ формъ этого класса.

Большинство относящихся сюда формъ живутъ постоянно въ сообществахъ, общественной жизнью. Каждый членъ такихъ сообществъ имѣетъ свою раковину, свою камеру, но всѣ они соединены между собою протоплазматическими нитями и потому извѣстны подъ именемъ много-камерныхъ корненожекъ (Polythalamia).

Другую, не менѣ замѣчательную форму ассоціаціи среди простѣйшихъ организмовъ представляетъ «волшебный шаръ» (Magosphæra planula), открытый Геккелемъ у береговъ Норвегіи и описанный имъ подробно въ его «Biologische Studien» ¹⁾. Этотъ волшебный шаръ представляетъ собою плавающую студенистую массу, которая, однако, какъ показываетъ микроскопъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ однородныхъ грушевидныхъ кѣлочекъ, соединенныхъ въ центрѣ своими острыми концами, а съ противоположной расширенной части, составляющей поверхность шара, снабжена рѣсничками. Но такое общество кѣлочекъ не постоянно. Спустя нѣкоторое время послѣ законченнаго развитія, оно распадается на составляющія его кѣлочки, послѣ чего изолированныя кѣлочки плаваютъ еще нѣкоторое время свободно, подобно рѣсничнымъ инфузоріямъ, съ которыми ихъ легко смѣшивать въ этомъ періодѣ развитія. Но затѣмъ кѣлочки садятся на дно и принимаютъ своеобразную форму; подобно послѣднимъ, онѣ уже не плаваютъ, а ползаютъ, питаются, растутъ и въ концѣ концовъ стягиваются въ шаръ, покрываются тонкою студенистою оболочкою, — словомъ законнируются.

Это періодъ размноженія.

Внутри студенистой оболочки, кѣлка послѣдовательно дѣлится на двѣ, четыре, восемь и т. д. новыхъ кѣлочекъ. Послѣднія постепенно принимаютъ грушевидную форму и, взаимно соединяясь острымъ своимъ концомъ въ центрѣ, образуютъ сложную форму — магосферу, волшебный шаръ или шарорѣсничникъ. Послѣдній начинаетъ вращаться около своего центра, сбрасываетъ оболочку и свободно плаваетъ въ водѣ, до вторичнаго распадающагося составляющихъ его кѣлочекъ.

Разсмотрѣнныя выше простѣйшія формы ассоціаціи показываютъ наглядно, что явленія общезитія, совмѣстной дѣятельности биологическихъ единицъ, чередуются съ явленіями обособленія этихъ единицъ въ самостоятельныя, независимыя формы. Другими словами, данныя явленія представляютъ собою какъ-бы двѣ фазы развитія. Въ первую фазу связь между членами общества достигаетъ максимума—это именно

¹⁾ Erstes Heft.: «Studien über Moneren u. andere Protisten». Leipzig. 1870.

въ періодъ, когда біоны, размножаясь, продолжаютъ сохранятьъ между собою связь. Во вторую фазу—новья, послѣднія генераціи стараются выдѣлиться изъ общества и сдѣлаться независимыми—это именно въ тотъ позднѣйшій періодъ, когда обусловливаемое размноженіе беретъ перевѣсъ надъ послѣднею связью.

Сопоставляя оба эти явленія, легко видѣть, что прочность общества, асоціаціи, имѣетъ предѣлы, и подобно тому, какъ отдѣльный біонъ, достигнувъ извѣстнаго роста, распадается на два новыхъ біона, такъ и цѣлое общество, достигнувъ извѣстнаго роста, отдѣляется отъ себя одного или нѣсколькихъ членовъ. Таковъ основной законъ размноженія.

Съ цѣлью выяснитъ подробнѣе условія выдѣленія послѣднихъ генерацій въ независимыя особи, условія, составляющія противовѣсъ общественной жизни, профессоръ Вагнеръ говоритъ: «Наивыгоднѣйшее условіе общественной жизни у всѣхъ животныхъ заключается въ добываніи пищи въ большомъ количествѣ. Пища—это основной матеріалъ и первое средство для жизни и развитія. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе ее будетъ доставлено организму или обществу организмовъ, тѣмъ лучше; а у общества больше силъ и средствъ добыть пищу, чѣмъ у одиночнаго организма. Этотъ общій законъ приложимъ ко всѣмъ организмамъ, безъ исключенія, а въ томъ числѣ и къ многодомникамъ» (многокамернымъ корненожкамъ).

Но, помимо выгодныхъ условій, общественная жизнь представляетъ и невыгодныя стороны; у многокамерныхъ корненожекъ эта невыгодная сторона заключается въ томъ, что болѣе позднія генераціи разобщаются старья, первыя повольтія, отъ выгодныхъ вліяній вышнихъ условій. Онѣ лишаются ихъ непосредственнаго вліянія морской воды, воздуха, пищи и свѣта. Первыя условія, т. е. вода, пища и воздухъ, могутъ быть переданы; но свѣтъ никакимъ образомъ не передается. Дѣло въ томъ, что послѣднія повольтія заграждаютъ своими раковинами старья повольтія отъ всѣхъ вышнихъ, возбуждающихъ и вызывающихъ развитіе, условій. Члены этихъ старыхъ, первичныхъ повольтій, какъ жильцы внутреннихъ комнатъ громаднаго дома, почти совершенно лишены воздуха и вовсе лишены свѣта. Вотъ это послѣднее неудобство, въ связи съ размноженіемъ, и составляетъ причину и средство къ выдѣленію индивидуумовъ изъ общества».

Хотя, по поводу послѣдняго указанія, относящагося къ условіямъ выдѣленія индивидуумовъ изъ общества, и можно сдѣлать возраженія и во всякомъ случаѣ было бы крайне поспѣшно распространять его на всѣ случаи такого выдѣленія, но что касается наивыгоднѣйшихъ условій общественной жизни, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что «ближайшій результатъ, достигаемый обществомъ, есть соединеніе многихъ индивидуальныхъ силъ въ общую работу», и что «соединенныя силы

доставляютъ обществу гораздо болѣе выгоды, чѣмъ можетъ доставить себѣ каждый отдѣльный, одиночный организмъ».

Отсюда не трудно видѣть, почему среди простѣйшихъ существъ, гдѣ каждый организмъ несетъ характеръ одной кѣтки, т. е. комочка протоплазмы, покрытаго оболочкою и имѣющаго внутри ядро, почему среди простѣйшихъ существъ не встрѣчаются такія сложныя формы, какъ среди многокѣточныхъ организмовъ. Но при общемъ результатѣ, достигаемыхъ обществомъ, недостаточно, однако, принимать во вниманіе количественную сторону, такъ какъ весьма важную роль играетъ и качественная сторона. Другими словами, соединеніе индивидуальныхъ силъ въ общую работу достигается не только числомъ членовъ данной колоніи, но ихъ отношеніями другъ къ другу, т. е. характеромъ ихъ взаимодействія и степенью ихъ связности.

Факты вполне подтверждаютъ это необходимое условіе всякой ассоціаціи. Такъ, среди простѣйшихъ организмовъ, живущихъ общественной жизнью, связь между членами весьма слаба, какъ свидѣлствуютъ вышеприведенные случаи. Но по мѣрѣ перехода къ болѣе сложнымъ формамъ, ассоціація крѣпнетъ и все сильнѣе спланивается. Выѣстъ съ тѣмъ, обнаруживается одно замѣчательное явленіе, которое само по себѣ весьма краснорѣчиво говоритъ въ пользу значенія ассоціаціи въ дѣлѣ наибольшаго добыванія пищи. Дѣйствительно, если значеніе это такъ важно, какъ представлено выше, то слѣдовало бы думать, что на первыхъ именно порахъ общественная жизнь должна прежде всего выработать форму, наиболѣе отвѣчающую требованіямъ питанія.

Это априорное заключеніе вполне согласуется съ наблюдаемыми фактами. Такъ Реккель ¹⁾ показалъ рядомъ многочисленныхъ наблюденій, что у всѣхъ настоящихъ животныхъ развитіе яйца (стало быть кѣтки) въ сложную животную форму (многокѣточный организмъ) начинается съ образованія, подобнаго по строенію и внѣшнимъ очертаніямъ пищеварительной сумкѣ или желудочному мѣшку, и потому названнаго гастролой. Всѣ простѣйшія животныя, губки, низшіе черви, морскія звѣзды, членисто-ногія, мягкотѣлыя и даже низшія позвоночныя животныя—всѣ они, въ начальномъ періодѣ зародышеваго развитія, проходятъ стадію гастролы, т. е. представляютъ собою пищеварительную сумку, доказывая тѣмъ самымъ, что необходимость въ пищу, въ возможности приобрѣтать ее въ наибольшемъ количествѣ, послужила первымъ стимуломъ, начальнымъ побудительнымъ факторомъ къ общественной жизни.

Теперь не трудно даже понять, почему у нѣкоторыхъ простѣй-

¹⁾ Biologische studien. Zweiten Heft: «Studien zur Gaströa-Theorie». Jena, 1877.

шихъ животныхъ, т. е. у тѣхъ, стало быть, которыя наиболѣе приближаются къ первичной формѣ—гаструлѣ, строеніе тѣла отличается характеромъ всего болѣе приспособленномъ къ пищеварительной функціи. Таковы, напримѣръ, гидры и гидроиды. У тѣхъ и другихъ тѣло состоитъ изъ пищеварительнаго мѣшка, сидящаго на ножкѣ и снабженнаго вокругъ ротоваго отверстія цѣлымъ вѣнцомъ длинныхъ придатковъ хватательныхъ органовъ—такъ называемыхъ щупальцевъ. Эти придатки залавливаютъ добычу и передаютъ ее черезъ ротовое отверстіе во внутреннюю полость мѣшковиднаго тѣла животного.

Рядомъ съ такою идентичностью, между гидрою и гидроидомъ существуетъ и весьма знаменательное различіе. Гидра—одиночный организмъ, это результатъ непосредственной общественной жизни клѣточекъ, выработавшей форму гаструлы; тогда какъ въ сравненіи съ гидрами, гидроиды—общественные организмы; это гидры, ведущіе общественную жизнь.

Если мы обратимся къ условіямъ, опредѣлившимъ подобное различіе, если пожелаемъ узнать, какимъ образомъ одиночный организмъ превратился общественный, то увидимъ, что и здѣсь это превращеніе обусловливается явленіями размноженія. Дѣло въ томъ, что гидры и гидроиды размножаются почками; но почки гидръ, достигнувъ извѣстной границы роста, отдѣляются отъ родительскаго организма, тогда какъ почки гидроидовъ, развившись окончателно, не отдѣляются, а увеличиваютъ собою общество, соединяясь одною общою частью—стебелькомъ, на которомъ сидятъ всѣ эти организмы. И такъ, въ данномъ случаѣ условія превращенія гидры изъ одиночнаго организма въ общественный, тѣ же, что и въ случаѣ соединенія въ асоціацію біоновъ, именно, не полное отдѣленіе новообразовавшагося организма.

Но явленіе асоціаціи можетъ быть прослѣжено еще дальше. Сравненіе гидроидовъ съ медузовидными организмами и эмбриональное развитіе послѣднихъ представляетъ дальнѣйшіе примѣры важнаго значенія общественности. Если собраніе гидръ даетъ гидроидную форму, то соединеніе двухъ гидроидовъ, какъ-бы вложенныхъ одинъ въ другой, представляетъ собою ту, болѣе полную и совершенно уже отличную отъ предыдущей форму, которою характеризуется медуза.

Если мы представимъ себѣ полупрозрачный колокольчикъ, у котораго вмѣсто зычка свѣшивается книзу питающая трубка съ ротовымъ отверстіемъ въ концѣ, — колокольчикъ, съ краевъ котораго опускаются внизъ длинныя и тонкія нити—щупальцы, а внутри питательной трубки или въ самомъ колоколѣ развиваются половые органы, то будемъ имѣть общее представленіе о медузѣ. Такая медуза, какъ показываютъ изслѣдованія, развивается изъ гидроида, т. е., говоря иначе, проходитъ гидроидную фазу прежде, чѣмъ достигнуть пол-

наго развитія, а затѣмъ уже она отдѣляется отъ общаго стебелька, на которомъ выросла и упирается.

Сравненіе медузы съ гидроидомъ показываетъ, что она болѣе сложный организмъ. Медуза снабжена питательными каналами, зачатками кровеносной системы и нервной системою—органами чувствъ. Ничего этого нѣтъ у гидроидовъ. Гидроидъ обреченъ на сидячую пассивную жизнь; онъ постоянно остается на стебелькѣ, прикрѣпленномъ къ какому нибудь камню или другому подводному предмету. Медуза же—дѣятельный организмъ, свободно переносимый съ мѣста на мѣсто. Вотъ это-то обстоятельство и даетъ ей перевѣсъ надъ гидроидомъ.

Наконецъ, въ дополненіе къ только что указанному превращенію, необходимо еще принять во вниманіе, что существуетъ цѣлая группа крупныхъ медузъ, у которыхъ гидроидная фаза развитія становится меньше, короче; ея гидроидъ отличается весьма малыми размѣрами, сравнительно съ медузою; у болѣе совершенныхъ эта проходная фаза постепенно сокращалась, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ и здѣсь уже гидроидъ вполне превращается въ медузу. «Въ этомъ превращеніи есть одно обстоятельство необыкновенной важности, говоритъ Вагнеръ,—есть одинъ законъ, который равно обязателенъ для низшихъ и высшихъ организмовъ. Гидроиды—организмы общественные; медузы—организмы одиночные, болѣе сложные, развитые, и это осложненіе выработалось посредствомъ общественной жизни. Слѣдовательно, развитіе, осложненіе жизни и организаціи вырабатывается посредствомъ формъ, живущихъ общественною жизнью».

Такое значеніе ассоціаціи, ея вліяніе на развитіе формъ. Но послѣднее выяснится еще опредѣленнѣе, если мы сопоставимъ медузы съ сифонофорами или трубчатниками; первые относятся ко вторымъ, какъ гидры къ гидроидамъ. Другими словами: трубчатники—это общественныя медузы, подобно тому, какъ гидроиды—общественныя гидры; но у первыхъ вліяніе общественнаго развитія на сліяніе организмовъ въ одно цѣлое выражено много рѣзче и, вообще говоря, достигаетъ весьма широкихъ размѣровъ.

Въ общихъ чертахъ сифонофоры состоятъ изъ длиннаго стебля, усаженнаго множествомъ питательныхъ трубокъ, около которыхъ помѣщаются нитевидные щупальцы для залавливанія добычи, а между ними расположены пластинки-поплавки, которыми удерживается на водѣ колонія. На верху такого стебля размѣщены рядами плавательныя медузообразныя волокола, а на самой верхушкѣ находится пузырекъ, въ которомъ совершается обмѣнъ газовъ; наконецъ, на томъ же стеблѣ разбросаны половые органы. Всѣ эти образованія, взятые вмѣстѣ, и составляютъ колонію трубчатниковъ. Каждый изъ индивидуумовъ, связанныхъ стебелькомъ въ общество, выполняетъ здѣсь роль органа,

т. е. завѣдуетъ отдѣльною специальною работою. Это показываетъ, что раздѣленіе физиологическаго труда между членами колоніи доведено здѣсь до значительной степени.

Но здѣсь одно обстоятельство въ особенности обращаетъ на себя вниманіе. «Если мы посмотримъ на всѣ формы сифонофоровъ, говоритъ Вагнеръ,—то поймемъ, что такое растянутое, разбросанное положеніе органовъ неудобно и невыгодно. И вотъ органы начинаютъ сближаться, сосредоточиваться, и у высшихъ формъ длинный стебель совершенно исчезаетъ. Число органовъ сокращается, причемъ, срастаясь вмѣстѣ, они выигрываютъ въ величинѣ, и весь организмъ представляетъ собранную, концентрированную, такъ сказать, компактную форму. Если бы это явленіе дошло до конца, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ всѣхъ органовъ-индивидуумовъ осталось бы только по одному, и весь организмъ превратился бы въ одиночный, причемъ онъ безспорно выигралъ бы въ своемъ осложненіи. Нѣчто подобное мы дѣйствительно встрѣчаемъ у высшихъ сифонофоровъ—парусника и кружалки».

Всѣ подобныя явленія, взятая вмѣстѣ, свидѣтельствуютъ, конечно, что осложненіе формъ совершается общественною жизнью и должно пройти черезъ періодъ спеціализаціи, раздѣленія физиологическаго труда, и собиранія, сосредоточиванія индивидуумовъ». Правда, на такое заключеніе можно возразить, что оно встрѣчаетъ много исключеній; Профессоръ Вагнеръ и не отрицаетъ существованія такихъ исключеній, но, по его мнѣнію, исключенія эти относятся къ формамъ, нынѣ живущимъ. Однако, «дожившія до насъ общественныя и одиночныя формы ясно говорятъ намъ, что въ прежнее время всѣ формы животныхъ должны были пройти чрезъ этотъ путь общественнаго развитія».

И такъ, основное положеніе, выведенное изъ вышеразсмотрѣнныхъ фактовъ, остается въ своей силѣ, и профессоръ Вагнеръ слѣдующимъ образомъ формулируетъ это положеніе. Сначала организмы появляются одиночными. Затѣмъ, когда между ними является связь, они становятся общественными, и эта общественная форма вырабатываетъ опять одиночныя формы, но только болѣе сложныя и развитыя».

Перейдя затѣмъ къ обществамъ животныхъ, неимѣющихъ матеріальной связи, и указавъ на то, что и здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, основаніемъ и конечною цѣлью общества служить размноженіе и построенное на немъ раздѣленіе физиологическаго труда (пчелы, муравьи), а иногда, выработанныя силою полезности общественныя привычки и симпатіи, — профессоръ Вагнеръ приходитъ, въ концѣ концовъ, къ слѣдующему заключенію:

«Если починъ труда, обособленіе органовъ, выработка болѣе спеціализированныхъ и принадлежить въ большинствѣ случаевъ одиноч-

нимъ организмамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что наибольшей силы и ясности достигаютъ эти явленія въ средѣ общественной. Основной принципъ общественности есть соединеніе силъ, суммирование работы. Основное средство—это общественная связь, являющаяся или въ видѣ общихъ органовъ, соединяющихъ всѣ индивидуумы, или въ формѣ раздѣленія физиологическаго труда, или, наконецъ, въ формѣ общественныхъ привычекъ и симпатій». Такимъ образомъ, если бы не было общественности, то у животныхъ организмовъ не имѣлось бы силъ подняться на ту ступень, на которой стоятъ въ данное время высшія формы царства животныхъ».

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о значеніи общественности тамъ, гдѣ она достигается помимо непосредственной, прямой, матеріальной связи, и ограничиваясь исключительно явленіями, относящимися къ послѣдней категоріи, мы найдемъ, что основныя положенія, высказанныя выше, вполне подтверждаются также вышеупомянутыми изслѣдованіями французскаго зоолога Перье.

Этотъ ученый, рядомъ обстоятельнаго обзора многочисленныхъ данныхъ сравнительной анатоміи и эмбриологіи, приходитъ въ свою очередь къ тому же заключенію, относительно значенія общественности въ дѣлѣ происхожденія и развитія животныхъ формъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изслѣдуетъ условія, которыми опредѣляется также другая общественная форма, и такимъ образомъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ, какая именно общественная форма и по какой причинѣ наиболѣе содѣйствуетъ развитію высшей животной организациі. Вопросъ этотъ, само-собою разумѣется, первѣйшей важности, и вотъ къ его именно разсмотрѣнію мы теперь и перейдемъ.

Предъидущій обзоръ фактовъ показываетъ, что основной принципъ общественности есть соединеніе силъ, суммирование работы, и что поэтому явленія развитія достигаютъ наибольшей силы и ясности въ средѣ общественной. Но такое заключеніе не даетъ однако отвѣта на нѣкоторые несомнѣнно важные вопросы, и не только не даетъ отвѣта, а какъ бы противорѣчить самимъ явленіямъ, порождающимъ данные вопросы.

Въ самомъ дѣлѣ, если общественность дѣйствительно играетъ такую важную роль, какая ей приписывается, то какъ же объяснить тогда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ проявленіе ея несомнѣнно—развитіе тѣмъ не менѣе обнаруживается весьма слабо и оказывается недостаточнымъ для полученія тѣхъ результатовъ, которые наблюдаются въ другихъ случаяхъ. Отчего, напримѣръ, среди растительнаго царства, именно въ высшихъ, многокѣлочныхъ, гдѣ всѣ организмы общественныя, мы тѣмъ не менѣе не встрѣчаемъ такихъ развитыхъ формъ, какъ среди животныхъ? И какимъ образомъ объяснить тотъ фактъ,

что между животными влияніе общественности сказывается не всегда одинаково и не исключает возможности происхожденія низших формъ.

Очевидно, это прежде всего заставляетъ заключить, что не всякая форма общественности одинаково содѣйствуетъ развитію высшихъ животныхъ формъ; а если мы признаемъ, что основнымъ условіемъ развитія организациі служить возможно большее раздѣленіе физиологическаго труда, то должны будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что не при всякой общественной формѣ это раздѣленіе физиологическаго труда достигаетъ требуемой интенсивности.

И такъ, гдѣ слѣдуетъ искать причины всѣмъ этимъ особенностямъ? Приступая къ рѣшенію даннаго вопроса, Перье обращаетъ прежде всего вниманіе на условія, при которыхъ происходитъ начальное соединеніе элементарныхъ организмовъ въ общество. Источникомъ такого соединенія служить, какъ мы видѣли выше и какъ признаетъ также Перье, неполное отдѣленіе молодого, новообразовавшагося организма отъ материнскаго.

Очевидно, что такое неполное отдѣленіе возможно только въ случаѣ безполага размноженія, достигаемаго или дѣленіемъ или почкованіемъ и называемаго часто метагенезисомъ, и что поэтому участіе въ образованіи колоніи могутъ принимать или одноклѣточные образования, біоны, вообще пластиты, или ближайшія соединенія послѣднихъ въ группы, первичныя многоклѣточные формы, которые Перье называетъ меридами. Образчикомъ такихъ формъ можетъ служить личиночная стадія губокъ, медузъ, гидръ, иглокожихъ, моллюсковъ, ракообразныхъ и проч.

Мериды могутъ жить одиночною жизнью и тогда онѣ являются въ видѣ простѣйшихъ многоклѣточныхъ формъ, непосредственно слѣдующихъ за одноклѣточными; или же онѣ, не раздѣляясь, живутъ вмѣстѣ, образуя собою колонію, и въ послѣднемъ случаѣ входятъ, какъ частіи, въ составъ болѣе сложныхъ организмовъ, нерѣдко обозначенныхъ животнымъ типомъ.

Такимъ образомъ каждое животное, въ строгомъ смыслѣ этого слова, можетъ быть рассматриваемо какъ собраніе болѣе или менѣе специализированныхъ и опредѣленно расположенныхъ между собою меридъ. Отсюда уже ясно, что характеръ расположенія меридъ и условія, его опредѣляющія, должны оказывать самое существенное влияніе на происхожденіе той или другой животной формы. А такъ какъ, съ другой стороны, это расположеніе меридъ зависитъ отъ того, въ какомъ направленіи выпочковывается первичная мериды, дающая начало всей колоніи и называемая Перье протомеридой, то очевидно, что на

условія метагенезиса послѣдней необходимо прежде всего обратить вниманіе.

Исслѣдованіе образа жизни протомеридъ показываетъ, что относительно разсматриваемаго явленія возможны два случая: или протомериды, проплававъ свободно нѣкоторое время, прикрѣпляется затѣмъ къ какому нибудь предмету и здѣсь уже начинаетъ размножаться, выпочковывать новыя мериды; или, если она тяжелѣе воды и съ тѣмъ вмѣстѣ стремится сохранить свободу перемѣщенія, она опускается на дно и здѣсь ползаетъ, здѣсь разтискиваетъ себѣ пищу.

Само собою разумѣется, что въ этихъ двухъ различныхъ случаяхъ и явленія метагенезиса должны обнаруживаться въ различныхъ направленіяхъ. Въ первомъ случаѣ, въ случаѣ свободного плаванія или прикрѣпленія къ постороннему предмету, отдѣляемая протомеридой новыя мериды могутъ одинаково хорошо выпочковываться по всѣмъ направленіямъ около общаго своего центра или около общей оси прикрѣпленія. И если такая колонія, въ концѣ концовъ, достаточно сплотится, то происшедшая отсюда животная форма будетъ отличаться лучистымъ сложеніемъ или древовиднымъ, примѣромъ чему могутъ служить полипняки.

И дѣйствительно, не существуетъ, говоритъ Перье,—ни одного лучистаго животнаго, по отношенію къ которому нельзя было бы не доказать, что они произошли указаннымъ здѣсь путемъ. Кромѣ того, несомнѣнно также заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что прикрѣпленіе къ почвѣ обуславливаетъ и среди животныхъ происхожденіе древовидныхъ формъ, столь обыкновенныхъ въ растительномъ мірѣ. Тамъ и тутъ, однѣ и тѣ же причины—отсутствіе свободного перемѣщенія, ведутъ въ общемъ, къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, къ одному и тому же взаимному расположенію членовъ колоніи. Этими и объясняется то замѣчательное сходство во внѣшнихъ чертаціяхъ между полипнякомъ и древовиднымъ растеніемъ, въ виду котораго, прежде, первые отождествлялись съ послѣдними.

Если мы обратимся теперь ко второму случаю, къ случаю свободного перемѣщенія протомериды на днѣ моря, то увидимъ, что здѣсь уже условія для метагенезиса совершенно иныя. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно представить себѣ мягкое легко-подвижное, легко уступающее давленію тѣло, свободно перемѣщающееся, ползущее по твердому предмету, чтобы понять, что въ данномъ случаѣ выпочковываніе новыхъ меридъ не можетъ происходить по всѣмъ направленіямъ, что оно всего легче будетъ обнаруживаться въ направленіи, противоположномъ перемѣщенію протомериды, т. е., стало быть, въ направленіи линейномъ, каковымъ характеромъ будетъ отличаться и та животная форма, которая имѣетъ произойти изъ этой колоніи.

Съ другой стороны, совершенно понятно, что это линейное расположение, заключаетъ въ себѣ необходимыя условія къ выработкѣ, путемъ специализаціи и раздѣленія физиологическаго труда, такихъ противоположныхъ частей, какъ передняя и задняя, боковая, спинная и брюшная части.

Простѣйшій случай такой линейной формы представляютъ между прочимъ кольчатые черви, изъ которыхъ каждый можетъ быть разсматриваемъ какъ специализировавшаяся мериды, и исторія индивидуальнаго развитія этихъ животныхъ показываетъ, что ихъ кольчатость обязана своимъ происхожденіемъ послѣдовательному выпочковыванію сегментовъ, въ линейномъ направленіи, спереди къ заду, т. е. вначалѣ, на первой стадіи своего развитія, кольчатые черви являются въ видѣ личинки, совершенно подобной протомеридѣ, затѣмъ изъ нея вырастаютъ одинъ за другимъ новые сегменты, причѣмъ протомериды обособляется въ передній сегментъ, въ голову.

Если мы допустимъ теперь, что мериды, принимающія общее участіе въ той или другой функціи, постепенно сливаются между собою, то увидимъ тогда, что кольчатость сложена должна будетъ уступить мѣсто болѣе компактной, болѣе цѣлостной линейной формѣ, какой, на примѣръ, отличается типъ членисто-ногихъ.

Наконецъ, указанной же здѣсь линейной колоніи обязанъ своимъ происхожденіемъ и типъ позвоночныхъ. Это доказывается изслѣдованіями Земпера и Бальфура, показавшими, что зародышъ акулы обнаруживаетъ рядъ сегментацій, совершенно подобныхъ сегментамъ кольчататаго червя. Однимъ словомъ, линейное образованіе колоніи, служитъ источникомъ происхожденія высшихъ животныхъ формъ, и это именно потому, что линейное расположеніе допускаетъ возможность наибольшаго раздѣленія физиологическаго труда между членами колоніи.

И такъ, мы еще разъ можемъ повторить: каждый организмъ, каждая сложная животная форма, есть результатъ асоціаціи простѣйшихъ формъ—меридъ; причѣмъ характеръ взаимнаго расположенія послѣднихъ опредѣляетъ собою характеръ сложена первыхъ. Таково значеніе общности въ явленіяхъ развитія животныхъ формъ.

Эльпе

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ ГОМЕОПАТИИ.

28 мая состоялось открытіе с.-петербургскаго общества послѣдователей гомеопатіи. Въ этомъ собраніи были избраны члены правленія общества, которые, затѣмъ, въ свою очередь, избрали своимъ предсѣдателемъ Д. И. Журавскаго. Такъ какъ въ Петербургѣ уже существуетъ «общество врачей-гомеопатовъ», то, какъ мы слышали, одною изъ первыхъ заботъ правленія новаго общества является предложеніе прежнему обществу слиться съ новымъ на основаніяхъ, выработанныхъ по обоюдному соглашенію, и съ тѣмъ, чтобы врачи-гомеопаты сохранили вполнѣ свои спеціальныя собранія съ научною цѣлью, но передали бы содержаніе устроенной ими гомеопатической лечебницы и вообще всю хозяйственную часть въ руки правленія, въ составъ котораго они могутъ быть избраны на общемъ основаніи. Это слитіе двухъ обществъ въ одно цѣлое представляется весьма желательнымъ и даже необходимымъ въ интересахъ дѣла, и мы увѣрены, что этому не встрѣтится затрудненія, такъ какъ только при дружномъ содѣйствіи людей науки, т. е. врачей и фармацевтовъ-гомеопатовъ съ одной стороны, и людей, дающихъ средства и употребляющихъ мѣры для образованія денежнаго фонда—съ другой стороны, можно будетъ достигнуть успѣха, т. е. образовать необходимый контингентъ врачей и фармацевтовъ-гомеопатовъ и устроить лечебницы и клиники, въ которыхъ больные могли бы пользоваться по гомеопатическому способу у свѣдущихъ и научно-образованныхъ специалистовъ-врачей.

Мы слышали также, что въ средѣ желѣзнодорожнаго міра возникла

мысль: устроить больницу въ память усопшаго государя императора Александра II и что больницу эту, по иниціативѣ Д. И. Журавскаго, предполагается сдѣлать гомеопатическою, для чего уже и собрано около 70 тысячъ рублей. Если это справедливо, то дѣло общества встанетъ разомъ на твердую ногу и не погибнетъ, тѣмъ болѣе, что, сколько намъ извѣстно, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Н. П. Игнатьевъ лично принадлежитъ къ сторонникамъ гомеопатіи, къ ея паціентамъ.

Прилагаемъ при семъ уставъ новаго с.-петербургскаго общества послѣдователей гомеопатіи и списокъ его учредителей.

На подлинномъ написано: «Утверждаю. Мая 2 дня 1881 г. За министра внутреннихъ дѣлъ, товарищъ министра, статсъ-секретарь Кахановъ».

Върно: вице-директоръ медицинскаго департамента Мамоновъ.

УСТАВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА

ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ ГОМЕОПАТИИ.

I.

Цѣль учрежденія.

§ 1. Общество учреждается съ цѣлью устройства и содержанія, на собственный счетъ, гомеопатическихъ больницъ съ постоянными кроватями и лечебницъ для приходящихъ больныхъ, въ видахъ оказанія медицинской помощи лицамъ всѣхъ званій, за умѣренную плату, а бѣднымъ по возможности бесплатно.

II.

Составъ общества.

§ 2. Общество состоитъ изъ учредителей и неограниченнаго числа дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ.

Кн. VII.—Июль, 1881.

§ 3. Учредителями именуются подписавшіе настоящей проектъ устава, которымъ принадлежитъ починъ учрежденія общества. Учредители, по желанію, жертвуютъ въ кассу общества одновременно и освобождаются навсегда отъ обязательныхъ денежныхъ взносовъ.

§ 4. Членами общества могутъ быть лица какъ мужскаго пола, такъ и женскаго пола, безъ различія званія, уплатившіе въ кассу общества опредѣленную сумму (§§ 7 и 8).

§ 5. Лица, желающія поступить въ число членовъ общества, заявляютъ о томъ правленію общества, лично, или черезъ одного изъ членовъ общества и зачисляются безъ баллотировки.

III.

Средства общества.

§ 6. Денежныя средства общества состоятъ изъ обязательныхъ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій. Дозволяется обществу устраивать въ пользу гомеопатическихъ лечебныхъ заведеній публичныя чтенія, концерты и спектакли, на что испрашивается всякій разъ разрѣшеніе подлежащаго начальства.

§ 7. Дѣйствительные члены общества вносятъ въ кассу его ежегодно къ 1 января, за годъ впередъ, не менѣе трехъ рублей.

§ 8. Почетные члены общества вносятъ въ его кассу не менѣе ста рублей и затѣмъ отъ ежегодныхъ обязательныхъ взносовъ освобождаются.

§ 9. Независимо отъ сего, по баллотировкѣ общаго собранія, званіе почетнаго члена можетъ быть присвоиваемо и безъ обусловленныхъ въ § 8 денежныхъ взносовъ, оказавшимъ дѣлу гомеопатіи покровительство или особыя услуги. Кандидаты къ баллотировкѣ въ почетные члены могутъ быть предложены правленіемъ или десятью членами общества.

§ 10. Лица, внесшія опредѣленные §§ 7 и 8 платежи, поступаютъ безъ баллотировки въ число членовъ общества, о чемъ и получаютъ отъ правленія общества членскій билетъ. Каждому изъ вновь поступающихъ въ общество членовъ выдается одинъ экземпляръ устава и списокъ личнаго состава общества.

§ 11. Въ случаѣ взноса почетными или дѣйствительными членами болѣе, противъ назначенной §§ 7 и 8 суммы, весь излишекъ отъ обязательныхъ взносовъ причисляется къ пожертвованіямъ.

§ 12. О всѣхъ пожертвованіяхъ, какъ членовъ общества, такъ и

лицъ не принадлежащихъ къ составу онаго, публикуется по временамъ въ одномъ изъ столичныхъ періодическихъ изданій.

§ 13. Какъ членскіе взносы, такъ и пожертвованія поступаютъ въ правленіе общества, которое въ принятіи денегъ выдаетъ печатныя, за своимъ подписомъ, квитанціи, оставляя талоны въ числѣ денежныхъ документовъ.

§ 14. Для усиленія средствъ общества, по постановленію правленія, могутъ быть выдаваемы нѣкоторымъ членамъ общества шнуровыя на сборъ пожертвованія книжки. Дозволеніе на это должно быть испрашиваемо чрезъ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Члены-сборщики выдаютъ жертвователямъ печатныя за своимъ подписомъ, квитанціи, сдавая правленію подъ росписку, какъ полученныя деньги, такъ и талоны выданныхъ квитанцій.

§ 15. Дѣйствительные члены, невозобновившіе къ 1-му января годоваго членскаго взноса, считаются выбывшими изъ общества и исключаются изъ списковъ. Впрочемъ, правленію предоставляется право назначать для сего, по своему усмотрѣнію, отсрочку, не превышающую одного мѣсяца.

IV.

Управленіе дѣлами общества:

а) ПРАВЛЕНІЕ.

§ 16. Дѣлами общества завѣдываетъ правленіе, состоящее изъ шести членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на три года.

§ 17. Ежегодно изъ состава правленія выбываютъ по жребію два члена. Каждый выбывающій членъ можетъ быть вновь избранъ въ это званіе, или избираются два новые члена.

§ 18. Сверхъ шести членовъ правленія, избираются къ нимъ три кандидата, изъ числа лицъ, получившихъ, вслѣдъ за избранными членами, большее число голосовъ.

§ 19. Члены правленія могутъ быть избираемы изъ числа какъ учредителей, такъ равно дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ общества, мужскаго или женскаго пола безразлично.

§ 20. Члены правленія не получаютъ за свои труды никакого денежнаго вознагражденія.

§ 21. Всѣ члены правленія одинаково отвѣтственны передъ общимъ собраніемъ за цѣлость суммъ и имущество общества, а также и по всѣмъ вопросамъ, касающимся общества.

§ 22. Члены правленія избираютъ ежегодно изъ своей среды: предсѣдателя, казначея и секретаря правленія.

§ 23. Предсѣдатель правленія открываетъ и закрываетъ засѣданія правленія, предлагаетъ вопросы для обсужденія, руководитъ преніями, наблюдаетъ за порядкомъ и устраняетъ сужденія, неотносящіяся къ предметамъ занятій общества.

§ 24. Секретарь составляетъ протоколы, отчеты о дѣйствіяхъ общества и вообще завѣдываетъ дѣлопроизводствомъ.

§ 25. Казначей завѣдываетъ капиталами общества, расходуетъ потребныя суммы по распоряженію правленія, ведетъ прихода-расходныя книги, составляетъ годовые денежные отчеты, хранитъ денежные документы и вообще завѣдываетъ кассою и счетною частью общества.

§ 26. Принадлежащія обществу суммы должны храниться въ государственномъ банкѣ: въ наличныхъ деньгахъ на текущемъ счету, или въ процентныхъ бумагахъ, гарантированныхъ правительствомъ. На рукахъ же казначея можетъ быть лишь незначительная сумма, непревышающая пятисотъ рублей.

§ 27. Вообще правленіе въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется особой инструкціей, утвержденной общимъ собраніемъ.

§ 28. Засѣданія правленія назначаются предсѣдателемъ правленія, по соглашенію съ остальными членами, въ неопредѣленные сроки, смотря по надобности и поступленію дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію.

§ 29. О всѣхъ распоряженіяхъ правленія составляются протоколы за подписью присутствующихъ въ засѣданіи членовъ.

§ 30. Всѣ дѣла правленія обсуждаются и рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ же раздѣленія голосовъ поровну, голосъ предсѣдателя или заступающаго его мѣсто, даетъ перевѣсъ.

§ 31. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя въ день засѣданія, правленіе избираетъ временнаго предсѣдателя на одно засѣданіе изъ числа наличныхъ членовъ; точно также въ случаѣ болѣзни или временнаго отсутствія кого-либо изъ членовъ правленія, для исполненія обязанностей отсутствующаго, приглашаются кандидаты.

§ 32. Членъ, выбывающій изъ правленія, обязанъ сдать вновь поступающему на его мѣсто, въ присутствіи прочихъ членовъ правленія, всѣ дѣла, суммы и проч., равно сообщить необходимыя свѣдѣнія по управленію дѣлами общества.

§ 33. Рѣшенія правленія имѣютъ обязательную силу, если въ засѣданіи присутствуетъ не менѣе трехъ членовъ.

б) ОБЩЕЕ СОВРАНИЕ ЧЛЕНОВЪ.

§ 34. Общія собранія членовъ бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя; первыя созываются въ январѣ каждаго года, а послѣднія— въ случаѣ надобности, по усмотрѣнiю правленiя, или по требованiю не менѣе десяти членовъ общества.

§ 35. Обыкновенныя общія собранія въ январѣ мѣсяцѣ созываются правленiемъ для выслушанiя годичнаго отчета о дѣйствiяхъ общества и о движенiи суммъ за истекшiй годъ, считая оный съ 1 января, для утверждениа отчета и смѣты расходовъ на будущiй годъ и для выбора членовъ правленiя. Въ случаѣ надобности, на обсужденiе и разрѣшенiе общаго собранiя предлагаются дѣла о дополненiи и измѣненiи устава, о возможности и своевременности учреждениа гомеопатическихъ лечебныхъ заведенiй и вообще по всѣмъ вопросамъ, касающимся состоянiя общества и его средствъ.

§ 36. Общее собранiе считается дѣйствительнымъ, если въ засѣданiи присутствуетъ одна пятая ($\frac{1}{5}$) часть членовъ общества.

§ 37. Годовой отчетъ о движенiи суммъ или утверждается окончательно общимъ собранiемъ, которому представляются приходо-расходныя книги и денежные документы, или же избираются общимъ собранiемъ, для обревизованiя и утверждениа отчета, а равно и для повѣрки кассы, особая комисиа—ревизионная.

§ 38. Протоколь общаго собранiя должны быть подписаны, по возможности, всѣми членами, присутствующими въ собранiи.

§ 39. Чрезвычайныя общія собранiя ограничиваются обсужденiемъ и рѣшенiемъ тѣхъ вопросовъ, по поводу коихъ они созваны.

§ 40. Предсѣдатель и секретарь общаго собранiя избираются въ общемъ собранiи простымъ большинствомъ голосовъ на три года.

§ 41. Всѣ дѣла въ общемъ собранiи членовъ обсуждаются и рѣшаются окончательно простымъ большинствомъ голосовъ, открытою баллотировкою. Исключенiе составляютъ избранiя: почетныхъ членовъ общества, членовъ правленiя, кандидатовъ къ нимъ и членовъ ревизионной комисиа. Лица сiи считаются избранными, если по произведенной закрытой баллотировкѣ получаютъ не менѣе двухъ третей избирательныхъ шаровъ.

§ 42. Каждый членъ общества, желающiй сдѣлать въ общемъ собранiи сообщенiе или предложить на обсужденiе собранiя вопросъ, долженъ заявить о томъ правленiю не позже, какъ за недѣлю до общаго собранiя.

§ 43. Всѣмъ членамъ общества, с.-петербургскому градоначальнику и врачебному управленiю, а равно представителямъ столичной печати

разсылается не позже, какъ за двѣ недѣли до общаго собранія, извѣщенія о назначенномъ днѣ, часѣ и мѣстѣ собранія, вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ годоваго отчета о движеніи суммъ и списовъ личнаго состава общества.

§ 44. Общія собранія членовъ происходятъ публично и гласно, съ допущеніемъ присутствованія, но безъ права голоса, всѣхъ кто интересуется дѣлами общества.

V.

Права общества.

§ 45. По собраніи достаточнаго капитала общество приступаетъ къ осуществленію своей цѣли, т. е. къ устройству гомеопатическихъ лечебницъ для приходящихъ, а также больницъ съ постоянными кроватями, о которыхъ предварительно ихъ открытія, долженъ быть представленъ на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ проектъ устава.

§ 46. Общество имѣетъ право при гомеопатической лечебницѣ открывать гомеопатическую аптеку, собственно для пользованія больныхъ, находящихся въ лечебницѣ.

§ 47. Общество имѣетъ право устроить и открывать для пользованія ея членовъ библиотеку, преимущественно медицинскихъ книгъ и періодическихъ изданій.

§ 48. Общество имѣетъ право издавать гомеопатическій журналъ, програма котораго должна быть одобрена правительствомъ.

§ 49. Если уставъ общества окажется недостаточнымъ впоследствии, то общество имѣетъ право ходатайствовать объ измѣненіи и дополненіи онаго.

§ 50. Общество имѣетъ печать съ изображеніемъ бюста Ганемана и съ надписью: «с.-петербургское общество гомеопатовъ».

§ 51. Въ случаѣ закрытія общества, рѣшеніе вопроса о назначеніи принадлежащихъ ему капиталовъ и имущества, предоставляется общему собранію членовъ.

Подписаль: вице-директоръ Мамоновъ.

Скрѣпилъ: начальникъ отдѣленія А. Холодевскій.

УЧРЕДИТЕЛИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА

ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ ГОМЕОПАТІИ.

- Адлербергъ, графиня Екатерина Николаевна.
 Алонкинъ, Николай Ивановичъ, потомственный почетный гражда-
 нинъ.
 Аракинъ, Александръ Тихоновичъ, статскій совѣтникъ.
 Базилювскій, Александръ Александровичъ, дѣйствительный статскій
 совѣтникъ.
 Баринъ, Николай Ивановичъ, скульпторъ.
 Бобринскій, графъ, Алексѣй Александровичъ, губернский предводи-
 тель дворянства.
 Богдановскій, Николай Павловичъ, тайный совѣтникъ.
 Вронкинъ, Павелъ Афанасьевичъ, надворный совѣтникъ.
 Брунн, Александръ Константиновичъ, академикъ.
 Быстрова, Екатерина Дмитриевна.
 Васильевъ, Василій Александровичъ, дѣйствительный статскій совѣт-
 никъ.
 Венгракиновичъ, Фадей Ивановичъ, статскій совѣтникъ.
 Владимірскій, Викторъ Викторовичъ, полковникъ.
 Владимірскій, Евгенийъ Викторовичъ, полковникъ.
 Воронцова, свѣтлѣйшая княгиня, Марія Васильевна.
 Врангель, баронеса, Наталія Николаевна.
 Вяземская, княгиня, Марія Петровна.
 Галль, Александръ Александровичъ, генераль-адъютантъ.
 Гельфрейхъ, Константинъ Егоровичъ, надворный совѣтникъ.
 Граббе, графъ, Николай Павловичъ.
 Гречъ, Евгенія Ивановна, инспектриса школы глухо-нѣмыхъ.
 Григорьевъ, Яковъ Ивановичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ.
 Дерижерь, Софья Васильевна.
 Диринъ, Сократъ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ.
 Долинскій, Артуръ Станиславовичъ, статскій совѣтникъ.
 Домелунксенъ, Любовь Николаевна.
 Журавскій, Дмитрій Ивановичъ, тайный совѣтникъ.
 Журавскій, Николай Ивановичъ, статскій совѣтникъ.
 Захаровъ, Николай Николаевичъ, потомственный почетный гражда-
 нинъ.
 Зиновьева, Лидія Петровна.

- Имеретинскій, свѣтлѣйшій князь, Александръ Константиновичъ.
 Кариѣвъ, Николай Сергѣевичъ, коллежскій совѣтникъ.
 Келлеръ, графиня, Нина Оскаровна.
 Кербедцъ, Станиславъ Валеріановичъ, тайный совѣтникъ.
 Клейнмихель, графиня, Марія Оскаровна.
 Кшиперъ, Александръ Христофоровичъ, капитанъ.
 Козловъ, Иванъ Моисеевичъ, с.-петербургскій купецъ.
 Мердеръ, Петръ Карловичъ, генераль-адъютантъ.
 Мингрельскій, свѣтлѣйшій князь, Николай Давыдовичъ.
 Мосолова, Антонина Ивановна.
 Ольхина, Марія Сергѣевна, начальница маринскаго института.
 Павлиновъ, Яковъ Ивановичъ, лейтенантъ.
 Пенъковскій, Викторъ Осиповичъ.
 Пенъковскій, Иванъ Осиповичъ, коллежскій секретарь.
 Петровскій, Онуфрій Ивановичъ, генераль-маіоръ.
 Пилеръ, Анна Карловна.
 Рихтеръ, Евдокія Андреевна.
 Ростовцева, графиня, Вѣра Николаевна.
 Рудыковскій, Александръ Евстафьевичъ, инженеръ корабельнаго вѣ-
 домства.
 Сабиръ, Николай Осиповичъ, титулярный совѣтникъ.
 Саловъ, Василій Васильевичъ, тайный совѣтникъ.
 Саломирская, Марія Александровна.
 Соловьевъ, Павелъ Васильевичъ, надворный совѣтникъ.
 Тизенгаузенъ, графиня, Екатерина Федоровна.
 Тимашева, Екатерина Александровна.
 Тимовскій, Николай Николаевичъ.
 Треповъ, Федоръ Федоровичъ, генераль-адъютантъ.
 Ферреро, Екатерина Афанасьевна.
 Шипова, Софья Павловна.
 Шубертъ, Василій Антоновичъ, профессоръ.
 Ястржемскій, Станиславъ Николаевичъ.

ОТЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ.

Въ 14 день февраля 1881 года Высочайше разрѣшено открыть сборъ пожертвованій на устройство училища имени **Николая Васильевича Гоголя**, на мѣстѣ его родины, согласно ходатайству Полтавскаго земства. Мысль почтить великую память писателя на мѣстѣ родины, имя которой такъ тѣсно связалъ онъ съ своимъ именемъ, не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ. Губернская управа не беретъ на себя смѣлости мотивировать настоящее приглашеніе къ пожертвованію оцѣнкой литературныхъ заслугъ безмертнаго автора „Мертвыхъ душъ“, ихъ слишкомъ сознаетъ Россія. Отерывая въ настоящее время подписку, Полтавская губернская управа полагаетъ, что благодарность великому наставнику-поэту обезпечить достойное осуществленіе памятника творцу незабвенныхъ произведеній.

Подписка принимается во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управахъ, губернскихъ предводителей дворянства, городскихъ головъ и другихъ должностныхъ лицъ, а равно и въ редакціяхъ газетъ, снабженныхъ подписными листами.

Предсѣдатель Полтавской
губернской земской управы **Заленскій**.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ

ПО

ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ.

Л. К. Попова.

СОДЕРЖАНИЕ:

- Очеркъ 1. Индивидуальность и развитіе.
› 2. Единство жизни и питаніе.
› 3. Жизненная единица и свѣтъ.
› 4. Теорія Негели о броженіи.
› 5. О происхожденіи домашнихъ животныхъ.
› 6. Происхожденіе живописи.

Цѣна 1 р 25 в. съ перес. 1 р 50 в.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго магазина А. Цинзерлинга.

Невскій просп. 80

1881

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РЪЧИ“

С.-Петербургъ, Прачешный переулкъ, 5.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, въ числѣ мѣсяца 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16 —
съ пересылкой	17 —
за границу: въ Европу	} 18 —
Сѣверную Америку и Египетъ	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разорочка платы по третью:

	при подпискѣ	въ 1 Маѣ	1 Октября
безъ доставки	7 р.	5 р.	5 р.
съ доставкой	8 —	5 —	4 —
съ пересылкой	9 —	5 —	4 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородныя доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранныя—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Прачешный переулкъ, 5.

